Кемеровский государственный
УНИВЕРСИТЕТ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР РОССИИ: ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПОИСКИ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ БАШКИРСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР РОССИИ: ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПОИСКИ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

Сборник материалов
Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию со дня рождения народного писателя Башкортостана З.Биишевой и 100-летию со дня рождения народного поэта Башкортостана Н.Наджми

г.Уфа, 12 апреля 2018 года

Уфа
РИЦ БашГУ
2018

УДК 811+811.512.1
ББК 81+81.2
А43

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, профессор **Г.С. Кунафин** (*отв. редактор*);
д-р филол. наук, профессор **Р.Б. Ахмадиев**;
д-р филол. наук, профессор **Г.Н. Гареева**;
д-р филол. наук, профессор **М.Х. Идельбаев**;
канд. филол. наук, доцент **Ф.Р. Салаватова** (*отв. секретарь*);
канд. филол. наук, доцент **З.Г. Мурзагулова**;
канд. филол. наук, доцент **Р.Д. Мустафина**;
канд. филол. наук, доцент **Ф.Ш. Сибагатов**;
канд. филол. наук, доцент **А.О. Хужахметов**;
канд. филол. наук, доцент **И.К. Янбаев**;
лаборант **Р.А. Гиндуллина**

А43 **Актуальные проблемы национальных литератур России: художественные поиски XX – начала XXI века:** материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию со дня рождения народного писателя Башкортостана З. Биишевой и 100-летию со дня рождения народного поэта Башкортостана Н. Наджми (г. Уфа, 12 апреля 2018 г.) / отв. редактор Г.С. Кунафин. – Уфа:РИЦ БашГУ, 2018.–308 с.
ISBN 978-5-7477-4622-0

В сборник включены материалы, посвященные изучению художественной культуры, языка и журналистики многонационального народа России и Башкортостана, а также творчества выдающихся башкирских поэтов, прозаиков и драматургов Зайнаб Биишевой и Назара Наджми.

Сборник адресован научным сотрудникам, преподавателям вузов, ссузов и средних общеобразовательных учреждений и всем тем, кто интересуется проблемами гуманитарных дисциплин.

УДК 811+811.512.1
ББК 81+81.2

ISBN 978-5-7477-4622-0

© БашГУ, 2018

РӘСӘЙ ФЕДЕРАЦИЯҺЫНЫҢ МӘҒАРИФ ҺӘМ ФӘН МИНИСТРЛЫҒЫ
БАШҠОРТОСТАН РЕСПУБЛИКАҺЫНЫҢ МӘҒАРИФ МИНИСТРЛЫҒЫ
БАШҠОРТ ДӘҮЛӘТ УНИВЕРСИТЕТЫ
БАШҠОРТ ФИЛОЛОҒИЯҺЫ ҺӘМ ЖУРНАЛИСТИКА ФАКУЛЬТЕТЫ

РӘСӘЙ МИЛЛИ ӘҘӘБИӘТТӘРЕНЕҢ АКТУАЛЬ ПРОБЛЕМАЛАРЫ: XX – XXI БЫУАТ БАШЫ ХУДОЖЕСТВО ӘҘЛӘНЕҮҘӘРЕ

БашҠортостандың халыҡ яҙыусыһы З.Биишеваның тыуыуына 110 һәм БашҠортостандың халыҡ шағиры Н.Нәжмиҙең тыуыуына 100 йыл тулыуға арналған Халыҡ-ара фәнни-ғәмәли конференцияһы
материалдары йыйынтығы

Өфө ҡалаһы, 12 апрель 2018 йыл

ӨФӨ
БДУ РНҮ
2018

УДК 811+811.512.1
ББК 81+81.2

Редакцион коллегия:

Ҡунафин Ғ.С., филология фәндәре докторы, профессор, БР ФА агза-корреспонденты, (яуаплы редактор)
Салауатова Ф.Р., филология фәндәре кандидаты, доцент (яуаплы сәркәтип)
Ғәрәева Ғ.Н., филология фәндәре докторы, профессор
Ғиндуллина Р.А., башҡорт әҙәбиәте, фольклоры һәм мәҙәниәте кафедраһы лаборанты
Иҙелбаев М.Х., филология фәндәре докторы, профессор
Мырҙағолова З.Ғ., филология фәндәре кандидаты, доцент
Мостафина Р.Д., филология фәндре кандидаты, доцент, БДУ-ның башҡорт филологияһы һәм журналистика факультеты деканының тәрбиә эштәре буйынса урынбаҫары
Сибәғәтов Ф.Ш., филология фәндәре кандидаты, доцент
Хужахмәтов А.О., филология фәндәре кандидаты, доцент, БДУ-ның башҡорт филологияһы һәм журналистика факультеты деканының фән эштәре буйынса урынбаҫары
Янбаев И.К., филология фәндәре кандидаты, доцент

РӘСӘЙ МИЛЛИ ӘҘӘБИӘТТӘРЕНЕҢ АКТУАЛЬ ПРОБЛЕМАЛАРЫ: XX – XXI БЫУАТ БАШЫ ХУДОЖЕСТВО ӘҘЛӘНЕҮҘӘРЕ: Халыҡ-ара фәнни-гәмәли конференцияһы материалдары йыйынтығы – Өфө, БДУ РНҮ, 2018. – 307 б.

ISBN

Йыйынтыҡта Башҡортостандың һәм Рәсәйҙең күп милләтле халыҡтарының әҙәбиәтенә, мәҙәниәтенә, теленә, журналистикаһына һәм шулай уҡ Зәйнәб Биишева һәм Назар Нәжми кеүек арҙаҡлы башҡорт шағирҙарының, прозаиктарының һәм драматургтарының ижадына арналған материалдар тупланды.

Конференция материалдары йыйынтығы ғилми хеҙмәткәрҙәрҙә, вуз, ссуз һәм урта дөйөм белем биреү учреждениелары уҡытыусыларына һәм ғуманитар фәндәр проблемалары менән ҡыҙыҡһыныусыларға тәғәйенләнә.

УДК 811+811.512.1
ББК 81+81.2

ISBN

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО РЕКТОРА БАШГУ Н.Д. МОРОЗКИНА

Уважаемые участники Международной научно-практической конференции!

В последние годы в Башкирском государственном университете стало доброй традицией проведение научно-практических конференций международного и всероссийского уровня, посвященных знаменательным датам выдающихся деятелей Башкортостана, чья научная и творческая деятельность тесно связана с нашим учебным заведением. Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы национальных литератур России: художественные поиски XX – начала XXI века», на которой мы присутствуем, посвящена 110-летию со дня рождения народного писателя Башкортостана Зайнаб Биишевой и 100-летию со дня рождения народного поэта Башкортостана Назара Наджми, выпускника нашего университета.

Лауреат Государственной республиканской премии имени Салавата Юлаева, прозаик, поэт, драматург и переводчик Зайнаб Абдулловна Биишева – уроженка Кугарчинского района Башкортостана – своим многогранным творчеством определила неоценимо высокую веху в духовной культуре башкирского и других тюркоязычных народов СССР, Ближнего и Дальнего зарубежья. Она первая женщина-писательница, создавшая эпическое произведение в форме трилогии.

Зайнаб Биишева – многоплановый писатель, плодотворно работающий в самых разных жанрах. С момента появления в свет первой книги «Мальчик-партизан» (1941) были изданы более 60 книг писательницы на языках народов России и мира. Её перу принадлежит сотни прозаических и стихотворных произведений для детей, юношества и старшего поколения, в их числе пьеса «Дружба», повести «Будем друзьями», «Канхылыу», «Странный человек», «Где ты, Гульниса?», «Думы, думы», «Любовь и ненависть», стихотворная повесть «Гульямал», поэма «Последний монолог Салавата» и др. Её драматические произведения «Волшебный курай», «Таинственный перстень», «Гульбадар», «Обет», «Зульхиза» с большим успехом шли не только на сцене Башкирского государственного академического театра драмы, но и на других театрах большой страны. Своей трилогией «К свету», включающей в себя романы «Униженные», «У Большого Ика», «Емеш», Зайнаб Биишева показала себя настоящим мастером слова, мастером эпического охвата действительности.

Выдающийся мастер слова, народный поэт Башкортостана Хабибназар Назмутдинович Назмутдинов – Назар Наджми в 1946 году закончил Башкирский государственный педагогический институт (нынешний Башкирский государственный университет). С этого времени участник Великой Отечественной войны целиком и полностью посвятил себя журналистике и литературному творчеству.

Творчество Назара Наджми вошло в золотую сокровищницу башкирской литературы. Он автор таких произведений, как «Мальчик, открывающий ворота», «Одиннадцать песен о друге», «Поэт и царь», "У колыбели", которые являются одними из высочайших достижений башкирской поэмы. Тема любви к родной земле сплетается в творчестве поэта с темой патриотизма. Раздумья о родной земле, о стране, о народном духе, о языке, о народных напевах – основа поэм "Иблис" и "Урал". Назар Наджми – признанный драматург, внесший заметный вклад в развитие национальной драматургии. Большой сценический успех выпал на пьесы "Весенняя песня", "Прощай, Хайруш", "Незваный гость", "У соседей – гость", "Друг-гармонист", "Дуга с колокольчиками" и др. В 1982 г. он был удостоен Государственной премии РСФСР имени М.Горького.

Уверен, что данная конференция придаст новый импульс для изучения богатого художественного наследия наших выдающихся писателей и поэтов, явится важным шагом на пути развития отечественной филологической науки и гуманитарного образования в целом.

Желаю успешной и плодотворной работы участникам конференции!

Абдрасимова (Диханбаева) А.Е.
Докторант 1-го курса, ЕНУ им.Л.Н.Гумилева,
факультета международных отношений
кафедры тюркологии,
Шаймерденова Н.Г.,
доктор филологических наук, профессор,
г.Астана, Республика Казахстан

ПИСЬМЕННОЕ НАСЛЕДИЕ ДЕШТ-И-КЫПЧАКА

Язык каждого этноса представляет собой живой организм, неразрывно связанный с его историей, культурой и социальной жизнью. Язык, по существу, является летописью жизни и многогранной деятельности людей в определенных исторических условиях. Именно знание этих двух условий и специфических особенностей культуры народа помогает по-настоящему понять и изучить не только язык, но и его культуру.

В замысловатой истории тюркских народов на территории Юго-Восточной Европы видное место занимает многоплеменной кыпчако-кумано-половецкий союз, прославившийся под именем кыпчаков и давший степи от Алтая до Дуная имя Дешт-и-Кыпчак. Представителей этого могущественного союза, вследствие известной исторической экстраполяции, позже всех вместе наименовали еще и татарами. Кыпчаки сыграли важную роль в истории народов Евразийского материка в XI-XV веках. Они принимали активнейшее участие во всех крупных событиях мирового значения, происходивших на широких просторах от Балканского полуострова до Китая, от Египта и Индии до Руси и Сибири. В Византии и Венгрии их назвали команами, в Русских землях - половцами, в тюркоязычной среде - кыпчаками. В эпоху средневековья этот народ не только был известен всему цивилизованному человечеству, но и, благодаря своей особой исторической активности, оставил след в этногенезе и культуре всех народов, взаимодействовавших между собой в центре Евразии [1].

Язык господствовавших вплоть до Египта кыпчаков-куманов-половцев в XI-XVII веках зафиксирован не только глоссами арабских, персидских, греческих, латинских, древнерусских и иных памятников, но и кыпчакскими реликвиями.

До сих пор наиболее известным памятником кыпчакского письма был "Codex Comanicus" XIII века, хранящийся в Венеции, в церкви Святого Марка. Говорят, что этот словарь на пяти языках с множеством древних тюркских загадок держал в руках и изучал сам великий поэт эпохи Возрождения Франческо Петрарка.

Приоритет в исследовании кыпчакской письменности принадлежит Агатангелу Крымскому, академику, филологу-востоковеду первой половины прошлого века. Он начал изучать кыпчакское письмо еще в 1894 году, когда его, молодого ученого, пригласили исследовать странные тексты, составленные армянами г. Каменец-Подольский в XVI -XVII веках армянским письмом на непонятном для армян языке. Этот непонятный язык оказался тюркским и, как мы сейчас знаем, кыпчакским. В архиве Каменец-Подольского суда хранились 32 книги - преимущественно протоколы армянского суда, но были среди них и религиозные тексты, летописи и другая литература.

По определению А.Гаркавца, в армяно-кипчакское письменное наследие входит следующая группа литературы: исторические хроники, правовые кодексы и актовые документы, филологические труды, культовая (религиозная) литература, естественно-научные сочинения, светская художественная литература.

Также очень много письменных памятников, написанных кыпчаками-мамлюками: «Китаб аль-Идрак ли-лисан аль-атрак», «Терджуман тюрки уа гараби», «Китаб ад-дурра аль-мудийа филлугат ат-туркйиа», «Ат-тухфат аз-закия филлугат ат-тюркия», «Китаб булгату ал-муштак фил лугати ат-туркия ва-л кыфчак» Абу Хайиана, «Китаб Булгат аль-муштак фи-лугат ат-турк» Жамалладина ат-Турки, «Ашшудур ад-дахабия уа-л-кита аль-ахмадия лугат ат-тюркия» Молла ибн Салиха, а также словари различных жанров, которые еще мало изучены. Также ученые не раз доказывали, что язык таких произведений, как «Мухаббат-намэ» Хорезми, «Гулистан би-тюрки» Сайф Сарая, «Хусырау-Шырын» Кутуба, «Нахдж аль-Фарадис» Махмуда бин-Али, которые были написаны на территории государства Золотая Орда, является кладезем с преимущественным наличием в нем элементов огузско-кипчакского языка [2].

Также существует работа более позднего периода, немецкого ученого А.Меркса, который в своей работе предоставляет 355 кыпчакских пословиц, написанных при использовании армянской графики, и работа которого была переведена на турецкий язык З.Каймазом [3].

Давно замечено, что мудрость и дух народа проявляются в его пословицах и поговорках, а знание пословиц и поговорок того или иного народа способствует не только лучшему знанию языка, но и лучшему пониманию образа мыслей и характера народа. В пословицах и поговорках отражен богатый исторический опыт народа, представления, связанные с трудовой деятельностью, бытом и культурой людей. Правильное и уместное использование пословиц и поговорок придает речи неповторимое своеобразие и особую выразительность. В процессе межкультурной коммуникации довольно часто обнаруживаются значительные различия в восприятии одних и тех же ценностей представителями разных культур. Исследуя и анализируя письменные материалы, из огромного числа разнообразных ценностей можно выделить небольшую группу таких ценностей, которые у всех народов совпадают как по характеру оценок, так и по содержанию. Такого рода ценности получили название универсальных или общечеловеческих.

Необходимо различать три типа общечеловеческих ценностей: 1) общелюдские ценности; 2) ценности человечества; 3) общегосударственные ценности. Общелюдские ценности включают в себя жизнь, здоровье, благо, творчество, истина, прекрасное, справедливость, счастье. К ценностям человечества относится система самых важных факторов для его существования и прогресса: существование и развитие человечества, воздух, вода, почва, флора и фауна, полезные ископаемые, энергия. Общегосударственные ценности - это безопасность страны, экономика, духовная культура, медицина, быт, наука, образование и воспитание, порядок внутри страны. Пословицы и поговорки, являясь неотъемлемым атрибутом народного фольклора, и в свою очередь, атрибутом культуры данного народа, несут в себе отражение жизни той нации, к которой они принадлежат, это образ мыслей и характер народа. Пословицы и поговорки многообразны, они находятся как бы вне временного пространства. Действительно, в какое бы время мы не жили, пословицы, и поговорки всегда останутся актуальными, приходящимися всегда к месту.

Современная наука рассматривает значение как важнейшую составную часть языка, один из его непременных ингредиентов. Выражение и восприятие смысла представляют, по существу, главную и конечную цель любого языка, обеспечивают его важнейшую функцию - коммуникативную. В отличие от плана выражения языка (внешней формы) план содержания (значение, внутренняя форма) как бы непосредственно обращен к человеку и поэтому долгое время оставался без должного внимания. Значение рассматривалось лингвистами и в силу его психической природы как нечто "само собою разумеющееся", а если и изучалось, то "попутно", в связи с описанием словаря и грамматики.

Решительный поворот в сторону семантики в различных направлениях и школах современного языкознания - одно из ярких свидетельств актуальности изучения смысловой структуры языка. За последние годы заметно возрос интерес к общим вопросам семантики, а также к семантическому анализу лексики, морфологических категорий, словообразовательных и синтаксических структур, категорий поэтического языка [4].

Анализ речевой деятельности и ее "фиксированных продуктов" (текстов) является для исследователя единственной лингвистической реальностью, источником изучения смысловой структуры языка. Л.В.Щерба определял речевую деятельность как процессы говорения и понимания, т.е. порождения и восприятия речи: "...все формы слов и все сочетания слов нормально создаются нами в процессе речи, в результате весьма сложной игры сложного речевого механизма человека в условиях конкретной обстановки данного момента".

Речевая деятельность несмотря на ее осуществление в отдельных индивидуумах, является социальным продуктом; она становится возможной и осуществляется благодаря наличию языковой системы. Поэтому факты языка ("языковые величины") должны выводиться лишь из процессов говорения и понимания как их результат, т.е. из "языкового материала", под которым понимается уже не деятельность отдельных индивидуумов, а "савокупность всего говоримого и понимаемого в определнной конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы, для нас, это этносы, жившие в XI-XV века. На языке лингвистов это "тексты"…; в представлении старого филолога это "литература, рукописи, книги"".

Таким образом, непосредственному наблюдению и исследованию лингвистов доступны только процессы говорения и понимания (речевая деятельность, речь) и их "результаты" (языковой материал, тексты); причем языковой материал (тексты) невозможно осмыслить без понимания, интерпретации, т.е. вне речевой деятельности. Что же касается языковой системы, то ее приходиться моделировать на основе языкового материала, опытных данных. Язык (языковая система) - это то, что объективно заложено в данном языковом материале и что проявляется в индивидуальных речевых системах, возникающих под влиянием этого языкового материала **[5]**.

Важно подчеркнуть, что системность в языке, особенно в лексике, может быть как очевидной, непосредственно наблюдаемой, так и уходить своими корнями в "глубину" языка, т.е. обнаруживаться на определенном уровне абстракции, проявляться в глубинной структуре языка. Изучение законов развития смысловой стороны слов и выражений того или иного языка в связи с развитием этого языка, в связи с историей соответствующего народа должно быть органической частью общей истории данного языка. В этой мало исследованной области языкознания перед лингвистами открывается множество неотложных проблем и задач. Важнейшие из них - создание исторических словарей языков с давней письменностью и построение описательных, исторических и сравнительно-исторических лексикологий разных языков. Начало движения в этом направление - составление точных, адекватных языковой действительности толковых словарей современных языков.

Акад. Л.В. Щерба в своем "Опыте общей теории лексикографии", говоря о повсеместном отсутствии хороших исторических словарей, заметил: "Историческим в полном смысле этого термина был бы такой словарь, который давал бы историю всех слов на протяжении определенного отрезка времени, начиная с той или иной определенной даты или эпохи, причем указывалось бы не только возникновение новых слов и новых значений, но и их отмирание, а также их видоизменение... Вопрос осложняется еще тем, что слова каждого языка образуют систему... и изменения их значений вполне понятны только внутри такой системы; следовательно, исторический словарь должен отражать последовательные изменения системы в целом. Как это сделать, однако - неизвестно, так как самый вопрос как будто еще не ставился во весь рост" [6].

Литература

1. С.М.Ахинжанов, Кыпчаки в истории Средневекового Казахстана. – Алматы: Гылым, 1995, - 4с.
2. Demirci Lale, Cumhuriyetin 80. Yılmda Türkiyede Memlük-Kıpçak Türkçesi çalışmaları
3. A.Merx Turkische Sprichwörter Ins Deutsche Übersetz Von.- Venedik: 1877,- 83 p.
4. Л.А.Новиков, Семантика русского языка. - Москва: Высшая школа, 1982, - 5 с.
5. Л.В.Щерба, Языковая система и речевая деятельность. - Ленинград: 1974, - С. 25-28
6. Л.В. Щерба, Опыт общей теории лексикографии.- "Изд. АН СССР, ОЛЯ", 1940, - № 3, С. 117

© Абдрасимова (Диханбаева) А.Е., Шаймерденова Н.Г., 2018

Абрамов В.К.,
доктор исторических наук, профессор,
г. Саранск, Республика Мордовия

МОРДОВСКО-РУССКИЙ БИЛИНГВИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ КУЗЬМЫ АБРАМОВА
(исторический аспект)

Народный писатель Мордовии К.Г. Абрамов родился в русско-мордовской семье — его мать была русская, а отец мордвин. Оба языка он осваивал одновременно, что наложило своеобразное влияние на его творчество, когда он профессионально занялся литературным трудом. Его первые опыты как у многих других начинающих писателей были стихотворными, причем изобиловали большим количеством русских слов, даже в тех случаях, когда имелись их мордовские аналоги и наоборот. К.Г. Абрамов постоянно редактировал, в этом смысле, свои произведения [1, с. 5-9]. Но, следует подчеркнуть: как, ни странно, а скорее всего именно вследствие такого билингвизма, он тонко чувствовал различие этих языков и никогда не переходил в своих произведениях, написанных по мордовски, на официально принятый в конце 1930-х гг. мордовской филологией и прессой русифицированный синтаксис, что отражено во многих исследованиях специалистов [7, с. 252-262; 8, с. 11-17] и др. Близость его языка к живым народным говорам в немалой степени способствовала популярности книг писателя.

Освоению, давно разработанного литературного русского языка, ему помогало постоянное изучение произведений великой русской литературы, к чему он пристрастился с детства. В немалой степени этому также способствовала учеба на отделении русского языка и литературы и работа в Мордовском педагогическом институте, где одним из преподавателей был выдающийся филолог М.М. Бахтин, с которым у К.Г. Абрамова сложились дружеские отношения. После окончания института долгое время он работал учителем русского языка и литературы. Возможно вследствие этого свои первые прозаические произведения — рассказы он написал, а позднее

опубликовал на русском языке. Их профессиональный уровень был достаточно высок, о чем свидетельствует принятие к публикации его рассказов в солидное московское издательство «Советская Россия», буквально через год-два после издания его первого русского сборника в Саранске [3, 4].

Но своей первой большой удачей писатель считал роман «Найман» (название села), написанный именно по мордовски. К этому он пришел не сразу. Его первыми произведениями на этом языке стали стихи [6]. Здесь языковая ситуация была намного сложнее. С начала XX в., литературная форма этого языка только продолжала разрабатываться. Причем разрабатывалась она для единого мордовского языка, а не для его эрзянского или мокшанского наречий: в то время все известные филологи считали их именно наречиями единого языка. Кроме того, по оценке специалистов в самих этих наречиях, существовало несколько диалектов: в эрзянском – пять [9, с. 10], в мокшанском, по различным оценкам, три-четыре [11, с. 19-31], говоров же были десятки. Такая разобщенность была вызвана недостаточной исторической консолидацией мордовских племен, обитавших в рамках различных княжеств и на обширной территории, а после присоединения к России — дисперсностью расселения мордвы в русском языковом пространстве. В последующие столетия мордовский язык развивался лишь на бытовом уровне, в рамках отдельных сел, в крайнем случае, волостей, что приводило его к консервации и усилению центробежных тенденций, а научным изучением занимались отдельные любители или немногочисленные священники, пытавшиеся приспособить его к практическим целям христианизации. Во второй половине XIX в. положение стало улучшаться, открытие школ в мордовских селах потребовало издания адаптированных букварей и учебников, что в свою очередь привело к необходимости разработки норм литературного языка. Этим занялись лингвисты-профессионалы и среди них крупнейший мордовский просветитель М.Е. Евсевьев, считавший мордовский язык общим для эрзян и мокшан, но учитывавший наличие в нем двух «наречий» и десятков говоров.

С образованием Мордовской автономии в 1930 г. условия развития родного языка еще более улучшились: расширяется система национального школьного образования, создаются: Мордовское государственное издательство, Научно-исследовательский институт мордовской культуры и т.д. Начинаются научные исследования, по мордовскому языку проходят три конференции. Ведущие мордовские филологи, в частности эрзяне А.П. Рябов и И.С. Сибиряк (Поздяев), мокшанин

Ф.И. Петербургский и др. в эти годы поддерживали тенденцию к сближению эрзянского и мокшанского наречий и созданию в перспективе единого литературного языка путем объединения лексики эрзян и мокшан («перемещение слов»). Другие (И.И. Куликов и др.) настаивали на их параллельном сосуществовании. Известно, что с подобной проблемой тогда сталкивались все финно-угорские и другие народы России и почти все они стали формировать единые литературные языки. Однако в Мордовии во второй половине 1930-х гг. всем сторонникам единого языка был приклеен ярлык «буржуазных националистов», что, как правило, означало смерть или длительное тюремное заключение. В таких условиях 4 языковая конференция, проведенная в Саранске в марте 1938 г. утвердила разделение мокшанского и эрзянского «литературных языков» [10, с. 7-8]. За основу эрзя-мордовского языка был взят диалект, весьма близкий к говору К.Г. Абрамова, в связи с чем писателю пришлось переучиваться только в сфере транскрипции, новых правил написания тех или иных слов. Здесь большой удачей для него явились занятия под руководством прекрасного знатока эрзя-мордовского языка Н.Ф. Цыганова, который вскоре рекомендовал его на должность заведующего кабинетом мордовского языка. Учеба под руководством опытных наставников, упорная самостоятельная работа принесли свои результаты и уже с середины 1950-х годов из под пера писателя выходят зрелые произведения. С этого времени начинается этап творчества того Кузьмы Абрамова, произведения которого хорошо известны в Мордовии и за её пределами.

Еще одна серьезная проблема заключалась в том, что мордовский язык, весьма богатый в бытовой сфере, был слабо развит в технической, социально-политической и некоторых других областях. После репрессий 1930-х гг. и соответствующих обвинений многих филологов в национализме таким развитием, мало кто занимался, и в мордовский лексикон просто включались соответствующие русифицированные термины. Писатель работал и в этой области и на склоне лет даже выпустил толковый словарь эрзя-мордовского языка[2], в котором попытался так сказать омордвинить ряд наиболее распространенных специальных терминов. Но в тех случаях, когда это выглядело искусственно, он возвращался к русскому языку. Так, заключительную книгу трилогии

о великом мордовском скульпторе С.Д. Эрьзе, которая буквально «пропитана» искусствоведческими определениями и терминами он вынужден был написать по русски, потому что, мордовский язык в этой сфере пока разработан недостаточно[5].

В последние годы жизни К.Г. Абрамов работал над развитием обоих своих родных лексиконов. Особенно корректировал ранние произведения, написанные на мордовском языке, с целью усовершенствования их автохтонности. В настоящее время Мордовское книжное издательство выпускает полное собрание сочинений писателя на эрзя-мордовском языке в 12 томах, в которые включен ряд романов, повестей и рассказов в новой редакции. В него также помещены произведения, написанные и ранее изданные только на русском языке. Таким образом, билингвизм писателя позволил ему значительно расширить инструментарий своего творчества и непосредственно донести свои произведения, как до мордовского, так и до русского читателя.

Литература

1. Абрамов, В.К. О Кузьме Григорьевиче Абрамове / В.К. Абрамов // Международная научно-практическая конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Народного писателя Мордовии К.Г. Абрамова, 18–19 нояб. 2014 г. : [материалы] / редколл. Е. А. Жиндеева (отв. ред.) [и др.]. – Саранск, 2014. – 330 с.
2. Абрамов, К.Г. Валонь ёвтнема валкс / К.Г. Абрамов. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2002. – 600 с.
3. Абрамов, К.Г. Рассказы / К.Г. Абрамов. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1959. – 80 с.
4. Абрамов, К.Г. Русые косы: рассказы / К.Г. Абрамов. – М.: Советская Россия, 1961. – 56 с.
5. Абрамов, К.Г. Степан Эрьзя. В 2 т. Т. 2 / К.Г. Абрамов. – М.: Советская Россия, 1981. – 384 с.
6. Абрамов, К.Г. Стихть / К.Г. Абрамов. – Саранск: Мордгиз, 1940. – 64 с.
7. Водясова, Л.П. Лингвистические сигналы начала и конца сложного синтаксического целого в прозе К.Г. Абрамова / Л.П. Водясова, Т.В. Уткина. – Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2013. – №11.
8. Водясова, Л.П. Специфика сложного синтаксического целого с цепной связью в прозе К.Г. Абрамова / Л.П. Водясова // Филология и литературоведение. – 2014. – №10(37).
9. Ермушкин Г.И. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам. – М., 1984. –141 с.
10. Морфология, орфография и грамматическая терминология эрзянского и мокшанского языков: материалы 4 языковой конференции. – Саранск, 1938. – 108 с.
11. Черапкин, И.Г. Диалекты мордвы-мокши б. Пензенской губ./ И.Г. Черапкин // Учен. зап. / Сарат. ун-т. 1930. – Т. 8. – Вып. 30. – С. 19-31.

©Абрамов В.К., 2018

Акилова М.Ф.,
к.ф.н., ст.препод.
БашГУ, г. Уфа, Республика Башкортостан

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА И ЯЗЫКА ОРХОНО-ЕНИСЕЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ, СВЯЗАННЫЕ С ЖИВОТНЫМ МИРОМ

Ученые уделили внимание специальному исследованию отношений между языком древнетюркских памятников и современными тюркскими языками. Изучена историческая фонетика, морфология, лексика текстов орхоно-енисейских памятников. Проведен сравнительный анализ лексических, фонетических, грамматических, семантических особенностей памятников древнетюркской письменности и современных тюркских языков. Проблема исторической связи орхоно-енисейской письменности с башкирским языком затрагивается в трудах башкирских ученых А.М. Азнабаева, М.А. Ахметова, А.Г. Биишева, И.Г. Галяутдинова, Э.Ф. Ишбердина, Дж.Г. Киекбаева, В.Ш. Псянчина, З.Г. Ураксина, З.А. Хабибуллиной, Р.Х. Халиковой, и др. Результаты исследований этих авторов раскрывают влияние древних письменных наследий на формирование башкирского языка. Однако научные труды, в которых исследуется историческая взаимосвязь древних письменных наследий с лексикой башкирского языка, а также когнитологические аспекты лексических взаимосвязей башкирского языка и языка памятников орхоно-енисейской письменности практически отсутствуют. Современные формы лексики в

литературных языках не появились в одно мгновение. Процесс формирования этих явлений был длительным и сложным. Изучение истории каждого языка – это не только история этимологий, это еще и участие ее в истории языка и общества. Изучение лексического богатства каждого языка очень важно, так как слово является доказательством и свидетельством жизни народа, его мировоззренческого наследия. Слова образуют систему понятий народа. Чем разнообразнее и шире набор слов, тем полнее они отражают жизнь, уровень его мышления.

В последние годы заметно вырос интерес к изучению древнетюркских памятников. Языковедам и историкам удалось проанализировать большое количество памятников древнетюркской культуры, выявить материалы культуры древних тюрок в музеях, архивах и публикациях прошлых десятилетий, обобщить и систематизировать результаты изучения памятников древнетюркской письменности. Были написаны научные труды, исследования, кандидатские и докторские диссертации, в которых исследуется древнетюркская письменность.

Семантические изменения в языке на протяжении длительного времени являются одним из важных источников развития словарного состава любого языка. В языке находит свое отражение материальная и духовная жизнь человека. Среди семантических изменений, которым подверглись древнетюркские слова в башкирском языке характерно расширение и сужение значений.

1. В орхоно-енисейских памятниках много лексем, связанных с животными и птицами. Например, слово **qudruq** – ҡойроҡ – «хвост»: Tïğ at **qudruqïn** tügüp tügrät (ThsII 76). – Етеҙ аттыц **ҡойроҡ**он бәйләп, елдәй елергә мөмкинлек бир. – «Дай возможность нестись как ветер, подвязав хвост быстрой лошади». Башкирское слово**ҡойроҡ** (ҡойрого) – «хвост». а) задняя выпирающая (торчащая) часть тела животных и насекомых; б) задняя часть многих конструкций; в) перен. Человек, который не отставая ходит по пятам [5, с. 211].

2. Слово **tujuq** – тояҡ –«копыто» в памятниках орхоно-енисейской письменности: Altun **tujuqluq** at (ThS 7). – Алтын **тояҡ**лы ат. – «Лошадь с золотыми копытами».

В «Толковом словаре современного башкирского языка» **тояҡ** а) твердое роговое образование на концах ног копытных животных; б) (либо подошва санок – полозья; б)деревянная балка, соединяющая полозья санок с основанием; в) женское украшение, собранное из бусин с монистами на концах [5, с. 391].

2. Лексема **at** – ат – «лошадь»: 1. Kültigin alp atun binipal (jutäg) di, ol **at** anta tüsdizgil budun oltï (КТб. 44). – Көлтәгин алп атына менеп, һөжүмгә ташланды, ат йыгылды. – «Культегин вскочил на коня и бросился в бой (нападение), конь пал». 2. Äki ülügi **atluğ** (Тон. 4). – Ике яҡтан **ат**лылар. – «В обеих частях были кони». 3. Ötüntümsü joritdïm **atlat** tidim (Тон. 25). – Әйҙәгеҙ, аттарга ултырайыҡ, – тинем. – «Давайте оседлаем коней», сказал я». В башкирском языке **ат** – «крупное домашнее животное, парнокопытное, с длинными волосами на хвосте, с гривой, лошадь, конь»: Рыжий конь (Ерән ат). Вороной конь (ҡара ат). Ломовая лошадь (Йөк аты). Верховая лошадь (Менге ат). Рабочая лошадь (Эш аты) [5, с.34]. **Ат** в башкирской мифологии означает божество, тотем, прародителя. Он оберегает от злых сил, отпугивает нечистую силу, видит смерть и нечистую силу; чудесный помощник героя. У древних кочевников конь сопровождал мужчин на тот свет; жертвенное животное у древних тюрков и башкир. Со дна озера конь Акбузат выводит для башкир хороших лошадей [12, с. 35].

3. В башкирском языке **бүре** «волк» соответствует лексеме **böri** языка орхоно-енисейской письменности: Täŋri küč birtü küčün qaŋum qağan süsi **bori** täg ärmiš (КТб. 12). – Тәцрем көс биргәне өсөн, атам-ҡаган гәскәре **бүре**ләй икән – «Потому как Тенгре дает силу, войска кагана сильны как волки». В башкирском языке значение слова **бүре** «волк»: а) хищное животное из семейства псовых. Волк (Ата бүре). Волчье логово (Бүре өцө). Волчья охота (Бүре һунары); б) в значении прилагательного: что-то, сшитое из волчьей шкуры. Волчий тулуп (Бүре толоп). Волчий воротник (Бүре яга) [5, с. 34]. В башкирском языке есть такие антропонимы Бүре, Бүребай, Байбүре, Башбүре, Бүрекәй, Бүреҡарауыл, Бүреле, Бүребаҫҡан, Бүреҡаҙган, Бүрехан. В турецком, туркменском, азербайджанском языках, относящихся к огузской группе тюркских языков, до сих пор слова корт, курт употребляется в значении «волк». В мифических преданиях, легендах и сказках, а также в поверьях, обычаях, обрядах башкир волк выступает как тотемический предок, прародитель, покровитель. В основе таких мотивов лежат древнейшие представления людей о тождестве человека и животного, возможности их взаимопревращения. Такие взгляды башкир нашли свое выражение в фольклорных источниках. В одном из вариантов эпоса «Урал-батыр» имеется сюжет о том, как Шульган, старший брат Урала, стремясь стать могучим батыром, по совету змеи-юхи в облике красивой женщины, выпивает из бурдюка глоток крови хищного зверя, нарушив запрет отца, и в тот же миг превращается в волка.

4. В орхоно-енисейской письменности часто встречается слово **adğïr** – айгыр – «жеребец»: Ol tägdüktä Bajïrqunïŋ aq **adğïr**ïğ udlïqïnsï jurtï (КТб. 36). – Ул был бәрелештә Байырҡанан аҡ **айғырҙың** аягын һындыра һуҡты. – «В этом столкновении он ударом сломал ногу белого жеребца Баирки». В башкирском языке айгыр – некастрированный конь. Вожак табуна (Өйөр айгыры). Племенной жеребец (Тоҡом айгыры). Необъезженный жеребец (Аҙау (аҫау) айгыр) [5, с. 19]. В монгольском языке эта лексема звучит как азрага, на эвенкском – адырга. В башкирском народном эпосе «Урал-батыр» антропоним Әзрәҡә «Азрака», т.е. «властилин». Азрака – падишах подземного царства. Урал-Батыр сражался со злыми дивами и их предводителем Азракой. В бою встретился со своим братом Шульган. Он сражался для того, чтобы люди были счастливы, не знали бед, чтобы горе и смерть навсегда покинули землю.

5. **Bars** – барыс, юлбарыҫ – «барс»: **Barsiq** ölürmadïın. – Мин **барыс**тарҙы үлтермәнем. – «Я не убивал барсов». В башкирском языке барыс, юлбарыҫ – хищное животное из семейства кошачьих, имеет окраску меха темно-желтого цвета с небольшими пятнами [5, с. 45].

6. Слово **iğnäk** – һыйыр – «корова» в древнетюркских памятниках, употребляется в значении апеллятива. **İğnäk** külükin toğlada oğuz kelti (Тон. 15). – Угыҙҙар бер көтөү һыйыр килтерҙе. – «Подошло огузское войско со стадом коров». Это слово в литературном башкирском языке не употребляется, а только в говорах давольно активно в форме инәк. В иргизском говоре башкирского языка для обозначения коровы параллельно с литературным употребляется и инәк. В гидронимах Инәк – «Иняк» (река в Бирском районе), Энәк – «Иняк» (река в Кугарчинском и Зианчуринском районах), Һыуэнәк– «Суваняк» (река в Бурзянском районе). Однако, нам ближе семантика в инәк в тополексемах как инеш – 1) река, 2) родник, родниковый. Корень инәк – ицәк встречается в древнетюркском языке. Например, в словаре М. Кашгари *іңәк* имеет значение «самка черепахи». В башкирском языке для передачизначения «самка» используется слово «инә», по отношению гуся в говорах – шешәк. А.М. Щербак предполагает, что корень слова *инәк* в значении «ана, шеше» – «мать» нужно рассматривать во взаимосвязи со словом *инә, әне [10, с.11–13]*.

7. **Torïğ** – туры – «гнедой (лошадь)»: Üčinč Jägin Silig bägin kädiinlïg **torïğ** at binip tägdi (КТб .33). – Өсөнсө тапҡыр Йәгин Силиктен **туры** атына менеп сапты. – «В третий раз Ягин вскочил на гнедого Силик-бека и ринулся». В башкирском языке **туры** употребляется для обозначения: – а)масти лошадей: коричнево-красный корпус, грива и хвост – черные. Черный гнедой – темно-гнедая (Ҡара туры). Красный гнедой – караковая (Ҡыҙыл туры). Гнедой конь (Туры ат); б) в значении существительного:лошадь названного цвета. Также нужно отметить, что в орхоно-енисейских памятниках заметное место занимают топонимы, образованные с помощью наименований, относящиеся к животным. Такие топонимы отражают животный мир целом: jïlan köl, ingäk köläk и тд [сравн.: 7, с. 120] .

Обобщая, можно сделать вывод, что сравнительно-сопоставительное изучение лексем, обозначающих животный мир, показывает, что часть древнетюркских слов в башкирском языке не подверглась фонетическим изменениям.

Таким образом, лексемы, обозначающие терминов родства в башкирском языке как древнейший исторический пласт. В системе родства отражены традиции брачных и родственных отношений древних тюрков. Использовались специальные термины для обозначения степени родства. Они показывают принадлежность этих лиц к старшей или младшей группе и пола.

Литература

1. Акилова М.Ф. Некоторые следы языка орхоно-енисейских памятников в современном башкирском и других тюркских языках, на материале названий относящихся к природе / М.Ф.Акилова //Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 1277.

2. Акилова М.Ф. Влияние языка орхоно-енисейской письменности на лексику башкирского языка / М.Ф.Акилова // Искусство и образование. – 2008. – № 8. – С. 44-49.

3. Акилова М.Ф. Некоторые слова из орхоно-енисейских памятников, относящиеся к устойчивой лексике, и их отражение в башкирском языке / М.Ф.Акилова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1; url: http://www.science-education.ru/125-19841 (дата обращения: 22.06.2015).

4. Башҡорт һөйләштәренец һүҙлеге. Өс томда. 2 том / Ред. Н.Х. Максютова. – Өфө: Полиграф комбинаты, 1970. – 326 б.

5. Башҡорт теленец һүҙлеге. Ике томда. 1 том / Ред. А.Г. Биишев, З.К. Ишмөхәмәтов, З.Г. Ураҡсин, У.М. Яруллина. – М.: Русский язык, 1993. – 862 б.

6. 213. Башҡорт теленец һүҙлеге. Ике томда. 2 том / Ред. А.Г. Биишев, З.К. Ишмөхәмәтов, З.Г. Ураҡсин, У.М. Яруллина. – М.: Русский язык, 1993. – 816 б.

7. Тенишев Э.Р. Избранные труды / Э.Р. Тенишев. Книга первая. – Уфа: Гилем, 2006. – 304 с.

8. Наханова Л.А. Историко-семантическая интерпретация топонимов в орхоно-енисейских памятниках / Л.А. Наханова: Дисс... докт. филос. наук (PhD). – Астана, 2014. – 185 с.

9. Щербак А.М. Тюркская руника. Происхождение древнейшей письменности тюрок, границы ее распространения и особенности использования / А.М. Щербак. – СПб.:Институт лингвистических исследований РАН, 2001. – С. 152.

10. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков : (Глагол) / А. М. Щербак. – Л.: Наука, 1981. – 183 с.

11. Бурыкин А.А. Термины родства как объект лингвистического анализа: (круг проблем и аспекты исследования) / А.А. Бурыкин // Алгебра родства. Родство, системы родства. Системы терминов родства. – СПб.: МАЭ РАН, 1998. Вып. 2. – С.76–88.

12. Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка / Ф.Г. Хисамитдинова. – М.: Наука, 2010. – 452 с.

13. Шайхисламова З.Ф. Топонимия северо-востока Башкортостана (историко-лингвистический анализ) / З.Ф. Шайхисламова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. – 212 с.

14. Шайхисламова З.Ф. Вербализация пространственных отношений в башкирском языке как отражение этнокуль-турного сознания башкирского народа // Востоковедение в России: история, современность и перспективы: материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции. Уфа, РИЦ БашГУ, 2013. С. 347–354

15. Шайхисламова З.Ф. Некоторые аспекты этнолингвистической интерпретации лексических единиц тау, таш в башкирском языке // Вестник Башкирского государственного университета. 2014. Т. 19. № 4. С. 1480-1488.

© Акилова М.Ф., 2018

Алдырханова-Каримова А.Р.,
учитель башкирского языка и литературы Сибайской гимназии-интерната
г.Сибай, Республика Башкортостан

ОБРАЗЦЫ МАГИЧЕСКОГО ФОЛЬКЛОРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ З. БИИШЕВОЙ

В произведениях башкирских писателей есть много примеров, связанных с магическим фольклором, как, например, яркими образцами являются произведения с глубоким содержанием башкирской писательницы Зайнаб Биишевой. Видный исследователь национальных литератур Павел Наумович Берков, оценивая творчество писательницы, в свое время сказал ей: "Поверьте мне, прочитав "Униженных", я получил больше представлений о жизни, быте, народном творчестве башкир дореволюционного времени, чем от чтения множества этнографических и исторических работ. Сказки бабушки Сыуакай, пословицы, песни, поверья - все это так ярко, так запоминается, так помогает понять не только быт, но и то, что называется внутренним миром башкирского народа, что уже одно только это заставляет высоко оценить ваш роман…" [1, 179] Источником творчества писательницы является богатое фольклорное наследие. Почти во всех жанрах произведений З.Биишевой имеют место образцы магического фольклора. Включаясь в художественную ткань произведения, они усиливают национальный колорит, эмоциональное звучание, способствуют созданию наиболее полной картины традиционной культуры башкир.

I. Свадебные обряды

Байгилде сосватали вдову по имени Сарбиямал [2, 42] Сыуакай – опытная повивальная бабка. Башкиры для создания счастливой семьи исследовали семь поколений родственников как со стороны жениха, так и со стороны невесты и для воссоединения молодых к ним отправляли сватов. В их задачи входило похвала, прославление жениха, таким образом, сваты должны были обладать красноречием, силой слова, убеждением.

II . Из обрядов, посвященных природе, нашли отражение такие, как обряды инсценирования дождя. Если долгое время не было дождя, начиналась засуха, проводили обряд вызывания дождя, совершали жертвоприношениями, произносили пожеланиями. По поверьям, »виновниками» засухи могут являться грешники, птицы, животные, или же неупокоенные (не захороненные) тела. В произведениях З.Биишевой «Кәмһетелгәндәр», «Емеш» нашли отражение суеверия, приметы, отмечается ирония по поводу несуразности народной магии: «Люди в слезах вымаливали у аллаха дождя, приносили в жертву овец, угощая порой последним бараном муллу Ахмадуллу. Не помогали и брошенные в Большой Ик семьдесят черных камешков, заговоренных муллой за большое подношение,

- дождя не было. Кто-то пустил слух, что во всем виноваты куры, у которых под крыльями нет пуха, торчит лишь розовая кожа. Оказывается, они своими крыльями разгоняют облака, не давая им пролиться на землю дождем! Надо скорее переловить всех зловредных кур и отдать мулле. Он окропит их, свернет им шеи и ночью утопит в реке. Тогда-то и пойдут дожди!» [2,28]

В произведения включены образцы закличек дождя. «Из домов повыскакивали дети и с визгом стали носиться по улице, прося дождя.

- Ямгыр, яу, яу! Дождик, лей, лей!
Ашлыҡ, үç, үç! Урожай расти быстрей!
Илгə бир, илгə бир! Миру дай, миру лей!
Илдəн күберəк беҙгə бир! На меня и на людей!

пели одни, им вторили другие:

- Ямгырым, яу, яуып тор, Дождик, лей! Дождик, лей!
Мискə менəн ташып тор, Бочки полные кати,
Күнəк менəн койоп тор, Полной ведрами поливай,
Игендəрҙе үçтереп, Урожаю дай расти,
Илгə икмəк биреп тор! Дай же хлебу подрасти!» [2, 34]

III. Древние суеверия (предрассудки), обряды межевания. Вера в таинственные сущности.

В драматической поэме «Волшебный курай» описывается символ зла – образ Юхи. Персонаж произведения -Иремель батыр дает ему такое пояснение:

«Юха – лукавая сущность! Из рода змей. Пожилые говорят: «……маленькая черная змея прячется в болоте и, вырастая, становится драконом. Если проживет в болоте около двухсот лет, то этот дракон превращается в Юху и, обернувшись человеком, выходит к людям» [5, 170].

Как известно, Юха сильна только живя в болоте, а на свету погибает. Её магическая сила- в умении перевоплощаться, в коварстве, хитрости.

В уста Киньябая вкладывает тайны познания земли: «Отец говорил: «В земле-матушке есть одна удивительно магическая сила. Только познавший её батыр сумеет определить (различить) Юху». Батыр обращается к Земле-матушке и получает волшебный курай и тайну смерти Юхи.

Заветы старика Иремеля даются в духе наставлений и советов во имя совершенствования и чистоты духа: надо бороться за счастье народа, быть верными своей родине, остерегаться болота Юхи.

Младший сын Иремеля Киньябай говорит:

«Какого бы цвета ты ни был,
На каком бы языке ты ни говорил,
Каким бы мелодиям ты ни подпевал,
Будь собой (узнаваем)!» [5, 170]

Друзья, увидев её, крикнули:

«Черт, черт!»-и, испугавшись, убежали. В этой драме Юха разлучает влюбленных, вносит раздор в семьи, красоту и молодость превращает в уродство и старость. Хотя она владеет коварством и лукавством, но наши батыры обладают могуществом, чтоб победить ведьму. Таким образом, З.Биишева является автором произведений про добро и зло, про светлую и темную магию.

IV. Поклонение Богу, магия утешения

Вот, например, глубоко верующая Сыуакай-эби, никогда не знающая, что такое жалоба на судьбу. Вначале она думает, что и бедность, и богатство - все от бога. Поэтому она вначале сторонится таких, как Байгильде, Хаммат: "Грешно говорят!" Но со временем она, под тяжестью жестокой судьбы, и сама вынуждена говорить "грешно": "Хотя бы ради этих сирот, о Аллах, дал бы дождя, напоил бы землю. Не слышишь ты наше горе, не слышишь, боже милостивый…"

писатель о таких изменениях не только рассказывает, но и рисует образ поучительных деталях, устремлениях.

1. «Знай: и руки твои, и ноги болят от них, злых духов! Они наслали на тебя порчу. Скопилось в тебе много дурной крови, отсюда и болезнь!»- так обьясняет мулла и берет кровь, так и лечит.

«Килен, в твоих сочленениях дурная кровь застоялась. Если Аллах снизойдет, тотчас, как выпустим её, к тебе вернется здоровье. О аллах, всемилостивый, могучий наш благодетель, даруй рабе твоей исцеление. Мне, твоему вечному слуге, ниспошли силу духа, дабы мог я помочь рабам твоим… Прибавь мне силу разума, ясновиденье… С твоей помощью приступаю к священной обязанности, аминь!.. [2,10]

Мулла Ахмадулла лечит при помощи спускания крови и чтения заговоров.

2.После того как заболела Емеш, «одни утверждали, что в нее вселился дух воды, другие – что её ударил злой дух земли». А бабка Суакай, не соглашаясь с ними, говорила, что ребенка сглазил старик

Шахит. «Было решено добыть клок одежды старика, опалить его и дать понюхать Емеш». Когда и это не помогло, бабка Суакай решила отлить олово. «Она в одном ковше расплавила олово, другим ковшом зачерпнула воды и стала водить им над головой Емеш, что-то бормоча себе под нос, видимо изображая чтение молитвы, потом резко опрокинула олово в воду…и, продырявив слиток в тонком месте, вдела в него нитку и повесила на шею Емеш… После такого «лечения» Емеш начала бредить не только ночью, но и днем. К концу второй недели ей стало так плохо, что, казалось, уж не выжить девочке… Но тут, на счастье, появился дед Шахит со шкурой только что зарезанного барана и завернул в неё Емеш… Может быть, в самом деле помогла теплая овечья шкура, а может, наступил перелом в болезни, но стого дня Емеш пошла на поправку».

Магический способ лечения испуга, направленный на отливание, возвращение души. Кут отливают столько раз, пока олово не отольется в форме сердца. Отливая кут, устанавливают причину испуга человека. Затем завернул на овечью шкуру. Укрывание шкурой-это магический способ избавления от духа лихорадки. При лихорадке, чтобы изгнать дух болезни, больного укрывали медвежьей или волчьей шкурой. А здесь используется овечья шкура.

И в этих заговорах речь идет о магии предмета (овечья шкура, тряпки). По древним обычаям, расплавленное олово носили на шее в качестве амулета. Таким образом, речь идет о душе человека, дома, еды идр.

Бабка Сыуакай верит, что только заговоры и заклинания способны сделать человека здоровым и счастливым.

3.Необходимо взять из печки золу от сгоревшей липы, положить её на блюдце и раздавить чайной ложкой. После того как она превратится в мягкую труху, нужно обмакнуть в неё палец и натереть на зубы…

-Сыплю золу! Чтобы обратно не возвратилась!

Сарбиямал сыплет золу вслед Бибеш, а ветер обсыпает ее золой:

-Ах, ҡәһәр һуҡҡыры, глаза золой наполнились [2,51]

Зола - мифологизированный предмет. Как часть огня, имеет как положительную, так и отрицательную семантику. Зола используется в магическом лечении болезней, применяется как отгонное средство от нечистой силы.

4.По совету (научению) Бибисары абыстая Бибеш, смастерив очень красивую куклу, выкинула её на перекрестке

V. Нашли отражение Приметы-предсказания

1. Год Крысы не будет успешным, а Год Тигра, наоборот, будет удачливым. Древние говорили, «в год Тигра сей то, что есть, а если совсем ничего нет, то сей пшено» . (Сысҡан йылында уцыш шәп булмай, ә юлбарыҫ йылы уцышлы, боронголар «юлбарыҫ йылында барын сәс, һис югында тары сәс» тигәндәр) h.б. [4,86].

2. Год Дракона будет безжалостным (Аждаһа шикелле рәхимһеҙ йот йыл.) [4,8].

3. Год Овцы – год сытости, - говорит Бибикей (Ҡуй йылы – туҡлыҡ йылы - ти Бибекәй әбей.) [4,85].

4. На шестом месяце положил спереди, на седьмом – взял за руки .(Алты айҙа алдан һалды, ете айҙа етәкләне.) [4,125].

5. Надо наблюдать как ласточки с пегими хвостами ловят в воздухе мух, как летают стаями и кружатся галки, вороны . (Ала ҡойроҡ ҡарлугастарҙыц һауала себен тотоп сыбалыуҙарын, көтөү-көтөү сәүкәләрҙец, ҡаргаларҙыц «яуын теләп», түбә өҫтөндә сыр-сыу әйләнеүҙәрен ҡара.) [4,109].

6. Предсказания нашли свое отражение и в поэмах З.Биишевой.

«Когда я был маленьким, в наших краях был ювелир (мастер), который делал кольца. Он, изучая (наблюдая) медные монеты, ковал человеческие судьбы.

Считается, будто медь является лечебным металлом, и предсказатели человеческих судеб обладают магической силой. Магическую силу кольца Гулькей описывает так: «Это таинственное кольцо заставляет полюбить и невлюбленного человека. Не в пальце, а в сердце разжигает огонь любви».

Здесь описывается сила любви, приворота волшебства.

Ювелир (Көмөшсө)-мифологизированное лицо, обладающее сверхъестестественными знаниями. Руки, глаза его, по представлениям башкир, обладают магической силой.

VI. Заговоры, заклинания занимают особое место

Очень подробно и красочно автор описывает заговоры

1.В произведении «Емеш» у Сарби сильно разболелась поясница .Тогда девушки, произнося заговоры, начали ходить по дому и собирают еду биртек. Когда собирали биртек, к приоткрытой двери стояли спиной и произносили заклинание:

Билем-билем биртенгэн, Поясница у меня болит
Биртек ите һорайым. Дайте мясо биртек
Ҡайным улы картайган, Сын свекра постарел
Ҡаты-ҡото һорайым, Прошу еду биртек [4,110]

Во время сбора болячек человек стоит спиной к хозяину и не должен оборачиваться. Если обернуться, то, считается, будто болезнь может вернуться. Способ магического лечения поясницы связан с кормлением больного собранной пищей. Автор обращает внимание на магию еды.

2. «Прабабка говорила, что, если съешь что-нибудь дурное, то надо помолиться и сорок раз выплюнуть» - советовала Бибикай не есть дурную еду и питаться только незапретными продуктами. В запретах особенно большое внимание уделяется числу 40. 40- магическая цифра. После рождения ребенка молодой матери советуют беречь и себя, и ребенка в течение 40 дней, поминки также устраивают на сороковой день. Даже существует поговорка: «Кривда и через 40 лет откроется».

Емеш, прочитав книгу «Абугалисина», поразилась умению мудреца Абугалисина при помощи гипноза творить невиданные чудеса, открывать истинное лицо злых правителей, лукавых визирей, помогать униженным и оскорбленным, совершать много добрых и хороших поступков и способности скрываться от преследователей, обратясь то в птицу, то в рыбу.

Совершать добрые и хорошие дела – само является великой магической силой. Как говорится, «одно спасибо спасает от множества бед», так и благое дело спасет от многих несчастий.

И на сегодняшний день многие прислушиваются к предсказаниям и приметам, связанных с названиями годов, птицами и убеждаются в их правдивости.

Душа З.Биишевой полна волшебства и магии, поэтому её слова кажутся особенно убедительными, и все ее творчество популярно. После изучения и анализа всех книг писательницы я пришла к такому выводу: её произведения вобрали в себя жемчужины башкирского народного творчества и трещат от изобилия примеров магического фольклора.

В её произведениях очень много волшебства, об этом свидетельствуют и названия произведений: символ красоты «Кюнхылу», магическая еда «Емеш», волшебный, магия слова «Завет моего отца», «Совет», «Аксакал», «Пожелание», «Обет», таинство святых мест «У большого Ика», магия предмета «Волшебный курай» и др. И действительно, если сравнить творчество писательницы с растением курая, то его корни вбирают в себя все жанры произведений З.Биишевой, то нектар цветка представляет собой жемчужину народного творчества. Его загадочная (таинственная) мелодия превращает всю народную культуру в источник творчества З.Биишевой, а сколько еще неизведанного предстоит раскрыть. Значит наследие нашего народа еще найдет свое воплощение в творчестве будущих писателей.

Думы… Думы… Именно на этот счет большое значение имеют мысли Н.Мусина: «Мне заполнилось описание одного явления в повести «Думы, думы»: уважение уважающего пусть не достанется тому, кто не уважит, - какой смысл вложен в эти слова.

«Её весомое, своеобразное творчество считается величественной горой. Эта гора, как будто состоит из одного сказочного мира, в ней какие только сокровища не запрятаны… И действительно, эти духовные богатства для каждого из нас дороги и близки, для нашего современного мира являются памятником прошлого», - пишет Раиль Байбулатов. [1, 179]

Живущая и творившая для своего народа, страны, языка писательница воспитывает через народное творчество. Исходя из этих наблюдений, можно сказать, что примеры фольклора из творчества З.Биишевой воспитывают в читателях такие качества, как патриотизм, трудолюбие у молодого поколения, справедливость, уважение, умение различать добро и зло, плохое и хорошее, правду и ложь, умение сострадать, быть сдержанным, совестливым (верующим), стремление к добру, делать благодеяние, жить с надеждой в светлое будущее, духовное богатство. Бережно относиться к памятникам прошлого, прислушиваться к мудрым словам «Прислушался к словам предков – поумнел», «Человек сам из волшебства» такие поговорки показывают в чем должен состоять смысл жизни.

Литература

1. Байбулатов Раиль.Талант һәм ҡаһарманлыҡ. “Агиҙел”журналы. 1998., 1
2. Биишева Зәйнәб. Кәмһетелгәндәр. Роман. Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1990. 432б.
3. Биишева Зәйнәб. Оло эйек буйында. Роман. Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1990. 288 б.

4. Биишева Зәйнәб. Өҫәрҙәр дүрт томда, 3-сө том. Роман.повесть, хикәйә. Өфө, Башҡортостан китап нәшриәте, 1982.-560 б.
5. Биишева Зәйнәб. Өҫәрҙәр дүрт томда, 4-се том. Шигырҙар, поэма, драмалар, хикәйәләр. Өфө, Башҡортостан китап нәшриәте, 1982.-554 б.

© Алдырханова-Каримова А.Р., 2018

Алиева С.А.,
к.ф.н.,доцент БашГУ,
г. Уфа, Республика Башкортостан

ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ СМИ

Медиасистема Российской Федерации включает в себя достаточно большую группу национальных медиа. Республика Башкортостан среди субъектов России занимает второе место по уровню развития медиасферы, что свидетельствует о хорошем статусе региона. Типологическая структура СМИ по аудиторному признаку в республике формировалась с учетом многочисленных потребностей разноязычной аудитории. Традиционно в России все СМИ, выходящие и вещающие не на русском языке, получили название «национальные СМИ». Поэтому понятие «национальный тип» СМИ давно вошло в обиход и под этим понимается национальная журналистика, хотя она, по мнению некоторых исследователей, должна называться этнической, поскольку общенациональными СМИ считаются общефедеральные медиа. Таким образом, исходя из традиционного понимания, башкироязычные, татароязычные, чувашоязычные и др. СМИ относятся к национальным СМИ.

Что касается национальных СМИ в сегодняшних условиях конвергенции и цифровизации медиа, то придется констатировать, что они переживают не самые лучшие времена. Сегодняшнее состояние и перспектива развития национальных медиа связано и зависит от медиапотребления аудитории как никогда. Это означает, что в условиях рынка информация национальноязычных СМИ как товар должна иметь постоянного потребителя, желающего и имеющего средства его приобрести, в случае их перехода на самоокупаемость. Пока многие национальные СМИ практически не самоокупаемые и не могут выпускаться без государственной поддержки. Об этом говорит тот факт, что среди национальных СМИ очень малый процент частных прибыльных медиа.

Итак, без поддержки и спроса потребителей национальных СМИ не будет предложения со стороны медиарынка и их производителей. Сейчас этот потребитель в республике представлен в основном читателями, слушателями, зрителями старшего поколения, пользователями интернет ресурсов – среднего и молодого поколения. То есть, через несколько лет доля аудитории традиционных национальных СМИ сократится до минимума с уходом старшего поколения, знающего свой язык. Как известно, эти люди сейчас составляют костях читателей, зрителей и слушателей газет, журналов, радио и телепрограмм на национальных языках.

В нашей стране цифровые версии газет и журналов все больше завоевывают популярность у молодежи, и это приводит к сокращению тиражей и потери читателей их бумажных вариантов. Процесс вымирания современных бумажных газет, присущий всем таким изданиям почти всех стран, пока не страшен для национальных газет, поскольку тот же читатель старшего поколения не готов полностью отказаться от печатных СМИ в пользу электронных. К тому же, читатель национальной газеты в подавляющем большинстве – это сельские жители, которые в силу некоторых причин не готов потреблять газету в электронном формате. В такой ситуации можно предположить, что бумажные газеты на национальных языках имеют больше аудитории, нежели их электронные аналоги. Но это будет длиться не долго, так как на смену уже приходит молодое поколение, предпочитающее получить информационный продукт в электронном формате. Поэтому качество электронной версии периодических изданий на национальных языках должно отвечать возросшим требованиям потребителей среднего и молодого поколения. Но это полбеды. Были бы люди, желающие читать, слушать информацию на родном языке.

Вопрос привлечения и удержания аудитории так же не менее остро стоит перед национальными СМИ, так как происходит постепенный отток потребителей в пользу русскоязычных медиа. В свою очередь, этот процесс оттока аудитории провоцируется условием, созданным языковой политикой страны, приводящей к уменьшению количества носителей родных языков. Последнее, очевидно, связано с отсутствием необходимости применять знания родного языка в социальной сфере, сужением его функционирования (вытеснение его из научной, технической, административной сферы применения), в результате чего происходит вынужденный выбор другого языка в ущерб своему [1, с. 496-501].

В нашей стране ежегодно проводятся исследования, выявляющие состояние, тенденции и перспективы развития медиасферы, однако национальные СМИ редко становятся объектом внимания со стороны экспертов, социологов. Это связано с тем, для сотрудников «TNC Gallup Media» (переименовано в 2016 на «Медиаскоп»), проводящих измерения предпочтений потребителей СМИ, почти недоступна аудитория, например, башкироязычных СМИ. В стране до сих пор не меняется традиционная практика применения панельного исследования респондентов только в крупных городах России из-за чего башкирская и татарская аудитория не попадает в категорию респондентов.

Еще одно очень важное направление в развитии, скорее в сохранении национальных СМИ связано с гем, что гарантом функционирования СМИ на национальных языках выступает участие самой аудитории как поставщика информации. Как правило, традиционные СМИ не могут обеспечить обратную связь с аудиторией. В этом отношении интернет ресурсы имеют гораздо больше возможностей обеспечить пользователей общаться на своем языке. Речь идет о соцсетях и блогпостах. Учитывая, что современная молодежь больше времени проводят в интернете, общаясь в соцсетях, необходимо усилить условия развития национальных медиа и в этой коммуникационной среде.

Таким образом, перспектива сохранения и развития национальных медиа в дальнейшем будет зависеть от сохранения родных языков, информационных запросов, качества медиаконтента, его технической возможности доставки.

Литература

1. Алиева С.А Влияние глобализации на языковые процессы// IV Международная заочная научная конференция "Актуальные проблемы современной татарской филологии", посвященная 60-летию филологического факультета и кафедры татарской филологии и культуры БашГУ, Уфа, 2017, – С. 496-501.

© Алиева С.А.,, 2018

Аралбаев Ҡ.А.,
Башҡортостандың халыҡ шағиры,
Өфө ҡ., Башҡортостан Республикаһы

ҠАҺАРМАНЛЫҠ ҺӘМ МАТУРЛЫҠ ЙЫРСЫҺЫ
(З.Биишева ижадына бер ҡараш)

Башҡортостандың халыҡ яҙыусыһы Зәйнәб Биишеваның тыуыуына 110 йыл тулыуға арнап сығарылған был китап ике бүлектә тупланды. Тәүге бүлеккә әҙибәнең 1943-1973 йылдар арауығында көнүҙәк темаларға яҙылған мәҡәләләре, очерктары, ҡәләмдәштәре һәм замандаштары хаҡында ижади портреттары, иҫтәлектәре индерелде. Ә икенсе бүлекте Зәйнәб Биишева ижады хаҡында 1958-1980 йылдарҙа галимдар тарафынан яҙылған әҙәби-тәнҡит мәҡәләләре, шагирҙарҙың әҙибәгә багышланған арнауҙары тәшкил итә. Был бүлектә шулай уҡ Зәйнәб Абдулла ҡыҙының өлкән улы Тельман Әминевтың “дебюты”ла бар: химия фәндәре докторы, РФ-ның Тәбиғи фәндәр академияһы академигы үҙенең әсәһе, атаһы, тыуғандары, гаиләләге ижад мөхите тураһында тәү тапҡыр иҫтәлектәре менән уртаҡлаша.

Китаптың “Ҡушымталар” өлөшөндә Биишевтар һәм Әминевтарҙың ырыу-ара шәжәрәләре, гаилә архивынан фотолар, ҡайһы бер ҡыҙыҡлы мәглүмәттәр, шәхси документтарҙың күсермәләре бирелә.

Йәш яҙыусы Зәйнәб Биишеваның 1942-1944 йылдарҙа өлкә гәзите “Ҡыҙыл Башҡортостан”да үҙ хәбәрсе булып эшләгән осоронда төрлө гәзит-журналдарҙа донъя күреп тә, аҙаҡ китаптарына индерелмәгән публицистик әҫәрҙәре байтаҡ. Уларҙың күбеһе менән бөгөнгө киң ҡатлам уҡыусылар бөтөнләй таныш түгел. Был үткер мәҡәләләр һәм очерктар бөгөн дә беҙгә үткән замандарҙың утлы һулышын бөрккәндәй. Ҡайһы берҙәренең яҙылыуына етмеш йылдан ашыу гүмер үткән, әммә һаман да үҙ бәҫен, актуаллеген юғалтмаған улар. Тәрбиә, әхләҡ, хеҙмәт, намыҫ, тоғролоҡ, илһөйәрлек төшөнсәләре иҫкермәй шул. Улар мәңгелек.

Һәм беҙ, Зәйнәб Биишеваның әҙәби мираҫына битараф булмағандар, яҙыусының талантлы ҡәләменән сыҡҡан һәр бер әҫәрҙе, фекерҙе, һүҙҙе хәтер һәм игтибар күҙенән үткәрергә бурыслы. Ижад ялҡынында янған гүмерҙән ҡалған йәдкәрҙәр улар…

Ижад гүмере… Шаулы, даулы, ярһыу заманда, юғалтыу һағыштарында, табыш шатлыҡтарында, ижад газаптарында, халыҡ ихтирамы менән бергә нахаҡҡа ҡыйырһытылыуҙарҙа үткән ул гүмер.

Уҙған юлым оҙон, бөгөл-бөгөл,

Бөгөл һайын кәртә, һикәлтә,
Упҡыны ла, ҡапҡаны ла һаныҫ,
Ҡоҙғоно ла көттө тирәктә.
Көн-кояштан биҙерәк, кар-бурандар,
Ыжғыр юлдар булды юлдашым.
Йән өшөткөс ҡырыҫ ҡара төндән
Башланған бит оло юл башым…

– тип яҙҙы әҙибә 1978 йылда үҙенең ғүмер юлын бер әйләнеп байҡағанда. Ә яҙыусының оло ижадҡа сығыу юлы уҙған 20-се быуаттың 30-сы йылында "Октябрь" (хәҙерге "Ағиҙел") журналының икенсе һанында донъя күргән тәүге "Ғөрләүектәр араһында" хикәйәһенән башлана. Ер ҡуйынынан һиҙҙермәй ғенә өҫкә урғып сыҡҡан күҙле шишмә нисек әкренләп-әкренләп, бара-бара йылғаға, унан мул һыулы оло даръяға әүерелә, Зәйнәб Биишеваның ижады ла шулай әҫәрҙән-әҫәргә ҡеүәтләнә, уҡымлы була бара, меңәрләғән уҡыусылары күңеленә яңынан-яңы юлдар яра, ихтирам яулай. Әҙибә бер ғенә жанрҙа эшләп, үҙенең һәләт ҡомарын да, ижад ҡоласын да сикләмәне.

Башта ул балалар яҙыусыһы булып танылды, романтик рухлы хикәйә һәм хикәйәттәр, шиғырҙар һәм ғибрәтле әкиәттәр яҙҙы, рус классик яҙыусыларының кескәйҙәр һәм үҫмерҙәр өсөн яҙылған әҫәрҙәрен башҡорт теленә тәржемә итеп китаптар сығарҙы.

Артабан "Көнһылыу", "Ғөлъямал", "Дуҫ булайыҡ", "Сәйер кеше", "Уйҙар, уйҙар" исемле үткер, даусыл рухлы, заманы өсөн бик тә көнүҙәк темаларға повестар ижад итте. Зәйнәб апайҙың "Бәхет ҡыҙы хаҡында әкиәт", "Мөхәббәт һәм нәфрәт", "Һөнәрсе һәм Өйрәнсек" хикәйәттәре, "Нәҙер", "Тылсымлы ҡурай" кеүек драма әҫәрҙәре жанр һәм стиль йәһәтенән, тәрән фәлсәфәүи йөкмәткеле һәм киң мәғәнәғә эйә булыуҙары менән башҡорт әҙәбиәтендә һәр берәһе үҙенсәлекле бер күренеш.

Зәйнәб Биишеваның күп яҡлы, төрлө жанрлы халыҡсан ижады тәрән, мул һыулы даръялай йәйрәп тә, урғылып та, сөңгөлдәр яһап та, алҡынып та аҡҡан йылғалай. Ошо көслө рухи ағымдың үҙәне – уның киң билдәлелек яулаған ижад ҡаҙанышы, әлбиттә, "Яҡтыға" трилоғияһы. "Кәмһетелгәндәр", "Оло Эйек буйында", "Емеш" романдары – З. Биишеваның алдағы бөтә әҫәрҙәрендә туплана, ныҡлы, баҙыклана килгән оҫталығының яңы бейеклеккә күтәрелеүе, физакәр хеҙмәт ҡаһарманлығы, милли әҙәбиәтебеҙҙең иҫ киткес бай тел ғәүһәрҙәре, һүҙ сәнғәте ҡиммәттәре ул. Яҙыусының әҫәрҙәре асылда халҡыбыҙҙың быуаттар буйына тупланған аҡыл һәм күңел хазинаһына, шиғри тел, йыр-моңона ниғеҙләнеп, үҙҙәре лә халыҡсан яңғыраш алды.

Ошондай киң танылыу алған әҙибәбеҙ үҙе лә ғүмер буйы өйрәнде, оҫталығын камиллаштырҙы. Классиктарҙың йәш быуынға йоғонтоһо, милли әҙәбиәттәр үҫешендәге роле тураһында уйланып, Зәйнәб Биишева А. Пушкин, Л. Толстой, М. Ғорький ижадтарына оло ихтирам менән мөрәжәғәт итә, уларҙың даһиҙар таланты тыуҙырған үлемһеҙ әҫәрҙәрен өйрәнергә кәңәш итә. Был китапҡа инғән мәҡәләләрендә һәм иҫтәлектәрендә әҙибә оло ҡәләмдәштәренең һәм замандаштарының ижадтарына төплө байҡау яһау менән берҙә, уларҙың кешелек сифаттарын да йәнле картиналарҙа күҙ алдына баҫтыра.

Яҙыусы төрлө осорҙағы һүҙ оҫталарынан Р. Ниғмәти, Ғ. Дәүләтшина, М. Буранғолов, С. Ағиш, Б. Бикбай, Т. Морат, Б. Вәлид, Х. Мохтар, Ғ. Ибраһимов, Ғ. Таҡташ, М. Йәлил, А. Алиш, Р. Ғарипов, Н. Мусин, Б. Рафиҡов, А. Иҙебаев, Р. Хисаметдинова ижадтары менән һоҡланыуын уҡыусыларға ихлас еткерергә ашыға.

Башҡорт милли сәнғәтенән йыр, бейеү тураһында уйланыуҙары, ҡурай, музыка, һынлы сәнғәт оҫталарының, профессиональ башҡарыусыларҙың ижади-ҡаҙаныштарына хаҡлы баһа биргән мәҡәләләре әҙибә публицистикаһының үҙе бер ҡалын ҡатламын тәшкил итә. Сихри ҙә, серле лә, һоҡланғыс та сәнғәт әһелдәренең (Т. Хоҙайбирҙина, З. Исмәғилев, Ә. Лотфуллин, М. Хисмәтуллин, Ә. Шайморатова, М. Ғәлиева, Р. Хажиева) ижадтарын әҙибәнең ентекләп яҙыуы – үҙе бер оҫталыҡ һәм аҡыл мәктәбе.

Үкенескә була, күләмгә бәйле мәҡәләләренең, ижади портреттарҙың һәм йылы иҫтәлектәренең бик аҙы ғына был китапта урын алды. Зәйнәб Биишева публицистикаһын туплау һәм әҙәбиәт һөйөүселәр иғтибарына тулы килеш еткереү килер йылдарға ҡала.

Ә инде Зәйнәб Биишева әҫәрҙәренең "ҡайнар эҙҙәре" буйынса әҙәбиәт ғалимдары яҙған мәҡәләләр бөгөн дә яңыса ҡабул ителә. Бына шул фекерҙәрҙең бер нисәүһе:

" Хаҡлыҡ менән яҡшылыҡты данлау, хаҡһыҙлыҡты инҡар итеү, яҡшы елән ябынған ямандың битен асып фашлау – Зәйнәб Биишева ижадының төп мотивтәренең берәһе" (М. Минһажетдинов);

"…уның әҫәрҙәрендә "халыҡтың рухи биоғрафияһы тыуҙырыла" (И. Вәлитов) һәм "барлыҡ әҫәрҙәре йәнле хәрефтәрҙән, ҡайнар кисерештәрҙән, үткер фекерҙәрҙән туҡылған тылсымлы бер донъя булып күҙ алдына баҫа" (Р. Бикбаев);

“…Бер гүмерҙең тарихы” трилогияһы башҡорт әҙәбиәтендә эпопея характерындағы киң ҡоласлы, масштаблы, ҙур проблематикалы яңы әҙәби күренеш, яҙыусының төп китабы булараҡ, популярлыҡ һәм уңыш ҡаҙанды, прозабыҙ үҫешенең яңы офоҡтарын билдәләне” (М. Ғәйнуллин);

“…яҙыусының яҙмышы – айырым бер шәхестең тормош баҫҡыстары ғына түгел, унда бөтә башҡорт ҡатын-ҡыҙҙарының һуңғы ярты быуатта үткән юлы сағыла” (К. Әхмәтйәнов);

“Был китапты төп башҡорт катыны үҙе – элекке Зөлхизә, Ғилмияза, Шәүрәләрҙең нисәнселер быуын ейәнсәре, уларҙың алыҫ һеңлеһе, ҡәрендәше яҙған” (Ғ. Рамазанов);

“…гүзәл ижад емештәре, бөгөнгө көндәге кеүек үк, киләсәктә лә меңәрләгән уҡыусыларҙың күңел күҙенә балҡып салыныр, нурҙар өҫтәр, халҡыбыҙҙың эстетик үҫешендә үҙенә бер маяҡ булып ҡалыр” (Ғ. Ҡунафин);

“…новаторлығы ла нәҡ ошонда: илдә барған тарихи-социаль ваҡиғаларҙы ябай ауыл кешеләре, хатта гаилә күҙлегенән көнкүреш шарттары аша баһалауҙа” (Р. Байымов);

“…уҡыусы өсөн китап эстетик ҡиммәт кенә түгел, уҡытыусы-педагог та, тәрбиәсе лә. Үҙенең ысынлап та халыҡ яҙыусыһы икәнлеген иҫбат итте Зәйнәб апай! Оло йөрәгенән башҡорттоң баллы һүҙен сығара белде ул” (С. Поварисов);

Бында Зәйнәб Биишева ижады тураһында Башҡортостандың күренекле әҙәбиәт галимдары әйткән фекерҙәрҙең бер аҙы ғына килтерелде. Әммә шул әйтелгән тапҡыр һүҙҙәргә ҡарап ҡына ла халыҡ яҙыусыһының рухи донъяһының ни тиклем тәрәнлеген, киңлеген, хозурлығын һәм ярһыулығын тағы ла тулыраҡ асыу, өйрәнеү, фәһем алыу зарурлығы һәр яңы быуын алдында тора әле тигән изге уйҙарға киленә.

Иң төпкөл башҡорт ауылынан сығып, сыныгып-үҫеп, тормош ҡаҙанының уртаһында ҡайнап йәшәп, ижад ыҙанында үҙенән алда барған Мифтахетдин Аҡмулла, Шәйехзада Бабич, Һәҙиә Дәүләтшина традиңияларын тоғро дауам итеп, үҫтереп һәм яңыртып, Зәйнәб Биишева халҡының иң хаҡ уй-хыялдарын сағылдырыу юғарылығына күтәрелде.

Башҡорт әҙәбиәтенең алтын фондын тәшкил иткән ижады – тауҙай хеҙмәт һәм оло хөрмәткә лайыҡлы батырлыҡ. Ул – оҙаҡ йылдар тынғыһыҙ эш һәм көрәштә үткән гүмер. Шагирәнең үҙ һүҙҙәре менән әйткәндә: “изге әсә лә ул, гүзәл эшсе лә ул…”

Зәйнәб Биишеваның, яҙыусы һәм кеше булараҡ, тәбиғи булмышындағы төп һыҙаттары – йәшәү, тормош һәм көрәш принциптарына бер ваҡытта ла хыянат итмәү, гүмер буйы иманыңа тоғро булып ҡалыу.

Зәйнәб Биишеваның ҡаһарманлығы – килер быуын ижадсылары өсөн оло, бай тәжрибә мәктәбе, рухи ныҡлыҡ өлгөһө булып оҙаҡ дәүерҙәр хеҙмәт итәсәк әле.

©Аралбаев Ҡ.А., 2018

Арпентьева М.Р.,
доктор психологических наук, доцент, член-корреспондент РАЕ,
профессор кафедры психологии развития и образования Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского,
г. Калуга, Калужская область

БАШКИРСКИЕ ВЕНГРЫ И ПРОБЛЕМЫ НАЦИОГЕНЕЗА БАШКИР

Проблемы этногенеза многочисленных народов России, также их работы о культурной истории Евразии в целом хорошо изучены. Однако, в этом поле много интересных и рождающих все новые вопросы исследований, включая «весьма необычный этногенез и раннюю этническую историю венгров (мадьяров) до 895–900 гг. н.э.», которая полностью связана с (первоначально лесными) территориями бывшего СССР и нынешней России. А также удивительным образом тесно связанную с историей венгров историю башкир.

Этногенетические исследования «протобашкир». В теории этногенеза башкир существуют три ветви: тюркская, угорская, промежуточная. При этом сами башкиры обнаруживаются в самых «странных» местах. З.Ғ. Аминев пишет, например, что часть башкир живет в Молдове, однако, сохранив язык и культуру, башкиры Молдовы являются католиками, а не мусульманами [1]. Об этом он свидетельствует, ссылаясь на текст молдавского предания «Дочь колдуньи». Предание начинается так: «Это было в то отдаленное время. Когда нынешние Измаильский и Аккерманский уезды представляли незаселенные степи, на которых свободно кочевали татары (ногайҡы – А.М.), башкиры и ҡыгане, и только кое-где, на далеких друг от друга расстояниях, существовали под управлением турок небольшие селения, молдавские и русские (старообрядҡы, молокане, беглые крепостные и проч.)» [2. С. 179]. Из предисловия к данному преданию С. Пынзару следует, что это предание было

опубликовано О. Накко в конце XIX века [2, с. 169]. Это свидетельство вызывает ряд вопросов о том, «когда, какие причины заставили какую-то часть башкир оторваться от основной массы и оказаться в далекой от Южного Урала Молдавии»? [1]. Вероятно, «речь идет о башкирах, попавших в Венгрию вместе с печенегами»: восточные исследователи, изучавшие печенегов, рядом с ними всегда отмечали и башкир как союзников печенегов или же отмечали нахождение этих народов в конфедеративных отношениях… в продолжение нескольких веков» [1]. Интересно, что со второй половины IX – до первой половины X века башкиры (и их предки баджгирды, в письменных источниках неоднократно упоминаются совместно с печенегами и/или под названием баджгирды имеются ввиду и башкиры, и мадьяры. Описывая события и народности Севера Причерноморья, ал-Масуди отмечает, что в 932 г. баджгард , печенеги и другие народы воевали с Византией за обладание городом Валандаром, а потом пошли на город Константинополь [3. С.104]. Они же упоминаются вместе в связи с сообщениями о хазарах и аланах [4. С.159]. сообщается также о набегах башкиров и печенегов на славян [5. С. 307]. После поражения от объединенных сил древнерусских князей башкиры вместе с печенегами в XI-XII вв. из Причерноморских степей уходят в Венгрию, как пишет Аль-Гарнати и др. [6, с.134]. Постоянство упоминания башкир с печенегами демонстрирует, что эти народы связывала не только хозяйственно-культурная, военно-политическая близость, но и общность происхождения и языка. У М. Уметбаева есть мысль, со ссылкой на Ибн Халдуна (XIV в.) о том, что печенеги – одно из этнических подразделений, которые входили в состав башкирского народа [7. С.323; 8. С.39-59; 9. С.61-65]. При этом какая-то часть печенегов после разгрома их половцами пришла на Южный Урал и вошла в состав родственных им башкир, – отмечается в башкирском эпосе «Узак-Тузак – бала бәшнәк ярсыгы» [10. С.281-288]. Наличие башкир в Венгрии отмечает Я. Хамави: народ «башгирд» проживает среди европейских народов («афранджей»), которые носят название «хункар». При этом «башгирды» исповедовали ислам и проживали на окраине венгерского королевства в своих «городах» [11. С.88-90; 12. С.151-152]. Башкиры, попавшие в Венгрию, приняв католичество и изучив венгерский язык, «омадьярились», но оставили встречный «след» в мадъярском языке и венгерской топонимии и гидронимии в виде разнообразных тюркизмов и названий городов, рек и т.д.. Существует также теория о едином происхождении венгров и башкир [13]. Э. Мольнар, например, полагает, что венгры, как единый народ в течении I тыс. н.э. жили в Башкирии [6]. Э. Моор пишент несколько иначе: «по крайней мере, одна группа венгров, оторвавшаяся в результате натиска печенегов (889 год) от основного венгерского массива, достигла Волги и …потомки её в XIII в. Были обнаружены монахом Юлианом», «Колумбом Востока» [14]. Однако, М. Рясянен отмечает, что башкиры не являются самыми древними жителями современного Башкортостана: волжские татары пришли на казанские земли в середине XIII в. вместе с Батыем, финно-угорские элементы встречаются в башкирском языке незначительно. Башкирский в целом сходен с казанско-татарским языком. Имеющиеся данные говорят о том, что венгерские и башкирские племена многократно жили в соседстве, но не являются близкородственными. Как пишет Б.А. Серебренников, основная масса венгерского народа покинула Уральскую область, прежде чем башкиры появились здесь. Однако не исключено и то, что после ухода основной массы венгерского народа на запад какая-то часть его осталась здесь. Возможно также, что венгры ещё до соприкосновения с камскими булгарами были связаны с башкирами азиатской части Уральских гор или даже на Южном Урале. Так, в «Тайной истории монголов» мадьяры и башкиры фигурируют отдельно [1; др.].

В исследовании Т.М. Гарипова и Р.Г. Кузеева рассматриваются почти все проблемы древнебашкирского и много проблем древневенгерского, точнее древнеугорского, периодов [15, с. 336-343]. Они пишут о том, что осколки венгерского народа слились с древнетюркскими племенами, населявшими данную область не позднее конца первой половины I тыс. Этот процесс протекал очень медленно, поскольку в Заволжье XIII в. еще жили люди, говорившие на венгерском языке [15. С. 337; 16]. В ранне-башкирском периоде на территории Хакаско-Минусинской котловины возникла угорская этническая группа. «Образование этой группы начинается с конца III в. до н.э., если не считать прямых предков (угров) – тагарских динлинов (VIII-III вв. до н.э.), говоривших на угорском языке» [15. С. 342], и в середине I в. н.э. венгерские племена двинулись на Северный Алтай и далее к среднему и позднее к нижнему течению Оби и т.д. и т.п [14, с. 342]. Теория башкиро-венгерского родства отстаивается и Д. Дечи: «Известно, что башкиры начиная с VII в н.э. непрерывно жили вместе с тюркскими народами…После 1236 г. башкиры попали под господство Золотой Орды; практически это означало наводнение татарскими элементами их народа… башкиры пришли к своему современному тюркскому языку через смену языка. Эта смена языка должна была совершиться относительно поздно, возможно лишь в XIV-XV вв. Первоначальный язык башкир, так

называемый протобашкирский язык, как предполагается, должен был быть одной из форм древневенгерского языка». В поддержку этого тезиса служат данные о том, что «предки венгров после распада угорской языковой общности долгое время (приблизительно с 1500 г. до н.э. по 450 г. н.э.) жили на территории нынешней Башкирии и граничащих с нею южнее и западнее областях. В 600 г. предки сегодняшних венгров ушли из этой области на юг или на запад; часть венгров, однако, осталась на территории нынешней Башкирии». Возможно, что монах Юлиан в Башкирии встретил «группу язычников», с которыми он мог изъясняться на родном венгерском языке, и, вероятно, это были «башкиры, которые ещё разговаривали на своём древнем (протобашкирском, древневенгерском) языке». Однако, не стоит расширять границы понятий, как это сделали авторы термина «Великая Венгрия» или «Magna Hungary»: средневековые католические миссионеры XIII века П.Карпини и В.Рубрук, даже католические миссионеры венгерской национальности не смешивали древнюю «Баскардию» с древней Венгрией. Со времен гуннов, потомками которых считают себя башкиры, с IV века начинается формирование на Урале большой тюрко-угорской общности, союза племен, объединенных центральной властью, расположенной в городе Башкорт. Язык башкир не тюркский, а лишь близкий к х нему — тюрко-угорский, общий с языком древних венгров. В.Н. Татищев полагает, что башкиры упоминаются еще у Птолемея как «аскатиры»: Птолемей отмечает, что «народ был великим», они являются потомками древних финно-язычных сармат – «сусчие сарматы». … за татар уже почитаются. Однако в языке от прочих татар много разнятся, что не всяк из татар их разуметь может». Н.М. Карамзин пишет, что «башкиры живут между Уралом и Волгой. В начале язык у них был венгерский. Потом они отюречились. Башкирцы говорят ныне языком татарским: надобно думать, что они приняли его от своих победителей и забыли собственный в долговременном общежитии с татарами». И. Фишер считал, что этноним венгров «madchar» происходит от слова «baschart».

М. Уметбаев представляет этногенез башкир так: они являются коренным и исконным народом Южного Урала. По этнической принадлежности – угры, которые были соседями булгар и одновременно с ними приняли ислам. В средние века в Башкортостан начали переселяться кыпчаки, туркмены, сарты и другие народы, большинство которых «принадлежит монгольскому или джагатайскому племени» [9. С.62]. Н.П. Шастина. пишет, что «под «баскарт» надо понимать башкиров... между средневековыми башкирами Приуралья и венграми существует племенное родство. Под напором кочевых народностей часть башкир ушла на запад и осела в Венгрии, оставшиеся же башкиры смешались с тюрками и монголами, потеряли свой язык и в конце концов дали совсем новую этническую народность, называющуюся также башкирами».

Дж. Киекбаев отметил полное сходство сюжетной композиции и имен персонажей некоторых башкирских и венгерских сказаний, есть и многие иные свидетельства единства истории. В целом, история башкир уже ранее первой половины VII века связана с их происхождением от гуннских племен, синтеза дальневосточных хунну с уграми. Позже она оказалась связана с угорской (мадьярской) составляющей тюрко-угорской общности. Тюркская составляющая ее носила этноним «иштяк», приписанный коренному уральскому населению арийцами в эпоху меди. Разделение тюрко-угорской общности у некоторых восточных авторов представляется в виде «внутренних» (приуральских) и «внешних» (зауральских) башкир. Переход мадьяр с берегов Белой и Волги на берега Днепра и Дуная не изменил их этнической принадлежности: поэтому многие арабские авторы и путешественники называли «башгирдами» придунайских мадьяр, под этим этнонимом они, как «католики, проживавшие по соседству с франками», попали и в «Сокровенное сказание монголов». Лишь в XIII веке начинает распространяться этноним «венгр», данный народу поляками. Таким образом, финно-угорская теория происхождения башкирского народа очевидным образом имеет право на существование. Однако, тогда нам необходимо обратится к более древней истории, в том числе исследованиям по истории тех «древних венгров», которые когда-то пришли на территорию современной Башкирии.

Этногенетические исследования «протовенгров».Исследования в этой области показывают, что наиболее близки по происхождению и языку венграм обские угры: ханты и манси Западной Сибири. Дело в том, что *мадьяры* – «единственный народ среди этносов, говорящих на финно-угорскихили уральскихязыках, который в ходе их этногенеза переместился из североевразийской лесной области в степную зону, и там (на рубеже 9–10 веков нашей – А.М.) эры приобрел черты типичного кочевого хозяйства *–номадизма»,* пишут П. Вереш и его соавтор А. Пекина. П. Вереш отмечает, что «культурные реликты хантов и манси (по языку наиболее близких родственников венграм) могут отражать явления, возникшие в ходе этногенеза этих народов, даже и в такие отдаленные периоды, как эпохи формирования уральской или распада финно-угорской

лингвистической общности». Сюда, кроме прочего, относятся например «дихотомическая символическая классификация, тесно связанную, по всей видимости, с весьма архаичной дуальной социальной организацией ханты и манси, представляющих собой фратрии Пор и Мось… фратриальная система … возникла на основе этнического смешения двух разных этносов – аборигенов и пришлых с юга угров, когда в ходе постепенной языковой и этнической интеграции отдельные этносы стали играть друг для друга» экзогамный брачный класс(moiety) (по В. Н. Чернецову, фратрию). Мифы финно-угров, по данным его предшественников, повествуют, что члены фратрии Мось охотники и рыболовы называются «сыромясным народом», а люди Пор, более высокоразвитой, но «чужой» культуры, корни которой якобы связаны с иранскими предками фратрии, – «вареномясным народом». Однако В. Н. Чернецов, отмечает, что в культурно-историческом плане противопоставление эпитетов «сыромясной» и «варено- мясной» по фратриям не имеет под собой никакой реальной почвы. Кроме того, по его данным, «сыромясной» относится именно к фратрии Пор, а «вареномясной» – к фратрии Мось, т. е. его материалы совершенно противоположны материалам Н. Л. Гондатти» и иных исследователей. Однако, важен сам по себе «удивительный дуализм мифологии и социального устройства угров Западной Сибири, которые являются самыми близкими родственниками венгров внутри уральской (финно-угорской) языковой семьи… у народов, чья общественная структура имеет архаичное двойное деление, ряды положительных и отрицательных символов дуально-символической классификации обычно группируются по фратриям (по брачным классам) раздельно. Поэтому дуальные половины общества выглядят как бы соперничающими, дразнящими друг друга или даже враждующими, хотя взаимные браки в соответствии с экзогамными нормами тесно их связывают». Это весьма заметно у обских угров. При этом «экзогамная группа Мось связана с верховным богом Нуми-Торумом и его сыном Мир-сусне-хумом, а не с отрицательным мифическим женским персонажем, с которым связывается группа Пор… у людей Мось, т. е. «сыромясного народа», предком считается положительный мужской персонаж – крылатый всадник «За народом смотрящий человек», а у людей брачного класса Пор, «вареномясного народа» – отрицательный женский образ Пор-нэ», то есть первая фратрия представляет в мифологии и космологии угров верхний, а вторая – нижний мир. Однако «противопоставление «сырое–вареное» по фратриям не отражает процессов этнического смешения у обских угров… не имеет под собой никаких реальных культурных различий» как ошибочно предполагали Я. Харматта и Д. Ласло при это «угорская этнолингвистическая общность, куда входили общие предки обских угров и венгров, после тысячелетнего (а возможно, и более длительного) совместного проживания на юго-восточных окраинах бывшей уральской прародины финно-угров в лесостепях Западной Сибири, расформировалась на рубеже II–I тыс. до н. э. Протовенгров заставили переселиться на юг значительные экологические изменения, а именно – интенсивное заболачивание их лесостепной этнической территории Зауралья; это же заболачивание вытеснило предков обских угров на таежный север». Древние венгры во время переселения в степную зону в изобрели номадизм – кочевое скотоводство, как совершенно новый для них культурно-хозяйственный тип (ХКТ), помогающий им выжить на фоне ухудшающихся климатических условий.

Согласно работам А. В. Коротаева и Д. А. Халтуриной в «12–10 вв. до н. э. в Западной Сибирской степи и соседней аридной территории Северного Закаспия наблюдалось сильное смешение восточных финно-угров и иранцев. Этот важный район одновременно был не только центром моноцентрического возникновения и распространения евразийского номадизма, но и этнической территорией древних венгров, где начиная с 12 века до н. э. формировался их андроновский антропологический тип. Особенно важным в свете концепций Г. Е. Маркова (о моноцентрическом возниковении номадизма) и исследований А. В. Коротаева и Д. А. Халтуриной, Т. Тота, и Г. Ф. Дебеца, В. В. Напольских, «является то, что группе древних венгров близок антропологический материал андроновской культуры Восточного и Центрального Казахстана, и особенно сарматов Нижнего Поволжья (Калиновка) и группы Приаралья (Миздахкан)… помимо фольклорного материала относительно архаичной дуалистической космогонической мифологии андроновцы-иранцы непосредственно заимствовали от уральцев также специальные гены … финно-угорских народов… финно-угры опосредованно, через иранцев даже влияли на дуальные сюжеты Библии». Важно то, что «дуалистическая космогония не реконструируется на протоиндоевропейском уровне. Единственная ветвь индоевропейцев, имеющая более или менее развитую собственную дуалистическую космогонию, – иранцы, которые интенсивно контактировали с финно-уграми и именно благодаря им заимствовали дуалистические космогонические мифы древних уральцев. «До сих пор не найдено данных о лингвистических контактах между протоиндоевропейцами и

протоуральцами, до сих пор нет оснований полагать, что арии или индоиранцы в целом исходно имели какие-либо древнейшие свидетельства присутствия дуалистических космогонических мотивов, обнаруживаемых исключительно только в ранних авестийских текстах, датируемых около 12–10 вв. до н. э.». П. Вереш резонно добавил: именно тогда, когда хронологически возникло евразийское кочевничество … в степной зоне под этнокультурным и генетическим влиянием южных групп финно-угров». Таким образом, «южная часть древних финно-угров – далеких предков венгров – мигрировала в степь Западной Сибири на рубеже II–I тысячелетий до н. э., потом – в соседний полупустынный регион нынешнего Казахстана, где с 12 века до н. э. начинал формироваться их андроновский антропологический тип на иранском этническом субстрате» (по мнению Т. Тота). Иными словами, «древние венгры весьма активно участвовали в создании нового подвижного культурно-хозяйственного типа – номадизма и стали среди финно-угров единственным типичным кочевническим этносом, с которым не могли конкурировать в степи даже арийцы-иранцы, а позже и тюркские (полу)кочевники, тем более – ассимилировать их по языку и этнически». Это сильное влияние финно-угров на соседние народы и слабое ответное влияние связано с тем, что «культурная адаптация к неожиданным экологическим условиям стимулирует выявление потенциальной креативности любого народа». Он также отмечает, что согласно традиционной «методике финно-угристики, древними считаются исключительно лишь те слова, относящиеся к уральской или финно-угорской эпохе, которые можно выявить в настоящее время и во всех отдельных подгруппах этой языковой семьи…» однако, «этот важный и часто успешный метод сравнительной лингвистики в отдельных случаях таит в себе возможность ….ошибок. Ведь отдельные слова могли исчезнуть сравнительно недавно». «Финно-угорская общность вследствие экологических причин распалась, по-видимому, во второй половине III тыс. до н. э.», генетики выявили некоторые мутации возрастом около 4000 лет, которые встречаются только в северо- восточных областях Европы и отражают « миграцию финно-угорских популяций с Уральских гор в сторону Балтики».

При этом «Древне-угорская этноязыковая общность, возникшая в Зауралье после распада финно-угорской единства, имела андроноидный культурный облик и, по- видимому, уральский антропологический тип». Этот тип связан с древними уграми – общими предками венгров и обских угров. «Однако после тысячелетнего сосуществования в конце бронзовой эпохи древние угры окончательно разделились на две ветви. В распаде угорской общности большую роль играли сложные эколого-климатические и культурные процессы на рубеже II–I тыс. до н. э.». Начало усть-полуйской культуры (около V–II вв. до н. э.) положила «Северная часть древних угров, предков манси и ханты, начиная с XII. в. до н. э., постепенно, в несколько этапов, переселяется в бассейн Нижней и Средней Оби – на их современную этническую территорию». «Южная часть угров – предков венгров – мигрировала в это же время из лесостепного Зауралья в степную зону Западной Сибири. …переселение протовенгров на юг отражает черкаскульская археологическая культура, которая между XII–X вв. до н. э. вклинивается в евразийскую степную зону».

В евразийской степной зоне на рубеже II–I тыс. до н. э. происходили по сути «революционные хозяйственные изменения, зарождался новый, специализированный хозяйственно-культурный тип – кочевое скотоводство (номадизм)». В результате «венгры – единственный народ среди финно-угорских этносов, который в ходе этногенеза переместился из лесной в степную зону, и там приобрел черты типичного кочевого этноса». Кроме того, теперь антропологические типы обских угров и венгров существенно отличны: первый типичен для уральской, второй – для европеоидной рас. «Население андроновской культуры I тыс. до н. э. стало … основой этнического формирования ираноязычных савроматов и южных групп угров, то есть древних венгров, с XII–II вв. до н. э.». Далее, «до 895 г. нашей эры от основной части венгерского этноса отделилось несколько групп, одна из которых мигрировала в сторону Кавказа и осела на территории современной Армении, а другая часть осталась в районе Башкирии или западнее ее, где в XIII в.» была обнаружена.

Венгерские (башкирские?) племена представляли собой типичных кочевников. Лингвистический поиск финно-угорской прародины, из которой предки венгров расселились по Европе сфокусировался на их современной родине в Среднем Подунавье, но интересным является и поиск прародины в сфере «праязыковых экологических ареалов», то есть современная территория обских угров. Согласно О. Шрадеру и Ф.П. Кеппену, впервые применившим биогеографический метод, с конца XIX века, исходной территорией финно-угров предположительноявляется область, расположенная между Средним Поволжьем и Уральскими горами. Основоположник российской тюркологии В.В. Радлов был против поисков прародины мадьяр и их предков только в Европе, он также указал на особенности языков алтайцев, наличие в нем близких или одинаковых с мадьярским языком слов. Кроме того, у финно-угорских и индоевропейских народов есть общие понятия в

разных сферах, таким образом, местогипотетической общей прародины, нужно предполагать в Северной Азии, в том числе в Алтайском регионе, как раньше предполагали, а не в Восточной Европе. Территория Западной Сибири имеет непосредственное отношение к поиску финно-угорской прародины.Тем не менее, биогеографическую концепцию поддерживали множество венгерских исследователей, таких как Дьерфи И., Дьерфи Д., Барци Г., Хайду П., Лигети Л., Рона-Таш А., Кришто Д., Харматта Я., Вашари И. и Палади-Ковач А., Жираи М., Шебештен И., Ласло Дь., Липтак П., Барта А., Шомоди Ш., Зимони И., Маккаи Й., Турк А., Шугар М., Сентпетери Й., Микош Е., Адьягаши К., Шандор К. и Фодор П.. Зарубежные исследователи в течение более ста лет неверно полагали, что уральская, финно-угорская и угорская и венгерская прародина находится исключительно в Европе, на территории Поволжья.

Однако в середине XX века П. Хайдуобосновал новую, «западно-сибирскую» теорию прародины уральских народов: прародину нужно искать в Западно-Сибирской тайге, на субарктическом районе, к северу от Среднего Урала, между Нижней Обью, Уралом и Печорой. Согласно П. Хайду, из Западной Сибири в период 6-5 тыс. до н.э. протофинно-угры выделились из уральской языковой общности. В этот же период они практически якобы полностью переселились в Европу, к западу от Урала, в бассейн Печоры и Камы. Здесь они постепенно познакомились с широколиственными лесами и в из языке появились соответствующие названия. При этом однако, П. Хайду, и, затем, Я. Маккаи и К. Виик, ошибочно считали, что в конце ледникового периода существовали всего три рефугиума широколиственных лесов в Европе: *иберский*, *балканский* и *украинский*. При этом «украинский» рефугиум Я. МаккаиИК. Виик связывалис прародиной древних финно-угров. Однако, это весьма спорное предположение: ведь эти зарубежные исследователи совершенно не знали о том, что палинологические исследования Н. А. Хотинскогово второй половине XX века показали, что на восточной границе Европы, на Урале во время позднего палеолита и раннего голоцена существовал четвертый первоначальный рефугиум – центр распространения широколиственных лесов. Это открытие имеет большое значение для финно-угристики и уралистики в целом. Палинологические результаты Н. А. Хотинского и его учениц (В. С. Волковой и В. А. Белковой), говорят о существовании широколиственных лесов Евразии во всех направлениях. То есть не только во времена финно-угорской эпохи, «но и до этого, то есть во время даже существования уральской прародины, которые азонально (или интерзонально) в меридиальном направлении пересекали несколько экологических зон с обеих сторон Уральских гор», типичные деревья и тайги и широколиственного леса одновременно находились на территории прародины уральцев и древних финно-угров. Более того, они распространились даже в Зауральской части Западной Сибири. Согласно исследованиям П. Вереша суровый субарктический таежный район между нижним течением Оби и Полярным Уралом не может служить исключительной территорией уральской прародины, как считал П. Хайду. Более вероятен район южного Урала и южной части Западной Сибири где находился четвертый рефугиум европейских широколиственных лесов и до сих пор растут широколиственные деревья.

В изучении этногенеза родственных по языку народов (венгров, ханты, манси и удмуртов важно учитывать, что «Для угорского населения хантов и манси таежной зоны Западной Сибири в течение долгого времени (начиная с эпохи средневековья) была характерна известная замедленность социально-экономического развития. В силу этого многие компоненты традиционной культуры обских угров, как и их языки, содержат больше элементов архаики, чем культура остальных финно-угорских народов, живущих к Западу от Урала, т. е. в европейской лесной зоне. Поэтому традиционная культура как манси, так и близкородственных им по языку хантов может служить надежной основой для историко-этнографической реконструкции, а в ряде случаев даже отражает явления, возникшие в далеком прошлом, в ходе их этногенеза», а «Нынешняя этническая территория обских угров полностью входила в прошлом в восточную часть финно-угорской прародины уральских народов».

Заключение. Таким образом, в поиске истине об этногенезе древних башкир и венгров наиболее продуктивно интегрировать достижения венгерских, финских, российских и иных ученых (Г. А. Аксянова, Б. О. Долгих, И. Ю. Винокурова, В. Е. Владыкин, И. Н. Гемуев, А. В. Головнев, Л. Г. Громова, Н. Н. Гурина, Т. П. Девяткина, В. В. Иванов, Н. В. Лукина, Т. В. Минниахметова, Т. Л. Молотова, И. И. Муллонен, В. В. Напольских, Е. И. Ромбандеева, Н. Ф. Мокшин, А. М. Пекина, Е. В. Перевалова, Е. А. Пивнева, В. М. Повоев, Л. С. Христолюбова, Ю. А. Савватеев, Ю. Б. Симченко, З. П. Соколова, З. И. Строгальщикова, В.Н. Чернецова, Н. В. Чикина), последовательно вписать их открытия и «противоречия», а также открытия и противоречия иных исследователей, в целостную систему, в современную ему венгерскую национальную историографию. Он апеллирует к

необходимости мульти-дисциплинарного подхода, сопоставлению данных разных наук, к пониманию того, что все условия жизни этноса, начиная от природных и заканчивая языковыми и «геополитическими» изменчивы и влияют друг на друга. Системность его подхода и проблематизация, используемая им в его исследованиях позволяют не только обнаруживать, но и разрешать многие «спорные» вопросы уралистики, идея, о том, что венгры происходят именно из краев Урала , а их родственниками являются туземные народы Урала и Западной Сибири, встречается с XVI в. в произведениях М. Меховского и С. Герберштейна. Однако, уже в XVIII веке существовали некоторые предположения о том, что венгры, вероятнее всего, происходят с Урала, историки Венгрии до возникновении научной лингвистики первоначально поддерживалась даже ошибочная гипотеза о еврейско-мадьярском языковом родстве: но всегда предполагалось, что мадьяры раньше являются восточным кочевым народом, родственным с некоторым этносам Востока (турками, тюрками или персами, и. т. д.). «Окончательный прорыв» важности финно-угорской теории венгерского языка связан с исследованиями в Венгрии немецкого ученого И. Буденца, осуществленных во времена, когда Венгрия входила в состав Габсбургской Империи. Конкретно после венгерской революции и национально-освободительной войны в 1848-49 годов, когда была подавлены «Священным Союзом», организованным совместно австрийцами и российским царизмом. Поэтому научная финно-угорская концепция венгерского языка вызвала негативную психологическую реакцию националистических кругов и не была особенно популярна среди населения страны, которое естественно не понимало и даже теперь не понимает сложные методы историко-сравнительного языкознания. Консолидация финно-угорской концепции отмечается в конце XIX века, когда происходила серьёзная финно-угро—тюркская лингвистическая научная дискуссия. Однако ориенталистические (тюрские ориентации) гипотезы под влиянием известного путешественника А. Вамбери и/или более ранние гипотезы о восточном, или южном (Кавказ, Иран) происхождении венгров существовали еще в XIX веке. До сих пор сторонники старой, «автохтонной» венгерской историографической мысли, иногда подчеркивают факт появления мадьяр в Карпатском бассейне раньше 895-900 годов нашей эры (например, в археологической теории о «двойном обретении» родины и т.д.. В настоящее время также дискуссионной остается еще одна проблема – башкиро-мадьярская: некоторые средневековые источники именовали венгров башкирами и локализовали венгерскую прародину в Башкирии (как и некоторые венгерские хроники). Ответ на этот вопрос остается неясным, несмотря на попытки некоторых ученых: А. Рона-Таш, Д. Немет, Н. А. Мажитов, а также гипотезу о том, что протовенгры двигались несколькими потоками, один из которых остановился на территории современной Башкирии [68; 69]. В то же время в Финляндии и Эстонии распространены теории «финского автохтонизма» утверждающие о преемственности финно-угорских народов от жителей Прибалтики, появившихся здесь еще в мезолите, после схода ледникового покрова (культуры Кунда и Суомусъярви). Одним из основных пропонентов таких взглядов являлся К. Виик, которого обычнокритиковали за националистическую предвзятость, выражающуюся в желании разместить прародину финнов ближе к Европе и дальше от Азии. Хотя он, очевидно, не знаком с исследованиями по финно-угроведению на русском языке, как и итальянский профессор уралистики А. Маркентони. А в работах В.В. Напольских и иных известных исследователей из России и других стран отмечается, что прародину финно-угров не только следует искать по восточную сторону Уральского хребта, но она может располагаться и дальше. Однако, поскольку существуют многочисленные языковые и культурные параллели между финно-угорскими (и в целом уральскими) народами с одной стороны, и юкагирскимии, и тунгусо-маньчжурскими народами— с другой, то это заставляет полагать, что прародина уральцев располагается еще дальше – на восток. По мнению В.В. Напольских, теория урало-юкагирского родства доказана. Однако, саамский лингвист А. Айкио (который, не исключает возможность родства финно-угорских июкагирских языков на «ностратическом» или «евроазиатском уровнях», а также наличия ранних контактов между носителями этих языков) против этой гипотезы: споры ученых продолжаются, и вносят свой важный вклад, помогая разрешать фиктивные противоречия и ставить новые вопросы.

Литература

1. Аминев З.Г.. Следы предков башкир в Молдавии и Венгрии // От древности к новому времени (Проблемы истории и археологии). – Выпуск XV. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. – С.140-146.

2. Пынзару С. Бытописатель бессарабской старины. Накко О. Дочь колдуньи // Кодры. Молдова литературная. – №7. – 1991. – С. 169-187.

3. Хвольсон Д.А. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али-Ахмеда бек Омар Ибн-Даста // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1868. Ч. 140. Декабрь. – С.104–669.

4. Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских с конца VII века до конца X века. – С.-Петербург, Типография императорской академии наук, 1870. – VIII, 308 с.; Москва : URSS : Ленанд, 2015. – 308 с.

5. Бейлис В.М. Народы Восточной Европы в кратком описании Мутаххара ал-Максиди (X в.) // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Сборник статей. В 3 томах. 1969-1973 / Под ред. А. С. Тверитиновой. -. – Т.2. – М., Наука, 1969. 339 с.

6. Мольнар, Э. Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа // Studia Historica Academia Scientiarum Hungarica. 13. Budapestini, 1955. С. 96-134.

7. Булатов А.Б. Восточные авторы о башкирах // Археология и этнография Башкирии / Бромлей Ю.В. (отв. ред.).. – Уфа: Башкирский филиал АН СССР, 1971. – Т.IV. – 210 с.

8. Уметбаев М.-С. Ядкар (Памятки, Йэдкэр). – Казань: Типография Б.Л.Домбровского въ Казани, 1987- 180 с.; Уметбаев М. Йэдкэр – Памятки (Ядкяр: Стихи, переводы, публицистика) / Вступ. ст. Г.С. Кунафина. – Уфа: Баш. кн. изд-во, 1984. – 182 с.

9. Уметбаев М.-С. Башкиры. – Казань, 1897. С. 49-50; Уметбаев М.. Башкиры / Текстол. обработка, предис. и комм. Кунафина Г.С. // Вопросы текстологии башкирской литературы / Ред.-сост. Г.С. Кунафин. – Уфа: БФ АН СССР, 1979. – С.61-65.

10. Уҙак-Туҙак – бала бәшнәк ярсыгы // Башҡорт халыҡ ижады (Башкирское народное творчество). – Т.IV.: Эпос (на башкирском языке) / Сөләймәнов Ә.М. (ред.). . –Өфө: Башҡортостан «Китап» нәшриәте, 1999. — 400 б.– Б.281-288 (на башкирском языке).

11. Насиров И.Р. Сообщения арабских историков и путешественников о башкирах // Научное наследие Р.Фахретдинова и актуальные проблемы востоковедения /Материалы республ. науч. конф. Сост.-ред.: М.Х. Надергулов, А.Г. Салихов. – Уфа: ИИЯЛ УКНЦ РАН, 2001. – 148 с. – -С.88-90.

12. Насиров И.Р. Древние «баджгирды» в Венгрии // Ватандаш. – 2000. – №5. – С.151-152.

13. Nemeth G. Ungarische Stammesnamen bei den Baschkiren (Теория о едином происхождении венгров и башкир). // Acta Orientalia Hungarica, Hungary, Budapest, 1966, – T. XVI.- P. 1-21.

14. MoorE. Magyarok ésBashkirs// ActaEthnograhica. – 1951. – II. – C. 124

15. Гарипов Т., Кузеев Р. Башкиро-мадьярская проблема // Археология и этнография Башкирии. Т.1. Уфа: БФАН СССР, 1962. С. 336-343.

©Арпентьева М.Р., 2018

Ахметова Г. А.
к.ф.н., доцент БашГУ,
г. Уфа, Республика Башкортостан

БАШКИРСКИЙ СЮЖЕТ В ТВОРЧЕСТВЕ Л. Н. ТОЛСТОГО

Л. Н. Толстой – русский писатель, в творчестве которого башкирская тематика органична и значима. Толстой много раз бывал в Башкирии, впечатления от ее прекрасной природы и самобытного народа непосредственно отразились в его «народных рассказах»: «Много ли человеку земли нужно», «Ильяс».

Существует работы, в которых рассматриваются преимущественно краеведческие аспекты «башкирских» страниц жизни и творчества Толстого [1]. Литературоведческий анализ произведений писателя, связанных с Башкирией, представлен скромнее [2]. В данной статье рассказ Толстого «Много ли человеку земли нужно» анализируется с точки зрения соотнесенности в нем древнего мифологического сюжета с сюжетом современным, ярко окрашенным башкирским колоритом.

Тема рассказа Толстого связана, с одной стороны, с его увлечением греческим языком, чтением в подлиннике Геродота и, с другой стороны, с жизнью писателя в Самарских степях, когда он близко узнал нравы и обычаи башкир. То и другое относит замысел рассказа «Много ли человеку земли нужно» к 1871 году. Именно тогда Толстой стал упорно и страстно изучать греческий язык: «(…) с утра до ночи учусь по гречески», – писал он А. А. Фету в январе 1871 года. «(…) по ночам говорю во сне по гречески» [3, с. 693]. Толстой работал над греческим языком страстно, до изнеможения, не думая о своем здоровье. С. А. Толстая, считавшая упорные занятия мужа греческим языком слишком вредными для его здоровья, настояла на его поездке в начале лета в Самару для лечения кумысом.

Эта поездка, поправив состояние здоровья Толстого, не помешала его занятиям греческим языком, но, напротив, глубже погрузила в чтение Геродота. Столкнувшись с местными жителями –

башкирами, Толстой увидел в них близкое сходство со скифами Геродота. «Читаю и Геродота, который с подробностью и большой верностью, описывает тех же самых галактофагов, скифов, среди которых я живу», – писал он в письме к А. А. Фету 17 июля 1971 года [3, с. 698]. Он чувствует себя «приходящим в скифское состояние».

Всё казалось Толстому в Башкирии «ново и интересно»: «(…) и башкирцы, от которых Геродотом пахнет, и русские мужики, и деревни, особенно прелестные по простоте и добродушию» (письмо С. А. Толстой от 23 июня 1871 года) [3, с. 699]. Башкиры с их питанием кумысом, «кумысоеды», «галактофаги» уносили его к временам Геродота.

Сюжет рассказа «Много ли человеку земли нужно» основан непосредственно на скифском предании, описанном Геродотом. В «Истории» Геродота (книга IV, глава 7) рассказывается про древний обычай скифов, когда землю передавали посредством «обега» или «объезда» ее на коне в течение определенного времени, с восхода до заката солнца. В рассказе Толстого так же человеку дается столько земли, сколько он может обойти или объехать.

Предание Геродота включает в себя два главных сюжетных мотива, которые повторяются в рассказе Толстого: «обег» земли и смерть в самом конце пробега. Однако у Толстого мотивы эти, сочетаясь по-новому, обретают другой смысл. В «башкирском» сюжете Толстого смерть становится следствием безграничной жажды земельной собственности.

Ненасытная жажда собственности развивается в герое рассказа Пахоме постепенно, по мере того, как он из малоимущего крестьянина превращается в крупного землевладельца. Земля отчуждает его от соседей, в которых он видит теперь врагов, разоряющих его угодья и крадущих все, что растет на них.

Желание толстовского героя обладать все новыми землями так велико, что оно заставляет его ехать в далекие башкирские степи, за «пятьсот верст». Здесь, как он слышал, можно почти даром завладеть землей, принадлежащей наивному, щедрому башкирскому народу: «Живут все в степи, над речкой, в кибитках войлочных. Сами не пашут и хлеба не едят. А в степи скотина ходит и лошади косяками. За кибитками жеребята привязаны, и к ним два раза в день маток пригоняют; кобылье молоко доят и из него кумыс делают. Бабы кумыс болтают и сыр делают, а мужики только и знают – кумыс и чай пьют, баранину едят да на дудках играют. Гладкие все, веселые, все лето празднуют. Народ совсем темный, и по-русски не знают, а ласковый» [4, с. 72].

На общем фоне непосредственных и добродушных башкир заметно выделяется фигура их «старшины» «в лисьей шапке». Она кажется исключительной: зловещей, демонической. От «старшины» исходит дьявольский соблазн, и договор с ним напоминает опасное соглашение:

–А цена какая будет? – говорит Пахом.

– Цена у нас одна: тысяча рублей за день.

Не понял Пахом.

– Какая же это мера – день? Сколько в ней десятин будет?

– Мы этого, – говорит, – не умеем считать. А мы за день продаем; сколько обойдешь в день, то и твое, а цена дню тысяча рублей.

Удивился Пахом.

– Да ведь это, – говорит, – в день обойти, земли много будет.

Засмеялся старшина.

– Вся твоя! – говорит. – Только один уговор: если назад не придешь в день к тому месту, с какого возьмешься, пропали твои деньги (…)

Какой хочешь круг забирай, только до захода солнца приходи к тому месту, с какого взялся. Что обойдешь, все твое» [4, с.74].

«Обег» земли, который Пахому предлагает сделать «старшина», граничит со смертью, ведь алчный человек обычно не способен положить предела своим желаниям, не может остановиться в жажде обладания.

Зловещий сон, приснившийся Пахому накануне «обега», не воспринимается им как предвестие смерти, предостережение. Между тем, в этом сне «старшина» оказывается дьяволом, а себя Пахом видит мертвецом: «Видит он, что лежит будто он в этой самой кибитке и слышит наружу гогочет кто-то. И будто захотелось ему посмотреть, кто такой смеется, и встал он, вышел из кибитки и видит − сидит тот самый старшина башкирский перед кибиткой, за живот ухватился обеими руками, закатывается, гогочет на что-то. Подошел он и спросил: «чему ты смеешься?» (…) И видит Пахом, что будто (…) это (…) сам дьявол, с рогами и с копытами, сидит, хохочет, а перед ним лежит человек босиком, в рубахе и портках. И будто поглядел Пахом пристальней, что за человек такой? И видит, что человек мертвый и что это − он сам» [4, с. 86].

«Обег» башкирской степи превращается для героя Толстого в безудержное, оргийное и тщетное состязание с Солнцем, которое неуклонно совершает свой ход от восхода до заката. Закат Солнца становится концом земного пути человека, охваченного страстью обладания: «Надулся Пахом, взбежал на шихан. На шихане еще светло. Взбежал Пахом, видит – шапка. Перед шапкой сидит старшина, гогочет, руками за пузо держится. Вспомнил Пахом сон, ахнул, подкосились ноги, и упал он наперед, руками до шапки достал.

– Ай, молодец! – закричал старшина. – Много земли завладел!

Подбежал работник Пахомов, хотел поднять его, а у него изо рта кровь течет, и он мертвый лежит» [4, с.78].

Скифское предание становится сюжетным центром рассказа Толстого о человеческой алчности, ничтожности земных желаний перед лицом смерти: «Поднял работник скребку, выкопал Пахому могилу, ровна насколько он от ног до головы захватил − три аршина, и закопал его» [4, с. 89].

В свете скифского предания рассказ об «обеге» толстовским героем башкирской земли с целью закрепления ее за собой и его последующей смерти получает философский смысл, становится притчей, выходящий за рамки конкретного случая.

Литература

1. Рахимкулов М. Г. От Пушкина до Толстого. Часть 1. Х1Х век. Художественно-краеведческие очерки о Башкирии / М. Г. Рахимкулов. − Уфа: Китап, 2009. − 424 с.
2. Альтман М. Читая Толстого / М. Альтман. − Тула: Приокское кн. изд-во., 1966. − 168 с.
3. Толстой Л. Н. Собр. соч. в 22 томах /Л. Н. Толстой. − М.: Худож. лит., 1984. Т. 18. − 609 с.
4. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах / Л. Н. Толстой. − М.: Рос. гос. библиотека, 2006. − 256 с.

©Ахметова Г.А., 2018

Ахметова М.А.,
сотрудник научной библиотеки Федерального исследовательского центра «Казанский научный центр Российской академии наук»;
г. Казань, Республики Татарстан

К МИЛОСЕРДИЮ И СОСТРАДАНИЮ ВЗЫВАЕТ КЛАССИК ТАТАРО-БАШКИРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ТЕМА ГОЛОДА 1921 г. В ПРОЗЕ М. ГАФУРИ)

Бедствие, обрушившееся на народы Поволжья в начале 1920-х гг. – в первые годы становления советской власти, которая, собственно, и должна была разрешить все проблемы «старого мира», еще более усугубило обстановку в стране. Публицистика М. Гафури, полная горечи и сострадания простым людям, авторского участия, созвучна своей эпохе и разрабатывает жуткие сюжеты, подбрасываемые самой жизнью, вписывая их в историко-психологический контекст событий, разворачивающихся в 1920-е годы.

Приступая к описанию людских трагедий, оставивших неизгладимый след в истории, автор предупреждает читателя, что тут нет ни преувеличений, ни преуменьшений. Начатое в 1921 году, но не законченное произведение «Ачлык фажигаләре» («Трагедии голода»), публицистической статьей назвать трудно, скорее всего, это дневниковые записи. Воспроизведённые автором жуткие картины голода отражают увиденное, услышанное, прочитанное, о чем и говорится во вступительной части статьи.

Уже в апреле 1921 года в деревнях люди начали опухать от голода, стало очень много больных и немощных. Как раз в это время М. Гафури отмечает, что начали прибывать «первые ласточки голодающих» из сельской местности в город. Изнуренные голодом люди пытались найти спасение в городе, но не найдя его там, продолжали путь в поисках хлеба: «Толпы голодных людей без всякой определенной цели двигались сначала в город, а оттуда, куда глаза глядят» [1]. Позже, в начале 1922 года, бегство приняло массовый характер, когда голодобеженцы «… бросив на произвол судьбы свой родной дом, устремились, куда глаза глядят в поисках за куском хлеба и бродят с теплящейся в сердце, но далеко не всегда оправдывающейся на деле, надеждой – найти спасение от голодной смерти» [9].

С целью получить информацию о жизни крестьян, о состоянии простых людей автор задает вопрос своему знакомому, приехавшему из деревни. В ответ услышал, что «половине сельских жителей нынче абсолютно нечего есть. Другая половина выглядит вроде бы нормально, но это если сравнивать их с теми, у кого совсем ничего не осталось. Они тоже доедают последний хлеб, когда он

закончится, пустят под нож скот. Большинство народа выживает именно за счёт скота. Жизнь в деревне окончательно сошла с накатанной колеи. Две трети селян вроде бы в состоянии провести весенний сев, но и они не смогут засеять много. Потому что нет семян. И гужевой транспорт значительно поредел» [5, с. 113].

Катастрофическое положение деревенской бедноты, обреченность на гибель отражается и в словах крестьянина, заходившего во двор М. Гафури просить милостыню: « – Эх, абзый!.. Думал ли я когда-нибудь, что буду ходить по дворам и просить милостыню? – Нет, конечно. Разве мог я предположить, что докачусь до такого. Но докатился вот, коли судьбой мне такое уготовано! Ногу я на Германской войне потерял. У меня был запас зерна пудов десять примерно. Поскольку этого количества не хватило, чтобы заплатить развёрстку, пришлось зарезать одну из двух коров, половину отдал им, половину съели сами. Но и это мясо закончилось, пришлось зарезать вторую корову. Ближе к весне жена умерла от тифа. А лошадь я весной потерял. Когда дома стало совсем невмоготу, я взял двоих детей и двинул сюда, вчера похоронил младшего. Старшую оставил одному своему земляку, а сам вот здесь околачиваюсь. Но и здесь толку мало. Не знаю, как быть, куда податься. Согласен хоть сегодня на тот свет, но нет – раньше смерти не помрёшь…» [5, с. 112-113]. Разумеется, для оголодавших, обессилевших от голода крестьян уйти в иной мир лучше, главное не ощущать этих мучений, страданий. Смерть для них долгожданная радость, но медлящая приходом.

Из вышеприведенных рассказов крестьян понятно, что их заставляли усердно выполнять план продовольственной разверстки. Однако крестьяне, заплатив разверстку тем, что у них было, резали коров и лошадей, тем самым однозначно обрекая себя на гибель: «В деревнях не осталось никаких запасов хлеба. Во время продразвёрстки подчистую опустошили все амбары. Если у двоих-троих и остались какие-нибудь заначки, но их ведь ни на что не хватит. Крестьяне и из боязни наказаний, и из других соображений отдали всё, что полагалось. Остальное съели сами. Откуда же взяться зерну после этого?! ... Оставшийся после развёрстки скот почти весь съеден. А обязательные налоги всё начисляют и начисляют. Не принимая ничьих возражений, их заставили полностью выплатить начисленную развёрстку. У кого не было, чем заплатить, продавали последнее и на эти деньги покупали необходимые для уплаты налога продукты» [5, с. 112, 113-114]. Главным фактором повального голода стал неумный подход правительства, основанный на изъятии продовольствия у крестьян, неумение решать возникшие проблемы и малоэффективность мероприятий власти в борьбе с голодом. Письмо Н.Я. Ежова (по предложению ТатЦика в 1921 г. был избран депутатом от Буинского кантона на IX Всероссийский съезд Советов. – М.А.), сохранившееся в центральном государственном архиве историко-политической документации Республики Татарстан, говорит о неорганизованности и неопытности советских учреждений в борьбе с голодом: «Запасов старого хлеба у крестьян не было. Продразверстка не допускала создания запасов, забирали по продразвёрстке не только излишки, но и самое необходимое <...> Аппарат советских учреждений был слаб, комплектовался главным образом из молодежи и демобилизованных красноармейцев, не имеющих достаточного опыта практической работы <…> не было среди нас не только с высшим образованием, но и с законченным средним» [12]. Беспорядок в стране и отсутствие грамотных и подготовленных специалистов на местах породили беду, ещё более усугубили ситуацию в деревнях и в городах. Неумение решать проблемы, отсутствие знающих специалистов для управления огромной страной, грабительская политика партии большевиков привели к тому, что крестьяне-хлеборобы, кормящие могучую державу, стали трупоедами и людоедами, съедали себе подобных и своих детей ради дальнейшего своего существования. В первые же годы правления страной большевики в полной мере проявили свою политическую и экономическую бездарность. На страницах периодической печати той поры вполне высвечивается ненависть населения по отношению к жестоким и недалеким правителям. Ленина и его соратников в периодике называли безбожниками, превратившими Россию в ужасающее гнездо бед и греха. Невозможно не согласиться с уфимским епископом, выразившим свой резко негативный взгляд на идеологию пролетариата на страницах местной газеты «Дус» (1917, 24 октября), тем более, что голод 1921 года подтвердил, на что они были способны.

В статье М. Гафури приводит информацию об опухших и умерших от голода в Белебеевском уезде. На страницах «Известий Всероссийского центрального Комитета Советов» цифры говорят сами за себя. Здесь под заголовком «В голодных местах» приводится информация о тяжёлом положении Уфимской губернии: «По августовским данным в Уфимском уезде голодает 90.000 взрослых и 80.000 детей до 16 лет, в Белебеевском – 100.000 взрослых и 90.000 детей, В Бирском – 50.000 взрослых и 30.000 детей, в Златоустовском 16.000 взрослых и 14.000 детей, - всего 475.000 человек из общего количества населения в 2.010.000, т.е. 24 процентов … за время с 8 июля по 15

сентября на улицах Уфы подобрано 715 трупов. В четырех волостях Белебеевского уезда уже в конце июля было зарегистрировано 40.000 больных. Местами болеет до 70-90 процентов населения»[3].

Тяжелейшее положение Тамьян-Катайского кантона, состоявшего из 17 волостей, отражено в речи «одного приятеля, преподавателя», рассказывающего о горных рабочих из Башкортостана: «Не могу найти подходящих слов, чтобы описать разыгравшуюся там трагедию! Абсолютно все семьи (это было зимой, в начале голодного 1921 года) гибнут от голода, абсолютно все семьи не имеют возможности куда-либо убежать от смертельной напасти, раздетые и разутые, они, словно дикие варвары, заперлись в своих домах. О хлебе и муке здесь никто и не вспоминает…Многие всю зиму питались только древесной корой и прочей подобной «снедью». Были и такие родители, которые намеренно заводили дорогих, любимых детей в дремучие леса Уральских гор и бросали там, чтобы не слышать их криков и стонов, чтобы не видеть их мучений и предсмертных судорог-конвульсий. У этих несчастных окончательно развеялись надежды на что-то хорошее в жизни. Они потеряли человеческий облик, дух их сломлен. Опустившиеся до уровня зверей люди, едят всё подряд и ждут смерти. Если так пойдёт и дальше, то в ближайшем будущем велика возможность их вымирания…» [5, с. 113-114].

В такие тяжёлые моменты люди, доведенные до отчаяния, доходят до людоедства и трупоедства, желая продлить свое существование за счет себе подобных. В начале 1922 года на страницах периодической печати публикуются страшные факты голодного года. Например, в Тамьян-Катайском кантоне Башкирии людоедство стало рядовым явлением: «В одной деревне умерла 14-летняя девочка. Родители, оставив труп дома, пошли рыть могилу. В это время их сосед, 32-летний человек, унес труп девочки из дому и спрятал его под нары своего дома. Родители девочки, возвратившись домой и не найдя труп, начали разыскивать его и известили об этом милицию. Когда вошли к соседу, то увидели, что на нарах валялись кости и черепа кошек и собак, а под нарами спрятан труп девочки. Когда начали расспрашивать соседа, «вор» сознался, что спрятал труп с целью поедания». Вот другой случай: «Супружеская чета – муж и жена, когда всё было съедено в доме и нечего стало есть, зарезали и съели своих двух малолетних детей»[2].

Случаи трупоедства и людоедства были обыденностью и каждодневно случались во всех кантонах и волостях. В еженедельном органе Народного Комиссариата по делам национальностей (Наркомнаца) отмечается, что: «В Кипчак-Джетировском, Бурзян-Тангауровском, Юрматынском кантонах зарегистрированы случаи, когда в семье были зарезаны и съедены по 2-3 члена семьи, как дети, так и взрослые» [9]. В одной только деревне Тюляк Юрматынского кантона, по словам специального корреспондента Известия ВЦИК, «Тухватулла Галия съела труп своего старшего брата Хабибуллы. Старуха по имени Хусни съела свою дочь Марьям и сына Ахмета. В той же деревне человек по имени Агзам съел свою родную дочь Шамси-Зямал» [2].

В Башреспублике и Уфимской губернии в 1921 году число голодающих составило от 2 до 2,5 миллионов человек. На основе продовольственной политики в Уфимской губернии было изъято 13 миллионов пудов зерна и фуража, 12 тысяч пудов сливочного масла, 12 миллионов штук яиц, а в Башреспублике 2,2 миллиона пудов зерна, 6,2 тысяч пудов сливочного масла, 39 тысяч голов крупного и 82 тысячи голов мелкого рогатого скота, 2,2 тыс. пудов меда [6]. Вышеперечисленный список сельскохозяйственных продуктов свидетельствует о том, что реквизиция, проводимая продотрядами, укомплектованными коммунистами, распространялась абсолютно на все. Подписанная в 1917 году продразверстка в начале распространялась на хлеб и зернофураж, в 1919-1920 годах в список были включены картофель и мясо, а в конце 1920-х г. отбирали почти все сельскохозяйственные продукты и «фактически изымались не только излишки, но и запасы, необходимые для выживания крестьян, а также семенной фонд» [11, с. 411].

Последствия голода 1921-22 г. в Башкирии охарактеризованы в статье Р.А. Давлетшина в издании «Башкортостан: Краткая энциклопедия»: «В годы голода население Башкирской республики и Уфимской губернии сократилось на 650 тыс. чел. (на 22 %). Численность башкир и татар уменьшилась на 29 %, русских – на 16 %. За 1921-22 исчезло 82,9 тыс. крестьянских хозяйств (16, 5 % от общего числа), количество рабочих лошадей сократилось на 53 %, коров – на 37,7%, овец – на 59, 5%. Посевные площади уменьшились на 917,3 тыс. дес. (на 51,6 %)» [7]. Цифры говорят сами за себя и не требуют никаких комментарий.

В своих записях М. Гафури пишет о пугающей панораме Казани, об огромном количестве мечущихся беспомощных голодных крестьян. 3 июля 1921 года Гафури, проплывая на пароходе по Каме, знакомит читателя с «людским морем» на пристани «Вятские Поляны». Здесь, как он отмечает, людской поток из «мешочников», зажиточных крестьян, везущих рожь, муку и прочие продукты из Перми, также «голодобеженцы» из Мензелинского уезда Татреспублики, не имеющие представления

о том, куда они держат путь. Они не видят выхода, поскольку неизвестно, куда они приплывут, и кто им окажет помощь на новом месте. Возвращаться обратно в свои деревни смысла нет, поскольку там и здесь их ожидает голодная смерть. Число «голодобеженцев» было весьма велико и только зафиксированных в Татреспублике составляет более 47 тысяч жителей [8, с. 130].

Наблюдая за происходящим на пристани М. Гафури отмечает, что голодные крестьяне неделями не могут сесть на пароход, в надежде проникнуть на борт толкаются, кричат, создают шумиху. Возникает конфликт и с местной милицией. Один из оголодавших, обессилевших крестьян в сильно потрёпанной одежде рассказывает М. Гафури о том, что их тут «неделю держат в ожидании парохода. Между тем пароходы проплывают один за другим. Вам этот пароход не подходит, говорят нам, за вами придёт специальный пароход. Вот и мучаемся тут в ожидании. Съели все продукты. На открытом воздухе дети начали болеть. Каждый день по одному, по два ребёнка заболевают. Когда уедем отсюда, неизвестно. Я продал лошадь и дом-пятистенок за четыре пуда муки и тронулся в путь. Сейчас и эта мука заканчивается. А есть и такие, у которых уже сегодня нет ни грамма еды. Эти едят кору да коренья…» [5, с. 115-116]. Своим внешним видом они напоминают мертвецов из могил во времена апокалипсиса, поскольку «бывшие когда-то мощными, как дубы, мужчины усохли и согнулись, словно коромысла, девушки, кровь с молоком, щёчки-яблочки, пожухли – кожа да кости».

Продолжение к описанному Гафури мы находим среди документов Национального архива Республики Татарстан. Говоря о голодающих людях, оставшихся под открытым небом, можно привести докладную записку члена комиссии по борьбе с голодом и эпидемиями А. Семенова, написанную 5 сентября 1921 г. и адресованную зампредвсетатчека Денисову, где говорится о следующем: «На основании Вашего приказа от 2-го сентября 1921 г. <…> произвел вторичный осмотр мест расположения беженцев и рабочих на станции и Устье, отправляющихся в хлебородные губ., по нарядам Наркомтруда. При въезде на Устье с левой стороны и с правой по дамбе находится тысячу двести человек совершенно под открытом небом, а часть в самодельных палатках <…> при осмотре их можно сказать <…> обнаружены больные; по правой стороне речонки Устья тоже под открытом небом сосредоточено до 300 чел. и далее под навесами около тысячи человек, около самого навеса обнаружен разлагающийся труп. На станции точно также обнаружены больные и имеются под открытом небом до 1 000 человек. Все граждане с мольбой просили не бросать их на произвол судьбы, не дать им погибнуть. Как раз в момент моего обследования начался сильный дождь, ветер, холод. У беженцев же кроме тряпья для того, чтоб огородить себя от холода ничего нет (разутые и раздетые совершенно). Медицинская помощь им совершенно не оказывается и к больным они дозваться не могут»[10].

С призывом помощи голодающим по зову сердца и гражданского долга М. Гафури выступает и на страницах газеты «Урал», органа Губернского Бюро тюркских народов Уфимского Губкома Р.К.П. (б) отдела по делам национальностей Губисполкома. В статье «Бер сынык икмәк, иске күлмәк» («Один ломтик хлеба, ветхие обноски»), автор призывает тех, кто может и в состоянии помочь бедствующим, сделать это: «Каждый, в ком осталась хотя бы толика совести и милосердия, должен бы при виде этих дрожащих, просящих подаяния детей тут же войти в их положение и прийти на помощь. Однако опыт, полученный за эти три дня, явственно показал, что сытые, спящие под тёплыми одеялами люди не спешат в должной мере протянуть руку помощи, а вид голодных детей не в силах растопить лёд равнодушия в их сердцах. Стало очевидно, что благополучные люди не в состоянии подать ни ломтя хлеба, ни поношенной, обветшалой рубахи… Довелось встретить даже таких, кто прятал в усы надменную улыбку, наблюдая за потугами тех, кто пытался помочь брошенным на произвол судьбы детям своих родственников, которых голод вынудил покинуть родное село» [4].

«Чутье настоящей минуты» (Н. Добролюбов), характерное для настоящих художников, заставляет М. Гафури, как и многих других, взывать к власть предержащим, к имущим людям, – помочь бедствующим. Он предвидит трагические последствия от равнодушия и невмешательства тех, кто может помочь – и не помогает – для морального состояния общества. Лишь милосердие, любовь и жалость к ближнему, сострадание к бедствующим людям, посильная помощь, – делают человека человеком. М. Гафури в полный голос заявил об этом и в своих публицистических статьях.

Литература

1. Адитамов А. Голод в Башкирии // Известия ВЦИК. – 1921. – 21 сентября.
2. В Башкирии (От собственного корреспондента) // Известия ТатЦИКа. – 1922. – 12 февраля.
3. В голодных местах. В Уфимской губернии // Известия ВЦИК. – 1921. – 19 ноября.
4. *Гафури М.* Один ломтик хлеба, ветхие обноски // Урал. – 1921. – 9 сентября.

5. *Гафури М.* Трагедии голода // Гафури М. Адам и иблис. – Уфа: Информреклама, 2006. – С. 110-116.
6. Давлетшин Р.А. Голод // Башкирская энциклопедия. Т. 2. – Уфа: «Башкирская энциклопедия», 2006. – С. 317-318.
7. Давлетшин Р.А. Голод 1921-22 в Башкирии // Башкортостан: Краткая энциклопедия. – Уфа: «Башкирская энциклопедия», 1996. – С. 237.
8. Ермолаев В.М. Демографический очерк Татарской Республики // Материалы по изучению Татарстана (Сборник статей). Выпуск II. Под ред. Г.Г. Ибрагимова и Н.И. Воробьева. – Казань: 2-ая Гостипография «Восток», 1925. – С. 114-131.
9. Кавзан К. В голодной Башкирии. На пороге вечного молчания // Жизнь национальностей. – 1922. – 25 февраля (№ 1).
10. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф.Р. – 4470. О. 1. Д. 28.
11. Революция и гражданская война в России: 1917-1923 гг. Энциклопедия. В 4 томах. – М.: Терра, 2008. – Т. 3. – С. 411-412.
12. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ). Ф. 30. О. 3. Д. 106.

© Ахметова М.А., 2018

Базиева Г.Д.,
старший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований – филиал КБНЦ РАН, г.Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика

ЭТНИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА В ТВОРЧЕСТВЕ К. Ш. КУЛИЕВА

Литература является носителем целого ряда смыслов (этических, эстетических, идеологических, религиозных, художественных и др.), при этом эстетическое непосредственно входит в структуру содержания художественного произведения, так как вбирает в себя и все другие культурные значения. В художественном творчестве использование этнической эстетики как целого комплекса мифологических и фольклорных символов, эстетических и этических представлений восстанавливает духовную связь между поколениями, выступая в качестве кода этнической самоидентификации.

Национальная литература неразрывно связана с фольклорной традицией, со всем предшествующим эстетическим опытом народа. Изучение исторического, эпического и эстетического опыта можно назвать характерной чертой творчества таких поэтов и писателей Кабардино-Балкарии, как К.Ш. Кулиев, А.П. Кешоков, З.Х. Толгуров, С.Х. Мафедзев, А.М. Теппеев, С.Х. Бабаев, Б.Г. Кагермазов, Б.Б. Мазихов, Э. Гуртуев и др., творчество которых легло в основу развития современной литературы Кабардино-Балкарии. Советская культурная политика уделяла большое внимание «поощрению» национальных творческих элит: кабардинский поэт А. П. Кешоков награждается Государственной премией РСФСР (1969) и Государственной премией СССР (1978), в 1990 году ему присваивается звание Героя Социалистического Труда; балкарская поэтесса Т. М. Зумакулова в 1977 году была удостоена Государственной премии РСФСР им. М. Горького, Государственной премией РСФСР (1966), Государственной премией СССР (1974), Ленинской премией СССР (1990, посмертно) было отмечено творчество балкарского поэта К. Кулиева [1, 176].

В творчестве К. Ш. Кулиева (1917 –1985) художественный образ и объективированный в тексте автор - это эстетические категории одного порядка и являются неотъемлемой частью не только мира духовного, но и реального. Художественность вписана в пластическую картину материального мира, при этом цепочка отражения эстетического воплощается во всех составляющих триады «природа – искусство - культура».

Я видел пляски северных степей
И среди них прекрасные встречал,
Но твой, лезгинка, бешеный напев
Сильнее всех в моей душе звучал.
Да, я люблю косматой бурки взлет,
И белый треугольник башлыка,
И стук копыт в горах, когда вперед
Уносит конь лихого седока.

1942 (перевод Д. Кедрина).

В известном стихотворении «Всегда гордился тем, что горец я» К. Кулиев создает яркий не только поэтический, но и живописно-музыкальный этнокультурный образ, наполненный целым рядом различных символов. «Как горько, что можешь выразить словом не все, что чувствуешь. Потому я так благоговею перед музыкой и люблю живопись» [4, 184], - писал поэт. Музыкальность настоящей поэзии связана с тем, что в стихах, также как и в музыке, важны ритм, интонация, звучание. В творчестве К. Кулиева реалистическая картина окружающей действительности во всем многообразии природных и культурных явлений передается через комплекс звуковых и живописных образов, оказывающих сильное эмоциональное, художественное и эстетическое воздействие.

Травы зеленые. Черные буйволы.
Желтый подсолнух. Ущелье. Река.
И вознесен над пирами и буднями
Камень, который похож на быка.

1965 (Перевод Я. Козловского).

Стихотворение «Балкарский пейзаж» написано по живописным канонам, так как ведущую роль в создании художественного образа играют локальные цвета, создающие зрительно-убедительный, устойчивый гармонический ряд. Живописная палитра: легкая и воздушная, или глубокая и насыщенная, позволяет передать красоту природы и тончайшие духовные переживания во многих стихотворениях поэта («Вдали снега подернуты туманом…», «Облака», «Тихие стихи» и др.) «Очевидно, что краски концепта «горы» отражали почти на всем творческом пути Кулиева сильные чувства и переживания лирических героев и символизировали душу, менталитет горцев Кавказа» [7, 245], - отмечают профессора Эфендиевы.

Одна из важнейших категорий эстетики «прекрасное» находит отражение в цикле стихов К. Кулиева, посвященных матери. «Я вижу, мама, день весенний», «В мой трудный день я вспомню только мать и горы, горы наши», «Ты разожги огонь, как мама разжигала», « Свой дом я вспоминаю часто очень» - эти и многие другие строки говорят о чувстве благодарности и преклонения перед подвигом матери, ставшей для поэта идеалом трудолюбия, самопожертвования и доброты.

Я думаю про все пути-дороги,
Когда пою тропу в родном краю.
И кланяюсь всем матерям я в ноги,
Когда я матери своей пою.

1965 (Перевод Н. Гребнева).

Трагические и тревожные темы (война, депортация, смерть близких, глубокие личные переживания и др.) звучат на самой высокой ноте, призванной утверждать веру в торжество добра и справедливости. Трагическое в творчестве К. Кулиева… «порождает в сердцах и умах читателей не только печальные мысли, но и эстетические переживания, которые оказывают очищающее воздействие на чувства и сознание людей» [7, 274].

Я на войне увидел тьму смертей,
Дым городов, свалившиеся своды,
Протянутые руки у детей —
Большое горе моего народа.
«Закрой глаза!» — твердил себе порой,
Чтоб отдохнуть, чтоб позабыть об этом.
Но так нельзя. Прости, читатель мой!
Невидящий не может быть поэтом.

1945 (Перевод Н. Коржавина).

И в поэзии, и в прозе К. Кулиев оставался верен художественным принципам правдивого, исторически-конкретного изображения действительности. В романе «Была зима» поэт воссоздает картину тяжелой жизни горцев во время немецкой оккупации 1941-1942 гг., но даже в этом трагическом произведении действительность выступает как часть мироздания в целом - в соотношении с самыми высокими абстракциями понятийно-идеологической реальности - космосом, временем, вечностью, красотой. «Солнце, и впрямь похожее своей желтизной на чистое литое золото, постепенно спускалось по удивительной белизне хребте и склонов, пока не залило весь этот горный мир – скалы, аулы, дороги, тропы в ущельях, огороды, улочки, дворы. Спустившись вниз, солнце согрело спины мулам, осликам, коровам, лошадям - всему живому. Дети выходили на улицу, жмуря глазенки. Все были рады свету, теплу, солнцу».

В творчестве К. Кулиева на эмпирическом уровне отражения действительности в один эстетический ряд выстраиваются явления материального и идеального мира, а художественный мир создается не на основе пасторальных, идиллических картинок красоты окружающего мира, а предстает как пестрый, многоцветный и многозвучный образ, единый в своей разнородности. В стихотворении «Два голоса в горах» поэт ставит сложные, противоречивые вопросы, касающиеся исторической и духовной судьбы кавказских народов.

— Твердят, что здесь погрязло все во зле,
Издревле здесь жестокость почиталась!
— Неправда, здесь, как на любой земле,
Ценили сострадание и жалость.
— Что ж было свято в давние года
Для этих гор, для здешнего народа?
— Здесь было и осталось навсегда:
Священны хлеб, работа и свобода!

1967 (перевод Н. Гребнева).

Тождество поэтической личности самой себе в разных текстах, выраженное как через категорию лирического субъекта, так и через категорию личности в понимании поэта вообще — это эстетическое единство более высокого уровня, чем индивидуальный поэтический стиль.

«Для отражения народного духа К. Кулиев не только использовал традиционные формы фольклорных мотивов и жанров, но и национальную историю, этническую этику и эстетику как системообразущие факторы национальной картины мира» [2, с. 64]. В фольклоре поэт видит мировоззренческие категории, сконцентрированный духовно-практический опыт поколений. «В сказке все крупно и ярко. Она освещена светом народной души, светом ее веры в жизнь, в справедливость, разум, светом его надежды… У меня всегда вызывало радость то, что в сказках разговаривают не только люди, но и горы, реки, камни, деревья, снег, дождь, животные, трава, а люди понимают их язык…В этом такая большая поэзия и прелесть» [4, 418-419].

В сказках, мифах, легендах, пословицах, поговорках формируются представления народа не только о добре и зле, но и о красоте (внешней и внутренней). «Ариугъу къраймa десенъ къардан ариуда джокъду» - «Если хочешь смотреть только на красоту, то красивее снега ничего нет», - гласит карачаево-балкарская пословица. «Все тот же снег белеет в дальней дали», «Идет спокойный снег…», «Снег идет в этот вечер в Баксанском ущелье»… Во многих произведениях поэта снег становится мерилом не только чистоты и красоты окружающего мира, но и символом вечности. «На свете было только то, что вечно,- песнь матери да этот белый снег». Вечность для поэта становится эстетической категорией, так как отражает не только быстротечность, но и незыблемость, устойчивость бытия, являясь неким недостижимым идеалом бесконечности и красоты мироздания. «*Была зима*. Горы сияли ослепительной белизной. Они в этот солнечный день сверкали как-то особенно, были непостижимо удивительны всей своей мощной красотой, став как бы символом вечности» [3, 29].

В романе К.Ш. Кулиева «Была зима» этническое пространство становится пространством памяти. Поэтичностью и одухотворенностью отличаются пейзажные зарисовки, точностью и детальностью - описания обычаев родного народа, уклада жизни, неразрывно связанного с народными и религиозными традициями. Красота окружающей природы, по мнению К. Кулиева, должна бережно сохраняться в своей первозданности, также как и искусство, отражающее народный дух. «Одним из главных качеств танцора в горах всегда считалось умение владеть собой в танце, умение нестись плавно. В изяществе – поэзия и красота. Настоящие народные танцоры не позволяли себе бессмысленных прыжков, безумных выкриков, дикого оскала и скрежета зубов, страшного таращенья глаз. Все это считалось дурным вкусом лжетанцоров и было чуждо народу»[3, 22].

Этические и этикетные представления «определяют национальное качество эстетических представлений». [6, 109]. В творчестве Кайсына Кулиева прекрасное и безобразное, трагическое и комическое передаются не только в этнических категориях, но и через вселенское, космическое миропонимание. Известный критик В.Ф. Огнев (1923-2017) писал: «Воспоминание. Мы с Кайсыном — в Араратской долине. Он, раскинув руки, с белозубой улыбкой, полузакрыв глаза, читает стихи о Сарьяне. Он в восторге самозабвения. До этого шел спор о цвете. О натуральности цвета, о фильмах Антониони, о цвете неба под Струмицей в Югославии… А разве мог бы «двуцветный» художник восторгаться блоковским стихотворением «Сольвейг» — Кайсын любил в нем именно картину рассвета, который, говорил он, пробирается словно фазан с розовой шеей среди стволов северных сосен» [5].

Из всех эстетических категорий наиболее полнозвучно в творчестве Кайсына Кулиева, на наш взгляд, звучит категория возвышенного. Бесконечность и вечность мира, мощные внутренние силы человека и природы, безграничные перспективы преобразований к лучшему, грандиозность природных явлений, героический подвиг «ради жизни на земле» – становятся для поэта символами величественности и красоты окружающего мира и людей, его населяющих. Трепетно живой, насыщенный солнечным светом и воздухом художественный мир К. Кулиева волнует поэтичностью и возвышенностью образного языка, которую можно сравнить не с патетической ораторией или высокопарной одой, а с симфонией, основанной на глубоком и всестороннем изучении народнопоэтической мелодики, импульсов и ритмов «времени и пространства».

Литература

1. Базиева Г. Д. Національные элиты Российской империи // Нева, 2012. №7. – С. 172- 180.

2. Базиева Г.Д. Этнические традиции и современные инновации в художественных текстах. Нальчик: КБИГИ, 2017.– 168 с.

*3.*Кулиев К. Была зима. – М.: Современник, 1987. – 447 с.

4. Кулиев К.Ш. Так растет и дерево. – М.: Современник, 1975.– 464 с.

5.Огнев В.Ф. «Лунорогие быки» воспоминаний (О Кайсыне Кулиеве). Дружба народов. 2010.№ 8. // magazines.russ.ru/druzhba/2006/8/og15.html (Дата обращения, 28.06. 16).

6.Узденова Ф.Т. Художественнон пространство карачаево-балкарской поэзии: этнокультурный контекст. – Нальчик, Принт центр, 2016. 210 с.

7.Эфендиева Т.Е., С.И. Эфендиев, Ф.С. Эфендиев. Фольклорно-философские и лингвокультурологические аспекты поэзии Кайсына Кулиева. – Нальчик: Из-во Котляровых, 2006. – 260 с.

©Базиева Г.Д., 2018

Байгужин И.Ғ.,
башҡорт филологияһы һәм журналистика факультеты аспиранты, БДУ,
Ҡунафин Ғ.С.,
филология фәндәре докторы, профессор, БФА-ның мөхбир ағзаһы, Өфө ҡ., Башҡортостан Республикаһы

Ш.БАБИЧ ИЖАДЫНДА ДИНИ ТЕМАТИКА ҮҘЕНСӘЛЕКТӘРЕ

Һуңғы осорға тиклем әҙәбиәт тарихында «аллаһыҙ» сифаты мактау һүҙе булып, «алланан» көлөү, унан мәҙәк яһау, сәнгәт кешеһенең рухи азатлығын, ижади бәйһеҙлеген кәүҙәләндереп килә. «Газазил», «Күктә — алла» ише айырым әҫәрҙәре буйынса Бабич тураһында ла ошондайырак фекерҙәр әйтелә тора. Ҡайһы бер дин әһелдәренә ҡарата аяуһыҙ эпиграммалар яңғыратҡан кисәләрҙәге гаугаларҙы иҫендә ҡалдырған замандаштарының хәтирәләре лә шагирҙың дәһрилек дәүмәлен угата ҡеүәтләй һымаҡ. Шагирҙы диндән айырып ҡарау, хатта дингә ҡапма-ҡаршы ҡуйып баһалауҙар нигеҙендә яһалған һығымталарҙың ныгыныуы илебеҙҙәге мәҙәниәт үҫешен билдәләгән объектив тарихи сәбәп. Марксизм-ленинизм тәглимәтендә дин социаль иҙеүгә хеҙмәт итеүсе көстәрҙең береһе итеп ҡаралганға күрә, совет власының тәүге көндәренән үк массаларҙы дин йогонтоһонан ҡотҡарыу маҡсатында төрлө йүнәлештә эш башлана. 1923 йылда РКП(б)-ның XII съезында ҡабул ителгән «Дингә ҡаршы агитация һәм пропаганданың ҡуйылышы хаҡында» тигән резолюцияны гәмәлгә ашырыу Башҡортостан шарттарында ла үтә ҡыҙыу темптарҙа бара; руханиҙарҙы эҙәрлекләү, мәсет-мәҙрә- сәләрҙе емереү-талауҙар, дини китаптарҙы юҡ итеү һылтауы менән бөтә гәрәп шрифтындағы мираҫты туҙҙырыу гәҙәти күренешкә әүерелә. Артабан махсус директива- күрһәтмәләр ҡабул ителмәһә лә, дингә ҡаршы көрәш кампанияһының шауҡымы шул тиклем тәрән һәм оҙайлы булды, хатта беҙҙең көндәргә тиклем, яҙылмаған булһа ла, фәнни тикшеренеүҙәргә методологик күрһәтмә рәүешендә йүнәлеш биреп тора. Шулар һөҙөмтәһендә халыҡтың рухи культураһының оҙайлы йылдар буйы йәшәп килгән бай ҡатламы игтибарға алынмай. Дини әҙәбиәт кенә түгел, халыҡ ижадының ниндәйҙер кимәлдә генә дини ҡараштарҙы сағылдырған өлгөләре лә баҫмаларға индерелмәй һәм фән күҙлегенән бөтөнләй баһаланмай, яҙма ҡомартҡыларҙың байтағы ҡыҫҡартыуҙар, редакторлау менән донъя күрә.

Ш. Бабич та мәҙрәсә мөхитендә тәрбиә-белем алған һәм, ижадсы булараҡ, заманы өсөн нисек кенә алдынғы булмаһын, мәҙрәсә һаяһында өлгөрөп еткән шәхес, шуға күрә уның әҫәрҙәрендә дин йогонтоһо, шуның материаль кәүҙәләнеше — дини лексиканың муллығы бик тәбиғи.

Автор иң йыш мөрәжәгәт иткән образдар — «алла һәм иблес». Донъя әҙәбиәтендә улар изгелек һәм яуызлыҡ символы рәүешендә кәүҙәләнеш алған. Ҡапма- ҡаршы торған был үҙәк образдар тирәһенә мифик заттар тупланған. «Фәрештә, мәләк, хур, Хызыр бабай, Ябраил» кеүектәре, ожмах-йәннәттә көн күреп, изгелеккә хеҙмәт итһә, «шайтан, ен, пәрей, ғифрит, аждаһа, Ғазраил, зобани» ишеләре тамуҡ-йәһәннәмдә яуызлыҡ тыуҙыра. Дини леғендаларҙа «ожмах» — күктә, ә «тамуҡ» ер аҫтында һымағыраҡ төҫмөрләнә. Бабич иһә был ике донъя көстәрен дә берҙә уҡмаштырып, ер кешеһе тормошона яҡынлата. [2, 174].

Көнсығыштан ингән урта быуат әҫәрҙәрендә, биҙерәк тә суфыйсылыҡ рухындағы поэзияла, изгелек һәм яуызлыҡтың тәүбашланғыстары (первоначала) — орлоҡтары кешенең үҙенең эске булмышында яратылған. Шуға күрә донъялыҡта кеше өсөн иң ҡурҡыныс дошман — яманлыҡҡа этәреүсе, аҙҙырыусы боҙоҡ көс — нәфсе һанала һәм ул һәр ваҡыт выжданға һөжүм ойоштора.

Ш. Бабич тәүге осор шиғырҙарында «иблес, шайтан» «нәфсе ялсылары» мәғәнәһендә ҡулланыла.

«Вау» — төҙөк ул.
«Нон» — боҙоҡ, һуң, тиҫкәре... һаҡсыһы
«Вау»ҙың — фәрештә ғәскәре,
Тиҫкәре «Нон» ғәскәре — иблестәре.
(«Выждан һәм нәфсе», 1912)
Йәки
Нәфсе — шайтан, бик яуыз ул, һәр әҙәмде аҙҙыра,
Аҙҙыра торғас, наҙандарҙы, юлдан яҙҙыра.
(«Китға», 1914) [1, 15]

Артабан Бабич традиҙион символ ҡыҫаһынан сығып, «аҙҙырыусы иблес» төшөнсәһен өр-яңы биҙәк менән байытып ебәрә. Ул — ерҙәге йәшәү сығанағы, һәр ваҡыт ниндәйҙер хәрәкәткә, үҙгәрешкә, төрлөлөккә әйҙәп торған, тормоштоң әсе-сөсөһөн татырға мөмкинлек биргән илаһи бер көс сифатында кәүҙәләндерелә, һәм, көтөлмәгәнсе, тап Бабичса, өр-яңы образ — «ыңғай иблес» образы күҙ алдына килә: иблес — ул хыял:

...Кем минең зиһенемде күктәргә осорҙо көл итеп?
Кем минең кеүек ҡарғаны һайратты былбыл итеп?
Кем эсерҙе, кем миңә ҡаптырҙы илһам һурпаһын?
Кем миңә мәсет яһап, тотторҙо инсан иркәһен?..
Кем йәһәннәм төптәренән мендереп ҡуйҙы йәнем?
Кем йыһанды тетрәтә, шатырлатып сынйырҙарын?..
Ул — минең әфләс хыялым, күркәм әхрас иблесем,
Ғүмеремә күңелемде тырнап торған әкбах иблесем.
(«Кем?», 1916) [1, 34]

Шағирҙың, донъяны танып белеү ҡеүәһе үҫеп, көндәлек тормош, йәмғиәт менән бәйләнештәре нығыу менән үрҙәге образдар ҙа асыҡ һынлана, конкрет төҫ ала. 1916 йылда баҫылып сыҡҡан «Ғазазил» поэмаһында Бабич ожмахта тыныс ҡына йәшәп яткан Ғазазилдың мәләктәр имамынан иблескә әүерелеү моментына туҡтала һәм кешеләр араһына ҡыуылған иблестең тере һынын тыуҙыра:

Күкрәгенә тыҡты ул әнуаг йылан,
Майланы ауыҙын зәһәрле яг менән;
Ҡул-аяғын сатлы-ботло һуҙғылап,
Ҡуйҙы һәр бер тырнағына еҙ ҡаҙап;
Маңлайына баҫты, ҡарсыҡ утлы мөһөр,
Ҡап-ҡара булды йөҙө — миҫле күмер.
Һәм дә шунда кәкре мөгөҙ таҡтылар,
Ҡот осор, күрһәң — осонда саткы бар. [1, 38]

Әҙәм балаларын аҙҙырыуҙы маҡсат итеп алған иблес образы әҫәр аҙағында бөтөнләй икенсе трансформаҙия кисерә: ул, имеш, батша, реаль кеше ҡиәфәтле. Әммә күңелендә, шағир билдәләүенсә, иблеслек зәһәре ята. Ә кеше булмышындағы иблеслелек күктән ҡот осмалы рәүешкә индереп ҡыуылған Иблестән күпкә ҡурҡынысыраҡ һәм хәтәрерәк, сөнки берәүҙәрҙең иблеслеге икенселәр йәшәйешендәге, ерҙәге дөйөм халыҡ тормошондағы бәхетһеҙлектәргә сәбәпсе була. Шуғалыр ҙа, Бабичтың һуңғараҡ донъя һуғышы утын тоҡандырыусыларҙы, Башҡортостанда ғраждандар һуғышы башланғас, башҡорт халҡына золомлоҡ ҡылған Дутов, Колчак ғәскәрҙәрен, ҡайһы мәлдә яуызлыҡта уларҙан да уҙҙырып ебәргән ҡыҙыл яуҙы ла ошо образ аша кәүҙәләндерә.

Иң ахырҙа, «Иблес, иблесләнеү» төшөнсәләре шағир тарафынан Башҡортостандың азатлығына, автономия төҙөү эшенә ҡаршы сыҡҡан көстәргә — татар буржуазияһының айырым вәкилдәренә ҡарата ҡулланыла:

Кәрәк түгел һиңә, нәфләк һатып,
Иблесләнеү, янау, тарланыу.
Бер ҡурҡытҡан булып, бер алдатып,
«Харап булдың» тиеп зарланыу.
(«Башҡортостан мөхтәриәтенә' ҡаршы татарға») [1, 67]

Күренеүенсә, автор, «аҙҙырыусы көс» тиғән традиҡион: мәғәнәһенән ситләштереп, «иблеслек» төшөнсәһен кеше натураһындағы иң ҡурҡыныс сифаттарҙан — әүермәнлеккә, тыштан — бер төрлө, эстән икенсене ҡылып йөрөүселәр символына, алып барып тоташтыра.

Шулай итеп, иблес һәм уның эрғәһенә ойошҡан башҡа мифик образдар аша реаль соҡиаль төркөмдәр: хеҙмәтсән халыҡ дошмандары, халыҡ бәхетен урлаусы, азатлығын емереүсе яуыз көстәр һынландырыла.

«Алла» һәм уға бәрәбәр ҡулланылған хоҙай, раббы, тәңре, хаҡ төшөнсәләренә лә Бабич йыш мөрәжәғәт итә. Шағир уйланмышы (замысел) буйынса алла образы төрлөсә кәүҙәләнеш ала: әҙәми зат сүрәтенә индерелеп, ер кешеһенә хас сифаттар менән билдәләнә, йәғни материаллаштырыла, күпселек әҫәрҙәрендә — илаһилаштырыла. Авторҙың аллаға ҡарата мөнәсәбәте ерҙәге ябай халыҡ тормошондағы, кешелек донъяһындағы реаль хәл-ваҡиғалар менән билдәләнә. Беренсе бөтә донъя һуғышы осорондағы ҡанлы ҡыйралыш, илдәге бөлгөнлөк мәлдәрендә ул аллаға ғәйеп ташлай, асыулана, уға ышанысын юғалта, уның мәрхәмәтенә икеләнеүҙәр кисерә:

Белмәйем,
әллә алла, әллә иблес
Алдалай?!

Киреһенсә, 1917 йылда азатлыҡ елдәре иҫә башлағас, шатлығы менән уртаҡлашып, алланың шәфҡәтенә рәхмәттәр уҡый:

Яңғырап, шаулап сыҡҡан шатлыҡ йырын
Фәрештәләр һөйөнөп тыңлаһын.
Шатландырҙың, тәңрем, һибеп нурың
Башҡортостан халыҡ донъяһын.
(«Олуғ шатлыҡ»)

Шағир ихласлығы, күңел ҡылдарының саф яңғырай, мөхәббәт лирикаһында асыҡ төҫмөрләнә.

Ҡәләмемә күңел ене ҡағылдырған,
Тиле күңелде үҙ юлына абындырған
Ике нәмә — әүүәл алла, икенсе ҡыҙ —
Бәндәләрҙе көҙрәтенә табындырған, —

тип яҙа Бабич 1917 йылда «Исемдәр баҡсаһында», «Алла һәм ҡыҙ» образдары «матурлыҡ, сафлыҡ» төшөнсәләре аша бергә береккән, шуға ла ҡыҙҙарға мөнәсәбәт тә йыш ҡына «алла» күҙлеғенән күрһәтелә:

Яҙмышының үтә лә ҡырҡыу, шаярыуға һис урын ҡалмаған фажиғәле мәлдәрендә ул, ярҙам һорап, аллаға мөрәжәғәт итә:

Раббым, һиңә ҺЫҒЫНА Башҡортостан,
Ишет мәзлүм башҡорт аһтарын.
Ҡан болото китһен инде өҫтән,
ҺалсЫ рәхмәтеңде, ғаффарым!

(«Ғәскәр доғаһы») [1, 32]

Шәйехзада Бабич — башҡорт тарихында иң ҡатмарлы, иң фажиғәле яҙмышлы шағирҙарҙың береһе. Уның ут-ялҡын эсендә туған милләтенең күңел иңрәүе булып моңло ҡыл кеүек өҙөлгән, йыртҡыс ҡулдар тарафынан өҙөлгән ҡыҫҡа ғына — боронғолар иҫәбе буйынса, ни бары ике мөсәл — еғерме дүрт йәшлек ғүмере тураһында уйланғанда, йыш ҡына халҡынан шулай уҡ көсләп айырылған, уның тере тәненән йәп-йәш көйө ите-ҡаны менән йолҡоп алынған Салауаттың һыны күҙ алдына килә. Яҙмыштары имғәтелһә лә, ил хәтерендә уларҙың йөҙҙәре яҡты булып ҡалды, икеһе лә йәш, дәртле, ҡыйыу шағир һәм яуғир булып заман һынауҙары аша киләсәккә үтә.

Шәйехзада Бабич, беренсенән, башҡорт поэзияһы донъяһында ҙур шөһрәт ҡаҙанған талант эйәһе; икенсенән, яҙма классик шиғыр өлгөләрен халыҡ шиғыры традиҡиялары менән йәтеш берләштерә алған һәм башҡорт шиғыр культураһын тиңһеҙ бейеклектәргә күтәрешкән шиғыр оҫтаһы. Бабич поэтикаһынан, әйтәйек, башҡорт-татар силлабикаһының бай ритмик-интонаҡион

үҙенсәлектәрен, рифмалар ишлелеген, строфалар төрлөлөгөн күрһәтеүсе гәйәт күп миҫалдар, бриллианттай ялтырар дәрәжәгә еткерә.

Әҙәбиәт

1. Бабич Ш.Һайланма әҫәрҙәр. — Өфө, 1958.

2. Шайхзада Бабич - выдающийся башкирский поэт и общественно-политический деятель // Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), посвященной 120-летию со дня рождения Ш.М. Бабича. Ответственный редактор: М.М. Кульшарипов, 2015. – С. 174.

© Байгужин И.Г., Кунафин Г.С., 2018

Баямбаев К.С.,
Магистрант 526 М группы Факультета алтаистики и тюркологии ГАГУ
Киндикова Н.М.,
д.ф.н., профессор,
г.Горно-Алтайск, Республика Алтай

ДОСТОИНСТВА МОНОГРАФИИ «СОКРОВЕННОЕ СКАЗАНИЕ МОНГОЛОВ: ЕЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОКИ» Ж. ШЕКЕНА

Монография Жандоса Шекена «Моцголдыц ҡупия шежіресі»: фольклорлық, әдеби негіздері» издана в 2013 году в городе Караганда Республики Казахстан. Она состоит из введения, 6 глав и заключения.

В монографии исследуется «Сокровенное сказание монголов» (1240), его фольклорные основы и вопросы художественной преемственности. Сравниваются различные мифы и легенды, сюжеты и мотивы из «Сокровенного сказания» с устной литературой тюркоязычных народов, выявляются историко-типологические, историко-генетические связи тюрко-монгольских народов. В монографии подчеркивается, что автор «Сокровенного сказания» при ее написании широко полагался на устную литературу народа, черпал из нее многие изобразительные элементы.

В работе особое внимание уделяется на традиции эпоса «Сокровенного сказания». К примеру, в ней широко представлены распространенные сюжеты в тюрко-монгольской и мировой фольклористике как легенда об одноглазом великане и притча со стрелами. По мнению автора, «Сокровенное сказание монголов» возникло на основе традиций надписей в честь древнетюркских каганов и древнетюркских эпосов как миф об Огуз-кагане. В монографии предок Чингис-хана Борте-чино отождествляется с Борте-шене (Ашина), прародителем тюркских народов. Ж. Шекен сравнивает мифы и легенды, ораторскую речь из «Сокровенного сказания» с образцами фольклора казахского народа, выявляет на примере обрядовых поминальных песен, сватовских песен и песен свадебного обряда из казахских фольклоров, предполагая изучать «Сокровенное сказание» как одного из возможных истоков устной литературы казахов.

В главе «Моцголдыц ҡупия шежіресінің» зерттелу тарихы» («История исследования «Сокровенного сказания монголов») представлен обзор трудов многих зарубежных авторов, даются сведения о переводах на другие языки. Ж. Шекена огорчает тот факт, что среди данных исследователей доля представителей тюрко-монгольских этносов достаточно мало. Также, в главе дается краткое изложение событий всех 12-ти глав «Сокровенного сказания».

В «Моцголдыц ҡупия шежіресінің» тарихи типологиялық және поэтикалық жүйесі» («Историко-типологическая и поэтическая система «Сокровенного сказания монголов») «Сокровенное сказание» рассматривается с историко-типологической позиции, где автор монографии берет к руководству два факта. Во-первых, с далеких времен тюрко-монгольские народы тесно контактировали, имели единый общественный строй и одинаковый хозяйственный уклад. Все эти факты могут служить поводом, для распространения у них одинаковых фольклорных сюжетов, образов и тропов. Однако не стоит забывать здесь о влиянии в XII-XIII веках индийской, китайской и тибетской культуры на фольклор монгольских народов, а на фольклор тюркоязычных народов мусульманской персидской и арабской культуры. Во-вторых, в связи с образованием в XIV-XVIII веках отдельных враждующих государств начинается процесс отдаления друг от друга фольклорных сюжетов среди народов тюрко-монгольского пространства.

В данной главе обращается внимание строкам «Сокровенного сказания», где повествуется об охоте. Автор сравнивает сцены из охоты с ловчими птицами из народного фольклора казахов с подобными строками «Сказания». Сопоставляются устойчивые словосочетания из «Сокровенного сказания» со словосочетаниями из казахского фольклора, методы образования художественных

образов в «Сказании» и в народном фольклоре казахов. Уделяется внимание и вероубеждениям людей из «Сокровенного сказания». Автор обращает внимание на «мольбу и почитание с ремнем на шее» Чингис-хана горы Бурхан-халдун, приводя образцы такого же ритуала почитания и мольбы из богатырских эпосов казахов. В данной главе, сверяя примерное время существования двух полумифических личностей, автор излагает предположение о том, что предок Чингис-хана Бортечино и прародитель тюркских народов Борте-шене (Ашина) могут быть одним и тем же человеком.

В работе уделяется внимание широко распространенным сюжетам как сказания про Одноглазого великана и сюжетам про Алун сулу, которая рожает троих сыновей от лучей солнца, явившимся к ней в образе волка. Данный сюжет из «Сокровенного сказания» сравнивается с похожим сюжетом из древнетюркского эпоса «Огузнаме», где главная героиня Ай каган забеременела от луча солнца. Мифическая притча Алун сулу про силу единства, показанная на примере нескольких прутьев своим сыновьям, имеет широкое распространение у многих народов мира.

Автор приводит сравнения народных пословиц из «Сокровенного сказания» и родственного ему «Золотого сокращения» с казахскими народными пословицами, из чего следует, что многие казахские пословицы и поговорки имеют много общего с пословицами племен из «Сокровенного сказания». Еще один жанр, часто встречающийся в «Сокровенном сказании» - это ораторское искусство. В монографии Жандос Шекен сопоставляет оратора из «Сокровенного сказания» Тайшешена с основателем казахского ораторского искусства Майкы би.

В главе «Эпостық белгілер мен мотивтер» («Черты и мотивы эпоса») автор обращает внимание на многие эпические черты «Сокровенного сказания». Автор сравнивает «Сокровенное сказание» с богатырскими эпосами казахов, и при выведении генеалогического древо Темуджина находит много общего с ногайско-казахским эпосом «Сорок богатырей Крыма». Мотив рождения главного героя со сгустком крови на руке, широко распространился у монгольских народов. Подобный же мотив мы можем наблюдать и в казахском историческом эпосе «Қисса Наурызбай». Детали рождения предка Темуджина от лучей солнца, прыжок в повествовании с момента чудесного рождения ко времени взросления главного героя, мотивы сна - все это черты, свойственные богатырским эпосам.

Традиции богатырского эпоса напоминает и сцена предвоенных бесед между враждующими сторонами, но в случае «Сокровенного сказания» это беседы между ханом найманов Даяном и его союзником Жамукой, который наводит страх на войско Даяна, повествуя о нечеловеческих звериных чертах войска Чингис-хана. И образ самого Чингис-хана перед битвой обладает всеми чертами батыра из богатырского эпосов.

Уделяется внимание некоторым числовым обозначениям, которые обладают сокровенным значением и часто фигурируют в эпосах. К примеру: число «три» («три дня», «три ночи», «с третьего раза», «были у него трое сыновей»); число «сорок» (из эпоса «Огузнаме»: «сорок кулашей», «сорок палаток»; из эпоса Книга деда Коркута: «праздновать сорок дней и сорок ночей», «сорок палаток», «сорок джигитов», «сорок девушек», «сорок дней», «сорок ран», «сорок негодяев»)

В главе «Тарихи шындық тұтастанган жүйе» («Историческая истина целостная система») автор останавливается на жанре «шежире». При определении жанра «шежире» автор уделяет внимание следующим моментам. Во-первых, любое шежире – это в первую очередь историчность, в нем при повествовании об отдельном человеке, о роде либо народе всегда присутствует хронология. Во-вторых, шежире является не только голой хронологией с генеалогическими именами предков человека, но и представляет собой родственные связи.

Также автор пишет о необходимости сравнительного изучения «Сокровенного сказания» с надписями в честь Кюль-тегина, Тонюкука, Бильге кагана, с эпосами «Книга моего деда Коркыта» и «Огузнаме»; с произведениями исламской эпохи «Дивани лугат ат тюрк»; с произведением эпохи Золотой орды «Махаббатнама». Во-первых, эти произведения могут обладать одинаковой историко-генеалогической характеристикой. Во-вторых, через песни, пословиц, выражений из «Дивани лугат ат тюрк» можно узнать многое о быте древних тюрков за век написания «Сокровенного сказания монголов». По мнению автора, традиция написания «шежире» у тюрко-монгольских народов началась именно с периода написания «Сокровенного сказания».

Также в данной главе автор выражает свое несогласие с признанием «Сокровенного сказания» лишь достоянием монголов, выводя на нет роль тюркоязычных племен, широко представленных в Сокровенном сказании. Автор задается вопросом неужели на слова «Сокровенного сказания» не влияло поэтика надписей на стелах в честь древнетюркских каганов Кюль-тегина Бильге кагана и Тонькока? Ведь Чингис-хана окружали видные ученые того времени, и данные памятники были в то время известны.

В главе «Дәуір және дәстүр жалгастыгы» («Преемственность эпохи и традиции») автор предполагает что столь искусное произведение могло лишь возникнуть на основе уже сформировавшийхся литературных традиций, и данной традицией вполне могут быть древнетюркские стелы в честь каганов Тюркского каганата. В главе сравниваются сюжеты и композиции древнетюркских памятников в честь Кюль-тегина, Бильге кагана и Тонькока с композицией «Сокровенного сказания». Затрагивается и земля обетованная Отюкен, которая имеется и в древнетюркских рунических памятниках и в «Сокровенном сказании монголов». Автор полагает, что «Сокровенное сказание» возникло на основе влияния древнетюрского литературного пространства и является продолжением древнетюркских литературных традиций. Хронология, эпический мотив памятников в честь Кюль-тегина, Бильге кагана и Тонькока повлияло на композиционную структуру «Сокровенного сказания».

В главе «Құпия шежіредегі» өлецдердің жанрлық және көркемдік ерекшеліктері» («Жанровые и художественные особенности песен из «Сокровенного сказания») уделяется внимание жанровой и художвественной особенности «Сокровенного сказания», полагается, что автор «Сокровенного сказания» при ее написании полагался на образцы устной литературы тюрко-монгольских племен. Здесь автором отмечается тот факт, что во времена образования и дальнейшего рассвета государства Чингисхана внем доминировал тюркоязычный конгломерат. Автор задается вопрос правильно ли будет относить лишь в пользу монголов собравший многие образцы стихотворных произведений различных племен данный литературный памятник? Возможно ли что первые образцы песен найманов, кереев, коныратов были на языке древних тюрков? Отдельные образцы песен из «Сокровенного сказания» сравниваются со строками песен из жырауского искусства казахов, в частности с песнями восхвалениями, со стихами-посвящениями. Автор отождествляет поэтические строки Жамука шешена из Сокровенного сказания с жырауским искусством казахов. Казахское жырауское искусство своей поэтической мощью, краткостью, глубоким смыслом близка к ораторскому искусству. Она обладает высокой потетикой, способностью при восхвалении поднять до небес, а при бранении «вогнать» в землю. По мнению автора в «Сокровенном сказании» доминируют зачатки жырауского искусства, чем обычная поэзия.

После обретения независимости наблюдается новый взгляд на науку, культуру, идет переосмысление проиденного пути народа. Раскрываются новые идеи, проводится научно-поисковая деятельность, высказываются предположения. Во времена тоталитарного режима была тенденция разделения родственных народов, исследуя древние памятники лишь через призму марксистско-ленинской идеологии. Однако в последнее время наблюдается более открытый взгляд на историю. Исследовение «Сокровенного сказания», написанного в 1240 году, может дать ответ на ряд актуальных вопросов казахской национальной фольклористики и литературоведения.

Монография полезна студентам, бакалаврам, магистрантам, филологам, научным исследователям и соискателям, а также тем, кому не безынтересна национальная литература казахского народа.

©К.С. Баямбаев, 2018
©Н.М.Киндикова, 2018

Бәхтийәрова Ә.Н.,
БДУ-ның шәрҡиәт һәм башҡорт тел ғилеме кафедраһы доценты,
Өфө ҡ., Башҡортостан Республикаһы

ЗӘЙНӘБ БИИШЕВА ӘҘӘРҘӘРЕНДӘ ҠУЛЛАНЫЛҒАН ҒӘРӘП АЛЫНМАЛАРЫНЫҢ ЛЕКСИК-СЕМАНТИК ҮҘЕНСӘЛЕКТӘРЕ

Хәҙерге башҡорт теле югары үҫешкән, күп функциялы яҙма әҙәби тел һанала. Башҡорт әҙәби телен формалаштырыуҙа яҙыусыларҙыҡ роле айырыуса ҙур. Уны үҫтереүҙә М. Аҡмулла, М. Өмөтбаев, М. Ғафури, Д. Юлтый, Һ. Дәүләтшина, Б. Бикбай, Р. Нигмәти, С. Агиш, М. Буранголов, Ж. Кейекбаев, М. Кәрим, Н. Мусин һәм башҡа бик күп әҙиптәрҙец өлөшө баһалап бөткөһөҙ. Уларҙыҡ әҫәрҙәре проза һәм поэзия жанрҙарын камиллаштырыуга, башҡорт әҙәби телен байыҡтырыуга тос өлөш индерә. Был әҙиптәр араһында Башҡортостандыҡ халыҡ яҙыусыһы Зәйнәб Абдулла ҡыҙы Биишеваныҡ ижады айырым урын биләй. Ул башҡорт әҙәбиәтен һәм башҡорт әҙәби телен байытыуга һәм үҫтереүгә баһалап бөткөһөҙ ҙур өлөш индерҙе.

Һуҡғы йылдарҙа айырым башҡорт яҙыусыларыныҡ индивидуаль стиленә арналган мәҡәләләр, хеҙмәттәр йыш баҫыла. Был йәһәттән Зәйнәб Биишеваныҡ ижадында халҡыбыҙҙыҡ тарихы һәм мәҙәниәте, донъяға ҡарашы, психологияһы, менталитеты югары художестволы кимәлдә һүрәтләнеүе

хақында ғалимдар бик күп яҙалар. Ошо күренештәр менән бер рәттән, яҙыусы әҫәрҙәрендә ҡулланылған лексиканы өйрәнеүгә лә ҙур иғтибар бүленә. Төп башҡорт һүҙҙәренән тыш автор үҙенең әҫәрҙәрендә ғәрәп, фарсы, рус теленән үҙләштерелгән һүҙҙәре ҙе лә актив ҡуллана. Әҫәрҙәренең йөкмәткеһенән күренеүенсә, Зәйнәп Биишева ғәрәп теленән үҙләштерелгән алынмаларҙы бик йыш ҡулланып, үҙ телмәрен байыта, халыҡҡа яҡынайта. Яҙыусы йәнле образ тыуҙырыу, уларҙың телмәрен байытыу өсөн дә туған тел хазинаһындағы һүҙҙәрҙән тыш ғәрәп теленән үҙләштерелгән алынмаларҙы уңышлы файҙалана.

Беҙ был мәкәләбеҙҙә З. Биишева әҫәрҙәрендә ҡулланылған ғәрәп теленән үҙләштерелгән һүҙҙәрҙең лекик-семантик үҙенсәлектәрен ҡарап үтмәксебеҙ.

Башҡорт теленә ғәрәп теленән үҙләштерелгән фән, мәғариф һәм мәҙәниәт өлкәһенә ҡараған һүҙҙәр, дини терминолоғия, ижтимағи-сәйәси терминдар, ваҡыт арауығы, ай исемдәре, планеталар атамалары, яңғыҙлыҡ исемдәр, кеше, уның физиолоғияһы, халәте, тормошо һәм үлем менән бәйле һүҙҙәр, абстракт һүҙҙәр, конкрет мәғәнәле һүҙҙәр инғән. З. Биишева әҫәрҙәрендә фән, мәғариф һәм мәҙәниәт өлкәһенә ҡараған һүҙҙәр, дини терминолоғия, абстракт һүҙҙәр, ижтимағи-сәйәси терминдар, конкрет мәғәнәле һүҙҙәр, яңғыҙлыҡ исемдәр, кеше, уның физиолоғияһы, халәте, тормошо һәм үлем менән бәйле һүҙҙәр, абстракт һүҙҙәр һәм ярҙамсы һүҙҙәр бик йыш ҡулланыла.

Фән, мәғариф һәм мәҙәниәт өлкәһенә ҡараған һүҙҙәрҙән *ғалим, әҙәбиәт, имтихан, фән, китап, хәреф, мәктәп* кеүек һүҙҙәрҙе йыш осратырға була. Мәҫәлән: *Мин нинДәйҙер ҡыуаныс менән китапты уҡырға керешәм* (З.Биишева). *Әле лә ул – мәктәптең иң шәп артистарының береһе* (З.Биишева). *Мәҙрәсәлә муллалар, хәлфәләр уны уҡыуға ихлас, зирәк, тырыш булғаны өсөн яратҡандар, уға ҙур киләсәк юрағандар* (З.Биишева). *Аҙаҡ шәкерт есөн иң мөкәддәс теләккә ирешә – мулла булып сыға торған йылда ғына бер төндө юҡ та булған* (З.Биишева). *Хаммат үткән бер хатында, фронтҡа барғас, нинДәйҙер бер рус һалдатынан рус хәрефтәрен өйрәнеп алыуы, шул аркала хатҡа адресты хәҙер үҙе яҙа белеүе тураһында ҡыуанып яҙғайны* (З.Биишева).

Абстракт мәғәнәле һүҙҙәр яҙыусы телендә иһә йыш ҡулланыла. Мәҫәлән: *Эйе, киләсәк – уның өсөн, бәхет сығанағы* (З.Биишева). *Ватан өсөн, һеҙ кәҙерлеләремдең бәхете өсөн мин фронтҡа китәм* (З.Биишева). *Ауыр минуттарҙа һин иҙелгәнде, кәмһетелгәнде ғәҙел, тоғро, сабыр яҡларға һәләтлеме әллә ундай саҡта боҫоп ятып ҡалыусанмы?* (З.Биишева). *Кескәй ҡыҙ күпме баш ватһа ла, ул сер шул хәтле ҡатмарлыраҡ, аңлайышһыҙыраҡ, хатта ғәүефлерәк була бара һымаҡ* (З.Биишева). *Өйрәнсеккә һарайында үҙе теләгәнсә йәшәргә, эшләргә рөхсәт иткән* (З.Биишева). *НинДәй сәбәп, нинДәй хәжәтлек был оло донъяға, үҙенең камиллеге менән дә, кеше яҙмышына ҡарата булған йәнһеҙ тәккәберлеге менән дә иҫ китәргес был тормошҡа, саң бөртөгөндәй итеп сығарып ырғыткан икән уны?!* (З.Биишева). *Ә мөхәббәт тураһындағыларын улар Сәлимә еңгәнең күңеле булһын өсөн генә яҙылған буш йырҙар тип кенә ҡаранылар* (З.Биишева). *Ул һәр ваҡыт берәй этлек эшләргә йыйынғанда шулай ҡалтыранып, тотлоғоп һөйләшә башлай ине* (З.Биишева). *Әлбиттә, ошо аркала, күп ваҡыт уға һейгән Сәлимәһенә иғтибар итергә, элеккесә ҡанмаҫ иркәлек менән солғап алырға ваҡыт та аҙ ҡала* (З.Биишева).

Ғәрәп теленән алынған дини терминолоғия ла яҙыусы әҫәрҙәрендә шаҡтай урын алып тора. Мәҫәлән: *Эй алла, ярлынан бай тыуғанын кем күргәне бар һуң* (З.Биишева). *Тайба әбей башҡа йылдарҙа ҡорбан ашына иң тәүҙә Ғаббас мулланы, абыстайҙары менән ... мәзинде саҡыра торғайны* (З.Биишева). *Ҡайҙан табырға икән ул кәрәсинде? Әжәл дарыуы кеүек бит ул хәҙер* (З.Биишева). *Мәсеткә бармай, им- томға ышанмай* (З.Биишева). *Ғаббас мулла был уңай менән мәсеттә оҙон-оҙон вәғәз һөйләгән* (З.Биишева). *Ә Кәзә мәзин әле мәсеттән киске намаҙҙан ҡайтмаған* (З.Биишева).

Яҙыусы ғәрәп теленән үҙләштерелгән яңғыҙлыҡ исемдәрҙе лә иғтибарынан ситтә ҡалдырмаған. Мәҫәлән: *Закир һаман аптырауҙан айына алмай һүҙһеҙ теклəп тора ине* (З.Биишева). *Ни, кем, Закир ҡустым нинДәй байҙа кем булып эшләй икән, тием* (З.Биишева). *Закирымды, үҙенə-үҙе ҡул һалды тип, көфөр китте тип, кəберендə тыныс ятҡырмайҙар* (З.Биишева). *Закир: - Минең аштан һуң аҙ ғына төтəтеп ала торған ғəҙəт бар шул инде* (З.Биишева). *Зөлхизәнең əсəһе хаҡындағы дөрөҫлөктө Аҙнаҡолдоң ошоғаса белмəй йөрөүе лə Юламан ҡарттың шиген арттыра* (З.Биишева). *Зөлхизə Аҙнаҡолон көтөп, диңгеҙҙəн күҙен алмай, моңайып йырлап йөрөй бирə* (З.Биишева). *Башын ғорур күтəреп, көндəй балҡып, Зөлхизə карапҡа табан атланы* (З.Биишева). *Балалар араһында Ҡарасəс əбейҙең ейəнсəрҙəре Сабира менəн Сəмиғə лə, Хамматтың Байрасы лə бар ине* (З.Биишева). *Хəбирҙең бер туған ағаһы Ғаббас мулла был тəңгəлдə айырыуса ҙур фиҙəкəрлек күрһəткəн* (З.Биишева). *Шəүрə лə, ҡустыһы Хəсəнде йоклатып, Емеш эргəһенə сығып ултырҙы* (З.Биишева).

Кеше, уның физиолоғияһы, халәте, тормошо һәм үлем менән бәйле һүҙәрҙе лә З. Биишева бик оҫта һәм урынлы ҡулланған әҫәрҙәрендә. Миҫалдар: *Унда, тылда, ташбаш бюрократтар араһында минең ғаиләм утынһыҙ ыҙалана* (З.Биишева). *Емеш үҙен ниндәйҙер бер осраҡлыҡ арҡаһында батша һарайына барып ингән йәтим ҡыҙ кеүек тойҙо* (З.Биишева). *Ғүмерендә тәү тапҡыр ысын күҙ йәше сығарып иланы* (З.Биишева). *Кәкрене кәбер генә төҙәтә тиҙәр бит. Һүҙ әрәм итеп тораһы ла юҡ...* (З.Биишева).

Яҙыусының әҫәрҙәрендә конкрет мәғәнәле һүҙҙәр, ижтимағи-сәйәси терминолоғияларҙы ла ярайһы уҡ йыш ҡуллана. Мәҫәлән: *Ағастар, сәскәләр, хайуандар, хатта ҡоштар ҙа, йомшаҡ, еләҫ һауанан һөйөнөп, көндөҙгө эҫенән ял итә* (З.Биишева). *Иштуған тоҡтарҙы ҡул арбаһына тейәп, өйгә алып ҡайтып китә* (З.Биишева). *Хасбулат олатай миңә бик иғтибарлы ҡарап тора бирҙе лә тағы ла һандығына эйелде* (З.Биишева). *Дуҫтар ғаризаларын алдылар ҙа, ашығып өйҙән сыҡтылар һәм туп-тура военкоматҡа киттеләр* (З.Биишева). *Һин ул саҡта, ағай кеше, башҡорт тигән милләт юҡ ул, – тигән бик оло бер фекер әйтҡәйнең* (З.Биишева). *Бының өҫтәүенә хөкүмәт коммунарҙарға бушлай аттар, машиналар бирәсәк* (З.Биишева). *Шаһиморат, был аяныслы хәлдәрҙе һөйләп тороуҙы кәрәк тапмай, үҙе булған урындарҙа ҡаҡтарҙың хәрби көсө, һаны хаҡында һөйләүгә күсә* (З.Биишева).

Шулай уҡ З. Биишева ғәрәп теленән үҙләштерелгән ярҙамсы һүҙ төркөмөнә инған һүҙҙәрҙе лә бик урынлы ҡуллана. Мәҫәлән: *Юлдашты был әлбиттә һис тә борсоманы, киреһенсә уға рәхәт, еләҫ булып китте* (З.Биишева). *Ләкин ул инде ғаиләнең өмөтө, ышанысы* (З.Биишева). *Хатта бәрәстәрҙе итәгенә ятҡырып йоклата ла ала ине ул* (З.Биишева).

Күренеүенсә, яҙыусы төрлө лексик-семантик төркөмгә ҡараған ғәрәп һүҙҙәрен үҙенең әҫәрҙәрендә йыш һәм урынлы ҡуллана. Ғөмүмән, ғәрәп теленән үҙләштерелгән һүҙҙәр З. Биишева тарафынан бик оҫта файҙаланылған.

Шулай итеп, ғәрәп теленән үҙләштерелгән һүҙҙәрҙең һәр береһе билдәле бер стилистик функция үтәп, тормошто тулы итеп һүрәтләүгә, характерҙар тыуҙырыуға хеҙмәт итә яҙыусыға. Киләсәктә уларҙың З. Биишева әҫәрҙәренең идея һәм темаһын реалләштереүҙә тоткан стилистик ролен ныҡлап өйрәнеү проблемаһы тора.

© Бәхтийәрова Ә.Н., 2018

Биккужина З.М.,
Баженов урта мәктәбенең башҡорт теле һәм әҙәбиәте уҡытыусыһы,
Бәләбәй районы, Башҡортостан Республикаһы

«БАШҠОРТ ҠАНЫ – МИЛЛИ ЙӘНЕМ»

(Н.Нәжмиҙең хәүефле йылдарҙа яҙылған шиғырҙары)

Бөтә кеше өсөн ҡәҙерле булған, кешене кеше иткән, кешенән халыҡ, халыҡтан милләт яһаған туған тел бар. Юҡҡа ғына әйтелмәгән мәҡәлдәрҙә, иле барҙың теле бар, теле барҙың көнө бар, тип. Һәр бер милләт үҙ теле менән йәшәй, ғорурлана, һөйә. Туған телдәренә арнап, шиғыр-әҫәрҙәр яҙа, үҙ телдәрендә кинофильмдар төшөрә, ғәзит-журналдар сығара. Ә башҡорт әҙәбиәтендә Башҡортостандың халыҡ шағиры Назар Нәжми хәүефле йылдарҙа ниндәй шиғырҙар яҙҙы икән?

Еңеү юлдары буйлап Бранденбурғ ҡапҡаларына табан атлағанда яуғир - шағир күпме һәм нәмәләр яҙып өлгөргәндер — бының инде уның ижад лабораторияһына һәм шәхси архивына ҡағыла, ә бөгөн иһә Н. Нәжмиҙең өс томлыҡ «Әҫәрҙәр» йыйынтығының 1-се томына (1977) индерелгән ун ете шиғыры иғтибарҙы йәлеп итә, сөнки улар поэзия тормошонда, биҙерәк тә шағирҙың ижади биоғрафияһында, үҙе бер күренеш.

Был шәлкемгә инған шиғырҙарҙың беренсеһе ике ғенә строфанан тора.

Күҙҙәреңә баҡып туя алманым,
Әйтә алманым әйтер һүҙемде.
Минуттарым йылдар кеүек оҙон,
Ярай әле йөрәк түҙемле...

Нурлы гөлдәр сәскә атыр өсөн
Йылы яҙҙы өҙөлөп һағына.
Гөлдәр булһаң, йылы яҙҙар булып,
Мин ҡайтырмын һинең яныңа.

Ниндәй тәрән һағыш, шул уҡ ваҡытта күпме дәрт һәм рухи ныҡлыҡ ошо һиҙеҙ юллыҡта! Шиғырҙа «һуғыш» тиҙән йәки уға ҡағылышлы бер ғенә һүҙ ҙә юҡ. Ләкин уның ҡасан яҙылғанлығына

ҡарап, лирик ғеройҙың һөйғәненән алыҫта йөрөүен, уны бик һағыныуын, шунлыҡтан уға ғүмерҙең дә оҙаҡ үткән кеүек тойолоуын, тик нисек кенә булмаһын, уның янына әйләнеп ҡайтырға ышанысын юғалтмауын аңларға мөмкин.

Икенсе шиғыр «Ғүмер һәм өмөт» тип атала. Тәү ҡарауға ул « Күҙҙәреңә бағып туя алманым... »ға ҡапма-ҡаршы яңғыраған кеүек:

Күпме йәшә - һин ҡыҫҡаһың кеүек.
Ниңә, ғүмер, ашығып үтәһең?..
Кемдәр генә һинән туя икән.
Йөҙ йыл йәшәп килә үләһе!

Минуттары йылдар кеүек оҙон тойолған лирик ғеройға был юлы ғүмер ифрат ашығып үткән һымаҡ. Әммә лирик ғеройҙың йәшәүгә, оҙон ғүмерле булыуға өмөтө, ышанысы һәм ихтыяр көсө әйтеп бөткөһөҙ ҙур.

Өсөнсө шиғыр - «Күлдәк». Тормошта йыш осрай торған бер-береһенә оҡшаш күренештәр күҙгә ташлана был шиғырҙа: бала сағында, кибер-кипмәҫ көйө кейелгән күлдәк һәм өс көн буйы ҡойоп яуған ямғыр аҫтында манма һыуға әйләнгән һалдат ғимнастеркаһы... Шиғыр оптимистик рухта тамамлана:

Беҙ барабыҙ. Һалдат юлы сикһеҙ.
Ямғыр нимә һуғыш мәлендә!
Яуһын әйҙә! Йөрәк кенә тиңһен,
Ә күлдәгем кибер тәнемдә.

«Ҡуш нарат» шиғырында һуғыш һәм тәбиғәт күренеше аша шағир дуҫлыҡ тураһында бик нескә һәм образлы итеп әйтеп бирә.

«Фронтта төн», «Совет һалдатына», «Ҡанатлы ҡыҙ», «Землянкала», «Танкист», «Окопта уйҙар», «Хат» тиғән шиғырҙары – Назар Нәжмиҙең шиғри табышы.

«Ҡанатлы ҡыҙ» шиғырын уҡығанда башына пилотка, өҫтөнә ғимнастерка кейеп, билен ҡайыш менән ҡыҫып бәйләгән ғүзәл ҡыҙҙың матур һыны күҙ алдына килеп баҫа. Аяҡтарына һалдат итектәре кейеп алған был һылыу ҙур юл сатына баҫҡан да, ҡулындағы ал, һары флаҡтарҙы болғап, колонналар хәрәкәтен тәртипкә һалып тора.

«Фронтта төн» шиғырында һуғыш атрибуттары күп осрай : миналар ҙа ғөрһөлдәп ярыла, яҡында ғына дошман да тырылдай, пулялар ҙа выжлап оса, ракеталар ҙа емелдәй, котелок та сеңләп китә...

Н.Нәжми «Хат» шиғырында хаттың кеше тормошонда тоҡан урынына күберәк иғтибар итә. Баҡһаң, хат кешенең айырылмаҫ ғүмер юлдашы: үҙе йәм биреүсе лә, ят һәм сит ерҙәрҙә йөрөгән саҡта яҡындарыңды хәтерләтеүсе лә, шатлыҡ алып килеүсе лә икән.

«Окопта уйҙар» шиғырында фронт тормошоноң үҙенсәлекле картиналары күҙ алдына баҫтырыла. Атакаға күтәрелеү, разведкаға барыу мәле лә иҫкә алына. Һуғыш булғас, окоптарҙа үткән һалдат ғүмере өсөн үлемдәрҙең дә ғәжәп түгеллеге хәтергә төшөрөлә. Был юлдарҙан бер аҙ моңһоулыҡ елдәре лә иҫкән һымаҡ тойола. Шиғырҙың һуңғы юлдарында шағир фекерҙәр ағышын кинәт кенә үҙгәртә:

Тыуған ергә еңеп ҡайтырмын мин,
Үтеп ошо һуғыш юлдарын.
Мин ышанам, барыбер осрашырбыҙ,
Үлем юҡ ул ул беҙгә, дуҫтарым!

«Совет һалдаты» шиғырының тәүге дүрт строфаһында беҙҙең һуғышсыбыҙҙың яу ҡырында күрһәткән батырлыҡтары һанап сығыла һәм уға дан һүҙе әйтелә:

Төнгө йоҡолар күрмәнең,
Ләкин һин барҙың алға.
Ниндәй уттарҙа булһаң да,
Үлем юҡ һиңә, һалдат!

Назар Нәжмиҙең хәүефле йылдарҙа яҙылған шиғырын ниндәй уртаҡ сифат берләштерә? Ниндәй берҙәмлек хас уларға? Күҙгә иң ныҡ ташланғаны — шағирҙың да, уның лирик ғеройының да дошманды тар-мар итеп, Тыуған илгә еңеүсе булып ҡайтыуҙарына ныҡ ышаныуҙары һәм өмөт баҫлауҙары. «Күҙҙәреңә бағып туя алманым... »да, мәҫәлән, лирик ғерой үҙенең һөйғәне янына йылы яҙҙар булып ҡайтырға вәғәҙә итһә, «Ғүмер һәм өмөт»тә иһә ул «кеше өсөн ерҙә өмөт менән йәшәү күңелле» тип раҫлай. «Күлдәк»тә лә шулай уҡ: герой ҡойоп яуған ямғыр аҫтында ла йөрөргә риза, тик уның йөрәгә ғенә тибеүҙән туҡтамаһын; «Ҡанатлы ҡыҙ»ҙа ул еңеүҙән һуң «туҙанлы фронт юлдарын» һәм шул «ҡанатлы ҡыҙҙы» иҫкә алырына өмөтөн өҙмәй; «Фронтта төн» шиғырында лирик ғерой

«иртәгә был тирәлә дошмандың эҙе» лә булмаҫына ныҡ ышанған, ә иң мөһиме - еңеү, «ҡалғаны бары ла табылыр» тигән өмөт белдерелә.

«Үткән йылдар ғүзәллеген уйлап...» шиғыры эске бер рух күтәренкелеге менән яҙылған строфаларҙан тора:

Күпме әле башланмаған көндәр,
Башланмаған йылдар - алдымда!
Улар бары ла йәшәйәсәк йылдар,
Улар бары да гүзәл киләсәк.

«Иҫән ҡалһам» шиғырында лирик ғерой Уралын, Иҙел буйҙарын, Өфөһөн, тыуған ауылын, бала сағында йөрөгән һуҡмаҡтарын, әсәһен, һөйгән ҡыҙын һағынған. Геройҙың ғитлерсы фашизмды еңеп, тыуған яҡтарына әйләнеп ҡайтырына һис бер шиге юҡ:

Тыуған ил һәм хеҙмәт иткән өсөн,
Өҙаҡ көткән өсөн матурым,
Иҫән ҡалмау миңә мөмкин түгел,
Мөмкин түгел — мин һау ҡайтырмын!

Назар Нәжмиҙең һуғыш йылдарында яҙылған шиғырҙары арабында «Роза сәскәһе» тиҙән әҫәрендә бына ниндәй картина күҙ алдына килә. Фашистарҙан азат ителгән ауыл. Уның аҫты өҫкә килтерелгән, баҡса ҡорамалдары утлы күмерҙә әйләнгән, бомба өҙгән ағастар утта янған. Ләкин, һис көтмәгәндә, ут һәм төтөндән башҡа бер ни булмаған ошо ауылда хайран ҡалырлыҡ хәлгә тап булабыҙ: бомба шартлауҙарына һис тә иҫе китмәгән кеүек, роза сәскәһе үҫеп ултыра. Күпме көс һәм йәшәүгә ынтылыу был шиғырҙа!

Барып сәскәне еҫкәйем,
Ул бер ал роза ине;
Һәм шунда һин күҙ алдыма,
Һин күҙ алдыма килдең.

Н. Нәжмиҙең күренекле башҡорт шағиры Тимер Арсланға бағышлап яҙған «Дуҫлыҡ сәхифәләренән» тиҙән мәҡәләһендә ошондай һүҙҙәр бар: «Һуғыш мәлендә Ватан тойғоһо үтә киҫкен, үтә нескә, үтә физәҡәр ине һәм был нескәлек һәм физәҡәрлек, күпме дөйөм булмаһын, һөр кемдә ул тойғо үҙенсәлекле ине». Шағирҙың һуғыш осоронда яҙылған әҫәрҙәре быға асыҡ дәлил була ала.

Ватан тойғоһо «Казбек» шиғырында ла үҙенсәлекле бирелгән. Сит ерҙәрҙә йөрөгән совет һуғышсыһы юлда барған сағында беҙҙең илдә эшләнгән папирос һауытын күреп ҡала һәм, тапалып ятмаһын тип, уны күтәреп ала - уға Тыуған илдең ташландыҡ бер сүбе лә ҡәҙерле булып күренә.

Хәүефле йылдарҙа яҙылған ун ете шиғыр! Идея-тематик яҡтан сығып ҡарағанда, был шиғырҙарҙа «еңеүгә ихтыяр көсөн юғалтмаған батыр тәбиғәтле совет халҡының уй-тойғолары, рухи донъяһы» күпмелер кимәлдә сағылдырылһа, художестволы үҙенсәлектәренә килгәндә иһә, уларҙа фекер тәрәнлегенә ынтылышты шәйләргә мөмкин.

Шулай итеп, хәүефле йылдарҙа яҙылған шиғырҙары Н.Нәжмиҙең ижадында билдәле урынды алып торалар. Шағирҙың үҙ һүҙҙәре менән әйткәндә, һуғыш осоро - уның күңеленең тәҙсирләнеү һәләтенә тамам эйә була. Ә лирик ғеройҙары Тыуған илдең үлемһеҙлеге өсөн ут – һыуҙар кисергә әҙер.

Башҡорт шиғриәтенең йөҙөн билдәләрҙәй һәләтле шағирҙарыбыҙ арабында үҙенең йырлы-моңло лирикаһы менән Назар Нәжми айырылып тора. Шағир үҙе әйткәнсә, кеше ғүмере – "Бер күҙ асып – йомған ара ғына". Ул ошо ғүмер эсендә шиғриәтебеҙҙе байытты. Назар Нәжмиҙең ижады – шиғырҙары, йырҙары үлемһеҙ! Халҡыбыҙ йәшәгәндә, улар ҙа мәңгелек! Сөнки Башҡортостандың халыҡ шағиры Назар Нәжми кешеләрҙән ут алып, моң алып йәшәне һәм уларҙы кире халҡына таратты!

©Биккужина З.М., 2018

Вәлиева Ф.Ф.,
БДУ-ның башҡорт әҙәбиәте, фольклоры һәм мәҙәниәте кафедраһы аспиранты,
Гәрәева Г.Н.
филология фәндәре докторы, БДУ профессоры,
Өфө ҡ., Башҡортостан Республикаһы

ХӘЙҘӘР ТАПАҠОВТЫҢ ПОВЕСТАРЫНДА ЗАМАН ПРОБЛЕМАЛАРЫ ҺӘМ ЗАМАНДАШТАР ОБРАЗЫ

Хәйҙәр Тапаҡов – әҙәбиәттең әле яңы ғына үткән быуатының 80-90 йылдар арауығында ижад

майҙанына нығклап аяҡ баҫҡан яңы быуын яҙыусыларынан. Уның повестарында тормошсан баҙрап торған деталдар, ауыл кешеһенең эскерһеҙ саф психологияһы, тәбиғилек, күңел нескәлеге кеүек һүрәтләүҙәр ҙур урын алған. Тағын да йәмғиәттәге үҙгәрештәрҙең, проңесстарҙың нисек барышын, замандаштарының нисеғерәк кабул итеүен һәм кисерештәрен конкрет образдар, проблемалар аша художестволы сағылдыра автор.

Хәйҙәр Тапаҡовтың “Һайлау” повесындағы ваҡиғалар, һүрәтләүҙәр Рәхимйән Ҡотлоғужиндың яҙмышы аша бирелгән. Бөйөк Ватан һуғышы ваҡытында батырҙарса һуғышып, Ҡыҙыл Йондоҙ орденына, “Батырлыҡ өсөн” миҙалына, Ватан һуғышы орденына лайыҡ булған был ветеран үҙенең янбашында ҡорос ярсыҡ йөрөтә. Бына инде 50 йыл ошо ярсыҡ уға һуғышты бер минутҡа ла оноторға ирек бирмәй.

Повеста ваҡиғалар Рәхимйән ҡарттың йәй башында иртән иртүк уянып, уның берҙән-бер тоғро дуҫы – эте Һалбырғолаҡ менән һөйләшеүҙән башланып китә. Йәйге матур көндә, бар әҙәм татлы йоҡоға талғанда, Рәхимйән ҡарттың уянып, йоҡлай алмауҙары бушҡа түгел. Быны автор ветерандың һуғыш башланған көнөн – 1941 йылдың йәй башын хәҙер инде йөрәгенең, күңеленең һиҙеүе менән аңлата.

Рәхимйән ҡарттың өйөндә ашарға бер нимәһе лә булмауы, икмәк киҫәгенең таштай ҡаты булып туҡылдауы, уның “ғорлаһынан” араҡы эсеп тамаҡ туйҙырыуы аша бөгөнгө көндә ветерандарға, тыл ҡаһармандарына булған иғтибарһыҙ мөнәсәбәтте күрһәткән автор.

Әҫәрҙә Хәйҙәр Тапаҡов үҙенең ғеройынан бар йәшәү йомғағын һүттерә. Курск янында 1943 йылда барған һуғыш ваҡиғаларынан алып бөгөнгө көнгә, – һайлау көнөнә тиклемге хәлдәрҙе иҫенә төшөрә ғерой.

Яу ҡырында механик-водитель булараҡ Рәхимйән үҙе, сығышы менән Молдавиянан булған танк командиры Михаил Лотяну, Украина ере еғете Анатолий Романенко, Әрпеш ҡушаматы йөрөткән Иван Ложкин – былар барыһы ла ысын батыр еғеттәр була, бер-береһенә дуҫлыҡ хистәре менән йәшәйҙәр, үлемғә дусар ителгәндә лә үҙ иңдәрендә күтәреп, нисек тә булһа бер-береһенә йәшәү тәмен оҙағыраҡ һуҙырға мөмкинселек эҙләйҙәр.

Уйланыуҙар ветеранды тағы ла фронт сиктәренә илтә. Авторҙың был повеста Рәхимйән ҡарттың хәтирәләренә бер 16-17 йәштәрҙәге немең һалдаты менән күҙгә-күҙ ҡарашып осрашыуын юҡҡа ғына индермәгән. Әммә ошо еғет беҙҙең өсөн иң ҡурҡыныс дошман булһа ла, Рәхимйәндең уға ҡул күтәреп атырға батырсылығы етмәй. Беренсенән, был йәш еғет үҙенең иленән көсләп һуғышҡа оҙатылып ебәрелгәндер, тип уйлай ул, икенсенән, “һуғыш яланында атыуы еңел: йә һин – уны , йә ул – һине ,“ – ти. Ә ҡамыштар араһында мөлдөрәмә күҙҙәр менән ҡарап ултырған еғет Рәхимйәндең күңелендә бер ҙә дошманға булған нәфрәт хисен уятмай. Йәш сержант Рәхимйән Ҡотлоғужиндың: “Хәл иткес мәлдә кеше кеше булып ҡалырға тейеш, һуңынан үҙеңде ғәйепләп ғазапланырлыҡ булмаһын, һуғыш бит ул үлтереш-кырылыштан ғына тормай,” – тиғән был һүҙҙәре бар әҫәрҙә девиз кеүек яңғырай. Хәйҙәр Тапаҡов Рәхимйән ҡарт аша ошо һүҙҙәрҙе әйттереп, повестың төп идеяһын асып бирә. Тимәк, кеше ниндәй ғенә хәлдәрҙә осрамаһын, һәр ваҡыт үҙенең кешелек сифаттарын юғалтмай, дөрөҫ юл һайларға тейеш тиғән фекер был.

Яу ҡырында ирҙәр батырҙарса дошманға ҡаршы алышып, көн-төн йоҡо белмәй һуғышһа, был ҡурҡыныс ваҡиғаларҙан ситтә ҡалып, күңел асып, араҡы эсеп, ҡыҙҙар тотоп йөрөүселәр ҙә аҙ булмаған. Ошо ролде әҫәрҙә автор Нурғәле образы аша биргән. Ниндәйҙер билдәһеҙ рәүештә һуғышҡа бармай, тыныс ауылда тороп ҡалыуҙары, ирҙәре яуға киткән ҡатындарҙы мәсхәрәләп, көндә берәү менән күңел асыусы ирҙәр йөҙөндә һүрәтләнгән Нурғәле, һәм автор был хәл-ваҡиғаны ситләтеп кенә күрһәтмәй, ә тулыһынса Нурғәле кеүектәрҙең ниндәй оятһыҙлыҡ ҡылып, ҡатындарҙы аҙыҡ менән алдаштырып, үҙҙәренә каратыуын һөйләп бирә һәм Рәхимйәндең хәтирәләрендә лә Нурғәле менән Фәйрүзәнең шундай ҡылыҡ ҡылыуҙары бар. Әлбиттә, быға тыныс ҡына ҡарай алмай һалдат. Сөнки теғендә, яу ҡырында, уның дуҫы Сәмиғулла батырҙарса көрәшә, ә уның һөйгән ҡатыны Фәйрүзә был ваҡытта икенсе менән күңел аса. һуғыштан яраланып, үҙенә иҫтәлек булып торған ярсыҡ менән ауылына ҡайтҡан Рәхимйән әсе йөрәк, сирҡаныс менән ҡабул итә быларҙы.

Нурғәленең проводниңа Зарифа, Рәхимйәндең һуғышта үлеп калған дуҫы Сәмиғулланың ҡатыны Фәйрүзә менән уйнаш итеп йөрөүҙәрен дә автор осраҡлы рәүештә ғенә индермәгән. Бының менән ул берәүҙәр тыуған илен һаҡлап, һуғыш яланында һәләк булһа, икенселәр иһә ошоноң менән файҙаланып, күңел аса, үҙ нәфсеһен ҡабарта тиғән фекерҙе һыҙыҡ өҫтөнә ала автор.

Һуғыштан яраланып ҡайтҡан Рәхимйәнде яҙыусы беҙгә тағы ла батырыраҡ итеп күҙ алдына килтереп баҫтыра. Сатанлауға, оҙаҡ йөрөһә, янбашы шешеүгә ҡарамаҫтан, Рәхимйән колхозда механик булып эшләй башлай. Үҙенең проводниңа Зарифа менән ғаилә короп ебәреүҙәре, улдары Харистың донъяға килеүе, бер-береһенә булған мөхәббәте геройҙың бөгөнгө иҫтәлектәрендә тик

йылы, саф тойғолар ғына уята.

Әммә бөгөн Бөйөк Ватан һуғышы ветераны Рәхимйән Ҡотлоғужин яңғыҙы. “Ғүмер тиғәнең үҙ яйына аҡҡан һыуҙай аға бирә,” – ти Рәхимйән ҡарт. Ысынлап та, илең, ерең өсөн һуғышып, ҡартайғас та иһә бәхетле ҡартлыҡ кисерер урынына яңғыҙың шешә тотоп ултырыуҙан да ҡурҡыныс нимә юҡтыр ул. Хәйҙәр Тапаҡов Рәхимйән ҡарттың бөгөнгө көндәге хәлен һүрәтләп, уның образы аша барлыҡ ветерандарҙың да ошондай ауыр яҙмышҡа дусар ителеүсе тормошон сағылдырған.

Х. Тапаҡов үҙенең повесында Рәхимйән ҡарттың яңғыҙлығын шуның менән аңлата: ҡатыны Зарифа ашҡаҙан рағынан ауырып үлеп киткән, ә берҙән-бер улдары бөгөн ғаиләһе менән Латвияла йәшәй, хатта атаһының хәлен белергә лә ҡайтып китмәй.

Ләкин быға ҡарамаҫтан, Рәхимйән карт үҙенең яңғыҙлығына көйөнөп-бошоноп ултырмай, ә илдең киләсәге өсөн хәүефләнә. Бары тик хөкүмәттән ғенә уларға ҡарата бер ниндәй ҙә ихтирам да, иғтибар ҙа юҡлығын билдәләй. Ул: “Наградаларын һатҡан миңә оят түгел, пенсионерҙарын аҫрай алмаған хөкүмәткә оят. Минең яҙмышым – ул ғәҙел йәшәү, хеҙмәтең менән ереңде йәмләү, матурлау, килер быуындарға нәжес ҡалдырмау. Ошо ҡулдарым менән тыуған еремә хеҙмәт иттем – тәүҙә уны дошмандарҙан таҙарттым, һуңынан, беләктәрҙә көс булғанда, икмәк үҫтерҙем,” – ти. Ә үҙе барыбер үпкәләрен онотоп, киләсәк тип янып йәшәй.

Ул ғына ла түгел, хатта һайлау көнөнән дә ситтә ҡалырға теләмәй ветеран. Атлап барып етеүе нисек кенә ауыр булмаһын, ләкин илдең яҙмышы хәл ителгәндә тауыш биреүҙе үҙенең бурысы тип һанай ул.

Повеста күреүебеҙсә, Рәхимйән Ҡотлоғужинды һайлатыу өсөн килгән ике кеше еңел ғенә итеп ветерандың бюллетенен йыртып, үҙҙәренә кәрәкле кеше өсөн тауыш биреп ҡуялар.

Әҫәрҙең эпилогында ғына сағылдырылған был күренеш бөтә повесҡа йоғонто яһай. Сөнки Рәхимйән Ҡотлоғужин кеүек ветерандарҙың илдең яҡты, матур киләсәге өсөн көрәшеүҙәре селпәрәмә килә. Хәҙер үҙҙәренең яҙмышын халыҡ үҙе һайламай, ә бары тик, ҡыҙғанысҡа ҡаршы, “өҫтән ҡушылғанса” ғына бар эштәр ҙә хәл ителә.

“Хәйҙәр Тапаҡовтың “Һайлау” повесында ла ҡырҡыу ижтимағи-социаль, әхлаҡи-этик проблемалар, ғүмерен иленә, халҡына намыҫлы хеҙмәт итеүгә арнаған кешеләр ҡиммәте, бәҫе ни тиклем түбән төшөүе проблемаһына тығыҙ бәйләнештә контраст пландағы композиция ҡоролошонда ҡалҡыу яҡтыртыла. Туҡһанынсы йылдарҙың тынды ҡурғыс эҫе йәй айында, йылдың иң ҡыҫҡа июнь төнөн дә үткәрә алмайынса, повестың төп ғеройы Рәхимйән тән ғазабы ла, йән ғазабы ла кисерә. Тәненә ҡаҙалған дошман йәҙрәһе ярты быуат буйы ғеройҙы физик ғазаптарға дусар итһә, бөгөнгө замандың ғәҙелһеҙлектәр тулы күренештәре уның рухын изә” [1, б. 345], тип яҙа филология фәндәре докторы, профессор Ғ.Н. Ғәрәева.

Хәйҙәр Тапаҡовтың “Һайлау” повесы әҙәбиәтебеҙ өсөн дә, китап уҡыусылар өсөн дә ҙур әһәмиәткә эйә. Сөнки яҙыусы ошо әҫәрендә ҡыйыу, үткер заман проблемаларын күтәреп сыҡҡан. Ошо яңғыҙ йәшәүсе Рәхимйән Ҡотлоғужин исемле ветеран образы аша автор беҙҙе оло быуын вәкилдәренә, тыл ҡаһармандарына, ғөмүмән, үҙебеҙҙең яҡын кешеләребеҙгә иғтибарлы, ихтирамлы булырға саҡыра, ниндәй ғенә һынауҙар булмаһын, аяҡта ныҡлы тороп, тыуған ил, ер өсөн, ғәҙеллек өсөн алға барырға өндәй.

“Һайлау” повесында Хәйҙәр Тапаҡов Рәхимйән образы аша яу ҡырында барған ваҡиғаларҙы бәйән итеп, Рәхимйәнде ветеран булараҡ кәүҙәләндерһә, “Миҙал” повесында иһә автор туранан-тура һуғыш йылдарындағы ауылдың тормошон, ундағы көнкүреште, халыҡтың яҙмышын бәйән итә. Сөнки һәр ғаилә яҙмышында ҙур эҙ ҡалдырған ҡанлы-шанлы был тарихи осор күмпе ғенә ваҡыт үтһә лә, кеше хәтеренән юйылмай. Бында ла автор үҙенең төп ғеройы Ғәйзулланан яҙмыш боролоштарын теүәлләтә. 7 бала тәрбиәләп үҫтереп, яратып алған ҡатыны Сәлимә менән донъя көтөп, ҙур өйҙә бәхетле ҡартлыҡ кисергән Ғәйзулла үҙенең бала-сағында, үҫмер сағында бирелгән һәм уларҙы тоғро үткән һынауҙарын хәтерләй.

Балалыҡ осоро һуғыш йылдарына тура килгән Ғәйзулланың яҙмышын автор уның нисек итеп балалыҡтан сығып, ир-еғет ҡорона инеүенә тиклем бәйән итә. Атаһын һуғышҡа оҙатҡан бәләкәй ғенә Ғәйзулла көслө рухлы, теүәккәл, яҙмыш һынауҙарына сыҙарға өйрәнгән, сыныҡҡан ысын шәхес булып формалаша.

Төп ғерой Ғәйзулла образы аша автор ошо осорҙағы барлыҡ етем балаларҙың яҙмышын, Солтанғилде ауылы халҡы яҙмышы аша бөтөн ил халҡы яҙмышын сағылдырған.

Атаһы фронтҡа китеп, әсәһе ауырып үлеп киткән был йәш малай бары тик тиҙҙән атаһының ҡайтырына ышаныс менән йәшәй. Көн дә тиерлек ауыл капҡаһына сығып көтөп тороуы, атаһы тураһында хәтирәләр ғенә малайға артабан йәшәргә көс бирә. Уның үҙ алдына ғәзиз кешеһе ҡайтҡансы һарыҡ көтөүен теүәл, көр көйө һаҡларға тиғән маҡсаты ла артабан йәшәү бурысына

әйләнә. Ғәйзулланың ауыр сақтарҙа түҙмәй ерғә ятып үкһеп-үкһеп илауҙары бер уҡыусыны ла хисһеҙ ҡалдырмайҙыр.

Хәйҙәр Тапаҡов ошо әҫәрен изге күңелле, саф йөрәкле, кешелекле образдар системаһы менән тулыландырған. Был сифаттар Ғәйзуллаға ауыр сақта ярҙам ҡулы һуҙған Сәғит Әлибаев, Бәҙри ҡарт, Баныу инәй, Хөрмәтулла Иҫәнбаев, Ниғәмәт кеүектәрҙең йөҙөндә яҡтыртылған. Бәҙри ҡарттың Ғәйзуллаға үҙ тормошонан һөйләгән ваҡиғаһы малайға шулай уҡ баҫҡан ерендә ныҡ торорға, тормош ауырлыҡтарына бирешмәй, алда яҡты киләсәк барлығына ишара яһай. Анна Ивановна менән Баныу инәй әҫәрҙә изге күңелле, әсәлек тойғолары менән һуғарылған ҡатындар булып һынландырыла. Ошо ике катын ғына, бәлки, Бәҙри ҡартҡа һәм Ғәйзуллаға тағы ла бер ғүмер бүләк иткәндәрҙер.

Атаһынан дүрткел хат алһа ла, Ғәйзулла уның берҙән-бер көн ҡайтып кереүенә өмөтөн өҙмәй, алһыҙ-ялһыҙ, аслы-туҡлы эшләһә лә, үҙ хеҙмәтен тырышып, оло яуаплылыҡ менән башҡара.

Тормоштоң ғәҙәлһеҙлектәрен дә күп күрә еғет. Был күренеш Сәғит Әлибаевтың образы аша бирелә. Тәүҙә уны, Һибәтулла яла яҙып, колхоз рәйеслеғенән төшөрһәләр, һуңынан инде фронтта штрафбатҡа эләккән Сәғиткә бөтөнләй халыҡ дошманы исеме бирәләр. Үҙе иҫән сақта ғәйепһеҙлеген иҫбатлай алмаған, әммә Ғәйзулланы аслыҡтан ҡотҡарырға тырышып, ашарға он биреп торған Сәғит Әлибаев мәңгелек хәтерендә һаҡлана Ғәйзулланың.

Һуғыштың аяуһыҙлығына, кеше ғүмере йәшәү менән үлем араһында икәнен иҫбатлар өсөн яҙыусы укытыусы Сәлимйән образын индерҙе, һуғыштан бер ҡулһыҙ ҡайтҡан Сәлимйән йәшәү тәмен юғалтмай, ә киреһенсә, Ғилминур менән ғаилә ҡороп, матур йәшәп китәләр. Быныҡ менән автор кешенең нисек йәшәрҙә теләүен, уның үҙен башҡалар араһында кәмселлекле итеп тоймауын, ҡулһыҙ булһа ла, һау, таҙа кешеләр кеүек йәшәрҙә ынтылыуын күрһәтә.

Тормош булғас, унда яҡшылыҡ та, яуызлыҡ та йәнәшә йөрөй. Яҡшы, ярҙамсыл кешеләр менән бергә Ғәйзулланың эргәһендә яуыз, уҫал, мәкерле уй менән йөрөүсе кешеләр ҙә аҙ түгел. Шундайҙарға Һибәтулла, уның ҡатыны Фариза, улдары Сәмерхан инә. Әммә ниндәй ғәнә яуызлыҡ, этлек эшләмәһендәр, етем Ғәйзулланы Хоҙай үҙе яуыз кешеләрҙән ҡурсалап йөрөй.

Һуғыштан һуң бер йыл үткәс, колхоздың хеҙмәт алдынғыларын бүләкләү тантанаһында Ғәйзуллаға ла үҙ яҙмышындағы иң ҙур бүләк тейә. Һуғыш йылдарында күрһәткән фиҙакәр хеҙмәте өсөн бирелгән был миҙал Ғәйзулла ҡарттың бөгөнгө әллә күпме миҙалдары араһында иң ҡәҙерлеһе булып тора. Уның ҡиммәтен, ниндәй көс менән яуланғанын бары тик Ғәйзулла үҙе ғәнә белә.

Һуғыш осоронда алған сынығыуы, яҡшылыҡ менән яманлыҡты танырға өйрәнеүе, ғәҙәлһеҙлектәрҙә, яуызлыҡҡа ҡаршы күңелендә тоҡанған көрәш рухы, ер йөҙөндә яҡшы кешеләрҙең күп булыуына, уларҙың кешелекле, кеселекле иманына ышанысы ғеройға артабанғы тормош юлын лайыҡлы үтергә, хөрмәтле ил ағаһы дәрәжәһенә күтәрелергә ярҙам итә.

Ғүмер буйы намыҫлы хеҙмәт итеп, хаҡлы ялға сыҡҡан Ғәйзулла илдең бөгөнгө яҙмышы менән дә ҡыҙыҡһынып йәшәй, хәҙерге көндәге киҫкен ижтимағи, сәйәси, иктисади, рухи-әхлаки мәсьәләләр борсой уны. Был тәбиғи күренеш, сөнки Ғәйзулла ун ике йәшенән Ватанға төшкән һынауҙарҙы, ауырлыҡтарҙы үҙ иңендә күтәреп, Еңеүҙе яҡынайтырға әҙме- күмпе үҙ өлөшөн индерҙе ошо бәләкәй ғәнә эйберҙең дә мал хаҡына торошо уны аптырауға һала. “Бөгөн телефон шулай ҡиммәт икән, трактор, комбайн хаҡында әйтәһе лә түгел. Шунан һуң ауыл хажалығы ҡайһылайтып ҡына алға китһен? ” – тиҙәр бирә ғерой.

Шулай ҙа Ғәйзулла ахырызамандың етеүенә, ҡиәмәт көнөнөң яҡынлашыуына ышанмай. Автор ҙа Ғәйзулла образы аша киләсәктең яҡшы булырына инана, кешеләрҙең кешелекле булып ҡалыуҙарына өмөт менән ҡарай.

Профессор, филология фәндәре докторы, Ф.Н. Ғәрәева билдәләүенсә, «яҙыусы повеста бер Ғәйзулланың ғына түгел, ә бер нисә быуындың яҙмышын сағылдырған, һәр бер образ үҙенә ғәнә хас холоҡ-ҡылыҡ менән тасуирлана, иҫтә ҡалырлыҡ характер һыҙаттарында асыла. Повестағы образдар системаһы тулыһынса ғеройҙың шәхес булып өлгөрөүенә ниндәй ҙә булһа йоғонто яһаған [1, б. 163]».

Хәйҙәт Тапаҡовтың “Миҙал” повесында замандың ҡырҡыу проблемалары, кисектерғеһеҙ хәл итеүҙе талап иткән мөһим мәсьәләләр, халыҡтың бөгөнгөһөнә, киләсәгенә ҡағылышлы борсоулы уйҙар сағылыш тапҡан. Айырыуса ауыл халҡының хеҙмәте бик түбән баһаланыуы, быныҡ өмөтһөҙлөк тыуҙырыуы, аҡсаһыҙлыҡтың, эшһеҙлектең енәйәттәргә этәреүе образлы тел менән әйтеп бирелә. Ысын рухи ҡиммәттәрҙең ҡәҙерһеҙләнеп, киреһенсә, матди ҡиммәттәрҙең өҫтөнлөк алыуы һүрәтләнә.

Әммә яҙыусы һуғыш ялҡынында көйрәп янған, сыныҡҡан, тылда еңеүҙе яҡынайтыу өсөн хеҙмәт батырлыҡтарына барған нисәмә быуындың киләсәге ҙур булырға тейеш, тип раҫлай. Шуға

күрә лә уныц геройҙары ауырлыҡтарга бирешмәй, кеше булып йәшәргә тырыша, үҙҙәренец ысын кешелек сифаттарын югалтмай һаҡлап ҡала.

Х. Тапаҡов повестарыныц проблематикаһы геройҙарҙа, уларҙыц эшмәкәрлегендә сагыла. Автор ошо осорга гына хас заман проблемаларын, борсоган мәсьәләләрҙе оҫта күрһәтеп биргән. Рәхимйәндец дә, Гәйзулланыц да яҙмыш хәтирәләре аша тормош сылбырын төҙөйбөҙ. Ике геройҙы ла кешелекле, изгелексән, тырыш, үҙ илен хәстәрләгән ысын шәхестәр итеп күрәбеҙ.

Хәйҙәр Тапаҡов үҙенец геройҙарына кешелек сифаттарын бүләк иткән, әҙәп, әхлаҡ кеүек сифаттар менән ҡоралландырган уларҙы. Шуга күрә "Һайлау" повесындағы Рәхимйән дә, "Миҙал"дағы Гәйзулла ла үҙҙәренец намыҫтарына тогро ҡалып, бөгөнгө көнгә ысын ил агалары булып килеп баҫҡандар. "Миҙал" повесында яҙыусы йәмгиәт менән кешене ҡапма-ҡаршы килтереп ҡуйган, йәмгиәттәге һынылыуҙарга бирешмәйенсә, геройҙар үҙ сифаттарын югалтмаган.

Әҙәбиәт

1. XX-XXI быуат башҡорт әҙәбиәте. – Өфө: БашДУ нәшриәт үҙәге, 2017. – 648 бит.
2. Гәрәева Г.Н. Тыл ҡаһармандары // Ватандаш, 2010, №4. – 159-170 биттәр.
3. Проза. Бөгөнгө йөҙө һәм проблемалары (түцәрәк өҫтәл) // Агиҙел, 2003, №9. – 154-166 биттәр.

©Вәлиева Ф.Ф., Гәрәева Г.Н., 2018

Габдрахманова Ф.Х.,
доцент Института филологии и межкультурной коммуникации КФУ,
г.Казань, Республика Татарстан

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА *ТУЙ* (СВАДЬБА) В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ТУФАНА МИННУЛЛИНА

Одним из важных и актуальных направлений современного языкознания является лингвокультурология. Она сформировалась на стыке лингвистики и исследований культуры, и исследует проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке.

Лингвокультурология имеет своим предметом и язык, и культуру, находящихся в диалоге, взаимодействии. В лингвокультурологии язык рассматривается не только как средство общения, но и как память и история народа; его культура и опыт познавательной действительности; его мировоззрение и психология; закреплявшийся из поколения в поколение багаж знаний [Замалетдинов, 2004: 72].

Одним из основных понятий лингвокультурологии является концепт. Есть несколько определений концепта. Например, С.А. Аскольдов считает, что концепт – это мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода [2, с. 269]. В то же время Д. Арутюнова интерпретирует концепты как понятия обыденной, практической философии возникающее «в результате взаимодействия таких факторов, как национальная традиция и фольклор, религия и идеология, жизненный опыт и образы искусства, ощущения и системы ценностей» [1, с. 3]. Ю.С. Степанов же рассматривает концепт как пучок представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово [5, с. 43]. Таким образом, получается, что концепт – это многослойное, интегративное образование, имеющее логически вычленяемое ядро и различные пласты, обусловленные социокультурным и лингвокультурным фоном.

В целях выявления природных особенностей, социального уклада, специфику быта, жизненной практики татарского народа, мы принялись исследовать один из ключевых концептов татарского языка – концепт *туй* (свадьба). Фактической базой послужили примеры из произведений Туфана Миннуллина, ведущего драматурга конца XX и начала XXI века.

Из всех татарских обрядов свадебный обряд занимает особое место. Так как брак считается важнейшим, узловым моментом в их жизни. По представлению предков, юношество, вступая в брачный союз, взрослеет, поднимается на ноги, мужает. Именно этот обряд является связующим звеном между прошлым, настоящим и будущим.

Свадебный обряд начинается с выбора невесты и жениха, и к этому относятся очень ответственно. При выборе невесты решающую роль играет не внешняя красота, а ее ум, здоровье. Она должна отличаться работоспособностью, выносливостью, трудолюбием:

Гөлфинә. Исемең бигрәк матур инде.
Алтынчәч. Үзем ямьсез, әйеме?

Гөлфинә. Ямьсез дип инде... Бер дә ул хәтле ямьсез түгел. Матурлык ул туйда гына кирәк. Үзеңә ишең табылган бит әле. Балагыз бар. Ямь шул бала инде, Алтынчәч айналаем ("Әниләр һәм бәбиләр"). (букв. *Гульфина*. У тебя имя очень красивое. *Алтынчэч*. А сама некрасивая, да? *Гульфина.* Ну, почему некрасивая...Нисколько нет. Красота нужна на свадьбе. Нашла же свою пару. И ребенок есть. А ребенок и есть красота, дорогая Алтынчэч).

При выборе жениха и невесты, конечно, учитываются и их взаимоотношения, которые должны быть построены на основе взаимопонимания, уважения и любви друг к другу:

Тукай. (..) Вә ләкин үзеңә ипташ кирәк булганга гына, керләреңне юдыру өчен генә өйләнү – җинаять. Ипташ кирәк булса, мәче асыра, кереңне кер юучыларга акча түләп юдырт. Синең яныңдагы якын кешеңнең бәхетле булырга хакы бар. ("Без китәбез, сез каласыз "). (*букв*. Тукай. Но жениться только ради того, что нужен товарищ, что нужно стирать белье – это преступление. Если нужен товарищ, заведи кота, белье сдавай стирать за деньги. Близкий тебе человек имеет право на счастье).

Замуж можно выходить и со сватством: выбирать жениха или невесту по рекомендации свахи – *яучы карчык* –которая сперва изучает сеемьи обоих сторон и, если они соответствуют друг другу, знакомит молодых:

Палый. Син әвәлге җолаларны беләсең, инде. Миннән башка белүче калмаган икән әвәлге җолаларны. Җаучы булып килдем инде мин. Кемнән икәнне өегезгә кергәч әйтермен. (Кәтернәгә тотынып җыр әйтеп кереп китә) ("Төргери кияүләре"). (*букв.* Палый. Ты же знаешь старинных обрядов. Кроме меня не осталось знающих их. Я как сваха пришла. От кого скажу когда зайдем в дом. (Припевая песенку заходит в дом с Катериной).

За 1-5 дней до свадьбы мулла читает никах – свещенную молитву. И потом с обеих сторон начинают готовиться к свадьбе. Из еды, из одежды, из угощений изберается только все лучшее. Хорошо отпразнованная свадьба оставляет на душе чувство удовлетворенности, повышает стимул к жизни. Во время свадьбы каждый хочет внести от себя что-то доброе, чтобы запомнилось надолго и было приятным для молодых:

Наталья. Яле, Алеша, бәгырь кисәгем, әйтик әле кияү белән кәләшкә иң матур сүз. Бүген бит аларның иң бәхетле һәм иң җаваплы көннәре. Алар бүген озын – озак юлга чыгалар. Бәхет яусын алар барасы юлга. Синең белән минем кебек матур яшәсеннәр. Әйдәле, алар хөрмәтенә сузыйк әле яраткан җырыбызны ("Илгизәр + Вера"). (*букв.* Наталья. Ну-ка, Алеша, родимый, скажем жениху и невесте самое красивое слово. Сегодня же у них самый счастливый и отвественный день. Они сегодня выходят на очень длинную дорогу. Пусть выпадет счастье на их пути. Пусть живут красиво как мы с тобой. Давайка в их честь запоем нашу любимую песню).

Следует отметить, что с наряду с положительной окраской свадьбы, у Т. Миннуллина встречается и отрицательная сторона. Это касается смешанных браков (*катнаш никахлар*). Это жестко критикуется автором, так как в этом случае забываются обычаи и обряды:

Мария. Туйда үбешү электән калган йола инде.

Нурхәмәт. Сездә калган ул, бездә түгел. Сезнең туегызда үбешкәнне мин үзем дә рәхәтләнеп карап утырам. Сездә аны килешле итеп эшлиләр. "Горько"дигән сүзе дә бар, бездә бит аның сүзе дә юк.

Мария. Монда сезнең генә туй түгел бит инде.

Нурхәмәт. Түгел шул, Маруся, түгел шул ("Илгизәр + Вера"). (букв. *Мария.* Целоваться на свадьбе – это старинный обряд. *Нурхамет*. Это у вас сохранилась, а не у нас. Когда целуются на ваших свадьбах я и сам С удовольствием смотрю. У вас это делают прилично. Есть и слово "горько", а у нас и слова нет. *Мария.* Но здесь же не только ваша свадьва. *Нурхамет*. Нет, увы, Маруся, не только наша).

Таким образом, благодаря приведенным выше спонтанным высказываниям, удается создать концепт, культувирующий основные человеческие ценности: добрату, порядочность, уважение к старшим и их обычаям и обрядам.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М.: Наука, 1993. – С. 3.

2. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словестность: Антология. – М.: Академия, 1997. – С. 297.

3. Замалетдинов Р. Р. Татарская культура в языковом отражении. – М.: Гуманит. издат. центр ВЛАДОС; Казань: Магариф, 2004. – 239 с.

4. Мицнуллин Т. Ай булмаса йолдыз бар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. – 175 б.

5. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – 3-е изд., испр. и доп.. – М.: Академический. Проект, 2004. – С. 43.

© Габдрахманова Ф.Х., 2018

Гаджимурадова Т.Э.,
доцент кафедры литератур народов Дагестана
Дагестанского государственного университета,
г. Махачкала, Республика Дагестан

АЛИРЗА САИДОВ: ПОЭЗИЯ ЛЮБВИ

Тема любви в стихах Алирзы Саидова часто соседствует с темой природы. И эти стихи легко отнести как к лирической поэзии, так и к описаниям природных стихий. На эту особенность обратила внимание Ханбиче Хаметова: «А Саидов не писал чисто пейзажных стихов. Природа, любовь, искусство в его стихах идут единым сплавом, где мысль автора постоянно присутствует и доминирует…» [1].

Любовь выносит человека сквозь хаос к гармонии. И в этом прообраз всеобщего людского счастья и идеального мироустройства, обновляющаяся с каждым поколением вера и надежда в будущее. Поэзия А. Саидова бескорыстно отзывчива на всё живое в мире и лучшее в человеке. Тема всеобнимающей любви позволяет читателю лучше (глубже) познать самих себя, меру собственных несовершенств и достоинств.

В стихотворении «Выбираю для себя свободу» создаётся удивительно яркая, красочная картина природы в горах, где рокот водопадов, прохлада горных родников, «постелью травы», «дички янтарного налива» [2] и полная свобода. «Все мои разлады далеко». Но воспоминание о той, кто является причиной разладов, глухою болью «сердце обожжёт». Краски природы меркнут. Глаза влюблённого уже не видят этой красоты: «Ветерок споткнётся на бегу, // Воды превратятся просто в воду, // И цветы завянут на лугу» [2, с. 47]. Только встреча влюблённых способна вернуть краски в этот мир: «вновь зашепчет осторожно речка», «оживут закаты и восходы», «травы колдовские зашуршат» [2, с. 47]. Женщина, её любовь наполняют жизнь особым смыслом: «Без тебя бездушна и природа, // Потому что ты – её душа» [2, с. 47].

Любимая в стихах Саидова всегда рядом. И даже если есть размолвки, недопонимание, печали, боязнь не удержать любимую… Как можно уйти любимой «когда рубины на листве дрожат» (лето), когда «нагруз арбуз густым прохладным соком» (осень), когда «снежок занёс заветные угодья» (зима), когда «вода в ключах у нас свежа» (весна). Значит, любимой не уйти никогда, «покуда сердце бьётся» [2, с. 53]. Сменяются времена года, природа наряжается в новые одёжи, а чувство остаётся неизменным. Любовь на все времена, что вынесет и спасёт.

В стихотворении «Осень к сердцу подползла по-лисьи» осень в природе и осень в человеческой жизни как время подведения итогов. Светлой грусти наполнены описания осени: «первый иней в жёлтых косах трав», пронзительные ветра, «в лесах надежды … больше меди». И здесь же «знаки» (метки) осени в человеческой жизни, потому что «осень к сердцу подползла по-лисьи», и первый иней в волосах («косах трав»), «холодок заметный на губах»… Но как и прежде сердце рвётся из груди от воспоминаний о первой любви. И хотя «даже через много долгих лет // Рана возле сердца кровоточит» [2, с. 54], поэт верит, что «есть леса, где голубые листья // Никогда не тронет желтизна» [2, с. 55], а чувства останутся неизменно сильными.

Героиня – любовь всей жизни поэта. Это для неё «весна средь садов расцветала», «отнял песню у солнца певец» («Говорят, что вулканы…»). Пусть даже «на вечную муку и вечное горе» она рождена, поэт просит только об одном: «Живи, только вечно живи» [2, с. 57]. Здесь и грусть, и непоколебимая жажда жизни.

Поэзии Алирзы Саидова свойственны обострённый психологизм, инвертированность лирического героя, погружённость в чувства, мысли, сомнения. Природа в стихах поэта олицетворяет изменчивость, неровность человеческой судьбы. Образы-символы даются в динамике, непрерывном развитии. Отсюда неслучайные соответствия жизненных, судьбоносных ритмов природы и человека. И над всем этим философская идея: время неостановимо, циклично. Времена года, их смена постоянны в соответствии с космическим ритмом. Бытие целостно, вечно.

В стихотворении «Горянка» (поэтический тристих) любимая и природа слиты воедино: она как белый лебедь, смех как «рассветный лепет ветра в травах, летних родников», улыбка как восход солнца, грусть как мгла, плывущая в полях. О ней поют поэты: «У нас в горах лишь о тебе одной веками струны нежные рыдали» [2, с. 64]. Неповторим и пленителен образ возлюбленной.

В логической модели лирического текста сопоставление недосягаемой для лирического героя возлюбленной с белым лебедем в синем небе, с ветром в травах, с восходом солнца, мглой в полях и др. реализует идею пространственного разрыва: возлюбленная не рядом. Однако у любящего сердца свои представления о времени и пространстве.

Необходимо отметить, что во многих стихах А. Саидова есть элемент пространственного разрыва между лирическим героем и его возлюбленной: там – здесь, далёкий – близкий, небо – земля. Но при этом читатель понимает, что лирический герой готов в любой момент преодолеть этот пространственный разрыв, совершив «путешествие», снимающее смысловую оппозицию «свидание – разлука».

И еще одна характерная деталь: вначале лирического повествования героиня как образ – идеальная сущность, выраженная словами с предметным значением (т. е. образ приобретает зрительные свойства). При этом используемые поэтом сравнения не способствуют конкретизации образа, его точному представлению. А создают мир идеальной красоты, тема служения которой реализуется во второй части поэтического тристиха. Здесь речь идёт о певцах, царях, мудрецах:

Певцы тебя в своих стихах воспели.
Цари воздвигли тюрьмы и дворцы.
И мудрецы перед тобой глупели,
И становились мудрыми глупцы [2, с. 63].

Только третья часть показывает, что любовь поэта – реальная, земная: «Моя любовь, мне *кажется* порой…» (курсив наш. – Т.Г.). И тут же:

У нас в горах лишь о тебе одной
Веками струны нежные рыдали…
И под фатой напевов и преданий
Пленительней и строже облик твой [2, с. 64].

Перебивка личностного, конкретного плана обобщением (типизацией) тоже не случайность. «… конкретное есть единство многообразного, единство, достигнутое путём обобщения и типизации… Чем глубже и богаче обобщения, тем сильнее воздействует поэзия на мысли и чувства читателя» [3].

Заметим, что конкретного адресата у многих любовных стихотворений А. Саидова нет. Освобождая свои произведения от каких-либо биографических деталей, поэт вкладывает тем самым обобщённый смысл в изображаемую ситуацию. При этом каждая такая ситуация являлась следствием собственного душевного опыта, постигнутых или только угадываемых художником законов человеческого бытия.

Б. Рунин писал: «Есть поэзия прямого названия ощущений, чувств, мыслей, событий. И есть поэзия сложного многоступенчатого претворения действительности через эстафету образных ассоциаций» [4]. «Эстафета образных ассоциаций» характерна для многих стихов Алирзы Саидова. Так, в стихотворении «Женщина» лирическая героиня – загадка. Для кузнеца «она как сталь», для винодела – «она – вино», для пахаря – «я бы с полем женщину сравнил», для старого моряка – «она похожа на осенний Каспий». Эстафету сравнений завершает образ женщины как солнце: «Цветёт весна, когда оно смеётся. // Тепло и жизнь несёт далёкий свет…» [2, с. 67]. Естественно, что любая расшифровка образной символики не будет исчерпывающей, оставляет возможность возвращения, углубления. Образ, получивший характеристику из уст мужчин, приобретает дополнительные признаки в интерпретации женщины. Например: «Они – как солнце…» (мнение поэта). А женщина в ответ:

Пусть солнце крылья мотыльку сожжёт,
Орёл бесстрашно в высоту стремится.
Со мной смельчак смелее в бой идёт,
А подлый трус спешит быстрей укрыться [2, с. 68].

Картина становится более цельной благодаря тому, что женщина (женский голос) «не столько воспроизводит действительность, сколько "пересоздаёт" её» [5]. И отрицательное казалось бы явление воспроизводится в обрамлении оптимистично-прекрасного… Например:

– Она – вино, – ответил винодел, –
И нам дарует радость и веселье.
Но каждый пьющий должен знать предел.
Ведь есть, увы, инфаркты и похмелье.
В ответ:
Когда веселье за столом кипит,

Зачем твердить трусливо об инфарктах?
Кляни себя, что не умеешь пить.
Пред пьяницей вино не виновато [2, с. 68].

Обратим внимание на используемые поэтом сравнения, которые играют решающую роль в конкретизации образа, в точном его представлении, в создании целостного образа бытия.

Сравнения не только запечатлевают тот или иной предмет (явление), но и несут экспрессивную идейную оценку и нагрузку. В стихотворении нет конкретной истории, отношений. Но именно созерцательное наблюдение и размышление позволяют постичь сложность жизни, неординарность оценок и непростые человеческие отношения.

Смысловая оппозиция «свидание – разлука», отражающая пространственный разрыв между лирическим героем и его возлюбленной, реализуется во многих стихах поэта.

В стихотворении «Небеса оторвав от земли» предложенные для реализации оппозиции явления природы и предметы материальной культуры показывают невозможность контакта (схождения): небеса, земля, прозрачная даль, очертания гор, самолёты («рёв мотора раздвинул дорогу», «ведь мы… от самих от себя улетали»). Но есть и «сцепления» между небесами и землёй – «дождинки, что с неба упали». Случайное казалось бы «сцепление» снимает пространственный разрыв между влюблёнными. А самолет усиливает это ощущение, буквально даёт возможность контакта, сближения: «Самолёты надёжны вполне. И вернутся!» [2, с. 170].

Оппозиция там / здесь, далекий / близкий, конкретизированная противопоставлением небо / земля, чаще всего в стихах Саидова реализуется через пространственную модель, в которой лирический герой, находящийся в данный момент здесь, готов отправиться в дорогу, на встречу с любимой, то есть находиться там.

В стихотворении «Небеса оторвав от земли» лирический герой не пытается преодолеть пространственный разрыв. Он ждёт этого от героини, которая находится там, но при желании (и поэт в это верит «опять») может быть здесь: «… и ты возвратишься ко мне, // Словно небо в земные объятья».

Поэт печалится, вспоминая о любимой. «Ты о нашей любви промолчи» звучит в стихотворении «Вот и смолкла гроза» [2, с. 159]. Но поэт хранит в сердце имя возлюбленной, вспоминает её имя, смех…

Твоё имя писал
На морском берегу,
Где моряна ночами гудит.
Пусть не сердится Каспий,
Что я берегу
Твоё имя в своей груди.

Состояние героя, его переживания часто передаются образами природы: «нежность волнами пульсирует в сердце моём» [2, с. 154], «стану ветром, тебя унесу…», «стану солнцем и выпью росу» [2, с. 151].

Образ любимой часто даётся через образы природы. В «Трёх стихотворениях» первая часть – описание раннего утра, восхода солнца: «Солнце – лодка золотая – // Выплывает из-за моря…». Лучи, словно вёсла золотые, а валы крутые – от восходящего солнца красны («как вино в заздравном роге»).

Вторая часть лирического повествования – о любимой женщине. Это она – «словно гордая лань-недотрога»; тучка, взлетающая в голубые небеса; роса, выпадающая (упадающая – у поэта) на полевые цветы. Казалось бы, используемые поэтом сравнения (и метафорические сравнения) реализуют идею недосягаемости возлюбленной для лирического героя. Но герой преодолевает пространственный разрыв. Если она тучка, то он ветер, который её унесёт… Если она роса, то он солнце, которое выпьет росу…

В третьей части стихотворения происходит полное совпадение образов природы и возлюбленной (благодаря использованию таких средств изобразительности, как психологический параллелизм, сравнения, метафоры).

Ласточки щебет вплетают в чинары –
Это песни моей Беневши.
Вешний ручей голосистее тара –
Это смех мне твой слышен в тиши.

И резюме: «Образ твой нежный мне дарит природа». И поэтому «я с каждым годом природу всё жарче люблю».

Как и прежде, «кодированным» знаком бытия для поэта становится качественно-количественная модель мира, где двоичный числовой ряд соответствует характерологической структуре этого и других произведений А. Саидова, где мир природы и человека даётся как символ противопоставления и соответствия одновременно. Два главных героя, два любящих (а может быть и два несчастных) сердца и соответствующие им природные стихии. Здесь и образы, объединяющие целостность, и символизирующие её раздвоение.

Грозди сирени в горах Лезгистана –
Это ты, это ты расцвела.
Ночь ниспадает на горы устало –
Это волосы ты расплела...

Поэт внимательно вглядывается в предметный мир. Наблюдения за природными образами (стихиями) соседствуют в его стихах с идеей о гармонии взаимоотношений человека и природы, с эстетическим утверждением единства добра и красоты, правды и человечности. Это одна из самых распространённых в восточных литературах философско-художественных структур, призванная передать сущность представлений о мире как о раздвоении единого. Число «2», как отмечает исследователь мифопоэтических систем В.Н. Топоров, «...отсылает к идее взаимодополняющих частей монады... В ведийской традиции число 2 выступает как символ противопоставления, разделения и связи, с одной стороны, и как символ соответствия ... противопоставляемых членов – с другой. В силу этих качеств 2 есть первичная монада, защищающая человека от небытия и соответствующая творению – небу и Земле, рождённым в одном гнезде» [6].

В раздвоении единого и единстве контрастного – попытка поэта передать через мир двоих своё понимание мира вообще.

Но зима промелькнёт,
И опять расцветёт
Куст черешни моей
Белоснежной.
Год пройдёт,
И в пустыне поток оживёт.
И опять, и опять
Мой чунгур запоёт
О великой любви и надежде [2, с. 89].

Удвоение становится и знаком разлуки, страдания, гибели, и символом любви, общности, единства.

Любовь в стихах поэта предстает в разных ипостасях: это и любовь-вдохновение, и любовь-сомнение, любовь-переживание. Переливы чувства, его грани и оттенки отражаются в лирическом повествовании. Но любовь является не только источником радости и вдохновения. Она приносит и тревоги, и горечь разлуки, и драматизм переживаний. Отсюда не случайные в стихах поэта раздвоенность и беззащитность. Философия любви, отношение лирического героя к любимой, чувству, вызываемому женщиной, позволяет глубже понять мир души лирического героя, его характер, яснее представить мировоззренческие взгляды поэта. Необычайно широк диапазон его чувствований, разнообразны их проявления.

Конкретного адресата у лирических стихотворений Алирзы Саидова нет. Освобождая свои произведения от каких-либо биографических деталей, поэт вкладывает тем самым обобщённый смысл в изображаемую ситуацию, в характер её разрешения. При этом каждая такая ситуация воссоздавалась поэтом на основе собственного душевного и духовного опыта. Поэт считает своим долгом открыть истину, к которой он пришёл через множество ошибок и заблуждений. Единственно возможный путь воскресения человечества поэт видит в нравственном совершенствовании, целью которого должно быть полное растворение в любви, означающее бесконечность, то есть бессмертие.

Литература

1. Хаметова Х. «... пахнет родина Эмина золотым цветеньем тмина...»: Предисловие // Саидов Алирза. Мой Самур / Пер. с лезг. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 2005.

2. Саидов Алирза. Мой Самур / Пер. с лезг. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 2005. В дальнейшем ссылки даются на это издание с указанием страниц в скобках.

3. Акперов Т.С. Проблема прекрасного и азербайджанская советская поэзия. – Баку, 1967. – С. 7.

4. Рунин Б. В защиту лирической индивидуальности // День поэзии. – М., 1956. – С. 167.

5. Чернухина И.Я. Общие особенности поэтического текста (лирика). – Воронеж: Изд-во Воронежского унт-та, 1987. – С. 137.
6. Топоров В.Н. Числа // Мифы народов мира. Т. 2. – М., 1982. – С. 630.
©Гаджимурадова Т.Э., 2018.

Гамидова С.Х.,
научный сотрудник сектора родных литератур
ГБУ«Дагестанский научно – исследовательский институт педагогики им.А.А.Тахо-Годи»,
Исалабдулаев М.А.,
ведущий научный сотрудник, к.и.н.
ГБУ«Дагестанский научно – исследовательский институт педагогики им.А.А.Тахо-Годи»,
г.Махачкала, Республика Дагестан

РОЛЕВАЯ ИГРА КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Взаимосвязь образа, игрового действия и слова составляет стержень игровой деятельности, служит средством отображения действительности.

Основными структурными элементами игры являются: игровой замысел, сюжет или ее содержание, игровые действия, роли, правила, которые диктуются самой игрой и создаются детьми или предлагаются взрослыми. Эти элементы тесно взаимосвязаны.

Игровой замысел - это общее определение того, во что и как будут играть дети.

Он формулируется в речи, отражается в самих игровых действиях, оформляется в игровом содержании и является стержнем игры. По игровому замыслу игры можно разделить группы: отражающие бытовые явления (игры в «семью», в «детский сад», в «поликлинику» и т.д.), отражающие созидательный труд (строительство метро, постройку домов), отражающие общественные события, традиции (праздники, встречу гостей, путешествия и т. д.). Такое деление их, конечно, условно, так как игра может включать отражение разных жизненных явлений.

Сюжет, содержание игры - это то, что составляет ее живую ткань, определяет развитие, многообразие и взаимосвязь игровых действий, взаимоотношения детей. Содержание игры делает ее привлекательной, возбуждает интерес и желание играть [5, с.66].

Структурной особенностью и центром игры является *роль*, которую выполняет ребенок. По тому значению, какое принадлежит роли в процессе игры, многие из игр получили название ролевых или сюжетно-ролевых. Роль всегда соотнесена с человеком или животным, его воображаемыми поступками, действиями, отношениями. Ребенок, входя в их образ, играет определенную роль. Но дошкольник не просто разыгрывает эту роль, он живет в образе и верит в его правдивость. Изображая, например, капитана на корабле, он отражает не всю его деятельность, а лишь те черты, которые необходимы по ходу игры: капитан дает команды, смотрит в бинокль, заботится о пассажирах и матросах. В процессе игры самими детьми (а в некоторых играх - взрослыми) устанавливаются *правила,* определяющие и регулирующие поведение и взаимоотношения играющих. Они придают играм организованность, устойчивость, закрепляют их содержание и определяют дальнейшее развитие, усложнение отношений и взаимоотношений.

Все эти структурные элементы игры являются более или менее типичными, но они имеют разное значение и по-разному соотносятся в разных видах игр [5, с.67].

Сюжетно-ролевые игры: различаются по содержанию (отражение быта, труда взрослых, событий общественной жизни); по организации, количеству участников (индивидуальные, групповые, коллективные); по виду (игры, сюжет которых придумывают сами дети, игры-драматизации - разыгрывание сказок и рассказов; строительные).

Главным компонентом сюжетно-ролевой игры является сюжет, без него нет самой сюжетно-ролевой игры. Сюжет игры - это та сфера действительности, которая воспроизводится детьми. Сюжет представляет собой отражение ребенком определенных действий, событий, взаимоотношений из жизни и деятельности окружающих. При этом его игровые действия (крутить руль автомашины, готовить обед, учить рисовать учеников и т.д.) - одно из основных средств реализации сюжета [4, с.56].

Сюжеты игр разнообразны. Условно их делят на бытовые (игры в семью, детский сад), производственные, отражающие профессиональный труд людей (игры в больницу, магазин и т. д.), общественные (игры в празднование Дня рождения города, в библиотеку, школу и т.д.).

"Необходимыми элементами, обеспечивающими интересную игровую деятельность, развитие познавательных интересов и моральных качеств ребенка, являются знание - действие - общение. Особая роль при этом принадлежит воспитателю. Именно от личности педагога, его знаний, умений, профессионального мастерства и способности творчески организовать руководство игровой деятельностью детей зависит использование ее в целях всестороннего развития личности ребенка" - Русскова Л.В.[7, с. 84].

Процесс руководства сюжетно-ролевой творческой игрой должен быть построен так, чтобы воспитание игровых умений и навыков органически сочеталось в нем с обучением и воспитанием, в том числе и трудовым. Исходя из этого принципа можно выделить 3 группы методов.

Первая группа методов связана с обогащением детей знаниями, впечатлениями, представлениями об окружающей жизни. К ним можно отнести наблюдения: экскурсии (первичная, повторная, завершающая); встречи с людьми разных профессий; эмоционально-выразительное чтение художественной литературы; беседу; беседу-рассказ с использованием иллюстративного материала о труде взрослых и их взаимоотношениях в процессе его; рассказ воспитателя, сопровождаемый демонстрацией специально подобранных фотографий, картин, репродукций о событиях, происходящих в стране; составление детьми рассказов на определенные темы, связанные с наблюдениями окружающей жизни; индивидуальные беседы с детьми, уточняющие знания, представления дошкольников о явлениях общественной жизни, о моральных категориях; инсценировки литературных произведений с использованием игрушек, персонажей кукольного театра; этические беседы.

Вторая группа - это методы, способствующие становлению и развитию игровой деятельности. Среди них важное место занимает непосредственное участие воспитателя в творческой игре: игра с одним ребенком, выполнение ведущей или второстепенной роли. Кроме того, педагог широко использует оказание детям помощи в реализации знаний, полученных на занятиях, путем предложений, напоминаний, советов, подбора игрового материала, беседы-разговора по поводу замысла игры, развития ее содержания, подведения итогов [3, с.92-93].

Педагог учитывает индивидуальные особенности ребенка, если он уверен в себе важно научить его критически оценивать свои ответы. Если застенчив и нерешителен нужно поддержать любую инициативу.

В целях воспитания у детей навыков и умений самостоятельной организации игры используются также поручения; задания (по подбору игрового материала, по изготовлению игрушек-самоделок и др.); беседы; поощрения, разъяснения, вопросы, направленные на подсказ детям возможной реализации замысла, определения игровых действий.

Такие необходимые ребенку умения, как определение для себя роли и доведение ее до конца игры, формируют путем советов, индивидуальных заданий, поручений; привлечения иллюстративного материала, чтение отрывков из литературных произведений, характеризующих то или иное действующее лицо; индивидуальных бесед по поводу роли; изготовления вместе с ребенком элементов костюма для его роли.

Важной задачей является воспитание у детей умения самостоятельно распределять роли с учетом возможностей, интересов и желаний каждого. Поэтому педагог должен хорошо изучить характеры, склонности и привычки своих воспитанников и постоянно помогать детям лучше узнать друг друга, обращая их внимание на положительные стороны личности каждого ребенка. Для решения этой задачи можно использовать такой прием, как проведение конкурсов на лучшее придумывание элементов костюма, на интересные предложения относительно ролевых действий, на выразительность речи, мимики, жестов [1, с.230].

Третья группа методов связана с обучением детей конструированию из строительного материала и обыгрыванию построек, изготовлению игрушек. В эту группу входят такие методы и приемы, как совместное выполнение воспитателем и детьми построек; рассматривание образца воспитателя, показ приемов конструирования; использование фотографий детских построек, схем, таблиц; использование тематических заданий типа «Построим улицу нашего города», «Построим метро» и др., подбор материала для обыгрывания построек.

Большую роль играют обучение детей умению делать игрушки из бумаги путем складывания (лодочки, пароходы, животные, фотоаппараты, скамеечки, стаканы и др.), из тонкого картона по выкройкам; изготовлению игрушек из природного и дополнительного материала (катушек, картонных коробок разной формы и величины и др.), использование тематических заданий: сделать красивую мебель для новоселов, карусели и другое оборудование для детской площадки (игра "Строительство города") и т.п [3, с.94].

Этапы развития сюжетно-ролевой игры:

Первый этап. Основным содержанием игры являются действия с предметами. Они осуществляются в определенной последовательности, хотя эта последовательность часто нарушается. Цепочка действий носит сюжетный характер. Основные сюжеты бытовые. Действия однообразны и часто повторяются. Роли не обозначены. По форме это игра рядом или одиночная игра. Дети охотно играют с взрослыми. Самостоятельней игра кратковременна. Как правило, стимулом возникновения Меры является игрушка или предмет-заместитель, ранее использованный в игре [2, с. 50-51].

Второй этап. Как и на первом уровне, основное содержание игры - действия с предметом. Эти действия развертываются более полно и последовательно в соответствии с ролью, которая уже обозначается словом. Последовательность действий становится правилом. Возникает первое взаимодействие между участниками на основе использования общей игрушки (или направленности действия). Объединения кратковременны. Основные сюжеты бытовые. Одна и та же игра многократно повторяется. Игрушки заранее не подбираются, но дети чаще используют одни и те же - любимые. В игре объединяются 2-3 человека.

Третий этап. Основное содержание игры - по-прежнему действия с предметами. Однако они дополняются действиями, направленными на установление разнообразных контактов с партнерами по игре. Роли четко обозначены и распределены до начала игры. Игрушки и предметы подбираются (чаще всего по ходу игры) в соответствии с ролью. Логика, характер действий и их направленность определяются ролью. Это становится основным правилом. Игра чаще протекает как совместная, хотя взаимодействие перемежается с параллельными действиями партнеров, не связанных друг с другом, не соотнесенных с ролью. Продолжительность игры увеличивается. Сюжеты становятся более разнообразными: дети отражают быт, труд взрослых, яркие общественные явления.

Четвертый этап. Основное содержание игры - отражение отношений и взаимодействий взрослых друг с другом. Тематика игр разнообразная; она определяется не только непосредственным, но и опосредованным опытом детей. Игры носят совместный, коллективный характер. Объединения устойчивы. Они строятся или на интересе детей к одним и тем же играм, или на основе личных симпатий и привязанностей. Игры одного содержания не только длительно повторяются, но и развиваются, обогащаются, существуют продолжительное время [2, с.52-53].

В игре четко выделяется подготовительный этап: распределение ролей, отбор игрового материала, а иногда и его изготовление (игрушек-самоделок). Требование соответствия жизненной логике распространяется не только на действия, но и на все поступки и ролевое поведение участников. Количество вовлеченных в игру увеличивается до 5-6.

Эти уровни отражают общее развитие сюжетно-ролевой игры, однако в конкретной возрастной группе смежные уровни сосуществуют [8;с.78].

Немаловажную роль для развития игры имеет умение детей использовать предметы - заместители (кирпичик вместо мыла и т.д.), чем больше предметов заместителей дети внесут, тем интереснее и содержательнее игра.

Использование описанных выше методов и приемов зависит от возрастных особенностей детей от уровня развития их игровых умений и навыков.

На протяжении истории человечества сюжеты детских игр меняются, поскольку зависят от эпохи, особенностей экономики, культурных, географических, природных условий. Так, в играх детей народов Севера отражаются охота на тюленей, моржей, труд оленеводов. Дети, живущие в приморских регионах, играют в кораблестроителей, работают в порту, встречают туристов. Но, кроме того, в каждую эпоху происходили экстремальные события, которые существенно отражались на жизни людей, вызывали эмоциональный отклик у детей и взрослых. Такие события всегда порождали новые сюжеты детских игр. На протяжении многих лет дети нашей страны играли в Великую Отечественную войну (в сражения, бомбежки, партизан и др.), после полета Ю.Гагарина в космос, дети многих стран мира стали играть в освоение межпланетного пространства (строят ракеты, отправляются на Марс, Луну, работают на космической станции Мир).

В истории человечества есть и «вечные» сюжеты детских игр, которые как бы связывают поколения людей: игры в семью, школу, больницу и др. Естественно, эти сюжеты в играх детей разных времен и народов отличаются своим содержанием, как отличаются и в самой жизни.

Содержание игры, отмечает Д.Б. Эльконин, - это то, что воспроизводится ребенком в качестве центрального и характерного момента деятельности и отношений между взрослыми в их бытовой, трудовой, общественной деятельности [9, с.265].

В зависимости от глубины представлений ребенка о деятельности взрослых меняется и содержание игр. Например, дети младшей группы, изображая в игре врача, многократно повторяли

одни и те же действия: измеряли температуру, смотрели больному горло. После того как малышам сделали прививки, в игровом изображении врача прибавились новые действия. Дети старшей группы, договариваясь об игре в больницу, уточняли, какие специалисты будут лечить больных: хирург, окулист, педиатр. В зависимости от специализации врача каждый играющий выполнял специфические действия, при этом врачи ласково разговаривали с пациентами, уговаривали их не бояться укола, операции, перевязки, смелее принимать лекарства. Таким образом, в содержании игры выражены разные уровни проникновения ребенка в деятельность взрослых. Первоначально «схватывается» в реальной жизни и отражается в игре только внешняя сторона деятельности (с чем человек действует: «человек - предмет»). Затем, по мере понимания ребенком отношения человека к своей деятельности, элементарного постижения общественного смысла труда, в играх начинают отражаться взаимоотношения людей («человек - человек»), а сами предметы легко заменяются (кубик - кусок мыла, хлеб, утюг, машинка) или только мысленно представляются («как будто у меня акваланг и я опускаюсь на дно океана») [6, с.92].

Литература

1. Арустанянц Е.С. Ролевые упражнения как одно из средств интенсификации обучения диалогической речи. В сб. «Проблемы интенсификации обучения иностранному языку в высшей школе». М., 2007. -232с.
2. Букичева О.А. Коммуникативно-ориентированный подход при обучении диалогической речи на начальном этапе // Иностранные языки в школе. – 2009.№5. С.50-53.
3. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам: Пособие для учителя. – 2-е изд., перераб. И доп. – М.: АРКТИ, 2008.
4. Колесникова О.А. Ролевые игры в обучении иностранным языкам. ИЯ-ИЯШ 1989 г. №4
5. Конышева А.В. Игровой метод в обучении иностранному языку. – С.-П.: КАРО, 2008.
6. Исалабдулаев М.А. Игровые технологии в организации учебного процесса на уроках истории Дагестана // Научная дискуссия современной молодежи: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей III. Международной научно-практической конференции г.Пенза МЦНС «Наука и просвещение». 2018. С.92-98.
7. Методика обучения иностранным языкам в начальной и основной общеобразовательной школе. Учебное пособие для студентов педагогических колледжей. Под редакцией В.М. Филатова. Ростов-на-Дону, 2007г.
8. Мильруд Р.П. Обучение диалогической речи на основе ролевой игры. // Иностранные языки в школе. – 2006г. №3. С. 78-79.
9. Эльконин Д.Б. Психология игры. – М.: Педагогика, 1978. – 304с.

© Гамидова С.Х., 2018
© Исалабдулаев М.А., 2018

Гареева Г.Н.,
доктор филологических наук, профессор БГУ,
г.Уфа, Республика Башкортостан

ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСТВА НАЗАРА НАДЖМИ

Первый сборник стихов Народного поэта Башкортостана, лауреата Государственной премии РСФСР имени М.Горького, Государственной премии имени С.Юлаева Республики Башкортостан, кавалера орденов Отечественной войны II степени (дважды), Красной звезды и боевых медалей Назара Наджми «Капельки» был издан в 1950-м году. Вслед за первой книгой выходят поэтические сборники «Волны» (1955), «Нежданный дождь» (1960), «Земля и песня» (1962), «Стихи и поэмы» (1964). Лучшим его лирическим стихам характерно глубокий лиризм, тонкий юмор, яркая образность. С первых же поэтических произведений Н.Наджми показал себя непревзойденным мастером художественной детали. В таких самобытных произведениях Н.Наджми, как «Капли», «Несчастье», «Стих», «Взгляд сверху» и многие другие, наблюдается стремление проникнуть в глубинные пласты общественного развития. Поэта, прежде всего, интересует сущность человеческого бытия, ценность жизни.

Драматические события Великой Отечественной войны предоставили возможность Н.Наджми для раздумий о смысле жизни и природе героизма. Поэма Н.Наджми «Баллада о песне» наполнена героическим пафосом, лиризм в ней органически связан с остродраматической формой ситуаций. Поэма открывается размышлениями о времени: «Сказало Время: - У меня нет времени!.. – И

понеслось». Поэт описывает день начала войны: конные состязания, впереди всех несется на своем скакуне лихой джигит, скоро финиш, скоро криками восторга будут приветствовать победителя. А вместо этого парня встретила пустая площадь, тишина. Джигит удивлен, его самолюбие уязвлено:

И плетью он хотел взмахнуть,
Гнедого подгоняя,
Но что это? В руке не плеть,
А сабля боевая.

Джигит пересекает линию финиша и, не останавливаясь, отправляется прямо в бой. Так поэт символически повествует, как башкирский народ поднялся на защиту Родины, за ее свободу. В образе безымянного джигита автор подразумевает своего друга, поэта Малиха Хариса. Впоследствии этот джигит оказывается героем поэмы, которую писал сам Малих Харис, «урывая время от боев». Не успев завершить свое произведение о фронтовике, молодой поэт вступает в бой, «поэму продолжает он теперь в качестве солдата».

В поэме Н.Наджми «Баллада о песне» не дается последовательное изображение этапов жизни героя, в центре – несколько ярких, исторически важных событий и острых драматических ситуаций, которые наиболее ярко раскрывают характер героя. В ней также нет широкой, обобщающей картины военных событий. Активное участие башкирской поэзии в борьбе за Родину автор раскрыл на примере подвига талантливого молодого башкирского поэта Малиха Хариса, героически погибшего на фронте. Идея бессмертия национальной поэзии, борющейся за свободу всего советского народа, является одной из основных идей этого произведения.

В поэме много места уделено кульминационным моментам, а другие элементы сюжета намечаются как бы мимоходом – еле приметными, но характерными штрихами. Уменьшение объема изображаемых событий и обстоятельств способствует повышению плотности повествования. В результате возрастает острота столкновений, драматизм борьбы, предоставляется возможность для глубоких философских размышлений. В поэме мастерски использован художественный прием неожиданного превращения кнута в руках всадника – участника сабантуя – в саблю, этот прием поэт умело использует для изображения внезапности и драматичности начала Великой Отечественной войны. Тем самым достигает образного показа резкого изменения жизненного уклада советских людей, готовность народа дать отпор врагу. С усилением драматизма поэмы связано также частое обращение поэта к кинематографическим приемам, к асиндетонам – словам, которые в смысловом отношении мало связаны между собой.

Поэма «Ворота» Н.Наджми посвящена показу становления характера рядового советского человека, формирования его взглядов на мир. В ней ворота воспринимаются как символический образ, конкретизирующий своеобразный этап человеческой жизни. Образ «ворот» приобретает в произведении значение главного композиционного стержня поэмы. Соотнося вехи развития, как личной, так и общественной жизни с открытием новых и новых ворот, поэт достигает наглядности и выразительности сложных явлений действительности. Деревенский малыш открывает ворота, ведущие со двора его дома в поле. Через многие годы, переехав в город, уже юноша открывает ворота в науку, в большой мир. За четыре военных года, пройдя через горнило боев, он входит победителем в Бранденбургские ворота в Германии. Символический образ ворот появляется и там, где поэт говорит о своих поисках верного пути к людским душам.

Тема любви к родной земле тесно сплетается в творчестве поэта с темой патриотизма. В цикле стихов «Возвращаясь из Индии» Н.Наджми мастерски использовал индийские легенды о Гималаях как о недосягаемом рае. В этих стихах мотивы советского патриотизма, чувств любви и преданности к отчизне являются основными, они наполнены чувством гордости за свою Родину. Возвращаясь домой, поэт пролетает над «крышей мира» - величественными, таинственными Гималаями. Эти горы как бы завидуют ему, поднявшемуся ввысь, одолевшему вершины, на которые веками не ступала нога человека.

Раздумья Н.Наджми о родной земле, о стране, о народном духе, о языке, о народных напевах – основа поэм «Дьявол», «Урал». В них раскрывается трагизм судеб людей, оторванных от родной земли. Общий пафос поэм заключается в утверждении могучей силы, чувства единства с Родиной, народного духа. Гуманистические взгляды поэта особенно ярко выражены в стихах и поэмах, написанных на тему Великой Отечественной войны. В стихах и поэмах «Мать», «Березы», «Баллада о песне», «Рубашка» война предстает как бедствие, разрушающее прекрасные человеческие мечты, как великая трагедия, уносящая миллионы жизней. В поэме «Рубашка» поэтическая деталь - рубашка символизирует несгибаемый дух народа во время тяжелых испытаний, преемственность духовных традиций. Всепобеждающая сила жизни усиливает оптимизм поэм и стихотворений «Рябина»,

«Ранний снег», «Вы не вернулись на родную землю», «Разговор со знаменем». Поэма «У колыбели» и десятки стихов поэта проникнуты идеей борьбы за мир.

Гражданский пафос в творчестве поэта особенно усилился в 1960-1970-ые годы. В этот период Н.Наджми поднял на уровень высокой поэзии такие важные темы, как патриотизм, дружба народов, ответственность человека перед эпохой и страной. Всесторонняя зрелость и мастерство поэта получили яркое выражение в сборнике стихов и поэм «Идут снега» (1971), удостоенного в 1972 году Республиканской государственной премии им. С. Юлаева, а также в сборниках «Нежданно-негаданно» (1973), «Вслушиваясь в тишину» (М., «Советская Россия»), «Стороны» (1980), «Засветло» (1984), «Отчий дом» (1988) и др. Для стихотворений Н.Наджми характерно емкое содержание, глубокий смысл и многозначительный подтекст. В таких известных его произведениях, как «Черемуха», «Любовь», «Ромашка», «Две реки», «Зеница ока», «На тропинке», «У фонтана» дается образное определение роли любви в непростой жизни человека, на основе интимных, личностных чувств и переживаний поэт достигает общественнозначимых обобщений. В философских стихотворениях Н.Наджми с помощью, казалось бы, самых простых пейзажных картин раскрывает сложнейшие нюансы человеческих отношений. Например, в стихотворениях «Капельки», «Две сосны», «Солнце» и др. в настойчиво, непрерывно падающих капельках, в соснах, одна из которых взяла в свои объятия соседку, пораженную осколком вражеского снаряда, в лучах солнца, блеснувших в кудрявых волнах моря, поэт умеет находить большое общественное содержание. В образе выросшей на родной башкирской земле обыкновенной рябины («Рябина»), в образе котелка, вернувшегося с войны вместе с солдатом («Котелок»), поэт сумел выразить великие идеи мира, гуманизма. В лирической поэме «Мать» Н.Наджми раскрываются философские проблемы личности и общества.

Творчество Н.Наджми многожанрово. Его лирическим стихам, эпическим поэмам, прозаическим миниатюрам, литературно-критическим статьям присущи яркая индивидуальность и богатая образность, глубина мысли и гражданская позиция.

Литература

1. Ахмедьянов К. Назар Наджми – мастер стиха. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1974.
2. История башкирской литературы. В 6-ти томах. – Т. 5. – Уфа: Китап, 1995.

© Гареева Г.Н., 2018

Гасанова У.У.,
доктор филологических наук, профессор каф.дагестанских языков ДГУ и каф. гуманитарных и социально-экономич. дисциплин ВГУЮ СКИ МЮ РФ
г. Махачкала, Республика Дагестан

ДВУЯЗЫЧИЕ КАК СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ В ДАГЕСТАНЕ

Развитие языков в Республике Дагестан обусловлено социально-экономическим, общественно-политическим, культурно-историческим развитием их носителей – коренных народностей. Ни один из дагестанских языков не может служить единым для всех народов языком приобщения к мировой культуре, к научно-техническому прогрессу. Взаимодействие национальных языков с другими языками, распространение русского языка в условиях Дагестана связано с его этноязыковой спецификой.

Дагестанско-русское двуязычие - актуальная проблема, которая имеет непосредственное отношение к социальной жизни народов Дагестана и их языков. От характера функционирования дагестанско-русского двуязычия и направления его развития зависит будущее дагестанских языков, их структурной целостности и самих носителей этих языков как самостоятельных этнических единиц.

На первом этапе функционирования русского языка в Дагестане большая часть населения республики еще не владела им, но среди населения быстро росло осознанное стремление к его изучению. «После присоединения к России в Дагестане появились результаты в сфере образования и культуры. До этого здесь функционировала система арабо-мусульманского образования. К моменту присоединения, естественные науки во многом стояли на уровне мусульманского средневековья. Население все больше убеждалось в преимуществе русских и светских школ. Поэтому горцы все больше стремились отдать своих детей в русскую школу. Культурное влияние России на Дагестан и взаимовлияние культур усиливалось по мере углубления их дружбы и духовных контактов.

Представители науки и культуры царской России сыграли положительную роль в распространении просветительских идей среди дагестанских народов [1,с.138].

Дагестанская наука посредством русского языка шагнула в мировую цивилизацию. Сближению духовной культуры дагестанских народов служат переводные словари (русско-национальные и национально-русские), а также различные терминологические словари, национально-русские разговорники и самоучители. Наши данные совпадают с данными Ю.Д. Дешериева [2,с.36], который отмечает, что около 70-80% терминов младописьменные языки заимствовали из русского языка и через него из других языков.

Русский язык служит в многонациональной республике языком межэтнического взаимодействия.

Весь ход развития дагестанско-русского двуязычия, его особенности, которые характеризуются доминированием русского языка как в функциональном плане, в степени владения обоими языками, так и структурных взаимоотношений компонентов двуязычия, был изначально предопределен объективными условиями дагестанской этноязыковой действительности. Это было предопределено также языковой политикой, проводившейся в стране и в республике и отношением самого дагестанского народа к своим родным языкам. Ведущую роль играют здесь и объективные факторы, обуславливающие доминирование русского языка в дагестанско-русском двуязычии и отодвигающие на второй план родные языки. Это - чрезвычайное многоязычие - с одной стороны и малочисленность носителей каждого литературного языка с другой объективно обеспечивают доминирующее положение русского языка в республике. На русском языке функционируют все организации, учреждения, предприятия республиканского уровня, всевозможные курсы, школы, семинары и т.п. Во всех структурах, функционирующих и в сельских однонациональных административных районах, языком делопроизводства и переписки стал русский язык. По этим же объективным причинам русский язык в Дагестане является языком межнационального общения внутри республики, а также основным языком общения дагестанцев с другими народами России.

Овладению дагестанцами русским языком, кроме отмеченных факторов, способствует учеба в учебных заведениях за пределами республики, отходничество, т.е. поездки на заработки в различные регионы страны; радио и телевидение, пресса, художественная литература и т.д. Число дагестанцев, свободно владеющих русским языком в качестве второго языка, на сегодня составляет более 95 %. Если учесть, что русским языком не владеют в основном дети дошкольного возраста и младших классов, люди преклонного возраста — жители сельской местности, то названный процент довольно высок. Русским языком владеет абсолютное большинство социально активного населения республики.

Языковая политика предполагает сознательное и целенаправленное отношение к родным языкам, особенно тогда, когда речь идет о политике двуязычия. Но, как утверждают исследователи «при этом сама жизнь противопоставила такие языки, как дагестанские (аварский, даргинский, лакский, лезгинский, табасаранский и др.), функциональные возможности которых далеко не соответствовали социально-экономическим и культурным потребностям их носителей, и русский язык, который по своим возможностям многократно превосходит каждую из дагестанских литературных языков. Само общество в лице государства и правительства республики должно было обеспечить гарантии социальной защищенности дагестанским литературным языкам и выработать дополнительные меры, компенсирующие их ограниченные возможности» [3,с.5].

Наиболее социально активная часть этноса - рабочие, интеллигенция, подрастающее поколение, которая в обычных условиях должна развивать и обогащать национальную духовную культуру и в первую очередь традиции литературного языка, оказалась отторгнутой от родного языка. В сложившейся ситуации нельзя говорить о гармоничном дагестанско-русском двуязычии, но и вообще о социально справедливом двуязычии.

Предпринимаемые за последние годы руководством республики шаги по возрождению дагестанских языков в городах и приобщению городских учащихся к родным языкам не дают желаемых результатов ввиду многих процессов, в том числе и миграционных, происходящих в дагестанском обществе в последние десятилетия. Более 60% населения республики сегодня проживают в городах. Отток населения из сел в города продолжает расти. Для национально-однородной среды характерно функционирование одного из дагестанских языков и русского в качестве второго. Этническая неоднородность среды оказывает существенное влияние на развитие двуязычия, а также на зависимость этого явления от социальных и демографических факторов (урбанизация, переселение).

Из-за происходящих в последние десятилетия общественно-политических процессов в

республике, оторванным от родных языков оказалось и население переселенческих поселков, в которых живут представители различных национальностей. Таких поселков около 80, общая численность жителей более 200 тыс. Здесь территориальное смешение привело к усилению контактов наций и народностей республики и способствовало широкому распространению русского языка как языка межнационального общения. Чем выше полиэтнический состав населения, тем шире распространен русский язык.

Языки народов Дагестана и вместе с ними национальные культуры народов Дагестана можно сравнивать с поляной, состоящей из множества разнообразных цветов, образующих вместе красочный ковер. С потерей этих цветов будет пропадать и красота ковра. Так же и с нашими языками: с потерей каждого из наших языков обществу, культуре народов будет нанесен непоправимый урон. Для сохранения и развития родного языка требуется глубоко продуманная, многосторонняя работа, которая должна осуществляться по специальной государственной программе.

Повсеместно должны проводиться в жизнь различные мероприятия, направленные для стимулирования активизации местных литературных языков. К примеру, в Дагестанском государственном университете последние пять лет студентам русско-дагестанского отделения филологического факультета приказом ректора ДГУ выплачивается стипендия в двукратном размере за изучение родного языка. Глава Сулейман-Стальского района выплачивает ежемесячные дополнительные стипендии студентам лезгинской группы, он также выплачивает небольшие надбавки преподавателям лезгинского языка и литературы в ДГУ. Такие шаги от руководства дают надежду на сохранение и развитие родных языков.

Но вместе с тем на сегодняшний день сохранилось множество факторов, крайне негативно влияющих на изучение родных языков. Это: 1)предметы родного языка и литературы в однонациональных общеобразовательных школах оказались в ряду не основных предметов; 2)во многих школах предмет родного языка ведут малокомпетентные люди; 3)повсеместно наблюдается нехватка учебников по родным языкам и литературам.

Все вышеотмеченные и многие другие факторы приводят к результатам, которые, в свою очередь, определяют: а) тип двуязычия, б) масштабы интерференции и, соответственно, последствия речевой интерференции для контактирующих языков.

В настоящее время дагестанцы-билингвы русским языком владеют лучше, чем родным языком. У них накапливается значительный запас готовых стандартных фраз, словосочетаний, речевых оборотов «на все случаи жизни», русский язык для них становится более удобным. С другой стороны, родной язык у билингвов остается на уровне разговорно-бытового языка с его неразвитым и однообразным синтаксисом, ограниченным запасом слов.

Сложившийся таким образом тип двуязычия является смешанным, однако, в отличие от известного в литературе типа смешанного двуязычия, в данном случае доминирует не родной язык, а второй - русский.

Интерферированная речь почти без корректировки проникает и в литературные дагестанские языки. Проникновение интерференции в письменный язык и преобладание в нем калькированной речи стало системой.

В первую очередь сами дагестанцы и призваны заботиться о том, чтобы использовать русский язык и фактор двуязычия максимально в интересах своих родных языков. При сознательном и целенаправленном отношении уникальный фактор двуязычия может послужить мощным стимулятором обогащения и развития дагестанских литературных языков и их стилистики. Сами дагестанцы должны осознать, что родной язык требует специального изучения и специального обучения ему.

Литература

*1.*Гасанова У.У. Русский язык и культура народов Дагестана//Функционирование русского языка как государственного в современных условиях. М., 2013. С.138.

*2.*Дешериев Ю.Д. Основные принципы разработки терминологии в младописьменных языках народов СССР. М., 1980.

*3.*Джидалаев Н.С. Процесс калькирования как следствие интенсивного двуязычия. // Русский язык и языки народов Дагестана. Махачкала, 1991.

© Гасанова У.У., 2018

Гимашева Г.М.,
аспирант 1 г.о. ФБФиЖ БашГУ,
Султанбаева Х.В.,
доктор филологичеких наук, профессор БашГУ,
г.Уфа, Республика Башкортостан

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ БАШКИРСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Лингвокультурология – быстро развивающееся в последние годы научное направление, основанное на изучение культуры и лингвистики. В центре данного исследования личность отражает национальные особенности языка, истории, быта и многовекового опыта. Именно языковая картина мира в языкознании рассматривает их как духовно-нравственные ценности отдельного народа. В лингвистике XX века язык не только единица общения, но ключ познания культуры каждой нации. Язык отражает действительность и бытие на основе языковой картины мира, поэтому лингвистика занимает очень важное место среди гуманитарных наук. Наука лингвокультурология как новейшее направление когнитивной лингвистики является синтезом анализа и формирования национального языка и культуры.

В языковой картине мира этнокультурологическая особенность в процессе отражает лексико-семантическую окраску в образе героя или в языке одного человека. Притом понятие “концепт”, озадаченный с языковым личностью, возможно к глубокому осмыслению. Отражение ментальных единиц в языке является одним из главных фундаментальных отличий в семантической теории лингвокультурологии и языкознании. В конце XX века формировавшая наука лингвокультурология способствует изучению языковой картины мира каждого народа. Понятие, концепт, взаимоотношения слов изучаются в рамках когнитивной семантики и остаются актуальной проблемой в науке.

Понятие «концепт» — общекультурный компонент данной науки, обозначает культурологические языковые средства и лексемы определенного народа, вследствие того, что язык непосредственно взаимосвязан культурой: он формируется и воспроизводит национальную картину мира в лингвокультурологии. Культурология, в частности, изучает знания в области наук, относящиеся природы, общества, истории, искусства и т.д.; знание языка — это и есть отражение языка в разнообразных моделях мировоззрения, сознания определенного народа, основным предметом которго является диалог между языком и культуры. Поскольку, язык – важный компонент культуры, и ключ к раскрытию ментального сознания, каждый человек является представителем определенного общества, в его мировоззрении исторические компоненты порождают характерные особенности. Согласно лингвокультурологической концепции, слово – не только языковая единица, но и ментальный концепт, на этой основе исследуется языковая картина мира. Самситова Л.Х. анализирует лексический состав языка как способ вербализации концепта. Но до нашего времени не выяснены проблемы выбора и отражения в художественных текстах отдельных концептов и их семантических особенностей. Наука лингвокультурология развивается с момента формирования новых концептов в новых литературных памятниках. [6, с. 104]

В понимании В.А. Масловой «термин «языковая картина мира» — это не более чем метафора, ибо в реальности специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определенной национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую-то иную, неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а лишь специфическую «окраску» этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которые порождаются спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа». [4, с.53]

Лингвистическая личность отражает национальную культуру и языка на основе лингвокультурологии, сформировавшая в рамках лингвистики и культурологии. Кроме того, взаимоотношения языка и культура рассматриваются с точки зрения языковой картины мира и духовно-нравственных ценностей определенного народа. Языкознание XXI века – это далеко неисключительно метод языкового общения и познания, но и направление исследуемой национальной культуры. Непосредственно, язык как зеркало бытия народностей и действительности, формирует бесконечную связь культуры с историей прошлого и будущего: например, мировоззрения древних народов на действительность, окружающей среде и верованиям принадлежит в число высоконравственных ценностей, без которых не способен реализоваться национальность. Поэтому

наука языка и культуры – лингвистика из числа гуманитарных наук занимает важное место и наравне со всеми науками изучается наука культурологии.

В башкирском языкознании лингвисты опираются на значение «концепт» как единицу изучения национальной картины мира. С учетом всех определений, в лингвистике концепт – это слова, обозначающие культурологические лексемы и языковые особенности народа. Концепт в научных работах языковедов исследуется в общем лингвокультурологическом аспекте. Красных В.В. рассматривает концептосферу как совокупность концептов и в своей работе «Этнопсихолингвистика и лингвокультурология» дает общее определение к этому понятию: "Концептуализация — это процесс образования концептов, концептуальных структур и концептосферы в целом. Сутью данного процесса является осмысление и формирование человеком той или иной информации в процессе познания окружающей действительности. Концептуализация включает в себя процессы появления новых квантов знания, содержательного или интерпретативного усложнения или упрощения уже известных, определения степени их ценности. На этом основании можно утверждать, что особым продуктом концептуализации может быть культурное, то есть аксиологически релевантное для той или иной лингвокультурной общности (группы, объединённой совокупностью признаков: языка, истории, культуры, религии и под.) или социума (группы, выделяемой с опорой на социологическую дифференциацию общества по общности профессии, возраста, конфессии, уровня образования, хобби), знание». [2, с.50]

Картина основных концептуальных понятий, определяющие концептосферу башкирского языка все еще не сформирована. Значительная работа в когнитивной лингвистики в области лингвокультурологии в процессе развития. Тем не менее, национальные особенности каждого языка в текстах художественной литературы и фольклора следует раскрыть, созданные на основе концептуальных понятий. Наука лингвокультурология – отрасль лингвистики, изучающая язык определенного народа на основе науки и культуры. Корень языка издавна существовавшего народа, его повседневной жизни, традиции, обычаи нашли отражение в литературе башкирских писателей и лингвистов. Для исследования языковых сокровищ башкирского народа труды лингвистов являются особенным источником с точки зрения культуры, политики, науки, а также, его истории. Богатство концептов языка, истории, культуры башкирского народа способствует к развитию лингвокультурологии. Лингвист Д.С. Лихачёв в своих трудах о концепте и концептосфере отмечает, что содержание концепта обусловлено национальным, сословным, классовым, профессиональным, семейным и личным опытом человека. «Концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации…» [3, с. 282]

Таким образом, духовность и мировоззрение, быт народа и его многовековое сознание взаимосвязаны с историей и их происхождением. Культурные, ментальные, экономические, философские, религиозные идеи народа основываются именно на этих источниках и, непрерывно передаваясь из поколения в поколение, сохранились до нашего времени. У каждого народа свои духовные ценности, нормы, определенные законы, согласно которым они развивались морально и духовно. В результате формировались ментальные понятия, характерные только для одной нации, народности, прославленные своей историей и бытом. Исследования культуры, языка и ментальности изучаются лингвокультурологией – раздел языкознании, наука о концептосфере, лексемах, языковой картине мира, мировоззрении определенного народа и т.д.

Литература

1. Гумбольдт В.Н. Избранные труды по языкознанию [Текст] / В.Н. Гумбольдт. – М., 1984. – 541 с.

2. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. — М.: Гнозис, 2002. — С.50

3. Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. Антология / Под ред. В. П. Нерознака. — М. «Academia»,1997. — С. 282.

4. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика [Текст] / В.А. Маслова. – М., 2005. – С.53.

5. Сагинбаева Г.М., Янмурзина Р.Р. Концепт «Семья» в произведениях башкирского народного поэта Мустая Карима (на основе произведений «Радость нашего дома», «Помилование», «В ночь лунного затмения») // Вестник Башкирского университета. 2017. Т. 22. №1 . – С. 215-219.

6. Самситова Л.Х. Культурные концепты и их реализация в сказочном тексте (на материале башкирских народных сказок о животных) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 4. – С. 104.

© Гимашева Г.М., Султанбаева Х.В., 2018

Гиндуллина Р.А.,
магистрант 1 года обучения ФБФиЖ,
Салауатова Ф.Р.,
к.ф.н., доцент БашГУ,
г. Уфа, Республика Башкортостан

ПОСЛОВИЦЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Самое великое богатство народов – это их язык! Тысячелетиями накапливаются и вечно живут в слове несметные сокровища человеческой мысли и опыта.

Мудрость и дух народа проявляются в его пословицах, а знание их способствует не только лучшему усвоению языка, но и лучшему пониманию образа мыслей, характера народа, его менталитета и национального характера носителей этого языка.

Сравнение пословиц разных народов показывает, как много общего имеется в отражении богатого исторического опыта народов, представлении трудовой деятельности, быте и культуре людей. Правильное и уместное использование пословиц и поговорок придает речи неповторимое своеобразие и особую выразительность.

Пословицы – широко распространенный жанр устного народного творчества. Они сопровождают людей с давних времен. Главной особенностью пословиц является ее законченность и дидактическое содержание.

Например, сравним пословицы на трех языках, и увидим, что они схожи:

На китайском: 请义无价qing yi wu jia (У дружбы нет цены)

На русском языке звучит так: Не имей сто рублей, а имей сто друзей.

На башкирском: Йөҙ һум аҡсаҡ булгансы, йөҙ дуҫыҡ булһын.

Пословицы и поговорки, являясь неотъемлемым атрибутом народного фольклора, и, в свою очередь, атрибутом культуры данного народа, несут в себе отражение жизни той нации, к которой они принадлежат, это образ мыслей и характер народа. В настоящее время иностранному языку отводится существенная роль в обучении условий для формирования у обучаемых адекватной современному уровню знаний картины мира и интеграции личности обучаемого в систему мировой и национальной культур. Именно иностранный язык является элементом культуры того или иного народа/народов – носителей данного языка и средством передачи ее другим.

Необходимо отметить, что многие китайские и русские пословицы и поговорки многозначны, что в каждом языке существуют фразы и выражения, которые нельзя понимать буквально, даже если известно значение каждого слова и ясна грамматическая конструкция. Смысл такой фразы остается непонятным и странным. Попытки дословного перевода пословиц и поговорок могут привести к неожиданному, часто нелепому результату. Например, китайская пословица树倒猢狲散 [shù dǎo hú sūn sàn], дословно переводится как «Когда дерево падает обезьяны бросаются врассыпную», а обозначает он «Когда лидер теряет силу, в рядах его сторонников происходит смятение».

Пословицы многообразны, они находятся как бы вне временного пространства. Действительно, в какое бы время мы не жили, пословицы всегда останутся актуальными, приходящимися всегда к месту. В пословицах отражен богатый исторический опыт народа, представления, связанные с трудовой деятельностью, бытом и культурой людей. Правильное и уместное использование пословиц придает речи неповторимое своеобразие и особую выразительность.

Сравнение пословиц разных народов показывает, как много общего имеют эти народы, что, в свою очередь, способствует их лучшему взаимопониманию и сближению. Необходимо отметить, что многие китайские, русские и башкирские пословицы и многозначны, что делает их трудными для толкования и сравнения. При отборе русских соответствий китайской пословицы обязательным критерием было совпадение одного из значений (как правило, главного). Тем не менее, важно помнить, что, складываясь в различных исторических условиях, китайские, русские и башкирские пословицы для выражения одной и той же или сходной мысли часто использовали различные образы, которые, в свою очередь, отражают различный социальный уклад и быт двух народов и часто не являются абсолютными эквивалентами.

Например, пословица: 前门拒虎后门进. Дословный перевод этой пословицы звучит так: От передних дверей отгоняют тигра, а в задние лезет волк. Но в русском языке такой пословицы нет, зато есть другая пословица: Одна беда идет, другую ведет. Беда одна не ходит. При помощи русского языка мы можем перевести эту пословицу на башкирский язык: Бәлә яцгыҙ йөрөмәй.

Некоторые пословицы легко переводятся с китайского языка на русский язык, а после при помощи русского языка мы находим аналоги на башкирском языке:怎么说的, 就怎么办了; Сказано – сделано; Егет һүҙе бер булыр.; другие же нуждаются в объяснении, так как наоборот, не имеют ничего общего с русскими и башкирскими выражениями, хотя можно иногда догадаться, что же китайҙы хотят сказать. Например: 肉包子打狗 [ròu bāo zi dǎ gǒu], дословно переводится так: Наказывать собаку мясным пирожком. Сделав перевод, мы можем понять в каком смысле эта пословиҙа употребляется: Наказание поощрением никогда не действует.

В заключение хотелось бы отметить, что пословиҙы, являясь частью культуры данного народа, всегда оставались и останутся актуальными, несмотря на развитие экономики и техники, на прогресс и т. д. Изучение пословиҙ, отражающих черты наҙионального характера народа страны изучаемого языка, способствуют:

- повышению мотиваҙии к изучению иностранного языка;
- снятию культурологического барьера;
- обогащению коммуникативно-речевого репертуара для осуществления межкультурной коммуникаҙии с носителями языка и облегчения вхождения в пространство данной культуры, постижение ее ҙенностей и идеалов.

Изучая пословиҙы, мы изучаем культуру родной страны и страны изучаемого языка, начинаем осознавать себя частичкой одного большого и богатого культурного ҙелого.

Литература

1. Нәҙершина Ф.А. Башҡорт халыҡ ижады. 10-сы том. 1-се китап. Мәҡәлдәр һәм әйтемдәр. - Өфө: Китап, 2006. - 544 бит.

2. Нәҙершина Ф.А. Башкирское народное творчество. -Т.7: Пословиҙы, поговорки. Приметы. Загадки. -Уфа: Башкирское изд-во "Китап", 1993. -464с.

3. Русско-китайский словарь пословиҙ и поговорок.

©Гиндуллина Р.А., Салаватова Ф.Р., 2018

Гәрәева Г.Н.,
филология фәндәре докторы, БДУ профессоры,
Өфө ҡ., Башҡортостан Республикаһы

ЗӘЙНӘБ БИИШЕВАНЫҢ “ЯҠТЫҒА!” ТРИЛОҒИЯҺЫНДА ТАРИХИ ЫСЫНБАРЛЫҠ ҺӘМ ХАЛЫҠ ЯҘМЫШЫ САҒЫЛЫШЫ

Башҡортостандың халыҡ яҙыусыһы З.Биишеваның халыҡсан, милли колоритлы, бай идея-эстетик йөкмәткеле, киң эпик ҡоласлы “Яҡтыға” (“Бер гүмерҙең тарихы”) трилогияһы тотош башҡорт әҙәбиәтенең оло ҡаҙанышы булды. Яҙыусының башҡорт әҙәбиәтенең классик фондына ингән, киң эпик планда башҡорт халҡының соҙиалистик революҙияға килеү юлдарын һүрәтләгән «Яҡтыға!» трилогияһының беренсе романы «Кәмһетелгәндәр»1958 йылда баҫылып сыҡты. Унан һуң бер-бер артлы «Уяныу», «Яҡтыға» романдары донъя күрҙе, һуңынан улар руссага тәржемә ителеп, Мәскәүҙә нәшер ителде. «Кәмһетелгәндәр», «Оло Эйек буйында», «Емеш» исемдәре аҫтында Бөтә Союз уҡыусыһының игтибарын һәм ихтирамын яуланы.

Халыҡ ижады мотивтарының һәм поэтикаһының әҫәр структураһында оҫта файҙаланылыуы, фольклор менән реаллектең, хыял менән ысынбарлыҡтың тәбиғи үрелә килеүе, соҙиаль-тарихи, этнографик, гөрөф-ғәҙәт һәм көнкүреш ваҡиғаларының үҙенсәлекле сиратлашыуы, халыҡтың художестволы һәм фәлсәфәүи фекерләү алымдары урынлы ҡулланылыуы З. Биишева трилогияһының төп стиль тәбиғәтен билдәләй.

“Яҡтыға” трилогияһына ингән әҫәрҙәр айырым Байгилде агай, Таибә әбей, Тимербай агай һ.б. гаиләләренең , бер нисә быуын кешеләренең тормошо хаҡында мәглүмәт бирә, кешеләрҙең рухи үҙгәреүе, яҡтыға – ирекле, бәхетле, соҙиаль тигеҙлеккә ҡоролған тормошҡа ынтылыуҙары, мәғрифәткә, мәҙәниәткә тартылыуҙары романдарҙың төп мотивы булып яңғырап бара.

1911-1918 йылдар эсендәге ваҡиғаларҙы эсенә алған “Кәмһетелгәндәр” романында фольклор поэтик арсенал, сыганаҡ булараҡ ҙур роль уйнай, халыҡ ижадындағы ҡайһы бер темаларҙың әҫәрҙә көсәйтелеп, ҡабартылып күрһәтелеүе әҫәрҙең соҙиаль-көнкүреште һүрәтләүсе һыҙатын барлыҡҡа килтерә. Граждандар һуғышы осорон һәм тыныс тормоштоң тәүге көндәрен яҡтыртҡан “Оло Эйек буйында” әҫәрендә халыҡтың героик көрәшен һүрәтләүсе сюжет хәрәкәтен тарихи-революҙион ваҡиғалар, шул ваҡиғалар үҙәгендә тороусы халыҡ алып бара. Колхозлашыу ваҡиғаларын, халыҡтың эске үҫеш эволюҙияһын, йәш быуындың формалашыу тарихын күрһәтеүгә төп иғтибар бүленгән

“Емеш” романында Илсеғол ауылында барған синфи көрәш барышында оло үзгәреш-яңылыҡтар килеп инеүе, шул киҫкен боролошло тарихи хәрәкәттә кешеләрҙең сынығыуы күберәк Емештең рухи үҫеш проңесын яҡтыртыу аша асыла, әҫәрҙә автобиоғрафик һыҙаттар көсәйә.

«Кәмһетелгәндәр» романы шәхес, ғаилә мөнәсәбәттәрен соңиаль тормош контексында, тарих ағышында ҡарай, шуға ла был әҫәргә эпик иркенлек хас. Соңиаль-тарихи, этноғрафик, көнкүреш ваҡиғаларының бер-береһенә тығыҙ үрелеүе, халыҡ ижады мотивтары менән реаллектең, хыял менән ысынбарлыҡтың орғаник ҡушылыуы, хикәйәләүҙә төрлө стиль башланғыстарына мөрәжәғәт итеү, тарихи ысынбарлыҡты тәрәнерәк һәм күп яҡлыраҡ күрһәтеү маҡсатында төрлө жанр мөмкинлектәрен ижади файҙаланырға тырышыу, ярҙамсы сюжет һыҙыҡтары булған лирик һәм публиңистик сиғенеүҙәр, хикәйә һәм хикәйәттәр h.б. бирелеүе был эпиклыҡты тағы ла көсәйтеп ебәрғәндәй.

Тарих һәм хәҙерге көн, фольклор һәм реаллек, факт һәм шартлылыҡ, хыял һәм ысынбарлыҡ төрлө алымдар ярҙамында әҫәр туҡымаһына орғаник үрелә бара. Яҙыусы Емеш тураһында, мәҫәлән, «хыял менән ысынбарлыҡты, уйнапмы, уйлапмы, буташтырып ҡабул итергә өйрәнгән ҡыҙ» тип таныштыра.

Әҫәрҙең идея-йөкмәткеһен, ғеройҙарҙың характер һыҙаттарын аңлатыуҙа ла, тарихи-революңион үҫеш этаптарын төҫмөрләүҙә лә, трилоғияның стиль, композиңия үҙенсәлектәрен билдәләүҙә лә «Кәмһетелгәндәр»ҙә бирелгән Хәбир хикәйәтенең, Байғилде ағай тоҡомо тураһындағы шәжәрә-хикәйәттең, бөгөнгө ғеройҙарҙың Бейеш һымаҡ батырҙар менән ҡан-ҡәрҙәшлеген юллауҙың әһәмиәте ҙур. Улар хәҙерге тарих көҙгөһө аша күрергә ынтылыу, быуындан-быуынға ялғана барған ғероик көрәш күсәғилешлеген раҫлау маҡсатында алынғандар. Бер үк ваҡытта улар, әлбиттә, әҫәрҙең сюжет һәм композиңия үҙенсәлектәрен формалаштырыуҙа һәм стиль тәбиғәтен билдәләүҙә лә актив роль уйнайҙар.

Трилоғияның төп сюжет һыҙығында халыҡ тарихындағы быуындан-быуынға күсә килгән, килешмәүсән ҡаршылыҡтарҙан торған өҙлөкһөҙ синфи көрәш проңесы һүрәтләнә. Был көрәштең иң сағыу вәкилдәре булып халыҡтың иң яҡшы һыҙаттарын үҙендә туплаған Тимербай һәм Хаммат образдары һынлана. Ғорур рухлы, сая холоҡло Ҡарасәс инәйҙең улы - йырсы, ҡурайсы, бейеүсе, шағир һәм рәссам Тимербай баштан уҡ азатлыҡ көрәшенә әйҙәүсе булып сығыш яһай. Нахаҡ яла яғылып, Себерҙә ебәрелһә лә , ул йәш үҫмерҙәрҙә байҙарға ҡаршы көрәшкән Хәбир тураһындағы хикәйәтте һөйләп өлгөрә, туғанлыҡ төшөнсәһенең синфи икәнлеген аңлатырға тырыша., көрәш эстафетаһына Иштуған, Әхәттәрҙе әҙерләй. Себерҙә яңы кешеләр менән аралашыу Тимербайҙың синфи көрәш хаҡындағы уй-ҡараштарын киңәйтеп, асыҡлап ебәрә, азатлыҡ яулауҙың конкрет юлдарын күрһәтә. Каторғанан һуң ауылға яңы фекерҙәр менән ҡайтҡан Тимербай халыҡҡа үҙ хоҡуҡтарын яулау юлдарын күрһәтә, йәштәр араһында ағитаңия алып бара. Ғраждандар һуғышы осоронда шиғри тәбиғәтле Тимербайҙың бер ҡулында мылтыҡ булһа, икенсеһендә - «сәнғәт»: һәләк булғанға тиклем ул ҡурайынан айырылмай, тары бөртөктәренән даһи Ленин һүрәтен яһай. Бөтә ғүмерен халыҡ бәхете өсөн арнаған ҡаһарман рухлы, поэтик натуралы ғерой синфи көрәштә батырҙарса һәләк була.

Бик иртә етем ҡалған, йәштән үк әсе тир түгеп, ҡаты эштә эшләп үҫкән Байғилденең синфи көрәш юлына килеүе оҙайлы һәм ауыр була. Тәүҙә ул үҙе батраклыҡ иткән Ҡормош байҙарға, Әхмәҙулла муллаларға үҙенең йылдар буйы йыйылған асыу-нәфрәтен яррһып-сатнатып әйтһә, протесын белдерһә, беренсе империалистик һуғыш ғазаптарын татығас, Матвей дуҫынан азатлыҡ яулау юлдарын төшөнгәс, Октябрь революңияһы көндәрендә синфи көрәштең алғы һыҙығына баҫа, соңиалистик революңия идеалдары өсөн батырҙарса һуғышып һәләк була.

Трилоғиялағы тарихи ваҡиғаларҙың күп яҡлы сағылышы характерҙарҙың да төрлөлөгөнә, үҙенсәлекле яңы соңиаль-психолоғик типтар тыуҙырыуға килтергән. 3. Биишева романдарындағы персонаждар тормоштағыса ҡатмарлы, күп яҡлы һәм күп төрлө. Мәҫәлән, бер ғаиләләге бер туған еғеттәр - Таибә әбейҙең өс улы Хаммат, Хисбулла, Закир һәр береһе өс төрлө соңиаль-психолоғик характер, өсөһө өс соңиаль типолоғияға ҡарай.

Тарихи-революңион әҫәрҙәрҙәге даими характерҙың, традиңион революңионер образының индивидуаль сағылышы, үҙенсәлекле бер төрө булған Хаммат - эҙмә-эҙлекле, әҙерлекле революңионер, яҙмыштың күҙенә тура ҡарап йәшәүсе ҡаһарман рухлы баһадир. Ул һабантуйҙарҙа ла, көрәш майҙанында ла ал бирмәүсе, «һабанға атынан ныҡыраҡ еғелеүсе», шәхси тормошта ла, мөхәббәттә лә тоғролоҡло, ҡыйыу кеше. Мыҡты кәүҙәле, шат, уйынсаҡ холоҡло, ут сәсеп торған бөркөт ҡарашлы Хаммат, тәүҙә шәхси бәхете, мөхәббәте өсөн көрәшһә, аҙаҡ, революңия, ғраждандар һуғышы уттарын кискән, тормош тәжрибәһе туплаған олпат шәхес халыҡ бәхете өсөн көрәшеүҙе төп маҡсаты итеп ҡуя. Тимербай кеүек үк, Хаммат та яҡтылыҡҡа булған көрәш юлында һәләк була.

Таибә әбейҙең икенсе улы Хисбулла образы үҙенә башҡа бер үҙенсәлекле соңиаль тип. Әгәр Хаммат әсәһенә оҡшап, «мыҡты кәүҙәле, көслө ихтыярлы булып үҫһә», Хисбулла атаһына оҡшап, «йыуаш, йомшаҡ холоҡло була». Габбас мулла уның тураһында: «Уҡытҙаң, бына тиғән мулла буласаҡ», - ти. Ләкин ул да яңылыша. «Мәҙрәсәнән сыҡҡас, уның булдыҡлыҙ, бер ҡатлы холҡо мулла булырға, ә ситек-калош менән сапаны ысын крәҫтиән булырға ҡамасаулай». Хисбулла йөҙөндә революцияға тиклем башҡорт халҡының билдәле бер соңиаль ҡатламының - дин ҡыҫҡан, ярлылыҡ баҫҡан, кәмһетелеп йәшәгән, ләкин ирек һөйәр рухы һынып бөтмәгән, ҡат марлы һәм ҡаршылыҡлы юлдар аша азатлыҡҡа ынтылған кешеләр яҙмышы сағылыш тапҡан. Трилогияла Хисбулла яҙмышына тартым характерҙар ҙа байтаҡ. Уларҙың барыһына ла рухи яңырыш, синфи аң уяна барыу процесы характерлы. Ошондайҙарҙан, мәҫәлән, «бер ҡасан да зарланыу, яҙмышҡа ризаһыҙлыҡ күрһәтеүҙе белмәгән», бөтә булмышы менән дингә, аллаға ышанған, әммә яҡты күңелле булып ҡалған Сыуаҡай әбей образы ғибрәтле. Ярлының ярлы, байҙың бай булыуы алланан һәм мәңгелек тип уйлай ул баштараҡ, шуға ла халыҡ араһында революцион эш алып барыусы Хаммат, Байғилде кеүектәрҙе күңеленән үҙһенмәй, уларҙан ситтәрәк тә булырға тырыша. Ләкин уның да тора бара аяуһыҙ тормошҡа, соңиаль ғәҙелһеҙлеккә ҡарап, соңиаль-синфи аңы уяна башлай.

Быуаттар буйы соңиаль йәһәттән кәмһетелеп, кешелек ғорурлығы баҫтырылып килгән халыҡ массалары эсендә туҡтауһыҙ соңиаль-синфи уяныу, өлгөрөү бара, үҫеш-үҙгәреш тәрәндән төпкөл ағым булып үҙ юлына яңынан-яңы шәхестәрҙе ылыҡтыра, кешеләр рухында ҡырҡа боролош яһай.. Трилогиялағы Хисбулла образы бына ошондай кешеләрҙе дөйөмләштереп тора һәм уның характерының да соңиаль тарихи ниғеҙҙәре, законлыҡтары бар. Әгәр революцияны, синфи көрәште Хаммат, Байғилде, Тимербай һымаҡ көрәшселәр тыуҙырһа, Хисбулла кеүектәрҙе, киреһенсә, революция үҙе уята, әкренләп көрәшселәр сафына баҫтыра.

Үҙенең ориғиналлеғе, соңиаль-тарихи үҙенсәлеғе йәһәтенән трилогиялағы Закир образы айырым урын биләй. Ҡайһылыр яғы менән Закир революционер ағаһы Хамматҡа ла яҡын тора: мыҡты кәүҙәле, ҡыйыу еғет. Ләкин Хаммат йәштән үк «һабанды атынан көслөрәк тартырға» күнеғеп үҫһә, Закир иһә - « ҡыйыу, шаян тәбиғәтле, күпте күрерҙә, яңынан-яңы нәмәләрҙе белерҙә ашҡынып торған осҡор, ярһыу йөрәкле еғет өлкәндәрҙә бер ҙә буй бирмәй, бик тиҙ ҡулдан ысҡынып» китә. Ике арала бәрелә-һуғыла йөрөй торғас, Закир революцион көрәштән ситтә ҡала, эшсе синыфына ла, крәҫтиән мөхитенә лә ныҡлап ылыға алмай. Был яҡтан ул мулла ла, төплө крәҫтиән дә була алмаған Хисбулланы хәтерләтә. Ләкин Хисбулла, башҡа бик күптәр һымаҡ, тора-бара әкренләп синфи көрәш юлын төҫмөрләй башлаһа, Закир ике арала һуғылыуын дауам итә. Граждандар һуғышы осороңда ла әле Закир, аныҡ ҡына соңиаль идеалы, көрәш идеалы булмауы арҡаһында, дөрөҫлөктө берсә аҡтарҙа, берсә ҡыҙылдарҙа күрә. Ҡайһы яҡта торһа, шул яҡта ысын дөрөҫлөк тип ышанып, ҡаһармандарса һуғыша. Синфи аңдың өлгөрөп етмәүе, донъяға ҡараштың камил булмауы, ҡыйыулығына, шәхси ҡаһарманлыҡтарына ҡарамаҫтан, Закирҙың һәләкәтен тиҙләтә.

3. Биишева романдарында яңы заман ғеройы образын кәүҙәләндереү принциптарында шәхси һәм ижтимағи башланғыстарҙың диалектик берлеге яңы яңғыраш ала, соңиаль тарих көндәлек тормош, көнкүреш ваҡиғалары аша, халыҡтың реаль йәшәйеш шарттары күҙлегенән ҡарала. Әҙибәнең әҫәрҙәрендә донъяға, соңиаль ваҡиғаларға эстетик ҡараш мотивы үҙәк ғерой Емеш образы аша сағылдырыла, уның лирик, романтик рухы, әхлаҡи сафлығы менән бәйле асыла.

Яҙыусы башҡа ғеройҙарҙың да рухи йөҙөн, күңел күркәмлеген күрһәтергә тырыша, эҙләнеүсәнлек сифаттарын, ижади ҡараштарын алға ҡуя. Геройҙарҙың көрәше, бөйөк яу ҡырындағы ҡәтғилектәре эске күркәмлек, рухи ғүҙәллек менән яҡтыртыла, поэтик моң менән йылытыла, характерҙар яңы һыҙаттар менән тулылана төшә. Соңиаль тарих һәм көнкүреш ваҡиғаларының, эстетик һәм әхлаҡи мөнәсәбәттәрҙең хикәйәләү туҡымаһында берҙә үрелеп килеүе романдарҙа һүрәтләнгән ысынбарлыҡтың новаторҙарса тулы сағылышын тыуҙырыуға булышлыҡ итә, синфи көрәш ҡаршылыҡтарын, уларҙың күп яҡлылығын киңерәк планда күрһәтергә мөмкинлек бирә.

Азатлыҡ өсөн көрәш эстафетаһын дауам иттереүсе романтик рухлы йәш быуын вәкилдәре уҡытыусылар Иштуған менән Айһылыу, ауыл Советы рәйесе Әхәт ғүмерҙәрен халыҡ өсөн хеҙмәткә арнайҙар. Өсөнсө быуын вәкилдәре, яңы шарттарҙа рухи яҡтан үҫә, күтәрелә барған Емеш, башҡорт еғете Байрас, рус еғете Алеша аталары яулаған бәхетле осорҙа илгә, халыҡҡа кәрәкле кешеләр булырға әҙерләнәләр.

Трилогияла хаҡлыҡ, дөрөҫлөк эҙләп ҡараған, әммә таба алмаған Хәбир батыр, үҙ көсөн нисек файҙаланырға белмәй, эскеселеккә бирелгән Усман бай кеүек образдар - «бунтарҙар ғаиләһе»нән, үткәндең аяныс яҙмыштары. Эпизодик булһа ла ҡаршылыҡлы, күләмле Хәбир образынан Хаммат кеүек ҡаҡшамаҫ революционерҙарҙың да, Закир кеүек хаталаныусыларҙың да юл башы башлана. Хәбир тарихи планда үткәнде бөгөнгө көнгә ялғаусы, көрәш күсәғилешлеген раҫлаусы образ.

Трилоғияла һуңынан да «Хәбир батыр» мотивы даими ҡабатлана. Әҫәрҙә йыш телгә алынған Хәбир тирәге көрәш символы ролен үтәй. Тимербай йәштәр менән революционер әңгәмәләрҙе ошо Хәбир тирәге төбөндә үткәрә, Иштуган, Әхәт кеүектәр тәүге синфи һабаҡтар ала, Байрас, Емеш, Алеша һымаҡ өсөнсө быуын көрәшселәр формалашыуҙа ла «Хәбир», «Хәбир тирәге» мотивтары ишетелә тора. Хәбир батырҙы бер туған ағаһы Ғаббас мулла туҡматып үлтертһә, Закир үҙен-үҙе атып үлтерә, ә Усман бай ярым хыялыйға әйләнә. Ихтыяры көслө, ныҡышмал характерлы был ғеройҙарҙың трагедияһын тәрән, көслө яҡтыртыла. Яҙыусы, тарихи лоғикаға ярашлы, халыҡтан айырылған яңғыҙаҡ геройҙарҙың, ҡыйыу һәм ҡаһарман булһалар ҙа, еңелеүгә дусар булыуҙарының законлы күренеш икәнлеген күрһәтә.

Революция көндәрендә, һуңлабыраҡ булһа ла, икенсе күңел йәшлеген кисереүсе «урыҫ» Изрис тә, балаларын асыҡтыра-йонсота мулла-мәзинде һыйларға тырышыусы, әлепте таяҡ тип тә белмәгән көйө, биш ваҡыт намаҙын ҡалдырмай, суфыйсылыҡ дәгүә итеп йөрөүсе бахыр Тулыбай ҡарт та һәм башҡа байтаҡ персонаждар характерҙар төрлөлөгө, яңылығы һәм тормошсан тәбигилеге менән күҙ алдына баҫа. Яҙыусы полифоник буяуҙарҙа кеше яҙмыштарын ысынбарлыҡтағыса үҙенсәлекле һәм күп төрлө тормошсан итеп кәүҙәләндерә. Трилогияла тиҫкәре геройҙарҙың да һәр берәһе ниндәйҙер үҙенсәлекле индивидуаль сифаттарға эйә. Кире социаль типтар ғалереяһына ҡараусы Әхмәтша ҡараҡ, Шымбай ҡарт, Собхан старшина, Ҡатыбал, Федька Рябой һәм башҡалар - нимәһе менән булһа ла хәтерҙә ҡалыусы ифрат йәнле, үҙаллы ориғиналь яҙмыштар.

Трилоғияла Емеш күҙәтеүендә, ҡабул итеүендә Сәғүрә, Сыуаҡай менән Ҡарасәс инәй, Таибә әбей, Өммөгөлсөм, Сәлимә, Шәмсиә, Сәрбиямал, Бибеш, Айһылыу, Шәүрә, Ғөлйыһан кеүек ҡатын-ҡыҙҙарҙың сағыу образдары кәүҙәләндерелгән. “Яҡты көләс йөҙлө, йомшаҡ яғымлы һүҙле, изгелексән, яҡшы күңелле” , ярлылыҡта, ауыр тормошта көн итһә лә, барыһына риза булып йәшәүсе, башҡаларҙы ла баш эйерғә, күнерғә, “теге донъяға” әҙерләнеп йәшәргә өндәүсе Сыуаҡай инәй һуңлап ҡына үҙ ҡараштарының хата икәнен төшөнә. Уға ҡапма-ҡаршы ғорур рухлы, сая холоҡло, күңелезинһене тулы халыҡтың ауыҙ-тел ижады гәүһәрҙәре наҡланған, кәмһетелгән етем ҡыҙ Емешкә рухын һындырмай, яҡтылыҡҡа сығыу өмөтөн һүндермәй йәшәргә көс биргән, таяныс булған ҡарһүҙ оҫтаһы Ҡарасәс инәй образы һынландырыла. Хамматҡа һәр саҡ тоғро ҡалған, баҫалҡы, оло йөрәкле Өммөгөлсөм, ярһыу холоҡло, мөхәббәте хаҡына утҡа-һыуға инеүсе Сәлимә, аҙ һүҙле, йыуаш, баҫалҡы холоҡло, өндәшмәҫ, телһеҙ хеҙмәтсеғә әйләнгән, әммә ваҡыты-ваҡыты менән кешелек тойғолары күтәрелеп сыҡҡан Шәмсиә образдары һәр берәһе үҙенсә айырылып тора. Яңы йәмғиәт ҡоролошо шарттарында рухи үҫеш-күтәрелеш кисереүсе, яңылыҡҡа ынтылыусы Емеш, үҙ бәхете – мөхәббәте һәм халыҡ бәхете өсөн көрәшкә күтәрелгән Айһылыу, баҫалҡы, аҙ һүҙле ҡатындан активистка булып киткән Баҙыян образдары һәр берәһе индивидуаль һыҙатландырылған. Кәмһетелгән, “килмешәк” тип ҡағылған йомоҡ, ҡырыҫ ҡыҙ, Сыуаҡай һәм Ҡарасәс инәйҙең, атаһы Байгилде агай, Тимербай агайҙарҙың ҡар һүҙҙәрен, әкиәт-хикәйәттәрен тыңлап үҫкән, ысынбарлыҡты әкиәттәге хәл-ваҡиғаларға сағыштырып ҡабул иткән, Закирҙың ҡомартҡыларын – М.Ғафури, Ғ.Ибраһимов, Ш.Бабич китаптарын уҡып, үҙенә белем-илһам алған ,күңел донъяһын байытҡан, яҡтылыҡҡа ынтылған Емеш аҡрынлап кешеләр менән аралашыуға, аң яғынан күтәрелеүгә табан бара. Ырымбур педагогия техникумында белем алыу Емештең рухи үҫешендә тағы ла бер баҫҡыс булып тора, ул Байрас менән бергә синфи көрәшкә күтәрелә, комсомолдар сафына баҫа, художестволы әҙәбиәттә үҙенең тәүге тәжрибәләрен яһай, “аң-белем таратыу эшендә бирелеп эшләүҙе” төп маҡсаты итеп ҡуя. Шул рәүешле, трилоғияла характерҙар төрлөлөгө ысынбарлыҡты тулы тарихи ағышында, төҫмөрҙәр күп яҡлылығында һәм ҡатмарлылығында һүрәтләүгә ярҙам итә.

Дөйөм алганда, Зәйнәб Биишеваның күп яҡлы талантлы ижады башҡорт һүҙ сәнгәтенең үҫешендә мөһим роль уйнаны, милләттең рухи күтәрелешендә үҙәк урынды биләне.

Әҙәбиәт

1. Башҡорт әҙәбиәте тарихы. 6 томда. – Т.5. – Өфө: Китап, 1995.
2. Валитов И., Вахитов Ә. Зәйнәб Биишева ижады. – Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1980.

© Ғәрәева Ғ.Н., 2018

Ғарипов А.С.
БДУ-ның Учалы вәкиллеге укытыусыһы,
Башҡортостан Республикаһы

БАШҠОРТ ТЕЛЕНДӘГЕ ДӨЙӨМ ТӨРКИ АШ-ҺЫУ АТАМАЛАРЫНЫҢ ТАРИХЫ

Һәр халыҡтың аш-һыу атамалары уның тарихын, мәҙәниәтен сағылдыра. Башҡорттарҙың аш-һыуы тураһындағы тәүге яҙмалар XIII быуатҡа ҡараһа, тулыраҡ мәғлүмәттәр бары тик XVIII-XIX быуаттарҙан башлап ҡына сағылыш таба. Тап шул осорҙа Уралда йәшәүсе аҫаба халыҡтың тарихына, теленә, мәҙәниәтенә, йәшәү рәүешенә иғтибар көсәйә. П.С. Паллас, И.И. Лепехин, Н. Рычков, Н.С. Попов һ.б. төбәкте өйрәнеүселәр бай мәғлүмәт яҙып ҡалдырған. Шулай ҙа XX баштарында сыҡҡан тикшеренеүҙәрҙә ғәнә башҡорттарҙың аш-һыуҙары тулыраҡ яҡтыртыла башлай. Мәҫәлән, С.И. Руденконың «Башкиры» тиҙән китабында бай мәғлүмәт тупланған. 50-се йылдарҙа башҡорт этноғрафияһы буйынса төплө тикшеренеүҙәр алып барған Ә.З Әсфәндиәров, И.Ғ. Аҡманов, Н.В. Бикбулатов, Р.Ғ. Кузеев, С.Н. Шитова кеүек ғалимдарҙың тикшеренеү эштәрендә лә бай мәғлүмәт тупланған. Һуңғы йылдарҙа иһә аш-һыу атамаларын берләштереүсе тикшеренеүҙәр ҙә донъя күрә башлай. Ошо йәһәттән, Ф.С. Әминеваның 2003 йылда сыҡҡан «Башҡорт аш-һыуҙары лексикаһы: этнолингвистик тикшеренеү» исемле моноғрафияһы айырым урынды алып тора. Хеҙмәттә башҡорт милли аштарының атамалары һәм шулай уҡ уларҙы әҙерләү, һаҡлау ысулдары, халыҡтың аҙыҡ-түлекҡа булған мөнәсәбәте, табын этикеты лингвистик һәм этноғрафик аспекттарҙа ҡарала. С.Ғ. Сабирьянованың 2009 йылда донъя күргән моноғрафияһында аш-һыу атамаларының башҡорт һөйләштәрендәге ҡулланылышы тикшерелә.

Башҡорт телендәге аш-һыу атамаларын өйрәнеүҙәге тағы бер мөһим мәсьәлә – сағыштырма-тарихи тикшеренеүҙәр. Был йәһәттән, миҫал рәүешендә, хәҙерге башҡорт телендәге ҡайһы бер дөйөм төркн атамаларҙың тарихына туҡталып китмәксебеҙ.

Бал - ҡорт, иңкештең сәскә һутынан йыйып яһаған татлы ҡуйы матдәһе. Ҡәрҙәш төрки телдәрендә түбәндәге формаларҙа ҡулланыла: *бол* – үзбәк теле; *пал* – ҡаҙаҡ теле; *пыл* – сыуаш теле һ.б. Төрки тел ғилемендә был атаманың килеп сығышына ҡарата төрлө ҡараштар йәшәп килә. Мәҫәлән, И. Ғалеви ғрек телендәге μέλι "мёд" һүҙе менән бәйләй. М. Рәсәнен санскрит телендәге *madhu* "мёд" һүҙенә алып барып тоташтыра. Дөйөм алғанда, төрки тел ғилемендә *бал* һүҙенең килеп сығышын һинд-европа телдәренә ҡайтарып ҡалдыралар [2, с. 47].

Икмәк - ҡамырҙан йомарлап мейестә бешерелгән ашамлыҡ. Башҡа төрки телдәрендәге варианттар: *екмек* – төркмән, төрөк, ғағауз, ҡумыҡ теле; *епмек* – төркмән теле; *әппәк* – әзербайжан теле; *өтмек* – төрөк, ҡарағалпаҡ теле; *өтпек* – нуғай теле; *өтпөк* – алтай теле һ.б. Төрки телдәрендә таралыу алған варианттар араһында боронғорағы булып *епмек* иҫәпләнә, сөнки ул М. Ҡашғариҙың һүҙлегендә сағылыш тапҡан. Шулай уҡ *өтмек* варианты ла боронғо булырға тейеш. Төркмән телендәге *епмек* менән татар телендәге *ипи* һәм башҡорт телендәге *әпәй* бер-береһенә тап килә. *Екмек* вариантының ҡулланыла башлауы бары тик XVII быуатҡа ғына ҡарай. Был формаларҙың үҫеш юлы түбәндәгесә булырға мөмкин: *епмек* > *екмек.* Шулай уҡ *екмек* һүҙенең *ек* "сеять" ҡылымы ниғеҙендә барлыҡҡа килеүе мөмкин. Күренекле ғалим М. Рәсәнен был форманың тарихын монғол телдәре менән бәйләһә, А. Йоки, киреһенсә, төрки формалары монғол телдәре тарафынан үҙләштерелгән тип иҫәпләй [1, с. 256].

Ҡаҙы - йылҡы малының ҡабырға, ҡорһаҡ ите өҫтөнә үргән майы һәм шул майҙы тултырып яһалған ашамлыҡ. Башҡа төрки телдәрендә: *ҡазы* – ҡырғыз, ҡаҙаҡ, ҡарағалпаҡ, алтай теле. Әйтергә кәрәк, был форма боронғо төрки телендә лә теркәлгән; *ҡази* – үзбәк теле; *хазы* – хакас теле; *хас* – сыуаш теле һ.б. Ғалимдар, ғәҙәттә, был һүҙҙең килеп сығышын монғол теле менгән бәйләйҙәр [3, с. 189]. Ысынлап та монғол телендәге *qarbin* "побрюшный жир" тиҙән һүҙ төрки телдәре тарихының ниндәйҙер бер осоронда үҙләштерелгән булыуы мөмкин.

Ҡаймаҡ - һөт өҫтөнә ултырған йәки һөттән айырып алынған ашамлыҡ. Башҡа төрки телдәрендә: *хайах* – хакас, яҡут теле; *ҡаймаҡ* – ҡумыҡ, ҡырғыз, ҡаҙаҡ, татар, уйғыр теле; *хаймах* – хакас теле һ.б. Боронғо төрки телендә түбәндәге формаларҙа теркәлгән: *ҡайаҡ/ҡыйаҡ/ҡанаҡ.* Ғалимдар был һүҙҙе ике күрһәткескә бүлеп ҡарай: тамыр *ҡай* һә *-аҡ/-маҡ* ялғауы. Дөйөм алып ҡарағанда был – исем ҡылым. Тикшереүселәр *ҡай* тамырын билдәле бер ҡылым менән бәйләй алмайҙар. Дж. Клосондың фекеренсә, был тамыр *ҡайын* "кипеть" ҡылымынан барлыҡҡа килгән. Бында ниғеҙ итеп башҡорт телендәге мәғәнә алына: *ҡаймаҡ* "пена кислого молока при кипячении". Ә бына күренекле ғалим Э.В. Севортян *ҡай* "плавать" һүҙе менән бәйләй [3, с. 200].

Ҡатыҡ - һөттө ҡайнатып, ойотҡо һалып ойоткан аҙыҡ. Башҡа төрки телдәрендә: *ҡатиҡ* – төрөк теле; *ҡетиҡ* – уйғыр теле һ.б. Ғалимдарҙың ҡарашынса, был һүҙҙең тәүге мәғәнәһе – "добавка,

приправа". Ул – (-ҡ) аффиксы ярҙамында яһалган исем ҡылым. Нигеҙендә ятҡан *ҡат* һүҙе башлыса "добавлять, прибавлять, примешивать" тигән мәгәнәләрҙе белдергән. Шуның нигеҙендә "приправлять" тигән мәгәнә үҫеш алган [3, с. 339].

Ҡойҡа – өткән тиренән бешереп, һыуытылган ашамлыҡ; тертелдәк. Башҡа төрки телдәрендә: *ҡуйҡа* – ҡырғыҙ, ҡаҙаҡ, алтай теле һәм боронго төрки теле; *хуйға* – хакас теле һ.б. Дж. Клосон төрки һүҙенең һәм монгол телендәге *kujika* "кожа скальпа" формаһының араһында бәйләнеш барлығын һыҙыҡ өҫтөнә ала. Уның фекеренсә, ул төрки телдәренән үҙләштерелгән булыуы мөмкин. Ә бына В. Банг, киреһенсә, монгол телдәренән үҙләштерелеү мөмкинлегенә игтибар итә [4, с. 112].

Ҡоймаҡ - ондан туҡып, табага ҡойоп, йоҡа итеп бешерелгән ашамлыҡ. Башҡа төрки телдәрендә: *ҡуймаҡ* – төркмән, әзербайжан, төрөк теле; *куймак* – сыуаш теле; *guymak* – төрөк теле һ.б. Ғалимдарҙың ҡарашынса, был һүҙҙең нигеҙендә *ҡуй* "лить" ҡылымы ята [4, с. 113].

Ҡымыҙ - бейә һөтөнән әсетеп яһалган эсемлек. Башҡа төрки телдәрендә: *ҡымыз* – төркмән, әзербайжан, ҡырғыҙ, ҡаҙаҡ, ҡарагалпаҡ, татар, уйғыр теле һәм боронго төрки теле; *кимиз* – үзбәк, уйғыр теле; *ҡымыс* – алтай, яҡут теле; *хымыс* – хакас, тыва теле һ.б. Төрки тел гилемендә билдәле галим А. Вамбериҙың ҡарашы айырыуса киң таралыу алган. Уның фекеренсә, *ҡымыҙ* һүҙе *ҡым* "трогать, двигать, трясти" тигән ҡылымдан барлыҡҡа килгән [4, с. 216].

Әжекәй - еләкте ҡуйы һөттә ҡайнатып әҙерләнгән тәмле аҙыҡ. Башҡа төрки телдәрендә: *ежигей* – ҡырғыҙ теле; *ежегей* – ҡаҙаҡ теле; *әжекей* – татар теле һ.б. Ғалимдар был һүҙҙең килеп сығышын монгол телдәре менән бәйләй. Мәҫәлән, бүрәт телендәге форма: *ээдзгээ* "створоженное молоко". Монгол телендәге формалар *ээдэх* "становиться кислым", "прокисать", "свертываться" мәгәнәләрен биргән нигеҙҙән барлыҡҡа килгән [1, с. 235].

Шулай итеп, төрки тел гилемендә үрҙә ҡарап киткән аш-һыу атамаларының тарихына бәйле төрлө гипотезалар йәшәп килә. Шул тикшеренеүҙәргә нигеҙләнеп һәр бер атаманың үҫеш юлын күҙ алдына килтерергә мөмкин.

Әҙәбиәт

1. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные / АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1974. – 768 с.

2. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву "Б" / АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1978. – 349 с.

3. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы "К", "Ҡ" / Авт. сл. статей Л.С. Левитская, А.В. Дыбо, В.И. Рассадин. – М., 1997. – 368 с.

4. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву "Ҡ" / Авт. сл. статей Л.С. Левитская, А.В. Дыбо, В.И. Рассадин. – М., 2000. – 261 с.

© Ғарипов А.С., 2018

Ғиләжетдинова Ғ.Р.,
БДУ-ның башҡорт әҙәбиәте, фольклоры һәм мәҙәниәте кафедраһының 1 курс магистранты,
Ғәрәева Ғ. Н.,
филология фәндәре докторы, БДУ профессоры,
Өфө ҡ., Башҡортостан Республикаһы

ЗӘЙНӘБ БИИШЕВАНЫҢ «УЙҘАР, УЙҘАР» ПОВЕСЫНДА ЭСКЕ МОНОЛОГ МӨМКИНЛЕКТӘРЕ

Зәйнәб Биишеваның «Уйҙар, уйҙар» повесы тормош күренештәрен социаль-философик планда һүрәтләй, шул уҡ ваҡытта психологик анализды ла киң файҙалана: геройҙың үткәнде хәтерләүҙәрендә уларҙың хис-тойғолары, кисерештәре асыла.

Повесть Суфияның көндәлеге формаһын алган монолог булһа ла, йыш ҡына яҙыусы үҙе лә хикәйәләүсе ролен ала. Әҫәргә урыны-урыны менән башҡа геройҙарҙың монологтары, көндәлек биттәре, хаттарҙан өҙөктәр, башҡа образдар хаҡында геройҙарҙың һөйләүҙәре килеп инә.

Яҙыусының был әҫәрен тикшерер алдынан, эске монологҡа галимдар ниндәй билдәләмә биргәнен ҡарап үтәйек.

Внутренний монолог- одна из форм прямого психологизма, представляющая собой, воспроизведение размышлений персонажа, обращенной к самому себе и не произнесенной вслух. Широко используется в художественных произведениях XIX века для того, чтобы раскрыть переживания героя, воссоздать его внутренний мир. В отличие от «потока сознания» во внутреннем монологе мысли подчиняются внутренней логике персонажа, поэтому можно проследить, как он пришел к тому или иному решению, умозаключению.

Внутренние монологи - это высказывания, осуществляемые человеком либо в одиночестве (буквальном), либо в психологической изоляции от окружающих. Таковы дневниковые записи, не ориентированные на читателя, а также "говорение" для себя самого: либо вслух, либо, что наблюдается гораздо чаще, "про себя". [3, с.405]

Зәйнәб Биишеваның «Уйҙар, уйҙар» повесы кешенең үткән һәм хәҙерге ваҡыттағы уй-тойғоларын, холоҡ-ҡылыҡтарын, эш-хәрәкәттәрен ҡапма-ҡаршы ҡуйыу, сағыштырыуға ниҡезләнгән.

Яҙыусы был әҫәрендә лә йәш кеше яҙмышы, уны тәрбиәләүгә бәйле әхлаҡ-этик проблемаларҙы үҙәккә ҡуя. Повесть Суфияның көндәлеге-иҫтәлеге формаһында яҙылған. Ләкин яҙыусыны ҡәроиняның уйланыу процесы түгел, күберәк уның һөҙөмтәһе ҡыҙыҡһындыра. Әҫәрҙә бөтә иҡтибар ваҡиғаларға түгел, ә шул ваҡиғалар тыуҙырған тойғо-кисерештәргә йүнәлтелгән. Һөҙөмтәлә көсөргәнешле интонация барлыҡҡа килә. Яҙыусы һәр урында тип әйтерлек ирекле рәүештә үткәнде һәм хәҙерге сағыштыра. Шул алым үҙенсәлекле эске конфликтты тыуҙыра.

Суфия үҙенең бөтә үткән тормош юлында осраған ҡайһы бер кешеләр хаҡында уйлана, уларҙың донъяға ҡараштарына, холоҡ-ҡылыҡтарына баһа бирергә тырыша. Көндәлегендә ул үҙен дә, башҡаларҙы ла объектив, дөрөҫ «хөкөм итә». Уға үҙе әйтмешләй, ошо «үткәндәрҙе баштан аяҡ яҙып һығымта яһарға ла артабан атларға» кәрәк.

Зәлифәнең Суфияға ҡырыҫ булыуы тураһында әйткәс, «Был тиклем ҡырыҫ булырһың икән?! Ҡырыҫ... ҡырыҫ...» тип уйлана башлай төп ҡәрәй һәм үҙенең үткәне тураһында уйлана, фекер йөрөтә һәм һығымта яһай.

«Эйе, мин үткәнем тураһында бик күп уйлайым. Күп баш ватам. Былай ярамай. Быға сик ҡуйырға кәрәк. Ләкин нисек?! Үҙеңдән, үҙ кисерештәреңдән ҡасып ҡотолоп буламы ни? Эсте яндырып килгән уйҙарҙы кешеҙә һөйләһәң, күңел баҫылып ҡала, тиҙәр. Ләкин мин әлеҙә һөйләй алмайым. Теләмәйем. Әммә мин уйҙарымды көндәлеҙемә бушата алам да баһа!.. Әйе, яҙырға. Серҙе ҡағыҙға һөйләрҙә, ысынлап та! Әйе, әйе, ҡабат-ҡабат уйлап аҙапланмаҫ өсөн баштан-аяҡ яҙып сығырға, һығымта яһарға, нөктә ҡуйырға ла артабан атларға!.. Әйе, алға атларға...»

Яҙыусы Суфия уйҙары, эске монологы аша уның үткәне тураһында уҡыусыға һөйләп бирә. Ысынлап та, Суфия уй-кисерештәрен бер кемгә лә һөйләмәй, хатта әхирәте Зәлифәгә лә ҡыйыулығы етмәй, ҡағыҙға ғына яҙа бара.

Төп ҡәроиняның янында яҡшы, саф йөрәкле кешеләр була, ярҙам итергә тырыша, мәҫәлән аҡыллы, сабыр «ярар әбей»- Һылыубикә өләсәһе, күндәм холоҡло, эшлекле атаһы, иң яҡын дуҫтары-ҙур йөрәкле, актив Дауыт менән Зәлифә һәм уларҙың ғаиләһе. Әммә ҡыҙ, күберәк мещан әсәһе йоғонтоһонда үҫкәнгә күрә, ныҡ яңылыша, аҙаҡ үкенә лә. Сара Сабировна һәр саҡ үҙенән башҡаны тиң күрмәгән, «алйот» тип атаған Дауыттар ғаиәләһе киреһенсә, киң күңелле, саф йөрәкле була, ысынында, улар түгел, ә үҙе «алйот» булып сыға. Ҡыҙының тормошона ҡыҫылып, дөрөҫ тәрбиә бирмәй, дөрөҫ юлдан тайпылдыра.

Тыумыштан характеры менән атаһына оҡшап изге күңелле, сабыр, эшһөйәр, аҡыллы Суфия, әсәһенә оҡшарға тырыша, әммә булдыра алмай, әсәһе һымаҡ булыр ҙа ине, әгәр ҙә тормошонда еңел холоҡло, ялҡау Кәбир осрап, ташлап китмәһә. “Дауыт, Зәлифә, Һөйөндөк... Их, дуҫтар, дуҫтар... Белһәгеҙ ине, нисек яратам мин һеҙҙе хәҙер... Ә ул саҡта?.. Эй, ул саҡтағы тилелектәрем иҫемә төшһә, хәҙер үҙ сәсемде йолҡҡоларҙай булам. Әммә ул саҡта әсәйем менән минән күп белгән, уның менән минән хаҡлы һәм аҡыллы кеше бар инеме ни донъяла? Хатта атайыма ла бер һүҙ әйтергә бирмәнек беҙ. Ә өләсәйемдең һүҙе тураһында әйтеп тораһы ла түгел».

Ошонан һуң, Суфия бөтөнләй үҙгәрә, уйлана башлай,үҙен өҫтөн ҡуйып, маһайып, Дауытты яратһа ла, үс итеп йөрөгәне өсөн үкенә, күҙгә-күҙ осрашырға ла ояла.

«Шулай итеп, мин моңһоҙ, ғәмһеҙ ҡыҙҙан ҡайғылы ҡыҙға әйләндем. Иларға, кисерергә, уйланырға өйрәндем. Нисек шулай булмаһын? Ғәрлек бит. Кейәүгә сығам, туй була, тип алдан бөтә донъяға белдереп бөт тә... Унан еҙетең ташлап китһен!..Дөрөҫөн әйткәндә, быға мин ҡыуанырға тейешмен дә бит... Шулай ҙа кеше алдында ғәрлек бит. Биҙерәк тә Хәҙисә апайҙар алдында.. Йә, Дауыттан үс алам. Уның сәменә тейәм, имеш! Бына тинтәк ҡыҙ!.. Йә, берәүҙең саф мөхәббәте менән шаярырға яраймы ни инде?! Етмәһә, үҙең дә уны һөйғәндә!.. Их, тилелек!.. Их, йәшлек!.. Инде, әйҙә, ила. Дауыт, барыбер, бынан һуң һиңә әйләнеп ҡарарға ла теләмәҫ!..

Әлбиттә, Суфия башҡалар һымаҡ үҙенең киләсәге тураһында фекер йөрөтөп, уйланырға тейеш ине, әммә бер ҡайғыһыҙ, һәр саҡ ата-әсәһенең киң арҡаһына ышыҡланып үҫкән, тормошҡа еңел ҡараған ҡыҙ, дөрөҫ йүнәлеш бирергә теләүселәрҙең әйткәнен ғел кире ҡаға. Әсәһе Сара Сабировна иһә ҡыҙында хеҙмәткә һөйөү тәрбиәләмәй, үҙе һымаҡ эшләмәй өйҙә ултырыуҙы бәхетле йәшәү өлгөһө тип яңылыш кәңәш бирә. “Эйе, эшләмәй рәхәт йәшәү-был минең әсәйемдең иң мөкәддәс теләге ине

шул. Шуға күрә мине лә ул тап шул рухта тәрбиәләне лә инде. Уныңса, ҡыз кешеғә аҡсалы, шәп кейәү ҡаратырлыҡ төҫ булһа еткән. Хатта уҡыу ҙа уға шуның өсөн, баһаны арттырыу өсөн кәрәк.

Шулай ҙа тормош хаҡында, киләсәк хаҡында, йәмғиәт алдындағы хоҡуғы тураһында ғына түгел, вазифаһы, бурысы тураһында ла уйларға, әйе, уйларға өйрәнерҙә тейеш ине лә баһа ул!

Әгәр ул үҙен әйләндереп алған кешеләр, ғөмүмән, тормош күренештәре хаҡында аҙ ғына булһа ла уй йөрөтөргә өйрәнгән бала булһа, Кәбир мәсьәләһендә лә яңылышмаған булыр ине, бәлки."

Суфияның әсәһе ҡыҙын яҡындағы уратып алған яҡшы, изге кешеләрҙән арындыра. Бала саҡтан айырылғыһыҙ дуҫтары Зәлифә менән Дауыттан ҡыҙ үҙен өҫтөн күрә. "Әһә, белдеңме, уҡытыусы апай ҙа минең директор ҡыҙы икәнемде белеп тора! Янымда торған, үҙем менән буйға типә-тиң торған Зәлифәгә юғарынан түбәнгә ҡарарға тырыштым."

Ғөмүмән, Суфияның бөтә йәмғиәттән айырылып ҡалыуы - ул әсәһенең алама йоғонтоһо. Ярай әле ҡыҙ ваҡытында барыһын аңлап, үткәнен анализлап, дөрөҫ юлға аяҡ баҫа.

3. Биишеваның «Уйҙар, уйҙар» повесы күптәрҙе уйландырырға, фәһем алырға өндәй.

Әҙәбиәт:

1. Башҡорт әҙәбиәте тарихы. 6 томда. – Т.5. – Өфө: Китап, 1993. – Б. 324-346.

2. Биишева З. Әҫәрҙәр. 5 томда. – Т.2: роман, повестар, хикәйәттәр, хикәйәләр. – Өфө: Китап, 1996. – 576 б.

3. Хализев В. Е. Теория литературы. 4-е изд., испр. и доп. – М.: 2004. – 405 с.

© Ғиләжетдинова Ғ.Р., Ғәрәева Ғ.Н., 2018

Ғимашева Ф.Д.,
БДПУ студенты,
Дәүләтшина М.С.,
педагогия фәндәре кандидаты, БДПУ доценты,
Өфө ҡ., Башҡортостан Республикаһы

БАШҠОРТ ТЕЛЕН ӨЙРӘТЕҮ ПРОЦЕСЫНДА ДИСКУССИЯ МЕТОДЫН ҠУЛЛАНЫУ

(башҡорт теле дәреслегенә тикшерелгән проблема күҙлегенән анализ)

Дискуссия – фекер алышыу һәм дискуссиялы мәсьәләләрҙе хәл итеү методы. Әлеге ваҡытта ул белем биреү эшмәкәрлеғенә иң мөһим формаларының береһе булып тора, уҡыусылар уҡыу проңесына дәртләндерә, рефлексив фекерләүҙе үҫтерә. Фекер алышыуҙан айырмалы рәүештә, дискуссия ул бәхәс, фекерҙәр, ҡарарҙар һәм позиңилар бәрелеше һ.б. Ләкин дискуссияны булған фекерҙе эмоңиональ һәм бер маҡсатта үҙгәрешһеҙ ҡалдырыу хата иҫәпләнә. Дискуссия – ул уҡытыусылар һәм уҡыусыларҙың тиң хоҡуҡлы фекер алышыуы, был йүнәлештә проблемаларҙы төрлө юҫыҡта планлаштыралар. Берҙәм яуап булмаған һәм хәл ителмәгән мәсьәләләрҙе дискуссия тип атайҙар. Уның барышында кешеләр барлыҡ һорауҙарға ҡәнәғәтләндерерлек яуап табырға һәм яңы фекерҙе барлыҡҡа килтерергә тырышалар. Дискуссияның һөҙөмтәһе булып килешеү, аңлашыусанлыҡ, проблемаға яңы ҡараш, проблемаларҙы берґәләп хәл итеү тора.

Уҡыу программаһында дискуссия методы даими ҡулланылмай. Белем алыуҙы һәм мөмкинлектәрҙе практик эшмәкәрлек өсөн файҙаланыу китап уҡыуҙан һәм материалды үҙләштереүҙән ғенә тормай, фекер алышыу менән нығытылырға тейеш. Л.С. Выґотский, С.Л. Рубинштейн һәм башҡа ғалимдар иҫбатлауынса, интеллектуаль үҫешкә эске, тышҡы һәм соңиаль проңестар йоғонто яһай. Улар яҙыуынса, фекерләүҙең иң юғары кимәле үҙ-ара мөнәсәбәттәрҙән йәғни кешеләр араһындағы диалоґтарҙан барлыҡҡа килә,.

Үҙ-ара фекер алышыуҙарҙан кешенең аҡыл кимәле күтәрелә. Шәхси һәм коллектив әңґәмәләрҙән, бәхәстәрҙән, төрлө йүнәлештәрҙә проблемалар хәл ителә. Улар ризалыҡ белдерәләр, ҡаршы фекер йөрөтәләр, йә һөҙөмтәлә мәсьәләләрҙе хәл итәләр.

Дискуссия – кешеләр төркөмөндә бер маҡсатта хәҡиҡәтте табыр өсөн идеялар, фекерҙәр менән алышыу.

Дискуссия билдәләре:

• алып барыусы һәм ҡатнашыусылар эшмәкәрлеґе;

• ойошмаларҙың ваҡыты һәм урыны тап килеүе;

• аралашыу проңесында ҡатнашыусылар мөнәсәбәте;

• үҙ-ара фекер алышыу һөйләүҙе, тыңлауҙы, шулай уҡ невербаль тасуири һөйләү сараларҙы үҙ эсенә алыуы;

• уҡыу маҡсатында ҡаҙаныштарҙы үҫтереү.

Үҙ-ара фекер алышыу дискуссия проңесында һорауҙар һәм яуаптар ниғеҙендә ғенә барлыҡҡа килмәй, уҡыусылар һәм уҡытыусылар араһындағы тәрән һәм күп яҡлы идеялар, уйҙар, проблемалар мөнәсәбәтендә хәл ителә.

Дискуссия барышында аралашыу уҡыусыларҙы үҙенең фекерҙәрен белдереүгә, төрлө ысулдар эҙләргә ярҙам итә, яңы мәғлүмәттәргә һәм ҡараштарға ҡыҙыҡһынытыуҙы арттыра, дискуссияның шәхси үҫешкән һөҙөмтәләре хәл ителәсәк уҡыу материалдарында формалаша.

Уҡытыусының диалоғик позицияһы дискуссияның мөһим һыҙаты булып тора, йыйылыштар тырышлығында фекер алышыуға һәм ҡатнашыусыларға ҡағиҙәләр менән таныштырыуға аҙым яһала.

Уҡытыусы дискуссия ойоштороуҙы күҙ уңынан ысҡындырмаҫҡа тейеш. Уҡыу проңесында йәнле фекер алышыуҙа үҙе лә катнашырға тейеш. Уҡыусыларға йүнәлеш биреү, фекерҙәрен тыңлау мөһим. Шуға ла күп кенә уҡытыусылар уҡыусылар менән туранан-тура идара итә.

Фекер алышыуҙы йәйелдермәү, үҫтермәү ҡыҫҡа яуаптар һәм һорауҙар менән сикләнеп ҡала. Шул арҡала дискуссия уңышһыҙ тамамлана. Уҡытыусыға уңышлы дискуссияны ойошторор һәм класс менән актив рәүештә эшләр өсөн уңышлы методтар кулланырға тейеш. Уңышһыҙ дискуссиялар аңлашыусанлыҡ тыуҙырыуға, уҡыусылар берҙәм фекер алышыуға аҙым була.

Бер үк маҡсатта тормошҡа ашырыуға йүнәлтелгән дискуссия ике төркөмгә бүленә:

1. Конкрет- йөкмәткеле бурыстар:

- уҡыусыларҙың проблема менән бәйле ҡапма-ҡаршылыҡтарҙы һәм ауырлыҡтарҙы аңлап, фекер алышыуы;
- өйрәнелгән көнүҙәк проблемаларҙың актуаллеге;
- булған белемдәрҙе, мөмкинлектәрҙе ҡулланыу h.б.

2.Ойошторов бурыстары:

- ғруппаларҙы төркөмләштереү;
- ҡағиҙәләрҙе үтәү һәм уртаҡ фекер алышыу;
- коллектив бурыстарҙы формалаштырыу;
- проблеманы хәл итеүгә дөйөм ҡараш һәм ярашыусанлыҡ h.б.

Дискуссия буйынса төрлө тикшеренеүҙәрҙе ҡулланыу уҡыусыларҙың һәләттәрен арттыра. Дискуссия һөҙөмтәләре алынған белемдәрҙе ҡулланыуҙы, фекер алышыуҙы үҫтереүгә булышлыҡ итә. Ижади ҡиммәттәрҙе һәм материалдарҙы башҡаларға еткерә белеүҙе күҙ уңында тота.

Дискуссия өс этапҡа бүленә: ойошторов, төп һәм йомғаҡлау (анализ, баһа биреү)

1.Ойошторов этапы дискуссия башланыуға 7-10 көн эсендә башлана. Уҡыу проңесында дискуссиялар юғары кимәлдә әҙер булырға тейеш. Уҡытыусы әҙерлек һәм ойошторов өсөн ваҡытлы төркөмдәр (ғәҙәттә, биш уҡыусы) булдыра, һәм уларға бурыстар йөкмәтелә:

- дөйөм кластың дискуссияға әҙерлеге: бирелгән темаға проблемалы һорауҙарҙы эҙләү, материалдар эҙләү, уҡыусыларҙың йөкмәткеле һәм ҡыҙыҡлы мәғлүмәттәр ҡарауы, дискуссияға кластың әҙерлеген тикшереү, кәрәк булһа, айырым докладсыларҙы һәм эксперттарҙы билдәләү, йыйылыш ойоштороуға кабинет әҙерләү h.б.
- дискуссия үткәреүгә вариантар һайлау (мәҫәлән, проекттарға күсеү h.б.)
- “мейе һөжүме”н ойошторов;
- ҡағиҙәләрҙе ҡабатлау;
- дискуссия уңышһыҙ барһа, уның маҡсаттарын, проблемаларын яңынан формалаштырыу;
- ҡапма-ҡаршы фекерҙәрҙе анализлау;
- ҡатнашыусыларға үҙ фекерҙәрен еткереүгә мөмкинлек биреү.

Уҡыу проңесында дискуссия тәрбиәүи проңестан айырмалы рәүештә, уҡыусыларҙың аҡыл кимәлен, фекерләү ҡеүәһен тикшереүгә бәйле. Белемдәр булмаһа, дискуссия уңышһыҙ барасаҡ.

2. Төп этап.

Уҡытыусыға дискуссияны алып барыр өсөн, ваҡыт, маҡсат, һөҙөмтә кәрәк. Дискуссия алып барыусының телмәренән башлана. Ул 5-10 минуттан артыҡ булмаҫҡа тейеш. Алып барыусы тема һәм дискуссия проблемаларын менән таныштырырға бурыслы.

Дискуссия үткәреү этаптары:

1. Проблема ҡуйыу
2. Ҡатнашыусыларҙы төркөмләү
3. Төркөмдәрҙә проблемаларҙы хәл итеү
4. Бөтә класс алдында һөҙөмтәләрҙе баһалау
5. Дискуссияны тамамлау һәм баһа биреү

Дискуссияны алып барыу методтары: конкрет хәл-ваҡиғаны һүрәтләү, проблемаһын күтәреү; кинофильмдан өҙөк күрһәтеү; материал менән таныштырыу (иллюстрация, архив материал һ.б.), эксперттарҙы саҡырыу (эксперт булараҡ дискуссия проблемаларын яҡшы белгән кешеләр саҡырыла); әлеге ваҡытта актуаль яңылыҡтар; магнитофон яҙмалар; инсценировка; эпизодтан ниндәйҙер ролде күрһәтеү; стимул булараҡ "нимә?", "нисек?", "ни өсөн?" һорауҙарын биреү һ.б.

Әҙерлек барышында дискуссияны алып барыу формалары һайлап алына һәм дискуссия алып барыла:

Дискуссия формалары:

Түңәрәк өҫтәл — ул фекер алышыуҙа ҡатнашыуҙың асыҡ формаһы йәки берәй мәсьәләне тикшереүҙә ҡатнашыусыларҙың билдәле тәртиптә үҙ фекерен әйтеүе, берәй нәмә хаҡында фекер алышыуҙа, кәңәшмәлә тиҫеҙ хоҡуҡлы булыу. Шулай уҡ билдәле бер мәсьәләне туранан-тура тикшереүҙә төрлө ҡатнашыусыларҙың ирекле конференцияһы. Хәҙерге заманда "түңәрәк өҫтәл"дең мәғәнәһе "ҡайһы бер мәсьәләләрҙе хәл итеүҙе ойошторосы" булараҡ ҡулланыла. Был ысул ошондай билдәләр менән характерлана:

– фекер алышыуҙың маҡсаты;

– мәсьәләне хәл итеү буйынса фекерҙәрҙе берләштереү һәм дөйөмләштереү;

– "түңәрәк өҫтәл"дә ҡатнашыусыларҙың пропонент ролендә сығыш яһауы (мәсьәләне хәл итеү буйынса үҙ фекерен әйтергә тейеш, ә башҡаларҙың фекерен тикшереү булырға тейеш түгел);

– фекер алышыусыларҙың бөтәһе лә тиҫеҙ хоҡуҡлы;

– бер кемдең дә үҙ теләгән һәм ҡарарын тағырға хоҡуғы юҡ. [3, 52-54]

Эксперттар ултырышы – 4-6 ҡатнашыусынан торған төркөм, иң алда уның председателе һайланыла һәм билдәле бер өлкәгә арналған проблема күтәрелә. Дискуссия проңесында ҡалғандар фекерләшеүҙә ҡатнашмай, улар тыңлап ултыралар. Был форма телевизион «Ток-шоу» программаһында бирелә. Актуаль проблемаға арналған тема булһа ғына, ултырыш ҡыҙыҡлы үтә. Шулай уҡ был форманың икенсе төрө бар: класс микротөркөмдәргә бүленә һәм бер төркөм проблеманы хәл итергә тырыша. Эксперттар араһында фекер алышыу булғанда, төркөмдәр тыңлап ултыра. Аҙаҡ ҡына ял минутында улар эксперттар менән фекерләшә ала.

Форум – эксперттар ултырышында дөйөм фекер алышыу, шулай уҡ "аудитория" (класс) менән фекерләшеү.

"Мейе штурмы" – бәләкәй төркөмдәр араһында класта ҡуйылған проблема буйынса һорауҙар ҡарала. Этап 15 минуттан сәғәт 1 тиклем һуҙыла. Икенсе этапта фекерҙәр һәм идеялар хәл ителә. Һәр төркөм үҙенең ҡуйылған проблемаһына яуап бирмәй. Беренсе төркөм етәксеһе һәм икенсе төркөм етәксеһе араһында һөйләшеү алып барыла.

Симпозиум – ул ғилми проблемаларҙы хәл итеү методы. Бында рефераттар һәм ғилми эштәр менән сығыш яһау йәһәтенән проблемалар ҡуйыла.

Дебат – формаль рәүештә фекерләшеү, ике төркөм етәкселәре сығыш яһауы менән бара. Парламент ултырышында һ.б. ш. йыйылышта фекер алышыу тәртибендә яһалған сығыштар, алып барылған бәхәс.

Уҡыу процесында бәхәс-диалог – дүрт төркөмдә икешәр уҡыусы ҡатнашҡан фекер алышыу методы. Һәр береһе үҙенең фекерен еткерә. Шулай итеп, класс тема буйынса миҫалдар һәм әҙәбиәт ҡарай. Уҡытыусы дурт төркөм уҡыусылар урындарын һәм ролдәрен алмаштыра, киреһенсә, ҡайһы бер төркөм фекерҙәрҙе яҡлай йә ҡаршы сыға. Шулай итеп, дискуссия дауам итә.

Дискуссия барышында ҡатнашыусы үҙенең ролен үтәй. Дискуссия уңышлы барһын өсөн, ҡатнашыусыларҙы алдан уҡ билдәләйҙәр.

- Алып барыусы – дискуссия проблемалары менән таныштыра, ҡатнашыусыларҙы төркөмдәргә ойоштора;
- Аналитик (критик) — ҡатнашыусыларға һорауҙар бирә, уларҙың фекерҙәрен тикшерә, тәнҡитләй
- Протокол төҙөүсе (секретарь) – класс эсендә әйтелгән фекерҙәрҙе яҙып бара.
- Дискуссия проңесын күҙәтеүсе — уҡытыусы әйткән критерийҙар буйынса төркөмдәрҙең фекерҙәрен баһалай.
- Ваҡытты контролдә тотоусы — фекерләшеү ваҡытын самалай.

Дискуссия уңышлы була, әгәр ҙә уҡытыусы:

- уҡыусыларға уйланырға ваҡыт биргә;
- билдәһеҙ, бер төрлө яңғыраған һорауҙарҙы бирмәһә;
- һәр әйтелгән фекергә, һорауға иғтибарлы булһа;

- уҡыусы фекеренә йүнәлеш биреһә;
- һорауҙарҙы асыҡларға ярҙам итһә;
- уҡыусыларға тәрән фекер йөрөтөүгә ҡыҙыҡһыныу уятһа һ.б.

Уҡыу проңесында дискуссия иғтибарлы һәм ҡыҙыҡлы атмосферала үтерҙә тейеш. Әгәр ҙә ҡатнашыусылар фекерҙәре хуплана һәм тыңланыла икән – уйын уңышлы барасаҡ.

Шулай итеп, дискуссия тамамланыуға етһә, **һөҙөмтәләр баһалана**: уҡытыусы төп темаға йүнәлтелгән резюмеларҙы тикшерә, ҡатнашыусылар, йәғни төркөмдәрҙең һорауҙарға ҡарата фекерҙәрен йомғаҡлай, дөйөм фекерҙә урын ҡуя.

3. Йомғаҡлау (анализлау) этабы

Дөйөм һығымта – күтәрелгән проблемаға һәм темаға дөйөм анализ яһала. Дискуссия барышында килешкән һәм килешмәгән фекерҙәрҙе туплай. Анализ плакат, стенғазета, коллаж, эссе, шиғыр, миниатюра һ.б. формаһында булыуы мөмкин. Иң таралғаны – схема төҙөү.

Дискуссияға анализ уҡыусыларҙың коммуникатив һәләттәрен арттыра. Анализ барышында уҡыусылар менән бер-нисә һорауға яуаптарҙы хәл итергә була:

1. Төркөм ҡуйылған маҡсатҡа ирешә алдымы?
2. Ниндәй уңышһыҙлыҡтар осраны?
3. Теманан ситкә тайпылыш булдымы?
4. Фекер алышыуҙа барыһы ла ҡатнаша алдымы?
5. Фекерҙәр бер-нисә тапҡыр ҡабатланманымы?

Ваҡытты юҡҡа сарыф итмәҫ өсөн, һорау-яуап уйыны ла үткәреү уңышлы ҡулланыла. Уҡытыусы фекерҙәрҙе дөйөмләштерә ала. Дискуссияны видеомағнитофонға, йә мағнитофонға яҙҙырып, икенсе ваҡыт һығымта яһарға мөмкин.

Уҡыусыларҙы фекер йөрөтөргә өйрәтеү – уҡыу проңесында төп бурыстарҙың береһе. Был тәңгәлдә яңы технология алымдарын файҙаланыу уңышлы һөҙөмтәләр бирә. Үҫтереүсе уҡытыу конңепцияһы уҡыусыларҙың әүҙем эшмәкәрлеген талап итә. Уҡыусылар дәрестә ябай ―тамашасылар‖ түгел, ә актив эҙләнеүсе, үҙенең һорауына яуап табырға тырышыусы шәхес булып сығыш яһай. [2, 176]

Уҡыу проңесын интенсивлаштырыуының, телгә өйрәтеүҙең иң уңышлы алымдары араһында уйындар төп урынды алып тора. Уйын - ул телде өйрәтеүҙең төп ҡоралы, уҡыу проңесында балаларҙы күңелле һәм эшлекле рәүештә телде өйрәтеүгә ҙур этәргес, эмоциональ стимул биреүсе сара. Ул шулай уҡ телде өйрәтеүҙә эстетик, коммуникатив, белем алыу мотиваңияларын берләштереүсе төп көс булып ҡала.

Әҙәбиәт исемлеге

1. Аҙнағолов Р.Ғ. Мәктәптә башҡорт теле уҡытыу методикаһы. – Өфө, 2011. –230 б.
2. Баһауетдинова М.И. Башҡорт телен һәм әҙәбиәтен заманса уҡытыу. – Өфө: Китап, 2009, 176-сы бит.
3. Дәүләтшина М.С. Башҡорт телен уҡытыу методикаһы: башҡорт теле дәүләт теле итеп уҡытылған мәктәптәр өсөн. 1-се киҫәк. – Өфө:Китап, 2010. – 120 бит.
4. Дәүләтшина М.С., Ғәбитова З.М. Башҡорт телен уҡытыу методикаһы: башҡорт теле дәүләт теле итеп уҡытылған мәктәптәр өсөн. 2-се киҫәк. – Өфө: Китап, 2011. – 88 бит.

© Ғимашева Ф.Д., Дәүләтшина М.С., 2018

Ғимашева Ә.Р.,

1-се һанлы Оло Ыҡтамаҡ лицейының башҡорт теле уҡытыусыһы,

Мәсетле районы, Башҡортостан Республикаһы

БАШҠОРТ ТЕЛЕН УҠЫТЫУ ПРОҢЕСЫНДА ДӘРЕС МАТЕРИАЛЫНЫҢ ТӘРБИӘҮИ ӘҺӘМИӘТЕ

“Дәрес — ул һабаҡ, һабаҡ үҙ сиратында тәрән асылға һәм күп мәғәнәгә эйә. Һабаҡ алыу, һабаҡ булыу, һабаҡ биреү кеүек төшөнсәләргә тарҡала. Дәрестә балаға һабаҡ булырлыҡ мәғәнә, асыл биреү кәрәк. Баланы һүҙҙең мәғәнәһенә һәм асылына төшөндөрөү зарур. Тел психологияһында нимәне өйрәнеү мөһим түгел, ә нисек өйрәнеү мөһим.”

Был фекерҙе бынан бер быуат элек 1895 йылда ук Д.Н.Овсянико-Куликовский әйтеп ҡалдыра. [5, 26] Методик әҙәбиәттә, психолоғик әҙәбиәттәрҙә, биҙәрәк тә педагоғик психологияла, дәрес материалы баланың шәхси һәм йәш үҙенсәлектәрен иҫәпкә алыуға баҫым яһала. Тел күренештәрен һәм төшөнсәләрҙе уйға төрөп биреү кәрәк — баланың рухи хәлен ҡуҙғытыу мөһим. Уның рухи булмышына нимәләр инә һуң? Бына улар:

— баланың хәтере ниндәй йүнәлештә үсеш алган?

— уның генетик (йәгни ҡандан килгән) хәтере ни кимәлдә?

— предметҡа, донъяуи хәлдәргә, башҡа хәл-ваҡигаларга баланың үҙ ҡарашы, үҙ баһаһы бармы? Хис-тойго үсеше нисек?

Дәрес материалын күпмелер кимәлдә ҡатмарлаштырыу мәсьәләһе Л.С. Выготский, Л.В. Занков, В.В. Давыдов, Д.Б. Эльконин, М.И.Мәхмүтов, И.Я. Лернер һ.б. психологтарҙың хеҙмәттәрендә лә күтәрелә.

Белем һәм тәрбиә төшөнсәләре үҙ-ара айырылғыһыҙ бәйләнешкә ингән. Ғәмәлдә иһә белем менән бергә тәрбиә лә бирелә. Тәрбиә биргән саҡта балага тейешле белем дә бирәбеҙ. Уҡыусыны нимәгәлер өйрәтәбеҙ. Ана шул диалектик бәйләнеш саралары ярҙамында бала шәхесен үҫтерәбеҙ. Шуға күрә дәрес — ул бала шәхесен үҫтереүсе сара ла.

Дәрес — уҡытыусының ижад эше. Камиллашҡан дәрестәр булһа ла, ҡалыплашҡан дәрестәр була алмай. Ижад эше ҡалып ҡыҫандарына һыймай. Тәжрибәле уҡытыусы ла бер төрлө генә дәрес бирә алмай.

Уҡытыусыларҙың эш тәжрибәһендә дәрес түбәндәге берәмектәрҙән сыгып ойошторола:

I. Ойоштороу мәле.

II. Өйгә эште тикшереү.

III. Яңы теманы аңлатыу.

IV Яңы теманы ныгытыу.

V Өйгә эш биреү.

VI. Уҡыусыларҙың белемдәрен баһалау. [2, 12]

Яңы теманы аңлатыу — дәрестең төп этабы. Билдәле булыуынса, яңы тема менән үтелгән тема арабында үҙ-ара бәйләнеш булдырыла. Үтелгән тема ныҡлы үҙләштерелгәнме, юҡмы? Ана шул мәсьәләне асыҡлар өсөн үтелгән тема буйынса дөйөмләштереүсе һорауҙар бирелә. Бының менән уҡытыусы, беренсенән, яңы темаға, күсәгилешлек принсибына таянып, күпер һала. Икенсенән, үтелгән темаға ярашлы уҡыусыларҙың белемдәрен һәм күнекмәләрен тигеҙләй. Шулай итеп яңы темаға ныҡлы нигеҙ һалына.

Дәрестең ошо этаптарҙан тороуы уҡытыусыларҙың эш тәжрибәһендә ныҡлы һыналган. Шуға күрә бөгөнгө дидактикала ла, методик әҙәбиәттәрҙә лә ошо өлгө үҙгәрешһеҙ ҡала килә. Башҡорт теле укытыусыларының эш тәжрибәһенән сыгып, шуны ла әйтергә кәрәк: укыусыларҙың белемдәрен, үҙләштерелгән белемдең моделен (яҙып аңлатыу, һыҙып аңлатыу, схемаһын төҙөп аңлатыу һ.б.) төҙөү кеүек эш төрҙәрен дәрес планына индерергә лә мөмкин. Ижад үҙ сиратында үҙенсәлектәрҙән тора. Уҡытыусының үҙенсәлекле эш алымдары үҙенең эшмәкәрлегендә, уҡыу эшмәкәрлегендә, уҡыусының эшмәкәрлегендә сагыла. Мәҫәлән, “**Һүҙҙәрҙе ҡушыу юлы менән исем яһалыу темаһы**” **(5 класс өсөн башҡорт теленән план-конспект)**

ТЕМА : **Исем**

МАҠСАТ: 1. Уҡыусыларҙы һүҙҙәргә ҡушыу юлы менән исем яһалыу темаһы менән таныштырыу һәм ошо йүнәлеш буйынса алган белемдәрен ныгытыу, системалаштырыу

2. Телмәр үҫтереү өҫтөндә эште дауам итеү, һүҙ байлығын арттырыу

3. Тыуган телгә, тыуган илгә һөйөү уятыу, башҡорт әкиәттәренә, эпостарына байҡау яһап, рухи ҡиммәттәрҙең кәҙерен белергә саҡырыу

Йыһазландырыу: күргәҙмәлектәр, таблиңалар, дәреслектәр

Дәрес барышы:

I.Ойоштороу өлөшө.

- Һаумыһыгыҙ, ҡәҙерле уҡыусылар. Йә, хәҙер бер-берегеҙгә ҡарап йылмайығыҙ әле, тағы ла берҙе “Һаумыһыгыҙ”, әйҙәгеҙ хәҙер ултырығыҙ. Өйгә эште тикшерәйек. 245-се күнегеү, кем күберәк һүҙҙәр төҙөгән икән. Гөл һәм ил һүҙҙәренән башлайбыҙ

II. Төп өлөш

- Исемдәр ниндәй һорауға яуап бирә әле?

- Кем? Нимә? Ни?

1) *Балалар исемдәр нисек яһала? Теге дәрестә беҙ ялғауҙар ярҙамында бик күп исемдәр төҙөгәйнек. Ниндәй яһаусы ялғауҙар бар? (-таш, ҙаш, -ҙәш, -со, -сө, -се, -лаш, -ләш, -ғос, -көс, -гөс, -ым, -ем, -лоҡ., -ләк һ.б.) Ниндәй миҫалдар килтерә алаһығыҙ; фекерҙәш, кәңәшмә, үтенес, сапҡын, ишкәк, замандаш, бишлек, йырсы, һауынсы һ.б.*

2) *Таҡтала миҫалдар яҙылған, ҡарағыҙ әле.Ниндәй һүҙҙәр улар?*

Актырнаҡ – актырнак,

Ҡулъяулыҡ - платочек

Балғалаҡ – чайная ложка
Аҡбуҙат - акбузат
Көнъяҡ – юг
Төнъяҡ – север

Балалар бөгөн дәрестә **Һүҙәрҙе ҡушып юлы менән исем яһалыу темаһын** үтәбеҙ. Китаптарҙы астыҡ, ҡәгиҙәне ҡысҡырып тороп уҡыйбыҙ. Кем уҡый?

3) Ҡушма исемдәр, ике һәм унан да күберәк тамыр һүҙәрҙең ҡушылыуынан яһалып, бер генә предмет атап киләләр. Аҡбуҙат – аҡ-буҙ-ат, балғалаҡ- бал-ҡалаҡ

4) Ошо теманы башлап, тәүге күнегеүгә күсәйек. Был әкиәт, ошо әкиәттән ҡушыу юлы менән яһалған исемдәрҙе табабыҙ.

Балалар тағы ниндәй әкиәттәр беләһеғеҙ. Исемдәрен әйтеп киттек.

5) 243-сө күнегеү. Ҡушма һүҙәр төҙөргә. Таҡтала өс уҡыусы сығып, күнегеүҙе яҙып, һүҙәрҙе баганалап яҙа. Кем күберәк һүҙәр яҙыр икән?

6) Артабан 244-се күнегеү. Бик бәләкәй генә күнегеү, шуға телдән генә күмәкләп эшләйек.

Ял минуты

Уҡыусылар, арып киткәнһегеҙ инде. Әйҙәгеҙ уйын уйнап алайыҡ.

"Дөрөҫ, дөрөҫ түгел".

Мин һеҙгә һүҙәр әйтәм, һеҙ-был һүҙ яһаусы ялғауҙан төҙөлгөн исем булһа– сәбәкәй итәһегеҙ, ҡушылған һүҙәрҙән яһалған исем булһа – уң ҡулығыҙҙы күтәрәһегеҙ:

Класташ, йырсы, һауынсы, аҡтырнаҡ, ҡыҙылғанат, фекерҙәш, ҡоротҡос, өйҙәш, уйынсы, йүгереүсе, бейеүсе, алдаҡсы, теләнсе, ярышсы, алабуға, һарыбай, иркәбай, мыраубикә, туҡмасбикә, гөлбикә, наҙғөл, илнар, гөлшат, Айнур, Ҡаратау, Торатау, Йөрәктау, аҡсарлаҡ, докладсы, эшсе. Тракторсы, комбайнсы, саңғысы һ.б.

7) 247-се күнегеү Һауынсылар тураһында текст. Уҡып сығайыҡ, ошо бирелеш буйынса һорауҙарға яуаптар бирәйек. Кемдәр ул һауынсылар? Улар ни эшләйҙәр, нимә етештерәләр?

8) Балалар, ҡара хәрефтәр менән һүҙәргә игтибар итегеҙ;

Тәрбиә - воспитание
Хужалыҡ - предприятие
Аппарат - аппарат
Сифат - качество
Кәйеф – настроение

Ошо һүҙәрҙе ҡулланып, өс һөйләм төҙөргә.

III. ЙОМҒАҠЛАУ.

Балалар, был тема буйынса нимәләр белдегеҙ. Нимәләр аңлашылманы?

IV. БАҺАЛАУ.

Бөгөнгө дәрестә актив ҡатнашҡан бар уҡыусыларға "бишле"билдәһе ҡуям.

V. ӨЙҒӘ ЭШ.

Шулай итеп, бындай рухи хәлдәр, рухи булмыш баланың шәхес булып формалашыуында төп урынды биләй. Ана шул психик хәлен үҫтерерҙә йүнәлеш алырға тейеш. Дәрестең төп маҡсаты баланың рухи хәленә тәьҫир итерҙә, психик һыҙаттарын, рухиәтен, күңел донъяһын ҡуҙғытырға тейеш. Әгәр үрҙә әйтеп кителгән рухи булмышын аса алмай икән, тимәк, дәрес үҙенең төп маҡсатына ирешмәне тигән һүҙ. Бала күңеленә юл һалыу, ана шул юлдан уның рухиәтенә үтеп инеү дәрес материалының сифатына туранан-тура бәйләнгән. Баланы уйландырыу аша уның рухи һәләтен ҡуҙғытып була. Уйға уй үрелә. Уй уйҙы тыуҙыра. Дәрестең сифаты уҡыу эшмәкәрлегенә, баланың үҙ аллы уйлау һәләтенә ҡайтып ҡала.

Әҙәбиәт

1. Аҙнаголов Р.Ғ. Мәктәптә башҡорт теле уҡытыу методикаһы. – Өфө, 2011. –230 б.
2. Аҙнаголов Р.Ғ. Уҡыусы шәхесен үҫтереүҙең лингводидактик нигеҙҙәре / Р.Ғ. Аҙнаголов. - Өфө: Китап, 2011. - 192 б.
3. Тикеев Д.С. Башҡорт телен уҡытыу методикаһы. Һайланма мәҡәләләр. – Өфө: Ғилем, 2002. – 267 б.
4. Хисамитдинова Ф.Ғ. Хәҙерге шарттарҙа башҡорт телен уҡытыу конҺепцияһы – // Суверенитет: башҡорт теле һәм әҙәбиәтен өйрәнеүҙең көнүҙәк мәсьәләләре. – Өфө, 1995. – 33-сө б.
5. Овсянико-Куликовский Д.Н. Язык и искусство. СПб., 1895, 26-28-се биттәр.

© Ғимашева Ә.Р., 2018

Ғүмәров З.И.,
БДУ-ның 3 курс студенты,
Мостафина Р.Д.,
ф.ф.к., БДУ доценты,
Өфө к., Башҡортостан Республикаһы

ЗӘЙНӘБ БИИШЕВА ШИҒРИӘТЕНЕҢ ПОЭТИК ҮҘЕНСӘЛЕКТӘРЕ

Зәйнәб Биишева – ижады башҡорт, рус әҙәбиәттәренең алтын фондын тәшкил итеүсе билдәле яҙыусыбыҙ. Уның әҫәрҙәрен уҡып беҙ, йәш быуын, ҙур фәһем алабыҙ, һәм ғорурлыҡ тойғоһо кисерәбеҙ. Халыҡ яҙыусыһы Зәйнәб Биишеваның ғражданлыҡ рухы менән һуғарылған, тәрбиәүи әһәмиәте булған әҫәрҙәре кемде ғәнә һоҡландырмай икән! Мөлдөрәмә тулы хис-тойғолар менән һуғарылған "Башҡорт теле" шиғыры, шәхестең рухи азатлығы тураһындағы "Тылсымлы ҡурай" драматик поэмаһы, ҙур билдәлелек яулаған тетрәндерғес "Яҡтыға" трилоғияһы, хеҙмәт темаһын күтәргән "Һөнәрсе менән Өйрәнсек" хикәйәте, дуҫлыҡ ептәре тураһындағы "Дуҫ булайыҡ" повесы һәм башҡа бик күп әҫәрҙәре әҙәп – әхлаҡҡа, яҡшылыҡҡа, ғәҙелләкә өйрәтеп кенә ҡалмай, ә яҙыусының жанр төрлөлөгөн, оҫталығын асып һала.

Һәр яҙыусы үҙенең әҫәрендә тормошто нисек бар, шулай һүрәтләп кенә сыҡмай. Ә уға булған күңел йылыһын биреп, бар тырышлығы менән төрлө һүрәтләү алымдарын ҡуллана. Ассоциатив һүрәтләү саралары – троптар шиғриәт поэтикаһының айырылмаҫ бер компоненты.

Сағыштырыуҙар – һәр әҫәрҙә тиерлек ҡулланыла, улар иң ябай һүрәтләү сараһы кеүек булһа ла, уны урынлы ҡулланыу, әҫәрҙең идеяһын байыта, авторҙың поэтик оҫталығын күрһәтә.

Зәйнәб Биишеваның киң билдәле "Башҡорт теле" шиғыры, әйтерһең дә тик сағыштырыуҙарҙан ғына тора. Һәм иң мөһиме - сағыштырыуҙар бер-береһенә оҡшамаған, ә мәғәнәүи яҡтан шиғырҙы байыта. Мәҫәлән:

Моң шишмәһе һандуғастай йырсы ла һин,
Һығылма бил тал сыбыктай нәфис тә һин,
Аллы-гөллө гөл-сәскәләй наҙлы ла һин,
Эй, илһамлы, эй, хөрмәтле, башҡорт теле!

Автор үҙенең туған телен һандуғастың моңло тауышы, ғөлләмәләр менән сағыштырып, хатта тал сыбыҡ кеүек нәфис тә, ти. Артабанғы дүрт юллыҡта ла сағыштыруҙарҙы уңышлы ҡулланған:

Күгәреп ятҡан Уралыңдай бай, йомарт һин,
Серле ҡамыш ҡурайыңдай ҡарт, олпат һин,
Күпте күргән сәсәнеңдәй йор, зирәк һин,
Эй, һөйөклө, эй, ҡәҙерле башҡорт теле!

Башҡорт халҡы үҙенең бөйөк Урал тауы менән дан тота. Элек-электән ул яҡлаусы, һаҡлаусы ҡалҡан булып торған. Һәм, әлбиттә, ул байлығыбыҙ. Был юлдарҙа Зәйнәб Биишева башҡорт теленең бай булыуын ошо тау менән сағыштыра. Был күплеттың икенсе юлындағы сағыштырыу ҙа бик уңышлы. Сөнки башҡорт халҡының милли ҡоралы ҡурай быуаттар буйына һаҡланып килгән иң моңло ҡорал. Автор башҡорт телен серле ҡурай менән сағыштыра. Тимәк, башҡорт теле лә шундай моңло һәм быуаттар буйына һаҡланып килгән байлығыбыҙ.

"Үкенмәйем" шиғырында сағыштырыу:

Күңелем минең тып-тып диңгеҙ ине.
Айҡап индең яҙғы дауылдай.

Был лирик шиғырҙа халыҡ яҙыусыһы үҙенең күңелен тәүҙә диңгеҙ менән сағыштыра. Аҙаҡ күңелен яҙғы дауылға тиңләй. Шиғырҙа ике күңел торошон күрерҙә була. Әгәр ҙә әҙибә ысынбарлыҡ менән нисек бар, шулай яҙһа, уҡыусы күңелен яулай алмаҫ ине. Ә бында шиғырҙы уҡығас та ҡыҙыҡһыныу уяна.

Шағирә ижадындағы риторик фиғуралар шиғырҙарҙың идея-йөкмәткеһен асыуҙа, уҡыусының иғтибарын һәр ваҡыт иғтибарҙа тотоуҙа ҙур роль уйнай. Зәйнәб Биишеваның "Ниңә?" шиғырында риторик һорауҙар ҡулланылған:

Ниңә күрҙем, ниңә яраттым мин,
Ниңә күңелемде яуланың?
Ниңә һинең моңһоу күҙҙәреңдән
Күҙҙәремде ала алманым?

Был мөхәббәт тураһындағы шиғырҙа риторик һорауҙар уңышлы ҡулланылған. Шулай уҡ дүрт юллыҡта троптарҙы ла осратырға була "күңелемде яуланың"(метафора), "моңһоу күҙҙәр" (эпитет),

автор хистәрҙе күтәреп ебәреү өсөн еңелсә ғипербола ла ("күҙәремде ала алманым") ҡуллана. Ошо шиғырҙың бер куплетында ғына күпме һүрәтләү сараһы ҡулланылған.

Халыҡ яҙыусыһының шиғриәтенә иғтибар итһәк, унда йәшәү һәм хеҙмәт темаһына күп шиғырҙар осратырға була, хатта ошо ике теманың берҙә килғәндәре лә бар. Йәшәү, хеҙмәт – символик образдар. Мәҫәлән, хәҙер афоризм, эпиграф булып киткән "Йәшәү бәхете" шиғыры:

Йәшәү бәхете – өмөт, хеҙмәттә,
Йәшәү бәхете - дуҫлыҡ, хаҡлыҡта.
Йәшәү бәхете - илең, халҡың өсөн
Хеҙмәт аша тыуған шатлыҡта.

Шулай уҡ "Йәшәү - хеҙмәт" шиғырының аҙаҡҡы куплеты ла юғары нота менән тамамлана.

Йәшәү — хеҙмәт, көрәш, үҫеш бит ул.
Унан башҡа тормош юҡ миңә.
Ҡул ҡаушырып түрҙә ултырырға
Килмәнем бит, донъя, мин һиңә.

Ошо шиғырҙарҙа хеҙмәттең ниндәй мөһим икәнен һәм йәшәүҙең үҙе бер бәхет икәнен аңлайбыҙ. Автор өсөн йәшәү – ул хеҙмәт, бәхет, шатлыҡ. Ысынлап та, хеҙмәтте яратҡан кеше ул бөйөк, юҡҡа ғына ла "Хеҙмәтенә күрә хөрмәте" тимәйҙәр.

Зәйнәб Биишеваның "Йырлайым", "Йырҙарым", "Йырҙарыма ҡайтам" шиғырҙары халыҡ араһында ҙур билдәлелек яулап өлгөргән һәм бында авторҙың символик образы ул – йыр.

Илап тыуһам да мин, йырлап үҫтем,
Йырлап йәшәйем әле бөгөн дә.
Сәстәремә ҡырау сәселһә лә,
Ҡырау ҡунмаҫ минең күңелгә.
Йырлап йәшәйем.
Халҡым, илем ғүмере
Әкиәттәрҙән гүзәл йыр булғас.

Зәйнәб Биишева бер-нисә шиғырын йырға бағышлаған. Автор был тормошта йырлап йәшәйем, ти. Әле бирелгән "Йырҙарым" шиғырының беренсе ике юлы халыҡ араһында киң таралып, ҡанатлы һүҙ булып йөрөй. Был шиғырҙарҙа символик образ булып "йыр" килә. Сөнки, автор тура йырға мөрәжәғәт итә һәм уны төрлө яклап асыҡларға тырыша, шартлы билдәләр менән атай.

Эйе, ысынлап та, ошондай бай йөкмәткеле тел менән, күңел йылыһы бирелеп яҙылған шиғырҙарҙы уҡығандан уҡығы ғына килеп тора! Зәйнәб Биишева шиғриәтенең халыҡсанлығы шиғри ғәүһәрҙәрҙе оҫта һөнәрсе кеүек ҡәләм остарында оҫта уйнатыуында.

Әҙәбиәт

1) Алибаева С.А., Журавлева А.А., Журавлева А.Н. Зайнаб Биишева. Жизнь и творчество. Уфа, Китап, 1993.

2) Баимов Р.Н. Истоки и устья. Заметки о башкирской литературе.- Уфа: Китап, 1993. - 348 с.

3) Валитов И., Вахитов Ә. Зәйнәб Биишева. Тормошо һәм ижады. –Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1980. – 208 бит.

4) Биишева З.А. Дуҫ булайыҡ /Төҙөүсеһе: И.Ә. Шарапов. – Өфө: Китап, 2008. -340 бит.

5) Биишева З.А. Мөхәббәт һәм нәфрәт. – Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1965. -146 бит.

© Ғүмәров З.И., Мостафина Р.Д., 2018

Ғәлимова Ю.Ә.,
БДУ-ның Стәрлетамаҡ филиалы БИН 51 төркөмө студенты,
Абуталипова Р.Ә.,
БДУ-ның Стәрлетамаҡ филиалы башҡорт филологияһы кафедраһы профессоры,
Стәрлетамаҡ ҡ., Башҡортостан Республикаһы

ЗӘЙНӘБ БИИШЕВАНЫҢ «СӘЙЕР КЕШЕ» ПОВЕСЫНДА ЭШ-ХӘРӘКӘТТЕҢ ОҘАЙЛЫЛЫҒЫН БЕЛДЕРЕҮСЕ САРАЛАР

'Эш-хәл, хәрәкәттең оҙайлылығы' төшөнсәһе тел ғилемендә оҙаҡ йылдар ҡылымдың төр ғрамматик катеғорияһының бер семантик компонентының күрһәткесе булараҡ ҡарала. Мәҫәлән, И.П. Мучник фекеренсә, төр (вид) катеғорияһының мәғәнәүи асылы ике ғрамматик билдәҙә ниғеҙләнә: 1) эш-хәл, хәрәкәттең һөҙөмтәлелеге; 2) эш-хәл, хәрәкәттең оҙайлылығы [5, 109-сы б.].

Башҡорт телендәге эш-хәл, хәрәкәттең оҙайлылығын белдереүсе ҡылым формалары ла ҡылымдың төр (вид) категорияһының бер компоненты – ‘длительный вид’ (оҙайлылыҡ төрө) булараҡ өйрәнелә. Ә.И. Харисов билдәләүенсә, был төр (вид) эш-хәл, хәрәкәттең дауамлылығына ҡарата эш-хәл йәки тороштоң мөнәсәбәтен белдереп, эш-хәл, проңестың башынан алып аҙағына тиклемгә үҫешен күрһәтә. Был төр телмәрҙә рәүеш (хәл) ҡылым һәм функциональ ярҙамсы ҡылым ролен башҡарыусы бир-, бар-, йөрө-, кил-, тор-, ят-, ултыр-, төш- ҡылымдары барлыҡҡа килтерҙән аналитик конструкциялар ярҙамында реалләшә [6, 29-сы б.]. Н.К. Дмитриев башҡорт телендә ҡылымға оҙайлылыҡ мәғәнәһен өҫтәүсе бар-, тор- модаль ҡылымдарын билдәләй [4, 211-213-сө б.]. А.А. Юлдашев оҙайлылыҡ мәғәнәһенең -п йөрө-, -п тор-, -п ят-, -п ултыр-, -п бир- тибындағы аналитик формалар ярҙамында формалашыуын күрһәтә [7, 78-се б.].

ХХ быуаттың етмешенсе йылдарынан алып оҙайлылыҡ аспектуаллек функциональ-семантик уратмаһының бер компоненты булараҡ ҡарала башлай. «Функциональ ғрамматиканың теорияһы» тип аталған күп томлыҡ фундаменталь хеҙмәттә А.В. Бондарко аспектуаллек уратмаһы (полеһы) сфераһында оҙайлылыҡты үҙ аллы функциональ-семантик уратма тип билдәләй. Ғалим-телсе эш-хәрәкәттең оҙайлылыҡ категорияһының лингвистик асылын бер-береһе менән оппозиция яһаусы ике семантик төшөнсә менән бәйләй: эш-хәл, хәрәкәт, торош һәм проңестың ваҡыт дауамында оҙайлы, һуҙымлы булыуы : ҡыҫҡа ваҡыт эсендә, көтмәгәндә, ҡапыл башҡарылыуы. Был функциональ-семантик уратма ваҡыт идеяһы менән бәйле булған башҡа семантик категориялар менән үҙ-ара киҫешә һәм тығыҙ бәйләнештә тора [3, 98-се б.]. Функциональ ғрамматикала оҙайлылыҡтың түбәндәге төрҙәре билдәләнә: билдәле / билдәһеҙ; сикләнгән / сикләнмәгән; бүленгән / бүленмәгән; ваҡыт эсендә локаль булған / локаль булмаған; интерваллы; темпораллек яғынан характерланған / характерланмаған; һуҙымлы / сикләнгән.

Оҙайлылыҡты репрезентациялаусы саралар ике төркөмгә бүленә:

а) оҙайлылыҡтың эске детерминацияһы – эш-хәл, хәрәкәттең үҙенә ғенә хас булған, ҡылымдың лексик, һүҙьяһалыш һәм ғрамматик семантикаһында сағылыш тапҡан аспектуаль билдәләр менән бәйле оҙайлылыҡ;

б) оҙайлылыҡтың тышҡы детерминацияһы – предикаттың эсенә инмәгән күрһәткестәр менән билдәләнгән эш-хәл, хәрәкәттең ваҡыт эсендәге оҙайлылығының характеристикаһы [3, 99-сы б.]. Был билдәләмәлә аналитик саралар айырылмаған. Беҙ уларҙың предикат эсендәге күрһәткес булыуынан сығып, беренсе төркөмгә индерҙек.

Икенсе төркөмгә контекстуаль саралар ҡарай.

Башҡорт телендә оҙайлылыҡ мәғәнәһе морфолоғик (аффиксация һәм редупликация), аналитик, лексик, контекстуаль һәм ҡатнаш саралар ярҙамында реалләшә. Төрлө кимәлдәге был саралар оҙайлылыҡ функциональ-семантик уратмаһын барлыҡҡа килтерәләр [1, 200-се б.].

Беҙҙең хеҙмәттә З. Биишеваның «Сәйер кеше» повесындағы эш-хәрәкәттең оҙайлылығын белдереүсе лексик, аналитик һәм контекстуаль саралар анализлана [2].

Оҙайлылыҡ мәғәнәһе ҡылым-хәбәрҙең төп семантикаһы аша реалләшһә, лексик сара тураһында һүҙ алып барыла. Мәҫәлән: *Мин үҙем дә ошо закон менән* ***йәшәйем****. Һау-сәләмәт булырға, арымай-талмай эшләргә* ***тырышам.*** *Дөрөҫ, хатта һүҙ теге беҙҙең онотолған Ғәлиәкбәр хаҡында* ***бара****. Мин тағы иҫәңгерәп, телһеҙ* ***торам****. Уны ошо байлыҡ, аҡса ғына ҡыуып* ***йөрөтә.*** *Уның ғаиләһе хаҡында ла бик үк күңелле булмаған һүҙҙәр* ***йөрөй.*** «Сәйер кеше» повесынан алынған фактик материалдан күренеүенсә, ҡылым-хәбәрҙең төп семантикаһы конкрет эш-хәл, проңесты белдерә; бер үк ваҡытта уға оҙайлылыҡ мәғәнәһе лә һалынған.

Башҡорт телендә эш-хәл, хәрәкәт, проңесс, тороштоң оҙайлылығын белдереүсе аналитик сараларға *-а/-ә, -й, -п* аффикстарының береһе менән килгән рәүеш (хәл) ҡылым һәм ярҙамсы ҡылымдар яһаған аналитик конструкциялар инә. Бындай конструкцияларҙа хәл ҡылым телмәр субъекты әйтергә теләгән төп фекерҙе, ә ярҙамсы компонент ҡылым-хәбәр аша белдерелгән эш-хәл, хәрәкәткә оҙайлылыҡ мәғәнәһен өҫтәй. З. Биишеваның «Сәйер кеше» повесында оҙайлылыҡ мәғәнәле аналитик конструкцияларҙың түбәндәге моделдәре ҡулланыла:

1. *-а/-ә/-й* аффикслы хәл ҡылым менән *ине* ярҙамсы ҡылымынан яһалған тамамланмаған үткән заман формаһы эш-хәл, хәрәкәттең оҙайлылығын белдерә. Мәҫәлән: *Ул сумкаһынан ғазета һәм хаттар ала-ала уға табан* ***килә ине.*** *Ә бына Ғәҙелдең улдарын мин айырыуса* ***ярата инем.*** *Был ҡағиҙәнең төбөндә тик аҡсаға, байлыҡҡа ғына йүнәлтелгән, бөтә нәмәне шуға буйһондорған элекке йыртҡыс закон* ***ята ине****. Мин, кухнягә сыҡканда, Нәжипич сумкалағы итте алып, әйләндереп-тулғандарып* ***ҡарап тора ине.*** *Ул тағы шул баяғы урынында, ялтыр ҡара яҙык өҫтәле янында, үҙенең мәкәләләр йыйынтығын аҡтарып* ***ултыра ине.***

2. *-а/-ә/-й, -п* аффикслы хәл ҡылым менән *тор-, бар-, йөрө-* функциональ ярҙамсы ҡылымдары ярҙамында барлыҡҡа килгән конструкция оҙайлылыҡ мәгәнәһен бирә. Мәҫәлән: *Минең үҙемдең атайым да шулай* ***була торғайны.*** *Ҡар япраҡтары* ***ҡуйыра, тослана бара.*** *Ғәлиәкбәр был һүҙҙәрҙе теҙгән һайын минең әле генә күңелемде солғап алған ярһыу ҡыуаныс юйыла, йөҙөмә көлөү урынына асыу, әсенеү эҙҙәре* ***сыға бара.*** *Ә мин асылған ауыҙымды һаман йома алмай* ***ҡатып торам.*** *Уны күршеләр күбеһенсә Нәжипич йәки сәйер кеше тип* ***атап йөрөтәләр.*** *Башынан алып аяғына хәтле өр-яңынан һәм моданың иң һуңғы шартына килтереп кейенгән оҙон буйлы, мөһабәт кәүҙәле Ғәлиәкбәр менән йыш булмаһа ла һаман осрашып, колхоз хәлдәренең торошо тураһында һорашып,* ***фекерләшеп торабыҙ.*** *Миңлебай Нәжипич янында мин суҡышы өшөгән көҙгө* ***себеш кеүек*** *кенә* ***булып барам****.*

Ҡылым-хәбәрҙең оҙайлылыҡ мәгәнәһен биреү мөмкинлеге сикләнгән булһа, был мәгәнәне конкретлаштырыу өсөн модификаторҙар ҡуллана. Улар контекстуаль сараларға ҡарай. Башҡорт тел гилемендә был функцияны йышыраҡ ҡылым-хәбәргә эйәреп, уны аспектуаль мәгәнә менән тулыландырып килгән күләм-дәрәжә, ваҡыт, урын, рәүеш хәлдәре, тултырыусылар, һандар, ярҙамсы һүҙҙәр үтәй. «Сәйер кеше» повесында был төр сараларға түбәндәге миҫалдарҙы килтерергә мөмкин: *Беҙ* ***оҙаҡ*** *көлөшәбеҙ. Шул көндән алып* ***ун йыл буйына*** *бер партала ултырып уҡыныҡ.* ***Иртәнән алып кискә тиклем*** *бушаманы.* ***Кескәй саҡтан уҡ*** *мин дә балта-бысҡы, йышҡы тоторға әүәҫ булдым. Миңлебай Нәжипич аҡса фондын арттырыу менән мәшғүл булып* ***айҙар буйы*** *ҡайтманы. Бына* ***өс йыл инде*** *уҡытыусы булып эшләйем. Ләкин мин был тойғоно баҫып,* ***һаман*** *уҡырға, аҙағына хәтлем барып етергә тырышам. Мин, нәфрәтемдән быуылып,* ***һаман*** *бер һүҙ өндәшә алмай барам. Был кисте беҙ* ***оҙаҡ итеп****, бергәләп сәй эстек.* ***Бик оҙаҡ*** *һүҙһеҙ ултырҙыҡ.* Контекстарҙан күренеүенсә, *оҙаҡ, йыл буйына, иртәнән алып кискә тиклем, кескәй саҡтан уҡ, айҙар буйы, һаман* кеүек модификаторҙар ҡылым-хәбәрҙән аңлашылған эш-хәл, хәрәкәт, торош, процестың оҙайлы булыуын белдереп киләләр.

3. Биишеваның «Сәйер кеше» повесы материалында башҡорт телендәге эш-хәл, хәрәкәт, процесс, тороштоң оҙайлылыгын репрезентациялаусы сараларҙы анализлау шуны күрһәтте: әҫәрҙә был маҡсатта лексик, аналитик һәм контекстуаль сараларҙың төрлө варианттары, моделдәре ҡулланыла. Сараларҙың төрлөлөгө әҙибәнең тел байлыгын күрһәтә, уҡыусыға автор әйтергә теләгән феркерҙәрҙе тәрәнерәк аңларға ярҙам итә.

Әҙәбиәт

1. Абуталипова, Р.А. Функционально-семантическая категория аспектуальности в башкирском языке: Монография / Р.А. Абуталипова. – Уфа: Гилем, 2008. – 294 с.

2. Биишева, З.А. Һайланма әҫәрҙәр: 1 томда / З.А. Биишева. – Өфө: «Башҡортостан» нәшриәте, 1964. – 472 б.

3. Бондарко, А.В. Длительность // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис / А.В. Бондарко. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – С. 98-124.

4. Дмитриев, Н.К. Башҡорт теленең грамматикаһы / Н.К. Дмитриев. – Өфө: Башгосиздат, 1950. – 299 б.

5. Мучник, И.П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском языке / И.П. Мучник. – М.: Наука, 1971. – 298 с.

6. Харисов, А.И. Категория глагольного вида в башкирском языке / А.И. Харисов. – Уфа, 1944. – 92 с.

7. Юлдашаев, А.А. Система словообразования и спряжения глагола в тюркских языках / А.А. Юлдашев. – М.: Наука, 1958. – 165 с.

©Гәлимова Ю.Ә., Абуталипова Р.Ә., 2018

Дәүләтшина М.Ф.,
Республика инженер лицей-интернатының башҡорт теле һәм әҙәбиәте уҡытыусыһы,
Өрджоникидзе районы Өфө ҡ., Башҡортостан Республикаһы

НАЗАР НӘЖМИ ШИҒРИӘТЕ - БАШҠОРТ ШИҒРИӘТЕНЕҢ КӨСЛӨ БЕР ТУЛҠЫНЫ, ҠАБАТЛАНМАҪ МОҢО

Илдең, милләттең рухи көсөн, ҡеүәтен, кешелек донъяһында тотҡан урынын иң элек уның шәхестәре, оло аҡыл эйәләре, илем, халҡым тип йәшәгән ҡаһарман рухлы заттары билдәләй. Шундай бөйөк шәхестәребеҙҙең береһе Башҡортостандың халыҡ шагиры, С. Юлаев һәм Рәсәйҙең М. Горький

исемендәге премиялары лауреаты, Бөйөк Ватан һуғышы ветераны Назар Нәжмиҙең ижади мираҫы бик бай, күп төрлө һәм үҙенсәлекле.

Автор һүҙ сәнғәтенең күп төрҙәрендә эшләп, шиғриәт һәм драматурғияла милли әҙәбиәттең юғары баҫҡысына күтәрелә. Поэзияла, драматурғияла, публиҫистикала булһын – һәр тарафта һүҙҙең ҡәҙерен, һәләттең дәрәжәһен белеү һәм тойоу яғынан Назар Нәжми иң һиҙгер һәм үтә талапсан таланттарҙың береһе.

Башҡортостандың халыҡ шағиры Н.Нәжмиҙең 100 йыллығын беҙҙең илебеҙ киң билдәләп үтте. К. Әхмәтйәновтың "Н. Нәжми — һүҙ оҫтаһы", Ә. Хәбировтың "Билдәлелек һәм өлгөргәнлеккә юл" хеҙмәттәре, шулай уҡ Ғ. Хөсәйенов, М. Кәрим, М. Максимов, В. Баранов, И. Певшиндың бай йөкмәткеле әҙәби-тәнҡит мәҡәләләре Н.Нәжми ижадының әҙәбиәттә оло урын алып тороуы хаҡында һөйләй.Н. Нәжмиҙең бер нисә поэмаһына яңыса ҡараш билдәләүҙе маҡсат итеп ҡуяйыҡ. Уның "Ҡайындар""Ҡапҡалар", "Шағир һәм шах", "Күлдәк", "Иблес", "Ағым", "Бер туғандар", "Ғүмерлек йыр", "Урал","Йыр тураһында баллада", «Йоҡлаған бала янында, «Дуҫ тураһында ун бер йыр» поэмалары киң билдәле. Ҡапҡалар», «Йыр тураһында баллада», «Йоҡлаған бала янында, «Дуҫ тураһында ун бер йыр» поэмаларында һүрәтләнгән ваҡиғалар халыҡ тормошоноң иң көсөргәнешле осорона – Бөйөк Ватан һуғышы йылдарына ҡарайҙар.

«Ҡайындар» поэмаһында һуғыш фажиғәһенә бәйле кеше аңындағы ҡаршылыҡлы ҡараштарҙың киҫкен бәрелешен сағылдыра. Бының тәрәнлеген нығыраҡ тойоу өсөн шағир тәүҙә тәбиғәт ғүзәллеге менән кеше бөйөклөгөнөң ғармонияһын күрһәтә. Өй артындағы ике ҡайындың һылыулығына «ҡоштар түҙә алмай килеп ҡуна». Бында ҡоштар менән кеше араһында үҙенсәлекле күпер һуҙыла. Лирик ғеройҙың ошо ике ҡайын һәм Ҡәйүм менән «дүрт дуҫ булып үҫтек» тиеүе һис тә ғәжәп түгел.

Ләкин һуғыш көтмәгәндә Ҡәйүмде үҙ өйөрмәһенә алып инеп китә, «ҡайынға ҡош ҡунған кеүек», өйөнә ҡайғы ҡуна.

Ҡәйүмдең үлеү хәбәрен алыу ата-әсәнең ҡырҡыу кисерешен ҡотолғоһоҙ итә, поэманың конфликты ла көсөргәнешле мәлгә килеп инә. «Әсә йыуһа бар ҡайғыны күҙ йәше менән», «ата һүҙһеҙ, тик сикәһе бер-бер артлы тертләп ҡуя. Был минутта хәсрәтен дә, асыуын һәм нәфрәтен дә – бөтәһен бергә тоя». Берҙән-бер ғәзиз балаһынан яҙған атаның трағик кисерешен шағир тетрәндерғес көс аша күҙ алдына баҫтыра – ул төҫһөҙ һәм йәнһеҙ ай менән сағыштырыла : «Ай ҙа төҫһөҙ – ата кеүек, ай ҙа күккә элеп ҡуйған һалҡын тимер балта кеүек, ерҙәге бар яуызлыҡта, яманлыҡта юҡ бер эше».

Әҫәр тормоштоң алға барышын раҫлау менән тамамлана. «Ҡыш артынан яҙ етә, өй артында үрсей ҡайын, тимәк, ғүмер дауам итә», - ти шағир.

«Ҡайындар» поэмаһы кешенең тыуған иленә, тыуған тупрағына тоғролоғо хаҡындағы идеяны раҫлай.

«Йыр тураһында баллада», бағышлауҙан аңлашылыуынса, М. Харис кеүек һуғыш ҡырында ятып ҡалған ир-егеттәр иҫтәлеген мәңгеләштереүсе әҫәр.

Һабантуй, ундағы бәйге, бәйгеләр ҡатнашыусы һыбайлы егеттең ҡулындағы ҡамсы – тыныс тормоштоң бер символы ул. Әммә шағир ошо образ-символдарыҙы үҙ-ара мөнәсәбәт-бәйләнешкә индереү менән ғенә сикләнмәйенсә, бәйгесе егетте үҙ хыялы менән дә уҙыштырғандай итә – финишҡа ул беренсе булып килә, ләкин унда бер кем юҡ. Ярһыуын баҫмаҡ булып атын һуғам тиһә,

Тик ҡулында... – Ул ни күрһен!
Ҡамсы түгел, ҡылыс ине.

Ә ҡылыс иһә – һуғыш символы. Ҡамсының ҡылысҡа әйләнеүе кеүек поэтик алымды ҡулланыу шағирға оҙон-оҙаҡ хикәйәләүҙән котолорға мөмкинлек бирҙән, әҫәрҙе драматизм менән һуғарған. Ә инде һуғыштың һабантуй, бәйгеләр үткәрелгән ваҡытта башланауы был символдарҙың тормошсанлығын дәлилләп тора.

Бында ла ул икеләтә йәшәй:
Һалдат булып, шағир булып та, -

тиғән юлдар төп персонаж булған һыбайлы егеттең прототибы итеп М. Харистың алыныуын күрһәтә.

Өсөнсө бүлектәге күренештәр һуғышты трагедиялар өйөрмәһе рәүешендә аса. Ул көрәш, ти автор, ерҙә йәшәүҙең дауам итеүе өсөн алып барыла.

Дүртенсе бүлек – «баллада эсендәге баллада». Фронтовик-шағир М.Харис, «яуҙан ваҡыт урлай-урлай», һабантуйҙан туп-тура һуғышҡа барып инергә мәжбүр ителгән егет тураһында поэма яҙып йөрөгәндә, үҙен атакаға күтәреүсе приказ-оран ала. Яуҙа шағирға үҙ персонажының батырлығын үҙенсәрәк ҡабатларға тура килә. /1.с.79/

Илебеҙ тарафынан билдәләнгән "Ғаилә йылы"нда Назар Нәжми әҫәрҙәре бик актуаль яңғырай. Милләт-ара татыулыҡ, башҡа кешеләргә хөрмәт менән бағыу -ул ғаиләнең йәшәү рәүеше. Тормоштоң

күп яклылығын,ғаилә проблемаларын, кеше күңеленең төрлөлөгөн, үз-ара мөнәсәбәттең күп ҡырлылығын,ил-тел мәсьәләләрен фәлсәфи ниғеҙҙә асыҡлау - Н. Нәжми поэзияһының төп йүнәлеше.

Н.Нәжмиҙең «Ҡапҡалар» поэмаһының үҙәгендә ҡапҡа образы тора. «Ҡапҡа» ҡат-ҡат һүрәтләнә, һүрәтләнгән һайын яңы йөкмәткә ала. Шул ҡапҡалар алдында шағир үткәндәрен иҫкә төшөрә, бөгөнгөһөн байҡай. « Һуғыштың һуңғы сәғәттәрендә Пленензее конҡлағеры ҡапҡаһынан әсирҙәрҙе сығарыуҙа катнашыу, Берлиндағы Браденбург капҡаһы тора-бара Н. Нәжми өсөн ике донъя, ике заман символына әүерелә. Ике донъя, ике заман, ике ҡапҡаны үҙеңдең, быуыныңдың тормош баҫҡыстары, күңелең ҡапҡалары менән бәйләнештә ҡарау- «Ҡапҡалар» поэмаһының художестволы конҡепцияһы.

Беренсе тапҡыр иҫкә алынған ҡапҡа – йорт менән урам араһында. Ҡапҡа аҫтынан, «ҡаҙ бәпкәһе кеүек», сығып йөрөгән сабыйҙың донъяны аңлауы ла шул саҡлы ғына. Ә йылдар үткәс, шағир алдында «баҫыу ҡапҡаһы» асыла. Быныһы инде ауылды киң донъя менән тоташтырып тора.Йорт ҡапҡаһы менән баҫыу ҡапҡаһы күрҙәҙмәле, улар – бала саҡтың символдары.

«Тау артында ла донъяның барлығын» төшөнөп алған үҫмер хәҙер инде «кала капкаларын» аса. Был «капканың» мәғәнә-йөкмәткеһе күпкә киңерәк. Ул инде шәхес булып формалашыусы ғеройҙарҙың аңының үҫеүен аңғарта.

Йорт, баҫыу, ҡала ҡапҡалары – маңлай күҙе күргән капкалар. Ә бына ҡапҡаларҙың дүртенсеһе – «белем ҡапҡаһы».«Белем ҡапҡаһы» лирик ғеройҙың еғет ҡорона инеүен аңғарта. Еғетлекте аша атлап, ир ҡорона ингән быуын, «ут-һыуҙарҙы ярып, Берлинғаса етеп», асты «тарих итеп Бранденбург тиҙгән ҡапҡаны». Тимәк, ҡапҡалар – тарихи ваҡиға ла, символ да. Ул поэманың реаль ерлеген кире ҡаҡҡыһыҙ итә, кешелектең азатлыҡ өсөн көрәшендә оло бер этап.

Әҫәр яҙылған йылдарҙа шағир Бранденбург ҡапҡаһын дуҫлыҡ һәм хеҙмәттәшлек яғына ҡарап асырға тырыша. Ул бында тыныслыҡты нығытыусыларҙың береһе булараҡ сығыш яһай.

Кеше күңеленең капкаларын
Ғүмерем буйы ҡаҡам, ҡаҡам мин, - ти.

Шулай итеп, «Ҡапҡалар» поэмаһында хикәйәләүҙә ике планлылыҡ тыуа : шағирҙың үҙ биоғрафияһы ғына түгел, ә тотош бер осор, бер быуындың яҙмышы күҙҙән үткәрелә. Быға кеше күңеленең ҡапҡаларын ҡаҡыу.

«Йоҡлаған бала янында» поэмаһында ла һуғыш эпизодтары шаҡтай урын ала, ләкин улар үҙ аллы һүрәтләнмәй. Шағир уларҙы бөгөнгө көн,ғаилә проблемалары,ғаиләнең киләсәге, киләсәк алдындағы яуаплылығы, намыҫ бурыстары хаҡында уйланыуҙар рәүешендә ойоштора. Һәм был – поэманы хәҙерге заман реаллеғенә яҡынайта.

Назар Нәжмиҙең “Иблес” лиро-эпик поэмаһы ижадының аҫыл өлгөһөн тәшкил итә. Шәйехзада Бабичтың “Ғазазил” поэмаһы менән уртаҡлыҡтары байтаҡ. XX быуат башында ижад ителгән поэманың ниғеҙендә мифик сюжеттар өҫтөнлөк итә. Шағир лирик ғеройҙың тәрән кисерештәрен хис-тойғо аша һүрәтләй.

Ожмахта йәшәгән Ғазазил тәңре алдында баш эймәгәс, ерҙә шайтандарға баш итеп ебәрелә. Ш. Бабич поэмаһы шулай башлана. Ә Назар Нәжми бөтөнләй ҡапма-ҡаршы тарафтан башлай. Хажға барыусылар ҡорбан сала торған Минә тауында Әхмәт менән Иблис бәхәсе укыусының уйын ялмап ала. Ике поэмала ла ваҡыт арауығы сикләнмәгән.

Иртәгәләр бөгөн тыуа икән,
Шул иртәгәм бармы бөгөндә? – тип лирик ғерой инештә үк был һорауҙы ҡабатлай.

Назар Нәжми шиғриәтендә ул үлсәм берәмеге түгел, сиктәрен күпкә киңәйтә. Эске азатлыҡ, тойғолар юғарылығы ваҡыттан ашып китә.

Мин дә шулай ғүмер буйына,
Яна-яна, төҙөп ҡуйҙым кеүек
Шиғырҙарҙан торған бер бина.
Ул бинамды һаман төҙәйәм мин
Иртәгә һәм бөгөн өсөн дә, – тип ҡараштарын нығытып ҡуя әҫәрҙең инешендә.

Н. Нәжмиҙең “Иблес” поэмаһында ғеройҙар Башҡортостанда, Кавказда, Ғәрәп илдәрендә хәрәкәт итә. Күп төрлө сюжет һыҙыҡтары бер идеяны тәрәнәйтә бара. Ғуниб тауҙарында Шамилды әсир итеп, Калуғаға оҙатылыу картинаһы ла идеяны көсәйтә. Уларҙы бәйләгән образ – Әхмәт. Ваҡиғалар ике ваҡыт арауығын берләштерә: хәҙерге заман менән хәтирәләр ебен үреп алып бара автор.Драматик ваҡиғалар айырым шәхес яҙмышын ғына түгел, ә йәмғиәтте лә! һүрәтләй. XX быуат башында илдә түңкәрелеш булғас, ауыл муллаһы Әхмәт ҙур ғаиләһе менән тыуған ерен ташлап китергә мәжбүр. Ауыр һәм ҡатмарлы сәфәр ғаиләнән күптәрҙе ҡорбан итә.

Улар етәү ине – ете йөрәк,

Ә һиғеҙенсеһе – ҡарында.
Юл буйында дүрт ғүр – ҡәбер ҡалды.

Бишенсе ҡәбер – ҡыҙ бала үлгәндә Бибикамалды тулғаҡ тота башлай. “Ниңә тыуа икән был бала?!” – тип яҡты донъяға ҡаршы алалар сабыйҙы. Тап ошо мәл Иблес пәйҙә була. Рухани Әхмәт үҙ күҙҙәренә үҙе ышанмай. Иблес һүҙҙәре:

Әкиәт мин. Кеше, көсһеҙләгән
Аҡлар өсөн, мине тыуҙырҙы.

Әхмәт менән Иблес диалогы ябай бәхәс түгел, ә характер һыҙаттарын асҡан ысул да. Автор төп ғерой ғәмәлдәрен яҡларға тырышһа ла, хәҡиҡәт алдында баҙап ҡала. Ҡыҙыҡ, үҙен ғүмер буйы хаҡ, Аллаһ юлында тип уйлаған Әхмәткә Иблес күҙен аса. /2,с.173/

Азатлыҡ һәм ҡорбан. Был ике ярҙың ҡайһы яғында тирбәлә кеше? Мәңгелек көрәштең осо-ҡырыйы бармы? Әлбиттә, автор был мәсьәләгә тәрәнерәк баға, рухи ҡиммәттәрҙең киңлеген байҡай. “Иблес” поэмаһының ҡиммәте лә шунда.

“Иблес” поэмаһының тәүге бүлегендә күберәк тарихҡа күҙәтеү яһаған кеүекбеҙ, ваҡиғаларҙы күңел аша үткәрәбеҙ. Шағир проблеманы икенсе ерлеккә күсерә. Сәфәрҙә тыуған сабый Мәхмүт буй еткерә. Уның булмышына туған моң килеп һарыла. Әсәһе Бибикамалдың һағышлы моңо:

Әсә йырлай… Мәхмүт йөрәгенә
Ағыла йыр әллә ҡайҙарҙан.
Алыҫтарҙан сыңлап килә төҫлө
Ата-баба тыуған ярҙарҙан.

Мәхмүттең оҫта тимерсе булып таныльуы менән Әхмәт ғорурлана, тик:

Тик улының йырын тыңлап, Әхмәт
Тертләп ҡуйҙы: “Был ни ғәләмәт?!”

Тап ошо юҫыҡтағы бәхәс үҫкәндән-үҫә, трагедияға барып етә. Әхмәттең:

Ул бит беҙҙең йорт теле ғенә,
Бар һөйләшеп ҡара, аралаш…

Бында һиңә бер тел – бөйөк тел бар, – тиҙән һүҙҙәренең ниғеҙе ҡатлаулы һәм ҡатмарлы.

Ә Мәхмүт: “Тел үҙе лә иман”, – тип өндәшә.

Республикабыҙҙың аҫаба халҡы булған,республикаға исем бирҙән милләт теленең яҙмышы инде нисәнсе тапҡыр ҡатмарлы һынауҙарға дусар булғанда,быйылғы уҡыу йылында мәктәптәрҙә башҡорт телен уҡытыу буйынса ҙур һәм уйланылып бөтмәгән үҙгәрештәр:ғаризалар ниғеҙендә туған теленде өйрәнеү индерелгәндә,туған телебеҙгә һәр яҡлап хәүеф янағанда халыҡ шағирының һүҙҙәре бик көнүҙәк яңғырай. Әсәһе Бибикамалдың:

Ер менән йыр – бер үк ҡарындан,
Ә, етмәһә, йырҙы шағир яҙған.

Мәхмүтте төштәренә керҙән, ә ғүмерҙә бер тапҡыр ҙа күрмәгән ата-бабалар төйәгә тарта. Ә атаһының:

Һин бит үҙ-үҙеңде
Ожмахыңдан ҡыуған ғазазил!..
Ҡайҙан хасил һиндә бындай уйҙар? —тип ярһып, һуңғы нөктәне ҡуя.
Әхмәт улы Мәхмүтте, Иблес тип, сәнсеп үлтерә.
Ялтырап китте бысаҡ… Ауҙы Мәхмүт…
Һүнде хыял – һүнде ҡайтыр юл.
Һуңғы һулыш ҡына әйтә алды:
“Миндә түгел… Иблес… Һиндә ул…”
Поэмалағы ваҡиғалар тағы ла икенсе ерлеккә күсә.
Яуызлыҡтың ғәме – яҡшылыҡты
Ҡол итергә бары мәңгегә.
Тик бынан ҡотолоу юлдары бармы? Бар! Нур булып күктән төшкән ҡыҙ телгә килә:

Мин – Мөхәббәт! Ошо ерҙең күрке,
Ошо ерҙең көсө, йән-һыны.
Иланһи образ тыуған еребеҙгә бәрәкәт һәм тыныслыҡ, һөйөү һәм мәңгелек илтә.

Кешенең рухи азатлығын Иблес кенә еңә алмай. Ул азатлыҡ эскән һыу, һулаған һаяа, тыуған ер йылыһы һәм моң менән туған тел аша кешегә һеңә. Кешене шәхес кимәленә күтәрә, иңенә яуаплылыҡ та һала. Поэманың ниғеҙендә ошондай фекерҙәр бик үҙенсәлекле итеп бирелә.

1976 йылда ижад ителгән “Урал” поэмаһының темаһы ла тыуған ер, Ватан.ил,тел төшөнсәләре беҙҙең халыҡта изгеләрҙән-изге һанала. Өҫәрҙең сюжет һыҙығы ла ошо хәҡиҡәтте матур алымдар, хәтерҙә ҡалырҙай поэтик образдар аша аса. Лирик ғерой ҡурайсы, өзләүсе Ишмөхәмәт улы Ишбулла менән осраша. Маҡтауға һаран лирик ғерой һоҡланыуын йәшерә алмай:

Уйнай икән, тимәк, үҙәк өҙгөс,
Йырлай икән – дала киңлеге.
Бейей икән – ут сәсрәтеп тора –
Башҡорт шундай тиҙән шикелле.
Берсә уйнап, йырлап, берсә бейеп,
Ишмөхәмәт улы Ишбулла.

Тымыҡ океан ярында ҡунаҡханала Ишбулла янына ят кеше осраша. Шағир диалоғтар аша икәүҙең әңгәмәһен бирә. Ул мауыҡтырғыс һәм бәхәсле. Автор төрлө яҡ ҡараштарын һүрәтләй.

Башҡортлоҡ- ул милләт кенә түгел,
Ҡурай кеүек ябай, ҡатмарлы.
Ерҙә әле рух бар – халыҡ рухы,
Ҡабул итмәй ул рух юҡ-барҙы.
Халыҡ рухы халыҡ ҡанынан ул,

Ул — бөйөк һәм изге төшөнсә, – ти Ишбулланың прототибы – мәшһүр ҡурайсы Ишмулла Дилмөхәмәтов.

Назар Нәжмиҙең “Ағым” поэмаһында сюжет ептәренең берене лирик ғерой хәрәкәтенә бәйле; икенсене – ағымдай урғылған хис-тойғоларҙың үҫеше.Шағир ғаләмде урап сыға. Иҙел башынан, Уралдан, Зәһир Исмәғилев менән Зөлфәр Хисмәтуллиндан башланған сәфәр сыға Йомағол. Был ябай ғына сәйәхәт түгел, ә ғүмерлек һәм бик кәрәкле сәйәхәт. Поэмала тәбиғәт йәнле Ноғман Мусин, Шәйехзада Бабич, Шәриф Бикҡол шәхестәре лә телгә алына. Поэманың сюжеты шулай: һал ағыҙыусы йәш еғет Йомағол Иҙел башынан һал менән түбәнгә аға.

Ағып килгән саҡта тын ғына,
Яр ситендә бер ҡыҙ йырлай ине
(йырлай-йырлай ул кер сайҡай ине),
Тауышында сихри моң ғына.

Бер күреүҙән ғашиҡ булған Йомағол менән Шәмсиҡәмәр мәңгеләгә ҡауыша. Уларҙың яҙмышын ил яҙмышы менән үлсәргә мөмкин. Ярты быуат йәшәп, алтын туйҙарын үткәргәндәр. Ике ул һәм өс ҡыҙға ғүмер биргәндәр. Йомағол — Бөйөк Ватан һуғышы юлдарын үтеп, иҫән ҡайтҡан яуғир. Днепрҙы кискәндә лә һал менән күпме ватандашын ҡотҡара. Үткән ғүмер юлын хәтирәләргә һалып, алтын туй мәжлесендә иҫләп, барлыҡ туғандар ҙа Йомағол ғаиләһенә рәхмәт уҡый. Милләт-ара татыулыҡ, башҡа кешеләргә хөрмәт менән бағыу -ул ғаиләнең йәшәү рәүеше . Лирик ғерой Йомағол кеүек кешеләргә дан йырлай һәм үҙе хаҡында:

Бөтәбеҙ ҙә төҙөүсе беҙ… Мин дә
Һеҙгә яҡташ ауыл малайы.
Ғүмер буйы төҙөйөм һәм һалам
Кешеләргә күңел һарайы.
Автор милли характерҙы дөрөҫ тасуирлай:
Күҙ алдына һин килтереп ҡара
Болон һәм йәйләүһеҙ башҡортто.

Н. Нәжмиҙең “Бер туғандар” поэмаһы 1983 йылда яҙылған. Автор эпиғрафта уҡ бер туған ағайҙары Ғәҙелкарам менән Ғиләжетдинде хәтергә ала. Поэманың ниғеҙендә автобиоғрафия ята.“Беҙ өс туған – беҙ өс таған инек”, – тиҙән юлдар әҫәрҙең ниғеҙе. Аталары йәшләй үлеп киткән,ағалары барлыҡ яуаплылыҡты ала.

Булғанбыҙ беҙ әсәй өсөн Иман,
Өмөт, Һөйөү тиҙән өс таған.

ХХ быуат афәте был өс еғетте лә аямай, улар ил һағына баҫа. Ҡанлы һәм данлы һуғыш юлында ҡорбан ҙур була. Ржев янында Ғиләж һәләк була, Курск дуғаһы пулеметсы Карамды ҡулһыҙ итә. “Батырлыҡ өсөн” миҙалына лайыҡ була оло ағаһы.

Шағирҙың “Дуҫ тураһында ун бер йыр” поэмаһы 1960 йылдар аҙағында ижад ителгән.Һәр йырҙың үҙ атамаһы бар. Поэманың инеше “Шишмәләр” тип аталып, төп ғерой – шишмә телен белгән Ғилуан менән таныштыра.Ғилуан мари ҡыҙы Сәликәгә өйләнергә йөрөгәндә һуғыш сығып, ул яуға китә. Һуғыш уны ҡулһыҙ һәм һөйгән йәрһеҙ ҡалдыра. Йәш еғет Мәликәгә өйләнеп, ғөрләтеп донъя көтәләр, ун балаға ғүмер бирәләр. Туғыҙ улға һәм бер ҡыҙға ғүмер биргән Ғилуанға лирик ғерой

һоҡланып, мөхәббәткә дан йырлай. “Йырҙарымдыҡ әле һуҡы юҡ…” тигән өлөш эпиграф кеүек бирелгән. Ул йырынан матур гаиләгә һәйкәл ҡоя.

Башҡортостандыҡ халыҡ шагиры Назар Нәжмиҙец ижадында төрлө жанрҙар бихисап. Шигриәттец югарылыгын белдергән поэмага шагир әҙерлекле, ныҡлы уйланып, тормош тәжрибәһе туплагас тотона. Шуга ла был мираҫ уныҡ ижадында өр-яҡынан асыла. Назар Нәжми шигриәте - башҡорт шигриәтенец көслө бер тулҡыны, ҡабатланмаҫ моцо.

Әҙәбиәт

1. Ғ.Хөсәйенов.Н.Нәжми.”Агиҙел”журналы 2002 й.№11.
2. З.Әлибаев.Н.Нәжми.”Башҡортостан”гәзите
3. Н.Нәжми .Әҫәрҙәр.2том.Поэмалар.Өфө,1978
4. Тарафтар.Шигырҙар һәм поэмалар.Өфө,1980

© Дәүләтшина М.Ф., 2018

Даудова Б.А.,
старший научный сотрудник сектора родных литератур ДНИИП им. А.А. Тахо-Годи,
г. Махачкала, Республика Дагестан

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ФОЛЬКЛОРА НА УРОКАХ ДАРГИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Устное народное творчество – величайшее достояние национальной культуры каждого народа. Деятели передовой педагогической науки всегда отводили ему почетное место среди произведений, предназначенных для воспитания детей. Высокое художественное совершенство и доступность восприятию ребенка сделали фольклор одним из важных средств воспитания. Изучая произведения устного народного творчества, учащиеся узнают о высоких моральных качествах горского народа в прошлом, о подвигах народных героев, о светлой вере народа в победу добра над злом.

Одно из важных мест среди других средств воспитания школьников занимает устное народное творчество, которое важно не только для умственного и нравственного воспитания подрастающего поколения, но и для языкового развития. Простота и точность словаря, четкая конструкция предложений, обилие метких слов и афоризмов, эмоциональность – отличительные черты народной речи. Произведения устного народного творчества даргинцев – это его своеобразная история, отраженная в фольклоре. Изучая даргинское устное народное творчество, учащиеся изучают и историю своего народа, так как в фольклорных произведениях нашли отражение трудные времена, кровопролитные войны, в которых сражался народ за свою свободу и независимость, и другие исторические события.

Изучая произведения устного народного творчества в школе, учащиеся узнают о высоких моральных качествах горского народа в прошлом, о подвигах народных героев, о светлой вере народа в победу добра над злом. На материале этих произведений дети приходят к выводу, что в истории народа послужило основой высоких моральных качеств человека.

Родившиеся в глубине веков произведения устного народного творчества переделывались, дополнялись в течение многих сотен лет, передавались из уст в уста, поэтому одно и то же фольклорное произведение имеет подчас множество сюжетов.

Фольклор немыслим вне народных обычаев, быта, он сопровождает все виды трудовой деятельности человека, присутствует во всех общественных и семейных праздниках. В большинстве своих жанров даргинский фольклор живой фольклор, еще бытующее искусство. Характерные особенности фольклора передают плакальщицы, сказатели, певцы. Отсюда и традиционные особенности развития того или иного жанра фольклора.

Фольклор народов Дагестана богат в жанровом отношении. В устном народном творчестве даргинцев выделяются прозаические и стихотворные жанры. К прозаическим жанрам относятся: сказки о животных, волшебные сказки, социально-бытовые сказки, предания, легенды, притчи, анекдоты, пословицы, поговорки, загадки и т.д. Поэтическая его часть подразделяется на три большие группы: колыбельные песни, календарно-обрядовые и игровая поэзия. К ним относятся эпические песни: героические, героико-исторические, исторические; баллады: социально-исторические, любовные, семейно-бытовые, героические; обрядовые песни: песни заклинания, песни-величальные, песни- насмешки, песни-наставления, прощальные песни, песни-элегии, причеты; не обрядовые песни: любовные, семейные, сатирические, песни-проклятия, песни-благопожелания, о храбрецах, песни отходников, тюремные песни; детские песни: колыбельные, игровые, прибаутки, считалки, дразнилки, небылицы.

Сказки любят все – и взрослые, и дети. В художественных образах сказка выражает лучшие качества народа и тем самым воспитывает эти качества в тех, кто любит сказку. На материале сказок можно познакомит учащихся с народом, как создателем и творцом сказок, его вековой мечтой о свободном и радостном труде: на материале легенд, баллад, песен ученики должны уметь верно оценивать высокие качества дагестанского народа, всегда стремившегося к единству и умевшего бороться за свою родную землю; на пословицах и загадках знать раскрывать мудрость народа, его наблюдательность, остроумие, одаренность.

По своему характеру и тематике даргинские эпические песни очень разнообразны. Значительное место в фольклоре даргинцев занимают лиро-эпические песни и исторические песни.

Лирические фольклорные песни даргинцев раскрывали разнообразные стороны внутреннего мира человека, его душевные переживания, личные и социальные чувства, которые на протяжении столетий были связаны с социальной жизнью народа, с его бытом и трудом. Даргинское народное песенное творчество содержит благодатный материал для прослеживания истории развития художественного мышления даргинцев, знакомство с которым убеждает нас в разнообразии и самобытности жанров даргинского народного песенного творчества. Если такие жанры, как плач, колыбельная песня и другие имеют свои параллели в фольклоре других народов, то такие собственные даргинские песенные жанры, как хабкуб, далай, деза являются оригинальными.

Хабкуб – это однострофные лирические миниатюры, состоящие из четырех и более строк. Хабкубы записанные в разное время, в разных уголках Дарго, воскрешают для нас целые миры, раздаваясь то одиноким криком обездоленной души, то дружным дуэтом признаний и просьб, то многоголосым хором упреков и угроз, проклятий и пожеланий.

Многое сохранил для потомков четырехстрочный хабкуб. В нем быт, жизнь, психология и художественное мышление даргинцев, основы этики словестного искусства даргинцев.

Ахъил дубурла хъарлер хъар кьарнар жанай вава даишира мурадли,
Мурад даъх1едаиле, дигишира ц1уб шахли?
На вершине высокой горы цветок с верхушкой цветистой,
Достигнешь ли ты цели, иль, не достигнув цели,
Обожжешься инеем белым?

Когда читаешь хабкубы, перед тобой проходит галерея образов настолько разнообразных, настолько из разных по своему характеру людей может состоять человеческое общество даже в одном и том же ауле. И именно восклицания и назывные предложения хабкуба поразительно легко вводят в мир их забот и тревог.

Гьеш дунера дилали, дедлири х1ура дила, дурт1ира х1удра намра.
Бах1 мух1лила х1ябал гъай х1ула сен ах1еллену?!
Если б весь мир принадлежал мне, и ты была бы моя,
Разделил бы на двоих.
Как же дороги тебе три слова, брошенные краешком рта?!

Здесь противопоставление двух образов: его, готового на все, и ее, скупящуюся даже три слова. Бросит в сторону парня хотя бы «три слова» «краешком рта» – это самый смелый поступок, который могла совершить девушка.

Взаимные упреки со стороны влюбленных в какой-то степени и объясняются тем, что то одна, то вторая сторона не могла стать выше социальных предрассудков, переступить за предел дозволенного законом шариата.

При изучении раздела «Устное народное творчество» учитель ставит ряд проблем: на материале легенд, баллад и песен познакомит учащихся с народными переживаниями, с вековой мечтой народа о свободном и радостном труде, о человеческих чувствах.

В лирических песнях главными героями являются юноша и девушка. И чувства и переживания влюбленных, их встреча, разлука являются основным содержанием любовных песен. В песнях подобного рода чаще прибегали приему противопоставления. Например:

Х1ябшимайла шурмачир мурхьили делк1ун къакъба,
Х1ечи дигай дихьила дигуб чакарла урк1и.
На скалах Габшимы золотом расписанная куропатка,
Как я тебя полюбил сгорело сахарное сердце.

Любимая девушка юноше представляется «золотом расписанной куропаткой», уподобляет девушку куропатке. Образы для сопоставления, сравнения брали горские певцы из родной природы.

Темы любовных песен тесно связаны с темами семейно-бытовых песен. Неразделенная любовь, несчастная любовь, разлука с любимой становились темами несчастной жизни без любви. В семейно-бытовых песнях показано бесправное положение женщины в семье, в быту.

Литература

1. Алиханова А.А. Песенное творчество даргинцев // В кн.: Жанры фольклора народов Дагестана. – Махачкала 1979.

2. Вагидов А.М., Магомедов Р.М. Даргинская литература. Учебник-хрестоматия 6 класс. – Махачкала, 1973.

© Даудова Б.А., 2018

Даутова Р.А.,
аспирант БашГУ,
Кунафин Г.С.,
доктор филологических наук, профессор, член-корр. АН РБ,
г.Уфа, Республика Башкортостан

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ПОЭМЕ Р. БИКБАЕВА «КАРАВАН-САРАЙ»

Развитие башкирской литературы всегда шло в тесной связи с историей, с реальной жизнью. Многие писатели и поэты создавали и создают свои произведения на исторические темы. В центре внимания таких произведений находится человек, человеческое общество. Изображая в своих произведениях исторические события, башкирские писатели и поэты стремятся их осмыслить и всегда сделать выводы, которые имели бы воспитательное и поучительное значение. Ярким примером тому является творчество Равиля Бикбаева, который провозгласил: «Поэты – это послы своих народов, призванные донести миру правду о своей земле». [1, с. 217] Действительно, многие произведения народного поэта отражают события далекого прошлого. Равиль Тухватович помогает нам возвращать нашу историческую память, и в этом видит одно из проявлений развития нового самосознания возрожденных народов многонациональной России. [4, с. 8]

В своей знаменитой поэме «Караван-сарай», написанный в 1962-1965 годах, поэт освятил один из наиболее сложных этапов развития истории Башкортостана середины XIX века. В центре сюжета поэмы – основание в городе Оренбурге Караван-сарая – историко-архитектурного комплекса, который был построен в 1837-1846 годах на добровольные пожертвования башкир для размещения канцелярии командующего Башкирским мещерякским войском, гостиницы для башкир, приезжавших в город Оренбург «по своей надобности и по делам службы», мастерской и школы для башкир. [3, с. 320-321]

Поэма открывается эпиграфом, предпосланным всему произведению:

Не камни в основанье минарета,
Ни на камнях стоит строенье это,
Ни на камнях, а на костях башкир. [2, с. 63]

Уже в начале поэмы эти строки создают жуткую картину. Перед глазами читателя развертывается драматические события, круто изменившие судьбу нашей страны. С помощью такого приема автор поэмы показывает отношение к собственному творению. Из этих строк отражается душевная горесть и тяжелая судьба башкирского народа.

Поэма «Караван-сарай» состоит из двух частей, которые объединены одной общей проблемой. Кроме того, поэма предваряется своеобразным вступлением, в котором автор в общих чертах говорит о более чем тысячелетней истории Башкортостана, которая была наполнена крупными и сложными социально-политическими событиями. Центральное место занимает образ Урала, который символизирует Родину.

В начале первой части поэмы описание башкирских степных простор, где летом кочует башкирский народ, сменяется с историей основания города Оренбурга:

Чтобы открыть ворота
К миру волшебной Азии
К миру мелодии Хафиза
Основывается новый город здесь. [2, с. 64]

В продолжении сюжета автор знакомит нас с Кидрячем - человеком, который всю жизнь трудился у Хамзы бая, но никак не смог выбиться из нужды. Ситуация в поэме усугубляется после сообщения его дочерью Зайнап о собрании (йыйын). Рядом с мечетью в деревне Ташмурун

собирается толпа людей. Собранием руководит Абдулла ахун, который обращается к народу словами:

Слушай, народ, приказ губернатора!
Чтобы приобрести знания башкиру,
Оренбурге будет строиться сарай!
Нужно собрать деньги с каждого дома. [2, с. 67]

Как известно из истории проектирования и строительства Караван-сарая, Оренбургский генерал-губернатор В. Перовский в своем обращении от 20 апреля 1836 года к начальникам башкирских и мещерякских кантонов отмечал, что «приезжающие в Оренбург по своей надобности и по службе башкиры и мишары не имеют никакого пристанища в городе…В отвращение этого неудобства, -писал он, - намерен я приступить… к построению общественного постоялого двора или караван-сарая, в котором мог бы остановиться со всеми удобствами каждый башкир и мещеряк без всякой платы». Это обращение, призывавшее сделать пожертвования на постройку Караван-сарая, было благожелательно встречено башкирским населением. За короткий срок в фонд строительства поступили большие денежные средства. [6, с. 9]

В поэме после слов Абдуллы ахуна идею генерала-губернатора В. Перовского народ принимает с восторгом. Перед глазами каждого предстает большой и могущественный Караван-сарай. Каждый старается помочь, чем может.

Строительные работы были начаты летом 1837 года. Изготовление строительных материалов, их транспортировку и все остальные строительные работы выполняли башкиры. [6, с. 10]

Забыв свое печаль и горе
Глотая пыль, загорая на солнце,
От темноты до темноты
Строит народ Каравансарай. [2, с. 70]

Но строительные работы не шли все время гладко. На каждого рабочего был назначен по одному сторожу, которые без основания нещадно били их кнутом. Все это вызвало недовольство и возмущение среди рабочих. Но услышав слова Кидряча, решают довести начатое дело до конца.

Это будет наследием Уралу
Обучаясь здесь наши сыновья
Когда-нибудь станут людьми. [2, с. 75]

- говорит с большой надеждой он.

Все эти действия показывают силу духа, трудолюбие и мужество башкирского народа. Завершив строительство Караван-сарая, рабочие перед уездом в свою родные края, долго не могли оторвать глаза от «добра», которую создали. Но к сожалению, к концу строительства Караван-сарая Оренбургским губернатором стал В. Обручев. Он показал себя противником всех мероприятий, направленных на подъем культуры башкирского народа. Караван-сарай был отобран у башкир и передан в ведение Министерства внутренних дел. В здании разместились квартира и канцелярия начальника Оренбургской губернии, губернские присутственные места, комиссия по размежеванию башкирских земель, губернская типография и редакция «Оренбургской газеты». Башкирам были оставлены лишь две небольшие квартиры для служителей мечети. [6, с. 11] Как и говорится в поэме:

Мечтали о Каравансарае мы,
А он стал для нас болезнью.
Стал черной болезнью на голову
Обрушившаяся на благородных сыновей. [2, с. 85]

Таким образом, несправедливость по отношению к народу вызвало большое возмущение среди населения. Кроме того, к приезду Кидряча и Акьюла была похищена Зайнап. Кульминационным моментом в поэме “Караван-сарай” следует считать смерть Кидряча. Ведь именно на примере его личности мы понимаем суть проблематики произведения. Вместе с ним умирает и надежда, мечта, ожидания и переживания. История строительства Караван-сарая позволяет совершенно по-другому взглянуть на ход исторических событий, позволяет ощутить глубину перемен жизни башкирского народа.

Во второй части поэмы речь идет о дальнейшей судьбе Акьюл и Зайнап. После долгой разлуки, преодолев жизненные преграды и сложности, возлюбленные находят друг друга. В день их свадьбы в деревне Ташмурун вспыхнуло восстание. Причиной тому послужило – раздача кантоном башкирских земель помещикам.

В описаниях этого восстания отражается душевная боль, страдания башкирского народа отстаивающего свою свободу, менталитет, права. Но со смертью главных героев не угасает борьба и надежда на справедливость:

Все будет, если две вещи -
Если будет Родина и свобода. [2, с. 87]

Таким образом, строительство Караван-сарая стал настоящим испытанием для башкирского народа. Трагическим последствием, описываемым Р. Бикбаевым в поэме «Караван-сарай» является большие человеческие жертвы, материальные потери, лишение большей части своих земель. Образ Караван-сарая олицетворяет стремление башкир к социально-нравственному, национально-духовному совершенству. Поэма воспитывает в читателях стойкий характер, мужество в борьбе за свободу родной земли и независимость, пробуждают в них патриотические чувства.

Литература

1. Бикбаев Р. Т. Заветное слово. Уфа: Скиф, 2008. - 304 с.
2. Бикбаев Р. Т. Избранные произведения. I том: стихи, поэмы. Уфа: Китап, 2008. - 528 с.
3. Валеева М. Г., Кутушев Р.Н. Караван-сарай // Башкирская энциклопедия. – Уфа: Башкирская энциклопедия, 2007. – Т. 3. – 672 с.
4. Валитов О. «Незаходящее солнце» Равиля Бикбаева // Республика Башкортостан. – 2008. - № 239.
5. История башкирской литературы. В 6 т. Т. 6. Уфа, Башкирское книжное издательство, 1996. - 584 с.
6. Караван-Сарай. /Авт.-сост. Калимуллин Ф. Б. 2-е изд. — Уфа: Китап, 1995. — 71 с.

©Даутова Р.А., 2018

Дедина М.С.,
к. ф.н, доцент Горно-Алтайского государственного университета,
снс Научно-исследовательского института алтаистики им. С.С. Суразакова,
г. Горно-Алтайск, Республика Алтай

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ЛИРИКИ АЛЕКСАНДРА ЕРЕДЕЕВА

В алтайской литературе II половины XX века Александр Ередеев занял особую нишу, став удивительно тонким писателем с живописным видением окружающего мира, мастером, который через звукопись, цветоописание, еле уловимые запахи и шорохи создает удивительный и гармоничный мир. Автор стремился передать тончайшие процессы, происходящие как в природе, так и во внутреннем мироощущении человека. А. Ередеева можно назвать мастером детали, который и в лирике, и в прозаических произведениях пытался донести до своего читателя мысль о величии и ранимости окружающего мира, живущего по своим вековечным мудрым законам.

Александр Янганович Ередеев, член Союза писателей СССР (1969), заслуженный работник культуры РФ (1996), народный писатель Республики Алтай (2007). В литературу он вошел небольшим сборником лирических произведений «*Эзлик*» («Завязь») в 1961 г., позже вышли в свет 20 его сборников стихов, рассказов, басен и сказок на алтайском и русском языках. Многие его произведения, такие как «Маленький парашютист» (1978) в переводе Н. Черкасова, «Зарница» (1979) и «Любопытный ветерок» (1981) в переводе И. Фонякова были изданы на русском языке.

В алтайской литературе А. Ередеев позиционировал себя как детский писатель – он автор многочисленных рассказов, сказок, басен и стихотворений для детей. Многие его произведения вошли в школьные учебники, некоторые стихи положены на музыку и стали популярными песнями. Из двадцати изданных сборников писателя, десять – включают произведения для детей.

Лирика А. Ередеева делится на два основополагающих тематических направления – лирику пейзажную и патриотические стихотворения, написанные по требованиям литературы соцреализма. Это качество поэзии А. Ередеева отмечали практически все исследователи, изучавшие его творчество. Об этом пишут и С. Каташ и Г. Кондаков: «Можно говорить, что поэту порой не хватает большей страстности, гражданственности, стихи его порой несколько созерцательны. Все это справедливо. Но нельзя не видеть той родниковой свежести, того неповторимого аромата, что отличает истинные создания от подделок. Если порой стихи Б. Укачина и некоторых других молодых поэтов отличаются рассудочностью, то этого нет в поэзии А. Ередеева, она течет естественно, как ручьи в горах. В этом ее прелесть и своеобразие» [1, с. 164-165].

Первый сборник стихотворений А. Ередеева «*Эзлик*» («Завязь») был разделен писателем на 2 части: первая, названная «*Ӱлгерлер*» («Стихотворения»), объединила 8 стихотворений, которые были написаны по всем канонам соцреалистической литературы: центральной тематической направленностью стали посвящения партии, Ленину, передовикам производства и т.д. Большая часть этих произведений написана в контексте образно-стилистического наполнения лирических произведений, написанных в 20-30 годы XX века. Здесь явно присутствие стилизации и подражания как литературным произведениям, так и фольклорным текстам, поскольку для начинающего писателя было несколько сложно создавать художественный текст самостоятельно. Опираясь на фольклорно-семантический арсенал, писатель создает образ Ленина как несокрушимого богатыря:

Айдып ийген сӧзиҥнеҥ	Сказанным тобой словом
Албаты кӱӱни бириккен,	Объединились желания народа.
Јаҥып ийген колыҥнаҥ	От взмаха твоей руки
Јалкын оды чӧйилген [2, с 5].	Протянулись молнии[1]

В стихотворении «*Телекейге*» («Миру») уже чувствуется яркая образность и необычная метафоричность стиха, так характерная для всего творчества А. Ередеева.

Телекей, телкем телекей,	Мир, просторный мир,
Јыргап ӧскӧн кабайым,	Взрастившая меня колыбель,
Айлаткышка ол аспай,	Не потерявшись во вселенной,
Айлана учкан канадым [2, с 7].	Позволившие вернуться, мои крылья.

В данном произведении художественное пространство разделено на несколько частей, которые связаны несколькими смысловыми доминантами. Во-первых, окружающий мир, называемый лирическим героем «*телекей*» предстает в значении малой родины, ставшей для лирического героя колыбелью, тем ориентиром в бесконечности вселенной, зовущей и манящей, заставляющей бесконечно возвращаться. Во-вторых, «*телекей*» в данном стихотворении предстает в значении России как государства, которое устремлено в счастливое будущее, освещенное огнями коммунизма. В-третьих, мир предстает в образе всего земного шара, понимаемого как общий дом человека и человечества. Этому миру угрожает атом, готовый взорвать все земное существование в любую минуту. Гарантом жизни на Земле и оплотом существования человечества, по мнению автора, является коммунизм. Данное стихотворение, несмотря на свой явный политический контекст, интересно как этапное в творчестве поэта, поскольку в нем уже присутствуют удачные метафорические находки и образные параллели.

Айдыҥ-кӱнниҥ алдына	Под солнцем и луной,
Алкыжыҥ берип јайкадыҥ,	Дав благословление, меня качал,
Апагаш сӱттий јаркынга	Словно молоко, твое сияние,
Айлана тудуп јарыттыҥ [2, с 7].	Окружив, меня освещало.

Традиционно для советской литературы середины XX в. в сборник вошли два стихотворения, посвященные людям труда. В стихотворении «Эмчи кыс» («Медсестра») изображается образ молодого поколения алтайцев, интеллегенции, врача, сохраняющего жизни людей. Стихотворение «*Койчы кыс*» («Чабанка») переносит лирического героя в знакомое пространство родной природы, наполненное знакомыми картинами, звуками, запахами. Автору этот образ гораздо близок, чем врач, к примеру, и поэтому лирический герой обращается к молодой девушке от первого лица, ритмизируя окончания 2 и 4 строф первого четверостишья.

Шалырап јаткан корумдар	Шелестя лежащие курганы
Јолыҥ болды, койчы кыс.	Стали тебе дорогой, чабанка.
Чалыҥду мӧҥӱн чечектер,	Росой покрытые серебряные цветы,
Јӱкпеҥ јунат, койчы кыс [2, с 15].	Моют твой подол, чабанка.

Образ девушки чабанки в стихотворении изображается в гармонии с окружающим миром и с собой. Ее образ тесно связан с образом родной земли, в стихотворении переплетаются историческое время с современностью.

Традиционный образ тайги как «своей» земли, прочно вошедший в мир алтайских поэтов, в данном стихотворении присутствует в значении территории, далекой от цивилизации, однако комфортной для человека, естественной среды его обитания. В ранней лирике А. Ередеева он представлен гармоничным и идеальным.

Одош-тедеш сӱмерди	Стоящие напротив горы
Одыра бастыҥ, койчы кыс.	Кругом обошла ты, чобанка.

[1] Здесь и далее, если не указан переводчик, смысловой перевод наш – М.Д.

ЬІнар туткан тайгада В покрытой дымкой тайге
ЬІрысту јүрин, койчы кыс. [2, с 14]. Счастливо живешь, чабанка.

Одним из наиболее известных стихотворений А. Ередеева стало стихотворение «*Белек*» / «Подарок». Лирический герой обращается к своей любимой и дарит ей подарок на память:

Јылдыстарды тизеле, Нанизывая звезды на нить,
Јинји эдип береин. Бусы тебе сделаю.
Сары айды тудала, Поймав желтую луну,
Сырга сулап берейин. Подарю тебе сережку.
Солоңыны чечеле, Развязав радугу,
Сеге курчап ийейин. Завяжу тебе пояс.
Кызыл чечек үзеле, Сорвав красный цветок,
Чачына тағып салайын.[2, с 23]. Прикреплю тебе на волосы.

Это стихотворение во многом перекликается в алтайской песенной традицией, для которой были характерны яркий образный параллелизм, в котором присутствует взаимное дополнение, переплетение, сравнение и сопоставление природного начала и человеческого. Образ красного цветка в последней строфе произведения становится символом сильной и страстной любви.

Наряду с присутствием традиционной для алтайской лирики 50-х гг. XX в. жанра песни, в ранней лирике А. Ередеева наблюдается активный творческий поиск своей темы и жанра. В первых лирических сборниках присутствуют такие жанры как зарисовка, пейзажная лирика, философская миниатюра, элегия… Например, стихотворение «*Күстиң сарымы*» («Песня осени»), опубликованное в сборнике «*Эзлик*» («Завязь») написано в жанре элегии. Здесь поэт способом перечислений, небольших штрихов, мазков, нарочито разделенных многоточием (логическими паузами) вырисовывает картину родной земли, окутанную осенней грустью. Основной пафос стихотворения связан с мотивом разлуки – неизбежного признака, по мысли автора, течения времени и судьбы. Как предопределено наступление после лета осени, так и расходятся на жизненном пути дороги друзей, которые оставляют о себе лишь воспоминания.

ЬІрааак, ыраак талага В далекие-далекие края
ЬІрбай берген турналар... Улетели журавли...
Үүрден аскан кыйгыга От отставшего от клина голоса
Санааркап калган тайгалар.. Загрустившая тайга…
Куу саламы кажайып, Бледная солома побелев,
Куру арткан өзөктөр... Осиротели поселки…
Јакшынак өйин сананып, Вспоминая свое хорошее время,
Јаркындалган көстөр!.. ! [2, с 19]. Засиявшие глаза…

Если анализировать сборник «*Эзлик*» («Завязь») А. Ередеева в контексте развития алтайской литературы на данном этапе, то в нем присутствуют все специфические черты алтайской поэзии 50-х годов XX века, как на уровне поэтики, так и семантической наполненности. Две части сборника как нельзя лучше демонстрируют тематическую направленность всей литературы социалистического реализма: в первой части были опубликованы стихотворения, посвященные Ленину, партии, миру на земле и людям труда, а вторая – лирические произведения, направленные на описание природы, воспевание родной земли, посвящения любимой и т.д. Отличительной особенностью данного сборника стали удачные метафорические находки, сравнения и параллели.

В 1968 г. был издан сборник «*Јайлуныҥ лириказы*» («Яйлинская лирика»). На этом этапе творчества у А. Ередеева наблюдается углубление семантической образной системы и философского содержания лирики. Образные сравнения остаются центральным лирическим приемом.

Бу сап ла сары кайынга, На эту желтую-прежелтую березу,
Бу ла тилче јалбыракка На этот, с язычок, листочек,
Күн ле күс түжүптир, Опустились солнце и осень,
Күни јаҥыс шиҥиптир. Солнце только впиталось.
Өйдиҥ өдүжине чыдабай, Не выдержав движение времени,
Өткүре јалбырактар кызыган. Слишком листья раскалились.
Сары јалбыжы јалбырап, Желтое пламя развеваясь,
Сакылталу јыл барган…. [3, с 5] Ушел полный ожиданий год…

Лирический герой все чаще задумывается о быстротечности жизни и необратимости ушедшего времени. Основным образом-маркером, характерным для данного сборника становится осень. В

авторской рецепции она репрезентируется как пора увядания, однако, это и период зрелости, когда наступает время переоценки ценностей.

В очерке, написанном об алтайской литературе С. Каташом и Г. Кондаковым, приводится для примера стихотворение А. Ередеева «*Кайран кызыл чечегим*» («Мой красный цветок»), свидетельствующее о характере его лирики. Это стихотворение впервые было опубликовано в сборник «*Јайлуныҥ лириказы*» («Яйлинская лирика»):

Кайран кызыл чечегим	Белой сказкою снег у окна.
Карыгып шилге јөлөнөт.	Белая застыла тишина.
Көзнөктө јуралган алтайга	За окном зима, мороз жесток
Көс тө албай ол көрөт.	А на окне – цветок.
Бай јылу түштүкти	Тропика притихли на стекле
Байла, јаражай сананган.	Сбились пальмы в тесный полукруг.
Үүре-јеле көөркийин	И цветок вздыхает о тепле,
Бу јуруктан таныган.	Вспоминает свой далекий юг.
Соок бойы да јасты	Он грустит о солнечной земле
Јурап-јурап кунугат.	Где трава купается в тепле
Шил арјанда чечекке	Сам мороз вздыхает о весне
Та нении де имдеп ол айдат.	И весну рисует на окне
[3, с 20]	*(Перевод Г. Кондакова)*

Анализируя данное стихотворение исследователи отмечают, что «в лирической миниатюре почти физически нарисована картина ожидания весны, в ней передана щемящая грусть о навсегда утраченном тепле, и заключительные строки о морозе, вздыхающем о весне и рисующем ее на окне, перекликаются с мечтами комнатного цветка, что делает основную мысль стихотворения глубже, выпуклее» [1, с 165]. В данном стихотворении присутствует контрастное изображение противоположных понятий: тепло и холод, север и юг, снег и тропическая жара. Здесь ставится проблема своего и другого пространства, не чужого, однако отрицающего существование противоположного. Мороз вздыхает о тепле и необратимость извечного отрицания становится доминантой как этого произведения, так и всего творчества А. Ередеева.

Одним из постоянных в алтайской литературе является образ кедра, который и в творчестве А. Ередеева становится сквозным. В стихотворении «*Унчукпас мөшкө*» («Молчаливому кедру») присутствует рад традиционных символов-маркеров, характерных для алтайской литературы. Образ кедра в данном произведении перекликается с образом старого мудрого человека и становится молчаливым свидетелем уходящего времени. Олицетворение как художественный прием в сочетании с метафорическими параллелями дают четкую проекцию на человеческий образ.

Јерге бадай отурып алган	Продавив землю, сидящие,
Јеҥестү уур	Мхом поросшие, тяжелые
Туулар унчукпайт. [3, с 55]	Горы молчат.

Через традиционные символы маркеры национального образа мира поэт по контрасту отражает быстротечность времени и образ кукушки, вплетенный в художественную ткань стихотворения, и отсчитывающей время усиливает эффект тревоги.

Јебрен мөштөр	Древние кедры,
Кар јабынып,	Накрывшись снегом,
Санаага алдырат,	Погрузились в думу,
Јерди ширтейт.	Разглядывают землю.
Өйди тоолоп,	Считая время,
Јайнап, јайнап	Умоляя, умоляя
Күүк бажында	Кукушка на вершине
Үн серитпейт... [3, с 56]	Не унимает голоса.

Образы птиц становятся постоянными в лирике А. Ередеева. В стихотворении «*Күс ле келзе*» («Как только придет осень») через образы домашних и диких гусей поэт размышляет о необходимости разрыва своего знакомого пространства и открытие нового и неизведанного. Образ гусей, элегический тон стихотворения, осенняя грусть настраивают на философское осознание смысла бытия. Центральным в философской лирике поэта становится образ лебедя. В стихотворении

«Көлдөги көбүктер» («Пена на озере») основной доминантой является тема мира на земле. Пространство ночного озера наполнено миром и покоем. Образ отдыхающего озера и мирно дремлющего на волнах лебедя переданы через спокойные и мягкие тона в ритмизации строфы, которые создает и аллитерационная рифма, и повторы, и многоточия, и целый ряд метафорических аллюзий, отсылающих к гармоничной и спокойной картине.

Амырап јаткан бу көлдө	На отдыхающем этом озере
Араайын-араайын көбүктер өчөт…	Тихо-тихо погасает пена…
Јымырап јаткан бу көлдө	На подернутом рябью этом озере,
Јайканып куу түш көрөт. [3, с 9].	Лебедь, качаясь смотрит сны.

Вновь возникает образ вселенной, продолжающей свое извечное движение и образы разрывающихся пенных пузырей на озере становятся антиподом сотрясающих планету ядерных взрывов.

Араай-араай көбүктер јарылзын!	Пусть бесшумно пузырится пена,
Апагаш куу бу суда	Белоснежный лебедь на этой воде
Амыр-энчү јүзүп јүрзин! [3, с 9].	Пусть умиротворенно плывет.

Характерной чертой поздней лирики А. Ередеева становится тревожная экологическая тема. В своей автобиографии в 1996 г. он писал: «Сегодня перед нами стоят серьезные и острые вопросы о состоянии природы. Все больше человек теряет с ней связь. Это может нанести огромный вред всей планете. В моем творчестве это особое направление» [Алтайские писатели 2001: 147]. Впервые с тотальным губительным отношением к природному началу со стороны человека А. Ередееву пришлось столкнуться еще в 1960-х. Школа, в которой он работал учителем начальных классов с момента основания, работала недолго, наступили новые времена, у колхозников не стало работы и они стали переезжать. Когда-то процветающий Дьайлу остался в запустении, кроме того, в этих местах, прокладывая дорогу, вырубили деревья, что нанесло огромный вред заповедной природе.

В сборнике *«Көзимниң чогы»* («Свет мох глаз»), изданном в 1983 г. [4]. , в стихотворениях *«Јериме келеле…»* («На родной земле»), *«Төрөл суула куучын»* («Разговор с родной рекой»), *«Јеткердиң топчызы»* («Кнопка тревоги»), *«Эликке туштайла»* («Встретив косулю») и др. освящается тревога за судьбу своей родины, за планету как общий дом. Если в его ранних произведениях данная тема звучала как возможная угроза всему живому от атомной энергии, от ядерного взрыва, то в поздней лирике лирический герой видит трагический исход именно от деяний человека, от его бездумного отношения к окружающей его природе.

Итак, художественный мир А. Ередеева связан с природным началом, которое он описывает как живописную картину. Творчество А. Ередеева во многом автобиографично и это он подчеркивал в своем очерке. Особенностью лирики писателя стала яркая метафоричность и образный параллелизм. В лирике он осваивал разные лирические жанры, однако в его поэзии доминирует жанр элегического философского раздумья. В лирике поэт часто обращается к жанру лирической миниатюры, в котором автор ставит философские проблемы человеческого существования. Часто небольшие лирические зарисовки писатель объединяет в циклы, выстроенные на основе единой тематической направленности со сквозной образной семантикой. В поздней лирике поэта центральной становится экологическая тема.

Литература

1. Очерки по истории алтайской литературы / Под общей ред. С.С. Суразакова. – Барнаул: Алтайское книжное издательство,1969. 192 с.

2. Ередеев, А.Я. Эзлик: Стихи / А.Я. Ередеев. – Горно-Алтайск, 1961. – 39 с.

3. Ередеев, А.Я. Јайлуныҥ лириказы (Яйлинская лирика): Стихи/ А.Я. Ередеев. – Горно-Алтайск, 1968. – 95 с.

4. Ередеев, А.Я. Көзимниҥ чогы (свет моих глаз) : Стихи и поэмы / А.Я. Ередеев. – Горно-Алтайск, 1983. – 96 с.

5. История алтайской литературы / Под ред.Р.А. Палкиной. – Горно-Алтайск, Горно-Алтайская республиканская типография, 2004. – 552 с.

6. Киндикова, Н.М. Эволюция образной системы в алтайской лирике / Н.М. Киндикова. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 1998. 170 с.

7. Фоняков, И.Ф. От переводчика / И.Ф. Фоняков // Ередеев А.Я. Зарница / А.Я. Ередеев. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение алтайского книжного издательства, 1976. – 112 С.

8. Чичинов, В.И. Адрес поэзии – Горный Алтай / В.И. Чичинов. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1976. – 88 с.

©Дедина М.С, 2018

Жачемук З.Р.,
ведущий научный сотрудник, отдела литературы АРИГИ
г. Майкоп, Республика Адыгея

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СВОЕОБРАЗИЯ АДЫГЕЙСКОЙ ПРОЗЫ 60-90-Х ГОДОВ
(на примере творчества П. Сафера)

В течение многих лет литературоведы занимаются проблемами адыгейской литературы. Опубликовано по проблемам немало работ. Особенно большой вклад в развитие национальной литературно-критической мысли внесли М. Кунижев, А. Схаляхо, К. Шаззо, Р. Мамий, У. Панеш, Х. Тлепцерше, Т. Чамоков. Среди трудов необходимо отметить работы А. Схаляхо «Идейно-художественное становление адыгейской литературы» (1984), К. Шаззо «Художественный конфликт и эволюция жанров в адыгских литературах» (1978), Х. Тлепцерше «На пути к зрелости (1991) Р. Мамий «Вровень с веком» (2001), У. Панеш «Типологические связи и формирование художественно-эстетического единства адыгских литератур» (1990) и другие.

Пути развития адыгейской прозы 60-90-х годов отмечены к активным жанровым поискам, тематическому многообразию. Писатели пришедшие на смену прозаикам 40-х и послевоенных лет, привнесли в литературу сильную и свежую силу, одновременно вобрав в себя писательский опыт предыдущих авторов. Жанровая разновидность укрепляется в адыгейской литературе благодаря романам А. Евтыха, И. Машбаша, Ю. Тлюстена, А. Ашинова, Ю. Чуяко, С. Панеша.

Одной из характерных особенностей адыгейской литературы 60-70-х годов является успешное развитие современной адыгейской деревни, проблем личности современника. А. Схаляхо пишет: «В центре внимания многих романов и повестей, написанных в последнее десятилетие, – судьбы наших современников. Писатели в центр своих произведений ставят активно действующих героев, которые переделывают жизнь и в процессе своей деятельности сами растут» [6, с. 110]. У. Панеш утверждает, что «с появлением нового писательского поколения в общеадыгской литературе 60-70-х годов происходит значительное обновление» [5, с. 232].

Сафер Панеш – один из видных прозаиков современной адыгейской литературы, относится к поколению писателей, пришедших в литературу 60-х годов. Одной из примечательных черт творчества – это жизненная основа его произведений. Страницы его рассказов, повестей и романов все это – и страницы его жизни. Каждое его произведение освящено личным жизненным опытом. Сафер пишет о том, что хорошо знает, сам пережил, перечувствовал, с чем связана его судьба. Словом, пишет о народной жизни. Как сотруднику редакции областной газеты «Социалистическэ Адыгей» журналисту приходилось бывать везде, где и находились характеры новых людей. В произведениях Панеша получает художественное воплощение история адыгейского народа. Писателю удается нарисовать яркие типы, мудрость и самоотверженность простых тружеников. Не сторонится он острых конфликтов, драматических ситуаций. Правдиво раскрывает противоречия, показывает острые сюжеты. Х. Тлепцерше отмечает, что «ему понятны и близки чаяния селян, их заботы и радости. И это знание жизни деревни, ее тружеников, психологии аульчанина помогают ему создавать правдивые жизненные произведения, помогают верить его слову» [9, с. 138].

Проза писателя свидетельствует о широком диапазоне его жанровых и художественных испытаний. Многообразен и пестр круг ранних рассказов Сафера Панеша. Началом творческой деятельности С. Панеша считает цикл его коротких юмористических и сатирических рассказов, вошедших в сборники «Упык1ын ащ, сиблагъэ» («Крапива»,1968), «Зэмыжэгъэ хьак1эхэр» («Нежданные гости», 1972), «Къэцпэнэ 1эрам» («Букет колючек, 1979»). Подобные образцы сатирико-юмористических изображений повествовательных форм этого жанра можно найти в первых книгах рассказов Х. Ашинова «Спутники» (1956), «Свет» (1958), «Деревья на ветру» (1960).

Произведения С. Панеша лаконичные, но емкие открывают читателю индивидуальность и самобытность черт человеческого характера. Сафер Панеш умело подогревает интерес читателя к наиболее острым и злободневным проблемам героев своих рассказов. Он мастерски использует юмор в своих произведениях. Его рассказы богаты этим жанром. Например, в рассказе «Псэогъу 1ушым уедэ1у хъущт» («Умного супруга следует слушаться») С. Панеш используя безобидный и мягкий юмор, показывает бытовые сценки, острые житейские ситуации, в которых с неожиданной стороны раскрываются людские характеры. В своих героях писатель высмеивает такие пороки, как лицемерие, зависть, жадность, он ненавязчиво работает над формированием личности своего читателя. А помогают ему в этом те образы его произведений, которые наделены честностью, любовью к ближнему, милосердием, преданностью, неподкупностью. Сафер Панеш не диктует свою точку зрения, прямо не указывает на недостатки или достоинства изображаемого образа, но он показывает

человеческую жизнь во всем многообразии, чтобы могли составить наиболее полную картину его бытия и попробовать найти причины, побудившие героя к тем или иным поступкам. Острая сатира характерна в произведениях «Пир Ханеша», «Самый хороший артист», «Нежданные гости» и другие. Герои их лицемерны, недовольны. Следуя сатирическим жанрам, С. Панеш показывает их с иронией. В сравнении с ним рассказы Х. Ашинова «Гостья», «Индюк Хачмафа» «Лишний» и другие сатира не злая, а мягкая, близкая к юмору. Мамий Р. пишет, что «цикл его (С. Панеш – З. Жачемук) сатирических и юмористических рассказов в адыгейской литературе никто еще не превзошел» [2, с. 26].

В 50-60-х годов жанр повести в адыгейской литературе значительно возрос. Главным достижением и в развитии этого жанра, и в центре внимания писателей становится проблема становления новой личности. «Критерий моральной и нравственной обеспеченности личности героя А. Бочаров считает одним из главных направлений поисков современной прозы» [1, с. 248]. В художественных поисках Х. Ашинов, П. Кошубаева, С. Панеша, Ю.Чуяко в адыгейской литературе конца 60-х – начала 80-х годов повести этих писателей являются главным, и в дальнейшем возрастает. Лирическое и лироэпическое исследование проблем времени, нравственно-этические искания А. Евтыха и Х. Ашинова оказались близкими для адыгейских прозаиков П. Кошубаева, С. Панеша, Ю. Чуяко и других. Жанр лирической и лироэпической повести определил основные пути ее развития. Х. Тлепцерше пишет, что «развитие современной адыгейской повести, – нравственный аспект в исследовании действительности, раскрытии характеров и обстоятельств, становится ведущим качеством национальной прозе» [7, с. 100]. Р. Мамий, отмечает, что «…проза в целом заложила основы, которые позволяют ей и всей литературе быть вровень с веком прошедшим и достойно шагнуть в новое тысячелетие» [2, с. 55-56].

Жанровые границы рассказа расширяются и особенности новых жанровых формирований и художественно-стилевых средств проявляются и в повестях С. Панеша. Повести охватывают и по количеству событий, и по времени большой объем, чем рассказы. Они (повести – З.Жачемук) могут охватить и период войны, и тяжелые послевоенные годы; могут быть о любви, о взаимоотношениях родителей и детей, о молодежи, которая рвется в город за новыми впечатлениями, за красивой жизнью; могут быть о родном доме, о земле на которой трудятся. В повести вчерашний день неразрывно связан с сегодняшним.

Повесть С. Панеша «Ушэтып1» («Испытание», 1975) - лирическое повествование о военном детстве, пронизанное автобиографичностью в раскрытии внутреннего мира человека. Главный герой Мурат рассказывая о себе становится рассказом, о собственном опыте. В повести показывают нравственные искания становящейся личности, жизнь уготовила Мурату немало испытаний, из которых он выходит нравственно закаленным. Писателя в этой повести волнует становление характера подростка, его нравственное и духовное созревание. Вначале герой не может разобраться, что представляют из себя Олгей и его сын Сагид, кто такие Ахмет и Диду. Это обнаруживается только тогда, когда в аул приходят немцы. У Олгея и Сагида мысли одни: от жизни надо брать все при любой власти. Когда начиналась новая жизнь и создавались колхозы, Олгей нехотя вошел в него. Тем же путем шел и Сагид, бригадир колхоза. Свиду он добрый, внимательный, не забывает о своих обязанностях старца: у кого горе – посочувствует, у одинокой вдовы забор покосился – починит, общителен, умеет и любит поговорить. Но наше внимание писатель концентрирует больше на Олгее, который хочет жить лучше всех, выше других и, чтобы все прислушивались только к его мнению, шли к нему на поклон со своими просьбами и проблемами. Сагид внешне очень похож на своего отца, даже можно сказать, его копия, только он моложе и коренастей, и силы в нем больше. По одной и той же лестнице они поднимались к своим вершинам. Сафер Панеш не забывает и о пережитках прошлого, в которых прослеживается социальное неравенство в народе. От них сильно отличается Диду. Он вышел из низов общества. Четверо его сыновей погибли в Великой Отечественной войне. Когда аульчане встали на борьбу с фашистами, к Диду приходила молодежь за советом и помощью. Диду встал на путь добра и справедливости, которым и шел всегда его народ. Он стал носителем высокой нравственности. Повесть Сафера Панеша «Испытание» по своей структуре и художественному строю близка к повести Аскера Евтыха «Мой старший брат». Сходство заключается, в том, что повествование ведется от первого лица мальчика Мурата, который постепенно в ходе развития сюжета, становится взрослым. Герои Аскера Евтыха и Сафера Панеша очень близки, и это проявляется в том многообразии эмоций, впечатлений, искренности детской непосредственности, которую удалось отразить обоим писателям.

Не обходя стороной задачи и проблемы общества в современном мире, изображая в своем творчестве правду жизни, писатель в лирической прозе продвигается к высотам гуманизма.

Лирическая проза затрагивает тончайшие струны души, чтобы передать глубину внутренней человеческой культуры и показать, на какие искренние и теплые чувства способна душа человека. В поле зрения прозаика – сегодняшние заботы и тревоги аульчанина, проблемы молодежи. Таковы повести С. Панеша «Шулъэгъур нахь лъэш» («Любовь сильнее», 1984), «Ным ихьакъ» («Материнская доля»,1984). В этих повестях, автор не обходит стороной вопросы, касающиеся взаимоотношения людей, столкновения разных характеров, разных моралей, разных чувств: любви и ненависти, преданности и предательства, доброжелательности и зависти. Героев своих автор проводит сквозь наше время. Прочитав повести Сафера Панеша убеждаешься в том, что у нашего поколения те же проблемы, что и у персонажей писателя. Так же, как и они, ищем верную и чистую любовь, проявляем милосердие, восхищаемся или негодуем, возмущаемся, осуждаем…

Для человека нет ничего роднее и ближе того уголка, где он родился и вырос. Правда, некоторые могут возразить и сказать, что везде хорошо, где ты чувствуешь себя комфортно. На данную тему и размышляет писатель в повести «Псы къаргъом ыч1эгъ» («Дно прозрачной воды», 1986). Главный персонаж произведения старый Тлихудидж. Он, человек прошедший все тяготы войны и нелегкие послевоенные годы. Тлихудидж бывал во многих местах нашей страны и за рубежом. Во время войны он попал в плен, бежал оттуда в Югославию, там присоединился к партизанам и воевал с ними против фашистов. Однако, после войны его оклеветали, и он попал в тюрьму. Но, где бы Тлихудидж не находился, что бы с ним не случилось, он с тоской и любовью вспоминал свою родину, свой аул, дом у реки, в котором он вырос. Теперь он давно уже на свободе, и может каждый день наслаждаться неописуемой красотой родных мест, но горько опечален тем, что вся эта прелесть, все эти родные сердцу места скоро окажутся под водой из-за строящегося водохранилища. Как это вынести? Как пережить? Вот такие мысли стали одолевать Тлихудиджа в последнее время.

Тлихудидж никогда не пытался уйти от решения тех задач и проблем, которые вставали перед ним. Пришла война - он самоотверженно защищал свою родную землю от врагов, наступил мир – активно участвовал в налаживании мирной жизни. Он всегда принимал активное участие в общественной жизни аула.

Все жители аула уже давно переселились на новые места: кто в новый город переехал и занялся обустройством своего дома, кто в соседний аул перебрался и начал строиться. Тлихудиджа тоже ждет благоустроенный дом в новом городе, но он не спешит туда. Каждый день приезжает к нему председатель сельсовета: то по-хорошему упрашивает его покинуть аул, то ругается, то укоряет за упрямство. Но Тлихудидж непробиваем. Не поднимается у него рука, чтобы сжечь родное гнездо и оставить землю, на которой прошла вся его жизнь. Только, когда пустили воду и она начала подбираться к дому, Тлихудидж решился перевезти свои пожитки на новое место жительства. Но он так и не смог безоглядно оставить родные сердцу места: каждый день приплывал туда на лодке. Там наш герой и встретил свою смерть.

Сафер Панеш пишет, в основном, о нелегкой человеческой жизни, о том, какое нужно иметь терпение, мужество и волю, чтобы преодолеть трудности и, при этом, оставаться человеком. Все это в драматических сюжетах его произведений, в характерах героев. Противопоставляя Тлихудиджа Ахмету, автор показывает, насколько они далеки друг от друга и какая глубокая пропасть лежит между такими людьми.

Ахмет совершает коварные поступки, его не волнует такие понятия, как стыд, совесть, человечность. Когда жителей аула начинают переселять на новые места в связи с затоплением их земель, он не спешит уехать, а тянет время, остается дольше других, не потому, что ему больно оставлять родные места, а чтобы подглядеть, у кого что есть, что плохо лежит, и стащить что-нибудь, чтобы обкрадывать людей. Автор ярко рисует этот тип людей с их внешним видом и повадками, с их помыслами и поступками.

Повесть «Хым ишъхьал мэхьаджэ, е Неущ к1асэ хъущт» («Завтра будет поздно», 1998) как бы продолжение повести «Дно прозрачной воды». В ней речь идет о строительстве Краснодарского водохранилища. Многие события и коллизии имеют место в реальной жизни. В повести «Завтра будет поздно» действуют реально жившие и живущие герои и персонажи, которые легко угадываются. Здесь художественный вымысел сочетается с подлинными документами и фактами. За фактами стоят реальные люди и реальные судьбы: жены, чьи мужья медленно умирают от онкологических заболеваний; матери хоронящие молодых сыновей, работавших на чеках. С. Панеш прямо называет имена реально существовавших высокопоставленных партийных руководителей Кубани, Адыгеи, приводит факты ее катастрофических последствий – нарушения экология, разрушение среды обитания, здоровья людей. Автор в подробностях описывает технические

тонкости процесса выращивания риса на чеках водохранилища. Чрезмерное использование удобрений и ядохимикатов на рисовых полях привели к губительным последствиям, в реке Кубани и Азовском море уменьшилось количество ценных пород рыбы, ухудшилось состояние здоровья населения и всех живых существ, появились опасные болезни, рождались дети-инвалиды, увеличивалось число детей с отклонениями в умственном развитии.

В аспекте «опоздания» значимость приобретало слова Руслана, который в ауле считали полусумасшедшим. Но фраза, которую он без конца, к месту и не к месту, повторял: «Хым ишъхьал мэхьаджэ, хьаджыгъэ ти1эп, неущ к1асэ хъущт» («Мельница моря все перемалывает, муки у нас нет, завтра будет поздно») [4, с. 74]. Эта фраза стала ключевой мыслью и идеологическим лейтмотивом повести и ее названием. Х. Тлепцерше отмечает, что: «Завтра будет поздно» – это повесть-предупреждение, повествование, наполненное высоким публицистическим пафосом, пафосом правды – качество, которое присуще всей российской литературе конца 80-х – начала 90-х годов» [8, с. 366].

Жанр романа характерна для адыгейской прозы. На современном этапе происходит интенсивное обогащение жанра романа национальными художественными средствами. Поиски путей создания национального героя, объективной картины действительности привели С. Панеша попробовать свои силы в эпическом стиле, и он не боится браться за острые, злободневные темы, пишет романы «Горький мед» и «Старая рана». Актуальные вопросы аула, отразив их в разнообразных проявлениях, писатель использует множество действующих лиц.

Роман С. Панеша «Шъоу дыдж» («Горький мед»), был написан в конце 70-х годов, а увидел свет лишь в 1989 году. Р. Мамий отмечает, что «рукопись его пролежала без движения более десяти лет, из-за того, что писатель слишком остро и бескомпромиссно задел партийные и хозяйственные структуры за показуху» [2, с. 41]. Роман переносит нас к тем событиям, которые происходили в нашем обществе не так давно, к тем необъяснимым переменам, которые в корне изменили человеческое мышление, черты характера трудового народа, а также психологию властьимущих. С. Панеш сам лично был свидетелем всех этих изменений и понимал, откуда идут корни этих явлений. Акцентируя внимание читателя на произошедшие перемены, и причины, их вызвавшие, автор создал произведение, заставляющее нас задуматься над многими проблемами человеческих взаимоотношений.

Проблемы, поставленные автором, относятся к категории вечные – добро и зло, горе и счастье, бескорыстие и алчность, душевная черствость и сострадание… Типы людей, изображенных автором, существуют и сегодня, стоит только перенести их мысленно в наши дни. Есть и среди нас и Ереджиб, готовые до конца отстаивать свои принципы.

Занимая какую-нибудь высокую должность и став руководителем, сложно оставаться на уровне простых людей, сложно не возгордиться и не пытаться возвыситься над ними. Для этого надо обладать большим мужеством и широкой душой, что дано не каждому. Умение честно служить своему народу – большой труд и большое счастье. Герою романа «Шъоу дыдж», Ереджибу, казалось, что только он служит верой и правдой своему народу, а остальные – карьеристы, пользующиеся своим положением ради собственной выгоды. Вот уже много лет он работает руководителем, и ему кажется, что это справедливо, что только так и должно быть, потому что кроме него никто не справится с этой работой. Для всех, и пожилых и молодых, его слова должны быть законом, и указания исполняться беспрекословно.

По понятиям Ереджиба стоит один раз запугать человека, чтобы полностью подчинить его себе. В этом плане обращают внимание главный агроном Бамбет и бригадир Байзет, которые боятся брать на себя ответственность и откровенно говорят: «Что мы можем? Только Ереджиб вправе решать все проблемы». И бухгалтер колхоза говорит то же самое, но предупреждает Ереджиба: «…все, что ты заставляешь нас делать, когда-нибудь…», [3, с. 217] а сам продолжает поступать по указке начальства, нарушая законы и переступая через свои принципы. Вот таким образом Ереджиб смог подчинить себе всех колхозников и прибрать к рукам сам колхоз. Его основная задача использовать колхоз для своих корыстных целей. Его основное оружие – это лукавство и коварство.

В противовес Ереджибу Сафер Панеш дает образ Заура, человека доброго, честного, милосердного. Заур настоящий мужчина, не прощающий подлости, несправедливости. Писатель не раз в своем романе сталкивает образы Ереджиба и Заура, показывая две противоположные личности, два характера. Один – лжец, другой – справедлив и честен, один крепко цепляется за свое кресло, боясь потерять его, другой не гнушается никакой работы, один ни во что не ставит своих работников, другой живет ради других.

Зауру частенько говорят: «Не связывайся ты с председателем, от него можно ожидать любой подлости». Но поступками Заура движет его врожденное чувство справедливости и желание

остановить председателя, пристыдить его и указать на недостатки. Но Заур попадает в сети, расставленные Ереджибом. И не ему одному досталось, но и секретарю парткома Канамет, зоотехнику Рамазану. Всех их исключили из членов партии. Посодействовал этому Натоков – прихвостень Ереджиба. Правда, позже все прояснилось и, благодаря первому секретарю областного комитета партии, честному и справедливому руководителю, пострадавшим от клеветников вернули доброе имя. Герой романа Заур, являющийся по профессии агронома, выступает в качестве образа выполняющего особую роль в сюжетно-композиционном строе произведения. Он принимает участие в действиях, происходящих в романе, и представляет собой самостоятельный художественный образ.

Особое внимание писатель обращает и на образ Нафсет. С. Панеш посредством глубокой психологической драмы, поднимает на поверхность проблемы нравственности. Натоков, Куанчоков и им подобные действуют бессовестно, искажая правду, или истолковывая ее по-своему желанию. Тут и Нафсет избалованная всеобщим к ней вниманием, совершает недостойные для молодой девушки поступки. Ее сердце разбито из-за неразделенной любви к Зауру. Старая адыгская поговорка гласит: «Шъыпкъэр – пкъэу, пц1ыр ц1энлъагъо» («Правда – столб (крепкий стержень), а ложь скользка»). Писатель пытается правду реальной жизни перенести в творческие замыслы и связать и их воедино.

В романе немало эпизодов, где автор публицистически остро выступает против существующего режима. Острота эта заключается, как пишет Мамий Р. «в углубленном, более открытом, гласном изложении заповедных фактов сокрытия действительного положения дел в колхозе, бесцеремонных приписок, благодушия и беспечности руководителей и беспомощности рядовых тружеников и специалистов в попытке противостоять им» [2, с. 41].

При создании романа С. Панеш воспользовался в наглядном и объективном раскрытии личностей персонажей, четко видим, в какие глубины человеческих взаимоотношений заглянул писатель и как искусно передал все их тонкости с помощью образов. Искренне сочувствуем и сопереживаем героям С. Панеша, которых он проводит сквозь сложные времена и бросает в самые сложные жизненные ситуации, заставляя их делать выбор между добром и злом.

В адыгейской литературе, с освоением современной жизни, писатели не забывали интереса к прошлому народа. Роман «У1эгъэжъ» («Старая рана», 1994) историческое повествование. Сафер Панеш показывает жизнь адыгов 19 века. Писатель прослеживает историю адыгов, произведения представлен героями, принадлежащими к нескольким поколениям и к разным социальным группам адыгов. Сюжетом романа является исчезновение младенца Совчаса – сына Нальмес и Оздемира, и все события произведения связаны с этим фактом. Украденный ребенок вырастает в другой семье, называют его Айдемиром. Растет он, не зная о том, что люди, которых Айдемир считает своими родителями, являются виновниками.

Автор не торопится раскрыть тайну исчезновения Айдемира. Когда ему исполнилось 18 лет, узнал правду о своем происхождении, но он не смог простить приемных родителей. Быт и обстановка описываемого периода переданы с достаточной степенью достоверности. В романе С. Панеш показывает традиции, обычаи и особенности национальной психологии, рисует природу, красоту гор, лесов. Сюжет этого романа не надуманный, а достоверный, обоснованный исторически. Р.Мамий отмечает, что «роман свидетельствует о том, что творческая палитра С. Панеша не ограничивается современной тематикой, остропублицистическими повестями о недавней и сегодняшней жизни. Она существенно обогатилась глубоким интересом писателя к далекой истории народа» (2, с.85)

Художественное своеобразие прозы Сафера Панеша связано с видением мира и со спецификой изобразительных средств. Его прозаические произведения являются значительным вкладом в литературную жизнь адыгского народа. Успешное развитие романа, повести и рассказа лишний раз убеждает нас в том, что на современном этапе адыгейской литературы прозаические жанры остаются ведущими.

Литература

1. Бочаров А.Г. Бесконечность поиска. Художественные поиски современной советской прозы. М: Сов.писатель, 1982. -424с.
2. Мамий Р.Г. Вровень с веком. Майкоп, 2001. – 337с.
3. Панеш С.И. Горький мед. Майкоп, 1989. – 430с.
4. Панеш С.И. Завтра будет поздно. Майкоп, 1998. – 280с.
5. Панеш У. М. Типологические связи и формирование художественно-эстетического единства адыгских литератур. Майкоп, 1990. – 275с.
6. Схаляхо А.А. На пути творческого поиска. Майкоп, 2002. – 396с.
7. Тлепцерше Х.Г. На пути к зрелости. Краснодар, 1991. – 175с.
8. Тлепцерше Х.Г. Критерий – взыскательность. Майкоп, 2008. – 444с.

9. Тлепҗерше Х.Г. Его слову веришь… // Лит. Адыгея, 2000. №4. – с.138
© Жачемук З.Р., 2018

Идрисов Р.Р.,
ф.ф.к., БДУ доценты,
Өфө к., Башҡортостан Республикаһы

НАЗАР НӘЖМИ ҺӘМ ӘМИРХАН ЕНИКИ ХЕҮМӘТТӘШЛЕГЕ

“Бөек шагыйрь Нажар Нәҗми”(Марат Кәримов) заманыбызның икенче бер бөеге Әмирхан Еники белән гомере буе мәсләктәшлек нигезендә шәхси дуслык һәм иҗади хезмәттәшлектә булды. Бер-берсенең зурлыгын, әдәбиятларда тоткан урынын аңлау аларны шул галиҗәнаб әдәбиятларны тагын да үстерү өчен иҗатка дәртләндерде.

Ике әдипнең шәхси дуслыгы башкорт һәм татар әдәбиятлары дуслыгының күркәм традицияләрен дәвам иттерүче символ дәрәҗәсенә күтәрелде. Аларда, шагыйрь теле белән әйтсәк, “үлемнәрдән артып калган” дуслык әдәбият тарихын өйрәнүчеләргә мул материал бирә, яңа иҗади үрләрне яуларга чакырып тора. Бу – классикларның биниһая кыйммәт рухи мирасы һәм васыяте булып та кабул ителә.

Берсе талантлы шагыйрьне, икенчесе проза остасын, холыклары да төрле булган бу ике әдәбият титанын нәрсә якынайткан, нәрсә берләштергән, дигән сорауны куйсак, аның җавабы көтелгәннән гадирәк тә булыр иде. Ул – рухи кыйблалар уртаклыгы, күңел сафлыгы һәм кешелек биеклеге. Ягъни Кеше дигән олуг исемгә лаек булу, Кеше булу миссиясен һәркөнге яшәеш-көнкүрештә һәм хәтәр әхлакый сынауларда даими раслау һәм исбат итү.

Гасыр чикләрендә халкы һәм поэзиянең намус һәм вөҗдан бизмәненә әверелгән зыялы кешеләр иде алар. Бу рухи биеклек, аларның бәхәссез абруе, үзләре бакыйлыкка күчкәннән соң, бигрәк тә ачык күренде. Вакыт үтү белән халкына якыная барган әдипләр иде алар. Тарих моны раслаганнан раслый бара, дип әйтергә дә мөмкин. Моны алар үзләреннән соң калган классик ижат мирасы белән дә, сагындыра торган кешелек гүзәллекләре белән дә раслыйлар.

Ә бит зур иҗатны бары зур шәхесләр генә тудыра ала. Ул яктан рухи тамырлары ак күңелле Акмулла һәм тугры Тукайларга барып тоташкан бу ике әдипнең ижатларының бәхете аларның шәхесенә дә күчә кебек.

Тугандаш татар һәм башкорт халыкларының тарихына, әдәбиятына алар икесе дә зур өлеш кертте: иң авыр сынаулар дәверендә берсе “Татар теле”, икенчесе “Әйтелмәгән васыять” повестен язды. Бу әсәрләр, классик шедевлар булып, әдәбиятлар тарихы һәм ике халык күңеленә алтын хәрефләр белән язылды.

Шагыйрьнең шундый иҗатташ дусларының берсе мәшһүр әдип Әмирхан Еники булды. Бу бәрәкәтле ихлас дуслыкның сәхифәләре аларның бер-берсенә язган хатларында Ә. Еникинең соңгы әсәре “Юбилей сабаклары” эссесында сурәтләнә.

“Шагыйрь һәм шәхеснең бер бөтен булуы”н Нажар Нәҗми үзенең бер мәкаләсендә ассызыклап киткән иде [1:210] . Шуңа да күренекле язган хатлары Н. Нәҗминең әдәби дөньясының үзенчәлекләрен аңларга, шагыйрьнең ижат лабораториясе серләренә төшенергә, аның шәхес биеклеген аңларга ярдәм итә.

Н. Нәжми өлкән дусты хакында болай дигән иде:” Әмирхан Еники – минем өчен тере классик, матур сүз остасы. Әйтер идем: ул проза белән яза торган шагыйрь. Аның әсәрләре - кеше йөрәгенә ята торган әсәрләр. Моңа ул табигате белән нечкә күңелле, кешелекле булуы белән ирешә. Шул яклап ул миңа өлкән дус та, остаз да” [4:399] .

Еникинең 90 еллык юбилее хакында сүз чыккач, ул болай дигән иде:”Әмирхан абзый күңеленең колы мин. Ул минем өчен пәйгамбәр шикелле. Минем өчен зур авторитет, тере классик. Аның исеме минем өчен изге” [4:401] .

Дусты Еники исә үзенең “Юбилей сабаклары” дип исемләнгән эссесында Нажар Нәжми хакында түбәндәгеләрне яза: “Безнең танышлык та бик күптәннән килә. Мәгәр ике арадагы якынлык аеруча соңгы елларда көчәйде. Сәбәбе ачык булса кирәк: без элекке дус-ишләрне югалтып бетердек... Уфада – ул, Казанда мин ялгыз. Без хәзер бер-беребезгә мохтаж замандашлар һәм фикердәшләр... Әммма шулай да без бер-беребезне белеп бетермәгәнбез икән әле. Чынлап белү өчен, Дүртөйле кирәк булды. Мине, мәсәлән, Нәҗминең кунакчыллыгы гаҗәпләндерде. Кунакчыл булыр өчен бер дуслык кына җитми, моның өчен күңел байлыгы белән юмарт кул да кирәктер инде. Болар кешегә тумыштан бирелә. Беренче тапкыр мин Нәҗмидә шуны күрдем” [2: 471].

1984 елның 12 маенда язган хатында Ә. Еники болай ди:"Телләребез аермарак булса да, күңелләребез безнең бер. Без барыбыз да бер тамырдан, барыбыз да бөек Тукай варислары.

Йөрмәсен бәгъре өзек милләт киеп кашсыз йөзек,

Без аның бик зур фәхерле, чын бриллиант кашлары!

Тукайның бу алтын сүзләре бер үк дәрәҗәдә сезгә дә, безгә дә кагыла – шулай түгелме?" – ди ул [3:443].

Шул ук рухи туганлык хакында Еники 1990 елның 20 гыйнваренда язган хатында да искә ала:"...безнең йөрәкләр бертөслерәк тибә, башлар бертөслерәк уйлый дип ышанам. Бу хат та шуның бер дәлиле булсын!" [3:443].

1997 елның 20 ноябрендә язылган хатында әдип шагыйрьнең бөеклеген икрар итә:"...синең ике халык әдәбиятына бер үк дәрәҗәдә чын ихластан хезмәт итүең, бигрәк тә татар язмышын тирән аңлап, киләчәктә татарның үзеннән дә алдарак кыю яклап чыгуың сине, бик күпләрдән аерып, бөтенләй яңа бер биеклеккә күтәрде. Бу җәһәттән кемнең кем булуын тарих әле үзе әйтер" [3:444].

Шул ук хатында Еники аксакал әдип фикерен дустына җиткерә:" Минем байлыгым – иҗат ияләре. Шулар белән аралашу, фикердәш булу минем өчен иң зур юаныч иде. Ни кызганыч, алар да бик аз калды шул инде..." [3:444].

Н. Нәҗми 1999 елның 1 гыйнваренд а Еникигә язган хатында алар арасында булган эчкерсез дуслыкның асылын болай билгели:" безнең дуслык (әгәр дә шулай дияргә ххокукым булса), Аллага шөкер, күбрәк иҗатка, әсәрләргә карата булган тойгыларга бәйле...нигездә безнең дуслык әсәрләр аша күңелләрнең кавышуына бәйле",- ди ул [3:182].

Еники дә яшь дусты Нажар Нәҗмине бик югары бәяли. Һәм иң соңгы "Юбилей сабаклары"әсәрендә аңа да кагылган фикерен әйтә:" ... Кеше кирәк!.. Яхшымы-начармы яшәр өчен кеше кирәк. Дөньясы шулай корылган... Миңа фикердәшләр кирәк иде. Бу – җан таләбе... Фикердәш белән серләшеп кенә түгел, бәхәсләшеп тә була, әмма дуслык кала.

Мин үземә фикердәшләр таптым. Бәхетемдер инде, алар һәммәсе дә бик ышанычлы, затлы кешеләр иде... Мине хөрмәт итүче яхшы кешеләр бар чагында, мин дә озаграк яшәрмен төсле. Фәрештәнең "Амин!" дигән чагына туры килсен иде" [2:478] .

Соңгы әсәренең соңгы җөмләсен ул дусты исеме белән тәмамлый:" Һуштан яздырырлык бу хәбәрнең тәэсирен мин язып тора алмыйм. Тик бер генә нәрсәне беләм:Нажарның үлеме минем үз авыруымны гүя бермә-бер көчәйтте. Яшәүнең гүя мәгънәсе калмады..." 2:479 .

Шулай итеп, Н. Нәҗми башкорт әдәбияты кысаларына гына сыеп калмыйча, Акмулла, Тукай, М. Гафури, Ш. Бабичларның бәрәкәтле традицияләрендә яңа гасырлар чикләрендә ике халыкның сөекле шагыйре биеклегенә күтәрелде. Сирәк әдипләрнең өлешенә тигән бәхет ул. Бу инде рус теленә тәрҗемә ителгәнгә генә "популярлык" казану дигәннән күпкә мәртәбәлерәк.

Шул олуг миссияне аңлау Н. Нәҗмигә дөньяга караш киңлеге, иҗатта тирән фәлсәфилек һәм нечкә лириклыкка ирешү өчен киң юллар ачты. Шагыйрь үзенчәлекле "икенче сулыш" белән иҗат итте һәм, зур мирас тудырып, Башкортстан һәм Татарстан әдәбиятының йөзек кашына әверелде. Бу бөеклеккә ирешүендә ул башка бөекләр белән бер сафта булуыннан зур канәгатьлек, горурлык һәм юаныч тапты.

Әдәбият

1.Нәҗми Н. Күңел сәхифәләре. – Өфө: Башкортстан "Китап" нәшриәте. 1999. – 320 бит.

2. Еники Ә. Әсәрләр: 5 томда. – 5 том: публицистик язмалар, мәкаләләр. – Казан: татар. кит. нәшр., 2004. – 479бит.

3. Нәҗми Н. Милли җаным:мәкаләләр, истәлекләр, хатлар, шигырьләр, поэма/ идея авт. Һәм төз. Р. Миңнуллин. – Казан:Татар. кит. нәшр.. 2011. – 479бит.

4. Идрисов Р. Ак күңелле шагыйрь/ Нәҗми Н. Милли җаным:мәкаләләр, истәлекләр, хатлар, шигырьләр, поэма/ идея авт. Һәм төз. Р. Миңнуллин. – Казан:Татар. кит. нәшр.. 2011. –Б. 396-403.

© Идрисов Р.Р., 2018

Иҙелбаев М.Х.,
филология фәндәре докторы, профессор-консультант, БДУ,
Өфө ҡ., Башҡортостан Республикаһы

БАШҠОРТ АУЫҘ-ТЕЛ ҺҮҘ ОҘТАЛАРЫ ҠАНУНДАРЫ ҺӘМ МӘХМҮТ СӘСӘН

Халҡыбыҙ күңеленә "сәсән" тигән һүҙ төрлө яклап ныҡлап һеңгән. Ата-бабаларыбыҙ уны төрлө мәгәнәлә ҡулланган, һәр бер мәгәнәһен үҙенең телмәренә был һүҙҙе яратып, тәрән ихтирам менән индергән.

Сәсәндең беренсе, иң киң мәғәнәһе йор һүзлелекте аңлата. Көндәлек тормошта тәбиғәттән бирелгән тапҡыр һүҙ, үткер аҡыл, образлы телмәр менән һөйләшкән кешеғә ҡарата, ижадсы булмаһа ла, "сәсән телле" тип әйтәбеҙ.

Ошо уҡ сифаттарҙы үҙендә туплап, өҫтәүенә халыҡ ижады репертуарын һәйбәт белгән, уның төрлө жанрҙарын яттан һөйләй алған, йыйыу менән шөғөлләнгән, үҙе лә һүҙ сәнғәте өлкәһендә ижадҡа маһир булған, фольклор фондын үҙ әҫәрҙәре менән байыта алған кешеғә ҡарата ла "сәсән" һүҙе ҡулланыла. Әммә ул, ижадтан биҙерәк, башҡарыусылыҡ менән күберәк шөғөлләнгән. Быныһы – икенсе мәғәнә. Ундай типтағы һүҙ оҫталары донъя ауыҙ-тел әҙәбиәте тарихында борондан билдәле. Урта быуаттарҙа Франция һәм Анғлиялағы ил ғиҙеүсе йырсылар – жонглерҙар, менестрелдәр – үҙҙәре ижад итеүҙән биҙерәк, трубадур һәм труверҙарҙың әҫәрҙәрен халыҡ араһында таратыуҙы өҫтөн күргән. Боронғо ғәрәп шиғриәтенең иң ғүзәл өлгөләре быуаттар буйы равийҙар – яттан башҡарыусылар хәтерендә һаҡланып килгән. Рус сказителдәре лә элек-электән фольклор репертуарын башҡарыусылыҡ менән кәсеп иткән.

Ә өсөнсө, төп мәғәнәһе ысын профессиональ ауыҙ-тел ижадсыларын күҙ уңында тота. Аҙаҡҡы ике мәғәнәнең айырмаһы тәү карамаҡка әллә ни ярылып ятмай һымаҡ. Был төркөмдәрҙә ингәндәрҙең икеһе лә "сәсән" ҡушаматына лайыҡ. Улар ысын сәсәнлек сәнғәтенең ике дәрәжәһен кәүҙәләндерә. Береһе, ижадҡа һәләтле булһа ла, халыҡ ижады традициялары тирәһендә "йөрөй", профессионаллыҡҡа дәғүә итә алмай, икенсеһе (төп мәғәнәһендәге сәсән) – оло фиғура, ижадында индивидуаллек һыҙаттары ярылып яткан әҙип, сәйәсмән, тарихта ҙур эҙ ҡалдырған шәхес.

XVI–XVIII быуаттар башҡорт сәсәндәренең беҙгә билдәлеләре һәр саҡ ил ғиҙеп, халыҡ араһында йөрөгән. Уларҙың, тимәк, бер урында төпләнеп, йорт, хужалыҡ эше менән шөғөлләнергә иҫәбе лә, ваҡыты ла булмаған. Үҙҙәренең бар тормоштарын ижадҡа, ижтимағи-сәйәси эшкә – халыҡҡа хеҙмәт итеүгә арнағандар. Сәсәндәрҙең ил ғиҙеүе – донъяны яҡындан танып белеү, шуны һүҙ сәнғәтендә сағылдырыу менән бергә, үҙ ижад емештәрен тыңлаусыларға еткереүҙең бер ысулы ла. М.Буранғолов әйтмешләй – "ваҡытлы матбуғаты" [3, 38]. Яҙмала, баҫмала таралыуға иҫәпләнмәгән импровизациялар тыңлаусы алдында авторҙың үҙе тарафынан, йыш ҡына музыка ҡоралы һәм көй менән башҡарылған хәлдә ғәнә үтемле төҫ алған. Импровизацияларҙа күтәрелгән мәсьәләләргә ярашлы рәүештә, бер юлы аңлатыу-тәрбиә эше лә алып барылған. Ни тиклем күберәк йөрөп, йышыраҡ сығыш яһаһаң, һинең һүҙең халҡыңа шул дәрәжәлә киңерәк тарала. Сәсәндең профессиональ ижадсы икәнлеге уның телмәрендә үк сағыла: әҙәби (төрки) яҙма телдән дә, диалекттар теленән да айырыла. Яҙма телдән ябай, сит һүҙҙәрҙән азат, ә диалект (йәки бер ырыу) теленән өҫтөн. Өҫтөн, сөнки сәсән ил ғиҙеп күп йөрөп, халыҡ менән даими аралашыу арҡаһында бүтән ырыуҙар һөйләштәрен дә үҙләштергән, башҡорттарҙың дөйөм йәнле һөйләү телен камиллаштырыуға үҙ өлөшөн индергән. Сәсән һүҙе һәр саҡ ябай катламға, хеҙмәтсән массаларға төбәлгән. Ә улар йәмғиәттә ифрат ҙур күпселекте тәшкил итә. Хандар, ил-йорт хакимдары, ғәскәр башлыҡтары менән аралашҡанда, уларға кәңәштәр биргәндә лә сәсән бары тик шул күпселекте -- халыҡ мәнфәғәттәрен күҙ уңында тотҡан.

XVI – XVIII быуаттарҙа, Башҡортостанда сәсәнлек сәнғәтенең сәскә атҡан ваҡытында ижад иткән Ҡобағош, Аҡмырҙа, Ҡарас, Байыҡ Айҙар, Мәхмүт сәсәндәрҙең, Салауат Юлаевтың исеме халыҡ хәтерендә мәңгелеккә уйылып ҡалған.

Мәхмүт сәсән Байыҡ Айҙарҙың шәкерте булған. XVIII быуатта йәшәгән, Ҡараһаҡал менән Батырша болалары ваҡытында сәсәнлек даны халыҡ араһына таралып өлгөргән. М. Буранғолов яҙыуынса, Мәхмүт "сәсәнгә хас иң төп сифат – ул бер ваҡытта ла һүҙен тура мәғәнәлә әйтмәгән, ә йомоп, кинәйәләп әйткән". Тимәк, XVI–XVIII быуаттарҙағы башҡорт, ҡаҙаҡ профессиональ ауыҙ-тел ижадсылары үҙләштергән п рофессиональ оҫталыҡ дәрәжәһенә күтәрелеп еткән, тиҙгән һүҙ. Мәхмүт сәсән тураһындағы мәғлүмәттәрҙе М.Буранғолов 1912 йылда хәҙерге Ейәнсура районы Иҫәнғол ауылында Миңлемырҙа Сәйетовтан яҙып алған һәм "Мәхмүт сәсән" тиҙгән исем менән үҙенең ауыҙ-тел һүҙ оҫталары тураһындағы ҡулъяҙма йыйынтығына индергән (2, 137–139; 3, 60–65 – артабанғы ҡитаталар, шиғри өҙөктәр ошо сығанаҡтарҙан алынды). "Бер байҙың ике ҡыҙы, Мәхмүт исемле бер улы булған. Ул "Әүеш күле" йәйләүендә тыуған, "Яу күле" йәйләүендә үҫкән", – тиелә унда. Әгәр Ауышкүл менән Яуғүл икән, хәҙерге Учалы һәм Баймаҡ районы ерҙәре тураһында һүҙ бара. Атаһы бай һәм комһоҙ кеше булған, "хатта, көтөүсе ялларға мал кыҙғанып, йылкыһын улынан, ныйыр, һарыҡтарын ҡыҙҙарынан көттөргән". Өлгөрөп килгән яу файҙаһына аттарын бирергә йәлләп, бөтөн мал-тыуарын ҡаҙаҡ далаларына ҡыуып алып китә. Буласаҡ сәсән атаһы артынан эйәреүҙән баш тарта, тыуған илендә ҡалып, ихтилалда ҡатнаша. "Бай балаһы булһа ла, йәштән көтөүселәр менән аралашҡанға күрә, Мәхмүт телгә оҫта, ҡурай уйнауға, әкиәт һөйләүгә маһир булған". Сәсән, йәнәһе,

“аты-туны булһа ла, ат менән йөрөмәгән: йәйен йәйәү, ҡышын саңғы менән йөрөр булған. Шуға күрә уға “Йәйәүле Мәхмүт” ҡушаматы ҡушҡандар, ти”.

Мәхмүттең әҙәби мираҫы ни бары 60-лап юл самаһы. Атаһы ҡаҙаҡ далаларынан әйләнеп ҡайтҡас, ихтилалда ҡатнашмағанлығын иҫәпкә алыптыр инде, уны старшина итеп тәғәйенләп ҡуялар. Ошо шатлыҡлы ваҡиға айҡанлы ул ҙур “йыйын-туй” йыя, унда ҡурайсылар, йырсылар, сәсәндәр ҡатнаша. Йыйындағы ҡунаҡтарға мөрәжәғәт итеп, Мәхмүт тә үҙенең импровизаңияһын – ике шиғри йомағын әйтә. Уға яуап табылмай, “тапҡандары ҡурҡып әйтмәгән”. Шунан һуң сәсән үҙе яуап бирергә мәжбүр булған. Был – башҡорт ауыҙ-тел шиғриәтендә һорауын да, яуабын да автор үҙе шиғри сығарма менән әйткән берҙән-бер осраҡ. Тәүҙә Мәхмүт халыҡҡа йомаҡлы һүҙҙең әһәмиәтен аңлатып биреүҙе хуп күрә:

Йомаҡ, йомаҡ тигәс тә,
Һөткә туғып, табаға
Ҡоймаҡ ҡойоу түгел ул.
Йомаҡ өйгән – һүҙ йыйыр,
Йөн йомғаҡтай йомарлап,
Һүҙ әсендә уй торор.

Тәүге йомаҡ һаран, ҡомһоҙ бейҙең булмышын тасуирлап бирә. Бей йөҙөндә атаһын күҙ уңында тотоп, Мәхмүт уны “ҡурғаштан да тосораҡ”, “ҡараңғы төндән дөмөрәк” тип атай. Атаһы йортондағы үҙенең тормошон тар итеҡ эсендәге аяҡ менән сағыштыра:

Аяғын ҡыҫҡанға – итектән дә,
Бикләнгәнгә – ситлектән дә
Бүтән тарлыҡ бар микән?

Икенсе бер йомаҡта бейҙең шул ҡомһоҙлоғо, мәрхәмәтһеҙлеге миҫалында һәр ата-әсәнең балаға ҡарата тиңһеҙ һөйөүе хаҡында һүҙ йөрөтөлә:

Ата – әсә – балаһын,
Бала – әсә, атаһын
Бере лә һылыуын һайламаҫ,
Һөйөр, һүнмәҫ, ташламаҫ.

Мәжлескә йыйылған халыҡҡа ул аҙаҡҡы йомағының кәкүккә һәм атаһына ҡағылмауын әйтеп һала. Шул рәүешле, атаһы менән бәхәстең төп ерлеген асып бирә. Тәү ҡарамаҡҡа ике яҡын кешенең үҙ-ара ғына ыҙғышы һымаҡ күренһә, асылда иһә Мәхмүттең һүҙе сәсәндәр ижадына хас ҙур соңиаль мәғәнә ала. Мәхтүттең әйтеште хәтерләткән ошо бәләкәй ғенә ижади өлгөһө аша ла сәсәндең үҙ ваҡытында танылған һүҙ оҫтаһы булғанлығын күрергә мөмкин.

Башҡорт музыкаль фольклорының хәҙерге репертуарында “Йәйәүле Мәхмүт” тигән көй ҙа бар, уның авторлығы Мәхмүт сәсәнгә ҡайтарып ҡалдырыла. Тимәк, остазы Байыҡ Айҙар шикелле, ул да йыр жанрына мөрәжәғәт итер булған. “Йәйәүле Мәхмүт”тән тыш, тикшеренеүселәр араһында “Аҡмәсет”, “Түрәкәй”, “Перовский”, “Төйәләҫ”, “Һары ла сәс” йырҙарының ижад ителеүен уның исеме менән бәйләүселәр бар. Иғтибар итһәк, уларҙың барыһы ла тиерлек XIX быуатта сығарылған. Быны нисек аңларға: Мәхмүт сәсән XVIII быуатта йәшәгән, Байыҡ Айҙарҙың шәкерте булған, тинек бит? Артабанғы тикшеренеүҙәргә урын бар.

Баймаҡ районының Басай ауылында тыуып үҫкән атаҡлы ҡурайсы Кәрим Дияров (1910 -- 1986) яҙып алған бер риүәйәттә Мәхмүт сәсән хәҙерге

Баймаҡ районынын Төрөкмән ауылында XIX быуатта тыуған, Башҡорт-мишәрҙәр ғәскәрендә хеҙмәт иткән, Коканд походында (1852, 1853) ҡатнашҡан, йәйәүләп батшаға барып еткән, шуның өсөн халыҡ уны “Йәйәүле Мәхмүт” тип атаған, тип әйтелә [1, 323 -- 327]. Риүәйәт, ниғеҙҙә, тулыһынса ярлы көтөүсе егет Мәхмүттең Санкт-Петербургҡа йәйәү сығып китеп, батша янында ҡурай уйнап, бер нисә көн ҡунаҡ булғас, батша бүләк иткән затлы арбаға өс ат егеп әйләнеп ҡайтыуын әкиәткә хас итеп тасуирлай. Әгәр ысынлап та ошондай ваҡиға була ҡалһа, уның ваҡыты, батшаның исеме, башҡа мөһим деталдәр ентеклерәк, теүәлерәк итеп бирелер, оло ваҡиға булып тарихта уйылып ҡалыр ине. Ә бында исеме илгә таралған мәшһүр һүҙ оҫтаһын, арҙаҡлы шәхесте нисек тә үҙ заманыңа, үҙ төбәгеңә яҡынырак итеп күреү теләгә ярылып ята.

Тимәк, XVI –XVIII быуаттарҙа йәшәгән һәм ижад иткән барлыҡ ауыҙ-тел һүҙ оҫталарын, шул иҫәптән Мәхмүт сәсәнде лә, ныҡлап өйрәнгән М. Буранголов мәглүмәттәре ысынбарлыҡҡа яҡынырак булып сыға.

Әҙәбиәт

1. Башҡорт халыҡ ижады. Риүәйәттәр һәм леғендалар /Төҙөүсеһе, инеш мәҡәлә һәм аңлатмаллар авторы Ф.А. Нәҙершина. – Өфө: Башҡ. кит. нәшр. 1980.

2. Башҡорт халыҡ ижады. Эпос. Өсөнсө китап /Төҙөүсеһе, инеш мәҡәлә һәм аңлатмалар авторы Н. Т. Зарипов. – Өфө: Башҡ. кит. нәшр., 1981.

3. Буранғолов М. Сәсән аманаты: Халыҡ ижады һәм ижадсылар тураһында, туй йолалары, боронғо йырҙар һәм леғендалар, ҡобайырҙар. –Өфө: Китап, 1995.

© Иҙелбаев М.Х., 2018

Иҙелбаев М. Х.,
филология фәндәре докторы, профессор-консультант, БДУ,
Өфө ҡ., Башҡортостан Республикаһы

ЗӘЙНӘБ БИИШЕВА – БАЛАЛАРҒА

Сабый ҡайһы бер әҙиптәрҙең исемен иҫ белә башлағандан уҡ хәтерләй. Беҙҙең балалыҡ йылдарыбыҙҙа әкиәт һөйләшеү киң таралған ине. Балалар өсөн ғәзит-журналдар булмағанда, төпкөл ауылдарға радио килеп етмәгән, телевизорҙың нимә икәнен дә белмәгән заманда әкиәт беҙгә мәктәпкәсә йәштәрҙә төп мәғлүмәт, донъяны танып белеү сараларының береһе булды. Борон-борон замандарҙа өс, ете, ун икешәр башлы дейеүҙәрҙе тылсымлы көс менән еңә алған батырҙар ысынбарлыҡта йәшәгән, улар хаҡында ата-бабаларыбыҙ телдән телгә еткергән, тип күҙ алдына килтерә инек. Донъябыҙҙы онотоп, иҫебеҙ китеп тыңлаған бик күп әкиәттәребеҙҙең береһе «Ел, ел арбам» була торғайны. Уҡырға төшөрҙән байтаҡҡа алдараҡ ошондай уҡ исемле китапты күреп, уны Зәйнәб Биишева тиҙгән апай яҙғанын белгәс, әкиәт хәтлем әкиәтте бер кеше уйлап сығара ала микән ни, тип хайран ҡалғайным. Ул үҙе миңә әкиәт ҡеройҙарынан да юғарыраҡ тойола башланы.

Мәктәп тупһаһына аяҡ баҫҡас, был яҙыусының исеме исеме күңелгә тағы ла нығыраҡ һеңә барҙы. Гәжәп түгел, Зәйнәб апай ижадының сәскә атҡан ваҡыты, моғайын, беҙҙең быуындың мәктәп йылдарына тура килгәндер. Башланғыс кластарҙың «Туған тел» дәреслегенә инҙән шиғырҙарын яратып уҡыуыбыҙҙы әйтеп тә тормайым. Илленсе йылдарҙың икенсе яртыһында уҡыусы балалар тормошона арналған өс әҫәр киң билдәле ине, ҡулдан ҡулға йөрөтөп уҡылды. Улар — Н. Носовтың «Витя Малеев мәктәптә һәм өйҙә» повесы, В. Осееваның өс китаптан торған «Васек Трубачев һәм уның иптәштәре» романы һәм З. Биишеваның «Дуҫ булайыҡ» повесы. Тәүге икәүһе беҙҙең яҙыусыларыбыҙ тарафынан башҡорт теленә тәржемә ителгәйне. Өсөһөнөң дә башланғыс класс балалары өсөн күләме ҙур икәнлеген дә һиҙмәнек; киреһенсә, яратҡан ҡеройҙарыбыҙ менән тиҙ ҡенә хушлашмаҫ өсөн, был китаптарға ҡабат-ҡабат әйләнеп ҡайта инек. Биҡерәк тә «Дуҫ булайыҡ» күңелдәребеҙгә яҡын булды, айырыуса көслө тәьҫир итте — үҙебеҙҙең телдә, үҙебеҙҙең Башҡортостанда ижад ителгән. Өҫтәүенә, әллә ҡасандан таныш, әкиәт ҡеройҙарына бирҙеһеҙ данлыҡлы авторҙыҡы. Миңә калһа, был китап яҡын дуҫыма әйләнде, иң тоғро дуҫтарым да ошо әҫәр персонаждары араһында йөрөй һымаҡ ине. Әҙибәнең үҙенә ҡарата ҡыҙыҡһыныу артҡандан-арта барҙы. Мәктәп һәм ауыл китапханаларынан уның «Партизан малай» повесын, ошо әҫәр ниҡеҙендә яҙылған «Дуҫлыҡ» пьесаһын, «Гөлъямал» шиғри повесын табып уҡыным. Саҡ ҡына һуңыраҡ — «Гөлбәҙәр» драматик поэмаһы, «Сәйер кеше», «Уйҙар, уйҙар...» повестары донъя күрҙе. 1956 йылдың май айында «Совет Башҡортостаны» ғәзитендә тәүге тапҡыр «Кәмһетелгәндәр» романының өҙөктәре баҫыла башланы. Миңә — өсөнсө класс уҡыусыһына ла — аңлайышлы телдә яҙылған был әҫәр, хәтерләйем, Баймаҡ районының төпкөл ауылы халҡы өсөн үҙе бер оло ваҡиға булды. Берҙән, утыҙынсы йылдар репрессияларынан һуң саҡ ҡабат аяҡҡа баҫып килгән дәүер әҙәбиәте өсөн һәр яңы роман, ысынлап та, ваҡиға ине. Өҫтәүенә, «Кәмһетелгәндәр» ҡеройҙарының замандаштары өсөн унда һүрәтләнгән осор — быуат башы, Беренсе донъя һуғышы, Октябрь һәм февраль революциялары, Граждандар һуғышы йылдары хәл-ваҡиғалары, Байғилде ағай ғаиләһе яҙмышы кеүек үк, үтә таныш, яҡын ине. Тиҙҙән роман «Әҙәби Башҡортостан» журналында сыҡты, 1958 йылда уҡыусы уның алһыу тышлы тәүге баҫмаһын ҡулына алды. Ошоларҙың барыһы ла бер баланың мәктәп йылдары эсендә тормошҡа ашырыла.

Әҙибә ижадының ысын мәғәнәһендә сәскә атҡан сағы... Ә емеш биреү осоро, әлбиттә, ул йылдарға ғына һыймай. Артабан Зәйнәб апай романды трилогия итеп эшләй, үҙәгендә Емеш образы торған өс китаплыҡ эпопеяның ике вариантын яҙыуға ирешә.

«Дуҫ булайыҡ»ты ҡат-ҡат уҡыған саҡта авторҙың үҙен дә мәктәп йылдарында уҡ күрергә насип булыр, тип башыма ла килтермәгәйнем. Өфөләге 1-се республика башҡорт интернат-мәктәбендә тел һәм әҙәбиәт уҡытыусыһы Сажидә Хәмәтйәр ҡыҙы Зайлалова күренекле яҙыусыларҙы йыш саҡыра торғайны. Зәйнәб Биишева менән осрашыу «Кәмһетелгәндәр» романы буйынса уҡыу конференцияһы рәүешендә үткәйне. Балаларҙың алдан әҙерләнгән сығыштарынан һуң авторҙың үҙенең һәр һүҙен йотлоғоп тыңланыҡ. Романдың яҙылыу тарихы хаҡында уҡыусыларға мауыҡтырғыс итеп һөйләне ул.

Мине, серле әҙәбиәт донъяһына аяҡ баҫырға хыял йөрөтөргә баҙнат иткән үҫмерҙе, яҙыусының бер фекере хайран ҡалдырғайны. «Бер Байғилденең образын тыуҙырыу өсөн тормоштағы йөҙ Байғилдене өйрәнергә тура килгәндер, бәлки», — тиғәйне ул. Автобиографик әҫәр. Емештең прототибы — Зәйнәб апай үҙе, Байғилденеке — атаһы. Шул атаһының тормошон ғына күсереп биреп булмаймы икән ни, тип аптырағайным. Нәфис әҫәр яҙыуҙың ни хәтлем ҡатмарлы икәнен уҡыусыларға ошо һүҙҙәре менән ғенә матур итеп төшөндөрөп бирҙе лә ҡуйҙы әҙибә. Аҙағырақ, Башҡорт дәүләт университетында уҡығанда, студенттар менән осрашыу өсөн миңә уны өйҙәренә барып алып килергә тура килде. Юлда һөйләшкән арала, ҡунағым ижад серҙәренә ҡағылышлы тағы бер фәһемле һүҙ әйтеп һалды: «Сәйер кеше» повесын яҙыу өсөн көнбайыш әҙәбиәтендәге әллә күпме новеллаларҙы уҡып сығырға тура килде».

Ваҡыттар үтә килә, яҡын таныш күреп, әҙибәнең өйҙәренә барып, сәғәттәр буйы һөйләшеп ултырған саҡтар булды. Яҡынданырақ белгән һайын инана барҙым — бер минең ғенә түгел, меңәрләгән уҡыусыларҙың яратҡан яҙыусыһы ул. Мул ижадының төрлө жанрҙарҙағы әҫәрҙәренең һин быҙаса уҡып өлгөрмәгәндәрен башҡалар тулҡынланып иҫкә ала, тәьсирләнеп һөйләй — уҡымаҫ ерҙән уҡырһың. Мәктәп дәреслектәренә ингән шиғри һәм сәсмә текстарын, биҙерәк тә «Һөнәрсе менән Өйрәнсек», «Мөхәббәт һәм нәфрәт» хикәйәттәрен уҡытыусылар өлгөлө асыҡ дәрестәр, конкурстар өсөн һайларға ярата.

Зәйнәб Биишеваға «Башҡортостандың халыҡ яҙыусыһы» исеме бирелеү айҡанлы үткәрелгән тантанала Өфөнөң «Нефтселәр» мәҙәниәт һарайы шығырым тулы булды. Ысын мәғәнәһендә бөтә халыҡ байрамына әйләнде ул. Яңы ғына булдырылған ошо ҙур исемде Башҡортостан яҙыусылары араһынан иң беренсе булып алыу — әкиәт ғеройҙарынан, тылсымлы көстәренән өҫтөн батырлыҡҡа тиңдәш. Эйе. Зәйнәб апайыбыҙҙың исеме һәм ижады — һәр кемдең, бөтә халыҡтың күңел түрендә.

© Иҙелбаев М.Х., 2018

Исмәгилева Н.С.,
Бөрйән районы Байназар урта мәктәбенең башҡорт теле һәм әҙәбиәте уҡытыусы,
Башҡортостан Республикаһы

ФӘНИҮӘ ИСХАҠОВА ИЖАДЫНДА ФАНТАСТИКА ЖАНРЫ

Фәниүә Исхаҡова – хәҙерге башҡорт әҙәбиәтенең сағыу вәкилдәренең берене. Үткән быуат аҙаҡтарынан әҙәбиәтебеҙгә үҙенең серле донъяны сағылдырыусы, изгелек һәм әхлаҡи сафлыҡ кеүек ҡиммәттәрҙе үҙәккә ҡуйған үҙенсәлекле ижад емештәре менән прозабыҙға аяҡ баҫҡан әҙибә бөгөнгө көндә уҡыусыларҙың һөйөүен яулаған, тиҫтәләгән ижад емештәре менән олпатлы, дәрәжәле ҡәләм оҫтаһы булып танылған яҙыусы.

Фәниүә Исхаҡова Башҡортостандың Учалы районы Көсөк ауылында тыуған. Һәләтле замандашыбыҙҙың ижад һуҡмағы «Башҡортостан пионеры» ғәзитенән башлана. Ике баҫманың да йәш хәбәрсеһе мәктәп тормошо, район яңылыҡтары хаҡында мәҡәләләре менән бер рәттән бик матур шиғырҙары, мауыҡтырғыс әкиәттәре аша тиҫтерҙәренә таныш ине. БДУ-ла уҡыу йылдарында ижадҡа ныҡлап һәм ентекле тотона. «Шоңҡар» әҙәби берекмәһенең әүҙем ағзаһы була. Тиҫтерҙәренең әҫәрҙәрен тикшерәләр, ваҡытлы матбуғатта сығыш яһайҙар. Университет тормошонда ҡайнап йәшәү ыңғай һөҙөмтәләр бирә. Өсөнсө курста уҡығанда «Ер әйләнә» тиғән поэмаһын тамамлаһа, артабан студент йылдарында уҡ «Ваҡыт аты», «Аҡ ҡылғандар» лиро-эпик поэмалары донъя күрә. Торарақ поэтик фекер көсөн тойған, образдар менән оҫта эш итә белгән Фәниүә Исхаҡованы проза өлкәһе ныығырақ ҡыҙыҡһындыра башлай. Хис-тойғолары, ижади фекерҙәре шиғриәткә ғенә һыймағандай тойола. Ҡәләме үҙенән-үҙе әҙибәне сәсмә әҫәрҙәргә тарта. «Таң алдынан ҡайтырмын» тип аталған тәүге повесын яҙып, 1991 йылда «Ағиҙел» журналында баҫтыра. Тап ошо әҫәр башҡорт прозаһында яңы ижадсыны таныта. Еғерме биш йәшлек Фәниүә Исхаҡоваға повесть ярайһы уҡ уңыштар алып килә, ә уҡыусылар һүҙе ҡанатландырып ебәрә.

Халҡыбыҙҙағы сәм тау аҡтарырлыҡ көскә эйә. Фәниүә Исхаҡова ла тәүге уңыштарынан башы әйләнеп китмәй, дәртләнеп яңыһына тотона. Кеше эҙенән, таҡыр һуҡмаҡтарҙан йөрөргә яратмаған ижадсыға үҙенә ғенә хас юлды табыу еңелдән булмай. Эҙләнә, береһе лә йөрөмәгән һуҡмаҡты табасаҡмын, тип сәмләнә. Ике тиҫтәгә яҡын ижад дәүере эсендә Фәниүә Исхаҡова киң ҡатлам уҡыусыларҙың һөйөүен яуалаған “Кеше-күсермә” романын яҙа, “Мәңгелектең бер миҙгеле” исемле хикәйәләр һәм повестар йыйынтығын сығара. Балалар тормошо ла яҙыусы өсөн ят өлкә түгел. «Аҡ тәңкәләр яуған төн ине» китабына балалар һәм үҫмерҙәр өсөн повестар ҡиклы һәм хикәйәләре тупланған. Уларҙа автор мауыҡтырғыс балалар донъяһының иң ҡыҙыҡлы һәм ғәжәп мәлдәрен әҫәрҙәрендә ҡуллана.Һуңғы осорҙа әҙибә “Аҡ һәм ҡара” тиғән исемле трилогия яҙа.

“Кеше-күсермә” романындагы барлыҡ ваҡигалар сылбыры Айвар образы тирәләй ойоша. Әҫәрҙең төйөнләнеүе лә Айваррҙың күсермәһе барлыҡҡа килгәндә башлана. Айвар Гөлүзәһенең тыуган көнөнә тип ашҡына, үкенескә ҡаршы, самолет һуңлай. Ә килеп еткәндә һөйгәнен йортоноң ишек алдында икенсе егет ҡосоп тора. Игтибарлап ҡараһа, ул үҙенә оҡшаган кеше булып сыға. Айваррҙың башы әйләнә, бер ни аңламай. Тәүге тапҡыр күсермәһе менән осрашыуы ошо була. Күсермә Айваррҙың юлына арҡыры төшкән ҡара бесәй кеүек аҙым һайын үҙен белгертеп, һагалап тора. Күсермәне иң тәүҙә һөйгәне янында осраштырыу – авторҙың билдәләрлек уңышы. Сөнки ҡаршылыҡ төйөндәрен гаилә мөхитендә башлау – һәр яҡлап коллизияны киҫкенләштерә генә. Айваррҙың ике һын булып йөрөүе һөйгәненән, эшенән дә биҙҙерә. Гөлүзә генә түгел, был серҙе Айвар үҙе лә төшөнөп етә алмау сәбәпле, бер-береһен һөйгән йәштәр мәңгегә айырылыша. Айваррҙың үҙ асылын аңларға тырышыуы Асраровҡа килтерә. Әлбиттә, был эш аҙнага һуҙыла һәм Айвар ҡабат ҡалага ҡайтҡанда күсермәһе байтаҡ эштәр эшләп өлгөргән була. Ҡыҙганыс һәм көлкөлө ваҡигаларға ла дусар була Айвар ошо хәл арҡылы.

Икенсе киҫәктә төп герой менән урман төпкөлөндә осрашабыҙ. Әҫәрҙең төп ҡаршылыҡ ептәре лә тап ошо бүлектә ҡырҡыулаша, киҫкенләшә төшә. Айвар Асраров ярҙамында үҙ күсермәһен тотошлай буйһондороп ала. Тик быға бер нисә шартты үтәү мотлаҡ: йәне тәненән айырылып сәйәхәткә киткән саҡта, тыныс ҡалган тәнде кеше күрергә тейеш түгел. Әгәр ҙә башҡалар күрҙе икән, йән тәнгә ҡайта алмай, мәңгегә айырыласаҡ. Бер уйлаһаң, Айвар урман төпкөлөндә йәшәй, һәләкәткә илтеүсе ҡурҡыныс та юҡ кеүек. Һунарсы йортон тогро эте Аҡморон һаҡлай, бер генә әҙәмдең эҙҙәрен дә өйгә баҫтырмай. Айвар урманда тәбигәттең бер күҙәнәге кеүек килешеп, ярашып һәм уны барлыҡ бәләләрҙән ҡурсалап йәшәй. Ул урмансы булып эшләй башлагандан алып, бер генә лә браконьерлыҡ язаһыҙ үтмәй йәки булмай тиерлек. Сөнки Айваррҙың рухы бәлә-ҡазаны алдан күрә белә һәм унан ҡотҡара ла. Романда һүрәтләнгән хайуан образдары ла бик колоритлы. Әйткәндәй, халыҡтың рухи донъяһын яҡтыртҡан боронго әкиәттәрҙә лә хайуан, йәнлектәргә бихисап урын бирелгән. Һуңғы осорҙағы Н. Мусиндың «Йыртҡыс тиреһе», Т. Гарипованың «Бөйрәкәй», М. Искәндәрҙең «Ҡомаҡтар», С. Айытматовтың «Плаха» әҫәрҙәрендә кеше һәм хайуандар донъяһы йәнле һүрәтләнеүе бик уңышлы булды. Шуға ла Ф.Исхаҡова Аҡморон, Йөнтәҫкәй (айыу) образдарын киңерәк һәм тәрәнерәк һүрәтләһә лә хилаф булмаҫ ине.

Урмандағы ваҡигаларҙың күбеһендә Айваррҙың рухы хәрәкәтләнә, ә тәне икенсе планға күсә. Урманда агасҡа бәйләп ҡалдырылган Айгөл менән осрашыу герой тормошоноң аҫтын-өҫкә килтерә. Ҡыҙҙы ул ҡотҡарып ҡына ҡалмай, ә уны солгап алган бар мәшәкәттәргә баштан-аяҡ сума. Яуыз көстәр менән көрәшкә инә. Айгөлдөң атаһы Назаровтың ҡиммәтле һыҙмалары юғалыуы, уларҙы Стас етәкселегендә Хәмит менән Миңлегәли урлауы әҫәргә ниндәйҙер детектив элементтар өҫтәй. Нәҡ ошо ваҡигаларҙан башлана ла инде Айваррҙың һәм уның күсермәһенең көрәше.. Автор ысынбарлыҡтан алыҫ торган, ижади хыял ярҙамында барлыҡҡа килтерелгән фантастик образдың төрлө ҡаршылыҡтарҙағы хәрәкәтен асыҡлай. К. Әхмәтйәнов билдәләүенсә: «Фантастик образдар теге йәки был дәрәжәлә тормошҡа һәм ысынбарлыҡҡа бәйле була, ҡайһылыр ягы менән реаль тормошто сағылдыра», – тиелә. Романда Айвар ауылдағы янғынды һүндергәндә ҡарсыҡҡа ярҙам итеүе, намыҫлыҙ һатыусының ысын йөҙөн асыуы, үлем түшәгендә ятҡан әбейҙең хәлен улына еткереүҙәре һәм башҡа күренештәр төп сюжет һыҙығына өҫтәлмә рәүештә генә күрһәтелә. Айвар – күсермәнең был ярҙамдары үҙен фажиғәгә илтә лә. Төп геройҙың психологияһын, булмышын һүрәтләгәндә, уның гаиләһенә сәйәхәте, өләсәһендә йәшәгән саҡтары сюжет һыҙығына индерелә. Айвар һәм ата-әсәһе мөнәсәбәттәре аша тормоштағы социаль мотивтарҙы һыҙыҡ өҫтөнә ала. Айвар һәм Айгөл араһындағы бәйләнештәр образдарҙы киҫкен ситуацияларҙа ғына түгел, ә ғәҙәти көнкүреш планында ла тулы, колоритлы итеп һүрәтләй. Тәүҙә Айвар, Гөлүзә һәм Айвар-күсермә араһында мөхәббәт өсмөйөшө барлыҡҡа килһә, һуңынан Айвар, Айгөл, Стас мөнәсәбәттәре лә характерҙы һәр яҡлап асыуға булышлыҡ итә. Автор әҫәргә индергән һәр персонажды үҫтерә, хәрәкәттә күрһәтә. Уның Гөлүзәһе лә тиҙ генә сюжет һыҙығынан юғалмай, әҫәрҙең аҙағында Айвар менән осраша.

«Кеше-күсермә» романында кешенең йәне һәм тәне араһындағы позиция төп урынды алып тора. Ҡыҙыҡ: Айвар үҙе икегә бүленә ала, әммә бер кеше булып ҡына йәшәү мөмкинселеге юҡ. Образдың үҙендә үк нигеҙле ҡапма-ҡаршылыҡ ята. Айвар өйләнә алмай, сөнки уның йәнһеҙ тәнен кеше күрһә, йәне ташлап китәсәк. Ә үҙе йоҡлаган саҡта, уның ихтыярынан башҡа йән төрлө урындарға сәйәхәткә китә. Шуға ла Айгөл менән тормош ҡора алмай. Ә Айвар ябай кеше булып йәшәргә, ғәҙәти тормошҡа ҡайтырға ынтыла. Тик, үкенескә ҡаршы, өлгөрә алмай, һәләк була. Йәне, һыуға батып барған балыҡсыны ҡотҡарам тип, ярҙамға ынтылғанда, Стас етәкселеғендәге кешеләр урмансы өйөнә баҫып кереп, тәнен күргән саҡта, мәңгегә күккә оса. Һуңынан рух ер йөҙөнән мәңге китер өсөн Айғөлдө оҙаҡ осрата алмай. Ни тиһәң дә, мөхәббәт һәр нәмәнән дә өҫтөн. Шул көйөнсә

генә югалырга тейеш түгел. Романдагы һуцгы юлдар ҙа быны иҫбат итә: “Ҡасан да булһа осрашасаҡ улар. Ләкин уныц Рухына тиц булыр өсөн, ус төбөнә һалып кешеләргә йөрәгенец йылыһын илтергә бурыслылыр. Ғүмер үтә оҙон да, үтә ҡыҫҡа ла. Кеше китһә, барыһы ла бөтә, тип уйламагыҙ. Башлана гына...»

Ғөмүмән, фантастик роман жанр булараҡ ҡына яцылыҡ килтермәне, ә композицион яҡтан да йыйнаҡ һәм темаһы мауыҡтыргыс. Тормоштоц мәцгелек ҡанундары булган Изгелек менән Яуызлыҡ көрәшен төрлө кимәлдә психологик тәрәнлектә һүрәтләүе авторга мәртәбә генә өҫтәй.

Әҙәбиәт

1. Аҙнаголов Р.Ғ. Яҙыусыныц серле донъяһы // Сәйләндәрем төҫлө-төҫлө. – Өфө: Китап, 2007.
2. Хөсәйенов Ғ. Йәш фантаст ижадына бер ҡараш // Шоцҡар. – 2000. –№1.
3. Әхмәтйәнов К. Әҙәбиәт теорияһы. – Өфө: Китап, 2003.

© Исмәгилева Н.С., 2018

Ишмуратова Л.Н.,
к.ф.н., доцент БашГУ,
г. Уфа, Республика Башкортостан

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА: ПРЕДМЕТЫ ПЕРВОЙ НЕОБХОДИМОСТИ ЧЕЛОВЕКА В ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ РУССКОГО И БАШКИРСКОГО ЯЗЫКОВ

Национальные особенности восприятия людьми мира, различные способы мышления и интерпретации языковой и неязыковой действительности, специфика языковых картин мира наиболее ярко высвечиваются на фоне сопоставления лексики различных языков, поскольку именно при помощи лексических средств языка человек стремится передать свои знания, впечатления и мироощущение.

Сопоставительные исследования разноструктурных языков в настоящее время утверждается как одно из центральных направлений в лингвистике. Анализ в таком плане позволяет выявить общие тенденции развития языков как способа отражения мира, показать уникальность и национальное своеобразие каждого из них.

Сопоставительный анализ системы номинации предметов и явлений окружающего мира в таких разноструктурных языках, как башкирский и русский, несомненно, выявляет универсальные и индивидуальные свойства языков в членении и категоризации объективной действительности. Универсальные свойства обусловливаются единством окружающего мира и единством человеческого мышления благодаря единой системе органов чувств человека.

Называя тот или иной предмет объективной действительности, люди использовали названия других предметов, в том или в ином отношении с ними связанных или соотносительных; в результате этого слова назывались по тому признаку, который казался достаточно характерным для того, чтобы отличить их от других. Такими признаками, по которым предметы первой необходимости человека получали свои названия, может быть форма, цвет, функция, сходство с чем-либо и другие внешние или внутренние свойства.

Нами проведён сопоставительный и этимологический анализ лексических единиц со значением «Предметы первой необходимости» в русском и башкирском языках.

Часто в словах обоих языках мотивированной основой выступает глагол или глагольная форма.

Так, слово ***пила*** (русск.) и ***бысҡы*** (башк.) в значении «стальная зубчатая пластина для разрезания дерева, металла, камня и других материалов» образовано от глагола *пилить* и *бысыу*. От этого же глагола образовано слово ***бысаҡ*** – нож в значении «предмет для резания, состоящий из лезвия и ручки». Наблюдается некая взаимосвязь в обозначениях орудий труда, связанных с действием *пилить*.

Слово ***коса*** (русск.) и ***салғы*** (башк.) в значении «сельскохозяйственное орудие – изогнутый нож на длинной рукоятке для срезания травы, злаков), образовано от глагола *косить* и *салыу*.

Слово ***грабли*** (русск.) и ***тырма*** (башк.) в значении «сельскохозяйственное орудие – насаженная на длинную рукоять колодка с зубьями для сгребания сена, для рыхления земли», образовано от глагола *грабить* (в значении «сгребать в одну кучу) и *тырматыу* (сгребать).

Слово ***сеялка*** (русск.) и ***сәскес*** (башк.) в значении «машина для посева семян сельскохозяйственных культур и трав с заделкой их в почву на необходимую величину» образовано от глагола *сеять* и *сәсеү*.

Слово ***сверло*** (русск.) и ***быраў*** (башк.) в значении «насаженное на рукоятку металлическое орудие для рубки с лезвием и обухом» образовано от глагола *сверлить* и *бурыу*.

Слово ***грелка*** (русск.) и ***йылыткыс*** (башк.) в значении «прибор для согревания, обогревания» образовано от глагола *греть* и *йылытыу*.

Частичное совпадение внутренней формы наблюдается в словах ***коромысло*** (русск.) и ***көйәнтә*** (башк.) в значении «предмет для ношения двух вёдер на плече), они образованы от существительного *койо* (колодец), буквально «ходить с коромыслом на колодец»; а русское *кора* (брус) и *омыс* (нагружать) означает «вогнутый брус для ношения поклажи».

Слово ***очки*** (русск.) и ***күзлек*** (башк.) в значении «оптический прибор из двух линз, а также защищающих глаза стекол, прозрачных пластин, вмонтированных в полумаску» образовано от сущ. *очи* и глагола *күреү*.

Слово ***рубанок*** и ***йышкы*** в значении «столярный строгальный инструмент в виде деревянной колодки с широким, наклонно поставленным лезвием внутри» образовано от глагола *рубить* (в значении «строгать») и *йышыу* (строгать).

Слово ***ключ*** (русск.) и ***асҡыс*** (башк.) в значении «металлический стержень с особой комбинацией вырезов для отпирания и запирания замка» в башк. образовано от глагола *асыу* (открывать).

Слово ***серп*** (русск.) и ***ураҡ*** (башк.) в значении «ручное орудие – изогнутый полукругом мелко зазубренный нож для срезывания злаков с корня» образовано от глагола *урыу*. От этого же глагола образовано слово *ургыс*. Для предметов, напоминающих по форме серп, используют синоним *ураҡ*. Например: *ураҡай* – полумесяц. Или загадка про петуха: *Башы – тараҡ, койрого – ураҡ* (дословно: на голове гребешок, а на хвосте серп).

Слово ***расчёска*** (русск.) и ***тараҡ*** (башк.) образовано от глагола *расчесать* и *тарау*.

Выбор свойства для номинации чаще всего бывает субъективен. Поэтому в разных языках одни и те же предметы могут называться по их разным признакам, и таким образом выявляется национально специфический, присущий только данному народу компонент субъективной внутренней формы.

Так, слово ***лопата*** (русск.) в значении «ручное орудие для копания, сгребания с рукояткой и широким плоским отточенным концом» образовано от древнерусского *"лопа"*в значении «широкая как лист», а ***көрәк*** (башк.) в том же значении от глагола *"көрәү"*(копать); в основу номинации в обоих языках положены разные признаки: форма и действие.

В башкирском языке слово ***йоҙаҡ*** в значении «приспособление для запирания чего-нибудь ключом» получило своё название по сходству его с кулаком – *"йоҙроҡ"*; а русское ***замок*** в том же значении образовано от глагола *"замкнуть"* (при нахождении «за» чем-то надежным).

Слово ***проволока*** (русск.) образовано от глагола *"волочить"*, буквально «металлический пруток, изготовленный методом волочения», а слово ***тимерсыбыҡ*** (башк.) образовано из двух основ: *"тимер"* – железный, *"сыбыҡ"* – прут.

Слово ***коньки*** (русск.) в значении «узкие стальные полозья, прикрепляемые к обуви для катания на льду» образовано от существительного *"конь"* и названы по форме и функции (ранее, как правило, полозья спереди украшались фигурками, похожими на лошадиную голову); слово **тимераяҡ** (башк.) состоит из двух основ: "тимер" – железный, "аяҡ" – нога, ноги, буквально – «железные ноги».

Слово ***костыль*** (русск.) образовано от слова *"кость"*: название, видимо, объясняется костяным набалдашником или тем, что он служил заменителем поврежденной кости; а в башкирском языке этот предмет называется ***ҡултыҡтаяғы*** (***ҡултыҡ*** – подмышки и ***таяғ*** – палка), что дословно переводится как *"палка для подмышки"*.

Слово ***зонтик*** заимствовано в XVIII веке из голландского языка, в котором *zondok* – «покрышка от солнца» является сложным – *zon* – «солнце», *dok* – «покрышка», а башкирское слово ***ҡулсатыр*** в том же значении (*ҡул* - рука, *сатыр* -шатёр, крона) названа так по аналогии с шатром.

Слово ***карандаш*** в значении «тонкая палочка графита, вделанная в деревянную оболочку и употребляемая для письма, черчения и рисования)» образовано путём сращения двух тюркских слов *ҡара* – чёрный и *таш* – камень (в русском языке слово переоформлено на *даш*), что и определило его название; а башкирское ***ҡәләм*** произошло от арабского слова *"qalam"* (карандаш).

Молочный продукт *простокваша* получил такое название, потому что закв***а***шивается простым способом, а *катык* (тоже простокваша из кипяченого молока) получил свое название от тюркского глагола *катырга* – «твердеть».

В тюркских языках густая вареная сметана *каймак* получила своё название от глагола *кайырырга* (по баш. «отделять»), а русское слово *сметана* (молочный продукт из кислых сливок) образовано от глагола *сметать* в значении «сгребать, собирать в кучу», поскольку сметану снимают, собирают с отстоявшегося молока.

Башкирское национальное блюдо *баурсак* (кусочки теста, обжаренные в масле) получило свое название по форме, напоминающей печень (орган) – *«бауыр»* (по башк. «печень»).

Слово *кабартма* (вид блинчика из кислого теста) образовано от глагола *кабарырга* (по башк. «подниматься»).

Слово *коймак* (вид оладий из жидкого теста) образовано от глагола *койорга* (по башк. «наливать», «лить»; при приготовлении коймака жидкое тесто льют на сковороду).

По треугольной форме получил свое название пирожок с мясом и картошкой – *учпучмак* из тюркского языка, где *уч* – «три» и *почмак* – «угол».

Заимствованное из тюркского языка слово *салма* (суп с лапшой) образовано от глагола *салырга* (по башк. – «класть» лапшу в суп).

Слово *курага* (сушёные абрикосы без косточек) образовано от глагола *куру* (по баш. «сушить»).

Слово *айран* (напиток из кислого молока, разбавленный водой) в значении то, что отделяется от молока после сбивания, образовано от глагола *«айырырга»* (по башк. – «отделять»).

Заимствованное из тюркского языка слово *чак-чак* (род сладкого, восточного блюда) получил свое название от звукоподражания *чак-чак* (тук-тук) по стуку ножа при нарезке (рубке) теста на кусочки.

Таким образом, сравнивая средства обозначения в разных языках, сопоставляя соотносительные номинации и принципы наименования различных реалий, мы познаем национальное своеобразие этих языков и выявляем, как работает механизм языкового сознания их носителей.

Литература

1. Ибрагимова В.Л., Фаткуллина Ф.Г. Отражение межкультурного взаимодействия в башкирской и русской языковых картинах мира //Язык и культура: проблемы соотношения и взаимодействия в полиэтническом пространстве Всероссийская научно-практическая конференция (с международным участием), посвященная 80-летию академика АН РБ М.В. Зайнуллина: в 2-х частях. – 2015. – С. 100 – 106.

2. Ишмуратова Л.Н. Занимательный русский язык (Рекомендовано МО РБ): учебное пособие для учащихся и учителей. – Уфа: ГУП «Уфимский полиграфкомбинат», 2004. – 141 с.

3. Ишмуратова Л.Н., Галлямов А.А., Силиванец А.В. Занятия, образ жизни, традиции башкир (на материале краеведения): учебное пособие по развитию устной речи нерусских студентов. – Уфа: РИО БашГУ, 2003. – 112 с.

4. Русско-башкирский словарь. – В 2 томах /Под редакцией З.Г. Ураксина. – Уфа: Башкирская энциклопедия, 2005.

5. Фаткуллина Ф.Г. Отражение национальной языковой картины мира в реалиях Башкортостана //Актуальные вопросы межнационального взаимодействия и межкультурной коммуникации в образовании: материалы Городской науч.-практ. конф. Москва, 24 ноября 2014 г. – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – С. 190 – 197.

6. Этимологические словари русского языка (Преображенский А.Г., 1958; Фасмер М., 2007; Черных П.Я., 1999; Шанский Н.М. и Боброва Т.А., 1997; Цыганенко Г.П., 1989; Волина В.В., 2000; Аникин А.Е., 2007; Глинкина Л.А., 2009; Крылов Г.А., 2009; Рут М.Э., 2009; Шаповалова О.А., 2010; Шапошников А.К., 2010; Белкин М.В., Румянцев И.А., 2011; Федорова Т.Л., 2012 и др.).

© Ишмуратова Л.Н., 2018

Кажигалиева Г.А.,
профессор КазНПУ им. Абая, г. Алматы, Республика Казахстан

ВОПРОСЫ ВУЗОВСКОГО ПОЛИЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ

Издание статьи осуществлено в рамках научного проекта AP05130793 «Компетентностно-коммуникативная модель языковой подготовки будущих педагогов-предметников в полилингвальных образовательных условиях Казахстана» (*Протокол заседания Национального научного совета РК по приоритетному направлению «Научные основы «Мәңгілік ел» (образование XXI века, фундаментальные и прикладные исследования в области гуманитарных наук)» №1 от 17 января 2018 г.*)

Сегодня, в мире, стремительно меняющемся под воздействием глобальных вызовов XXI века, в мире, мобильном, динамичном, полиязычном и мультикультурном, никого уже не нужно убеждать в актуальности проблемы сопряженности языков, в важности и необходимости поиска в образовательной сфере эффективных и жизнеспособных программ языковой подготовки обучающихся. Сегодня именно полиязычие является действенным инструментом подготовки молодого поколения в условиях взаимосвязанного и взаимозависимого мира. Поэтому вполне закономерным стало устойчивое использование понятия *полиязычное образование* и в современном казахстанском образовании, содержание которого включает «систематизированные знания, умения и навыки в области родного и государственного языков, а также в области одного или нескольких иностранных языков в соответствии с межкультурной парадигмой современного языкового образования» [4]. Казахстанское многоязычие структурируется на: «родной язык, который закрепляет осознание принадлежности к своему этносу, казахский язык как государственный, владение которым способствует успешной гражданской интеграции, русский язык как источник научно-технической информации, иностранный и другие неродные языки, развивающие способности человека к самоидентификации в мировом сообществе» [4]. Сегодня в Казахстане реализуется Дорожная карта развития трехъязычного образования на 2015-2020 годы: осуществляется поэтапный переход на английский язык обучения, наряду с функционирующими уже казахским и русским, в системе школьного (старшее звено) и вузовского образования. В 2016 году открыт Центр развития трехъязычного образования в Национальной академии образования им. И. Алтынсарина; разработан график поэтапного перехода на английский язык обучения в старших классах школы и вузах; с 2017 года начат прием по госзаказу в профильную магистратуру (500 мест (с 2017 по 2020гг.), бакалавриат (900 мест (с 2017 по 2020гг.) для обучения на английском языке; с 2012 года в 32 казахстанских вузах открыты полиязычные группы.

Актуализация *полиязычного образования* в современном казахстанском образовании строится, помимо всего прочего, и на учете фактора поликультурного социума, каковыми можно считать многие современные государства, включая и Казахстан. Учет фактора полифонизма реального языкового общения в языковом образовании позволяет воспитывать у обучающихся толерантность в отношении представителей других культур. Толерантность – ключевое понятие в европейской концепции образования: «Толерантность образованного человека понимается при этом не только как вынужденная терпимость, но и как признание другого мировоззрения как равноправного, осознание собственных границ, признание другой личности и культуры в качестве необходимого условия обогащения своего собственного существования в современном мире, в котором осуществляется постепенное сближение различных народов» [1, с. 60-61]. То есть учет поликультурного социума, культурообразующая концепция языкового обучения превращает процесс обучения языкам в межкультурное обучение, в «обучение пониманию чужого».

Таким образом, в Казахстане, как и в других странах мира, обучение языкам строится на принципах полилингвальности и поликультурности; соответственно в преподавании, к примеру, казахского (во всех его трех ипостасях: родной, неродной, иностранный) его культурологическая составляющая является определяющей. Межкультурное обучение языкам в Казахстане основывается на четком осознании своеобразия родного языка и родной культуры через понимание самобытности изучаемой лингвокультурологической системы. Актуализируется в этом случае также тезис о том, что личное знание учащихся формируется в том социокультурном и этническом контексте, в котором развивается личность, что через диалог с другими культурами, этносами происходит обогащение личного опыта обучаемого. То есть полиязычное образование создает возможность для такого диалога, для осознания неисключительности нашего взгляда на мир, для осознания того, что другой язык – это ключ к взаимопониманию.

В целом в преподавании языков в Казахстане (во всех трех ипостасях: родной, неродной, иностранный) формируются поликультурные пространства, создающие условия для полилога культур, трех типов; рассмотрим это на примере русского языка: **I.** Обучающийся в школе/вузе с русским языком обучения вступает в полилог: а) с родной (русской) культурой, представляющей исходный источник – изучаемый родной (русский) язык и б) с казахской культурой, представленной в русском языке как его казахстанском варианте. **II.** Учащийся школы/вуза с казахским языком обучения вступает в полилог: а) с русской культурой, представляющей исходный источник – изучаемый неродной (русский) язык и б) с родной (казахской) культурой, представленной в русском языке как его казахстанском варианте. **III.** Иностранный учащийся будучи носителем родной культуры вступает в полилог: а) с русской культурой, представляющей исходный источник –

изучаемый иностранный (русский) язык и б) с казахской культурой, представленной в русском языке как его казахстанском варианте.

Далее хотелось бы остановиться на вопросе о том, как осуществляется полиязычное образование в рамках преподавания казахского языка / русского / английского в качестве общеобразовательных дисциплин на 1-х курсах всех институтов нашего вуза. Специфика полиязычного образования в данном случае заключается в том, что соответствующий язык является не только предметом изучения, но и средством освоения специальных знаний. Так, казахский язык, изучаемый студентами русского отделения, становится дополнительным языком, отличным от родного, на котором обучающиеся осваивают терминологию по избранной специальности, анализируют профессионально ориентированные тексты. Указанная специфика характеризует и преподавание русского языка на казахском отделении, а также третьего (английского) языка на обоих отделениях.

Указанные три языковых учебных курса направлены на развитие у обучающихся: а) коммуникативных навыков; б) навыков получения, в том числе профессионально ориентированных знаний, на протяжении всей жизни; в) функциональной грамотности.

При этом в преподавании казахского языка на русском отделении, русского языка на казахском и английского на обоих отделениях ключевыми, сквозными, являются приемы согласованного использования языков: параллельный перевод (с русского языка на казахский и наоборот; с казахского языка на английский и наоборот и т.д.), обобщение информации на родном языке, а также переход с языка на язык.

Учебный процесс в рамках преподавания указанных дисциплин осуществляется на основе уровневой модели обучения иностранному языку с учетом условий компетентностного подхода по четырем видам коммуникативно-речевой деятельности. В этом случае практические цели полиязычного языкового образования представлены следующим образом: 1) развитие коммуникативной компетенции студентов в родном и изучаемом неродном / иностранном языке; 2) овладение предметным знанием с использованием трех языков (родного /неродного / иностранного); 3) развитие у учащихся способности получать дополнительную информацию из разных сфер функционирования неродного / иностранного языка; 4) формирование и совершенствование межкультурной компетенции студентов.

В процессе обучения казахскому, русскому и английскому языку как общеобразовательным и профессионально ориентированным курсам важным является принцип изучения неродного языка / иностранного не вместо родного, а вместе с родным, с опорой на родной язык, в органической связи с ним. На наш взгляд, только при таком подходе возможно становление гармоничного полиязычия. Соблюдение указанного принципа в полиязычном образовании способствует, на наш взгляд, формированию сбалансированного полиязычия, а значит полиязычной личности, одинаково свободно осуществляющей коммуникативно-деятельностные акты на изучаемых (трёх) языках.

Итак, основная отличительная черта обучения общеобразовательным языковым дисциплинам — подход к изучению соответствующего языка как к средству овладения избранной специальностью. То есть в этом случае учебно-профессиональная сфера общения становится ведущей, поскольку формирование профессионально-коммуникативной компетенции – это основная цель преподавания указанных курсов. Считаем также необходимым здесь отметить тот факт, что в казахстанской научно-методической литературе, авторами которой являются, в том числе и преподаватели нашего института филологии и полиязычного образования, получили описание и социально-бытовая, и общественно-политическая, и административно-правовая, и социально-культурная сферы общения. Благодаря этому, а именно наличию характеристики сфер общения обучающихся, актуальных для соответствующих профилей обучения, определено содержание обучения для разных специальностей, имеющихся в классификаторе КазНПУ им. Абая.

Таким образом, содержание профессионально ориентированного обучения трем языковым дисциплинам отличается совмещением предметного и языкового компонентов во всех звеньях образовательного процесса; язык определяется как средство приобщения к миру профессионально-специальных знаний, а также как средство усвоения культурно-исторического и социального опыта стран и народов, государственные языки которых изучаются.

Теперь хотелось бы в практической плоскости рассмотреть особенности полиязычной подготовки студентов вуза в рамках одной из указанных выше общеобразовательных языковых дисциплин – русском языке. Безусловно, обучение языкам в полилингвальном контексте и в рамках концепции полиязычия требует и определенных трансформаций в используемой лингвометодике, подбора и введения в образовательный процесс оптимальных технологий, методов и приемов. В

настоящей статье речь пойдет об интегративных возможностях проектной и контекстной технологий, используемых в полилингвальных условиях преподавания русского языка как неродного студентам-нефилологам.

В рассматриваемой нами дидактической интеграции один из двух интегрированных компонентов, вполне логично и закономерно, представляет контекстное обучение. Последнее – это форма активного обучения, ориентированная на профессиональную подготовку студентов и реализуемая посредством системного использования профессионального контекста, постепенного насыщения учебного процесса элементами профессиональной деятельности [2]. Под «профессиональным контекстом» здесь понимается совокупность предметных задач, организационных, технологических форм и методов деятельности, ситуаций социально-психологического взаимодействия, характерных для определенной сферы профессионального труда [2]. То есть содержание контекстного обучения (русскому языку), формы и приемы его подачи, его принципы являются профессионально маркированными. Дидактический материал состоит из: профессионально ориентированных текстов, профессионально-коммуникативных задач, профессионально значимых речевых ситуаций; заданий на составление примерных словников, представляющих профессиональный тезаурус специалиста; профессионально ориентированных вопросов и заданий, позволяющих проводить проверку исходного, промежуточного и достигнутого уровней профессионально-коммуникативной компетенции студентов-нефилологов.

В целях активизации дидактических возможностей указанного контекстного обучения мы интегрировали последний с проектной технологией, под которой нами вслед за Е.С. Полат понимается совокупность приемов, творческих по самой своей сути, позволяющих в определенной их последовательности реализовать данный метод на практике, достичь создания конкретного продукта [3]. Следующие основные характеристики проектной технологии оптимально соотносятся с качествами контекстного обучения: а) интегративность (оптимальный синтез знаний, умений, навыков для решения обозначенной проблемы); б) проблемность (разрешение проблемной ситуации, которая обусловливает начало активной мыслительной деятельности, самостоятельности учащихся); в) контекстность (приближенность к будущей профессии студентов, осознание места дисциплины, в рамках которой выполняется проект, в общей системе научно-практической парадигмы); г) личностная ориентированность (особое внимание к личности студента, ориентация на развитие самостоятельного творческого, продуктивного мышления) [5]. Эти качества проектной технологии способствуют, как показала наша практика, оптимальной реализации дидактических возможностей контекстного обучения русскому языку именно в активно-деятельностном, практико-прагматическом аспекте. В качестве реализационного поля для нашей интеграционной идеи были избраны пространство и процесс художественно-проектной деятельности: осуществление проекта-фестиваля «Диалоги о феномене моды» с участием студентов 1-х курсов казахского отделения, главным образом, института искусств, культуры и спорта, а также института естествознания и географии КазНПУ им. Абая. Мода как универсальное социально-психологическое, культурное явление транслирует собой вкус, настроение эпохи, является важным механизмом прогресса, и она актуальна для каждого из нас вне зависимости от нашей профессии, социального, гендерного статуса и возраста. И в этом ее феномен.

Указанный проект-фестиваль «Диалоги о феномене моды» включал в себя много составляющих, мы остановимся из-за ограниченных объемов статьи, главным образом, на одном из них: *премьерная демонстрация модной одежды и аксессуаров, подготовленная студентками специальности «Дизайн» (специализация – дизайн одежды*): студентки подготовили, сами продемонстрировали коллекцию вечерних платьев под названием «Весенние мотивы», а также представили на фестивале профессиональное описание изготовленных ими моделей одежды на казахском, русском и английском языках.

Готовя премьерную демонстрацию коллекции вечерних платьев «Весенние мотивы» студентки, будущие дизайнеры одежды, еженедельно выступали на одном из занятий по русскому языку (15-20 минут отводилось рубрике «Проект») с сообщением, в котором информировали аудиторию о выполненном по проекту за неделю, о трудностях, сложностях своего продвижения в работе над проектным заданием. При этом студенты группы являлись не просто пассивными «воспринимателями» информации, они определялись в качестве «группы поддержки» исполнителя проекта и должны были «словом и делом» также помогать ему в выполнении задания: на занятии это выражалось в формулировании «нужных», уточняющих вопросов к студенту-участнику проекта, генерировании идей и т.д., что, безусловно, отмечалось со стороны преподавателя бонусными баллами. Помимо всего прочего, вышеуказанным образом нами обеспечивалось единство аудиторной

и внеаудиторной работы в рамках контекстного обучения русскому языку студентов института искусств, культуры и спорта. Внеаудиторная работа была связана, главным образом, с самостоятельной работой студентов-участников, с подготовкой ими порученного им конкретного раздела проекта, с консультациями с автором настоящих строк, как руководителем проекта, а также со специалистом по дизайну одежды, преподавателем профильной кафедры института искусств, культуры и спорта. Так, первоначально студентки продумывали концепцию коллекции, подбирали модели, которые отвечали бы избранной концепции; затем подбирался материал для конкретной модели коллекции. При этом регулярно происходил обмен мнениями студенток друг с другом, затем их с вышеназванными преподавателями; уточнялись, менялись первоначальные подходы, обозначались новые; нередко процесс вырисовывания контуров будущей коллекции осуществлялся в дискуссионных условиях, что, важно отметить, позитивно сказывалось на продвижении всех нас к обозначенному результату. Студенткам приходилось регулярно заниматься проблемно-поисковой деятельностью, дающей «толчок» мышлению, новым идеям. Проблемные ситуации вскрывали трудность познавательного материала и пробуждали «исследовательскую активность» обучающихся, что в целом служило их творческому саморазвитию, продуктивному вхождению в профессиональную среду, эффективному решению ими возникавших регулярно творческих профессиональных задач. И в этих условиях творческого создания конкретного продукта и в процессе активной познавательной деятельности русский язык играл системообразующую роль, с учетом родного (казахского) языка, с опорой на него, а также с учетом английского языка. Особенно это касается части подготовки студентками словесного профессионального описания-представления на казахском, русском, английском языках подготовленных ими моделей одежды. Данная часть началась после того как девочки уже сшили задуманные ими наряды. Они получили задание в течение недели представить компактное профессиональное описание своих моделей на трех языках. Этот период отмечался координацией деятельности уже преподавателей русского (ведущего в данном проекте), казахского и английского языков. В течение последующих двух недель студенты представляли на учебных занятиях (трех предметных курсов соответственно) и во внеаудиторное время подготовленные ими описания, в этот период шла корректировка данных текстов, уточнение дефиниций использованных в них узкоспециальных терминов. На основе работы с последними (узкоспециальными терминами) студентки на занятиях, к примеру, выполняли конкретные задания: привести дефиниции использованных в описании узкоспециальных терминов; составить предложения с данными терминами; распределить данную терминологическую лексику по структурным группам: простые, сложные, составные; сделать этимологический анализ использованных узкоспециальных терминов и т.д.

После работы с терминами началась отработка выразительного чтения выполненных словесных презентаций, что также эффективно, в практической плоскости, способствовало освоению студентками интонационно-образного своеобразия трех языков, формированию у них навыков актерского мастерства, освоению ими особенностей воплощения культуры в лексическом строе русского / казахского / английского языков и др.

Рефлексивная часть заявленного проекта также подтвердила успешность последнего и необходимость в дальнейшей системной организации подобных мероприятий: к примеру, студентки должны были описать фотографии, сделанные на премьерном показе, составить синквейны, представить мини-сочинение/устное выступление на тему: *«Что мне дал проект-фестиваль как будущему дизайнеру одежды?»* и др.

Таким образом, как показывает практика полиязычного образования в Казахстане, оно (полиязычное образование) имеет перспективное будущее, в том числе и в КазНПУ им. Абая, при условии правильного его проектирования в соответствии с языковыми целями, условиями образовательной среды, геополитическими факторами, опоры на собственный прогрессивный научно-педагогический опыт, анализа и проработанности существующего зарубежного опыта и правильного сочетания дидактико-методических условий, оптимального использования инновационных образовательных технологий, включая их интегративные дидактические возможности.

Литература

1. Бердичевский А.Л. Современные тенденции в обучении иностранному языку в Европе // Русский язык за рубежом / А.Л. Бердичевский. – 2002. - № 2. – С. 60-65.

2. Вербицкий А.А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход: Метод. пособие / А.А. Вербицкий. - М.: Высшая школа, 1991. - 207 с.

3. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования / Под ред. Е. С. Полат. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 272 с.

4. Нуркеева Б.А. Полиязычное образование студентов вуза как фактор эффективности межкультурного общения // Вестник КарГУ / Б.А. Нуркеева. – 2015. - № 02 (78). – С. 294 – 299.

5. Симоненко В.Д., Фомин Н.В. Современные педагогические технологии / В.Д. Симоненко, Н.В. Фомин. - Брянск: БГПУ, 2001. – 395 с.

©Кажигалиева Г.А., 2018

Каипова Л. Г.,
магистрант 2 -го года обучения ФБФиЖ БашГУ,
Саньярова Р. Р.,
к.ф.н, доцент БашГУ,
г.Уфа, Республика Башкортостан

АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ТРУД» В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

В башкирском менталитете положительно оценивается активная созидательная деятельность человека, его желание хорошо и качественно работать, честное отношение работника к своим обязанностям и отрицательно – леность, безделие, праздное времяпровождение. Во фразеологии находит выражение как норма жизни (трудиться), так и отклонение от нормы (бездельничать). Трудолюбие считалось настолько важной чертой нравственности, что народ оценивал моральный облик человека по качевству и результатам его труда. Труд, по народным представлениям, является первой нравственной заповедью.

Изменяя и формируя вещи, предметы природы, человек меняет при этом и себя: развивает свой кругозор, духовный мир, отношением к труду определяется нравственность и гуманизм человека в обществе. Фразеологические единицы показывают, что трудолюбие и творческий труд формируют основные нравственные качества человека: коллективизм, дружбу и взаимопомощь, честность и правдивость, силу воли, терпение и выносливость, благородство.

В ходе исследования мы разделили фразеологизмы, выражающие различное отношение к труду, на следующие семантические группы:

1. Семантическая группа «общая положительная характеристика чьей-либо деятельности».

Башк.: алтын ҡуллы (букв. с золотыми руками), күҙе сыҡҡан, күҙ сыгыу (букв. глаз вышел), ҡар өҫтөндә ҡаҙан ҡайнатыр (букв. варить котёл на снегу), оҫта ҡуллы, ҡулы оҫта (букв. умелые руки), үҙ эшенец солтаны (букв. султан своего дела), ецел һөйәкле (букв. с легкой костью), күп һорамай (букв. много не просит), ер ҡорто (букв. земной червь), үтен һытып эскән (собаку съел на чем, в чем);

2. Семантическая группа «общая отрицательная характеристика чьей-либо деятельности».

Башк.: йоҡа тиреле, тиреһе йоҡа (букв. с тонкой кожей), ҡоро кәүҙә (букв. лишь одно туловище), ҡыуыҡ баш (букв. пустоголовый, несообразительный), ни ите, ни һөтө (букв. что мясо, ни молоко), ник тыуҙы (недотёпа), олтанга (олторакка) ла ярамай (букв. и для стельки не годится), сафтан сыгыу (букв. выйти из строя), соҡор елкә, елкәһе соҡор (букв. затылок с ямочкой), тере көйөк (букв. живое горе), төҙгә ҡатҡан (букв. застывший, стоящий прямо), хөрәсән ялҡауы (отъявленный лентяй), һай йөҙөү (букв. мелко плавать), эт ашаһын (букв. на съедение собакам), эшем эйәһе (тоже мне работник), елкәһе йоҡа (букв. затылок тонкий), төшөп ҡалган (букв. выпавший), туц аяҡ (букв. промерзшая нога).

3. Семантическая группа «большой объем работы, активная деятельность человека, направленная на достижение цели».

Башк.: йөк аты кеүек эшләү (букв.работать как ломовая лошадь)[этим. Сравнение известно многим языкам, отражает народное представление о трудной роли лошадей в крестьянском хозяйстве], ал бирмәү (букв.не дать опередить себя), алга сыгармау (букв. не уступить первенство), баш күтәрмәй (ҡалҡытмай) (букв. не поднимая голову);

4. Семантическая группа «умение, желание работать».

Башк.: елкә батыу (букв. погрузиться затылком), еренә еткереү (букв. доводить до места);

5. Семантическая группа «прилежное отношение к работе».

Башк.: ец һыҙганып (букв. засучив рукава), күцел һалыу (букв. вложить душу в кого-что), йән биреү (букв. вложить душу во что), баш баҫып (букв. делать что-либо молча, терпеливо);

6. Семантическая группа «интенсивность труда, напряженность при выполнении работы».

Башк.: йән көскә (тырышыу) (букв. с предельным напряжением, интенсивностью (делать что-либо), изо всех сил), ете ҡат тир сыҡҡансы (букв.семь потов сошло) до последней степени утомления, изнурения (работать, трудиться, делать что-либо);

7. Семантическая группа «выполнение тяжелой, нудной работы».

Башк.: энә менән ҡойо ҡаҙыу (букв. иголкой рыть колодец- выполнять неимоверно трудоёмкую работу), ҡара тир түгеү (букв. лить черый пот), бил бөксәйтеү (бөкөрәйтеү) (букв. гнуть спину), муйынга ҡамыт кейеү (букв. надеть хомут на шею- взять на себя бремя), сират күперен үтеү (букв. пройти через мочт чистилище), тир кипмәү (букв.пот не высох), төпкә егелеү (нести основную тяжесть);

8. Семантическая группа «значимость дела, нерезультативная работа».

Башк.: Аллаһы әкбәргә (даром, безвозмездно работать), бер урында тапаныу (букв. топтаться на месте – стоять (о делах)), ҡомга ултыртыу (букв. посадить на песок), хәйерсегә ел ҡаршы (нищему и ветер навстречу).

9. Семантическая группа «выполнять бессмысленную работу».

Башк.: бырамат сабыу, бырамата йөрөү (слоняться без дела, бездельничать, бить баклуши), иләктән иләккә (силәктән силәккә) бушатыу (переливать из пустого в порожнее) , ҡул ҡалыу (букв. отставить руки), йондоҙ һанау (букв. считать звезды), йөн тибеү (букв. пинать шерсть), иләк менән һыу ташыу (букв. носить воду решетом), ҡомдан арҡан ишеү (букв. вить веревку из песка), эт һугарыу (букв. поить водой собаку), сабата туҙҙырыу (букв. износить лапти), икмәк серетеү (букв. гноить хлеб);

10. Семантическая группа «небрежное выполнение, низкое качество работы».

Башк.: арлы-бирле итеү (делать что-либо кое-как, делать наспех), ҡойроҡта һөйрәлеү(букв. быть. идти, плестись на хвосте), ни аллага, ни муллага (никчемное дело), һалҡын ҡарау (букв. смотреть равнодушно), минән киткәнсе, эйәһенә еткәнсе (спустя рукава);

11. Семантическая группа «медленное выполнение работы».

Башк.: ат ҡолонлатып (букв. жеребиться- тянуть время, медлить), бер аягын атлагансы, икенсеһен эт ашай (букв. пока одной ногой шагал, другую собака сожрала), ҡаҙаныш ташып бармай (букв. успех не льется), оҙон-оҙаҡ, яп-яңы (долгий-предолгий);

12. Семантическая группа «легкость выполнения работы».

Башк.: аҡмаһа ла тама (букв. хоть и не течет, но капает- нет-нет да перепадает), бер ни тормау (ничего не стоит), ике тин бер аҡса (баҡыр) тормай (гроша ломаного не стоит), ҡул арты еңел (легкая рука);

13. Семантическая группа «не получается выполнить работы, неумение».

Башк.: елкә батмау (букв. не погрузиться затылком), ике ҡарбуз ер ҡултыҡҡа һыймау (букв. два арбуза под одну подмышку не поместишь), иштеҡ имән (арыш) сумарын (ну и натврил же ты), кәкрегә бөкрө (шиворот-навыворот), кул арты ауыр (тяжелая рука), теш батмау (үтмәү)(не по зубам кому-что), теш һыныу (сломать зуб), төшөп ҡалыу (выпадать);

14. Семантическая группа «использование результатов чужого труда, жить за чужой счет».

Башк.: елкәһендә ултырыу (букв. сидеть на затылке), елкәһен кимереү (букв. грызть затылок), майын имеү (букв. сосать масло), тамаҡ яуы (тунеядец), әрәм тамаҡ (дармоед), елеген һурыу (букв. высасывать костный мозг);

15. Семантическаягруппа «быстрое выполнение работы».

Башк.: күҙ асып йомгансы (в одно мгновение, в мгновение ока), ҡулга ла йоҡмау (быстро кончиться), ни ике арала, шул (ике) арала (в тот же миг, в то же мгновение), һә тигәнсе (в один миг, тотчас);

16. Семантическая группа «работать с напряжением сил, состояние после тяжелого физического труда». Башк.: аҡ мәзәл ҡороу (букв. строить белое наслаждение), арманһыҙ булыу (изнемочь, обессилить), елкә сейләнеү (букв. натереть затылок), еп өҙөрлөк хәл ҡалмау (совсем выбиться из сил), ҡыл өҙөрлөк тә хәл булмау(букв.- нет силы даже оборвать волосок – совершенно обессилить, рәт китеү), үлемесле булып арыу (букв. смертельно устать), хәлдән тайыу (выбиться из сил, изнемогать, обессилить, терять силы), һөйәк таралып барыу (букв. кость разошлась), һыу эскеһеҙ булыу, эт булгансы (букв. быть собакой- уставать, переутомляться),телде арҡыры тешләү (высунуть язык);

17. Семантическая группа «начинать действовать, приобретать навык».

Башк.: аҡ баҫыу (букв. становиться белым), донъяга сыгыу (букв. выйти в свет), ҡул башлау (букв.начать руку), тәртә араһына инеү (стать опорой, помощником), әҙәм рәтле булыу (букв. по-людски), ҡул араһына инеү (букв. зайти между рук), сафҡа баҫыу (букв. вставать в ряды);

18. Семантическая группа «коллективное выполнение труда, взаимопомощь».

Башк.: бер булыу (букв. быть единым), ҡанын ҡойоу (букв. лить кровь), ҡул алмаш эшләү (букв. работать поочередно, помогая друг-другу), ҡулга-ҡул тотоноп (букв. держаться за руки), ҡул ялгау (помогать в работе), мәж килеү (букв. суетиться, копошиться), тирмәненә һыу ҡойоу (букв. лиить воду в мельницу), ярҙам ҡулы һуҙыу (букв. подать руку помощи);

19. Семантическая группа «бездельничать».

Башк.: арҡа йылытыу (ҡыҙҙырыу)(букв. греть спину), ҡырын ятыу (букв. криво лежать), түбәгә төкөрөп ятыу (букв. плевать в потолок), ҡул ҡаушырып йөрөү (ходить сложа руки), дылдыл йөрөү, ел ҡыуыу (букв. гонять ветер), елгә ташлау(букв. бросить в ветер), ел йотоу (букв. глотать ветер), ике арала бер турала йөрөү, ике ҡулы кеҫәһендә, кәләп һалып(йөрөү) (букв. намотать мотушку- ходить взад и вперед), ҡаҡҡан багана кеүек тороу (букв. стоять столбом, остолбенеть), муйынына ҡамыт теймәгән(хомут не коснулся шеи), наҫ баҫыу, сүп ҡалҡытмау(букв. и соринку не поднимать) , сүп тибеү (букв. пинать мусор), урам тапау (ҡыуыу) (букв.топтать улицу), эт ауыҙына агас тыгып йөрөү (букв. ходить засунув палку в рот собаки), күҙ һатыу (букв. продавать глаз), ҡыл да ҡыбырлатмау (букв. и волоса не пошевелить), бот күтәреп ятыу (букв. лежать на боку);

Из приведенного выше материала можно заключить, что труд, работа и их качественное выполнение положительно оценивались и оцениваются в обществе. Об этом говорят многочисленные фразеологизмы, выражающие признак отношения к труду и работе. Безделье и лень в противоположность труду и работе однозначно отрицательно оцениваются во фразеологической картине мира исследуемых языков.

Во фразеологической картине мира одобряется активная созидательная деятельность человека, приветствуется его желание хорошо и качественно работать, честное отношение работника к своим обязанностям, своей работе. При этом однозначно порицаются лень и безделье. Исследование показывает, что фразеологизмами осуждается такой поступок человека, как использование результатов чужого труда. ФЕ чаще характеризуют направление работы, объем и степень трудности ее выполнения.

Литература

1. Маркелова Е.В. Концепт «труд» в русских пословицах // Тезисы докладов международной научной конференции «Язык и культура» - М., 2001. – С.231-232.
2. Башҡорт теленец ацлатмалы һүҙлеге: Ике томда / Рәсәй Фәндәр академияһы. Башҡортостан гилми үҙәге. Тарих, тел һәм әҙәбиәт институты. I том, Н – Я. – М.: Русский язык, 1993. – 520-се б.
3. Янмурзина Р.Р. Башкирская языковая картина мира в трилогии Зайнаб Биишевой "К свету". - Уфа, 2015. - 142 с.
4. Янмурзина Р.Р. Когнитивная лингвистика и лингвокультурология: черты и различия// Вестник Башкирского университета. - 2014. Т. 19. - № 1. - С. 132-135.
5. Янмурзина (Саньярова) Р.Р. Разноуровневое представление языковой картины мира // Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения известного башкирского языковеда К. Г. Ишбаева «Филологическая наука: история, современность, перспективы». Уфа: БашГУ, 2017. – С. 105-110.
6. Янмурзина Р.Р. Концептуальная картина мира как базовый когнитивный элемент ментальности //Сборник научных трудов "Актуальные вопросы университетской науки". Выпуск III. - Уфа, 2016. 613 с. - С. 428-435.

©Каипова Л.Г., Саньярова Р.Р., 2018.

Каксин А.Д.,
профессор кафедры зарубежной лингвистики и теории языка
Института филологии и межкультурной коммуникации
Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова
г. Абакан, Республика Хакасия

КАТЕГОРИЯ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ И ЕЕ РОЛЬ В РЕЧИ И ТЕКСТЕ: К ПРОБЛЕМАТИКЕ ДИСКУРСИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Под эвиденциальностью (или свидетельствованием, или очевидностью / неочевидностью) мы

понимаем указание на источник или способ получения информации, а также выражение изумления при неожиданном обнаружении. В лингвистике достаточно давно утвердился особый взгляд на эвиденциальность: она стала рассматриваться как категория, отличная от категории модальности. Наиболее последовательно эта точка зрения проведена в следующих работах: [2; 6-8; 10; 12-14; 16-20].

Значимость категории эвиденциальности наглядно проявляется с позиций логико-когнитивного подхода к речи: создающему текст (т.е. говорящему) крайне необходимо время от времени переключать регистр (давать слово некоторому другому источнику мысли или информации). Язык в данном случае рассматривается как инструмент и результат человеческого познания (познания мира во всем многообразии). Когнитивный подход позволяет рассматривать вопрос: в чем глубинные, исходящие из необходимости категоризации мира истоки появления категории эвиденциальности. Логика поможет объяснить, почему теми же формами, которыми выражались такие значения, как называние действия по звуку (аудитив), стали выражаться и другие смыслы, которые сейчас входят в число эвиденциальных.

Если исходить из общих моментов познания, то различие между двумя категориями вполне очевидно: при выражении модальности предполагается, что говорящий в курсе того, о чем он говорит (он владеет информацией, информация исходит от него, сведения принадлежат ему, знание присвоено им); при выражении эвиденциальности, напротив, – говорящий намекает, что он не владеет информацией (отгораживается от знания, указывает на кого-то другого, от кого поступила информация, и т.п.). Мы согласны с мнением специалистов по самодийским и финно-угорским языкам, что категория эвиденциальности (или засвидетельствованности) в этих языках развита (грамматикализована) по сей день (а зародилась она еще в праязыке):

«… генетическую структуру глагольной категории засвидетельствованности самодийских и юкагирских языков мы раскрываем как с древности присущую традиционным культурам самодийцев и юкагиров коммуникативно-ментальную оппозицию видимого и невидимого» [7, с. 32].

В большинстве прибалтийско-финских языков данная категория исторически восходит к формам перфекта (и плюсквамперфекта):

«Специальные морфологические показатели эвиденциальности имеются только в эстонском и ливском, тем не менее в других прибалтийско-финских языках эвиденциальные значения могут выражаться грамматически (синтаксически)» [1, с. 130-131].

Единственное нелогичное явление в этом перекрестье двух категорий – попадание *предположения* в перечень и модальных, и эвиденциальных значений. Объяснение этому можно предложить такое: предположение, в общем случае, – это взгляд в будущее, но есть два типа отношения к этому будущему: 1) говорящий точно знает, что действие произойдет / событие наступит; 2) о том, что произойдет в будущем, известно неточно, поэтому говорящий не может “присвоить” такое, недостоверное, знание. (Но при этом, еще один поворот, всегда готов сослаться на уже известное всем знание, воспроизводить “общие истины”). А вот «сомнение ~ предположение», о котором часто говорят в связи с болгарским языком [13, с. 324], это, по-видимому, есть сомнение рассказчика, повествующего о реальных событиях прошлого.

Следует обратить внимание на то, что в самых разных языках всегда выражается еще один оттенок эвиденциальности: неожиданное обнаружение действия или замечательных свойств кого-либо / чего-либо. Во втором случае это “обнаружение” может быть констатирующим, или ироническим (“случайным”), или преднамеренным, т. е. якобы неожиданным. Например, в устойчивых формулах лести / восхваления.

Какой же ты все-таки дурак!; Так вот ты какой, северный олень!; О, всемогущий Владыка! Широко растекается по Земле слава о мудрости Твоей!

Категория эвиденциальности представлена во всех языках, так как имеет большое прагматическое значение: она позволяет говорящему сделать отсылку, не выставлять себя в качестве первого и/или единственного источника информации. В современных языках есть много других оттенков эвиденциальности, средства выражения которых восходят к формам наподобие аудитива, в одних случаях, и к формам перфекта (или результатива) – в других. Не все из них “строго укладываются” в следующие формулы: в них содержится «эксплицитное указание на *источник сведений говорящего* относительно сообщаемой им ситуации» [13, с. 321] и «неожиданное обнаружение ситуации … трактуется как особый способ получения информации о ней» [13, с. 324]. Возможно, для некоторых коннотаций эвиденциальности подойдут некоторые другие, дополнительные, формулировки типа: эти формы указывают на «убежденность говорящего в чем-либо» или, напротив, выражают «отрыв от действительности», «отгораживание / отвлечение от

произносимой информации».

Думаем, что определению содержательного компонента эвиденциальности может способствовать изучение исторического пути аудитива в самодийских языках: интересны не только "момент появления" этих своеобразных форм, а и причины трудностей в их использовании у современных носителей, к примеру, селькупского языка:

«Сейчас, к началу XXI в., о существовании этих [аудитива, кондиционалиса и дебитива] категорий, выражаемых синтетически, с помощью определенных суффиксов, молодые даже не подозревают, хотя эти категории еще живы. Подобные факты исчезновения названных категорий объяснимы скорее всего внутриязыковыми процессами, однако нельзя исключить и влияния русского языка…» [11, с. 58].

Относительно современного хантыйского языка можно констатировать следующее: в нем представлены все значения и коннотации эвиденциальности, но не все из них привязаны именно к глагольным формам на -m- или -t- (т.е. формам, специализированным на выражении оттенков эвиденциальности). В системе хантыйского языка нет грамматического показателя *цитатива*, тем не менее указание на получение информации говорящим через третьих лиц осуществляется, чаще всего – путем вводного использования глагола *lup-* 'говорить' (разных форм этого глагола, но преимущественно – форм настоящего времени):

Jankem hir si von's=m=el, lupl! 'Мешков десять-то собрали они, говорит он!'

Luplat, luv mosa juv=m=al 'Говорят, он заболел'

Muj, lupl, hon luv juhatl? 'Что, говорит, когда он приедет?'

Ankem lupl: isipa jetnolna kortela juhatlat... 'Мать моя говорит: вероятно, вечером до деревни доберутся они...'

В хантыйском языке часто маркируется (формами на -m- или -t-) и неочевидность (а лучше сказать – "заглазность") действия, события. «Это очень распространенный тип эвиденциальных систем; как правило, граммемы заглазности несут в таких системах сильную дополнительную модальную нагрузку, выражая значение вида 'говорящий не берет на себя ответственность за истинность передаваемой информации' или 'говорящий не утверждает, что передаваемая информация истинна' (ср. русск. будто бы, выражающее близкий комплекс значений)» [13, с. 323].

Saj puten hulna kavrum: anken tam mar juhtijl=m=al 'Чайник еще горячий: мать за это время приходила, оказывается'

Как видим, в тех случаях, когда в предложении есть глагол, и он стоит в форме прошедшего времени, передается тот смысл, что заключение сделано на основании специфических результатов / признаков состоявшегося действия (его "следов").

Siv janha, valeme: śi ăntŏ, juhat=m=el! 'Сходи туда, проверь: что, если пришли они!'

Atlan, isipa, los vera si pitas: si huti von pajat tum lol'=t=el! 'Ночью, видимо, снег долго падал: очень большие сугробы стоят вон!'

Hutas pasta si sotal! Vuhn mij=um peli... 'Что-то быстро так шагает! Денег ему дали, похоже...'

Votev i taruma ji=t=al nili! 'Ветер все сильнее становится, однако!'

В целом применительно к хантыйскому языку мы показали, что модальность и эвиденциальность – две разные категории, и каждая из них представлена в хантыйском языке своим набором средств, образующих две системы [8].

Эвиденциальные системы многих языков уже описаны, и достаточно подробно – именно в последнее десятилетие, когда пришло осознание, что эвиденциальность можно анализировать саму по себе, безотносительно к модальности. Эвиденциальные средства большого числа языков были в центре внимания авторов коллективного труда, вышедшего в Санкт-Петербурге [18].

Тюркологи, в том числе – специалисты по хакасскому языку, также писали о глагольных формах (тюркских языков), выражающих эвиденциальность, часто – без подробного анализа, просто терминологически фиксируя именно эту семантическую роль разбираемых форм [3-4; 9]. В частности, много писали об эвиденциальных формах тюркских языков (форме на -(п)тыр и ее аналогах) и о значениях, ими выражаемых: а это обозначение "косвенной принадлежности" информации говорящему лицу и, соответственно, указание на источник или способ ее получения, а также – выражение неожиданности действия (события, информации) для говорящего. Основную мысль этих высказываний можно свести к следующему: грамматические средства тюркских языков, задействованные для выражения эвиденциальных значений, представлены разнообразно. Пример из алтайского языка: Јастыра ***айдып ийип калтырым***, ачынбаар, карганай '(Я) неправильно (нечаянно) ***сказал, оказывается***, не обижайтесь, бабушка' [15, с. 192].

Последний пример наглядно показывает, что глагол *ий=* 'посылать, отправлять' (в числе

многих других глаголов) в функции вспомогательного, но необходимого компонента часто употребляется в эвиденциальных конструкциях (способствует выражению значения “действие совершено неосознанно, оно прошло мимо внимания говорящего”).

Об эвиденциальных и миративных формах в алтайском языке (во многом аналогичных формам хакасского языка) более подробно было написано ранее. “В зону маркированной прямой засвидетельствованности, помимо формы на *-ды* (недавно-прошедшее), входят и другие специализированные формы: настоящее эвиденциальное на *=адыр*, передающее непосредственное восприятие в момент речи, и серия форм с частицей *эди*… Косвенная засвидетельствованность выражается совмещенно с миративностью формой на *-птыр* (устар.) и производными от нее частицами *болтыр*, *болуптыр*, *эмтир*. Появление миративного значения обусловлено теми же параметрами, что уже многократно описывались в типологической литературе: миративность проявляется в высказываниях от 1 и 2 л., а также в случаях, когда из контекста ясно, что имело место непосредственное наблюдение, тогда как при поступлении информации извне (пересказ) доминирует значение неполной достоверности информации. … Усилить миративный компонент можно также с помощью частицы *не* (*эмтир не*, *болтыр не*) [14, с. 546-547].

В хакасском языке имеется много средств, позволяющих говорящему “отгораживаться от действия”, делать отсылку, указывать источник информации. Анализируя примеры с подобной семантикой (или переводя такие предложения с хакасского языка на русский язык), приходим к выводу, что самым употребительным словом русского языка в аналогичных контекстах является лексема “оказывается”. При этом формально показатели **-дыр/-дір; -тыр/-тір,** несущие значение «оказывается», часто выступают в составе глаголов и модальных предикатов, выражающих различные действия и психофизические состояния человека:

Волостьтац сурагчы ***килтір*** [5, с. 79] ‘Из волости следователь ***приехал, оказывается***’.

Сын... сацай ***чабас партыр***, – сыбырананган Сабис [5, с. 85] ‘Правда… совсем ***смирный стал, оказывается***, – шепчет про себя Сабис’.

Кычыц Пычонныц хойын чар пararга ***килтір*** [5, с. 250] ‘Кычын ***пришел, оказывается***, чтобы отделить овец Пычона’.

Эне зе, Хапыц, ***таныс полтырзар***. Арса, пірее чаргы-чахаан пирген поларлар? – сурча Хапыцнац [5, с. 262] ‘***Вот оно что,*** Хапын, ***вы знакомы, оказывается***. Может быть, какое-то указание они дали? – спрашивает у Хапына’.

Итак, дискурсивное исследование позволяет объяснить природу многих языковых категорий и явлений. В частности, становится возможным определить основные черты категории эвиденциальности как функционально-семантической и прагматической. На примере языков разной структуры нужно показать наличие множества признаков проявления, разнообразных средств выражения названной категории. Особенно актуальным является применение результатов анализа конкретных (групп) языков в типологических исследованиях. Учет материала языков народов Сибири (хантыйского, ненецкого, хакасского и других) позволяет построить развернутую типологию языков (в отношении специально маркируемых эвиденциальных значений), дополнить список средств выражения этой категории. Другими словами, анализ системы выражения эвиденциальных значений в языках разной структуры имеет важное теоретическое значение. Он обогащает представление о том, как организованы эвиденциальные системы в языках различного строя; позволяет понять, как устройство эвиденциальной системы в том или ином современном языке связано с историческим развитием семьи и группы языков.

Литература

1. Агранат Т.Б. Сравнительный анализ грамматических систем прибалтийско-финских языков: принципы интрагенетической типологии / Институт языкознания РАН. – М.: Языки Народов Мира, 2016. – 248 с.

2. Баджанлы Эйюп. Категория эвиденциальности в турецком языке в функционально-семантическом аспекте: В сопоставлении с алтайским языком. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М., 2005. – 32 с.

3. Грамматика хакасского языка / под редакцией проф. Н.А. Баскакова. – М.: Наука, 1975. – 420 с.

4. Дмитриев Н.К. К вопросу о значении османской глагольной формы на -мыш // Строй тюркских языков. – М.: Изд-во восточной литературы, 1962. – С. 181-186.

5. Доможаков Н.Г. Ырахxы аалда / В далеком аале. Роман. На хакасском и русском языках. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2010. – 492 с.

6. Ефремов Н.Н. Средства выражения косвенной эвиденциальности в якутском языке //

Сибирский филологический журнал. – 2010. – № 1. – С. 152-156.

7. Ильина Л.А. Идентичность генетической структуры глагольной категории засвидетельствованности в самодийских и юкагирских языках // Лингвистический беспредел – 2: Сборник научных трудов к юбилею А.И. Кузнецовой / Под общей редакцией чл.-корр. РАН, проф. А.Е. Кибрика, 2013. – С. 32-47.

8. Каксин А.Д. Средства выражения модальности и эвиденциальности в хантыйском языке (на материале казымского диалекта). Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок. – Ханты-Мансийск, 2010. – 302 с.

9. Карпов В.Г. Хакасский язык // Языки народов СССР. Том II: Тюркские языки. – М.: Наука, 1966. – С. 428-445.

10. Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. – 1994. – № 3. – С. 92-104.

11. Кузнецова А.И. Селькупы Туруханского района Красноярского края на рубеже II и III тысячелетий (социолингвистическая ситуация и языковые изменения) / Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2007. – 114 с.

12. Насилов Д.М. Конструкции с модальными словами *экан* и *эмиш* в узбекском языке // Категории глагола и структура предложения: Конструкции с предикатными актантами. – Л.: Наука, 1983. – С. 175-186.

13. Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 384 с.

14. Скрибник Е.К., Озонова А.А. Средства выражения засвидетельствованности и миративности в алтайском языке // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой / Ин-т лингвистических исследований РАН; отв. ред. В.С. Храковский. – СПб.: Наука, 2007. – С. 519-551.

15. Тазранова А.Р. Инновационные синтетические формы алтайского языка // Историко-культурное наследие Хакасии: материалы Международной научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения доктора исторических наук, археолога Якова Ивановича Сунчугашева (г. Абакан, 20-21 октября 2011 г.) / отв. ред. И.К. Кидиекова. – Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2011. – С. 189-195.

16. Шамина Л.А. Грамматические средства, используемые для указания на источник получения информации в тувинском языке // Языки коренных народов Сибири. Выпуск 8. – Новосибирск, 2002. – С. 201-215.

17. Шамина Л.А. Средства выражения эвиденциальности и миративности в тувинском языке // Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири / Коллектив авторов. – Новосибирск, 2005. – С. 146-158.

18. Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой / Ин-т лингвистических исследований РАН; отв. ред. В.С. Храковский. – СПб.: Наука, 2007. – 634 с.

19. Jakobson R. Shifters, verbal categories, and the Russian verb // Russian language project / Dep. of Slavic languages and literatures. – Harvard: Harvard Univ., 1957. – P. 3-17.

20. Johanson L. Evidentially in Turkic // Studies in Evidentially, Typological Studies in Language 54. Amsterdam: John Benjamins, 2003. – P. 273-290.

© Каксин А.Д.,2018

Каштанова П.В.,
доцент кафедры русского языка и методики преподавания русского языка
Мордовского государственного педагогического института имени М.Е.Евсевьева
г. Саранск, Республика Мордовия

СПЕЦИФИКА ИЗУЧЕНИЯ ВИДО-ВРЕМЕННЫХ ФОРМ РУССКОГО ГЛАГОЛА В ПОЛИЛИНГВАЛЬНОЙ АУДИТОРИИ

Вопрос о грамматических категориях глагола является одним из наиболее сложных в курсе современного русского литературного языка, особую сложность для студентов-билингвов представляют видо-временные формы русского глагола. Один из путей решения данной проблемы – изучение материала в сопоставлении с родным языком. Роль сравнительно-сопоставительного метода при практическом овладении неродным языком трудно переоценить. Сопоставительный анализ

является эффективным методом преодоления интерференции, обусловленной различиями, оказывающимися существенными в процессе коммуникации, а главное – типологические исследования способствуют решению проблемы прогнозирования и предупреждения ошибок, возникающих в результате взаимодействия родного и неродного языков. Поэтому лингвистическое обоснование методов преподавания грамматических категорий русского глагола целесообразно строить с учетом специфики родного языка студента.

В целях успешного усвоения материала студентами-билингвами преподаватель должен подбирать упражнения и строить языковой анализ, акцентируя внимание на вопросах, вызывающих определенные трудности при практическом усвоении материала. Традиционно такой проблемой является изучение категории вида, а именно: разграничение видовых и лексических значений в приставочных глаголах; установление видовой парности; конструирование предложений с определенными видо-временными формами глагола и т. п.

Для успешного овладения нормами современного русского литературного языка следует также учитывать, что не все русские видовые значения глагола имеют прямое соответствие в мордовских языках.

Как в русском, так и в мордовском языкознании вид – «грамматическая категория глагола, обобщенно указывающая, как протекает во времени обозначенное глаголом действие» [2, с. 83].

Специфика заключается в том, что в мордовских языках «глагольные виды образуются с помощью суффиксов, которые присоединяются к глагольной основе и придают ей соответствующее значение» [1, с. 336]. В мордовской лингвистической литературе выделяют пять видов:

– начинательно-мгновенный (*кортазевемс* «вдруг заговорить»;
– однократный (*корчтамс* «хлебнуть»;
– многократный (*моракшномс* «певать»);
– длительный (*морсемс* «певать»);
– законченный (*сермадызе* «он написал»).

В русской грамматической традиции принято разграничивать совершенный вид (*спел*) и несовершенный (*пел)*, для образования видовых форм в языке существует ряд средств: префиксы, суффиксы; чередование звуков в корне, супплетивизм, перенос ударения и др. Необходимо заметить, что не все они одинаково продуктивны, не все активно образуют новые глагольные формы. И видовые значения глагола в современном русском языке имеют различную коммуникативную значимость, неодинаковую частотность употребления в речи, а некоторые из них характеризуются и стилистической ограниченностью, поэтому следует дифференцированно изучать разные видовые значения глагола.

В основе интерференции лежит психологическое явление переноса по аналогии установившихся навыков и умений на новые, формирующиеся, что порождает трудности в овладении языковой системы изучаемого языка

Учет особенностей родного языка проявляется главным образом в системе подачи материала, поэтому при усвоении видо-временных форм глагола необходимо сгруппировать упражнения в зависимости от того, какую цель они преследуют и выработке каких практических навыков способствуют.

Например, комплекс упражнений направленных на выработку грамматических навыков и умений может преследовать следующие цели:

1) усвоение семантики видов и приемов распознавания видовых форм глагола (определить различие в значении глаголов несовершенного и совершенного видов; перевести на родной язык, указать различие в видовых значениях глаголов и т.п.);

2) усвоение средств образования видов (от глаголов настоящего времени образовать глаголы будущего времени при помощи указанных приставок; от данных глаголов образовать глаголы другого вида, используя указанные средства видообразования; отметить морфемные различия глаголов, образующих видовую пару; определить вид глаголов и указать способ видообразования и т.п.);

3) выработку умения образовывать глагольные формы в пределах данного вида (образовать определенную или все возможные формы от глагола, данного в инфинитиве и т.п.);

4) установление видовой парности (определить, какой из данных приставочных глаголов совершенного вида является парным к бесприставочному глаголу несовершенного вида или от глаголов несовершенного вида с помощью приставок образовать глаголы совершенного вида, установить их различия; найти среди данных глаголов соотносительные по лексическому значению и парные по виду и т.п.).

К речевым, способствующим выработке практических навыков употребления видо-временных форм глагола в связной речи студентов-билингвов в условиях мордовско-русского двуязычия, можно отнести упражнения, в которых нужно заменить в тексте одну видо-временную форму другой или составить предложения, употребив парные по виду глаголы; написать эссе, употребив указанные видо-временные формы глагола (парные по виду, одновидовые, двувидовые, а также использовать формы настоящего и будущего времени, описывая события прошлого) и т.п.

Таким образом, знание всех случаев расхождения между родным и изучаемым языками дает возможность полнее раскрыть языковую сущность изучаемого явления, позволяет актуализировать знания студентов-билингвов по данной проблеме, тем самым помогает более успешно овладеть нормами современного русского языка.

Литература

1. Грамматика мордовских языков. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1980. – 430 с.

2. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М : Большая Российская энциклопедия, 2002. – 709 с.

©Каштанова П.В., 2018

Каюмова Г.Р.,
магистрант 1 года обучения БГПУ им. М.Акмуллы,
Бухарова Г.Х.,
доктор филологических наук, профессор,
БГПУ им. М.Акмуллы,
г.Уфа, Республика Башкортостан

О ЯВЛЕНИЯХ ОМОНИМИИ И ПОЛИСЕМИИ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос об определении таких соотносительных лингвистических понятий как полисемия и омонимия и вопрос о возможности проведения между ними разграничительной линии приобрел за последние десятилетия особое значение, так как изучение природы значения слова представляет большой теоретический и практический интерес.

Омонимы давно привлекают внимание языковедов как у нас, так и за рубежом. "В настоящее время, - писал В.В. Виноградов, - проблеме омонимии придается очень большое значение в самых разнообразных лингвистических концепциях и в самых различных областях лингвистического исследования"[1, с. 82].

Образование новых слов - омонимов лексико-семантическим способом в последнее время также подвергалось тщательному изучению. Исследование семантических омонимов невозможно без изучения полисемии, без анализа изменений лексических значений, их типов, без раскрытия закономерностей развития смысловой структуры слова.

Многозначность и развитие семантики слова тщательно разработаны в русском языкознании. Большое внимание уделял этой проблеме А.А. Потебня, в трудах которого получила развитие мысль о семантической структуре языка, о роли грамматических и лексических значений и значительное место отведено разработке вопросов семасиологии. В.В. Виноградов разработал типологию лексических значений, исследовал проблемы лексической и семантической омонимии. В развитие теории семантики, многозначности слова большой вклад внесли Р.А. Будагов, Д.Н. Шмелев, А.М. Смирницкий, В.А. Звегинцев, П.А. Соболева, Л.А. Новиков, Е.С. Кубрякова, А.А. Уфимцева, Л.М. Васильев, С.Д. Кацнельсон и многие другие известные лингвисты. Известный этимолог В.И. Абаев считал, что между омонимией и полисемией нет ничего общего и полисемия никогда не может переходить в омонимию. О.С. Ахманова, С.И. Ожегов, Р.А. Будагов и многие другие придерживаются противоположной точки зрения, согласно которой омонимы возникают в результате распада полисемии [2, с. 51].

Несмотря на то, что теория многозначности является основной проблемой в семасиологии, многие стороны ее остаются еще спорными. Нет среди ученых единства в классификации основных типов лексических значений слов. У разных авторов встречается разная терминология по семантике. Не достигнуто единообразного толкования проблемы соотношения полисемии и омонимии. По причине нечеткости трактовки данного вопроса лексикографическая практика не имеет еще достаточно обоснованных приемов дифференциации различных типов значений многозначного слова, составителями словарей не проводится четкая граница между полисемией и омонимией.

В тюркском языкознании в последние годы особенно возрос интерес к полисемии и вопросам развития семантики. Все эти проблемы характерны и актуальны и для тюркских языков. Большой

вклад в ее изучение внес К.М. Мусаев. В его работах, посвященных изучению лексической системы тюркских языков, решены многие вопросы, относящиеся к содержательной стороне языка. Появилось множество научных работ и диссертаций в узбекском, казахском, киргизском, туркменском и других языках.

Известный тюрколог А.А. Юлдашев в монографии "Принципы составления тюркско-русских словарей" рассмотрел проблему разработки значений и функций слова, лексикографической квалификации значений многозначных слов, что является одними из трудных и сложных вопросов в тюркологии.

Как известно, слова могут выражать одно, два и более значений. Например, в выражениях **китап тотоу** "держать книгу", **асыу тотоу** "затоить злобу", **иҫтә тотоу** "запомнить", "хранить в памяти", **балыҡ тотоу** "ловить рыбу", **аҡса тотоу** "тратить деньги", **шик тотоу** "усомниться" и т. д. Глагол **тотоу** имеет различные значения. Способность слова иметь две или более связанных друг с другом значений называется многозначностью или полисемией.

Многозначность - это сложное семантическое явление. Первичное значение слова служит фундаментом для образования многозначности, а другие значения, которые образовались от первичного значения, являются производными или переносными. Например, в башкирском языке слово **ҡара** "черный" теперь употребляется в значении чернил: **ҡыҙыл ҡара** "красные чернила", **йәшел ҡара** "зеленые чернила".

К тому же, в тюркских языках многозначные слова существовали с давних времен. Например, М. Кашгари, указывая на переносное значение слова **лачын** "сокол", пишет, что "смелых джигитов тоже называют соколами". В литературе встречаются слова, имеющие наряду со своей основной семантикой, и дополнительные значения. Например, слово **ҡылыу** имеет значение не только "делать", но и "строить" (**бина ҡылыу** "строить здание"), **алтын** обозначает как вещество, так и счетную единицу денег и др. Процесс расширения значения слов шел и идет непрерывно, и в современном состоянии башкирского языка большинство слов стало полисемантичным.

Омонимы (слова или части слов, совпадающие по звучанию, но различающиеся не связанными друг с другом значениями) в башкирском языке возникают в результате фонетических преобразований слов в результате исторического развития языка, заимствований, процессов словообразования и словоизменения, распада полисемии и др. Отсюда следует одна из причин проблемы разграничения полисемии и омонимии. Выделяют полные и частичные омонимы: Полные омонимы идентичны во всех грамматических формах: **еҫ** "запах" – **еҫ** "угар"; **бур** "мел" - **бур** "вор" и др.

Частичные омонимы: 1) лексико-грамматические (омоформы) – слова, как правило из разных частей речи, совпадающие только в отдельной грамматической форме: **беҙ** "шило" – **беҙ** "мы"; **ҡала** "город" – **ҡала** "остаётся", **көҙгө** "зеркало" – **көҙгө** "осенний" и др. 2) омофоны — слова, одинаковые по звучанию, но разные по написанию: **бөрө** "почка" – **Бөрө** "название города"; **бал** "мёд" – **балл** "балл"; **тубал** "лукошко" – **туп ал** "возьми мяч" и др. Лексическая полисемия – это наличие у одного и того же слова нескольких, связанных между собой значений, возникающих в результате видоизменения и развития первоначального значения этого слова.

Понятие лексической полисемии может быть противопоставлено таким понятия как однозначность (моносемия) и омонимия. Среди значений, присущих многозначным словам одно воспринимается как основное- исходное, а другое как производное – вторичное от этого главного исходного значения. Например, слово **йөҙ** в основном значении употребляется, как "лицо, часть головы человека". Из этого основного исходят другие лексико-семантические варианты: 1) поверхность чего-либо; 2) площадь, поверхность (чего-либо маленького); 3) облик, лицо; 4) авторитет, достоинство.

Проблема разграничения омонимов в теоритическом и практическом плане существует только для специалистов, так как носители языка не испытывают таких затруднений, ведь омонимы и многозначные слова в контесте выступают всегда в одном значении, общение есть явление речевое.

Исходя из всего вышесказанного можно сделать вывод, что омонимия – это случайное совпадение слов, в то время как полисемия – это наличие у слов разных исторически связанных значений.

Литература

1. Виноградов, В.В. Современный русский язык. - М.: Учпедиз, 1938. 160 с.
2. Суфьянова, Н.Ф. Проблема многозначности в башкирском языке и ее лексикографическая разработка. – Уфа: Гилем, 1998. 101 с.

3. Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat http://www.dissercat.com/content/mnogoznachnost-i-omonimiya-v-sisteme-tatarskoi-glagolnoi-leksiki#ixzz59eWONKV7

©Каюмова Г.Р., Бухарова Г.Х., 2018

Киндикова Н.М.,
доктор филологических наук, профессор ГАГУ
г.Горно-Алтайск, Республика Алтай

РАСШИФРОВКА АЛТАЙСКИХ ИМЕН И ФАМИЛИЙ ВО ВРЕМЕНИ

В настоящее время существует множество словарей: толковые, этимологические, древнетюркские, топонимические и т.д.[7], по которым можно проверить значение того или иного слова или имени человека, но редко кто заглядывает в словари первых изданий. Задумка этой статьи началась, во-первых, с расспрашивания значения алтайских имен башкирскими, казахскими коллегами по перу. Заметим сразу, если в башкирских и татарских именах преобладает лексика арабских, персидских слов (например, Зухра, Фарида, Лейла и т.д.), то в алтайских именах заметно наслоение трех или четырех языков (тюркские, тибетские, монгольские, русские) и конфессий (язычество, буддизм, христианство).

Во-вторых, появилась книга «Кулада: время и люди» (2016), в которой отражены загадочные имена и фамилии моих земляков, как повод для размышления[6]. В-третьих, меня, как литературоведа, заинтересовало значение фамилий отдельных алтайских писателей. На самом деле издан перечень алтайских имен, функционирующий по настоящее время [1]. В свое время издана книга «Русские фамилии тюркского происхождения» (М.,1979) профессора Н.А.Баскакова, которая впервые «открыла глаза» россиянам на значение многих тюркских фамилий [Баскаков,1979]. Однако ряд личных имен недостаточно расшифрован в виду наслоения разных времен, народов, о чем свидетельствуют наскальные письмена, частично отражающие имена авторов надписей. В древнетюркском словаре сохранены первоначальные значения слов и имен. Например, кырмачи – резчик по дереву, теречи – мастер по коже. В рунических надписях, постоянно встречаются имена авторов. К примеру, в надписи, найденной художником Б. Киндиковым на Алтае (на горе Кут Туу, близ села Бичикту Боом Онгудайского района) сохранилось имя резчика по камню Арук-Бунчу.

Древнетюркское слово кат+чы (бичикчи) до сих пор путают со словом «качы» (писарь, секретарь). Введение новых имен собственных из древнетюркского словаря намного обогатило бы тюркские имена и фамилии алтайцев, хакасов, тывинцев, якутов, а также башкир и татар. Мы же попытаемся раскрыть значение алтайских имен и фамилий во временной протяженности.

В стародавние времена, когда люди жили родами, племенами, то они имели почитаемую родовую гору и поклонялись ему, как божеству. Например, Аба+каан (в смысле каган) считается родовой горой рода кебеков, Бабур+каан принадлежит роду тодош, Чапты+каан - название горы из рода чапты и так далее. Соответственно, так назывались имена древних предков. Первопредок рода найман, оказывается, носил имя Самара+каан. Так называется гора в селе Кулада Онгудайского района Республики Алтай. Правда, со временем некоторые названия гор, имена первопредков искажены или неправильно звучат в современном языке, например, бабырган, барсуган. Нередко и фольклорные имена тоже звучали так (например, Караты каан, Борсук+каан). Они частично сохранились в алтайских фамилиях Каратаевы, Борсуковы и т.д.

Поскольку каждый алтаец обязан знать своих предков до семи колен, то имена моих предков, к примеру, по родословной линии (найманы) звучат в такой последовательности: Солтон – Боор – Чокон – Маскачак - Торды – Кыдат – Киндик - Чумду. Если первое имя образовано от слова Султан (как, например, предка алтайского прозаика И.В. Шодоева звали «Сулейманом»), то эти слова легко объяснимы в плане закона сингармонизма в алтайском языке. Отсюда и пошло звучание имен Солтон, Салайман (впоследствии псевдоним И.В. Шодоева из рода иркит). А фамилия казахского писателя, тюркослависта звучит тоже так – Сулейменов Олжас Омарович.

К слову сказать, эти имена сохранились в названиях сел, города Алтайского края: Солтонский район, г. Барнаул. Значение слова «барнаул» связано с названием речки «Барн+јул» (темная + речка), точно также переводится название населенного пункта Республики Алтай село Барангол (Баран+коол в значении приток реки). Вторая версия названия города образована от слияния двух тюркских слов (барын+уул) «смуглый+мальчик» или сын Барына. Поскольку в алтайских именах часто встречаются имена Барын, Баран и до сих пор существуют фамилии Барнуловы, Баранчиковы. По цвету волос

определены имена Карабаш (черноголовый), Сарыбаш(белокурый), соответственно существуют фамилии Карабашевы, Сарыбашевы.

Смысл имени Боор недостаточно расшифрован, но есть целое понятие «маймандар - бууры соок албаты» (дословно переводится как найманы – холодные люди, точнее, сдержанная в чувствах племя). Буквально переводится как «племя с холодной печенью». Есть и древнетюркское слово «багыр» в значении «печень» (баар/буур в современном произношении). Отсюда пошли фамилия Багыровых. Существует выражение «печень тает от тоски» по родине, по родным.

У Боора из рода кара майман было два сына: Конко (колокольчик) и Чокон. Если значение первого имени ясно, то второе противоречиво, толкуется по-разному. По всей вероятности, первоначально оно означало слово «Чоккон» - собирающий в одно целое», как звали предводителя тюрков Элтергиш (собирающий народ). Возможно, в стародавние времена предки собирали свой род в одно большое племя. Чокону предназначено было судьбой собирать свой род в одно племя, единый народ. Со временем это слово произносится как «Чокан», к примеру, так звучит имя известного казахского ученого Чокана Валиханова (1835-1965).

Имя собственное «Маска+чак» (молоточек) понятно всем, точно также как Балка (деревянный молоток). Если имя Торди переводится как скипетр, жезл, то Киндик переводится как пуповина. В народе говорят, «пуп неба на земле, пуп земли на небе» [8,с.82].

«Чӱмдӱ» расшифровывается как «нарядный». Потому существует благопожелание: «Кийер кебин кӧп болзын, кирген ӱйин чӱмдӱ болзын» (Пусть у тебя будет много одежды, пусть жилище твое будет хорошо убрано» [8,с.182]. Имя моей матери из рода кыпчак звучит как Дьянар. Оно образовано из двух слов «Дьаны+ыр» (Новая песня). По натуре она любила народные песни, играла на балалайке. Этот музыкальный дар перенял самый младший сын из шестерых ее детей. На самом деле Дьянар/Джангар – название горлового сказания тюрко-монгольских народов, а именно, алтайцев и калмыков.

В начале XX века алтайские писатели узаконили родовые отличия в собственных фамилиях, для того чтобы как-то подчеркнуть свою национальность. Отсюда пошли фамилии алтайских писателей: Г.И. Чорос-Гуркин, П.А. Чагат-Строев, М.В. Мундус-Эдоков и так далее. Первое обозначало название рода, второе - фамилию. Впоследствии некоторые фамилии образованы от названия рода по мужской линии, например, Кергилов, Телесов, Майманов, Иркитов и т.д.

Для нас, тюрков, первоначально странно звучали русские фамилии якутских коллег: Петров, Иванов, Васильев и т.д. Оказалось, отдельные якуты приняли христианство уже ХУШ веке, тогда как на Алтае крещение началось лишь во второй половине Х1Х века. Вспомним, воспоминания первого алтайского писателя М.В. Чевалкова. «До 17 лет был язычником; отец и мать дали мне имя «Киприан» (конечно, это тоже русское имя – Н.К.) [Чевалков,1990,с.46]. После крещения его звали Михаилом Васильевичем. Слово «чебелек/чебелги» с теленгитского диалекта алтайского языка переводится как «муравей».

Во-вторых, русские переселенцы Якутии, возможно, первоначально затруднялись в произношении якутских имен и фамилий (Ексекюлях – Алексей Кулаковский, Суорун Омоллоон - Д.К. Сивцев), с другой стороны, сознательно искажали имена и фамилии инородцев, принижая их, приписывая им самые скверные фамилии: Мухоплев, Сыромятников, Винокуров, Кривошапкин и др. Только в 90-е годы отдельные якуты переименовывали свои имена и фамилии по-якутски. Например, к фамилии писателей уже приписываются собственные имена, как например, Амма Аччыгыйа (Н.Е. Мординов), Куннук Урастыров (В.М. Новиков), Далан (В.С. Яковлев) и др. Одно дело - принятие псевдонима, другое дело – восстановление собственных имен и фамилий по родословной линии.

У хакасов имена и фамилии звучат красиво и со смыслом тюркских слов, как, например, Кирбижеков (от слова «тычинка»), Таскараков (таш+кара - черный камень), Карачаков (зрачок), Майнагашев (Майну-высокий, статный + агаш - дерево) и д.т. Об этом частично сказано в книге этнографа В.Я. Бутанаева «Происхождение хакасских родов и фамилий» (Абакан,1994) [Бутанаев,1994].

Тувинские фамилии заметно выделялись написанием и звучанием: Ширин-оол, Кара-оол, точнее, сын Ширина, сын Кара и так далее, наряду с одиночными фамилиями: Куулар, Самдан, Донгак, Комбу и т.д. Мы же остановимся только на расшифровке имен и фамилий алтайцев.

Имена многих алтайцев в Х1Х веке тоже звучали некрасиво, как бы нарочно обзывающе, как, например, Бок (помет), Кодон (зад), Чычкак (понос) и т.д. Это связано, в первую очередь, с суеверием алтайцев в Х1Х - начале XX веков. По поверьям алтайцев, нижний мир может отнять душу младенца, поэтому даже не называли вслух его по имени. Например, алтайского писателя Павла Васильевича Кучияк родители назвали Ийт-Кулак (Собачье ухо). Но «по языческому обычаю родители, у которых

дети умирали после рождения, чтобы Эрлик не забрал и этого ребенка, решили дать ему скверное имя. Долгое время ребенка называли Адыйок (букв. нет имени). Потом отец продырявил ребенку мочку уха, в отверстие засунул собачью шерсть и дал ему имя Ийт-Кулак» [Казагачева,2016,с.105]. Он происходил из рода майман. А майманы почитали собак. В этом смысле П. Кучияк (воробей) впоследствии обладал необычным музыкальным слухом, чутьем к художественному слову, чутко улавливал веяния своего времени.

Такие же имена были и у родственных народов Сибири. Например, в повести тувинской писательницы Екатерины Тановой читаем, что главного героя повести звали Чилбаком. На самом деле «Чылбака звали в детстве Кулер-оол, говорили, что он был очень красивым ребенком. Его бабушка даже боялась, как бы черти не сглазили, поэтому по тувинскому обычаю его стали называть некрасивым именем, чтобы обмануть нечистую силу. Чылбак, значит, чумазый» [Танова,2003, с.153].

А буряты и монголы придерживаются самого древнего обычая: весь послед новорожденного отдают собаке, чтобы она оберегала ребенка от чертей. В историческом романе «Темуджин» современного бурятского писателя А. Гатапова читаем: «Джучи хороший пес, его никакой ада (злой дух) не осилит». И далее, Темуджин (впоследствии Чингизхан – Н.К.) сказал: «Раз тебя будет охранять наш пес Джучи, значит, имя твое будет – Джучи. Тогда злые духи не отличат тебя от пса и побоятся нападать» [Гатапов,2017,с.6]. Джучи/дзучи с монгольского переводится как «кусачий».

Как известно, в годы советской власти люди с интересом относились к звучанию необычных слов и своих детей нарекали новыми словами: Школ, Газет, Совет, Коммунар, Выбор и т.д. Даже существовали такие всемирные имена, как Маркс, Карл, Коммунист, сохранившиеся в отчествах нового поколения. В советско-партийное время, точнее, в 50-60-е годы в ЗАГС-е существовал негласный запрет на алтайские имена, многие называли своих детей русскими именами. Существовал также перечень имен, от которого нельзя было отходить, а алтайские имена сознательно вычеркивались. К примеру, если алтаец хочет назвать свою дочь именем алтайской богатырши, как Темене-Коо (Стройная как иголка), то представители ЗАГС-а спрашивали, что означает это слово на русском языке. Алтаец переводит это имя синонимичным словом «ийне» (иголка), тогда там придумывали созвучное русское имя, как, например, Нина. На самом деле, на алтайском языке различаются два слова: Кемене (маленькая иголка) и Темене/Тобо+ийне (иголка с большими ушками), соответственно, родители называли так своих детей.

Иногда, если алтаец придет в отделе ЗАГС-а с именем своего предка, то его нарочно вычеркивали и давали русские имена. Например, вместо Боор получалось Борис. Фольклорное имя Эрмен-Чечен превращалось в одно слово Чечен. Все это доходило до того, что в одной семье оказывалось три мальчика или три девочки с одним русским именем: Альберт, Алька, Алик или Маруся, Мария, Маша. В то время невозможно было назвать детей именами тюркских предводителей, теперь появились имена Кюль-тегин, Бильге каган, Тоньукук и т.д. Тем более, их смысл ученые толковали противоречиво. Возможно, первое имя переводится как кӧл (озеро) по аналогии Чингиз-каан, Тенис-каан, Талай-каан (море и океан). Носитель монгольского и казахского языков Жандос Шекен перевел имя Тоньукук с оригинала на современный тюркский язык, как «Тоны+кӧк» (Шуба голубая) [Шекен,2013]. Это, думается, более точный и правильный перевод.

Из-за отсутствия в русском алфавите четырех алтайских букв, при написании данной статьи они сознательно удалены (j,ӧ,ӱ,ҥ): йот, «О», «У» - с умляутом и «Н» с логатифом. Но почему-то имена с оборотным «Э» частенько искажались при написании. К примеру, Елемова, Ергековна и т.д. Нынче начали называть детей именно с такими буквами: Эрмен, Эркеш, Эркин, Элес и т.д.

Личные имена обычно подразделяются на мужские и женские, о чем свидетельствует перечень имен, часто встречающийся на Алтае. Это в основном имена собственные, упомянутые в алтайском эпосе или художественной литературе. К сожалению, в словаре значение алтайских имен раскрыто недостаточно полно или наблюдаются искажения в русских именах. В настоящее время многие алтайские имена образованы от русских имен. Только в XX1 веке родители начали нарекать своих детей тюркскими именами. В основном, если это девочка, то нарекали названиями луговых цветов: Маралчы (Маральник), Тандалай (Эдельвейс), Буланат (Иван-чай), Чийне (Пион) и д.т. Необычным оказался для современного читателя перевод личных имен Чомур (Лилия) или Дьюмурт/Йодро(черемуха) и т.д. Заметим, в тюрко-монгольской среде самыми распространенными являются имена Эрдине (Талисман), Чечек (Цветок), Олонхо (лотос).

В алтайских именах преобладают также названия небесных светил: Айкӱне (Луна и солнце), Кӱнеш (Солнышко), Айсулу (Лунная красавица, от слова «сылулу»), Айды_ай (Лунное светило), Алтынай (Золотая луна), Толунай (Полнолунье), Солунай (необычный месяц) и так бесконечно. Особняком стоит имя Солоны (Радуга) и Дьилдыс (Звезда). Как видно, перечислены все небесные

светила в цветовом оформлении, кроме застывших богатырских созвездий, как, например, Мечин (Орион), Чолмон (Зарница). Нередко встречаются названия птиц, как например, Карлагаш (ласточка), Агуна (Красавка).

Алтайские мужские имена связаны обычно с родом деятельности человека, поскольку имя отражает его характер, способности: Мал+чы (Скотовод), Ан+чы (Охотник), Ат+кыр (Стрелок), Мерген (Меткий) и т.д. Ведь имя дается человеку не просто так, а со смыслом, со значением, с учетом в перспективе его деятельности, одним словом, со всей жизненной ответственностью. Бывает так, что многие оправдывают свое имя в жизненном пути, а нередко и не соответствует его судьбе. К примеру, на Алтае в начале XX века жил известный скотовод Аргымай Кульжин. Имя его переводится на русский как «скакун». И что характерно, по своей деятельности он занимался разведением на Алтае породистых лошадей. А в тюркском фольклоре и литературе часто функционирует имя «Аргамак» в значении крылатого коня. Имя Алан, наверное, мы переняли у карачаевцев. Оно означает разумный, здравомыслящий человек, точно также есть и фамилия Упаевы, которая в переводе означает «очко» (по-узбекски).

Так, если мужские имена как-то отражали характер человека, то женские имена связаны большей частью с украшениями: Дьюстюк (кольцо), Сырга (серьги), Топчы (пуговица), Тана (перламутр), Алтын (золото), Кумуш (серебро), Шуру (коралл) и т.д. Отсюда и пошли, например, фамилии Шуровых. Иногда имена девушек связаны с родом ее деятельности: Оймок+чы (Наперсток), Кожон+чы (Певунья).

Как видно, отдельные имена образованы добавлением к корню слова аффикса =чы/чи. Например: Урен+чи (зародыш), Куйка+чы (серьги), Куучын+чы и т.д. Вспомним алтайское имя матери известного алтайского писателя Л.В. Кокышева (1933-1975). Ее звали Куучынчы (Разговорчивая), а по-русски Арина. Как она образно разговаривала! Одним словом, она «за словом в карман не полезет». Нередко имя человека оправдывает его судьбу. Неслучайно, сын ее по имени Лазарь стал впоследствии и известным поэтом, прозаиком, драматургом, литературным переводчиком. Писатели Эркемен Палкин, Аржан (Владимир) Адаров, Борис Укачин, Кюгей Телесов, Таныспай Шинжин и другие уже отличались своими фамилией и именами. Разве что фамилия Палкин образовано не от слова палка, а от тюркского слова «Балка» (деревянный молоток), а фамилия Шинжин образовано от слова «шинжӱ» (исследование).

Алтайцы обычно при жизни имели три имени: детское, ласкательное алтайское имя и русское имя для учебы в школе и на работе. На самом деле тюрки меняли свое имя трижды: до 12 лет нарекали необычным именем, в юные годы к имени приписывали отцовское имя и в старости человеку давали имя почтительного обращения. Точнее, в 12 лет мальчик переходит в статус мужчины. В 24 года его зовут с именем отца, например, Мерген Эркинович. Далее, в старости его зовут уважаемыми именами, например, Кудей, Абый, Абайым и т.д. В частности, бабушку мою звали Кыра+чи (может быть, это слово первоначально было связано с тюркским словом кырмачи (мастер по дереву), лишь впоследствии переводилось как «полеводка»), но молодое поколение вовсе этого не знало, так как ее звали почитаемым именем Кудей, а дедушку в действительности звали Кыдат, а внуки звали его Абайымом. Все это связано с историческими событиями на Алтае. После распада Ойротии, многих алтайцев увели в плен в Китай, неслучайно, моего предка нарекли Кыдатом по-алтайски.

Современные алтайские имена нередко звучат необычно, красиво, загадочно: Байрам (праздник), Дьиргал (радость), Урмат (счастье), Амат (Мечта) или Капшагай (керамика), Кажагай (фаянс), Шадин/м (форфор), Диламаш (Каури). Одни слова потеряли свое первоначальное значение, другие редко использовались в именах, быту. Однако эти имена собственные четко прослеживаются в алтайском фольклоре и литературе. Часто встречаются сказочные имена, как Ырысту (Счастливец), Сынару (Стройный стан), Эркелей (Ласковая), а в произведениях алтайского писателя П.В. Кучияка (1897-1943) встречаются, например, имена Балан+ка (калина), Дьяжнай (молодой), Кажагай (фаянс) и т.д. Именами птиц названы герои исторических романов: Карчага (ястреб), Шонкор (сокол), Карлагаш (ласточка). Модными стали в настоящее время имена исторических личностей: Шуну, Амыр-Санаа, Батыр, Батый и др.

Некоторые слова завуалированы так, что за словом скрыты табуированные слова, например, Сакыл (белка), Араты (лиса), Майчик (заяц). Попробуй угадать, что за значение спрятано в слове, каков его смысл? Другие отражают обычаи и традиции алтайцев. Например, имена Эзен (привет) и Дьякши (Здорово или хорошо). Если первое относится к молодежи, то второе имя заключает в себе целое понятие. Обычно алтайцы приветствуют незнакомого человека с вопросом: «Дьякшы ба?» (Здравствуй). Ответ риторичен: «Дьякшы, дьякшы ба?». Очередной ответ останавливается в слове

«дьякшы». Буквально: если у тебя все хорошо, то у меня тоже все благополучно. Это целый церемониал приветствия применительно к уважаемым людям, гостям Алтая.

Были имена Чеечей (чашечка) и Канза (трубка), смысл которых связан с церемонией угощения гостей. Хозяин подает чашу с молочным напитком, гость, пригубив чашу, возвращает или передает почтенному человеку («туурам» – по-алтайски). Этот обычай гостеприимства алтайцев распространен до настоящего времени. Общеизвестен обмен гостей трубками как символ дружбы народов. Так, через значение собственных имен можно узнать много интересного об обычаях и традициях тюрко-монгольских народов.

По алтайскому мировоззрению, человек должен прожить 72 года. Если он живет дольше этого срока, то, говорят, что он проживает годы рано ушедших из жизни своих родных или родственников. Если родители ушли в 72 года, то они, по понятиям алтайцев, на том свете продлевают жизнь, точнее, оберегают судьбу своих детей. Неслучайно, существуют целые понятия философского значения: 50 лет обозначают словом «белек» (подарок судьбы), 60 лет соответствует слову «укаалу» (время мудрствования), 70 лет называется понятием «бичелен» (время записи). Точнее, в нижнем мире злые духи уже подсчитывают, забирать его душу или повременить. Вот почему алтайцы не отмечают свое 70-летие, а ждут последующие круглые даты: 75-летие или 80-летие, удачно перевалив 72 года по тюркскому летоисчислению. Отсюда пошли и фамилии Белековы, Ухановы, Пичеленовы.

Таким образом, тюркские имена собственные и фамилии менялись во времени, оставляя свои следы в рунических надписях, названиях гор, населенных пунктах, городов, географических точках, одновременно меняя смысловое значение или перенимая имя от народа к народу, нередко в искаженном виде. Тем не менее, расшифровка их смысла приводит к новым научным открытиям и оживлению некоторых имен собственных в тюркских именах и фамилиях в настоящее время. Избегая в дальнейшем искажения имен и фамилий, думается, пора ввести в русский алфавит четыре алтайские буквы или дать параллельное написание алтайских имен при регистрации гражданина в комитете Загса и паспорте.

Литература

1. Алтайские личные имена (Сост. В.А.Муйтуева, Т.Н.Туденева).-Горно-Алтайск, 1993.-128с.; Горно-Алтайск, 2003.- 120с.

2. Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. - М.1979

3. Бутанаев В.Я. Происхождение хакасских родов и фамилий.- Абакан,1994.- 93с.

4. Гатапов А. Темуджин. Отрывок из 4-й книги романа// Литературная газета,2018,№51-52 за 27 декабря-2 января, С.6-7.

5. Казагачева З.С. Жизнь и творчество П. Кучияка как отражение эпохи в культуре Горного Алтая//Актуальные проблемы алтайской драматургии в XX 1 веке: к 120-летию П.Кучияк. - Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ,2017.-С.105-114.

6. Кулады: ой ло улус («Кулада: время и люди»). Составитель Г.Б. Чекурашев.- Горно-Алтайск, 2016.-187с.

7. Ойротско-русский словарь (Сост. Н.А.Баскаков, Т.М.Тощакова). - Горно-Алтайск, 1947, переизданный в 1990; Древнетюркский словарь. - М., 1969; Севоротян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. - М.: Наука,1980.- 395с.; Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая.- Горно-Алтайск, 1979.

8. Ойротско-русский словарь (Сост. Н.А.Баскаков, Т.М.Тощакова). - Горно-Алтайск, 1947.

9. Танова Е. Тайна цветущей ивы.- Кызыл: тув.кн.изд-во,2003.- 153с.

10. Чевалков М.В. Памятное завещание.// сб. Памятное завещание. Алтайская дореволюционная проза.- Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд. Алтайского кн.изд-ва,1990. – С.45-140.

11. Шекен Жандос. «Монголдын купия шежіресі»: фольклорлык, эдеби негіздері. Монография.- Караганды: Болашак-Баспа,2013,-148с.

©Киндикова Н.М, 2018

Кузнецова Т.Л.,
к.ф.н., зав. сектором литературоведения ИЯЛИ КОМИ НЦ УрО РАН
г. Сыктывкар, Республика Коми

КОМИ ПРОЗА КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ.: ПЕРИОД ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПОИСКОВ

Литература второй половины 80-х годов XX века – начала XXI века, весьма выразительно передающая умонастроения современного общества, составляет этап развития литературы, характеризующийся, на наш взгляд, напряженной энергией художественных поисков: "художественное лицо эпохи" (Д.С. Лихачев) связано с поисками. Искони присущие литературе гносеологические функции получают несколько иное наполнение; думается, состояние поисков в новейшей литературе органично связано с особым состоянием культуры переходной эпохи, в характеристике которого исследователи прибегают к слову драматизм: «Различные формы воплощения драматизма в искусстве - это как бы своего рода отражение динамики драматизма как самосознания культуры переходной эпохи». [4, с. 204-205] На наш взгляд, в характеристике литературы конца XX - начала XXI в. как литературы рубежной, переходной эпохи весьма важно то обстоятельство, что «культуру нельзя представлять как одномерную плоскость: в глубине культуры, по-разному проявляясь, идут поиски смысла новой культуры». [10, с.100] Данные особенности самосознания культуры находят различные формы выражения в новейшей коми прозе.

Рубеж веков – особый, весьма специфический социокультурный феномен. При характеристике рубежного времени внимание исследователей вполне справедливо концентрируется на таких факторах, как усталость и исчерпанность, парадигмы начала и конца, смерти и возрождения, разрушения и творения. «Таким образом, кризис духовного (художественного) сознания, типичный для рубежа веков, охватывает Россию и Европу, центр и периферию, все сферы культуры и гуманитарного знания. Он выражается в кризисе веры и безверия, отрицании гуманитарных наук, смешении жанров и стилей», – вполне справедливо отмечено исследователем культуры рубежа веков Бочаревой Н.С. [1, с.115]

Характеризуя период рубежа веков, исследователи вполне справедливо ведут речь о «дебютном» мировоззрении – ощущении эпохи и «финальном» – особом типе умонастроения и мировоззрения: debut de siecle (франц.) – прото – «начало века» и fin de siecle – пост – «конец века». [11, с.180-181] Утверждение литературоведов о том, что «историко-литературная ситуация рубежа веков способствовала появлению особого типа художников, «ножниц между столетиями», которые создавали принципиально новые художественные системы, эстетическая расшифровка которых оказывается возможной только при учёте сближённости «концов» и «начал» [9, с.50], позволяет рассматривать литературу конца XX – начала XXI в. как особое эстетическое явление.

Социокультурные особенности России современного рубежа веков осложнены тем, что драматизм переходного периода сопряжен с кардинальными изменениями социально-экономического характера, что переживает общество. Данные перемены, в основном связанные с тенденцией разрушения, органично и естественно граничат и с тяготением к стремлению обнаружить, сформировать контур созидательного начала. На наш взгляд, сложный симбиоз данных векторов развития, выражающий особенности мироотношения общества и нашедший воплощение в литературе, позволяет характеризовать ее как переживающую состояние поисков: ментальность общества переходного периода коррелирует с напряженной энергией художественных поисков. На наш взгляд, важное значение имеет то обстоятельство, что литература порубежья (конца века – начала века) – литература особого типа, в ней наиболее выразительно запечатлен дух времени. «Вобравшая» атмосферу эпохи, литература порубежья воссоздает искания (данный феномен, на наш взгляд, составляет существо ее семантической поэтики, прибегая к терминологии Н.Л. Лейдермана). Именно это обстоятельство обусловливает специфику художественного осмысления действительности; энергией поиска рождены явления и процессы, определяющие художественный облик прозы порубежья: сознание общества, переживающего переходный период, характеризуется весьма своеобычными чертами.

Данные социокультурные факторы во многом определили и особенности художественного развития коми прозы конца XX – начала XXI вв.

Разрушившиеся связи, что вызывают ощущение дискомфорта, чувство безысходности характеризуют картину мира, отличную от сложившейся в литературе позднесоветского периода. Апокалиптический ужас, кризис мировоззренческих установок, осознание того, что мир невозможно познать, обусловили и тяготение к новым, нетрадиционным художественным формам (повесть А.

Лужикова «Окаменевшие слезы» (1998), рассказы А. Полугрудова «Туман» (1997), «Сон» (1999), «Первый снег» (1997) и др.). Герой произведений А. Лужикова и А. Полугрудова, болезненно переживая разрушившиеся связи с миром, сконцентрирован на своих ощущениях, переживаниях; Особенности композиционной формы, отличающейся произвольностью, коррелируют с естественным движением мыслей, чувств, ощущений. В особенностях поэтики эротической повести также открываются эсхатологические предчувствия современного общества (повести В. Тимина «Белый туман» (2002), В. Напалкова «Я тебя люблю» (1992), «Прости меня, женщина» (1993), «Прощай» (1995), «Ягодный месяц август» (1996) и др.) В сущности, эстетика современной масскультуры есть выражение противоречий времени, обнаруживающих глубокие катаклизмы, переживаемые обществом. Гедонизм, видимо, все же, определяющий мировоззренческие установки современника, во многом обуславливает характерные черты поэтики современной коми прозы.

В исследовании очень непростых отношений современника с миром, который в влечении к гармонии пытается осмыслить глубинную связь времён, понять, каково его место в мире, прозаики открывают сферу его миро-ощущения, связи с обществом – нацией, родом, семьёй. Освобождаясь от идеологизированных взглядов, проза концентрирует внимание на семейно – родовых отношениях, органично связанных с национальным опытом. Семейно-родовые основы жизни рассматриваются как определяющие, формирующие духовный опыт личности (киноповесть Ю. Екишева «Ангел рода» (1997), повесть А. Попова «Расплата» (1992), миниатюры И. Белых, А. Ульянова и др.), и это утверждение, выработанное современной прозой, несомненно, имеет важное значение.

Экономические, социальные катаклизмы, которые переживает современное общество, актуализируют вопрос и о духовных возможностях человека, о нравственных глубинах сознания. Стремление осмыслить духовный опыт, выразившееся в монологе о прожитом (повесть А. Некрасова «Как стать великим» (1993), рассказы Н. Обрезковой «На семи лодках» (2006), Е. Рочева «Тундровый орел», 2006), напряженные размышления о былом, болезненные сомнения в этической состоятельности свершенного (повести А. Попова «Расплата», Е. Рочева «Долгий сон» (1995), А. Ульянова «Ты и я» (1992), рассказ В. Бабина «Полосатый ручей» (2007) и др.) открывают попытки прозаиков решить очень непростые нравственные проблемы. Нравственные поиски придают глубину художественному тексту: общество вступило в непростой период переосмысления, подведения итогов. Тяготение к ценностям общечеловеческим углубляет эстетическую значимость прозы; литература уже способна выработать трезвый взгляд, выявить истинные ценности жизни, отвлекаясь от социально – политических факторов конкретного времени. Эти факторы говорят о сущностных переменах, переживаемых современным обществом. Думается, вполне справедливо внимание к общечеловеческим ценностям, наблюдающееся в литературе, Н. Лейдерман и М. Липовецкий связывают с глубинными процессами, определяющими природу общественного сознания: «В конце XX века, как и в конце XIX, опять обнаружилось, что спор между разными социальными доктринами (концепциями) нельзя разрешить, оставаясь внутри социальных масштабов, опираясь только на социальные координаты. И вновь на границах переходной эпохи выступили «вечные темы» - как напоминание о главном, о верховных критериях жизни, по отношению к которым социальные парадигмы есть не более чем часть, а то и частность. Возвращение к «вечному» означало, в сущности, возвращение к человеческому измерению – в свете вечности существование и бытие человека, его судьба, его духовный мир выступают «ценностным центром» искусства». [7, с. 672] В «другой» прозе звучит голос современника, не только поверженного хаосом жизни, но и терзаемого попытками самоидентификации, которые неизменно «отягощены» нравственной подоплекой. За бравадой героя А.Полугрудова (рассказ «Мы», 1999), его одиночеством (рассказы «Туман», «Сон»), видимой, кажущейся занятостью (рассказ «Сон») – глубокая тоска по гармонии и напряженный внутренний поиск. В плоскость стиля вселяется нарочитость особого рода, сопряженная с горькой иронией и самоиронией, за которыми скрывается опустошенность, что терзает героя (в сущности, автор прибегает к скрытым формам исповеди). Ирония и самоирония, также выражая особенности мироощущения современника, играют значимую роль в создании художественной картины мира. Именно в напряженной энергии иронии рождается подтекст, вбирающий глубину переживаний; действительно, правы исследователи в утверждении, что « … в семантической структуре художественного произведения подтекстовая информация является доминирующей». [2, с.61]

Нетрадиционная структура композиции, иная сфера топоса, а также внимание к деформированным формам сознания (забытье, полусон, видение), состоянию сна позволяет обнажить экзистенциальные ощущения, которые переживает современник в очень непростой период переосмысления.

Герой тяготеет к тому, чтобы осознать меру личной ответственности: повесть стремится выявить, насколько человек самодостаточен. В эпоху, когда герой, исполненный эсхатологическими ощущениями, в полной мере ощутил, что мир хаотичен и непознаваем, в нем появляются силы, дающие возможность задать себе главный вопрос: в нем рождается чувство ответственности (повести Е. Рочева «Долгий сон», А. Некрасова «Как стать великим», А. Попова «Расплата», рассказ Е. Рочева «Тундровый орел»). Это очень важный знак, также характеризующий глубинные изменения, происходящие в сознании общества. Подспудное стремление осознать меру ответственности, осмыслить связи с обществом находит формы выражения в мотиве вины, необходимости переоценить жизненный опыт, испытать глубокое покаяние. Нравственные искания современной прозы находят форму весьма значимой мысли о вековечном, неиссякаемом могуществе человека, аккумулирующем созидательную энергию. В осмыслении неразрешимых противоречий, в поисках независимых от политизированных концепций форм художественного решения проза приходит к утверждению приоритета природных – экологических, географических - факторов в развитии истории и культуры народа; писатели обращаются к этнической, родовой, семейной генеалогии характера (киноповесть Ю. Екишева «Ангел рода», повести Е. Рочева «Долгий сон», А. Попова «Расплата», рассказ Н. Обрезковой «На семи лодках»). Мысль о значимости природных факторов, обуславливающих нравственный опыт и судьбу личности, определяет художественные поиски современной коми прозы. Высокое напряжение апокалиптических ощущений, выражая умонастроение эпохи, способствует и тому, чтобы выявить основные жизненные ценности, понять, в чем предназначение человека.

Художественный опыт повести свидетельствует о том, что литература тревожной современности способна к выработке философского взгляда: Ю.Екишев насыщает художественную семантику киноповести «Рӧдвуж андел» глубинным смыслом, воссоздавая единение противоречий, на котором зиждется могучее движение жизни. Проникновение в суть, непростые поиски путей к истине составляют ключ произведения: взору автора открывается мощный поток движения жизни. Быт в его произведении наполнен бытийным содержанием: в нем словно запечатлена поступь времени. В произведении Ю. Екишева выразительно проявляется целостный взгляд на жизнь, вырабатываемый повестью рубежа веков. В сознании современного общества происходят изменения мировоззренческого характера: деформированное эсхатологическими предчувствиями мирооотношение гармонизируется.

Крушение мировоззренческих основ, что переживает современное общество, необъяснимо и очень выразительно сказалось на жанре рассказа: ощущение калейдоскопичности, что производит рассказ (при наличии многочисленных художественно несовершенных произведений), связано с утерей ценностных ориентиров. В состоянии поиска отказавшись от крупных, ярких характеров, рассказ в очень непростой, переходный период видит жизнь как довольно пеструю мозаику. Несмотря на попытки рассмотреть закономерные связи и отношения, в целом жизнь видится современному рассказу как хаотичное сцепление событий и явлений. В то же время рассказ испытывает тяготение к воссозданию будничной повседневности во всей полноте реалий жизни, обнаруживая близость с натуралистичным воссозданием жизни, в чем есть некая нарочитость, желание противостоять свойственной советской литературе утопичности (рассказы О. Уляшева. В. Лодыгина, А. Одинцова и др.). В период, когда общество ощущает необходимость в переосмыслении исторического прошлого, когда современник ощущает дисгармонию в отношениях с миром, особое место в прозе получает миниатюра: видимо, это обусловлено художественными особенностями этого весьма своеобразного жанра, его близостью с поэтикой черновика, выражающейся в незавершенности, стремлении запечатлеть сиюминутные ощущения (произведения И. Белыха, В. Лодыгина, О. Уляшева и др.).

Сложности переходного периода, драматизирующие жизнь современного общества, конечно, не способствуют развитию крупного эпического жанра: роман переживает непростые времена. Период, когда целостность мира в восприятии современника нарушена, не создает условий для эпического осмысления действительности. Думается, вполне справедливо утверждение известного литературоведа Н. Рымаря о том, что в целостности романа участвуют, «с одной стороны, целостность личностного сознания романного героя, а с другой, - целостность движения жизни, ее единый ритм, специфическая упорядоченность, ценностная системность художественного мира». [8, с.45]. Несмотря на сложности, которые испытывает современный роман, именно в этом жанре нашли выражение концептуально значимые воззрения крупных, известных писателей: выходят в свет «Огнивница» (1999) Г. Юшкова, «Викинг из Биармии» (2010) В. Тимина. В их творчестве новое наполнение получила мысль концептуального характера о самобытности истории и культуры

родного народа, причем направленность сознания, воли, чувств художников слова всецело концентрируется в утверждении самобытности исторического опыта народа коми. Их мировоззренческие установки, ярко выраженная гражданская позиция, личностные устремления не могли не оказать влияние на особенности художественного осмысления ими драматичных противоречий современности. Видимо, в данном случае превалируют гражданские чувства, в первую очередь крупнейшие мастера слова чувствуют себя представителями своего немногочисленного народа. Апологетизация прошлого связана с затаенно-возвышенным, любовным его изображением; особую эстетическую функцию получает сфера авторского отношения, приобретающая субъективность особого рода. Эти факторы обуславливают своеобразие природы приглушенного, но настойчиво звучащего теплого лирического пафоса, вкрапленного в глубь художественной ткани произведений; именно специфика интенций авторов определяет поэтику их произведений (емкое в символичности название романа Г. Юшкова «Бива» (Огнивница) - в переводе с коми – кожаный поясной мешочек с огнивом, кремне и трутом – то, чем добывают, высекают огонь выражает семантику произведения: авторы видят свое предназначение в укреплении национального самосознания своего немногочисленного народа). В. Тимин в своем романе воссоздает жизнь древних коми, изображая легендарную Биармию. Автору удалось показать Биармию как могущественное государство, объединяющее финно-угров – коми, удмуртов, марийцев, карелов, финнов и др.: В. Тимин предпринимает попытку художественного исследования этнических корней коми и воссоздания прародины финно-угров. Историческая проза рождена в эпоху, когда интеллигенция остро чувствует необходимость заявить о национальной самобытности народа; особенности ее поэтики обусловлены стремлением писателей подчеркнуть своеобразие исторического опыта народа.

Итак, новейшая коми проза переживает состояние поисков; несомненно, оно выразилось во всех сферах художественной ткани прозы. Так, в области характерообразования нашла отражение энергия поисков, порой очень неровных, угловатых. В первую очередь на это указывают те обстоятельства, что авторы изменили семантическую наполненность образов героев. Герои множества произведений (чаще – повестей и рассказов) теряют основы жизни, перестают видеть цель – пусть не возвышенную – житейски-обычную. В произведених, обращенных в далекое прошлое, вдохновленных идеями пассеизма, характеры героев обладают цельностью; их основная черта – преданность Родине, своему немногочисленному народу (романы Г.Юшкова «Огнивница», В.Тимина «Викинг из Биармии», повесть В.Тимина «Мальчик из Перми Вычегодской», 1998). Герои данных произведений действенны, целеустремленны. Авторы, скорее, не исследуют характер, а стремятся к его демонстрации. Причем, в характерообразовании акцентирована художественная энергия, близкая к инвективе. Особенности рецепции таковы, что читатель ощущает действие воли автора. Подобный тип характерообразования также демонстрирует «поисковый» характер литературы. Необходимо отметить, напряженные художественные поиски, переживаемые новейшей малой коми прозой, выражаются и в обращении к индивидуализации жанровой формы. Думается, не чем иным, как тяготением к индивидуально-авторским формам художественного осмысления объясняется и то обстоятельство, что жанр рассказа, отчётливо выделяющийся в советский период истории коми литературы, на рубеже XX-XXI веков словно вступает в ряд других малых прозаических форм: имеет смысл вести речь о малых формах современной коми прозы. Более того, рассказ вытесняется другими малыми прозаическими формами: миниатюрой, коротким рассказом. Художественные поиски малых форм прозы сопряжены с процессами некого межжанрового движения (художественная ткань жанровых форм весьма точно воплотила особенности времени, когда стихия разрушения и неопределённость определяют сознание общества). Мы вправе вести речь о таком художественном феномене, когда одно и то же произведение можно отнести и к жанру рассказа, и миниатюры, или – и очерка, и миниатюры, или – и эссе, и миниатюры и т.д.

Но вместе с наблюдаемыми явлениями художественной ткани произведений (порой угловатыми, непосредственно выражающими умонастроения общества), в новейшей прозе имеют место раздумья-поиски об основных законах развития жизни.

Итак, новейшая коми проза испытывает напряженное состояние поисков. Она тяготеет и к исследованию сложных взаимоотношений мира и человека, стремится акцентировать внимание на сущностных аспектах духовной жизни, сферы чувств героев. Постепенно освобождаясь от влияния политизированных концепций, коми проза пытается сосредоточить поиски на вопросах истории и культуры народа.

Литература

1.Бочарева Н.С. Формы выражения кризисного сознания в литературе и культуре рубежа веков // Вестник Пермского университета, 2010. Вып. 2(8). – С.111-118.

2.Голякова Л.А. Подтекст: прагматические параметры художественной коммуникации // Филологические науки. 2006. №4. – С.66-68.

3.Королев К.С. Биармия (территориально-этнический аспект) // Филологические исследования на рубеже XX-XXI вв.: традиции, новации, итоги, перспективы. Сб. статей по итогам Всероссийской научной конференции . Сыктывкар, 2012. – С.249-253.

4. Кривцун О.А. Эволюция художественных форм. – М.: Наука, 1992. – 303 с.

5. Кузнецова Т.Л. Коми повесть конца XX – начала XXI в.: опыт художественных поисков. – Сыктывкар, 2008. 44 с. (Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН; Вып. 502).

6.Кузнецова Т.Л. Малые формы коми прозы конца XX – начала XXI века: особенности художественного развития. – Сыктывкар, 2014. 40 с. (Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН. Вып.518).

7.Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н., Современная русская литература: 1950-1990-е годы. – М.: Издательский центр Академия, 2003. – 688 с.

8.Рымарь Н.Т. Поэтика романа. – Куйбышев: Изд-во Саратовского университета, Куйбышевский филиал, 1990. – 257 с.

9. Химич В.В. О художественной системе А.П. Чехова // Русская литература XX века: закономерности исторического развития. Книга 1. Новые художественные стратегии / Отв. ред. Н.Л. Лейдерман. – Екатеринбург: УрО РАН, УрО РАО, 2005. – С.50 -71.

10.Царева Н.А. Русский символизм и европейский постмодернизм о кризисе культуры // Знание. Понимание. Умение. Научный журнал Московского гуманитарного университета Изд-во Московского гуманитарного унив-та. 2011. №1. – С.96-101.

11.Эпштейн М. Debut de siecle, или От пост – к просто – // Знамя. 2001. №5. – С.180 -198.

© Кузнецова Т.Л., 2018

Кульсарина И.Г.,
к. ф.н., доцент БашГУ,
г.Уфа, Республика Башкортостан

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА БАШКИРСКОГО КРАЯ В ТВОРЧЕСТВЕ А. ГЕНАТУЛИНА

В литературном пространстве Башкортостана особое место занимают произведения русскоязычных писателей, посвященные актуальным темам современности и разносторонне исследующие историческое прошлое страны. Безусловно, полиэтничное развитие республики делает возможным гармоничное сосуществование национального и русскоязычного начал в творчестве многих художников слова. Как отмечает М. Г. Рахимкулов: «Произведения, созданные башкирскими и татарскими литераторами на русском языке, адресованы прежде всего русскому читателю. Эти произведения, освещающие народную жизнь изнутри, нередко отличаются от произведений русских авторов, не имеющих возможности долго и разносторонне изучать жизнь, быт, культуру, историю башкирского народа» [1, с.333]. К сожалению, эта часть региональной литературы все еще остается неисследованной в отечественной филологии, имеется лишь несколько статей и разделов в журналах и учебных пособиях [2-5]. Между тем в творчестве русскоязычных писателей Башкортостана наиболее полно и многогранно раскрывается полиэтническое пространство России, ярко высвечиваются идеи патриотизма и толерантности.

В творчестве А. Генатулина ярко отразилась жизнь башкирского народа в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период. В его сборниках рассказов «Рябиновая гора», «Аю-таш», «Золотая моя колыбель» повествуется о прошлом и настоящем башкирского края. Среди героев автора – пастухи, хлеборобы, старики, дети. Так, главным героем рассказа «Запах мятрушки», открывающим сборник «Аю-таш», является Хабибулла Сафиуллин. За свой самоотверженный труд этот простой сельский пастух был удостоен ордена «Знак Почета», что даже о нем написали очерк в газете. И все это он воспринимает как аванс и старается еще лучше работать во всеобщее благо. В образе Хабибуллы выведен образ добросовестного рядового труженика. Глазами пастуха автор показывает красоту и богатство башкирской земли. Ключевое место в рассказе занимают воспоминания героя о переломном моменте своей жизни. Увидев на полянке цветущую мятрушку и нарвав большой пук травы, он размышляет: «Чем пахнет мятрушка? Как будто не травой она пахнет.

Крепкий, какой-то тревожный запах, словно запах горячей человеческой крови…» [6, с.5]. Автор умело использовал в своем рассказе прием ретроспекции и символики. Хабибулла вспоминает, как он, инвалид войны с продырявленным немецким осколком груди, пролежав полгода в госпитале, ехал домой в поезде в сопровождении молоденькой медсестры. Лежа на вагонной полке, раненый солдат отдается сладким мечтам и представляет русскую девушку в родном ауле, в своей избе, рядом с матерью за самоваром. Он представляет, как они будут общаться между собой: «Мать что-то говорит снохе. Говорит очень громко – ей кажется, что чем громче произнесет она башкирские слова, тем они станут понятнее этой русской женщине. Сноха отвечает ей по-русски, отвечает тоже громко, хотя ни слова не понимает, что говорит ей мать» [6, с.10]. В мечтах Хабибуллы через год его русская жена умеет уже говорить по-башкирски не хуже любой деревенской женщины, живут они втроем в мире и согласии: «У молодых рождаются дети, мальчики и девочки; мальчики похожи на отца – смуглые, скуластые, девочки все в мать – желтоволосые, голубоглазые. Живут они долго не старея, потом, окруженные детьми, внуками, умирают в один день, и хоронят их в одной могиле…» [6, с. 10].

Особое место занимает в рассказе А.Генатулина образ матери. Приехавшая за сыном на южноуральскую станцию мать Хабибуллы казалась постаревшей, почерневшей лицом, маленькой и жалкой. Сын вспоминает свои детские годы, когда мать была очень скупа на ласки: «говорила, что заласканный ребенок подол пачкает, что детей своих она ласкает, только когда они спят» [6, с.12]. Эта строгая и бойкая вдова, воспитывающая одна своих детей, никогда не сдавалась жизненным трудностям. Именно она, простая деревенская женщина, с присущей ей житейской мудростью и терпеливостью, поставила на ноги заболевшего чахоткой Хабибуллу. Вначале поила старшего сына каждый день кумысом, а потом, летним днем, посреди двора вырыла с младшим сыном яму и натаскала туда целый воз хворосту, привезла целой копны мятрушки. Автор показывает, как народная медицина, а также сила веры и любви матери спасли от тяжелой болезни Хабибуллу. Герой вспоминает, как несколько дней его парили в горячей яме с мятрушками и поили кумысом. Финал рассказа завершается трогательной картиной. Увидев сидящую на крыльце дряхлую и немощную мать, сыну захотелось помочь ей подняться на крыльцо, но старуха двигалась с трудом. Тогда он просто взял мать на руки, легкую, почти невесомую, будто всю иссохшую или пустую внутри, и внес её в дом. Необходимо отметить, что почтительное отношение к матери встречается во многих произведениях А.Генатулина. В рассказе «Рябиновая гора» писатель описывает самую горячую пору в деревне – покос и вспоминает, как работала мать: «Она без устали носилась по елани, подгребая сено и граблями, и ногами, подхватывая в охапку целую копну; вокруг матери поднимался легкий ветерок и кружил сенную труху» [6, с.85]. С любовью и нежностью окидывает своим взором герой елань, носящую имя матери. Эту полянку, где каждый год вдова косила сено, народ назвал Минсафиной еланью. В рассказе дано живописное описание природы башкирского края: «Гора эта Рябиновая называется, наверное, потому, что на её вершине, на самом высоком месте, среди камней растет рябина. Издавна повелось так: весной, когда плешина горы запестреет быстро отцветающими цветами умырзаи, сюда приходят нарядные девушки, водят хороводы и на ветки рябины привязывают яркие разноцветные ленты. Говорят, будто под рябиной похоронен святой. И хоровод на горе, и ленты на рябине – это, вероятно, отголоски какого-то забытого языческого обряда – по преданиям, рябина считалась священным деревом у древних башкир» [6, с. 92]. По рассказу А.Генатулина перед глазами читателя встает богатый растительный мир башкирского края: на склонах гор растет дикий лук, созревают ягоды, радуют глаз красивые цветы. Герой передает свои ощущения безмерного счастья жить на этой земле: «Я был счастлив от солнечного тепла, от купания в быстрой реке, от запаха сена, полевых цветов, от буйства весенней грозы…» [6, с. 95].

Писатель во многих своих рассказах и повестях знакомит русскоязычного читателя с башкирским ландшафтом, овеянным преданиями и легендами. Так, в рассказе «Аю-таш», повествующей о поездке Марата на бабушкину родину, дается зримое описание местоположения деревни: «Деревня, маленькая, всего сорок избушек, выстроилась по берегу реки среди гор, лугов и урманов… За уремой раскинулись тугаи, торфяные болота, заглохшие озера. Один холм напротив деревни был похож на спину тощей коровы, другой, подальше, напоминал старинный островерхий башкирский малахай. Поодаль по всему горизонту тянулась высокая лесистая гряда Уральского хребта. Самое высокое место хребта, скалистая седловина, называлась Аю-таш, якобы потому, что там водились медведи» [6, с. 42-43]. Марат с соседом бабушки пастухом Закиром поехал на горы и был изумлен величавой их красотой. Скала, что высилась над просекой, была похожа на огромную наковальню. Кульминационным моментом рассказа является эпизод игры Закира на курае: «Курай запел громче, он пел тоскливо, заунывно, будто шумели вековые башкирские урманы, будто кто-то звал кого-то печальным голосом и плакал от жалости и нежности» [6, с.52]. И в этот момент Марату

как будто послышались странные звуки, словно какая-то птица кричала жалостливо, призывно: «Саак!» Откуда-то издалека ей отвечала другая птица: «Суук!». Далее автор устами Закира повествует народную легенду об этих птицах. В ней рассказывается о любви дочери богатого бая и бедного пастуха, которых отец девушки с помощью колдуньи превратил в птиц. С тех пор они каждый день ищут друг друга, перелетают с дерева на дерево и кричат, однако не могут встретиться. Мотив разлученных влюбленных переплетается в сюжете с историей главных героев. Когда Марат во время грозы один остался на поляне, тоскливо закричал: «Саак!». И вот откуда-то снизу, из чащобы лесов, донесся слабый голос Раузы: «Суук!» [6, с. 55].

Башкирский фольклор привлекается писателем как для создания местного колорита, так и для многостороннего раскрытия характера героев произведения. Особая роль в репрезентации образа башкирского края отводится топонимическим преданиям и легендам. Например, рассказ «Три процента» начинается со знакомства с историей зауральской деревни, основателем которого был сотник Минлебай Ишманов. В рассказе «Латифины ямы» повествуется о судьбе Латифы, чье имя народом было увековечено в топониме. В произведениях А. Генатулина деревни, реки, горы, поляны и холмы фигурируют под своими реальными названиями. По рассказам писателя вырисовывается история башкирского Зауралья. В его произведениях идея родной земли, отечества связывается с судьбой народа. Особенно отчетливо она выражена в рассказе «Мимоездом»: «…родина – это не только горы, леса да реки, родина – это и люди, наш род, наши предки, пришедшие в эти горы бог знает из каких земных далей, обжившие, вспахавшие склоны этих гор, изрывшие окрестности нашего аула, ища в уральских недрах золото; это и их потомки, мои односельчане, ровесники, пашущие землю, пасущие скот, простые, добрые, достойные люди, с которыми хорошо посидеть, потолковать, послушать их песни. Родина – это и язык моей матери, и её могилка на аульском погосте, и камень от дедовской кузницы…» [6, с.79].

Таким образом, приемы ретроспекции, символики, обращения к фольклору и этнографии края помогли А.Генатулину полнее и глубже раскрыть образ башкирского края, рельефнее выразить идейно-тематическую направленность произведений.

Литература

1. Рахимкулов М. Г. Русскоязычная литература Башкортостана // В книге: Рахимкулов М. Г. От Горького до наших дней. Часть вторая. XX век. – Уфа: Китап, 2013. – С. 289-333.
2. Рахимкулов М. Г., Сафуанов С. Г. Русскоязычная литература Башкортостана// Учитель Башкортостана. – 2003. – №12. – С.52-56.
3. Рахимкулов М. Г., Сафуанов С. Г. Русскоязычная литература Башкортостана// Учитель Башкортостана. – 2004. – №2. – С. 47-49.
4. Кульсарина И. Г. Башкирский фольклор в русскоязычной прозе Башкортостана// Вестник Башкирского университета. – 2012. – №3 (1). – С. 1559-1562.
5. Кульсарина И. Г. Литературное краеведение. Учебное пособие. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. – 92 с.
6. Генатулин А. Аю-таш. Рассказы. – М.: «Сов. Россия», 1975. – 96 с.

© Кульсарина И.Г., 2018

Курбанова З. Г.,
старший научный сотрудник ДНИИП им. А.А. Тахо-Годи,
г. Махачкала, Республика Дагестан

К ВОПРОСУ ВОСПИТАНИЯ НРАВСТВЕННОСТИ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА СРЕДСТВАМИ ФОЛЬКЛОРА

Дагестан всегда славился ценными народными традициями и обычаями, идущих из глубины веков. Самое важное и нужное в народной педагогике использовали в свои трудах известные прогрессивные мыслители 19-20 веков Г. Алкадари, Г. Гузунов, М. Алибеков, А. Акаев, А. Чиркеевский, М.-Э. Османов, классики дагестанской поэзии И.Казак, О. Батырай, Е.Эмин, Махмуд.

Средством нравственного воспитания в литературе является слово. Им пользовались и в народной педагогике Дагестана, в быту это проявлялось в надписях мудрых изречений на различных предметах, что являлось наглядной агитацией общепризнанных нравственных правил. В устном народном творчестве народов Дагестана, как в бесценной сокровищнице, хранятся представления и чаяния многих поколений людей о воспитании в молодом поколении таких нравственных качеств, как трудолюбие, гуманизм, уважение к старшим, сострадание, милосердие, патриотизм…Главными чертами пословиц является краткость, образность, мудрость и применимость к определенным

жизненным ситуациям. В лаконичной форме она выражает и обобщает народный опыт. В хрестоматии представлены пословицы и поговорки всех народов Дагестана по тематическому принципу «О Родине, силе народа, его героизме», «О труде и ремесле», «О добре и чести, правде и лжи, о людских пороках», «Об уме, знании», «Философского характера».[1. с. 33-40] Одним из заданий, помогающим определить уместность использования пословиц в жизни, является следующее:

Определить к каким случаям можно применить эти пословицы

Нельзя уйти от предназначенного судьбой.

Правдивое слово горько.

Пока спина не взмокнет – поле не вспашешь.

Каждая птица свое гнездо любит.

Он и комариную ногу подкует.

Мертвой овцы холодная кишка.

Всякий любит свой дом.

Очень искусный мастер.

Не потрудишься – не получишь ничего.

Что суждено, то и будет.

Правда всегда неудобна.

Ленивый и ничтожный человек.

Следующее задание поможет школьникам составить собирательный портрет горца и подчеркнуть такие черты, как гостеприимство, верность долгу, готовность прийти на помощь, уважение и почитание старших. Это поможет им сформировать чувство национального самосознания и достоинства.

Другим заданием, воспитывающим учащихся в духе интернационализма и уважения к другим народам, станет предложение найти схожие с дагестанскими русские пословицы. Важно обратить внимание на то, что все они, к какой бы национальности не относились, дружно выражают уважение к честным, смелым, щедрым, добрым людям, преданным своей земле, и демонстрируют презрение и неприятие к таким порокам, как скупость, трусость, ложь, лень, глупость …

Целям нравственного воспитания служит процесс обучения гуманитарным наукам. Литература и история изучаются в школе прежде всего для того, чтобы раскрыть сложные отношения людей, исторических и общественных деятелей, литературных произведений, доводить до ума и сердца учащихся их переживания, мотивы, поступки для того, чтобы происходило самопознание учащихся, развитие их самосознания.

« Мы уже говорили, что, как ни велико значение тех нравственных образцов, которые несет читателю литературное произведение, главное, чем определяется его воспитательное воздействие на человека – это то, что оно вовлекает читателя в размышления над жизнью, заставляет перечувствовать тревоги радости времени, формирует отношение к жизни и себе».[2. с. 104]

Очень богатый материал по духовно – нравственному воспитанию молодого поколения содержит дагестанский фольклор, в котором народ на протяжении тысячелетий обобщал и развивал моральные ценности, опыт и мастерство человеческих взаимоотношений. Одним из самых интереснейших и воспитывающих патриотизм жанров фольклора является легенда, основанная на реальных исторических событиях, затерянных в глубине веков и являющих нам факты беспримерного мужества и бесстрашия горцев. В 5 классе устное народное творчество представлено легендой « Каменный мальчик», примерный план-конспект которой приводится ниже.

Тема урока: легенда «Каменный мальчик»

Цель: показать конкретный пример патриотизма, проанализировав легенду «Каменный мальчик»[1. с. 41]; раскрыть значение слова герой; связать дагестанскую литературу с историей родного края.

Планируемые результаты: ознакомить школьников с понятиями легенда, героизм, герои, патриотизм; подготовить к подробному пересказу; расширить культурный кругозор сведениями по истории Дагестана.

Оборудование: репродукции картин художника Верещагина «Ворота Тимура», « Апофеоз войны», рисунки учащихся по теме.

Ход урока

I. Орг. момент

II. Проверка домашнего задания

III. Работа по теме урока.

Легенда – одна из разновидностей не сказочного прозаического фольклора. Письменное предание о каких- либо исторических событиях или личностях. В широком смысле – недостоверное повествование о фактах реальной действительности.

Дагестан был зоной геополитического влияния мировых держав с незапамятных времен. Какие только захватчики не пытались завладеть этим краем.В конце 14 века несметные полчища Тамерлана вторглись на территорию Дагестана, сметая и грабя все на своем пути. Свободолюбивые горцы оказывали жесточайшее сопротивление завоевателю, за что были истреблены. Города и села подверглись полному разрушению, жители преданы смерти или угнаны в плен. Хромой Тимур намеревался превзойти в жестокости и величии великого Чингисхана. Тем, кто не хотел подчиняться, была уготована смерть. Властитель мира не жалел никого. Эти страшные события отражены в легендах и преданиях, эпических песнях дагестанских народов. Так, эпическая песня « Парту Патима» отражает события того времени, когда девушка-воительница победила в поединке самых сильных воинов Тамерлана – Тугая и Мубашира. Имя ее осталось в памяти народной в веках. Легенда «Каменный мальчик» тоже повествует о героизме безымянного пастушонка, который не выдал врагам местонахождения родника, колодца, несмотря на жесточайшие пытки мучителей. Сильный дух и несгибаемая твердость превратили его в каменную глыбу, по сей день стоящую в степи. Каменный мальчик – герой. Он проявил героизм и стойкость, силу духа и мужество.

В толковом словаре С.И. Ожегова дается такая формулировка:

Герой 1. Человек, совершающий подвиги, необычный по своей храбрости, доблести, самоотверженности…2. Главное действующее лицо литературного произведения…3 .Человек, воплощающий в себе черты эпохи, среды…4. Тот, кто привлекает к себе внимание (чаще о том, кто вызывает восхищение, подражание, удивление).

– Можно ли назвать пастушонка героем, с точки зрения всех этих значений.

– Можно……..

Героизм – отвага, решительность и самопожертвование в критической обстановке

– Проявил ли мальчик героизм, не выдав врагам нужные им сведения?

– Конечно,…..

Патриотизм–преданность и любовь к своему отечеству, к своему народу и готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей Родины.

Чтение и анализ текста

Несомненно, все эти понятия подходят под определение пастушонка в легенде «Каменный мальчик». Предварив чтение текста пояснением понятия «легенда» и исторической справкой о нашествии Тамерлана, школьники приступают к чтению и анализу произведения. Следует обратить внимание на описание Страны гор, куда вступили войска жестокого завоевателя. Почему везде царили тишина и разрушения? Что привело Аксак–Темира в ярость? Кто привел пастушонка к нему? Важно найти и перечитать момент беседы Тимура и мальчика. Из каких слов можно сделать вывод о том, что завоеватель считает себя властителем мира, которому принадлежит все в этом мире? Видна ли угроза в его словах? Нужно противопоставить внешнюю мощь завоевателя и внутреннюю силу духа мальчика, открыто не подчинившегося тому, перед кем склонили головы самые сильные мира сего. Учащиеся находят в тексте и перечитывают описание пастушонка, когда он скинул бурку, и делают вывод о том, что его уже подвергали пыткам и истязаниям военачальники хромого Тимура. Это не помогло им ослабить твердость и непреклонность маленького героя. Проявляет ли пастушонок страх, ужас перед своими истязателями? Учащиеся находят в тексте описание того, как он спокойно поднимает и накидывает на окровавленные плечи бурку и на глазах мучителей превращается в каменный столб.

Закрепление нового материала

– Как вы думаете, превратился ли мальчик в камень на самом деле?

– Что этим превращением хотел передать народ?

– Может ли пастушонок из легенды считаться героем и патриотом ?

– С какими героическими личностями из легенд вы уже встречались?

– Чем вам интересны легенды и почему?

– С какими защитниками родины вы уже встречались в литературных произведениях?

Подведение итогов

Выводы: легенда наряду со сказкой является вымыслом, но в отличие от сказки, легенда основана на реальных исторических событиях, как, например, в легенде «Каменный мальчик». В ней прославляются такие высокие нравственные качества, как патриотизм, мужество, стойкость и героизм, понятия которые народ пронес через века.

Домашняя работа

Подготовить пересказ легенды и рисунки к ней.

Написать сочинение–миниатюру на тему «Герои былых времен» по мотивам прочитанной легенды.

Можно сказать, что в легендах сквозь тьму веков народом пронесено представление о героизме, стойкости, мужестве и патриотизме дагестанцев, всегда боровшихся с иноземными завоевателями, а в «Каменном мальчике» создан яркий образ ребенка, проявившего истинный героизм. Стойкость и крепость духа его сопоставима с крепостью камня, что символично отражено в названии легенды.

Литература

1. Литература народов Дагестана: Учебное пособие-хрестоматия для 5 кл./ – Сост. Г. Г. Гашаров, Х. М. Хайбуллаева. – Махачкала: ООО « Издательство НИИ педагогики», 2015. – 208 с.

2. Ахмедов С. Х. Художественная проза народов Дагестана. – Махачкала: Дагкнигиздат,1996

© Курбанова З. Г., 2018

Кусегенова Ф.А.,

старший научный сотрудник сектора родных литератур

Дагестанского научно-исследовательского института педагогики им. А.А. Тахо-Годи

г. Махачкала, Республика Дагестан

ПРОБЛЕМА НРАВСТВЕННОГО ВЫБОРА В ПОВЕСТИ Б. КУЛУНЧАКОВОЙ «КАЗБЕК»

В повести «Казбек» [1] Бике Кулунчакова исследует сложные отношения в ногайской семье, освещает судьбы старшеклассников, заканчивающих школу и начинающих свой путь во взрослую жизнь.

В основе повести лежит описание судьбы Казбека, в центре – бытовая коллизия. Раскрывая проблему семьи, Кулунчакова исследует два полюса нравственного поведения человека. Человек в повести предстает в обычной жизни и в минуты наибольшего душевного напряжения. Через все произведение проходит одна сквозная проблема – нравственная. Автор убедительно показывает, что взрослый мир, в который выходит подросток, испытывает его на нравственную чистоту и благородство.

Идея повести выражена в педагогическом воспитании детей. Вопросы, поднимаемые автором, не являются новыми, но их осмысление, решение отличаются неординарным подходом. Как надо работать с детьми? Как воспитать в них стремление к справедливости, чувство собственного достоинства, целеустремленность, терпимость и миролюбие? Автор предлагает свою концепцию воспитания, основывающуюся на равноправном диалоге с подростками. Кулунчакова считает, чтобы проникнуться интересами детей, нужна открытость души.

Писатель анализирует характеры юных героев, уделяет значительное внимание проблемам семьи, любви, подвергает критике негативные явления современности. Утрата в душе молодого человека веры в светлое будущее, а у его отца – чести и совести, плата за совершенные ошибки – вот темы, которые поднимает автор.

Повествование о детстве Казбека начинается со дня смерти его мамы. Юноша вспоминает заплаканные глаза умирающей мамы, ее теплый поцелуй, прощальные слова. «Я не спокойно уйду в мир иной. Какой ты еще маленький, мой Казбек. Кто о тебе позаботится после меня? Кто тебя приласкает», – сказав эти слова, мать горячо поцеловала сына в щеки и голову.

День обернулся мрачной тьмой. Во всех проходящих мимо женщинах Казбек видел маму, думал, что она вечером придет с работы. Но скоро в дом пришла другая женщина, которая сразу оттолкнула его от себя. Сначала отец защищал сына, надеялся создать дружную семью, в которой так нуждался сын, но надеждам не суждено было сбыться. В этом виновен сам Адилхан.

Конфликт повести строится на противостоянии мальчика и мачехи, для которой подавление личности мальчика как будто становится основной целью жизни. Ее образ предстает духовно несостоятельным. Апузар оказалась недостойной называться матерью Казбека. Ее речи, поступки вскрывают эгоистическую натуру.

Однажды отец покупает Казбеку новый костюм, одев который радостный мальчик выходит на улицу покрасоваться перед ребятишками. А когда он возвращается в дом, то замечает холодный взгляд мачехи и слышит: «Этот вшивый желторотик должен носить новый костюм, а мой Базарбай должен голым ходить?! Сними сейчас же! Не дай Аллах тебе носить такую одежду! Пока есть

Базарбай, тебе не ходить в новой одежде», – сказав эти слова, Апузар содрала с Казбека костюм и закинула его в горящую печку.

Этот эпизод можно считать кульминационным моментом произведения. Вместо счастливого детства Казбека ждала тяжелая, лишенная справедливости судьба. Пришедшая в дом мачеха Апузар больше всего любила своего сына. И тут невольно вспоминается народное причитание:

Оьз увылына тоьсек салды,	Своего сына уложила
Юмсак болып ятсын деп.	в мягкую постель,
Оьз увылына тавык алды,	Чтоб спокойно ему спалось.
Юмырткасын есин деп.	Своему сыну курицу купила,
Мен бакырга кораз алды,	Чтоб яички ему есть.
Эртенъ минен турсын деп.	А мне, сиротинушке,
	петуха купила,
	Чтобы он меня рано будил [2].

Изображение отрицательного в семье осуществлено Кулунчаковой убедительными и художественно мотивированными средствами. Сколько бы мальчик ни умолял отца спасти костюм из огня, но на удивление всем он пальцем не пошевельнул и даже не вздрогнул, что говорит о нравственном падении Адилхана, который под влиянием жены превращается в подкаблучника и пьяницу, делая сына круглым сиротой и озлобленным человеком. Но все же эти чувства не овладели Казбеком целиком, в глубине души он хотел вырваться из этого круга и стать счастливым.

Детское сердце чувствовало, понимало, что его предали. Апузар оставалась чужой, недалекой, черствой и злой мачехой. Ей удалось постепенно натравить мужа на Казбека. Отец стал по поводу и без повода ругать и бить сына, которого начали унижать и некоторые школьники. Плохо и неряшливо одетого мальчика, к тому же напуганного, многие дети не пускали в свой круг. Учителя пытались исправить ситуацию, но у них ничего не получалось, потому что они не могли перевоспитать основных виновников зла – родителей Казбека.

Одинокий юноша вынужден сам себя защищать, поэтому сразу кидается в драку. Его поведение обосновано: тяжелая сиротская жизнь, нелюбовь мачехи и предательство отца. Отсутствие благоприятных семейных и социальных условий в прошлом приводят Казбека к нынешнему состоянию, определившему его действия, поступки и психологию. Где-то в глубине души Казбек понимает, что так жить нельзя, что рано или поздно это может закончиться тюрьмой. Тут мы видим внутренний перелом в душе героя, его взросление. Чтобы скинуть с души тяжесть обид и унижений, он решил поменять все – село, дом, школу, друзей. Во время летних каникул юноша переехал жить в другое село, к своей тете. Это был с его стороны решительный и обдуманный шаг.

Б. Кулунчакова пишет, что человек, привыкший защищаться от всех, видеть во всем зло, в глубине души может добрым и трогательным. Знакомство с Зухрой и Рашидханом это подтверждает. Переезд Казбека из одного населенного пункта в другой знаменует наступление нового дня, дня веры в людей. Тете Келдихан хватило мудрости и доброты, чтобы прийти на помощь страдающему парню. Его искренно полюбила одноклассница и соседка Зухра. Любовь помогла парню избавиться от тяжелых воспоминаний. Оказавшись на распутье, он сделал правильный выбор.

Образная система повести служит раскрытию основной идеи автора. Острый сюжет, яркие описания быта, афористичность, а также композиционные элементы составляют художественную ткань произведения. Развитию проблемы нравственности в способствует сцена спора Зухры с матерью. Сила любви Касбийке к дочери безгранична, она оберегает своего ребенка от всех жизненных невзгод, недоброжелательных взглядов, разговоров и сплетен. Одна воспитывая двух детей, и не свободна от того, что скажут люди. Поэтому противиться дочери, которая дала слово Казбеку готовить вместе уроки, подтянуть знания. Жизненная мудрость подсказывает ей не препятствовать дочери. На миг представив на месте Казбека своего сына, она не может не идти на уступки и разрешает совместно готовиться к занятиям.

Внутренний мир Казбека стал меняться после переезда в дом тети. Благодаря душевной доброте и отзывчивости родственников, одноклассников он начинает верить в добро и людей.

Одна из глав повести называется «Встреча Нового года», подразумевается встреча новой жизни. И в этой жизни рядом с Казбеком дорогие ему люди: Зухра, тетя Келдихан, друг Рашидхан, добрый учитель и наставник Ильяс Керимович.

Повествовательный материал дан Бике Кулунчаковой организованно и дисциплинированно. Для сюжета отобрана жизненная ситуация, позволяющая автору показать людские характеры, раскрыть образы героев. Правдивое изображение поведения человека, реализующего себя в соответствующих условиях, – несомненное достоинство произведения. Автор с художественным

проникновением анализирует социально-психологическую природу изменений, произошедших в жизни старшеклассника.

Повесть Бийке Кулунчаковой поднимает духовно и социально значимые проблемы. Финал содержит мотив надежды на прозрение человечества. В поисках практической эстетики Кулунчакова рассуждает о нравственном и моральном выборе, что свидетельствует о художественном и нравственном потенциале ее творчества.

Литература

1. Кулунчакова Б.И. Казбек. – Махачкала, 1975 (на ног. яз.).
2. Текст записан от информатора А.З. Кусегеновой (1939 г. р.), жительницы с. Кунбатар Ногайского района РД // Личный архив автора.

©Кусегенова Ф.А., 2018

Күзбәков Ф.Т.,
филология фәндәре докторы, БДУ профессоры,
Өфө к., Башҡортостан Республикаһы

З.БИИШЕВА ӘҘӘРҘӘРЕНДӘ – ХАЛҠЫ ЯҘМЫШЫ

Зәйнәб Биишева ижады тәүге аҙымдарынан тиерлек үк, айырыуса повесть-романдары күренә башлау менән, уҡыусыларҙы гына түгел, әҙәбиәт белгестәренең дә иғтибарын йәлеп итте. 1957 йыл Мәскәүҙә урыҫ телендә "Дуҫ булайыҡ" повесы нәшер ителгәс тә "Литература и жизнь" гәзите күләмле мәҡәлә баҫтырҙы. Уҙган быуаттың алтмышынсы йылдар аҙағында Әнүр Вахитов ("Агиҙел", 1968, № 1), Ким Әхмәтйәнов (Әҙибәнең һайланма әҫәрҙәренә инеш мәҡәлә, 1969 йыл), Роберт Байымов ("Агиҙел", 1972, № 11), Тимергәле Килмөхәмәтовтарҙың ("Агиҙел", 1973, № 7) гилми хеҙмәттәре яҙыусы романдарын фәнни яҡтан өйрәнеүҙе һиҙелерлек киңәйтеп ебәрҙе. Ә инде Әнүр Вахитов, Ишбулды Вәлитовтарҙың монографик китабы (Зәйнәб Биишева ижады. – Өфө, 1980) был йүнәлештәге тикшеренеүҙәрҙе дөйөмләштереп, нығытып ҡуйгандай булды.

Әммә, нисек кенә булмаһын, мәшһүр әҙибәнең ижади эшмәкәрлеге тейешенсә өйрәнелгән тип әйтеү урынһыҙ. Ғөмүмән, ысын мәғәнәһендәге ижадсы хеҙмәте хаҡында һәр быуын үҙ фекерен әйтеүсән. Был тәбиғи. Ә инде төрки телле халыҡтар араһынан сыҡҡан яҙыусы ҡатын-ҡыҙҙарҙан Зәйнәб Биишеваның тәүге трилогия авторы булыуын да күҙ уңында тотҡанда, уның әҫәрҙәре киләсәктә лә бик күптәрҙе ҡыҙыҡһындырасаҡ. Унан килеп, шуныһына ла бар: уға бағышланған хеҙмәттәрҙе барлагандан һуң йыйып ҡына әйткәндә, фәһемле фекерҙәр әйтелеүенә ҡарамаҫтан, авторҙарҙың 1970-1980 йылдар сигенән, йәғни шул заман идеологияһынан сыға алмауҙарын танымау мөмкин түгел. Һүҙ барған яҙыусы иһә ул ҡалыптарға һыя алманы (Ғөмүмән, **"ижад"** менән **"ҡалып"** бер-береһенә ҡапма-ҡаршы төшөнсәләр!). Был һығымта нимәгә нигеҙләнә һуң? Авторҙың **"Һүҙ көҙрәте"** тигән һоҡлангыс талант эйәһе булыуынан тыш, әҫәрҙәренең һис ҡасан иҫкермәҫ сифат – **"халыҡсанлыҡ"** сифаты йөрөтөүенә тип, икеләнмәй әйтер кәрәк. 1990 йыл, "Башҡортостан Республикаһының халыҡ яҙыусыһы" тигән маҡтаулы исем булдырылып (дөрөҫөндә, был мәртәбә тап Зәйнәб Биишевага халыҡ һөйөүен, халыҡ ихтирамын, халҡының әҙибәне үҙенеке итеп таныуын белдереү өсөн булдырылғайны бит!), беренсе лауреат булыуы – хәҡиҡәт, ғәҙеллек тантанаһы булараҡ ҡабул ителде.

Халыҡсанлыҡ ҡәләм оҫтаһының прозаһы, шигриәте, драматургияһы, публицистикаһы теленә лә, стиленә лә, иғтибар үҙәгенә алған тема-проблемаларға ла, герой-персонаждар телмәренә лә тәбиғи, органик рәүештә үтеп инә. Һәм айырыуса шуныһына баҫым яһайыҡ: һүрәтләнгән ваҡиғаларҙы халыҡ күҙлегенән сығып баһаларға ынтылыу көслө. Әлбиттә, Зәйнәб апай ҙа идеология баҫымынан тулыһынса азат була алманы. Ул заманда мөмкин булмаған эш ине был. Әммә уға эске һиҙемләүе, әйләнә-тирәгә ижадсы һәм, әйткәнебеҙсә, халҡы күҙлегенән ҡарай алыуы идеология ҡыҫаларын күпмелер дәрәжәлә ашатлап сығырға мөмкинлек бирҙе.

Әҙибәнең иркен һулышлы булыуы уның ниндәйҙер жанр билдәләренә йәбешеп ятмауында ла күренә. Уның әҫәрҙәрендә тәү сиратта йөкмәткенең формаға йогонто яһауын билдәләмәү мөмкин түгел. Романға ҡарата уның үҙ ҡарашын асыҡлап китеү ҙә бик урынлы: "Имеш, Биишева романсы түгел… Бәй, роман, тип атап булмаһа, әҫәремә тап килгән икенсе исем ҡушһындар… Роман ҡалыбын да ғалимдар уйлап сығарған бит. Ә мин яҙам. Халыҡ уҡый, һорап, эҙләп йөрөп уҡый әҫәрҙәремде. Шулай булғас, бәлки, "халыҡ романы" тигән ҡалып уйлап табырҙар. Заманында партияның Башҡортостан Өлкә комитеты секретары Сайранов: Биишева һымаҡ наҙандарҙы әҙәбиәткә йөрөтмәҫкә кәрәк. Беҙҙең Ғ.Рамазанов, М. Ғәйнуллин кеүек ғалим яҙыусыларыбыҙ бар", - тип яҙып сыҡҡайны…" (Мәрйәм Бураҡаева. Оло Эйек ҡыҙы. – Магнитогорск, 2017, 15,28 биттәр). Әҙибә

һиҙемләүе менән ғенә лә ғалимдарҙың да, түрәләрҙең дә ҡалыпҡа йәбешеп ятыуҙары арҡаһында тупаҫ хаталаныуҙарын яҡшы аңлаған. Формаға иһә тәрән ғилемле аҡыл эйәләренсә ҡараған. Был йәһәттән атаҡлы фәйләсуф, яҙыусы, драматург Альбер Камюҙың фекере бик фәһемле: "Философ булғың килһә, роман яҙ!" Быны – роман фәйләсуфтарса төплө фекер талап итә, тип аңларға кәрәк. Тикмәгә ғенә А. Камю икенсе бер урында: "Бөйөк романсылар – романсы-фәйләсуфтар улар"(Альбер Камю. Миф о сизифе. – М., 2010, 118 бит) – тип өҫтәмәй. Әлбиттә, әҙибә романдарын философ булайым тип яҙманы, әммә әҫәрҙәре аша башҡорт халҡының тормош панорамаһын фәлсәфи тәрәнлектә һүрәтләй алды, сөнки ижади һулышы иркен ине. Тейешенсә шарттар булып бөтмәүе ғенә бик үкенесле. Был хаҡта үҙе былайыраҡ белдерә: "Тормош ауырлығы ла, ҡағылып-һуғылыуҙар ҙа аяуһыҙ баҫты. Алты кешенән торған ғаиләне аҫрау ауырлығы тотошлай үҙ елкәмә ятҡас, ижадҡа ваҡыт табыу ҙа еңел булманы. Әҫрҙәр ял, йоҡо иҫәбенә ғенә яҙылды. Шуның өҫтәүенә, көс еткеһеҙ тормош йөгөнәндер бик иртә йөрәк ауырыуы йонсотто. 1951 йылда инде миңә йөрәк менән инвалидлыҡ бирҙеләр…" (Зәйнәб Биишева. Әҫәрҙәр. Биш томда. V том. – Өфө, 2007, 406 бит).

Бер үк мәлдә, ысын мәғәнәһендәге ижадсыға хас булғанса, икеләнеү-үкенеү-үрһәләнеүҙәрҙән дә азат түгел ине ул. Бына уның ғраждандар һуғышы осорона бәйле ваҡиғалар асыҡлана төшкәс, тыуған уйҙары: "Ғәзим Шафиҡов инеп сыҡты… Ғәзим архив материалдарын таптым, тип, ҡыҙылдарҙың ҡылғандары тураһында һөйләй башлағайны, сәстәрем үрә торҙо… Башҡорттарҙы махсус ҡырғандар икән дә. Ғибаҙулла ағайым ("Кәмһетелғәндәр"ҙә Иштуғандың прототибы. Ф.К.) хаҡлы булып сығамы? Ағайым менән бәхәскә инеү ҙә шул нигеҙҙә булғайны бит. "Кәмһетелғәндәр"еңде яҙ ҙа, дауам итмә, Зәйнәб һылыу. Һин ул саҡта бәләкәй инең, күп нәмәне аңлап етмәгәнһең, мин бөтөнләй Иштуған түгел. Иштуғандың фекере менән минең ҡараш тап килмәй… Ҡыҙылдар башҡортҡа ҡарата аяуһыҙ булды, тине Ғибаҙулла ағайым… Тотош ижади тормошомдо елгә елгәрҙәмме былай булғас?.." (Мәрйәм Бураҡаева. Оло Эйек ҡыҙы. – Маґнитоґорск, 2017, 112-113 биттәр).

Был кисерештәрҙә яҙыусының үҙ эшенә уғата яуаплы һәм талапсан булыуы ла, идеолоґиянан азат була алмауҙың ауыр эҙемтәләре лә сағыла. Тап шуның өсөн художестволы әҙәбиәтте баһалағанда әҫәр яҙылған осорҙағы тарихи солғанышты иҫәпкә алыу мотлаҡ. Хис-тойғоһо өҫтөнлөк иткән ижад кешеһе ғенә түгел, хатта аналитик фекерләү ҡеүәһенә эйә булған бөйөк аҡыл эйәләре лә үҙ заманының вәкиле булып ҡала. Шулай ҙа әҙибәне сәйәсәткә һуҡырҙарса эйәрґән тиерґә лә ерлек юҡ: әҫәрҙә ҡыҙылдар идеаллаштырылмай (коммунист Ғимранов, мәҫәлән, ҡоралһыҙ ҡалған башҡорт еґеттәрен ҡыҙылдарға ҡушылырға теләмәґән өсөн ґенә лә атып китерґә әҙер), аҡтар яґында һуґышҡан Закир иһә, күп йәһәттән Михаил Шолоховтың Ґриґорий Мелеховын хәтерләтә. Ошо ґына ла яҙыусының талант кимәлен күрһәтә торған саґыу билдә ул. Ә бит Закир, башлыса, эпизодик персонаж, шулай булыуына ҡарамаҫтан, уҡыусы хәтерендә ныҡлы урын ала. Сөнки ул Муса Мортазиндың да, уның полкында, артабан бриґадаһында айбарлы алышҡан башҡорт еґеттәренең дә ҡурҡыу белмәҫ һоҡланґыс образы! Шуға ла иґтибар итмәйенсә ярамай: авторҙың төп маҡсаты аҡтар-ҡыҙылдар бәрелешен һүрәтләү түгел, ә шәхес формалашыуын эҙмә-эҙлекле асып һалыу. Күләмле трилоґияның идеяһы моронлаґанда уның "Бер ґүмерҙең тарихы" тип аталыуы осраҡлы түгел ине.

Зәйнәб Биишева ижадының халыҡсанлығы нимәлә саґыла һуң? Автор, берҙән, башҡорт мөхитендә тыуып-үҫеп, халҡының рухи ҡиммәттәрен, ауыҙ-тел ижады ґәүһәрҙәрен, тарихи яҙмышын ҡанына һеңдерґән; икенсенән, тәбиґәт күренештәрен, конкрет хәл-ваҡиґаларҙы, төп ґеройҙы, эреле-ваҡлы персонаждарҙы халыҡ күҙлеґенән сығып ҡылыҡһырлауға, баһалауға ирешә. Бына трилоґияны асып ебәреүсе күренеш: "Төн. Башҡорт ҡыҙының тәңкәле еләне шикелле, күҙҙең яуын алып, йымылдап торған аяҙ күктә, алтын табаҡтай, тулған ай йөҙә. Таллыҡта һандуғастар сутылдаша. Тирәк башында кәкүк саҡыра. Күләүектә тәлмәрйендәр баҡылдаша. Оло Эйек йылғаһы, үҙенең мәңге шат, шаян йырҙарын һандуғас моңдарына мансып, ҡыуана-көлә бер өлөкһөҙ сылтырап аға ла аға…" Шаґир теле менән һүрәтләнґән бер мәл аша уҡыусы үҙлеґенән артабан тасуирланасаҡ ваҡиґалар эсенә инеп китә… һәм үҙен әҫәр ґеройҙары араһында һиҙә башлай. Был тойґо уны һуңґы нөктәґә төртөлґәнсәґә тиклем ташламаясаҡ, ґеройҙар менән берґә ул ҡыуанасаҡ, көләсәк, илаясаҡ… Әҫәр тамамланһа ла, уларҙан айырыла алмай бер буласаҡ. Быныһы инде яҙыусының ґына түгел, зауыҡлы уҡыусының да талант билдәһе.

Ваҡиґалар иһә баштан уҡ ҡырҡыу төҫ ала. Еґерменсе быуат башындағы им-томға ышаныусы кәҙимґе башҡорт ауылы. Ауыр тормоштан саґыштырмаса йәш көйөнсә ауырыуға дусар ителґән ҡатын, дүрт балаһын йәтим ҡалдырып, вафат булып ҡуя. Үґәй әсә ҡулы аҫтына ҡалыу. Әйткәндәй, Сәрбиямал образы архетип кимәлендә тиеү урынлы булыр ине. Халыҡ ижады өлґөләре аша халыҡ күңеленде ныґынґан үґәй әсә һынын яҙыусы аныҡ хәл-ваҡиґалар ерлеґендә ныґытып ҡуя алған. Үґәй әсәнең балалар менән тәүләп танышҡан мәлдәґе тасуирґа ґына иґтибар итәйек: "Ул йоҡа шәлен

һелкетә тартып алып урҙаға әлде лә урындыҡҡа уҙып ултырҙы. Мөләйем йылмайырға тырышып, тағы бер ҡат ҡыҙҙарға алмаш-тилмәш ҡарап сыҡты. Ләкин уның ауыҙы ғына йылмая, ә танау янында бер-береһенә бик яҡын килеп, төптән мызлап торған бәләкәс йомро күҙҙәре сикһеҙ һалҡын һәм ҡоро ҡарашлы ине. Балалар тик ошо ҡарашты ғына күрҙеләр, тупаҫ, ҡырҡыу тауышты ғына ишеттеләр…” (Зәйнәб Биишева. Кәмһетелгәндәр. – Өфө, 1990, 41-42 бит).

Ғөмүмән, трилоғияла типиклаштырылған баҙыҡ образдар етерлек: Сыуаҡай әбей, леғендар Хәбир батыр, дин әһелдәре… Әммә халыҡсанлығы менән айырылып торған ғеройҙарҙан иң колоритлыһы, ҡабатланғыһыҙы, әлбиттә, Тайба әбей. Ул ил инәһе, ғаилә тотҡаһы, әсәй, бейем ролендә лә тап башҡорт ҡатын-ҡыҙҙарының ылыҡтырғыс сифаттарын тәбиғи рәүештә үҙендә туплауы менән уҡыусы күңелен биләй. Дөрөҫ, ул ҡаты ла була белә. Ләкин быны аяуһыҙ ысынбарлыҡ талап итә. Һәм ул, күбеһенсә, тыштан ғына ҡатҡыл, ғәмәлдә иһә, кешеләрҙә мөнәсәбәте ҡапма-ҡаршылыҡлы тормош тәжрибәһен йөрәк һәм аҡыл аша үткәрә алыу менән һуғарылған. Был фекерҙе раҫлау өсөн бер ғенә өҙөк килтерәйек (бер ыңғайҙан яҙыусының йүкә балылай яғылыусы һутлы теленә лә иғтибар итәйек): “Хаммат үҙенең ҡырҡыу, талапсан, ләкин ғәжәп ғәҙел холоҡло, ир йөрәкле әсәһен ныҡ ярата, ысын күңелдән хөрмәт итә, Сәлимәнең дә уны яратыуы, хөрмәт итеүе өсөн ҡыуана ине… Әле бына бөгөн дә ул иртүк Хамматты ебәреп, Тайба әбейҙе үҙҙәренә саҡырып алды… Был көндө Сәлимә мунсаны таңдан тороп яғып, томалап ҡуйғайны. Бейеме килеү менән, ул уны тәүге мунсаға алып китте. Мәтрүшкә һәм башҡа шундай хуш еҫле май сәскәләре ҡушып бәйләнгән ҡайын япрағы менән бейемен ҡат-ҡат сабып, йылы, таҙа һыу менән ҡойондороп, өйгә алып ҡайтып ятҡырғас, Хаммат менән үҙе мунса инеп сыҡты… (Фронттан ҡайтҡан һалдаттар менән осрашыуға сығып киткән Хаммат хаҡында Сәлимә): - Эй алла, бер ҙә ғенә өйҙә тора алмай шул… Сыға ла саба, сыға ла саба… Әллә инде…

Сәлимә һүҙенең: “Әллә инде мине яратмай… Әллә инде Өммөкәйенә кире ҡайтырға йөрөй…” тиғән яғын эстән ғенә уйлап, ауыр көрһөнөп ҡуйҙы. Ә Тайба әбейҙе бөтөнләй икенсе уй борсой ине. “Тирә-яҡ бер ҙә ғенә тыныс түгел. Бөтә халыҡ байға ла ярлыға айырылып, талашырға-тартышырға кереште. Бының аҙағы яҡшыға булмаҫ… Хамматым да уҫаллашып ҡайтты. Анауы Һатыбалдар уға бер-бер хәл эшләп ҡуймаһалар ярар ине” Ләкин Тайба әбей был хәүефле уйҙарын йөҙөнә аҙ ғына ла сығарманы. Ә ҡоро, ҡырҡыу ғына итеп, киленененең һүҙен бүлде:

- Әллә-мәллә тип, бушҡа күңеленә хөсөт һалып ултырма. Ирмен тиғән ир өйҙә ятып сыҙар заманмы ни хәҙер? Күрмәйһеңме ни, илдә ниндәй эштәр бара?.. Байҙар һуғып биленде һындырырға йыйынғанда күҙ йомоп, ҡул ҡаушырып өйҙә ятһындар өсөн үҫтермемме ни мин уландарҙы?!.

(Ете төн уртаһында Хисбулла килеп уятты. Ф.К.):

- Әсәй!.. Тиҙ кейен. Өйгә ҡайтайыҡ. Минең улым бар!.. Киленең ул тапты!..

Ғәҙәттә көйөнөстө лә, ҡыуанысты ла тыныс, олпат ҡаршылай торған ҡаты ихтыярлы Тайба әбей әле бөтөнләй юғалып ҡалды…” (Зәйнәб Биишева. Кәмһетелгәндәр. – Өфө, 1990, 279-281 биттәр).

Яҙыусы таланты кешенең рухи донъяһын, уның үҙгәрә-үҫә барыуын ышандырырлыҡ кимәлдә нисек аса алыуына ла бер һылтанма бирәйек. Йәш ғаиләнең улдары тыуғандағы мәл: “Бибештең аяҡ осонда баҫып торған Хисбулла ҡыуанысынан көлөргә лә, берәй һүҙ әйтергә лә белмәй бер аяғынан икенсеһенә күсеп, айыу шикелле аушаңлап тик торҙо. Уның ҡыйыуһыҙ йыуаш ҡарашлы зәңгәрһыу күҙҙәренән йәш мөлдөрәй ине. Бибешкә ул бөгөн ғүмерендә тәүге тапҡыр ошо килбәтһеҙлеге менән дә, балаларса бер ҡатлылығы, эскерһеҙлеге, бирелгәнлеге менән дә яғымлы ла, яҡын да булып китте. Эйе, ул уның улының атаһы, донъяла иң яҡын кешеһе ине хәҙер… Уның аҡ мәрмәрҙән ҡойоп эшләнгән кеүек һылыу йөҙө, томһа һалҡынлығын юғалтҡас, тағы ла һөйкөмлөрәк, тағы ла матурыраҡ булып китте. Тайба әбей уны бала кеүек итеп һөйә-һөйә:

- Нимә ашағың килә, килен? Ҡорот һыулап, майлап, борослап эсерәйемме?

- Һурпа эскең киләме, балам?

- Баллап, майлап ҡаты сәй эсәһеңме әллә, килен? – тип бер-бер артлы һорау яуҙырып ҡына ултырҙы…

Эйе, тыштан ҡарағанда буш, юҡ һымаҡ күренһә лә, күкрәгендә изге, хатта нескә хисле тип әйтерлек йөрәк йөрөтә ине Хисбулла… Донъяла иң бәхетлеләрҙең бәхетлеһе хәҙер. Уға Бибеше ул табып бирҙе. Бибеш уны ярата! Бынан да ҙур ниндәй бәхет көтөргә мөмкин уға?!. Бибеш тә бәхетле ине был минутта. Эй, әсәлек бәхетенә ни етә?!.” (Зәйнәб Биишева. Кәмһетелгәндәр. – Өфө, 1990, 287,289 биттәр).

Әҫәр ғеройҙарының тап үҙҙәренә ғенә хас телмәре лә оҫталыҡ билдәһе: “… Закир иртә үк тороп Өммөгөлсөмдәргә китте. АҒаһының сәләмен еткерергә ваҡыт ине…

- Ҡана, еңгә, айран һыулап эсер әле. Иллә һалҡын булһын. Йөрәктең ялҡынын һылап алгандай итһен, йәме!.. Айраның ҡымыҙ кеүек, үҙең ҡыҙ кеүек…. Еңгә! Һиңә агайымдан сәләм…

Өммөгөлсөм мөлдөрәмә тулы туҫтаҡты, сайпылта-түгә көлдөксәгә алып барып ултыртты… “Нимә ти ул?! Әй хоҙайым, әллә яҙа ишеттем инде? Хамматтан сәләм, ти түгелме һуң?!”

Закир һаман йөрөүҙән туҡтамай, еңгәһенә ҡарамай, шул уҡ ҡоро тауыш менән хәбәр итте:

- Агайым ҡыҙылдарҙы эҙләп китте. Һугыш бөткәс, туп-тура үҙ йортома ҡайтырмын. Көтә алһа, көтһөн, тине…

Инде ниндәйҙер иҫ китмәле тылсымлы көс Өммөгөлсөмдө усаҡ алдынан бәреп сыгарҙы. Ул, дауыл осорган ҡауырһын шикелле, еңел кәйелеп, ҡәйнешенең алдына килеп баҫты.

- Нимә тинең, ҡәйнеш?! – тип, йондоҙ кеүек балҡып, күҙҙәренә төбәлеп ҡараны. – Ысын шулай тинеме?.. Көтһөн, тинеме?.. Йәсе инде… Төптө шулай тип әйтеп китте тигенсе, ә?!

Ул, үҙ-үҙен онотоп, һөйләнә-көлә, иҙән уртаһында бейеп әйләнде. Унан: - Уй, ни ҡыланам?! – тип, уңайһыҙланып, лып итеп урындыҡҡа барып ултырҙы. Унан йәнә торҙо, йәнә бейене. – Көтә алһа, көтһөн, тип әйтте тиген, ә?! Әй Хоҙайым, көтә алһа, тиһенсе, ә?.. Минең уны гүмер буйы көтәсәгемде, хатта ҡабат яныма ҡайтмаҫын, миңә күңеле сәпсим һыуыныуын белә тороп та, көтәсәгемде белмәйме ни инде ул?! Эй-й, әгәр уны көтөү бәхетем булмаһа, мин әллә ҡасан һаргайып үлгән булыр инем. Әй Хоҙайым, ай көтөргә, йыл көтөргә, ғүмер буйы көтөргә риза. Тик ул иҫән-һау ғына булһын, ҡайҙа булһа ла имен йөрөһөн… Ул ерҙә йөрөгән өсөн генә был донъя ҡәҙерле бит миңә, ҡәйнеш! Әй…” (Зәйнәб Биишева. Оло Эйек буйында. – Өфө, 1990, 33-34,36 биттәр).

Күренеүенсә, Зәйнәб Биишева ижады, ярайһы өйрәнелгән булыуына ҡарамаҫтан, яңы күҙлектән барлап сыгыуҙы талап итә. Был йүнәлештәге гилми хеҙмәттәр әҙибә ижадын тәрәнерәк аңларға ла, художестволы әҙәбиәттең киң мөмкинлектәрен асыҡларға ла, тарихи үткәнде тәғәйен баһалап, бөгөнгө проблемаларҙы хәл итешеүгә лә ярҙам итәсәк.

© Күзбәков Ф.Т., 2018

Ҡаһарманова Л.Ф.,
БДУ-ның башҡорт филологияһы һәм журналистика факультетының 3 курс студенты,
Янбаев И.К.,
ф.ф.к., БДУ доценты,
Өфө ҡ., Башҡортостан Республикаһы

ЗӘЙНӘБ БИИШЕВАНЫҢ “ДУҪ БУЛАЙЫҠ” ПОВЕСЫНДА БАШҠОРТ ҒӨРӨФ-ҒӘҘӘТТӘРЕНЕҢ САҒЫЛЫШЫ

Зәйнәб Биишеваның ижадына күҙ һалһаҡ, уның барлыҡ әҫәрҙәрендә лә башҡорттоң үткәнге тормошо, йолалары ярылып ята, ҡай бер әҫәрҙәре ауыҙ-тел ижадыбыҙға таянып яҙылған. Шуға ла яҙыусы уҡыусылары бөгөн дә кәмемәй, йәш быуында ҡыҙыҡһыныу уятыр, өлкәндәрҙе уйҙарға тарытыр китаптары китап кәштәләренән төшмәй. Сәбәбе нимәлә һуң? Был хаҡта Башҡортостандың халыҡ яҙыусыһы Ногман Мусин: “Зәйнәп апай халҡыбыҙ теленең байлыгын үҙенең әҫәрҙәрендә аҫыл ынйылар шикелле һәр береһен үҙ урынына ҡуйып, берәмләп теҙеп сыҡҡан [3; 6], ” – тип яҙып үткән. Ғөрөф-гәҙәттәр сағылыш тапҡан шундай ижад емештәренең береһе – “Дуҫ булайыҡ” повесы. Иң тәү сиратта шуны әйтеп үтергә кәрәк: был китап балалар өсөн яҙылған. Тимәк, әҫәр йәш быуынды тәрбиәләүҙе, уның рухын үҫтереүҙе, яҡшыны ямандан айырырға өйрәтеүҙе маҡсат итеп алған. 1952-1954 йылдарҙа яҙылған повесты башҡорттар ғына түгел, башҡа телдәргә тәржемәһен сит милләттәр ҙә уҡыу бәхетенә иреште.

Балалар өсөн яҙылған әҫәр, тәү сиратта, уларҙы ҡыҙыҡһындыра алырга тейеш. “Дуҫ булайыҡ” был яҡтан да отошло килеп сыҡҡан. Юлдаш менән Ҡыҙырастың дуҫлыгы, һәр кеше осрай торған конфликт, уның хәл ителеше, малайҙарҙың Ғилман, Борис, Ғариф, Талип, Ғөлкәй, Зарифа кеүек йәштәштәре менән аралашыуҙары, хаталаныуҙары бөтә китап уҡыусылар өсөн дә таныш хәлдәр. Сөнки һәр сабый шәхес булып формалашыуҙа шундай ваҡигалар менән осраша.

Зәйнәб Биишева ошо эскерһеҙ дуҫлыҡ тарихын ғына һөйләп ҡалмай, оло быуын кешеләрен дә өҫтәп, балаларҙы йолалар, милли ризыҡтар менән таныштыра. Ғөрөф-гәҙәттәрҙең сағылышы повестың тәүге биттәрендә үк күренә. Каникул башланып, ауылға килгән Юлдашты ауылдаштары ҙур байрам үткәреп ҡаршы ала. Бында башҡорттарға хас иң төп үҙенсәлекте танырға мөмкин: ҡунаҡсыллыҡ. Килгән ҡунаҡты ихлас сәләмләү, шул көндө үк Кинйәбай ағаһының өлкән һарыҡ тотоп һуйыуы, өләсәһе менән еңгәһенең ит,һалма бешереүе, күрше-күләнде йыйыуы – Юлдаштың

йәшенә ҡарамай ҙур хөрмәт күрһәтеү ул. Ҡунаҡҡа йәш-елкенсәкте ғенә түгел, Ибраһим, Хәсән бабайҙар кеүек ололарҙы саҡырыу кескәйҙәр менән ҡарттар араһындағы бәйләнеште күрһәтеп тора. Кешеләр күп йыйылышһа ла, бер кем дә үҙен сит тоймай, барыһы ла ихлас һөйләшә, көлөшә.

Ҡунаҡ ашына саҡырылыусыларҙың нисек урындарға ултырыуына ла күҙ һалырға кәрәк. Кем ҡайҙа өлгөрҙө – шунда тиҙән принҙип буйынса түгел, олоно оло итә белеп, иң түрҙә, мендәр өстөнә ултыртыу, йәштәрҙең улар тирәләп урынлашыуы шулай уҡ әҙәплектең билдәһе. Артабан бөтәһе лә ашҡа йоғонмай әле – бәләкәй малай ҡомған менән барыһының да ҡулдарын йыуҙырып сыға. *"Ҡул йыуҙырып бөткәндән һуң, ҡыҙыл кизеләр менән матурлап, етен ебенән һуғылған ҙур ашъяулыҡ йәйелде. Һәр кем алдына ағас ҡалаҡтар ҡуйылды [1; 70].*" Ҡунаҡ булыуҙа боронғо ғәҙәттәр һаҡланһа ла, бер кем дә ҡул менән түгел, ҡалаҡ менән ашайҙар.

Ҡунаҡ табынындағы ризыҡ төрҙәрен дә ситләп үтерҙә ярамай: башҡорттарҙың ҡунаҡтарҙағы төп ризығы, әлбиттә, бер табаҡ ит һәм һалма ашы. Бындай күп аҙыҡты бер ултырғанда ашап өйрәнмәгән Юлдаш башта көлөп ебәрә яҙа, ләкин атаһына ҡарай ҙа, үҙенсә һығымта яһап ҡуя: "... *ҡунаҡта һөйләнеп, көлөп ултырыу ярамай икән* [1; 71]." Шул рәүешле малай ололарҙың хәрәкәтенән, һүҙҙәренән үҙе өсөн һығымта яһап ултыра. Тимәк, ҡунаҡ булыу ҙа балалар өсөн тәрбиә ролен үтәй. Күмәкләп бер табаҡтан ашағанда бер кемдең дә ҡабаланмай, яйлап ҡына ашауы, иттән һуң ҡатын-ҡыҙҙар индерҙән *"иҙелгән әсе ҡорот менән ҡатыштырып, ҡара борос һалып ебәргән һимеҙ ит һурпаһын"* [1; 71]әсеү башҡорт халҡының аш янында үҙен нисек тотоуын һөйләй.

Ашап алғандан һуң, йәнә лә ҡулды йыуҙырып алғас, баллап-майлап, бауырһаҡ менән сәй эсеүҙәр башлана. Ашап туйған Юлдаш табындан тороп китмәй, ауыҙына ризыҡ ҡабырлыҡ хәле ҡалмаһа ла, ололар һүҙен тыңлап артабан ултыра. Ҡарттар үҙ-ара ғына әңгәмәләшһәләр ҙә, тыңлап ултырыусы йәштәрҙә ҡыҙыҡлы булырлыҡ итеп һөйләйҙәр хәбәрен. Йәш быуын уларҙың һүҙен бүлмәй, шым ғына тыңлап ултыра – был да ололарҙы хөрмәт итеүҙең матур өлгөһө. Ҡарттарҙың һөйләғәненә ҡолаҡ һалһаң, ваҡиғаларҙа шулай уҡ башҡорт милләтен айырып тороусы урындары күренеп ҡала: офиҙерҙың "Ибрайка, давай, шул үләнде һыҙғырт әле" тиеүе, башҡорт көрәшендә, һабантуйҙа булған ваҡиғалар, 115 йәшлек Иштәү ҡарттың ҡобайыр һөйләүе, халыҡ йырҙары йырланыуы. Ә йырҙарға килгәндә, ололарҙың йырлар алдынан һәр көйҙөң тарихын һөйләүе балалар өсөн үтә ҡыҙыҡлы, хатта Юлдаш та бит "*эстән генә ҡушылып, йырлап та ултырҙы*" [1; 84]. Табында ултырыу үҫмер малай өсөн эҙһеҙ үтмәй, ул "*күҙел һалмай, яратмай, тырышмай, ярты-йорто башҡарылған эштән бер кемгә лә ҡыуаныс та, файҙа ла юҡ* [1; 83]" тиҙәнде аңлап, үҙенсә һығымта яһап ҡуя.

Зәйнәб Биишева шулай тәү ҡарашҡа ябай ғына күренгән ҡунаҡ булыу ваҡиғаһын ололарҙың төрлө иҫтәлектәре менән байытып, бер яҡтан, малайҙар өсөн фәһем, үрнәк күрһәттерһә, икенсе яҡтан, башҡорт йолалары менән таныштыра. Табында ҡунаҡтарҙың үҙҙәрен нисек тотоп ултырыуҙары ғына ла милләтебеҙ хаҡында ниндәйҙер һығымта яһарға ярҙам итә.

Яҙыусы милли традиҙияларыбыҙҙы ҡунаҡ табынында ғына күрһәтеп ҡалмай, артабанғы ваҡиғаларҙа ла ҡуллана. Мәҫәлән, Ибраһим олатайҙың умарта ҡарауы. Билдәле булыуынса, умартасылыҡ, солоҡсолоҡ беҙҙә электән йәшәп килгән шөғөлдәрҙән һанала. Әҫәрҙәге умартасының колхоз умартаһынан башҡаларға бал ашатмауы, ә үҙенеке булһа, йәлләмәүе малайҙар өсөн сәйер тойола. Ләкин бында Ибраһим ҡарттың эшенә яуаплы ҡарауы, колхоз милкенә ҡул һуҙмауы аңлашыла.

Юлдаш менән Ҡыҙырас ял мәлендә Зөләйха инәй янына ҡымыҙ эсергә лә баралар. Ҡымыҙсылыҡ – шулай уҡ электән йәшәп килгән эш-шөғөл. Ҡала малайына бөтә нәмә лә ҡыҙыҡ, ул был тирәлә иң данлыҡлы ҡымыҙ оҫтаһы һаналған өләсәһенән әле бер нәмәне, әле икенсеһен һорай: "Өләсәй, ҡымыҙҙы ниңә бешәләр?", "Еле нимә ул, өләсәй?", "Ниңә бында үрт һалынған?", "Нимә ул ағытыу?", "Нимә ул ҡур?", "Нимәнән эшләнгән был һаба-көбө?" Хәҙер инде алтмыш йәштә барған өләсәйҙәре һәр һорауға ихлас яуап бирергә тырыша. Шул рәүешле малайҙар ғына түгел, китап уҡыусылар ҙа ҡымыҙсылыҡ серҙәренә төшөнә. Улай ғына ла түгел, Зәйнәб Биишева ҡымыҙ бешкәндә ҡулланылған һауыт-һабаларҙы атап үтә. Мәҫәлән, бешкәкһеҙ, ҙур, йыуан ағас тәпәндәрҙә яңы һауылған һөттәр һаҡлана. Йылҡы тиреһенән эшләнгән һабала ҡымыҙ тәмлерәк була. Ә ағастан юнып, семәрләп эшләнгән оҙон һаплы ағас сүмес ижау тип атала, уныһын Зөләйха инәй өй ҡыйығында ятҡан еренән табып килтерҙе.

Юлдашҡа башта әсе тойолған ҡымыҙ ҙа оҡшап төшә. Малайҙарҙың күҙ алдында әҙерләнгән ҡымыҙҙан ауыҙ итеү, әлбиттә, улар өсөн тәмлерәк күренә. Өләсәләренең : "Ҡымыҙ бик шәп нәмә ул. Колхозға уның файҙаһы бик ҙур", - тиеүе лә был эсемлектең кәрәкле икәнен һөйләп тора.

Башҡорттарҙа шәхесте тәрбиәләү уның тәүге көндәренән үк башланған. Юкка ғына сабыйҙы йоҡлатҡанда бишек йыры йырламағандар, әкиәт һөйләмәгәндәр. Сабый сәктан уҡ рухи яҡтан бай, яҡшыны ямандан айырырға өйрәнеп үҫкән ысын башҡорттар. Әкиәт һөйләү күренеше "Дуҫ булайыҡ" повесында ла осрай.

Йәйгә оҙон көн үтеп, бөтә эштәр теүәлләнгәс, Ҡыҙырас менән Юлдаш өләсәләре менән тышҡа йоҡларға сығып яталар. Зөләйха инәй, үткәндәрҙе иҫләп: "*Борон, беҙ йәш сәкта, йәй көнө өйҙә ятҡан кеше булмай торғайны. Бөтә ауыл ишек алды тулып тышта йоҡлар ине*"[2; 105], - тип әйтеп ҡуя. Ләкин был төндә әкиәт һөйләрҙә йыйынмай инәй, балаларға ысын булған хәлде тасуир итә. Ирәндеккә нисек башҡорттарҙың килеп сығыуы, үҙҙәрен һыйындырған тауға "Өйрәндек" тип исем ҡушыуҙары хаҡындағы леґенда малайҙарҙың ҡыҙыҡһыныуын арттыра. Инәйҙең "Азамат" йырын иҫкә төшөрөүе лә бында бик урынлы яңғырай. Сөнки Ирәндектә йәшәүселәр һәр сәк ҡыуанып-көлөп кенә йәшәмәгән, әллә күпме ҡан-йәш түгерҙә лә тура килгән. Шундай ауыр ваҡиғаларҙың береһе Браґин баярға барып тоташа. Ҡомһоҙ, уҫал баяр аҡса түләмәй, кешеләрҙе ҡоро һөйәккә ґенә ҡалдырған. Ләкин бер башҡорт батыры уның үҙен төп башына ултырта, Уртаташтан ҙур алтын таптым, тип, хәйләләп, уны утрауға алып килә. Аҙаҡ баярҙы осратыусы кеше булмай. Утрауҙа көтөп тороусы иптәштәре баярҙың үҙен дә, алтындарын да күл төбөнә ташлап бөткәндәр, ти. Браґинды таптырыусылар ґәйепһеҙҙәрҙе үлтерә, язалай, әммә үҙен ґенә таба алмайҙар. Совет власы урынлашҡанға ҡәҙәр ябай халыҡтан баярҙы таптырып, ыҙалаталар әле.

Зөләйха инәй ысынды әкиәт итеп, әкиәтте ысын итеп һөйләп, кеше ышандырыр һәләтле була. Бында башҡорт халҡының импровизаторлыҡ һәләте сағыла. Уның әлеґе һөйләґәнен малайҙар ысынға алып, шул күл төбөндәґе алтындарҙы табырға хыяллана. *"Өләсәйем әйткәнсә, иң батыр, иң тоґро, иң намыҫлы, иң ґәҙел егет булырмын да күрермен...* [1; 111]". Балаларҙың бындай ҡанатлы уйҙары әкиәт-леґендаларҙың нисек көслө тәьҫир иткәнен күрһәтә.

Шулай итеп, Башҡортостандың халыҡ яҙыусыһы, Салауат Юлаев исемендәґе дәүләт премияһы лауреты, "Почет билдәһе" ордендары кавалеры Зәйнәб Абдулла ҡыҙы Биишеваның балалар өсөн яҙылған "Дуҫ булайыҡ" повесының асылы нисек ысын дуҫ булырға тиґән һорауға ґына ҡайтып ҡалмай. Талантлы яҙыусы бер әҫәр эсенә башҡорттарҙың төрлө ґөрөф-ґәҙәт, йолаларын индерә, шул традициялар ниґеҙендә ике малайҙың рухи үҫешен кәүҙәләндерә, шунан сығып, был повесть төрлө быуын кешеләре өсөн берҙәй уҡымлы, фәһемле һәм ҡыҙыҡлы әҫәрґә әүерелґән.

Литература:

1. Биишева З. Дуҫ булайыҡ / төҙөүсеһе И. Ә. Шарапов. – Өфө: Китап, 2008. – 340 бит.

2. Вахитов Ә. Башҡортостандың беренсе халыҡ яҙыусыһы / Ә. Вахитов // Аґиҙел. – 2013. - №2. – 27-31-се биттәр.

3.Йәшәү – бәхет. Башҡортостандың халыҡ яҙыусыһы Зәйнәб Биишеваның 100 йыллыҡ юбилейына арналған йыйынтыҡ.Өфө.БМҮИ,2008,6-сы б.

© Ҡаһарманова Л.Ф., Янбаев И.К., 2018

Ҡасҡынова Г.Н.,
ф.ф.к., БДУ-ның Бөрө филиалы доценты,
Бөрө ҡ., Башҡортостан Республикаһы

ИЛ ИНӘҺЕ ЗӘЙНӘБ БИИШЕВАНЫҢ ВАСЫЯТЫ

Һуңғы йылдарҙа Башҡортостандың тәүге халыҡ яҙыусыһы Зәйнәб Биишеваның яҡты иҫтәлеґенә бағышланған байтаҡ ҡына хеҙмәттәр баҫылып сыҡты. Улар араһында "Китап" нәшриәтендә 2008 йылда донъя күрґән "Халыҡ яҙыусыһы Зәйнәб Биишева" (төҙөүсеһе Ирек Кинйәбулатов), 2009 йылда сыҡҡан "Зәйнәб Биишева. Тормошо һәм ижады" китап-альбомы (төҙөүселәре Ҡәҙим Аралбаев, Ґәлиә Ґәлимова, Ирек Кинйәбулатов), 2017 йылда баҫылған "Зәйнәб Биишева. Мәҡәләләр, ижади портреттар, иҫтәлектәр, кәләмдәштәренең һәм яҡындарының хәтирәләре" (төҙөүсеһе Ҡәҙим Аралбаев) исемле хеҙмәттәрҙе, әҙибәнең оло улы Тельман Әминевтың "Намыҫ менән үттең юлыңды", яҙыусы, тележурналист Сәрүәр Суринаның "Илаһи ихласлыҡ" тип аталған хәтирәләрен билдәләп үтеү кәрәк. Был хеҙмәттәрҙе әҙәбиәт һөйөүселәр яҙыусының тырыш, емешле хеҙмәт менән үткән ґүмеренең йылъяҙмаһы итеп ҡабул итте.

Ошо абруйлы исемлеккә тағы ла бер лайыҡлы хеҙмәт өҫтәлде ошо көндәрҙә. Ҡулымда яҙыусы Мәрйәм Бураҡаеваның 2017 йылда Маґнитоґорск ҡалаһында донъя күрґән "Оло Эйек ҡыҙы. Яҙыусы Зәйнәб Биишева тураһында хәтирәләрем" исемле китабы. Уны ҡулға алыу менән тышлыҡтың ґәҙәти

булмаған биҙәлеше иғтибарҙы йәлеп итә. Тыуған яҡ болондарында ирәүәнләнеп ял итеүсе әҙибә. Йөҙөндә тыйнаҡ ҡына йылмайыу, ҡулында ялан сәскәләре. Фотоһүрәт яҙыусының машинкала баҫылған, Бураҡаевтар ғаиләһенә адресланған хаты фонында бирелгән. Хаттағы һүҙҙәр араһында яҙыусының үҙ булмышын ҡылыҡһырларҙай "батырлыҡ", "ихтыярлыҡ", "тәрбиә" тиғән һүҙҙәр иғтибарҙы тарта. Ғүйә был төшөнсәләрҙе әҙибә китап уҡыусыға, "З. Биишева" тип ҡултамғаһын ҡуйып, үҙе васыят итеп тапшыра. Яҙыусының үткер ҡарашлы, сая булмышын һынландырған фотоларын йышыраҡ күрергә күнеккәнгәме, был китаптың йөкмәткеһе башҡасараҡ юҫыҡта булырын тышлыҡтан уҡ тойомлайһың.

Форзаңты асҡас, фотоһүрәттең тулы вариантын күрәбеҙ. Баҡһаң, Зәйнәб Абдулла ҡыҙы бында үҙе ғенә түгел, янында йәш ҡәләмдәше, ошо китаптың авторы Мәрйәм Бураҡаева ла бар. Яҙыусы йөҙөндәге ихласлыҡтың иң яҡын, үҙе ышанған кешеләр янында ғына була торған халәте икәненә лә төшөнәһең. Оло Эйек буйында 1980 йылда төшөрөлгән был фотоны китаптың рәссамы Таңсулпан Бураҡаева уңышлы ҡулланған.

Салауат Юлаев ордены кавалеры, яҙыусы Мәрйәм Бураҡаева оҙаҡ йылдар бөйөк әҙибәбеҙ Зәйнәб Биишева менән тығыҙ аралашып йәшәй, хаттар яҙыша. "Халыҡ яҙыусыһының башҡорт әҙәбиәте, туған телебеҙ яҙмышы тураһындағы ҡиммәтле фекерҙәре менән китап уҡыусыларҙы ла таныштырғы килеү маҡсатынан яҙылды был хәтирәләр", – ти Мәрйәм Сабирйән ҡыҙы.

Ғәҙәттә баҡыйлыҡҡа күскәндәр тураһында үтә изгеләштереп һүрәтләү киң таралған. "Оло Эйек ҡыҙы"ның тәүге биттәренән үк күнегелгән стереотиптарҙың емерелеүен күрәбеҙ. "Берәй нәмәгә яңылыш үпкәләп, үҙе әйткәнсә, ҡыҙыулығы менән самаһыҙыраҡ һүҙ ысҡындырып ебәргән саҡтарында тыныс ҡына тыңлап торам да аҙаҡ, ул тынысланғас, асыҡлыҡ индерә торғайным. ...Шуға ла беҙҙең дуҫлыҡ оҙаҡҡа һуҙылды", – тип яҙа автор. Йәғни Зәйнәб Абдулла ҡыҙы хаҡлыҡ-хаталары менән ҡәҙерле яҙыусыға.

Зәйнәб Биишева менән Күгәрсен, Ейәнсура райондарында 1978, 1980 берәр көнлөк, 1979, 1981 йылдарҙа өс-дүрт көнлөк сәйәхәттә бергә булған, ул саҡтарҙа 35-37 йәштәрҙәге автор хәтирәләрен хәҙер оло әҙибәбеҙҙең йәштәше, тиңдәше булып үҙ йөрәгә аша үткәреп яҙа. Ул саҡта сәйерерәк күренгән ваҡиғаларҙы барлай, асылына төшөнә һәм китап уҡыусыға ла шуны тәҡдим итә.

Мәрйәм Бураҡаева яҙыусының серҙәрен тулайым асып һалырға йыйынмай. Әммә уның әҙәбиәттә ғенә түгел, ә көндәлек тормошта, көнкүрештә лә батыр, ығы-зығыларҙан "күҙ күреме юғарылыҡта" өҫтөн булыуын күрһәтерлек ваҡиғаларға иғтибарҙы йәлеп иттерә. "Зәйнәб Биишева уҫал булған" тиғән киң таралған ҡараштың ҡайҙан килеп сыҡҡаны тураһында уйлана. Уҫаллыҡ бер таянысы булмаған яҙыусының үҙен-үҙе һаҡлап-ҡурсалап йөрөтөү ысулы – ҡалҡаны булған, баҡтиһәң. Был фекерҙә дәлилдәр китап биттәрен асҡан һайын арта бара: һиҙгер күңелле, аҙ ғына яһалмалылыҡты ла тойоп алған яҙыусыбыҙ ҙа үҙ йөрәгән өйкәп торған уй-тойғоларын һөйләү мохтажлығын кисергән. "Йөрәгән һары алмаһын өсөн", ауыл инәйҙәре әйтмешләй, сер бүлешер кеше итеп үҙенән 35 йәшкә кесе Мәрйәм Бураҡаеваны һайлаған.

"Оло Эйек ҡыҙы" китабы тос, тәрән йөкмәткеле 13 хәтирәнән ғибәрәт. Уларҙың һәр береһе яҙыусының күркәм сифаттарын барлай, Зәйнәб Биишеваның рухи портретын тыуҙыра. "Үткәндәргә ҡайтҡы килә" хәтирәһе еткергән хәҡиҡәт: яҙыусы ғәзит-журналдарҙағы мәҡәләләргә, әҙәби әҫәрҙәргә үҙ фекерен һәр саҡ белдерә барған, тотош анализ биргән, йәштәр ижадын иғтибарһыҙ ҡалдырмаған. Бына ниндәй булырға тейеш халҡын һөйгән халыҡ яҙыусыһы!

Зәйнәб Биишеваның ҡайһы бер хаттарының төп нөсхәләре лә тәҡдим ителә китапта. Улар көндәлек хәлдәрҙе һөйләүҙән түгел, ә башҡорт әҙәбиәте, тел мәсьәләһе, 70-се йылдарҙа башҡорт ауылдарының аянысы хәле тураһындағы уйланыуҙарҙан, йәғни ил хәстәренән ғибәрәт.

"Байрастың прототибы Хисмәтулланы эҙләү" һәм "Туйөмбәт инәйҙәре менән" бүлектәре "аҫыл томдар, улдар инәһе" (шағирә Рәмзилә Хисаметдинова һүҙҙәре менән әйткәндә – Ғ.Ҡ.) Зәйнәб Биишеваның күңел түрендәге иң мөҡәддәс хәтирәләрен барлай: тоғро тормош юлдашы Ғәзиз Әминевты йәш сағынан һөйөүе, ул Бөйөк Ватан һуғышынан инвалид булып ҡайтып, күҙҙәренә ғенә мөлдөрәп ҡарап тороуын күрғәс, йәлләп тә яратыуы, олоғайған көнөндә алыҫтағы йәшлек мөхәббәте – "яҡты күңелле саф йән" Хисмәтулланың күңелдәрен һыҙландырып иҫенә төшөүе...

""Мөһөрлө" ауылдар тарихы", "Ауылға, ауылға" исемле хәтирәләр яҙыусыларыбыҙ Зәйнәб Биишеваның һәм Мәрйәм Бураҡаеваның Туйөмбәт, Кинйәбыҙ ауылдарын һаҡлап ҡалыу ҡалыу өсөн көрәшен һынландыра, китапта Мәрйәм Бураҡаеваның "Совет Башҡортостаны" ғәзитендә 1979 йылдың 6 декабрендә баҫылып сыҡҡан "Бөгөнгөбөҙ һәм иртәгәһе көнөбөҙ хаҡына" исемле хәл иткес мәҡәләһе тулыһынса килтерелгән. Мәҡәләлә күтәрелгән проблема һаман да көнүҙәк мәсьәләләрҙең береһе булып ҡала килә, ҡыҙғанысҡа ҡаршы. "Ауылға, ауылға" бүлеғендәге Ай-һай Мөрсәләй ауылы уҙаманы, Советтар Союзы геройы Суфиғәли Хажиғәли улы Суфияновтың фронт хәтирәләре башҡорт

өсөн тыуған ауылдан да ғәзизерәк ер юҡлығы, бәхетле башҡорттоң ерле башҡорт булыуы тураһындағы хәҡиҡәтте еткерә.

"Зәйнәб апайҙың ауылды һағыныуы" хәтирәһе лә алда әйтеп үтелгән фекерҙе тәрәнәйтә. "Ни ғенә тимә, Зәйнәб апай үҙе иҫән саҡта өй, артабан музей асҡысы тоттороу, ишектәрен шар асып ебәреп әйҙүкләп өйөнә индереү, өҫтәлгә самауыр шажлатып ултыртып ҡуйыу, мейесенә ут яғып ебәреү, мейескә терәтеп кенә боронғоса урындыҡ һалыу уны сикһеҙ бәхетле итер ине", – тип яҙа Мәрйәм Бураҡаева. Шәреҡ ҡатын-ҡыҙ яҙыусылары араһында беренсе булып трилогия ижад иткән, шиғырҙар йыйынтығы нәшер иткән, драма әҫәрҙәре яҙған яҙыусыбыҙҙың үҙе иҫән саҡта ошо ҡәҙерҙе күрмәүе ни тиклем үкенесле!

"Аңлашылмаған мөнәсәбәт" бүлеғендә яҙыусының яҙмышында әленән-әле ҡабатланып торған ҡаршылыҡтар, уларҙың сәбәбе, халыҡтың әҙибәне үҙенеке итеп яратыуы, етәкселәрҙең халыҡ һөйөүен быуып ҡуя алмауы тураһында хикәйәләнә.

"Ихласлыҡ" хәтирәһендә халыҡтың ғөрөф-ғәҙәтен, ырымдары, юрауҙарын – бар ынйы-мәрйендәрен күңеленә һеңдереп йөрөгән яҙыусының уларҙы артабан үҙ әҫәрҙәрендә йәнле итеп биреүгә өлгәшеүе, "ғеройҙарының күҙ алдында тупырлашып йөрөп ятыуы, һөйләшеүҙәренең үҙ тауыштары менән ғенә ҡолаҡ төбөндә сыңлап тороуы" тураһында фекер йөрөтөлә.

"Ни эшләһә лә бик сымыры ине" бүлеге тәү ҡарашҡа Зәйнәб Биишеваның тормошон көнкүреш йәһәтенән яҡтыртҡан кеүек тойолһа ла, власть әһелдәре, ҡайһы бер ҡәләмдәштәре һәм яҙыусы араһындағы ҡатмарлы мөнәсәбәттәр, уның һәләтле, әммә бала кеүек бер ҡатлы ижад кешеләренең ҡармаҡҡа эләгеп, юҡҡа сығыуы тураһындағы әсенеүле уйланыуҙары тулы хаттары ниғеҙендә яҙылған.

"Әҫәрҙәренең ҡатмарлы яҙмышы", "Зәйнәб апайҙың борсолоуҙары" исемле хәтирәләрҙә яҙыусының күңелендәге хафа-борсолоуҙар, икеләнеүҙәр урын алған. Әхирәт ҡәләмдәше Мәрйәм Бураҡаеваның: "Һин бит, Зәйнәб апай, һандуғас моңон ғына түгел, төҫтәр моңон, еҫтәр моңон, төнгө тынлыҡ моңон аңлатҡан әҙибә", – тиғән хаҡлы баһаһы, яҙыусыны тынысландыра белеү маһирлығы уҡыусы күңеленә хуш килә.

"Оло яҙыусының һабаҡтары" мәҡәләһе автор тарафынан әҙәбиәт донъяһына аяҡ баҫыусы һәр кемгә, ғөмүмән һәр башҡортҡа ҡиммәтле фекерҙәрҙе еткерә. "Яҙмышымда Зәйнәб апайҙың осрауына ихлас ҡыуанам", – тип яҙа Мәрйәм Сабирйән ҡыҙы. Ә беҙ иһә яҙыусының юлында сабыр аҡыллы, итәғәтле, тәрбиәле Мәрйәм апайҙың осрауына, уның кинәнеп. тәмләп уҡырҙай "Оло Эйек ҡыҙы" китабын ижад итеүенә, ошо китапты ҡулыбыҙға алып уҡыу мөмкинлеғенә эйә булыуыбыҙға ҡыуанабыҙ. Был абруйлы хеҙмәттең тышлығында уҡ иғтибарҙы йәлеп иткән һүҙҙәр китаптың йөкмәткеһендә аныҡ сағылыш тапҡан. Батыр, ихтыярлы башҡорт яҙыусыһы Зәйнәб Биишеваның тәрбиә дәрестәре ул – Салауат Юлаев ордены кавалеры, яҙыусы Мәрйәм Бураҡаеваның "Оло Эйек ҡыҙы. Яҙыусы Зәйнәб Биишева тураһында хәтирәләрем" китабы.

Әҙәбиәт

1. Бураҡаева М.С. Оло Эйек ҡыҙы. Яҙыусы Зәйнәб Биишева тураһында хәтирәләрем. – Мағнитоғорск, 2017. – 144 бит.

©Ҡасҡынова Г.Н., 2018

Ҡужагильдина Л.Ф.,
БДУ-ның башҡорт әҙәбиәте, фольклоры һәм мәҙәниәте кафедраһының 1 курс магистранты,
Гәрәева Г.Н.,
ф.ф.к., БДУ профессоры,
Өфө ҡ., Башҡортостан Республикаһы

ЗӘЙНӘБ БИИШЕВА ИЖАДЫНЫҢ ЖАНР-СТИЛЬ ҮҘЕНСӘЛЕКТӘРЕ

Башҡортостандың халыҡ яҙыусыһы Зәйнәб Биишеваның халыҡтың бай ижади традициялары таянып яҙылған үҙенсәлекле стилле, юғары поэтикалы теҙмә һәм сәсмә, сәхнә әҫәрҙәре өсөн лирик-психологик ағым, күтәренке романтик яңғыраш, киң һәм талғын эпик хикәйәләү хас.

З.Биишеваның "Гөрләүектәр араһында" тиғән тәүге хикәйәһе 1930 йылда "Октябрь" журналында донъя күрә, 1942 йылда киңерәк күләмле әҫәре - "Партизан малай" повесы баҫыла. Илленсе-алтмышынсы йылдарҙа баҫылып сыҡҡан "Ярҙамсы", "Башаҡ", "Ҡояш нимә тине", "Өмөт бөрөләре", "Йәшел йүгән" һ.б. хикәйәләрендә балаларҙың уҡыуға, хеҙмәткә, дуҫлыҡҡа мөнәсәбәттәре сағылды. "Дуҫ булайыҡ" (1954) повесында төрлө милләт балаларының эскерһеҙ дуҫлыҡтары, Ҡыҙрас һәм Юлдаш исемле үҫмерҙәрҙең характерҙары, психологияһы мауыҡтырғыс ваҡиғалар эсендә һүрәтләнә.

Илленсе-алтмышынсы йылдарҙағы шиғриәтендә З.Биишева Тыуған ил, тыуған ер, Ватан, кеше ғүмере, уның хеҙмәте, бәхете хаҡында уйланды, мөхәббәт көсө, тәбиғәт ғүзәллеге, йәшлек дәрте тураһында йырланы. Йыш ҡына антитеза алымы аша шағирә "Йәшәр инем", "Яҙға оҡшатам мин", "Йырлап алайым әле", "Ышанмайым көҙгә", "Тағы ла яҙ" кеүек шиғырҙарында социаль-синфи иҙеүгә ҡоролған йәмғиәттәге кәмһетелгән шәхестең ауыр үткәне менән бөгөнгө бәхетле тормошон ҡапма-ҡаршы ҡуя, кеше ғүмерендәге үҙгәреш, боролош мәлен ҡалҡыу сағылдыра. Гражданлыҡ лирикаһына ҡараған "Ҡуш ҡарағай", "Теләк", "Бәхет өләшәм", "Йыһандарға ашҡан", "Кешесә" һ.б. шиғырҙарында З.Биишева Тыуған илде, халыҡтар дуҫлығын данланы, кеше бәхетенең, йәшәү мәғәнәһенең халыҡҡа хеҙмәт итеүҙә икәнлеген раҫланы, кешенең кешелекле, ябай, ихлас күңелен яҡын күрҙе.

Һиҡһәненсе-туҡһанынсы йылдарҙа яҙылған "Салауат монолоғы", "Имән" поэмаларында шағирә милләттең тарихи яҙмышы, уның уҙғаны һәм киләсәге мәсьәләләре тураһында борсолоп уйланды, шәхестең халыҡҡа, тыуған еренә тоғролоғоноң, кешенең рухи ныҡлығығының сығанаҡтарын барланы. Халыҡтың киләсәге өмөтлө булырына тәрән ышаныс әҫәрҙәрҙе оптимистик яңғырашлы итте.

З.Биишеваның берәр строфанан ғына торған, афоризмға ынтылған "Йәшәү бәхете", "Еңел түгел", "Булмаһа" тиҙән парсаларына оло фәлсәфәүи йөкмәтке, тәрән фекер һалынған.

З.Биишеваның ҙур күләмле эпик әҫәрендә – "Гөлъямал" (1949-1951) шиғри повесында тарихи үткәндәрҙән алып хәҙерге заманға тиклемге осор яҡтыртыла, башҡорт ҡатын-ҡыҙҙарының үткән ауыр тормошо һәм Совет власы осорондағы яҡты яҙмышы Гөлъямал образында күрһәтелә. "Гөлбәҙәр" драматик поэмаһында ғраждандар һуғышы осоронда ауылда барған синфи көрәш ваҡиғалары, ярлы крәҫтиәндәрҙең аңы үҫеүе, азатлыҡ өсөн көрәшкә күтәрелеүҙәре һүрәтләнә. Халыҡтың үҙенсәлекле тормош-көнкүрешен күҙ алдына баҫтырыу маҡсатында авторҙың туй йолаларына мөрәжәғәт итеүе поэманың милли ерлеген көсәйтә.

З.Биишеваның конкрет тарихи осорҙа – Беренсе донъя һуғышының аҙағында барған синфи ҡаршылыҡтарҙы һүрәтләгән "Нәҙер" (1966) шиғри драмаһының үҙәгенә йола ҡорбаны Зәлифә яҙмышы ҡуйылған, ике донъя көрәше йөкмәткеле һәм асыҡ күрһәтелгән. "Серле ҡурай" әкиәт-пьесаһында яҡшылыҡ менән яуызлыҡ араһындағы мәңгелек көрәш һүрәтләнә, халыҡ һәм батыр, батырлыҡ һәм ике йөҙлөлөк, азатлыҡ һәм ҡоллоҡ кеүек ижтимағи-фәлсәфәүи проблемалар ҡуйыла. Пьесала дөйөмләштерелгән тыуған ил, халыҡ образы булып һынландырылған Ер-әсә халыҡ азатлығы өсөн көрәшкә сыҡҡан Кинйәбайға тыуған ерҙә үҫкән ҡырлы, моңло, серле ҡурай бүләк итә, уға рухи ныҡлыҡ, ышаныс өҫтәй, көс бирә.

З.Биишеваның алтмышынсы йылдарҙа яҙылған, кеше бәхете, кеше хеҙмәте һәм уның әҙәп-әхлағы, намыҫ сафлығы хаҡында кинәйәле уйланыуҙарға, фәлсәфәгә ҡоролған "Мөхәббәт һәм нәфрәт", "Һөнәрсе һәм өйрәнсек" хикәйәттәре халыҡ ижады традицияларына киң таяна, контраст алымы аша яуызлыҡ һәм яҡшылыҡ көрәше ҡалҡыу сағылдырыла, образдарҙың ыңғай һәм кире һыҙаттары ҡабартып күрһәтелә. "Мөхәббәт һәм нәфрәт" хикәйәтендә Уралдан алыҫта, күк диңгеҙ буйында йәшәгән балыҡсылар ырыуынан булған Юламан ҡарт, уның улы Буранша, ейәнсәре Зөлхизә яҙмыштары драматик буяуҙарҙа һүрәтләнә. "Һөнәрсе һәм өйрәнсек" хикәйәтендә Кавказ яҡтарындағы тау халыҡтары тормошо тасуирлана, иланы талант эйәһе һөнәрсенең көршәктәрен, ул үлгәс, үҙемдеке тип алдап һатып ятыусы өйрәнсектең нисек фаш ҡылыныуы хикәйәләнә.

Шулай итеп, З. Биишева ижадындағы "Мөхәббәт һәм нәфрәт", "Нәҙер", "Тылсымлы ҡурай" кеүек драматургия әҫәрҙәре халыҡ ижады поэтикаһына ниғеҙләнеп, фольклор алымдарын киң файҙаланып яҙылғандар. Уларҙағы Ирәмәл батыр, Ай, Бөркөт, Сәсән, Ер әсә, Юха батша, Алабай, Һарыбай йәки "Мөхәббәт һәм нәфрәт" әҫәрендәге Юлаусы, Яҡтыбикә, Диңгеҙбикә һ.б образ-характерҙар йыш ҡына киң дөйөмләштерелгән фәлсәфәүи символика төҫөн алып китә.

З.Биишеваның Бөйөк Ватан һуғышы темаһына арналған "Көнһылыу"(1946) реалистик повесында ғероик яҙмыш, физаҡәр хеҙмәт һүрәтләнә, ошо драматик йылдарҙа ла күңел йомартлығын, рухи ғүзәллеген юғалтмаған ҡаһарман ҡатын-ҡыҙҙарҙың дөйөмләштерелгән образы кәүҙәләндерелә. Сюжет уҡытыусы Көнһылыуҙың яуға киткән ире Гәлим урынына колхоз рәйесе вазифаһын башҡарыуы, халыҡ менән етәкселек итергә өйрәнеүен хикәйәләү тирәләй ойоша. Ауыр һуғыш шарттарында хужалыҡтың күп төрлө эштәрен алып барыу, төрлө холоҡло кешеләр менән мөғәләмә итеү, Еңеү хаҡына физаҡәр хеҙмәт Көнһылыуҙың характерын сыныҡтыра, унда етәксе сифаттарын тәрбиәләй.

З.Биишеваның ретроспективаға ҡоролған, тормош күренештәрен социаль-философик планда һүрәтләгән "Сәйер кеше" (1960) повесында тормошҡа, хеҙмәткә ҡапма-ҡаршы ҡарашта торған ғеройҙар хәрәкәт итә. Әҫәрҙә киң дөйөмләштерелгән ике образ: хеҙмәте, ижтимағи эше, холҡо,

кешелеклелеге менән абруй ҡаҙанған төҙөүсе Гәҙел һәм һәр саҡ үҙен генә ҡайгыртып йәшәгән Ғәлиәкбәр кәүҙәләндерелгән.

З.Биишеваның күңел түрен асып һалыусы көндәлек формаһына ҡоролған, психоанализ саралары мул ҡулланылған,алтмышынсы йылдар прозаһында лирик тулҡындың көсәйеүен күрһәткән "Уйҙар, уйҙар..." (1961) повесында йәш кеше яҙмышына, уны тәрбиәләүгә бәйле мораль-этик проблемалар үҙәккә ҡуйылған. Яҙыусы йәш кешенең ҡаршылыҡтар, хаталар аша әхлаҡи һәм гражданлыҡ позицияһы формалашыуын көн проблемалары яҡтылығында күрһәтә. Был повеста күтәрелгән проблемалар ошо уҡ йылда яҙылған "Ҡайҙа һин, Гөлниса?" хикәйәһендә тағы ла асыҡлана төшә, кеше характерындағы үҙгәрештәрҙе, кеше бәхете хаҡындағы уйҙарын яҙыусы яңы тормош картиналарында асып һала.

Шулай итеп, З.Биишева ижадындағы төп әҫәре "Яҡтыға" трилогияһын яҙыуға әҙәбиәттең өс төрөндә лә – поэзия, проза һәм драматургияла ырамлы эшләп, оло тәжрибә туплап, оҫталыҡ мәктәбе үтеп килде. Яҙыусы яңы дәүер тыуҙырған кешеләр яҙмышын нәҫер һәм хикәйәләрҙән - повестарға, шиғырҙарҙан - поэмаға, әкиәттәрҙән – хикәйәттәргә һәм фәлсәфәүи драмаға табан үҫә барған төрлө жанрҙарҙа сағылдырҙы, кешеләр араһындағы ҡатмарлы мөнәсәбәттәрҙе психологик тәрәнлектә һүрәтләү оҫталығына килде, статик образдарҙан ҙур фәлсәфәүи дөйөмләштерҙәргәсә күтәрелде, милли характерҙар тыуҙырыу йүнәлешендә уңышлы эшләне.

Әҙәбиәт

1. Башҡорт әҙәбиәте тарихы. 6 томда. – Т.5. – Өфө: Китап, 1995.
2. Валитов И., Вахитов Ө. Зәйнәб Биишева ижады. – Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1980.

© Ҡужагильдина Л.Ф., Гәрәева Г.Н., 2018

Ҡунафин Ғ.С.,
филология фәндәре докторы, профессор, БФА-ның мөхбир ағзаһы,
Өфө ҡ., Башҡортостан Республикаһы

БАШҠОРТ ӘҘӘБИӘТЕНДӘ ТӘНҠИТЛЕ РЕАЛИЗМ МЕТОДЫ ФОРМАШЫУЫНЫҢ СОҢИАЛЬ-СӘЙӘСИ ЕРЛЕҒЕ ИДЕЯ-ЭСТЕТИК СЫҒАНАҠТАРЫ

XX быуат башы башҡорт әҙәбиәтендә мәғрифәтселек реализмы үҙ позицияһын бирмәгән булһа ла, революционер-демократик йүнәлештәге ижтимағи һәм эстетик фекер, социаль һәм милли азатлыҡ көрәше йоғонтоһонда тормошҡа ашыуы мөмкин булмаған, буш (иллюзор) фекергә, утопияға нигеҙләнгән был реализмдың иҫкергән принциптарынан арыныу, яңыларын эҙләү һәм үҙләштереү йүнәлешендә эске процесс көсәйә бара. "1905 – 1907 йылдар реализмдың яңы баҫҡысҡа күтәрелеүе өсөн көс, тәжрибә туплау осоро булһа, ҡара реакция һәм артабанғы йылдар уның өр яңы йүнәлештә формалашыу һәм үҫеү осоро булды. Был йылдарҙа әҙәбиәт өҫкорма өлкәләрен, атап әйткәндә, гаилә, мәктәп-мәҙрәсә тормошон, мәҙәниәт күренештәрен һүрәтләү, кешеләрҙәге айырым ыңғай сифаттарҙы хуплау, кәмселектәрҙе тәнҡитләү, өгөт-нәсихәт уҡыу менән генә сикләнмәй, бәлки *төп иғтибарын социаль-иҡтисади һәм ижтимағи-сәйәси мөнәсәбәттәргә йүнәлтә, кешеләрҙең бер-береһен иҙеүенә ҡоролған йәмғи-әттең асылын фаш итә, уның нигеҙен ҡаҡшата. Реализмдың замандың социаль-иҡтисади һәм ижтимағи-сәйәси мөнәсәбәттәре тәби-ғәтенән сығып эш итә, кеше тормошон улар менән сәбәпле бәйләнештә тарихи-конкрет сағылдырған (йәғни типик хәлгә ҡуйып һүрәтләгән), йәшәп килгән йәмғиәт тәртиптәренең асылын, эске законлыҡтарын асып биргән, уларҙы тамырынан үҙгәртеп ҡороу, яңы, ғәҙел йәмғиәт менән алмаштырыу идеяһынан сығып тәнҡит утына тотҡан бындай йүнәлешен беҙ тәнҡитле реализм, тип атайбыҙ"* [2, 105].

Өлбиттә, тәнҡитле реализм мәғрифәтселек реализмы әҙерләгән ерлектә тыуҙы, уның XX быуат башында, айырыуса Беренсе урыҫ революцияһы шауҡымында уяныу, яңыға ынтылыу осоронда, мораль уҡыу, өндәү-саҡырыу, геройҙарҙың эш-хәрәкәттәре тураһында дөйөм һөйләп биреү менән генә сикләнмәйенсә, уларҙы уратып алған ижтимаги тормош һәм тәбиғәт күренештәренә, хәл-шарттарға, художестволы деталдәргә һәм портреттарға ла игтибарҙы көсәйтә барыу арҡаһында формалашҡан ыңғай традицияларына таянды, уларҙы үҫтереп алып китте. Тәнҡитле реализм методы романтизмдан да күп кенә сифаттар алды. Ләкин ул был художестволы-эстетик йүнәлештәрҙең ябай бер берләшмәһе, синтезы түгел, бәлки "уларҙың иң яҡшы традицияларын ижади үҙләштереү иҫәбенә ярышып йәнәш үҫкән ... яңы эстетик күренеш, юғарыраҡ синтез" [8, 350].

Ысынлап та, башҡорт йәмғиәтендә революцион-демократик ха-рактерҙағы ижтимағи фекер формалаша һәм ныгына барған шарттарҙа "күп кенә әҙиптәр мәғрифәтселек йүнәлешендәге ижад принциптарының инде заман талаптарына яуап биреп, киң ҡатлам уҡыусыларҙы ҡәнәғәтләндереп

бөтөрмәғәнлеғен, әҙәбиәтте тормошҡа яҡынайтыу өсөн уның ролен мәғрифәт таратыу һәм әхлаҡ тәрбиәләүгә ғенә ҡайтарып ҡалдырыуҙан килеп сыҡҡан ҡалып-схемалар сиктәрендә ҡалмайынса, ысынбарлыҡтың, халыҡ тормошоноң йәнле картинаһын тыуҙырыуҙың кәрәклеғен һәм мөһимлеғен яҡшы аңлай башланылар. Улар, әҙәбиәттең ижтимағи роле, ысынбарлыҡҡа мөнәсәбәте тураһында етди уйланып, ул бөтәһенән дә элек халыҡтың сәйәси аңын үҫтереүгә, уға йәшәп килгән социаль-иҡтисади һәм сәйәси мөнәсәбәттәрҙең асылын, түҙеп тора алмаҫлыҡ тәртиптәр барлыҡҡа килтереүен күрһәтеп бирергә, халыҡты шул тәртиптәргә ҡаршы көрәшкә рухландырырға тейеш, тиғән фекергә килделәр" [1, 515]. Быға инде әҙәбиәт контраслылыҡ, дидактика ярҙамында түгел, бәлки ысынбарлыҡтың асылын, эске законлыҡтарын объектив дөрөҫлөгөндә сәнғәтсә асып биреү менән ғенә, икенсе төрлө әйткәндә, типик характерҙарҙағы типик хәлгә ҡуйып һүрәтләү юғарылығына күтәрелгән, "етлеккән реализм" – тәнҡитле реализм алымдары менән ғенә өлгәшә [5, 72-115].

Ни ғенә тимә, яңы осор "донъяға бер төрлө ғенә ҡарашҡа, бер төрлө ғенә инанысҡа, кешеләрҙең бер төрлө ғенә аралашыуы ысулына сик ҡуя һәм донъяға башҡаса ҡараш, башҡаса аралашыу ысулы башланыуға" [6, 231] юл яра. "Етлеккән реализм", йәғни тәнҡитле реализм методы башҡорт әҙәбиәтендә революҫион-демократик идеялар нығлап тарала башлаған тап ана шул яңы осорҙа әҙиптәрҙең "донъяға башҡаса ҡараш" ташлауы, ижтимағи заттарҙың үҙ-ара аралашыуы, мөнәсәбәте бер төрлө ғенә булмауын, уларҙың "ижтимағи мөнәсәбәттәрҙең бөтә йыйылмаһы" [3, 384] емеше икәнлеғен аңлай башлауы һө-ҙөмтәһендә тыуҙы.

Ләкин тәнҡитле реализмдың XX быуат башы башҡорт әҙәбиәтендә бер ҡеүәтле идея-эстетик йүнәлешкә әүерелеү сәбәбен крайҙа революҫион-демократик ҡараштар нығлап таралыуы менән ғенә аңлатыу мәсьәләгә бер яҡлы ғына килеү булыр ине. Сөнки революҫион-демократик позиҫияға баҫҡан Ш.Бабич, Д.Юлтый, Ғ.Иҫәнбирҙин, айырыуса А.Таһиров, М.Ғафури кеүек әҙиптәр ғенә түгел, был ҡараштан ситтәрәк торған З.Һаҙи, Б.Мирзанов, Я.Юмаев, Ғ.Ғүмәрский, Ф.Туйкин һәм башҡа шағирҙар, прозаиктар һәм драматурғтар ҙа үҙ әҫәрҙәрендә тәнҡитле реализм алымдарына мөрәжәғәт итте. "Бында, бер яҡтан, XX быуаттағы башҡорт һәм татар мәғрифәтселек реа-лизмы әҙәбиәтендә, айырыуса Р.Фәхретдинов, М.Аҡмулла, М.Өмөтбаев кеүек башҡорт мәғрифәтселәренең социаль мотивтар, сатирик пафос, тәнҡит рухы менән һуғарылған ижадтарындағы ыңғай традиҫияларҙы үҙләштереү, икенсе яҡтан, милли ваҡытлы матбуғат биттәрендә йыш баҫылған сатирик әҫәрҙәрҙең, нығлап урын ала башлаған сәйәси йөкмәткеле мәҡәләләрҙең, әҙәби тәнҡит материалдарының башҡорт ижтимағи фекере үҫешенә, әҙәби проҫесҡа яһаған йоғонтоһо мөһим роль уйнай" [1; 516; 2, 107]. Мәҫәлән, батша хөкүмәте, революҫиянан ҡурҡып, уны туҡтатыу маҡсаты менән 1905 йылдың 17 октябрендә иғлан иткән манифесында вәғәҙә ителгән иректәрҙең Конституҫия менән нығытыласағына, I Дәүләт думаһы асылғас, уның ирек һәм ер мәсьәләләрен хәл итәсәғенә ышанған шағирҙар ғәзит, журналдарҙа "хөрриәт замандары" килеүе, ҡулдарҙан "бығау, сынйырҙар" алыныуы хаҡында шатланып-ҡыуанып әллә күпме әҫәрҙәр баҫтырып сығара. Әммә 1906 йылдың урталарында, дума ҡыуып таратылыу менән, шул уҡ ваҡытлы матбуғат биттәрендә быларҙың бөтәһе лә иллюзия ғына булғанлығын, буш вәғәҙәләр артында кемдәр торғанлығын асып һалған, сәйәси ҡоролошҡа туранан-тура ҡағылышлы булған яңы фекерҙәр күренә башлай. "Фекер" ғәзитенең 1906 йылдың 14 июлендәге баш мәҡәләһе, мәҫәлән, былай башлана:"Ғосударственная дума 8 июлдә таратылды. Дәһи туғырыһы (иң дөрөҫө) дума ҡыуылды". Ғәзиттең шул уҡ йылдың 21 июлдәге һанында инде беҙ ошондай фекерҙә тап булабыҙ: "Аҙ ерле крәҫтиәндәр, алпауыттарға ҡол булып, уның өҫтөнә бик күп имана түләй-түләй, фәҡирләнеп бөткәндәр ине. Дәүләт думаһы хәзинә (ҡаҙна, дәүләт) ерҙәрене, баярҙарҙың ерҙәрене алып, үҙ ҡулы илә эшләүселәрҙә бирмәксе булды. Хөкүмәт был эште ҡабул итмәне" [7].

Батша хөкүмәтенең манифест иғлан итеүе, дума саҡырыуы халыҡтың социаль һәм милли азатлыҡ көрәшен нисек тә булһа туҡтатыу ниәтенән эшләнгән алдаҡ саралар булыуын, батша самодержавиеһы йәшәгән хәлдә халыҡҡа азатлыҡ та, крәҫтиәндәрҙә ер ҙә булмаясаҡты, быға бары "ҙур ағасты" ауҙарып ҡына өлгәшерҙә мөмкин икәнлекте тәүгеләрҙән булып М. Ғафури яҡшы төшөндө ("1906 йылдан 1907 йылға васыят", "1906 йылға 1907 йылдың яуабы", "Баҙарға сыҡтым", "Ярлылар, йәки Өйҙәш ҡатын").

Дөрөҫлөк өсөн шуны ла әйтергә кәрәк, раҫионализм һәм дидактизм менән көрәшкә Ғ.Туҡай, Ғ.Ибраһимов, Ғ.Камал, Ф.Әмирхан кеүек татар әҙиптәре ижад емештәре менән дә, тәнҡит мәҡәләләре менән дә айырыуса ҙур өлөш индерҙе. "Үҙ мәҡәләләрендә һәм рецензияларында улар йөкмәткеләре менән дә, формалары йәһәтенән дә табанан төшөп кенә торған бер төрлө ҡоймаҡ кеүек әҫәрҙәрҙе тәнҡит утына тотто, идея-эстетик юғарылыҡта торғандарына юғары баһа бирҙе, әҙиптәрҙе өгөт-нәсихәтселектән, тормошто натуралистик һүрәтләүҙән арынырға, халыҡтың ауыр көнкүрешенең социаль-иҡтисади сәбәптәрен асып һалырға саҡырҙы, ысынбарлыҡты реаль яҡтыртыу һәм типиклыҡ

мәсьәләләренә шаҡтай ентекле туҡталып, тәнҡитле реализм методының асылын төшөндөргән күп кенә фекерҙәр әйтте” [2, 109]. Татар әҙиптәре кеүек үк, башҡорт яҙыусылары ла ваҡытлы матбуғат биттәренән яңғыраған был фекерҙәргә ҡолаҡ һалды, өйрәнде. Һөҙөмтәлә М.Ғафури, Ш.Бабич, А.Таһиров, Ғ.Иҙәнбирҙин, Д.Юлтый менән бер рәттән Ғ.Ниязбаев, Ғ.Ғүмәрский, Ф.Туйкин кеүек яҙыусылар башҡорт әҙәбиәтендә тәнҡитле реализм принциптарының нығыныуына шаҡтай ҙур өлөш индерҙе. Демократик позицияға баҫҡан С.Ҡудаш, Һ.Сәғәҙи, Ф.Вәлиев, Ә.Иҙәнбирҙин, В.Солтановтар ҙа үҙ ижадтарында йәмғиәттәге социаль ҡаршылыҡтарға тәрән үтеп инеү һәм төрлө яҡлап яҡтыртыу кимәленә күтәрелде.

ХХ быуат башында барлыҡка килгән күп һанлы һәм төрлө ижтимағи-сәйәси, мәҙәни-әҙәби йүнәлешле милли матбуғат орғандарының, айырыуса сатирик журналдарҙың, үҙ-ара ярышып, бәхәстәр короп, фекер-лөғәт алмашып эшләүе, һис һүҙһеҙ, “әҙәбиәттең йөкмәткеһе йәһәтенән дә, формаһы яғынана да тәрән үҫеш-үҙгәрештәр кисереүенә, ныҡлап тәнҡитле рализм юлына аяҡ баҫыуына булышлыҡ итмәй ҡалманы. Быҙаса уҡыусыға ҡулъяҙма һәм ташҡа баҫылған аҙ һандағы китаптар аша ғына барып еткән әҙәбиәт хәҙер меңәрләгән тираж менән сыҡҡан ғәзит-журналдарҙа үҙенә киң майҙан тапты. Уҡыусыларҙың күңел-зиһененә юл ярыу, уға тәьҫир итеү мөм-кинлеғенең ошондай киңлеге һәм асыҡлығы әҙәбиәт донъяһында ижади ярыш, эҙләнеү, үҙ-ара аралашыу, бер-береңә йоғонто яһау атмосфераһының, үҙ-ара бәйләнештәрҙең көсәйеүенә этәргес бирҙе. Быларҙың бөтәһе лә заман талаптарына яуап биргән ижтимағи-эстетик фекерҙең иҫке караштар менән көрәштә өҫтөнлөк алып китеүенә, әҙәби тәнҡиттең әүҙемләшеүенә һәм теоретик йәһәттән тәрәнәйеүенә, уҡыусының идея-эстетик фекерләүе, сәнғәти талаптары үҫеүенә булышлыҡ итте. Прогрессив эстетик фекер һәм тәнҡит иһә халыҡсанлыҡтың әҙәбиәттә быҙаса булмағанса нығыныуына килтерҙе” [2, 110-111].

Халыҡтың драматик яҙмышының социаль-иҡтисади һәм сәйәси сәбәптәрен асып биргән һәм фашлаған тәнҡитле реализм принциптарын тормошҡа ашырыу өсөн урындағы шарттарҙа формалашҡан эстетик фекер һәм әҙәби тәнҡит ярҙамынан, мәғрифәтселек реализмының ыңғай традицияларына таяныуҙан тыш, реализмдың типик характерҙағы типик хәлгә куйып һүрәтләү этабына күптән аяҡ баҫҡан, ҙур тәжрибә туплаған әҙәбиәттәрҙең ҡаҙаныштарын да үҙләштереү кәрәк ине. Рәсәй составында йәшәгән халыҡтарҙың һүҙ сәнғәте өсөн, шул иҫәптән башҡорт әҙәбиәте өсөн, шундай ҙур каҙаныштарға өлгәшкән художестволы-эстетик донъя булып, әлбиттә, урыҫ әҙәбиәте торҙо.

Урыҫ әҙәбиәтен уҡыу, тәржемә итеү, ижади ҡулланыу ХХ быуат башында айырыуса киң ҡолас алды. 1905 – 1912 йылдар эсендә яҙылған поэтик әҫәрҙәр араһында, мәҫәлән, беҙ 30-ҙан артыҡ урыҫ шағирына эйәреп яҙылған йә тәржемә ителгән шиғырҙарҙы, мәҫәлдәрҙе, тәмсилдәрҙе осратабыҙ. М.Ғафури менән С.Яҡшығоловтың иғтибар үҙәгендә И.Крылов, Д.Дмитриев мәҫәлдәре һәм тәҫмилдәре булһа, Я.Юмаев менән Ғ.Иҙәнбирҙин А.Пушкин, М.Лермонтов, А.Кольҫов шиғырҙарын үҙ иткән. С.Ҡудаштың йыр лирикаһында иһә А. Пушкин һәм А. Кольҫов йыр-романстарына эйәреү күҙәтелә. Мәҫәлән, уның “Ҡайҙа һеҙ?” (Кольҫовтан), “Аптырау”, “Белмәҫтәр”, “Яңы ел”, “Мөхитем” кеүек романс-элегияларында халыҡтың социаль хәле, ғаилә тормошо хаҡындағы “күңелде тетрәтерлек өмөтһөҙлөк ауазы” [4, 164], нәфрәт һәм протест тойғоһо менән һуғарылған башҡорт халыҡ йырҙары элементтары А.Кольҫов йырҙарының тиҙ һәм еңел интонацияһы ме-нән аралашып килә.

Урыҫ әҙәбиәте менән яҡындан танышыу, уның ҡаҙаныштарын, ыңғай традицияларын ныҡлап үҙләштереү башҡорт һүҙ сәнғәтенең яңы эстәлек, яңы темалар менән байыуына, яңы проблемалар, шул иҫәптән социаль мәсьәләләр күтәреүенә, уларҙы яҡтыртыуҙың яңы формаларын, сараалымдарын табыуына булышлыҡ итте. Унда *хис-тойғолар һәм уйланыуҙар лирикаһы – медитатив лирика* менән бер ҡатарҙан *граждандлыҡ рухы, сатирик пафос, тормошто раҫлау һәм инҡар итеү тойғолары менән һуғарылған манифестацион-публицистик* һәм *тормош күренештәрен киңерәк яҡтыртырға ынтылған нарратив (лиро-этик) лирика типтарының,* романс, элегия, марш, ғимн, йыр-ағитка, мадриғал, пародия, эпиграмма күек яңы жанрҙарҙың барлыҡҡа килеүендә, айырыуса тәмсил һәм мәҫәл жанрҙарының әүҙемләшеп китеүендә урыҫ әҙәбиәтенең роле ҙур булды [1, 113; 2, 521]. Әйтәйек, Я.Юмаевтың урыҫ шиғриәтенән яһаған тәржемәләре, эйәреп яҙған әҫәрҙәре (тәҡлидтәре) араһында А.Пушкиндың “Шулай булған…”, “Сәсәк”, М.Лермонтовтың “Альбомға” тиҙән романстарын да, А.Пушкиндың “Дуҫтарға” тиҙән мәктүбен дә, И.Крыловтың “Квартет” тиҙән мәҫәлен дә, Н.Некрасовҡа эйәреп яҙылған “Утынға барыусы” тиҙән социаль эстәлекле, драматик пафослы шиғырҙы ла осратырға мөмкин. Ә бына мәғрифәтселек идеяларына ныҡ бирелгән шағир С.Яҡшығолов мәҫәл жанрын үҙ итә. Уның И.Крыловтың “Ағас”, “Тирмәнсе”, “Мәймүн менән күҙлек”, И.Дмитриевтың “Йылан менән һөлөк”, Л.Толстойҙың “Ҡуяндар һәм баҡалар” тиҙән

наҙанлыҡты, ялҡаулыҡты, түҙемһеҙлекте, яуызлыҡты тәнҡитләгән, яҡшылыҡты данлаған мәҫәлдәрен тәржемә итеүе шул хаҡта һөйләй. Ҡара реакция йылдарында М.Ғафури ҙа И.Дмитриев, И.Крылов кеүек талантлы мәҫәлселәрҙең “эзоп телен” өйрәнеүҙе хуп күрә. Ул И.Крыловтың “Мәймүн менән күҙлек”, “Синерткә менән ҡырмыҫҡа”, “Бабай менән айыу” һәм башҡа аллегорик әҫәрҙәрен тәржемә итә, улар өлгөһөндә үҙе лә тиҫтәләгән үҙенсәлекле мәҫәлдәр тыуҙыра.

Урыҫ әҙәбиәтенән драма һәм проза әҫәрҙәре лә тәржемә ителә йә ижади файҙаланыла. Н.Ғоголь, А.Островский драмалары айырыуса игтибар үҙәгендә була. А.Островскийҙың “Ғроза”, “Бесприданниҡа”, “Бедность не порок”, “В чужом пиру похмелье” кеүек драмалары тәржемә ителә йә башҡорт, татар халыҡтары тормошона яраҡлаштырылып үҙгәртелеп яҙыла. Прозага игтибар айырыуса ҙур була. А.Пушкин, Н.Ғоголь, М.Лермонтов, Л.Толстой, И.Тургенев, М.Ғорький кеүек күренекле урыҫ әҙиптәренең күп кенә хикәйәләре, повестары менән башҡорт уҡыусылары татар телендәге тәржемәләр аша таныша.

Өлбиттә, урыҫ әҙәбиәте менән танышыу, өлгөләрен тәржемә итеү, үҙгәртеп эшкәртеү, эйәреп яҙыу (тәҡлидләү) проңесында әҙиптәр был әҙәбиәттең идея-художество тәбиғәтенә, үҙенсәлектәренә, ижад принциптарына төшөнөргә тырышҡандар, фекер туплағандар, юҡ-юҡта улар менән матбуғат биттәре аша уртаҡлашҡандар. Мәҫәлән, “Шура” журналы махсус рәүештә “Рус әҙәбиәте ” тигән рубрика аса. Унда М.Ломоносовтың 200 йыллыҡ, Н.Ғоголдең 100 йыллыҡ, Л.Толстойҙың 80 йәшлек юбилейҙарына арналған төплө мәҡәләләр донъя күрә, А.Пушкин, М.Лермонтов һәм башҡа урыҫ әҙиптәренең татар теленә тәржемәләнгән әҫәрҙәре баҫылып сыға. 1908 йылда журнал тиҫтәгә яҡын һанында урыҫ әҙәбиәте тарихына бәйле очерк бирә. Был осорҙа А.Пушкин, Н.Ғоголь, И.Тургенев ижадтары хаҡында мәҡәләләр донъя күрә, тәнҡитле реализм методын теоретик йәһәттән нигеҙләүгә ифрат ҙур өлөш индергән В.Ғ. Белинский, Н.А. Добролюбов кеүек күренекле тәнҡитселәр, революңион-демократтар хеҙмәттәренә иғтибар көсәйә. Был йәһәттән татар әҙиптәре Ғ.Ибраһимов, Ғ.Камал әүҙемлек күрһәтә. Уларҙың, Белинский менән Доб-ролюбов кеүек, әҙәбиәттең ижтимаги-эстетик роле, ысынбарлыҡҡа мөнәсәбәте, типик характерҙар тыуҙырыу, реалистик ижад принциптарының асылы хаҡындағы фекерҙәрҙе яҡтыртҡын мәҡәләләре һәм рецензиялары менән, әлбиттә, башҡорт әҙиптәре лә яҡындан таныша [1, 114; 2, 522-523].

Шулай итеп, 1905 – 1907 йылдарҙағы революңион көрәш, дөйөм рухи күтәрелеш атмосфераһы биргән импульстан һуң революңион-демократик идеяларҙың йоғонтоһо көсәйеүе, ваҡытлы матбуғат биттәрендә әҙәби тәнҡиттең, дискуссияларҙың, ижади ярыштарҙың йәнләнеүе, алдынгы әҙәбиәттәрҙең, айырыуса урыҫ әҙәбиәтенең, ыңғай традицияларын, матур ҡаҙаныштарын өйрәнеү һәм үҙләштереүҙең әүҙемләшеүе һөҙөмтәһендә XX быуат башы башҡорт әҙәбиәтендә тәнҡитле реализм йүнәлеше ныҡлы урын алды, уның идея-художество асылын һәм кимәлен билдәләшеүсе ижад принциптары системаһына әүерелде.

Әҙәбиәт

1. Ҡунафин Ғ.С. XIX – XX быуат башы башҡорт әҙәбиәтенең үҫеш үҙенсәлектәре. – Өфө, 2014.

2. Ҡунафин Ғ.С. XX быуат башы башҡорт әҙәбиәтенең идея-художество үҙенсәлектәре. – Өфө, 2016.

3. Маркс К.и Энгельс Ф. Избр. произв. В 2 томах. Т1. – М., 1955.

4. Нефедов Ф.Д. В горах и степях Башкирии // Русская мысль, 1882, №5.

5. Нуруллин И.З. Путь к зрелости. О зарождении и развитии критического реализма в татарской литературе. – Казань, 1971.

6. Толстой Л.Н. Полн. собр.соч. В 90 томах. Т.26. – М., 1936.

7. Фекер, 1906, 21 июль.

8. Хөсәйенов Ғ.Б. Өҙәбиәт теорияһы. – Өфө, 2010.

©Ҡунафин Ғ.С., 2018

Ҡунафин Ғ.С.,
филология фәндәре докторы, профессор, БФА-ның мөхбир ағзаһы,
Өфө ҡ., Башҡортостан Республикаһы

ТИМЕР ЙОСОПОВ ШИҒРИӘТЕНДӘ ҒРАЖДАНЛЫҠ МОТИВТАРЫНЫҢ ХУДОЖЕСТВОЛЫ САҒЫЛЫШЫ ҮҘЕНСӘЛЕКТӘРЕ

Башҡортостандың халыҡ шағиры Тимер Йосопов ижады тураһында һүҙ сыҡҡанда, йыш ҡына “лирик шагир”, “лирик шигриәт” тигән һүҙҙәрҙе ҡабатлайҙар. Өммә уның шигриәтен һис кенә лә романтик талпыныуҙарҙан, матур хыялдарҙан, элегик кисерештәрҙән, шатлыҡлы хис-тойғоларҙан гына туҡылған тип нарыҡлау дөрөҫ үк булып бөтмәҫ ине. Нескә тәбигәтле, хис-тойголо булыуы

менән бер рәттән, был шиғриәт тәрән зиһенле, аналитик фекерле лә. Унда тойғолар лирикаһы (лирика чувств) менән уй-фекерҙәр лирикаһы (лирика мысли) берҙә тығыҙ үрелеп килә, бер бөтөн идея-эстетик күренеште хасил итә. Тимер Йосопов хис-тойғолар даръяһында онотолоп китеп, ҡолас ташлап йөҙөүҙә маһир шағир ғына түгел, тормош ағышы, йәшәйеш айышы тураһында етди уйланған, тәрләү күренештәрҙә, хәл-ваҡиғаларҙа мөнәсәбәтен әүҙем белдерҙән, уларҙа төрлө йәһәттән төплө, образлы анализдар яһап, киң дөйөмләштереүҙәрҙә килеүгә маһир философ ижадсы ла. Шуға ла уның шиғриәтенең романтик та, ғероик та, драматик та, элеғик-сентименталь да, юҡ-юҡ та юмористик та пафостар менән һуғарылыуына аптырайһы түгел. Был шиғриәт ысын мәғәнәһендә күңелде нескәрәк, пағыраҡ, зиһенде уйнағыраҡ итерҙәй шиғриәт. Юлайҡан бында шуны ла ап-асыҡ әйтергә кәрәктер: шағирҙың фекер лирикаһы беҙҙә йыш ҡына осраҡанса, яланғас риторикаға, шалтрауыҡ публицистикаға, оран һалып, күкрәк ҡағып, лозунғтар ташлауға, ҡоро аҡыл һатыуға ҡоролмаған. Бер ғенә миҫал булһа ла килтереп үтәйек әле. Өлкәнерәк быуын кешеләре яҡшы хәтерләйҙер: үткән быуаттың 60–70-се йылдарында кешелек донъяһының ҡыл өҫтөндә ҡалған хәүефле саҡтары күп булды. Илдәрҙең идеолоғик принциптар, ижтимағи-сәйәси ҡоролоштар системаһы буйынса берләшергә ынтылыуҙары, ярыша-ярыша ҡоралланыуҙары, маңлайға маңлайҙы бәрерҙәй булып, киҫкен бәхәстәрҙә инеүҙәре, әленән әле ҡораллы көстәрҙе ҡулланыуҙарға барып етеүҙәре көсәйгәндән көсәйә барҙы. Был хәл ил башлыҡтарынан, сәйәсмәндәрҙән, ил һаҡсыларынан ғына түгел, бәлки рухи тормоштоң аванғардында юл ярып барыусы ижад кешеләренән дә уяулыҡ талап итте, донъя яҙмышы, кешелек булмышы хаҡында борсоулы уйланыуҙарға ҡоролған төрлө-төрлө жанр-стиль тәбиғәтле әҫәрҙәрҙең күпләп тыуыуына сәбәпсе булды. Башҡорт шағирҙары ла, шул иҫәптән Тимер Йосопов та, был проңестан ситтә ҡалманы. Уларҙың ижад емештәре араһында тыуып торған хәүефле күренештәрҙе, аянысли хәл-ваҡиғаларҙы киңерәк яҡтыртып, төплөрәк баһалау маҡсатында хикәйәләү-тасуирлау башланғысына ниғеҙләнеп ижад ителгән нарратив характерҙағы әҫәрҙәр ярайһы урын алды. Халыҡҡа, кешелеккә туранан-тура мөрәжәғәт итеү, оран һалып, лозунғтар ташлау, әйтер фекерҙәрҙе, еткерер хис-тойғоларҙы өндәү-саҡырыуҙар, киҫәтеү-янауҙар, өгөт-нәсихәт уҡыуҙар, ярһып тәнҡитләүҙәр рәүешендә тура һыҙыҡлы бирҙән манифестаңион-публицистик характерҙағы әҫәрҙәр күпләп ижад ителде. Ә бына Тимер Йосопов үҙенең ижад манераһына тоғро ҡалды, ғражданлыҡ позициямды көслөрәк, асығыраҡ белдерәйем әле тип, уй-фекерҙәрен, хис-тойғоларын бары рифмаға һалынған ярһыулы лозунғ ташлауҙар, өндәү-саҡырыуҙар, саң ҡағыуҙар рәүешендә тура һыҙыҡлы биреүгә төшөп китмәне. Әҫәрҙәрендә “Аң булайыҡ, минең замандашым, Аң булайыҡ, минең ҡорҙашым” (“Ер шарыбыҙ беҙҙең яралғандыр...”), “Эй кешелек, еребеҙҙе Һаҡлайыҡ берүк уттан-ҡуҙҙан. Керпеғемә ҡунһын бары Ҡояш һипкән алтын туҙан” (“Алтын туҙан”) ише ана шундайыраҡ типтағы шиғри юлдар ара-тирә осраштырып ҡуйһа ла, ниғеҙҙә шағир тәрәндәнерәк әйләндереп һүҙ ҡуҙғатыу, уй-тойғоларҙы образ-деталдәрҙә сорнап, образлы нағышлап-ҡаймалап ҡына, тел төбө менән кинәйәләп биреү алым-сараларын хуп күрҙе. Әйтәйек, “Әйтер ине” тиғән шиғырында ул түр башында торған яуҙан ҡайтмаған өнһөҙ һалат һүрәтен “телгә килтереп”, риторик һорауҙары аша уның ғазаплы уй-кисерештәрен психолоғик юҫыҡта асып һалып, һуғыштың күпме кешеләрҙе, айырыуса матур заттарҙы трағик яҙмышҡа дусар итеүсе, бер нисек тә аҡлап булмай торған яуыз, шөкәтһеҙ күренеш икәнлеген һиҫкәнеп китерлек, хафаланып уйланырлыҡ итеп яҡтырта. Яу ҡырында ятып ҡалған һалдат рухы һаман да кешелектең бөгөнгө һәм киләсәк именлеге һағында тора, беҙҙе бойоҡмаҫҡа, тыныслыҡ өсөн ҡорбан булғандарҙың изге аманаттарын онотмаҫҡа саҡыра. Шулай булғанда, тәрән символик мәғәнәле “Алыҫтарға китә таң яҡтыһы...” тип башланған шиғырҙа әйтелгәнсә, “ҡараңғылыҡ” – төрлө яуызлыҡтар, ҡан ҡойоштар “ҡалын боҙҙар кеүек,.. шығыр-шығыр килеп ватыласаҡ”, бөтә тәбиғәткә, тереклек донъяһына, кешеләр күңеленә нурҙар һеңдерҙән “таң яҡтыһы” – тыныслыҡ, бәхет “алыҫтарға китеп” тараласаҡ. Именлеккә тешен ҡайраусылар, “алыҫ ҡитғаларҙа, уттар йотоп, хаҡлыҡ өсөн ауыусылар”, “яраларҙан ауыр һулаусылар” бар сағында (“Бәхеттәр баштан ашҡан, тимә,..”, “Төн һарайы инде тынып ҡалған...”), шағир үҙен дә “таң яҡтыһы” алыҫтарға таралһын өсөн “ҡара төндөң күҙ-ҡолағы булып” торған һалдат кеүек хис итә, бөтәһе өсөн яуаплы тоя:

Ҡара төндөң күҙ-ҡолағы булып,
Һалдат менән шағир йоҡламай...
Һалдат менән бары шағир ҡалған
Хәүефтәрҙең бирге ярында.

Ишетәм һымаҡ алыҫ ҡитғаларҙың
Яраларҙан ауыр һулауын.

Бармағымдың ҡайһы ауыртһа ла,
Үҙәгемә үтә һыҙлауы.

(“Төн һарайы инде тынып ҡалған...”)

Халыҡ шағирының күпселек әҫәрҙәре ана шулай хәүефтәрҙең арғы һәм бирҙе яры, үткән һәм бөгөнгө тормош хаҡында ғорурланып та, һыҙланып та уйланыуҙары ерлегендә тыуған. Ғәмһеҙ бала саҡ ҡыуаныстары, атай-олатайҙарҙың, әсәй-еңгәйҙәрҙең физаҡәр эштәре, яҡты өмөт-ынтылыштары хаҡында илһамланып йырлаһа, яуҙа ятып ҡалған атай-олатайҙар рухы, тол ҡалған әсәй-еңгәйҙәрҙең, бер тапҡыр ҙа туй күлдәге кеймәгән апайҙарҙың, етемлек һурпаһын татыған балаларҙың әсе яҙмышын тетрәнеп һүрәтләне шағир. Уның лирик ғеройы икмәкле, төҙөк, тыныс тормоштоң ҡәҙерен, кеше күңеленең йомартлығы һәм паклығы баһаһын аңларға иртә өйрәнде. Тикмәгә ғенә йәш ижадының тәүге китабы “Икмәк еҫе” тип аталманы. Был еҫ һәр кемгә, айырыуса һуғыш осоронда “нужа өйрәһен” күп татыған, “ғүйә, саналарҙа утын түгел, ауыр йылдарҙы ... һөйрәгән” кешеләргә таныш һәм ҡәҙерле. Шағир уға бик тә тәрән һәм киң мәғәнә һала алған. Бер телем икмәккә тилмереп, “башаҡ сүпләп ҡамыл төптәренән йөрөгән” саҡтарҙы әленән-әле йөрәктәрҙе “ҡарҙай ҡорошторо” иҫкә төшөргән әпәкәй еҫе – ул оло юғалтыуҙар, ҡайғы-һағыштар һәм тетрәнеүҙәр аша килгән именлек ҡото, йәшәү, шатлыҡ символы. Уның өйҙәрҙә таралмауы – кешелектең иң тетрәндерғес трагедияһы. Шағирҙың ерҙең уттарҙа дөрләмәүен, мәңгелек булыуын, өҫтөндә һөрөм, төтөн еҫтәренең түгел, ә тормош шатлығы булған әпәй еҫтәренең таралыуын теләүе – йәшәйештең асыл хәҡиҡәте ул:

Өй эсенә тула икмәк еҫе –
Өло шатлығы ул тормоштоң...
Ер мәңгелек. Ер янмаҫҡа тейеш.
Тыныс булһын илем кистәре;
Тормош күрке булып һәр бер өйҙән
Гел таралһын икмәк еҫтәре.

(“Икмәк еҫе”)

Был хәҡиҡәтте шағир һуғыш һәм унан һуңғы йылдарҙың бөтә ауырлығын үҙ иңенә һалған тотош бер быуындың булмышын эҙмә-эҙлекле һүрәтләү аша аса барҙы. Ә ул быуын иҫ киткес ауырлыҡтарҙы, ҡайғы-һағыштарҙы эш менән, йыр-моң менән баҫа, тормотоң матурлығын күрә, бәләкәй ғенә уңыштарға ла шатлана, тойғоларҙың сафлығы, кеше күңеленең байлығы һәм миһирбанлығы һағында тора белде. Шуға ла шағир “бар көсөнә киреп ҡоласын” салғыһы менән “ер битенә... хас дошманға булған ҡарғышын”, яу ҡырында ятып ҡалған иренә “йөрәгендә булған һөйөүен” яҙған еңгәләре (“Бесән өҫтө”), әсәй-апайҙары, уларҙың иңенә төшкән ауыр йөктө күтәрешергә тырышҡан, яу ҡырында ятып ҡалған атай-олатайҙарҙың һәм ағайҙарҙың әсе яҙмышын бүлешкән замандаштары хаҡында поэтик йәдкәр яҙыуҙы үҙенең иң мөҡәддәс бурысы һананы (“Тиңдәштәр”, “Тик бер төндә бары...”). Әйтәйек, үҙенең “Яҙ моңдары” тиҙән поэмаһында ул “түңгәк буйы ғына” көйө “әсе елгә сәсе тырпайған”, “атайҙарҙан ҡалып,.. үҙ кендеген үҙе киҫкән”, “дауылдарҙы йоткан, уттар йоткан”, “ғүмер буйы атай кәңәшенә сарсаған” быуын вәкилдәренең – һуғыш йылдары балаларының әсе яҙмышын, “илгә көлөп тә,.. илап та ҡайтҡан” еңеүҙән һуңғы булмышын, киләсәккә булған ынтылышын, өмөтөн һәм теләгән бөтә тәрәнлегендә һәм киңлегендә яҡтыртты. Үҙ иңенә “аяҡтары ергә батырлыҡ” йөктө һалырға, күңелендәге моңдарҙы “заман еленә ... йөҙөн төбәп түгергә”, “тыуыр йылдарына күҙ терәп,.. өмөт толпарында елергә” әҙер был быуын кешеләренең иң ҙур, иң илаһи теләге аталарының “яҡты эҙе”, әсәләренең “изге тауышы” ҡалған, “хәлһеҙ саҡтарҙа” үҙенә һыйындырған тыуған ергә һәр саҡ терәк булып ҡалыу һәм, әлбиттә, “балаларҙың телен киҫмәксе, стадиондарҙы каса итеп... күҙ йәштәрен илдең эсмәксе... Пиночеттар илдә бар” саҡта тыныслыҡты, фәҡәт тыныслыҡты юрау:

Имен генә булһын донъялар,
Имен генә булһын алһыу таңдар,
Имен генә торһон ҡаялар...

Тик балалар ғына шат ҡыскырһын,
Яңғыратһын тыуыр йылдарҙы...

Баш осонда мәңге ҡояш булһын,
Ҡояш нуры төшһөн йөҙҙәргә.

Әйҙә “Яуҙа ауғандарҙың ейәндәре Яҙ ҡаршылаһын киске уйында” – ошоға оҡшаш уй-теләктәр, һуғыш һәм тыныслыҡ, ҡайғы һәм шатлыҡ, яуызлыҡ һәм хаҡлыҡ бәрелештәре, ғүмер ағышы һәм быуындар бәйләнеше, юғалтыу һағыштары һәм ҡауышыу ҡыуаныстары хаҡындағы уйланыуҙар

Тимер Йосоповтың “Туй” поэмаһында, “Ай аҫтында, ҡояш аҫтында” шигырҙар шәлкемендә, “Тиңдәштәр”, “Йондоҙ күҙләйем”, “Элек айым еҙ төймәләй ине...”, “Хаҡлыҡ”, “Ҡояш тыуа”, “Хәтеремдә айлы төндәр...”, “Йылдар сылбыры”, “Майҙандарҙан уҙа ветерандар”, “Ағайҙарым”, “Таң ата”, “Исемдәре Урал ташында” һәм башҡа тиҫтәләгән әҫәрҙәрендә ҡыҙыл еп булып һуҙыла.

“Ил яраһын төҙәтәм дә тиеп, үҙ яраһын ... онотор”, бөтә эш-ҡылыҡтары менән киләсәктә лә “әҙәп теҙгенен” һаҡлатыр (“Ағайҙарым”) ил уҙамандарының булмышына бәйле бындай әҫәрҙәре менән Тимер Йосопов шиғриәтебеҙҙең гражданлыҡ рухына үҙенсәлекле һулыш, тормош, халыҡ яҙмышы менән бәйләнешенә яңы бит өҫтәне. Был битте шагир ер шарының теге йә был төбәгендә барған аянысли хәл-ваҡиғаларға хөкөмдар ҡиәфәтендә туранан-тура мөнәсәбәт белдереү, баһа биреү, аҡыл һатыу йә иһә уларҙы теҙеп “теркәп” сығыу рәүешендәге бер яҡлы поэтик юлдарҙан “туҡыманы”. Уларҙа кеше зиһене, кеше күңеле, тойго-кисерештәре донъяһы фани донъя ла беҙ күргән, асылына төшөнөргә тырышҡан күренештәрҙән, булған һәм булып ятҡан хәл-ваҡиғаларҙан күпкә киңерәк, ҡатмарлыраҡ, нескәрәк һәм сағыуыраҡ сағылыш таба. Литоталар, аллегориялар, метафоралар, ябай һәм киңәйтелгән сағыштырыуҙар, йәнәшәлектәр, йәнләндереүҙәр ниндәй урынлы, тапҡыр ҡулланыла ысын ҡауырый ҡәләм оҫтаһы әҫәрҙәрендә. Бына бит иге-сиге күренмәҫтәй тойолған еребеҙ ҙә, баҡһаң, йыһан, ғәләм киңлегендәге “йәшел борсаҡ һымаҡ,.. бик кескенә” шар икән (“Ер шарыбыҙ беҙҙең яралгандыр...”). Ниндәй тапҡыр поэтик табыш, күңел-зиһенебеҙгә көслө тәьҫир итерлек уңышлы сагыштырыу. Ә бит ошо бәләкәй генә “борсаҡ иңдәрендә” тәбигәттең дә, кешелек тормошоноң да ҡаршылыҡлы “миҙгелдәре” – ыжғыр ҡыштары, йәнле яҙҙары, хозур йәйҙәре, һағышлы көҙҙәре “ҡауышҡан”, “ҡәбер-убалар” теҙелгән, “тәндәренә,.. күкрәгенә... шырау кеүек аҙмы бомбалар” ҡаҙалған. Шундай иҫ китерлек ауыр һынауҙарға дусар ителгән борсаҡтай ғына ерҙең, “һағыштан һарғаймайынса”, йәшел көйөнә ҡалыуы, “ал ҡояшҡа морон төртөүе” лирик геройҙы хайран ҡалдыра, һоҡландыра, илһамландыра. Был хәл уға күкрәк киреп, ғорурланып:

Шундай оло минең Ер шарым,
Йәшел борсаҡ хәтле Ер шарым, –

тип, мәдех һүҙҙәрен әйтергә хоҡуҡ бирә.

Тимер Йосоповтың лирикаһы ана шулай ер, тыуған ил, халыҡ яҙмышы, һуғыш һәм именлек, үткән, бөгөнгө һәм киләсәк тормош хаҡында тәрән уйланыуҙар менән һуғарылған. Шагир һуғыш һәм тыныслыҡ темаһына, тормоштағы драматик ситуацияларға, халҡыбыҙҙың ауыр ҙа, ҡанлы ла, шомлы ла тарихына, драматик һәм героик яу йылдары ваҡигаларына йыш мөрәжәғәт итә, күңел-зиһенебеҙ йоҡомһорап, битарафланып, маҡортланып һәм ташбәғерләнеп китмәһен өсөн шиғри набатын ҡаға тора. Уның әҫәрҙәрендә нескә уй-кисерештәр һәр саҡ тип әйтерлек югары ватансылыҡ, ил һөйөүсәнлек тойголары, тормошто раҫлаусы, кешеләрҙе рухландырыусы мотивтар менән тығыҙ үрелеп килә. Тимер Йосопов шигриәттә күңел хисе, күңел моңо менән бер ҡатарҙан йөрәк уты, зиһен хикмәте булырға тейешлеген яҡшы аңлап эш итә. Тикмәгә генә уның лирик геройы үҙен “ер шарының уртаһына баҫып,.. замандарҙың хәтәр дауылдарын үҙ йөрәге аша үткәреүсе”, “имен генә булһын донъялар” тигән теләк менән яныусы ил балаһы, намыҫ һаҡсыһы, “хаҡлыҡтың ... махсус хәбәрсеһе, халыҡтың ... тынмаҫ моңо” итеп хис итмәй (“Тауҙарыма баҫтым”). Ана шуга ла уның шиғриәтендә хистәр һәм фекерҙәр масштаблылығына, юғары образлылыҡҡа ынтылыш көслө. Шуныһы айырыуса мөһим: был ынтылыш шағир тарафынан үҙенә бер тәбиғилек, ихласлыҡ менән тормошҡа ашырыла. Быны һиҙемләгәндәй, “Яраларым ярылырга тора...” тигән әҫәрендә:

Был донъяла асыҡ-ярыҡмын шул,
Эсемдәге минең – тышымда... –

тип асыҡтан-асыҡ белдергән шагир зиһен-күңелендәген бер төрлө күтәренке лә, һағышлы ла тондарҙа бер ниндәй яһалмалылыҡһыҙ, ихлас асып бирә.

Әммә был “асыҡ-ярыҡлыҡ”, был тәбиғи ихласлыҡ һис кенә лә шаран-яралыҡты, үтә бер ҡатлы ябайлыҡты аңлатмай. Олуғ шағирыбыҙҙың берәһе Назар Нәжмиҙең мәғәнәле һүҙҙәрен ҡулланып әйткәндә, Тимер Йосопов лирикаһы бөтә асылы менән серһеҙ бер сер. Был ижадтың “серһеҙлеге” шунда – унан ниндәйҙер бер эске йылылыҡ, нәҙәкәтлек, шатлыҡ ҡатыш моңһоу яғымлылыҡ, ҡыҫҡаһы, халыҡсан аһаң бөркөлөп тора. “Серле” яғына килгәндә инде, ул шағирҙың уҡылған әҫәрҙәрен яңынан уҡыгы, һоҡландыргыс ябайлыҡтары, тормошсан бөйөклөктәре асылына, ҡойоп ҡуйған шиғри юлдарының, Мифтахетдин Аҡмулласа әйткәндә, “тәрәндән әйләндереп һүҙ ҡузғатыр” көсөнә ныгыраҡ төшөнгө килеүҙә. Ә был серле көстөң нигеҙендә, минеңсә, бөтәһенән дә элек Тимер Йосоповтың образлы фекерләү ҡеүәһе, поэтик маһирлығы ята. Уның шиғриәте матур-матур көтөлмәгән бөгөлөштәрҙән, төрлө-төрлө вәзендәрҙән – йырлап торған шиғри үлсәмдәрҙән, ритмик быуындарҙан, өндәр гармонияһынан йә кинәт яһалған паузаларҙан, аҡценттарҙан, градацияларҙан, аллегорияларҙан, парадокстарҙан, ритмик һорау һәм өндәшеү-саҡырыуҙарҙан, төрлөсә ҡоролған

строфаларҙан, рифмаларҙан, ҡыҫҡаһы, әҫәрҙәрҙец зауыҡлы идея-композицион теүәллегенә хеҙмәт итерҙәй, һоҡландыргыс һәм уйландыргыс көтөлмәгәнлек, уй йомоу эффекты тыуҙырырҙай иц сагыу сара-алымдарҙан туҡылган. Миҫал, дәлилдәрме?! Уларҙы әллә күпме килтерергә булыр ине. Оҙон-оҙаҡҡа һуҙмаҫ өсөн әлегә бер генә миҫал менән сикләнеп торайыҡ.

Әллә ҡайҙан тауыш килде
Ел аскан ишектәнме?
Алыҫҡа оскан уҡтарҙың
Зырлауын ишетәмме?
Сит ерҙәрҙә Ҡаһымдарҙың
Йырлауын ишетәмме?

Көҙ мәлендә әсе елдәр...
Ҡоштар оса алыҫҡа.
Гүйә, аҡ еләнен елпеп
Ирҙәр китә алышҡа.
Ирҙәр китә ... Йондоҙ яуа
Уларҙың эҙҙәренә...

Атай-олатайҙарыбыҙҙыц “әсе елле” яҙмышы, ил ҡото, халыҡ бәхете, киләсәк именлеге өсөн “аҡ елән (паҡлыҡ, хаҡлыҡ символы) елпеп алышҡа” сыгыуы, эҙҙәренә йондоҙ яуҙыртҡан, йондоҙҙай балҡыган изге эштәре, быуындар бәйләнеше, һиммәтле традициялар хаҡында уйланыуҙарга ҡоролган, бер үк ваҡытта одик та, элегик та ноткалар менән һуғарылган “Олатайҙар” тигән был шигыр-монологта беҙ риторик һорауҙарҙы ла, көтөлмәгән йәнләндереүҙәрҙе лә, наузаларҙы ла, анафора (әйтергә теләгән иц кәрәкле фекерҙе баҫым яһап – акцентлап биреү маҡсатында автор әҫәренец беренсе строфаһындағы поэтик юлдарҙы алтынсы строфала йәнә ҡабатлай), уй йомоу ише фигураларҙы ла осратабыҙ. Тап ошондай һүрәтләү сараларын тейешенсә, тәгәйен генә ҡулланыуы арҡаһында шагир халҡыбыҙҙыц яулы ла, ҡанлы ла, шанлы ла тарихы сәхифәһен, күкрәк ҡаҡмай йә артыҡ һыҡтамай, зарланмай ғына югары художестволы кимәлдә дөйөмләштереүгә өлгәшә [1,133 – 136].

Әҙәбиәт

1. *Ҡунафин Ғ. С.* Йондоҙ ҡабыҙган ижад // 2008, № 3. – 132 – 144-се бб.

© Ҡунафин Ғ.С., 2018

Лысикова Н. П.,
доцент кафедры философии культуры и культурологии СГУ им. Н. Г. Чернышевского,
г.Саратов, Саратовская область

РОЛЬ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В ГАРМОНИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ НАРОДАМИ

Язык и культура реализуются во всем комплексе отношений между народами и всех сферах жизнедеятельности общества: политике, науке, экономике, культуре, быте, семье. Невозможно гармонизировать отношения между народами без участия языка и культуры, представляющих непосредственную достоверность, на основе и при непосредственном участии и влиянии которых строятся и трансформируются их взаимосвязи.

В отличие от других сфер язык и культура напрямую связаны с каждым членом общества, поэтому необходимо знать не только «объективированное прошлое», фактичность, данность языка и культуры, но и транзитивность, предполагающую выход за пределы наличного эмпирического опыта. Исследование внутренней динамики данных феноменов, безусловно, позволит проектировать и прогнозировать трансформацию отношений между народами, потому что их роль в этом процессе является определяющей и ее значимость продолжает возрастать. Видный американский социолог и политолог, разработчик концепции этнокультурного разделения цивилизаций С. Хантингтон справедливо предполагает, «что в нарождающемся мире основным источником конфликтов будет уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой» [1, с. 33].

Действительно, язык и культура являются наиважнейшими ценностями, представляющими имманентное бытие каждого народа, а утратившие свою языковую и культурную специфику народы перестают существовать как самостоятельный этнос. Именно в языке и культуре накапливается

огромный исторический, эмоциональный, психологический, житейский опыт, заключенный в системе архетипов и символов, традиций и новаций, фиксирующих отношение человека к самому себе, окружающему миру, природе, обществу. Следует особо отметить, что каждая культура несет в себе в концентрированном виде символический опыт данного народа как части общечеловеческого опыта. При этом уникальные и неповторимые как позитивные, так и негативные события в развитии языка и культуры, или, наоборот, их отсутствие, активно воздействуют на трансформацию отношений между народами. Обиды, несправедливость, душевные травмы, наносимые самосознанию как отдельного представителя национальной культуры, так и самосознанию целого народа, вытесняются в бессознательную, «неозвученную» культуру, которая, не находя прямого выхода в языке естественного общения, языке «здравого смысла», либо постоянно диктует определенный стереотип, некую заданность поведения, либо неожиданно, спонтанно, часто в непредсказуемых формах, вырывается во внешнее бытие, сметая все на своем пути. И, наоборот, помощь и поддержка в кризисных ситуациях, совместная творческо-преобразующая деятельность, позитивные акты гуманизма являются важным регулятором гармонизации отношений между народами.

Однако не следует принижать роль сознательных усилий носителей национальной культуры, подменять их только естественно-стихийным началом. Чрезвычайно важна общая программа действий и волевые усилия к ее реализации, наконец, готовность к подвигу, жертвенность ради сохранения сущности и существования данного народа, что находит свое воплощение в культурных памятниках народного и профессионального искусства. Например, утрата части культурных артефактов цивилизации, представленных в одном из богатейших городов поздней античности Пальмире, после того, как боевики ИГИЛ взорвали центральную часть амфитеатра, является невосполнимой, и все-таки работа по восстановлению оставшихся памятников уже началась. Специалисты планируют воссоздать два разрушенных храма, Монументальную арку и башни-гробницы согласно поэтапному плану. Очевидно, что такая гигантская по своим масштабам реставрационно-восстановительная работа успешно может быть осуществлена только при поддержке специалистов и волонтеров из разных стран. Было принято решение о том, что в реставрации исторических памятников Пальмиры примет участие Государственный Эрмитаж. В рамках 199-й сессии Исполнительного совета международной организации в Париже была принята резолюция «О роли ЮНЕСКО в сохранении и восстановлении Пальмиры и других сирийских памятников культурного наследия», в которой предлагались первоочередные действия по оценке восстановления Пальмиры и других памятников культуры в Сирии. Очевидно, что со временем подобные уникальные культурные комплексы станут центрами притяжения не только ученых, специалистов в области реставрации, археологии, архитектуры, но и волонтеров, туристов, молодежи, всех неравнодушных людей, готовых внести свой посильный вклад в восстановление наследия культурных комплексов международного уровня.

Культура и язык осуществляют не только внешнюю, но и внутреннюю связь между группами, сообществами, объединениями людей: вся информация, инновации, опыт передаются от одного носителя культуры к другому, поэтому данные феномены принципиально коммуникативны, имманентно семиотичны, выступают как совокупность знаков, выражающих определенное содержание и передающих конкретный смысл. Однако культура и язык не только знаковы, но и символичны, так как несут информацию о глубинном смысле того, что данному народу представляется наиболее существенным и выражается в символизирующих объектах. При этом символика их всегда специфична для тех или иных конкретных форм и состояний культурных реалий. Существующие в каждой национальной культуре архетипы выходят за рамки только наличного времени и осуществляют связь времен, они рассчитаны на весь маршрут истории: образы «богов» и «демонов», «добра» и «зла», «справедливости» и «возмездия», «любви» и «ненависти», «прекрасного» и «безобразного», «гармонии» и «хаоса» меняются по форме от страны к стране, от века к веку, имеют свой народный колорит, однако, их совокупное содержание по основным своим логическим конструкциям совпадает. Как в науке фиксируются универсальные категории, так и в культуре наличествуют универсальные аллегории и образы. Без их осмысления рассмотрение роли языка и культуры в гармонизации отношений между народами будет явно неполным.

Как это не покажется парадоксальным, но отношение народа к собственной культуре не всегда неоднозначно. Уже в древности сформировались две тенденции: этноцентризм и космополитизм. Согласно первой из них этнос рассматривает свою культуру в качестве некоего всеобщего образца и эталона, ставит ее выше других и воспринимает иные культуры с недоверием или враждебно, исходя из принципа: мы лучшие в мире. Для второй тенденции, наоборот, характерно стремление выйти за рамки своего этноса и страны, исходя из принципа: далекие от нас народы являются достойными и

счастливыми, а у нас все плохо. Данные тенденции, начиная с XVIII в., выступают в формах культурного релятивизма и культурного универсализма, представляя проблему отношений между национальной и мировой культурами. Один из основоположников культурного релятивизма М. Монтень полагает, что каждая нация создает свою собственную национальную идею. Современный представитель этого направления К. Леви-Стросс считает, что все культуры оригинальны, несравнимы, равноценны, поэтому нельзя объявлять одну из них выше или ниже другой. Он скептически смотрит на создание мировой цивилизации и культуры, излишние контакты между разными культурными мирами, по его мнению, губительны, ведут к усреднению и нивелированию, утрате самобытности и многообразия. Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, И.-В. Гете, В. С. Соловьев, являясь сторонниками универсализма, признают возможность формирования целостной мировой культуры на основе каких-либо объединяющих идей, например, принципа соборности.

В современном мире наблюдается интеграционная тенденция, согласно которой мировая культура формируется как объединение лучших достижений национальных культур, но не их слияние. Становясь мировой, национальная культура, например, античная греко-римская, западноевропейская, русская культура XIX в., не утрачивает прежнего качества, своей национальности, самобытности, уникальности. Однако в настоящее время наметилась опасная тенденция нивелирования, усреднения, однообразия культур. Такой путь, со всей очевидностью, ведет в тупик, способствует утрате культурного многообразия, снижению общечеловеческих нравственных ориентиров.

Весьма многообразны типы межкультурного взаимодействия, существующие как на уровне отдельного государства, так и на межгосударственном уровне: к ним относят геноцид, ассимиляцию, сепарацию, сегрегацию, маргинализацию, интеграцию, мультикультурализм, которые существуют в тех или иных формах и проявлениях в настоящее время. Рассмотрим основные типы межкультурного взаимодействия и выделим из них те, которые наиболее перспективны для гармонизации отношений между народами. Если при геноциде одна этническая культура при контакте уничтожает другую, то ассимиляция представляет постепенное добровольное или вынужденное приспособление к обычаям и жизненным ценностям доминирующей культуры с последующим исчезновением собственной культуры. Под сепарацией понимают, как правило, межкультурное взаимодействие, когда носитель культуры ассоциирует себя только со своей старой национальной культурой и отрицает новую. Определенный прогресс в межкультурном взаимодействии представляет сегрегация как изолированное, независимое сосуществование национальных культур. В некоторых случаях человек или группа не ассоциируют себя с определенной национальной культурой или окончательно потеряли в силу обстоятельств с ней связь и вынуждены приспосабливаться к культурной среде проживания. Равноправное диалогическое взаимодействие между национальными культурами возможно лишь на основе интеграции, при сохранении своего культурного достояния и, одновременно, принятия и уважения ценностей сопредельной национальной культуры. Например, система образования в Автономии Немцев Поволжья (1918-1941 гг.) складывалась в условиях существования двух этносов, в рамках естественного билингвизма, когда два языка немецкий и русский играли одинаково важную роль в общественной, политической, культурной и хозяйственной жизни: при этом один язык являлся родным, другой язык был языком межнационального общения [2, с. 77-84].

Менее высоко, нежели раньше, оценивается в настоящее время мультикультурализм, основу которого составляет освоение навыков нескольких культур и творческая реализация их на практике. В своей автобиографической книге «Моя настоящая жизнь» О. Табаков вспоминает о том, что в его личной культуре представлены четыре национальных источника: русский и мордовский по отцу, польский и украинский по матери. Русскому варианту и оценке ситуации он всегда имел «довольно мощную альтернативу в метафорической ласковости украинского языка». Много раз даже при полном неприятии человека его выручала польская «гжечность» [3, с. 25-26]. Предпосылкой и важным условием раскрытия таланта великого мастера, его высоких творческих и адаптационно-бытовых возможностей стали усвоение, переработка и практическое использование нескольких культур и языков. Однако, по-видимому, то, что удается отдельным творческим личностям, становится препятствием для целых народов.

Таким образом, в гармонизации отношений между народами большую роль играет весь спектр культурно-языковых явлений. При этом следует учитывать тип и специфику взаимодействия культур различных народов, важные исторические события в их жизни, явные и имманентные аспекты культуры, а также особенности ее функционирования в современном обществе риска.

Литература

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. № 5. С. 33-48.

2. Штуккерт А. Развитие речи учащихся педагогических училищ Автономии Немцев Поволжья (1918-1941) в рамках их билингвального образования // Этнос и власть: проблемы гармонизации межнациональных отношений. – Саратов: Издат-во Поволжской академии гос. службы, 1999. Ч. 2. С. 77-84.

3. Табаков О. Моя настоящая жизнь. Автобиографическая проза. - М.: Издательство: ЭКСМО-Пресс, 2000. - 496 с.

© Лысикова Н. П., 2018

Мәүлетколов Р.,
5 курс студенты, БДУ-ның СФ
Илишева Р.Х.,
ф.ф.к, доцент,
Стәрлетамак к., Башкортостан Республикаһы

ЗӘЙНӘБ БИИШЕВАНЫҢ “ҠАЙҘА ҺИН, ГӨЛНИСА?” ХИКӘЙӘҺЕНДӘ ПОРТРЕТ

Алтмышынсы йылдар башында Зәйнәб Биишева, мөһим әхлак проблемаларына мөрәжәгәт итеп, бер-бер артлы «Сәйер кеше», «Уйҙар, уйҙар...», «Ҡайҙа һин, Гөлниса?» исемле хикәйә һәм повестар ижад итә. Был әҫәрҙәр социаль үткерлеге, әхлак һәм тәрбиә мәсьәләләренең етди ҡуйылышы менән бөгөнгө уҡыусыға ла ҡыҙыҡлы булып ҡала.

«Ҡайҙа һин, Гөлниса?» хикәйәһенең төп геройҙары - Сафый, уның Гөлниса исемле ҡатыны. Улар студент йылдарында бер береһен табышҡандар, унан гаилә ҡоргандар, ҡыҙҙары бар.

Йәш сағында Гөлниса бик матур ҡыйыу ҡыҙ булған: *“Ә Гөлниса яҙғы күктәй зәңгәр көләс күҙле, шаян һылыу ҡыҙ”...“Эйе, Гөлниса ул сакта минең өсөн, уй етмәҫ хыял ғына ине...”, тип хәтерләй Сафый.*

Ваҡыт үткәс, Гөлниса эшендә ҙур вазифаға күтәрелгән, шуға һәр сак машинала эре генә йөрөп, бөтәһенә баш булып йөрөргә өйрәнеп алған.

Гөлнисаның холҡо ла ҡырт үҙгәргән: *“Кабинеттан Гөлнисаның өс телде аяуһыҙ бутап, русса, башҡортса, татарса ҡыскырынғаны һаман яңғырап ишетелеп тора.*

- Мин сеҙҙе, Сәлимов, бюроға поставлю! Һин мине будешь помнить, Сәлимов!..”

Сафый студент сакта бергә уҡыған дуҫына хат яҙа. Гөлнисаның яман үҙгәренен тасуирлай: *“Йә, ниңә был хәтле үҙгәрҙе Гөлниса?! Элеккесә ябай, һөйкөмлө, яғымлы кеше булып ҡалһа ни була икән?! Кешеләрҙе әрләп, ҡуркытып түгел, ә үҙеңде яратҡырып етәкселек итеү артыҡ түгелме икән ни?!”* З.Биишева өсөн ваҡ төйәк юҡ был тәңгәлдә. Был ситуацияла барыһын да бер епкә теҙеп ҡарарға кәрәк. Шуға ул Гөлнисаның портретындағы деталдәр аша бөтә хәлде аңлатырға тырыша:

“Әйтәйек, Гөлниса бик иртә артыҡ йыуанайып, олпатланып китте.

Уға хәҙер утыҙ биште түгел, ә ҡырҡ биште биреп була. Ни өсөн? Минеңсә, ул кәүҙәһен кабинетта ултырып, машинала йөрөп боҙҙо. Ун йыл буйы райсовет председателе. Ун йыл буйы йүнләп үҙ аяғы менән йөрөгәне юҡ. Ҡайҙа барһа, машина әҙер. Халыҡ мтеле менән әйткәндә, был йылдарҙа ул эйелеп ҙәп дә һепергәне юҡ бит. Шулай булғас, ул йыуанаймай кем йыуанайһын? Бының өҫтәүенә һәр сак, ҡунактағы шикелле, якшынан якшыны ғына ашап тороуҙы ла өҫтәһәң, кеше нимәгә әйләнергә тейеш? Ошо хакта Гөниса берәй тапҡыр уйлап ҡараймы? Юҡ. Уныңса был бик тәбиғи хәл. Башҡаса булыуҙы ул хәҙер күҙ алдына ла килтерә алмай”.

Беҙ Гөлнисаның матур, нескә генә ҡыҙыҡайҙан "“ҡырҡ биште лә биреп булмаҫ” бисәгә әйләнгәнен күрәбеҙ. Һүҙ бында тышҡы күренеш үҙгәреү тураһында ғына бармай. Был холоҡ үҙгәрешен автор социаль мәсьәләләләр менә бергә ҡарай: *“Юҡ, Гөлнисаны яуаплы эштә оҙаҡ ултыртып, артыҡ күтәрмәләп, үрләтеп боҙҙолар... Ун йыл буйы алмашсыһыҙ бит... Ниңә шул хәтле оҙаҡ?! Әйтерһең, был уның нәҫелдән күсеп килгән урыны. Әйтерһең, уны алмаштырырҙай бөтән кеше юҡ. Ғөмүмән, бер кешене яуаплы эштә өс-дүрт йылдан ары ултыртмаҫҡа кәрәк ине. Ул сакта бер кем дә үҙен алмашсыһыҙ итеп тоймаҫ, хуш күңеллеккә, бюрократлыҡҡа бирелмәҫ ине, ә былай ни, беҙҙең Гөлниса хәҙер үҙен халыҡ өсөн түгел, ә халыҡ уның өсөн хеҙмәт итергә тейеш тип иҫәпләй башланы бит инде...”* Шулай итеп, Гөлнисаның холҡондағы үҙгәрештәр йәмгиәт менән бергә ҡарала.

Гөлнисаның иренә ҡарата ла ҡарашы яман яҡҡа үҙгәргән. Сафый бөтөнләй ҡатынының һәм ҡыҙының эштәрен үҙ елкәһенә йөкмәй: ашарга бешерә, өйҙә йыйыштыра h.б. Ләкин бер заман был күренеш уны ялҡыта. Уның былай йәшәргә көсө лә теләге лә ҡалмай. *“Кискә табан Гөлниса ҡайтып*

инде. Берсә аҫты өҫкә әйләнеп ятҡан өйгә, берсә миңә асыулы ҡараш ташлап, дөп-дөп баҫып, ары-бире әйләнеп йөрөнө."

Эйе, З. Биишева уҡыусы алдына персонажды бөтә реаллегендә килтереп баҫтыра. Авторҙың художестволы алымы – портрет. З.Биишева – портрет тыуҙырыу оҫтаһы, һүҙ художнигы, шуға Гөлнисаны "күрәбеҙ", "ишетәбеҙ". Гөлниса, ҙур вазифала эшләп йөрөп, ҡатын-ҡыҙ рәүешен югалта. Ирҙәрсә йөрөй, һөйләшә һәм бөтәһен дә буйһондороргa тырыша: *"Әйтәйек, ултырғанда аяҡтарын тарбайтып, терһәктәрҙе тырпайтып, устарын тубыҡтарға терәп: "Йә, хуш, тыңлайым, һөйләп ебәр" тигән позала киңәйеп ултырырға ярата хәҙер. Елкәне көҙөрәйтеп, аяҡтарҙы тарбыраҡ, киңерәк баҫып йөрөргә тырыша, хатта тауышты ла тамаҡ төбөнәнерәк, ҡалынайтыбыраҡ сығарып һөйләй, әйтерһең, яуаплы работник булыр өсөн, кеше мотлаҡ ир тауышлы булырға тейеш. Ҡатын-ҡыҙға хас мөләйемлекте, нескәлекте, һөйкөмлөлөктө ғүмеренең буйына һаҡлап ҡалған яуаплы работник ҡатындар аҙмы ни беҙҙә?.. Ә бына Гөлниса ундайҙарҙан булып сыҡманы. Ул хәҙер көлөү, йылмайыу, хатта ысын күңелдән көйөнөү кеүек ябай кешеләргә хас ғәҙәттәрҙең береһен дә белмәй. Йәнәһе, был сифаттар етди эш кешеһенә килешмәй.*

Әҫәр Сафыйҙың ҡоростай ауыр һүҙҙәре менән тамамлана. Унда беҙ Сафыйҙың ҡасандыр яратҡан һылыуын югалтыуҙан тыуған йөрәк яраһын асыҡтан-асыҡ күрәбеҙ: *"Ҡыҫҡаһы, ҡасандыр мин аҡылдан яҙып һөйгән, элек һин белгән Гөлниса юҡ хәҙер... Мин уны юғалттым. Мин уны танымайым."*

Гөлниса миҫалында беҙ замандаш ҡатын-ҡыҙҙарҙың яҙмышын күҙ алдына баҫтырабыҙ. Хәйер, ҡатын-ҡыҙҙың ғына түгел: Сафый, йәгни ир-ат яҙмышы, ниһәйәт, гаилә яҙмышы, гаиләлә атайҙың роле, бала тәрбиәһе. Ҡыҫҡаһы, портрет ярҙамында замандың хәл итәһе проблемаларын З.Биишева бөтә шөкәтһеҙлегендә асып һала.

Әҙәбиәт

1. Илишева Р.Х. З.Биишева трилогияһында художестволы портрет//Филологическое образование: итоги, современность, перспективы: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию доктора филологических наук, профессора К.Г.Ишбаева. – Стерлитамак, 2012. - С.177-179.
2. Утяев А.Ф. Тема судьбы народа в современной башкирской поэзии // Региональная история: методология, источники, историография: Сборник научных трудов Третьих международных Усмановских чтений. – Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2016. – С.291-293
3. Ягафарова Д.Г., Шамсутдинова Н.К., Исянгулова Э.И., Адигамова О.Ф. Интеграция молодых поколений в социальное пространство региона: специфика и тенденции. Вестник ВЭГУ. 2017. №6(92). – С.156-163.

©Мәүлетҡолов Р., Илишева Р.Х., 2018

Магдиева П.М.,

старший сотрудник Дагестанского научно-исследовательского института педагогики им. А.А. Тахо-Годи,

г.Махачкала, Республика Дагестан

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПЕСЕН ОТХОДНИКОВ В ЛАКСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Идейно-тематическая основа песен отходников тесно связана с тематикой семейно-бытового и любовного цикла лакской лирики. Главным мотивом их также является разлука с любимым, родным человеком. Первоначально эти песни близко примыкали к причитаниям. Расставаясь с отходником, женщина причитала:

Кьариртссарив, аьзиз	Оставил родной,
Дак1нил ххирамур,	Свою любушку
Зунттухату гьаннин,	До боли в глазах
Яру личавай [2].	Глядящую, провожая.

Когда же уход на заработки стал всеобщим характерным явлением, песни об отходниках обособляются в один из самостоятельных видов лирической поэзии. В этих песнях встречаются реальные названия: с одной стороны, сел, откуда ушел отходник, а с другой стороны, названия городов, куда уезжали кустари. Чаще всего встречаются названия городов – Тбилиси (*Туплис*), Астрахань (*Аштархан*), Орджоникидзе (Владикавказ, *К1ап1к1ай*); селений – Кумух (*Гъумучи*) и т. д.

Рассматриваемые песни отходников, в свою очередь, можно подразделить на две категории: песни об отходниках и песни отходников. В первой из них лирическим героем является девушка, а во

второй – кустарь. Тема разлуки и переписки между влюбленными характерны для песен об отходниках. Песни же отходников разрабатывают тему их тяжелой жизни, несчастной их доли.

Провожая своего любимого на заработки, девушка давала клятву сохранить любовь и верность ему. И в песне, построенной в форме обращения к отходнику, девушка просит взять с собою ее шаль, глаза и душу в знак преданности ее любимому. Девушке хочется оттянуть разлуку с отходником, отправляющимся в дальний путь. И повторы в начале каждой строфы замедляют действие песни:

Ина нани ххуллу	Дорога твоя,
К1ириссар т1арча,	Говорят жаркая, –
Ялун дугьан ласи	Так возьми мою шаль,
Ттул к1юла лачак,	Чтобы сделать тень.
Ина нани ххуллу	Дорога твоя,
Ккашилссар т1арча,	Говорят, голодная, –
Ккашин букан ласи	Так возьми мою серебряную грудь
Ттул арцул хъазам	Чтобы утолить голод
Ина нани ххуллу	Дорога твоя,
Мякьлилссар т1арча,	Говорят безводная, –
Мякьлин х1ач1ан ласи	Так возьми мои виноградные глаза
Ттул т1ут1ул яру [2].	Чтобы утолить жажду.

Тяжелая была жизнь отходников. Они круглые сутки работали в грязных подвалах городов и сел. Но то, что зарабатывали они, не хватало даже на несколько месяцев дома.

С наступлением осенних холодов кустарь снова пускался в дальнюю дорогу. Отходник называет такую жизнь «каторгой». Он задается вопросом «долго ли скитаться так по чужбине в холоде?», он указывал, что нет конца мытарствам вдали от родного дома. И в песне говорилось:

Цурк бувнан ряхва барз	Вор сидит шесть месяцев,
Ҽу ивк1унан ряхра шин,	А убийца шесть лет.
Агь байчара х1алт1ухан	О, кустарь, за что же
Вин ч1ун дакъасса ссивир [1, с. 155].	Вся жизнь на каторге?

Отходник шлет проклятия виновникам его несчастий; и это звучит как настоящий протест против социального неравенства:

Агь ина оьттун лиевуй	Чтоб ты уничтожился!
Ва ци оь дуниялли,	Что это за злой мир
Ку х1асратрай	Одни – в горестной разлуке
Ку х1азирай миналий [2, с. 17].	Другие – в радостях дома?
Цурк бувнан ряхва барз	Вор сидит шесть месяцев,
Ҽу ивк1унан ряхра шин,	А убийца шесть лет.
Агь байчара х1алт1ухан	О, кустарь, за что же
Вин ч1ун дакъасса ссивир [1, с. 155].	Вся жизнь на каторге?

Среди отходников были люди, отправляющие на отхожие промысла в надежде накопить деньги на «калым» за невесту.

Х1алт1илухун на лавгра	Я ушел на чужбину,
Гьалмахщарнин хъус лякъин,	Чтобы найти богатство невесте,
Бабал буттукьравусса	Так как в сундуке матери
Аьщун диял къархьуну [2, с. 19].	Не хватило на калым,

Девушка называет своего любимого кустаря-отходника «добронравным» (*аьмал ххуй*), «соколом» (*лачин*), «белым голубем», (*к1яла хьхьи*), «лакским черкесом» (*лакку чаргас*). Во многих песнях об отходниках выражено ее желание помочь кустарю, облегчить его каторжный труд. Девушка хочет быть то облаком, чтоб заслонять жаркое солнце, когда он будет работать, то платком, чтобы вытирать потные его руки. Она страстно желает его возвращения домой.

Девушка обращается к солнцу, луне, ветру, облакам, к птицам с просьбой передать от нее весточку любимому. Так появляется тема переписки влюбленных. И содержание многих песен составляет приветствие, построенное в форме восточных посланий. Они впоследствии слились с группой любовных песен, утратив свою былую отходническую специфику. В песнях об отходниках возникает тема социального расслоения аула.

В них с одной стороны рассказывается о разбогатевшем отходнике, с другой стороны, в этих песнях говорится об отходнике-бедняке, который, не имея возможности вернуться, нередко оставался на многие годы и даже на всю жизнь на заработках. В связи с этим в подобных песнях появлялась тема тоски по родному дому, по родным горам, где прошли детские беззаботные годы отходника.

Тяжелый гнет бедности тяготел над малоимущей частью аула и отходничество (*х1алт1илухун гьаву*) вызывало у молодежи самые тяжелые настроения.

Литература:

1. Халилов Х. Устное народное творчество лакцев. – Махачкала, 2004.
2. Лакская литература: Учебник-хрестоматия. 7 класс / Сост. П.М. Магдиева, П.Г. Фаталиева. – Махачкала, 2008.

© Магдиева П.М., 2018

Магомедов Д.М.,
научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, г. Махачкала Республика Дагестан

МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В МНОГОЯЗЫЧНОМ ДАГЕСТАНЕ

Как известно, полиэтнический Дагестан характеризуется функционированием литературных языков 14 народов: аварского, агульского, даргинского, кумыкского, лакского, лезгинского, ногайского, русского, рутульского, табасаранского, татского, цахурского, чеченского, а также языков этнических групп, этногенетически относящихся к более многочисленным народам [6, с. 17–19].

К дагестанским бесписьменным языкам относятся 8 языков андийской группы (андийский, ахвахский, багвалинский, ботлихский, годоберинский, каратинский, тиндинский, чамалинский), 5 языков цезской группы (бежтинский, гинухский, гунзибский, хваршинский, цезский), 5 языков лезгинской группы (арчинский, будухский, крызский, удинский, хиналугский), из которых последние четыре языка представлены на территории Азербайджана [6, с. 17–19].

Двуязычие – это сложное и многогранное явление. Развитие двуязычия зависит от этнокультурных и лингвистических особенностей каждого региона России. Исключительную значимость и актуальность проблема национально-русского двуязычия имеет в условиях Республики Дагестан. В отличие от других республик страны, в Дагестане нет единого общего коренного государственного языка. Такую функцию здесь выполняет русский язык. Поэтому развитие двуязычия происходит на базе русского языка, являющегося государственным языком Российской Федерации и языком межнационального общения в республике.

Развитие двуязычия зависит от этнокультурных и лингвистических особенностей каждого региона России. Исключительную значимость и актуальность проблема национально-русского двуязычия имеет в условиях Республики Дагестан. В отличие от других республик страны, в Дагестане нет единого общего коренного государственного языка. Такую функцию здесь выполняет русский язык. Поэтому развитие двуязычия происходит на базе русского языка, являющегося государственным языком Российской Федерации и языком межнационального общения в республике.

Родной язык является основой развития интеллектуальных способностей, формирования эмоциональной сферы ребенка. Через родной язык происходит становление личности ребенка, способного создавать национальные культурные ценности. Основная задача предмета «русский язык» в дагестанской школе – стать инструментом социализации ребенка в современном поликультурном обществе, научить воспринимать собственную культуру, обучить диалогу культур, развить у школьников учебные, коммуникативные и общие интеллектуальные навыки. Исходя из этого, нужно сделать престижным овладение обоими языками – своим родным и русским как вторым, создавая одинаково благоприятные условия для изучения того и другого языка.

В условиях полиэтнической и многоязычной среды республики организация учебного процесса происходит в самых различных типах школ: 1) школы с родным языком обучения, где русский язык изучается как предмет до 4-го класса (включительно), а с 5-го класса обучение осуществляется на русском языке и родной язык изучается как предмет; 2) школы для носителей бесписьменных языков, совершенно не владеющих русской речью, где учащиеся с 1-го класса обучаются на русском языке; 3) школы, где учащиеся-представители малочисленных этнических групп (андийцы, ахвахцы, арчинцы, каратинцы и другие) – обучаются не на своем родном, а на литературном аварском языке; 4) школы городские, поселковые и сельские со смешанным национальным составом учащихся, большинство которых не владеет своим родным языком и поэтому общается на русском языке.

В связи с этой реальностью возникает вопрос, воспринимает ли билингв действительность двояко, то есть порознь в соответствии с двумя языковыми системами, или же национальноязычная и русскоязычная модели миропознания в его языковом мышлении совмещены. По-видимому,

размышляя над этой проблемой, не следует забывать о том, что абсолютное большинство денотатов и понятий идентично воспринимается носителями разных языков. Кроме того, логическое мышление цивилизованного человечества независимо от типологии языков универсально.

Сегодня наиболее распространенным и многофункциональным языком в Дагестане является русский язык. На сегодняшний день он занимает преобладающее место в общественно-политической, экономической, научной и культурной жизни Республики Дагестан и ее народов. После распада Советского Союза в 90-е годы прошлого столетия значительно изменилась языковая ситуация в Дагестане. Образовались новые письменные языки – агульский, рутульский и цахурский. Русский язык усилил позиции языка межнационального общения, делопроизводства, культуры, образования и науки. Происшедшие реальные изменения языковой ситуации в Дагестане вполне объяснимы и оправданы.

Послевоенная урбанизация и усиление миграционных процессов в Дагестане привели к отчуждению всей воспитательной и образовательной системы республики от народа, его культурных корней и традиций. Исчезновение национального из школы, детского сада способствовало исчезновению национальной экологии из семьи. В результате родной язык потерял свои позиции, а в некоторых случаях исчез из семейно-бытовой сферы общения. А это привело к ослаблению позиций родного языка в духовной сфере. Так произошло нарушение естественных механизмов, этапов передачи родного языка из поколения в поколение.

В Республике Дагестане вызывает серьезную тревогу такое положение, когда многие начальные школы в сельских мононациональных районах отказываются от программы для национальных школ, где обучение должно вестись на дагестанских языках, и переходят на городскую программу обучения. Не лучше обстоит дело с обучением родным языкам и родным литературам в городских и поселковых школах со смешанным национальным контингентом учащихся. Разумеется, здесь сказывается негативная роль урбанизационных и миграционных процессов.

Функциональные сферы использования русского и дагестанских языков зависят от многих условий: внутренней языковой политики, мотивированности к изучению того или иного языка, закрепленности за данным языком определенного статуса в данном регионе и т. д.

Многоязычие Дагестана предполагает объединение разных народов в единое общество без утраты своей национальной, языковой и иной идентичности. Дагестанцы на протяжении столетий использовали попеременно несколько языковых систем для того, чтобы обеспечить свою потребность в культурной, просветительской и экономической сферах жизни. Начиная с 30-х годов XX столетия русский язык стал в Дагестане не только языком межнационального общения, но и фактором единства.

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук проводит большую работу по сохранению и развитию дагестанских языков. Институт был и остается не только центром науки и образования, но также культуры и просвещения. С ним связано не только создание письменности на языках народов Дагестана, но исследования в области фольклора, этнографии и культуры горного края.

К сожалению, в последние годы не решены вопросы должного обеспечения школ республики необходимыми учебниками и учебными пособиями по дагестанским языкам.

Система образования призвана сохранять языковое и культурное разнообразие и историко-культурное наследия этносов, проживающих на территории России. В этой ситуации изучение родных языков в школе как учебного предмета становится единственным способом их сохранения и развития. Кроме того, только изучение языка в школе может способствовать формированию литературного языка.

Система образования призвана сохранять языковое и культурное разнообразие и историко-культурное наследия этносов, проживающих на территории Российской Федерации. В этой ситуации изучение родных языков в школе как учебного предмета становится единственным способом их сохранения и развития. Кроме того, только изучение языка в школе может способствовать формированию литературного языка. Государственная национальная образовательная политика направлена на создание оптимальных условий для этносоциокультурного развития юных граждан.

Решение рассматриваемой проблемы зависит от типологии национально-русского двуязычия. Так, носитель субординативного билингвизма с доминирующим национальным языком мыслит категориями последнего. В его русской речи отражаются не только особенности родного языка в виде интерференциальных нарушений норм русского языка на фонетико-фонологическом, лексико-семантическом, синтаксическом уровнях, но и присущие родному языку модели обозначения реалий и понятий, а также иносказательные формулы и т. д.

Языковое мышление носителя координативного двуязычия, в совершенстве владеющего русским языком, обусловливается категориями русского языка. В его речи на национальном языке наблюдаются явления интерференционного влияния русского языка, а в письменной речи явно проступают кальки русских синтаксических конструкций. Тем не менее, нет оснований утверждать, что в языковом сознании носителя координативного билингвизма сосуществуют две автономные картины мира, детерминируемые национальным и русским языками по отдельности [1, с. 166].

Можно предположить, что в языковом сознании билингва происходит сближение двух картин мира. Оно может быть обусловлено актуализацией потенциальных возможностей национального языка под влиянием структурных и семантических признаков русского языка. В условиях массового национально-русского двуязычия указанное сближение осуществляется не только в речевой деятельности отдельных индивидуумов, что наблюдается в национальных произведениях, созданных билингвальными авторами. Билингв в процессе учебы в школе, вузе, а также самостоятельного совершенствования своей эрудиции и культуры становится носителем не только национальной духовной культуры, но и русско-европейской, шире – евразийской. Образ мыслей и морально-этические приоритеты у билингва формируются в соответствии с русскоязычными стандартами и стереотипами [5, с.9].

В Дагестане многонациональность, многоязычие мы рассматриваем как большое богатство республики. Однако права наших языков оказываются ущемленными из-за их многоязычия. Так, ни на одном из дагестанских языков не ведутся новостные программы на телевидении. Национальные передачи на национальных языках ведутся всего лишь раз в неделю с продолжительностью в час. К сожалению, с каждым годом сужаются функции дагестанских литературных языков, а о бесписьменных языках говорить и не приходится. Статус дагестанских языков как государственных будет формальным до тех пор, пока они не займут надлежащего места в сферах культуры, образования и науки. Дагестан, к сожалению, остается единственным регионом в России, где до сих пор не принят «Закон о языках» Дагестана.

Разнонациональные учащиеся городских школ Дагестана всегда общаются на русском языке, и родным языком своих предков, либо не владеют совсем, либо владеют на уровне, позволяющем понимать чужую речь, но не говорить, читать, писать.

Если в качестве родного языка можно признать тот из двух языков билингва, на котором он выражает свои мысли и чувства, в том числе и самые глубокие, создается ситуация, когда правомерно ставить вопрос о том, является ли родным для билингва русский язык?

На этот вопрос следует отвечать, исходя из принципа, по которому определяют родной язык. С социолингвистической точки зрения, родным можно считать русский язык, если билингв в совершенстве владеет им. Тот, кто на высоком уровне знает оба языка, имеет два родных языка [3, с. 167].

Проблема родных языков дагестанцев весьма щекотлива, болезненна, злободневна. Ее часто поднимают в связи с тем, что в городах Дагестана второе, третье поколения горцев-мигрантов не знают языка своего родного этноса. Функциональная ограниченность родных языков дагестанцев, их несоответствие интеллектуальному и культурно-образовательному уровню, который достигается в процессе учебы на русском языке и в результате приобщения к русской художественной литературе, к русской и мировой культуре, трактуются не только дилетантами-любителями, но и некоторыми лингвистами как ущемление родных языков, как ассимиляция их русским языком. Между тем социолингвистический анализ конкретного вида двуязычия показывает, что русский язык не только не влияет отрицательно на национальные языки при двуязычии, но и обогащает их лексико-семантическими средствами. Кроме того, национальные языки под влиянием русского языка реализуют свои имманентные потенциальные возможности сначала в книжном языке, затем в разговорной речи билингвов и подражающих им людей, не владеющих русским языком.

В условиях национально-русского двуязычия актуальной и трудноразрешимой проблемой является раннее приобщение детей к русскому языку. И попытки, и прецеденты ввода обучения русскому языку в дошкольных учреждениях продиктованы желанием родителей, чтобы их дети хорошо учились в школе. Однако данную проблему нужно решать так, чтобы не были ущемлены интересы родного языка детей, как необходимого средства социализации ребенка.

Русский язык, функционирующий в дагестанском социуме как средство межнационального общения, как доминирующий компонент дагестанско-русского двуязычия, как язык, обслуживающий большинство социальных сфер, также служит важнейшим фактором интеллектуального и эстетического развития носителя национально-русского двуязычия.

Коммуникативная практика носителей национально-русского двуязычия способствует расширению и обогащению словарного фонда национального языка, а также стимулирует актуализацию его исконных имманентных возможностей в новых условиях функционирования [4, с. 21].

Таким образом, язык не только отражает культуру своего народа, его социальное устройство, менталитет, мировоззрение и многое другое, но и хранит накопленный им социокультурный пласт, который служит важнейшим и эффективнейшим способом формирования следующих поколений, то есть инструментом духовной культуры. Язык как зеркало народной культуры, народной психологии, философии, во многих случаях как единственный источник истории народа и его духовного наследия рассматривается в исследованиях культурологов, фольклористов, этнологов, историков. В языке олицетворяется весь народ и вся его Родина. В нем воплощается небо отчизны, ее воздух, климат, поля, горы и долины, леса и реки, бури и грозы. В глубинах языка отображается и вся история духовной жизни народа [2, с. 60].

Вот почему любые позитивные шаги по поддержке каждого из бытующих в регионе языков призваны способствовать оздоровлению духовно-нравственного климата, укреплению согласия и единства в обществе, благополучному, безболезненному, бесконфликтному развитию общественной жизни.

Литература

1. Магомедов Д.М. Периодизация истории функционирования русского языка в Республике Дагестан // Международная конференция «Русско-испанские сопоставительные исследования: теоретические и методические аспекты». Гранада, 7–9 сентября 2011 г. Granada, 2011. С. 165–169.

2. Магомедов Д.М. Языковая жизнь полиэтнического Дагестана: взаимодействие русского и дагестанских языков // Россия и Восток: взаимодействие стран и народов. Труды X Всероссийского съезда востоковедов, посвященного 125-летию со дня рождения выдающегося востоковеда Ахмет-Заки Валиди Тогана (Уфа, 7–10 октября 2015 г.). Книга 2. Уфа, 2015. С. 59–61.

3. Магомедов М.И. Гуманитарный Дагестан: язык, культура, образование. Махачкала, 2013. 558 с.

4. Магомедов М.И. Русский язык в многоязычном Дагестане. Функциональная характеристика. М.: Наука, 2010. 182 с.

5. Магомедов М.И. Этнолингвистические проблемы Дагестана в эпоху глобализации // Актуальные проблемы общей и компаративной лингвистики и современные лингводидактические технологии обучения иностранному и родному языкам. Махачкала, 2014. С. 3–12.

6. Языки Дагестана. Махачкала, 2000. 553 с.

© Магомедов Д.М., 2018

Магомедов М.И.,
главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук,
г. Махачкала, Республика Дагестан

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ДАГЕСТАНСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Комплексное исследование истории формирования, развития дагестанского литературоведения и его современного состояния является назревшей проблемой дагестановедения, так как она связана с проблемами сохранения родного языка, возрождения национальной культуры в регионе. Изменения в обществе, которые произошли за последние десятилетия, дали надежду на восстановление утраченных национальных культурных ценностей, многовековых традиций воспитания уважительного отношения к историческому прошлому, литературному и культурному наследию своего народа. Такое же стремление присуще и дагестанцам, которые осознают, что утрата языка, культурных ценностей, веры, незнание своих исторических корней приводят к утрате национальной самоидентичности.

Региональная литература – явление особое в этнокультурном наследии народов, ибо население каждого региона имеет свою ментальность, которая включает представления, чувства, ценностные ориентации, традиционную систему восприятия окружающего мира и особого отношения к нему. Кроме того, специфика региона определяется своеобразным проявлением и сочетанием экономических, социально-политических и других проблем. Поэтому в каждом регионе формируется своя субкультура, свой слой представлений и ценностей, которые находят отражение в искусстве в целом и в литературном творчестве в частности.

В связи с изменившимися социально-экономическими условиями, возросшей самостоятельностью регионов в решении социально-культурных, образовательных задач за последние годы в отечественном литературоведении усилилось внимание к изучению литератур народов, населяющих тот или иной регион.

Среди регионов Российской Федерации особое место занимает Республика Дагестан, население которой обладает собственной ментальностью, неповторимым историческим прошлым, нравственным, экономическим сознанием.

Дагестанское литературоведение – весьма разнородное явление. Связано это с полиэтническим составом населения края, с сосуществованием в регионе различных национальных культур. В то же время в отношении региональной культуры можно говорить о некоем духовно-историческом единстве и богатом наследии устного народного творчества дагестанцев, сформировавшемся на протяжении многовековой истории. В то же время сегодня «в организации изучения родных языков и литератур, в процессе достижения необходимого качества филологического образования имеется немало требующих решения проблем» [22, с. 158]. Это позволило подготовить к изданию 20-томные «Своды памятников фольклора народов Дагестана», из которых в издательстве «Наука» уже изданы первые 6 томов. Большая работа по сбору фольклорного наследия народов Дагестана проводится учеными Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук.

В преддверии XXI века дагестанское литературоведение предстало как явление поликультурное, разноязычное.

В конце XX – начале XXI века российское общество вступило в новый этап своего развития. Демократические явления, определяющие основу современных общественных изменений, поставили на повестку дня необходимость решения таких важных проблем литературоведения, как возвращение читателю литературного наследия в полном объеме, объективное изучение искусства слова различных эпох, освобождение его от всевозможных идеологических оценок и интерпретаций. Плюрализм в отношении к ранее сформированным в науке о литературе основополагающим категориям (партийность, классовость, соцреализм и др.) открыл дорогу противоречивым взглядам в оценке истории развития современной литературы. Вместе с изменением восприятия роли литературы в обществе, активным обращением к новым формам, приемам и средствам изображения действительности отрабатываются новые научно-теоретические подходы и принципы изучения литературного процесса. Выявление закономерностей развития науки о литературе, определение ее методологических концепций, теоретических основ и направлений исследования, достижений и перспектив является весьма актуальной задачей.

Стремление к созданию целостной концепции изучения национальной литературы также требует серьезной системной оценки. Исследования последних лет в этой области не могут не учитывать достижения мирового литературоведения, традиции научного наследия дагестанского литературоведения, сложившиеся, несомненно, через взаимовлияние и взаимосвязи. На рубеже веков в дагестанском литературоведении возникают новые философско-эстетические и литературно-художественные тенденции, требующие определенной систематизации, характеристики и научно-теоретического осмысления.

Выявление современного состояния дагестанского литературоведения, в частности достижений в области теории литературы, рассмотрение многовековой истории литературы сквозь призму современных оценок и последних достижений в литературной критике подготавливают почву для более полного понимания места искусства слова как одной из форм общественного сознания, а также ее литературно-эстетических и нравственно-философских функций.

Дагестанское литературоведение за почти вековой период своего развития накопило значительный опыт изучения национальных литератур. Символично, что ранний этап научного изучения литератур народов Дагестана связан с созданием в 1924 г. Дагестанского научно-исследовательского института при наркомате просвещения, реорганизованного в 1928 г. в НИИ дагестанской культуры, преемником которого в аспекте изучения филологических дисциплин является Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук. В предшествующий советский период Институт являлся флагманом дагестанского литературоведения. Сотрудниками нашего Института были выполнены значительные труды, которые не утрачивают своей значимости и по сей день.

В числе такого рода работ можно назвать очерки по национальным литературам, изданные в конце 1950-х годов: «Очерки лакской дореволюционной литературы» [19], «Очерки кумыкской дореволюционной литературы», «Очерки аварской дореволюционной литературы» [20], «Очерки

даргинской дореволюционной литературы» [1], а также опубликованную в 1970 г. монографию Ф.И. Вагабовой «Формирование лезгинской национальной литературы» [6] и в 1980 г. – «К новым высотам. (Очерк табасаранской литературы)» М.Г. Юсуфова.

В нашем Институте было положено начало целостному исследованию дагестанской литературы. Логическим продолжением научного труда «Очерки дагестанской советской литературы» , стала двухтомная «История дагестанской советской литературы». Данная работа, выполненная под руководством известного дагестанского литературоведа Р.Ф. Юсуфова, впечатляет научной добротностью, обстоятельностью, широким охватом материала. В ней нашли отражение основные направления, тенденции, жанровые характеристики, поэтика литературы, индивидуальные стили писателей и т. д. Несмотря на то, что «История…» была создана в другое время и литература рассматривалась в русле критериев советской эпохи, которые сегодня воспринимаются неоднозначно, она, ныне ставшая библиографической редкостью, остается востребованной исследовательским сообществом, в силу отмеченных выше факторов.

Примерно со второй половины минувшего столетия сотрудниками Института были выполнены и изданы научные труды, имеющие важное гуманитарное значение. В этой связи Институт истории, языка и литературы совершенно по праву зарекомендовал себя как ведущее учреждение республики, как центр научного изучения национальных литератур. В таком плане его авторитет в советский период был абсолютно незыблем и общепризнан. По существу, в нашем Институте были заложены основы классического дагестанского литературоведения.

Значительным достижением дагестанского литературоведения 70–80-х годов явились труды доктора филологических наук, профессора, члена-корреспондента АН СССР (с 2000 года – академика РАН) Г.Г. Гамзатова, написанные на основе накопленного опыта исследования художественной культуры Дагестана и заложившие основу его литературоведческой школы: «Формирование многонациональной литературной системы в дореволюционном Дагестане. Истоки, традиции и своеобразие художественной системы» [13], «Литература народов Дагестана дооктябрьского периода. Типология и своеобразие художественного опыта» [11]. В этих трудах дагестанская литература рассматривается в контексте общенационального и мирового литературного развития. Через анализ и сопоставление многочисленных литературных памятников, созданных на различных языках, Г.Г. Гамзатов показал глубокие корни и своеобразие путей развития дагестанской многонациональной литературы. Здесь автор исследует генетическую и типологическую общность литератур народов Дагестана, их стадиальную и системную близость, смену художественных методов, богатство и разнообразие стилевых течений.

Эти исследования получили высокую оценку специалистов и оставили большой след в литературоведении Дагестана и за его пределами.

В монографии Г.Г. Гамзатова «Преодоление. Становление. Обновление. На путях формирования дагестанской советской литературы» [12] выявляются закономерности становления литератур народов Дагестана в советскую эпоху. Дагестанская литература рассматривается в ней как региональная литературная система, в которой общее и особенное не противостоят друг другу, а, наоборот, взаимно дополняют друг друга. Опираясь на достижения современного литературоведения, вовлекая в научный оборот новый конкретный материал национальной культуры и общественной жизни республики, автор анализирует процесс формирования литературы нового, социалистического типа в контексте литератур других регионов.

За цикл работ «Литература народов Дагестана дооктябрьского периода. Типология и своеобразие художественного опыта», «Преодоление. Становление. Обновление. На путях формирования дагестанской советской литературы» Г.Г. Гамзатову была присуждена премия АН СССР им. В.Г. Белинского 1988 года.

Переходя к современности, ограничивая ее границами постсоветских, двух с половиной десятилетий, следует заметить, что дагестанское литературоведение в рассматриваемый период существенно обновилось прежде всего в концептуальных подходах. Литературное наследие и современная словесная культура исследуются не с позиции идеологических, как было принято прежде, а общечеловеческих ценностей, научная мысль прогрессирует, вбирая в себя достижения смежных наук (культурологии, социологии, философии, этнокультуры, лингвостилистики и т. д.), существенно расширяя спектр интерпретаций художественного текста.

Раскрепощением научной мысли, как и иных сфер человеческой деятельности, обусловливается расширение диапазона охватываемого материала, количественные и качественные показатели литературоведческих исследований. Очевидно, в частности, увеличение числа монографических работ, в том числе диссертационных исследований.

Несмотря на относительно небольшой состав научных сотрудников отдела литературы (около десяти человек), под эгидой нашего института издано значительное количество монографий, сборников научных статей. Оригинальные, новаторские исследования в рассматриваемый период выполнены Г.Г. Гамзатовым, А.Г. Гусейнаевым, Г.Б. Мусахановой, С.М. Хайбуллаевым, Ч.С. Юсуповой, Ф.Х. Мухамедовой, З.З. Гаджиевой, С.Х. Ахмедовым, М.Г. Юсуфовым, А.А. Алихановой и др. Для ясности отметим, что в постсоветский период, начиная с 1990-х годов по сегодняшний день, литературоведами нашего института осуществлено около ста научных изданий, в их числе более семидесяти монографий. Естественно, здесь представляется затруднительным дать представление об огромной работе, проделанной отделом литературы. Тем не менее, видится целесообразным охарактеризовать наиболее, на наш взгляд, значительные исследования коллег, внесших весомый вклад в развитие научного процесса, в изучение литератур народов Дагестана в формате историй.

В последние полтора десятилетия в Институте ЯЛИ осуществляется планомерная работа по проекту «История литератур народов Дагестана». В то же время следует отметить, что сотрудниками нашего института, вне зависимости от данного проекта, и ранее выполнялись труды обобщающего характера, в которых прослеживается история развития отдельных аспектов, разновидностей, жанров словесной культуры народов Дагестана. В их числе можно назвать монографии академика Г.Г. Гамзатова, долгие годы руководившего Институтом ЯЛИ, «Художественная культура народов Дагестана в калейдоскопе памяти» [14], «Дагестан: духовное и художественное наследие» [10], А.Г. Гусейнаева «Арабоязычная литература народов Дагестана первой половины XIX века» [16], С.Х. Ахмедова «Художественная проза народов Дагестана» [5], С.М. Хайбуллаева «Духовная литература аварцев» и др.

Исследованию дагестанской детской литературы посвящены труды доктора филологических наук Ф.Х. Мухамедовой. В монографии «Дагестанская детская литература» [27] впервые в дагестанском литературоведении дана целостная картина развития национальной детской литературы с периода ее зарождения до начала перестройки, по существу, за XX столетие. Идейно-тематический, жанрово-стилевой и художественно-эстетический процесс развития детской литературы рассматривается в движении, выявляются особенности каждого периода.

Одной из крупных работ, выполненных в отделе литературы, является коллективная монография «Дагестанская литература: закономерности развития (1965–1985)» [17], в написании которой приняли участие Ч.С. Юсупова, С.Х. Ахмедов, М.И. Зульфукарова, Э.Ю. Кассиев, З.З. Алиева, Ф.Х. Мухамедова. Данная работа является продолжением «Истории дагестанской советской литературы» [18]. В ней освещены пути развития дагестанской литературы указанного периода, в том числе в русле конкретных жанров прозы, поэзии, драматургии, литературной критики.

В основу исследования положен жанрово-проблемный принцип. При этом акценты делаются на наиболее значительных произведениях, которые характеризуются оригинальностью, новаторством. В частности, отмечены активизация философской лирики, возникновение и развитие исповедальной лирической повести, зарождение повестей сатирического и юмористического содержания, детектива, трагикомедии, водевиля и др. Исследователями выявлено усиление в дагестанской литературе лирико-романтических начал, фольклорно-этнографической стилизации, философско-метафорической, аллегорической поэзии. Констатируя, что дагестанская литература в данной монографии представлена достаточно полно и обстоятельно, видится важным подчеркнуть, что одной из важных ее достоинств является рассмотрение художественных текстов сквозь призму их художественно-эстетической значимости. Картина развития дагестанской литературы дополнена разделами «Детская литература» и «Литературоведение и критика».

Целостная характеристика словесной культуры одного из малочисленных народов Дагестана – татов стала объектом изучения Г.Б. Мусахановой. В ее монографии «Татская литература (очерк истории: 1917–1990)» впервые всесторонне и основательно рассмотрены генезис, развитие словесной культуры татов. Через историю словесной культуры автором, по существу, прослежены история родного народа, его взлеты, достижения.

Относительно озвученного выше проекта «История литератур народов Дагестана», повторимся, что в этом направлении ведется планомерная работа. И хотя проект еще находится в стадии реализации, уже есть определенные результаты. В целостном объеме исследована история лакской литературы, частично аварской и кумыкской литератур.

Прежде всего, в нашем Институте оговорены принципы создания историй национальных литератур, их структура, периодизация. В частности, условлено, что в том случае, когда позволяет материал, могут быть подготовлены и многотомные издания (в 3-х или 4-х томах). При этом первый

том рекомендовано посвящать литературе дореволюционного, досоветского периода, второй – ориентировочно до середины минувшего столетия, третий – последующего периода.

В структурном плане мы придерживаемся следующего принципа: сначала даются обобщающие разделы, в том числе посвященные отдельным разновидностям словесности: прозы, поэзии, драматургии, литературной критики. Далее приводятся творческие портреты авторов, внесших значительный вклад в словесное искусство родного народа, Дагестана.

В русле данных установок на данный момент осуществлено изучение литературы лакцев. «История лакской литературы» [4], изданная в трех томах, автором которой является С.Х. Ахмедов, является первой и пока единственной работой, в которой литература одного из народов Дагестана исследована в полном объеме. В этой связи данная работа может быть признана определенной вехой дагестанского литературоведения. «История лакской литературы» С.Х. Ахмедова воспринимается ныне в качестве образца. Эта заслуга, надо признать, заработанная огромным трудолюбием автора, его верным служением науке, литературе родного народа и Дагестана в целом.

На стадии реализации находятся работы по аварской и кумыкской литературам. В частности, изданы 2 тома по аварской литературе: первый том «История аварской литературы (XVII–XIX вв.)» выполнен С.М. Хайбуллаевым, второй том «История аварской литературы (1920–1950-е гг.)» – З.З. Гаджиевой и М.Х. Гаджиахмедовой [9]. Коллективом авторов (А.-К.Ю. Абдуллатиповым, М.А. Гусейновым, Л.А.-К. Шабаевой) выполнен первый том «Истории кумыкской литературы» [2].

Тот факт, что данный проект продолжает находиться на стадии выполнения, объясняется рядом факторов и прежде всего малой численностью сотрудников отдела литературы, исполнителей этой работы. В силу многонациональности нашей республики в отделе работают практически по одному представителю литератур Дагестана (за исключением аварской). Этот пробел Институт пытается восполнить контрактами с литературоведами, работающими в Дагестанском государственном университете, Дагестанском государственном педагогическом университете. В этом плане намечены позитивные сдвиги, которые дают основания надеяться на результативность.

Изучение дагестанской литературы не является только прерогативой Института ЯЛИ. Довольно солидный научный капитал накоплен в Дагестанском государственном университете, в котором долгие годы функционирует кафедра литератур Дагестана. Многие его преподаватели довольно активно занимаются научной деятельностью.

Показательными представляются труды, посвященные целостному осмыслению художественного процесса, либо его отдельных аспектов. Одной из первых работ, в которой в русле обновляющихся критериев была рассмотрена история национальной литературы, является «История кумыкской литературы (до 1917 года)» [3]. Это было первое монографическое исследование, в котором полновесно были представлены видные представители национальной культуры, авторы произведений религиозного содержания Абдурахман из Какашуры, Абусуфьян Акаев, Шихаммат-кади Байболатов и др. Таким образом, значительный пласт художественного наследия, остававшийся прежде за пределами исследовательского внимания, был вовлечен в научный оборот, что дало возможность оттенить преемственность, последовательность развития историко-литературного процесса кумыков.

Аналогичные работы выполнены и по другим литературам, ценность которых продиктована прежде всего восполнением «белых пятен». В монографиях «Табасаранская национальная литература», «Лезгинская литература: история и современность» [15] также восстанавливаются оборванные прежде в науке о литературе линии художественного развития досоветского периода. Кроме того, в них в новом свете характеризуются явления позднего времени, литература советского периода.

Заслуживает быть отмеченной плодотворная научная деятельность А.М. Вагидова. Областью его научных поисков являлись даргинская литература и общедагестанский литературный процесс. В его монографии «Очерки даргинской литературы 1960–1990-х годов» [8], написанной в формате истории, национальная словесность подробно рассмотрена в контексте развития поэзии, прозы, драматургии. Автором высказаны оригинальные научные суждения относительно обусловленности литературного движения социокультурными, политическими факторами, сделан акцент на выявлении собственно художественных свойств произведений даргинских писателей.

А.М. Вагидову была присуща нацеленность на решение важных задач, стоящих перед дагестанским литературоведением. Этим обстоятельством было продиктовано его обращение к общедагестанской проблематике. Одним из значительных в этом плане работ является монография «Дагестанская проза второй половины XX века» [7], в которой проза указанного периода рассмотрена обстоятельно согласно жанровым дефинициям: отдельные главы исследования посвящены рассказу,

повести, роману. Автор придерживался мнения, что исследователь должен писать только о том, что ему доступно, известно. То есть, помимо даргинской литературы, которую он читал в оригинале, при освещении произведений на других языках он базировался на переводах их на русский язык. Тем не менее, автор избежал крена в сторону родной литературы, представил на добротном научном уровне целостную панораму дагестанской прозы, высветив прежде всего лучшие ее достижения.

Большим вкладом в дагестанское литературоведение следует считать монографию Чакар Саидовны Юсуповой «Расул Гамзатов в расколотом мире (1985–2000)», где автор открывает мир позднего, совершенно другого, неожиданного по трагической остроте мировосприятия Расула Гамзатова. Как достоинство книги можно отметить целенаправленное внимание автора к поэтике, к трансформации стилевой системы поэта, к той перестройке художественного сознания, которая нашла выразительное отражение в детально проанализированных философских элегиях.

В книге Чакар Юсуповой период с 1985 по 2000 годы отмечен как однозначно негативный период в истории нашей страны, дан ретроспективный обзор творчества поэта в этот период. определивший творчество Расула Гамзатова в этом сложном для однозначной оценки мире. Книга представляет собой образец добротной литературной критики со значительными компонентами историко-литературного труда. Чакар Саидовна описывает страницы литературной жизни Дагестана последнего периода СССР и начала новой России, значительные моменты творчества Расула Гамзатова, находящиеся в движущемся потоке истории, как непосредственный участник всего происходившего и одновременно как объективный наблюдатель, отстоящий на некоторой временной дистанции от анализируемых явлений. За монографию «Расул Гамзатов в расколотом мире (1985–2000)» Чакар Саидовна Юсупова удостоена Государственной премией Республики Дагестан (2013).

Подытоживая рассмотрение отдельных достижений дагестанского литературоведения, хочется отметить, что здесь не представляется возможным охватить все значительное, заслуживающее внимания. В данном случае сделана попытка продемонстрировать пути развития, существенные направления, достижения литературоведческой мысли Дагестана.

Несомненно, качественное содержание, да и количественные показатели, монографических изданий производят впечатление. В то же время обращает внимание неравномерность изучения литератур Дагестана. На фоне интенсивного, достаточно широко охватного исследования, например, аварской литературы, несколько слабой выглядит ситуация в отношении других литератур, в частности, лезгинской.

В исследуемый период были выполнены исследования в русле нового, деидеологизированного прочтения национальных литератур. В то же время новые подходы, критерии рассмотрения литературного наследия как советского, так и досоветского периодов, нашедшие обстоятельное выражение в российском литературоведении, в трудах дагестанских ученых в полной мере не нашли, на наш взгляд, должного отражения. В этой связи наблюдаются разночтения отдельных явлений, социальных, политических, ставших объектом художественного изображения.

Отрадно, что выполняется работа по созданию историй литератур Дагестана. Однако она нуждается в активизации, в координации усилий Института ЯЛИ с филологическими факультетами вузов республики. Координатором мог бы стать Институт ЯЛИ, так как именно в нем на плановой основе осуществляется научное исследование дагестанских литератур. Кроме того, гуманитарная общественность нуждается в новых разработках по единой истории дагестанской литературы, аналогичной изданию 1967 года.

Не утратила своей актуальности проблема билингвизма, в том числе и художественного, на территории Республики Дагестан. Русский язык в многонациональной республике остается языком межнационального общения и все больше становится также языком общения между представителями одного и того же народа. Языковая проблема непосредственно связана с вопросами развития национальной литературы. Несмотря на более или менее схожие историко-культурные условия жизни народов России, литературный билингвизм везде будет иметь свою специфику.

Феномен художественного билингвизма, предполагающего рассмотрение форм писательского двуязычия, выявление и анализ особенностей проявления этнонационального стиля в русскоязычных произведениях дагестанских писателей, – социально обусловленное явление, характерное для всех национальных регионов Российской Федерации, в том числе и Дагестана [21, с. 97]. Современный литературный процесс в Дагестане характеризуется все большим обращением национальных писателей к неродному (русскому) языку как к языку творчества. Исследование произведений дагестанско-русских билингвов – носителей двух культур – представляется значимым на современном этапе в плане раскрытия менталитета, идентификации бикультурной личности, а также выделения проблем

дагестанской национальной литературы в условиях, приближенных к исчезновению многих дагестанских языков.

Таким образом, дагестанское литературоведение в постсоветский период своего развития ознаменовано значительными достижениями. По существу, выявлены перспективные направления научных поисков, дающие возможность для фронтального изучения дагестанских литератур, открывающие широкое поле для научной деятельности, что, несомненно, является одним из важных стимулов для дальнейшего развития литературоведения.

Литература

1. Абакарова Ф.О. Очерки даргинской дореволюционной литературы. Махачкала, 1963.
2. Абдуллатипов А.-К.Ю., Гусейнов М.А., Шабаева Л.А.-К. История кумыкской литературы. Т. 1: Литература досоветского периода. Махачкала, 2015.
3. Абдуллатипов А.-К.Ю. История кумыкской литературы (до 1917 года). Махачкала, 1995.
4. Ахмедов С.Х. История лакской литературы: в 3 т. Махачкала, 2008. Т. 1; Махачкала, 2010. Т. 2; Махачкала, 2011. Т. 3.
5. Ахмедов С.Х. Художественная проза народов Дагестана. Махачкала, 1996.
6. Вагабова Ф.И. Формирование лезгинской национальной литературы». Махачкала, 1970.
7. Вагидов А.М. Дагестанская проза второй половины XX века. Махачкала, 2005.
8. Вагидов А.М. Очерки даргинской литературы 1960–1990-х годов. Махачкала, 2013.
9. Гаджиева З.З., Гаджиахмедова М.Х. История аварской литературы (1920–1950-е гг.). Махачкала, 2014.
10. Гамзатов Г.Г. Дагестан: духовное и художественное наследие. Концептуальный, мировоззренческий и нравственный аспекты. Махачкала, 2004.
11. Гамзатов Г.Г. Литература народов Дагестана дооктябрьского периода. Типология и своеобразие художественного опыта. М.: Наука, 1982.
12. Гамзатов Г.Г. Преодоление. Становление. Обновление. На путях формирования дагестанской советской литературы. Махачкала, 1986.
13. Гамзатов Г.Г. Формирование многонациональной литературной системы в дореволюционном Дагестане. Истоки, традиции и своеобразие художественной системы. Махачкала, 1978.
14. Гамзатов Г.Г. Художественная культура народов Дагестана в калейдоскопе памяти. М.: Наследие, 1996.
15. Гашаров Г.Г. Лезгинская литература: история и современность. Махачкала, 1998.
16. Гусейнаев А.Г. Арабоязычная литература народов Дагестана первой половины XIX века. Махачкала, 2009.
17. Дагестанская литература: закономерности развития (1965–1985). Махачкала, 1999.
18. История дагестанской советской литературы: в 2 т. Махачкала, 1967.
19. Кассиев Э.Ю. Очерки лакской дореволюционной литературы. Махачкала, 1959.
20. Магомедов Б.М. Очерки аварской дореволюционной литературы. Махачкала, 1961.
21. Магомедов Д.М. Национально-русский билингвизм в Дагестане // Проблемы преподавания русского языка в условиях билингвальной начальной школы: сборник материалов Международной научно-практической конференции 28 апреля 2016 года, г. Грозный. Грозный, 2016.
22. Магомедов Д.М. Сохранение языковых и этнокультурных ценностей народов Дагестана как средство сохранения национального самосознания // Ингушетия в контексте научных проблем и перспектив изучения Кавказа (к 90-летию научно-исследовательского института). Магас, 2016.

© Магомедов М.И., 2018

Маликов М.Ф.,
профессор-консультант Стерлитамакского филиала БашГУ,
г.Уфа, Республика Башкортостан

ВОПРОСЫ ОТРАЖЕНИЯ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ БАШКОРТОСТАНА И РОССИИ В ТРУДАХ УЧЕНОГО-ЛИТЕРАТУРОВЕДА Г.С. КУНАФИНА (некоторые наблюдения)

Прежде всего, хотелось бы отметить, что научное творчество ученого профессора Г.С. Кунафина является неотъемлемым элементом развития гуманитарной науки в Республике Башкортостан. Тем не менее, можно было бы утверждать, что его вклад в развитие различных ее направлений, в т.ч. правовой мысли Башкортостана и России недостаточно изучен. В связи с этим хотелось высказать некоторые соображения по восполнению данного пробела.

Представляется, что такая неполнота в филологической науке вполне объяснима. Дело в том, что вопрос о характере правовой мысли является дискуссионным даже среди правоведов. Признаться, я сам до конца пытался раскрыть ее содержание только при исследовании регионального права по материалам Башкортостана в своей монографии «Истоки познания».

В основу моей монографии был положен тезис о том, что при раскрытии сути правовой мысли следует исходить не только из правовой мысли, как результат государства, но и в ее состав включить как правовые элементы, так и взгляды ученых филологов, философов, политологов, социологов, писателей, поэтов, общественные, государственные, конституционные, политико-правовые мысли, договоры, институты, учреждения, регулирующие административно-территориальные отношения. Именно такой подход позволяет считать, что труды профессора Г.С. Кунафина имеют огромное значение не только для развитии гуманитарных наук и духовной культуры Башкортостана, но и для раскрытия социально-исторических, политико-правовых, нравственно-этических основ гражданского общества с учетом естественного права.

При рассмотрении проблем регионального права по материалам Башкортостана мое внимание привлекли такие труды ученого профессора, член-корреспондента АН РБ Г.С. Кунафина, как: «Просветитель и писатель Мухаметсалим Уметбаев» (Уфа, 1991. 256 с. (на башк. яз.)), «Башкирские просветители-демократы XIX века» (М., 1981. 256 с.), «Культура Башкортостана и башкирская литература в XIX – начале XX века» (Уфа, 2006. 280 с.), «Башкирская литература XIX века» (Уфа, 2010. 408 с. (на башк. яз.)), «Особенности развития башкирской литературы XIX – начала XX века» (Уфа, 2014. 740 с. (на башк. яз.)).

Результаты их изучения свидетельствовали о том, профессор Г.С. Кунафин рассматривает литературные памятники в тесной связи с национальной историей. Его научный подход заключается в выявлении роли литературы в формировании в башкирском обществе гражданского сознания, в решении социальных, нравственных, культурно-просветительских вопросов. Такой подход убедительно демонстрируется в разделах его книг, подробно и системно освещающих социальные основы и идейно-тематические, и художественно-эстетические истоки формирования того или иного литературного явления.

Уместно сказать, что если бы в данное время был жив уважаемый, признанный ученый-филолог профессор Мидхат Фазлыевич Гайнуллин, то как и прежде, назвал бы труды Гиниятуллы Сафиулловича Кунафина фундаментальным исследованием теории и истории башкирской литературы, общественной мысли дореволюционного периода.

Профессор Г.С. Кунафин особенно большое внимание уделил изучению процесса формирования и развития башкирской просветительской литературы, творчества ее ярких представителей М.Биксурина, М.Акмуллы, Р. Фахретдинова, З.Хади, С.Якшигулова и др. Ученый особенно глубоко и всесторонне исследовал жизнь и творчество Мухаметсалима Уметбаева. Его обращение прежде всего к творчеству М.И. Уметбаева, на наш взгляд, объясняется тем, что М.И. Уметбаев выступал, как и сам профессор Г.С. Кунафин, уже не только как просветитель, но и как правовед, защитник обездоленных, он смело выступал в защиту башкирского народа, открыто писал о тех фактах и явлениях, которые являются причинами, тормозящими развития его экономики, культуры, прогресса.

По описанию профессора Г.С. Кунафина Мухаметсалим Ишмухаметович Уметбаев в научных публикациях, публицистических статьях поднимал актуальные проблемы своего времени: социальные, земельные вопросы, правовые положения башкирского народа, вопросы образования и культуры, печати и книгоиздания; в своей просветительской и творческой деятельности ориентировался на русскую культуру и науку, на освоение лучших традиций, культуру и литературу Востока и Запада; был переводчиком отдельных произведений А.С. Пушкина на язык тюрки. Он глубоко верил, что настоящие просвещенные муллы способны стать опорой просвещения и братства. Более того – в начале 80-х гг. XIX века в произведениях М. Уметбаева прослеживаются монархические взгляды (стихотворения «Коронация», «Площадь Ходынское поле в Москве», «Баит», где он восхваляет личные качества Александра III). Он считает царя самым великим посланником бога, святой душой, призванной для установления благополучия, справедливости, и гордиться тем, что своими глазами увидел царя. Как верно отмечает Г.С. Кунафин, М. Уметбаев в своих произведениях считал факт присоединения Башкирии к Русскому государству, актом добровольным прогрессивным явлением. Но он гневно выступал против хищнического разграбления природных богатств края. Фактически мы можем считать М. Уметбаева основоположником башкирской национальной публицистики. В своих очерках он пытался отразить думы и чаяния родного народа, сказать о нем правду, раскрыть его социальный, духовный и нравственный мир. Он критиковал в

своих статьях феодально-патриархальные пережитки, «непростительные» порядки, порождавшие такие явления, как бесчинство и прозвал царских чиновников и местных богачей в городах и деревнях; обличал мораль паразитического класса; прославлял гуманность, патриотизм и дружбу между народами, призывал родной башкирский народ к просвещению, овладению различными ремеслами, а соотечественников – облегчить тяжелое положение трудового народа и на этом пути сам же выступил с демократическими реформаторскими предложениями. Здесь он выступает уже не только как просветитель, но и как правовед, защитник обездоленных, он смело выступает в защиту башкирского народа, открыто пишет о тех фактах и явлениях, которые являются причинами, тормозящими развития экономики, культуры, прогресса.

В своей монографии об Уметбаеве и других фундаментальных работах профессор Г.С. Кунафин в сравнительном плане анализирует творчество Ф. Туйкина, Ш. Аминева-Тамьяни, З. Уммати, Ш. Бабича, С.Якшигулова, М. Гафури и других башкирских поэтов начала XX века. Популярность их творчества в тот период профессор Г.С. Кунафин обосновывает усилением борьбы башкир за национальную и социальную свободу, за родную землю.

По его признанию, какие поэты XIX века, как М. Каргалы, Х. Салихов, М. Акмулла, М. Уметбаев, уже вели художественный анализ не только следствий, но и причин самого основного конфликта эпохи — конфликта между угнетателями и угнетенными. В их произведениях осуждаются уже не только общечеловеческие заблуждения морально-этического плана, но и социальные пороки.

При определении огромной роли профессора Г.С. Кунафина в обосновании необходимости повышения гражданско-правовой мысли следует учесть социально-экономические, политико-правовые, нравственно-этические основы жизни.

Это вполне понятно, так как в истории любого народа просветительство занимает свою определенную нишу, а порой целую эпоху. Поэтому у каждого народа, того или иного государства, просветительство возникает не одновременно и не является идентичным в присущей ему исторической обстановке.

Для всех народов России период их истории с середины XIX и до начала XX века очень значим. Стремительный процесс реформирования России во времена императора Александра II, активное вторжение во все сферы жизни новых технических и научных достижений западной цивилизации поставили народы России перед необходимостью менять все сферы своей жизни — образование, экономику, право, религию – и приводить их в соответствие со стандартами западного общества, техническая и интеллектуальная мощь которого не оставляла шансов уклониться от мировых тенденций.

Развитие капиталистических отношений в XIX веке в пореформенной России сопровождалось беспрецедентной по масштабам экономической экспансией русского и иностранного капитала в российские регионы, населенные мусульманскими народами, что вело к коренной ломке векового традиционного социально-экономического и духовного уклада. А потому в XIX – начале XX века в мусульманской общине России активизировалась общественная мысль – конституционно-правовая, социально-политическая, экономическая и религиозно-философская. Главной целью просветителей мусульманских народов России был поиск путей выведения мусульман из отсталого состояния, но без утраты ими этнической, культурной и религиозной идентичности.

В научной литературе известны работы, в которых дается общая картина мусульманского реформаторства и либерализма в России в XIX – начала XX века. Согласно общепринятому мнению, идейную основу мусульманского религиозно-философского и общественно-политического либерального движения в России в XIX – начале XX века составили исламизм, тюркизм и национализм.

Под давлением российских реалий мусульманское либеральное движение политизируется. На втором этапе развития мусульманского либерализма усиливается идейно-политическое течение тюркизма, наиболее влиятельное среди казанских татар. Татарская политическая элита, рассматривая попытку объединить всех тюрок в мире в некую единую «тюркскую нацию» как несбыточную мечту, стала проталкивать идею объединения тюркских мусульманских народов России в единую политическую нацию «тюрко-мусульман» на основе единого языка и ислама как противовеса единой русской политической нации.

Третьей идейной доктриной движения мусульманских народов России в конце XIX - начала XX века стал национализм. Модернизация общественно-экономических основ российского общества того периода служила объективной причиной интенсификации процессов мобильности мусульман России, особенно тех мусульманских народов, чьи территории и природные богатства попали в сферу непосредственных экономических интересов царского правительства, российских и западных

компаний, что и привело к росту этнического национализма. Как совершенно справедливо, по нашему мнению, пишет Г.С. Кунафин, а также ученый И.Р.Насыров, представители башкирской, казахской, татарской интеллигенции и других тюркоязычных народов всегда отстаивали, наряду с экономическими интересами, права на культурную и национальную самобытность своих народов.

В итоге движение российских мусульман возглавила национальная и чрезвычайно политизированная интеллигенция. Взгляды многих ее представителей представляли собой сочетание в различной степени элементов вышеназванных идейных учений – исламизма, тюркизма и национализма.

Подобные события происходили, естественно, и в Башкортостане - разложение феодальных структур и формирование капитализма, сопровождающиеся переменами в общественной жизни и культуре, способствовали возникновению в Башкортостане во второй половине XIX – начале XX века просветительского движения, в котором особенно ярко выделились два крыла: религиозно-реформаторское и демократическое.

Наиболее известными деятелями башкирского просвещения были М. Биксурин, А.Куватов, Б.Юлуев, М.Уметбаев, М.Акмулла, Р.Фахретдинов, М.Баишев, Ю.Бикбов, С.Якшигулов, З. Хади и др. Если характеризовать башкирское просветительство в целом, его интеллектуальный потенциал определяется, во-первых, ориентацией на проблему человека, а отсюда и абсолютизация роли морально-этического фактора как важнейшего средства общественного прогресса.

Во-вторых, башкирское просветительство выделяется своей слабой обращенностью к политическим проблемам, в нем почти не затрагиваются национальный вопрос, национальное самоопределение и национальный суверенитет. Исключение в какой-то степени составляет творчество видного простветителя М.Уметбаева.

В-третьих, башкирское просветительство было устремлено к национальному самопознанию, чтобы лучше узнать свой народ. Этим объясняется увлечение многих просветителей историей, этнографией и фольклором. Они пишут исторические статьи, публикуют песни, легенды, пословицы, поговорки и др.

Все названные особенности общественной мысли так или иначе отражены и в трудах профессора, члена-корреспондента АН РБ Г.С. Кунафина.

В целом, плодотворное и многоаспектное научное творчество Гиниятуллы Сафиулловича Кунафина создало основу для разработки концепции «прорегионального конституционного законодательства» в рамках «Положения о башкирах».

© Маликов М.Ф., 2018

Махмутова А.С.,
к.ф.н., доцент БашГУ,
г. Уфа, Республика Башкортостан

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ЛЕКСИКА В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ БАШКИРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В русских переводах произведений Г. Ибрагимова, К. Мэргэна, А. Хакимова, Я. Хамматова, Х. Давлетшиной, М. Карима, Р. Султангареева, Д. Булякова, И. Абдуллина и др. сохраняется национальное своеобразие оригинала. В первую очередь это достигается использованием в художественном тексте региональной этнокультурной лексики[1,2,3,4], которая создаёт своеобразие описываемой местности, способствует созданию исторического колорита.

В произведениях на историческую тему употребляются регионализмы преимущественно культурно-бытового характера (при описании патриархально-родового образа жизни, общественно-политических событий, таких как золотоордынское иго, присоединение башкирских племен к Русскому государству в XVI в., башкирские восстания XVIII в.). С целью передачи исторического колорита используются историзмы и архаизмы, связанные с социальной принадлежностью персонажей, с военным делом и бытом, много религионимов, лексических единиц, характеризующих обряды, обычаи, жизненный уклад башкир разных исторических эпох: *Для Аим наступила пора сменить девичью косоплетку на* ***инхалек*** *- широкую ленту с монетами, которая замужними женщинами прикрепляется на затылке и свисает ниже пояса поверх кос* (Г. Ибрагимов). *«Никого судьба Минлибики, видно, не волнует»,- сказала она, намекая, конечно, на сидевшую тут же* ***кюндеш*** (кюндеш - соперница, вторая жена) (К. Мэргэн). *Чтоб вымыть и выскрести дом, в такие осенние дни принято устраивать* ***омэ*** *- приглашать девушек и молодых невесток. Под смех и шутку они легко, играючи отмывают дом, потом веселятся, поют, пляшут* (З. Биишева). *Ратные дела и*

житейские заботы обсуждались ***аксакалами*** *на* ***йыйынах*** *- собраниях одного или нескольких родов. Из самых дальних владений рода съезжались роды и на праздники, тогда устраивали* ***байге*** *- скачки, состязания мудрецов,* ***сэсэнов****, певцов, танцоров, кураистов...* ***Джигиты*** *соревновались в борьбе, в джигитовке...* (З. Биишева). *На пороге показалась белая* ***чалма,*** *величиной с добрую тыкву. Под чалмой болталась длинная, жиденькая, как осенний ковыль, козлиная борода. Ахат в ужасе отпрянул назад. За ним пузом вперед ввалился* ***мулла*** *Габбас* (З. Биишева).

Многие регионализмы поясняются самими авторами, локальный характер семантизации позволяет понять смысл и значение слова-регионализма, ведь для небашкирской аудитории регионализмы представляют определенные трудности (особенно в произведениях на историческую тематику), что вызывает необходимость их толкования. Преобладают подстрочные примечания и развернутые толкования в тексте.

Ассимиляция регионализмов на уровне текста проявляется в том, что они начинают подчиняться нормам русской грамматической системы. Часть существительных остается морфологически неосвоенной, например, несклоняемые существительные; род отдельных существительных можно определить только аналитически: *медресе* - мусульманское духовное училище, *байбисе* - госпожа, жена бая, *казы* - колбаса, приготовленная из цельной полосы конского сала, *турэ* - начальник, чиновник, *шэжэрэ* - родословная; твой *ут курше; курэзэ* боялся.

Раскрытие внутренней формы имен собственных, различные приемы семантизации безэквивалентной лексики, формальная и семантическая освоенность регионализмов на уровне текста облегчают его восприятие.

Регионализмы и тюркизмы вообще, а также фоновая лексика участвуют в созданий художественного образа. В основе многих тропов (сравнений и метафор) лежит культурно-бытовая, природная лексика. Региональная и фоновая лексика создает образную систему, связанную с жизненным укладом башкирского народа (кочевой образ жизни, бортничество, скотоводство и т.п.): *Мой Закир... долго жил там. Больше родного аула любил он, мой жеребеночек, этот город...* (З. Биишева). *Сижу в одиночестве и обливаюсь слезами, точно верблюдица, разлученная с верблюжонком!* (Х. Давлетшина). *У молодой енги... походка, как у откормленной кобылы! Уй-бай!... грубая шуточка Истебая... умаслила ее капризный нрав* (Х. Давлетшина). *Солнце поднялось на длину аркана* (Н. Мусин). *До заката один аркан времени остался* (Я. Хамматов). *Недаром со всей округи самые бойкие джигиты возле нашего аула, как осы вокруг колоды с медом, вьются* (М. Карим). *Твоя Аим-хурнак ... носит мед из нашего улья к чужому (****хурнак*** - пчела, которая ворует мед из других ульев) (Г. Ибрагимов).

Часто используются мифологическиеобразы *(аждаха*-дракон, чудище; *шайтан* - черт, бес; *албасты* - вурдалак, злой дух, чудовище; *тулпар* - крылатый конь; *мэскэй абей* - ведьма, злая колдунья; *шурале* - леший; *джинн, див, пери* и др.) - они глубоко народны, национальны и придают повествованию особую экспрессивность и эмоциональность: *Словно коварная* ***юха*** *- которая по башкирскому поверью двенадцать лет живет и все двенадцать лет изводит людей страхом смерти, затуманил он разум племен и народов, подчинив своей воле...* (А. Хакимов). *Три самых верных, самых неустанных* ***тулпара****, считал он, двигают общественный прогресс - наука, просвещение, ремесла* (А. Хакимов). *Алмабике влетела, как разъяренная* ***аждаха****, стоило только Тухвату гармонь в руки взять. - Постыдились бы, щенки, заводить своего* ***шайтана*** *под ухом старшины-олатая! Чтоб тише воды, ниже травы были, слышите?!* (З. Биишева). *Какой* ***шайтан*** *привел его сюда, видно, лишь затем, чтобы еще сильней растравить его душевные муки?* (М. Карим). *Сарбиямал схватила за руку Бибеш... втащила в аласык. - Волосы расчеши,* ***албасты****! Чтоб быстро*! (З. Биишева). *Аб-ба, не сглазить бы, Юлыш-турэ, я уж подумал, не* ***Урал- батыр*** *ли проснулся, из чрева гор вышел* (А. Хакимов). Например, особенности мировосприятия юной героини трилогии З. Биишевой передаются при помощи сравнений, в которых постоянно присутствуют образы восточных сказок: *«Сад казался Емеш волшебным садом при дворе сказочной девы-****пери****»; «Над горами висит красноватое марево, похожее на хвостатую многоголовую* ***аждаху****»; «Емеш принялась воображать, будто укрывается золотым одеялом дочери* ***джинна****».*

Взаимовлияние, взаимодействие языков - это одновременно взаимодействие культур. Через переводы произведений национальных, в том числе башкирских писателей русский язык обогащается своеобразной лексикой, русский читатель получает возможность приобщиться к иной культуре, культуре другого народа.

Литература

1. Воробьёв В.В., Морозкина Е.А., Сулейманова А.К., Фаткуллина Ф.Г. Словарь тюркизмов: история и современность: толковый словарь. - Уфа: РИЦ БашГУ, 2015.-264 с.

2. Ишмуратова Л.Н., Махмутова А.С., Фаткуллина Ф.Г., Хисамова Г.Г. Речевая культура личности в условиях билингвизма // Современные проблемы науки и образования. 2015. - №1.- URL: http// www.
science education.ru/ 121-18423.
3. Махмутова А.С., Хисамова Г.Г. Русский язык и культура речи. - Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. - 122 с.
4. Махмутова А.С., Хисамова Г.Г. Региональный компонент вузовского курса «Русский язык и культура речи» на национальном отделении //Российский гуманитарный журнал, 2015. - Т. 4. - №2. - С. 449 — 454.

©Махмутова А.С., 2018

Мосолова Г. П.,
доцент кафедры русского языка и методики преподавания русского языка
МГПИ им. М. Е. Евсевьева,
Шейкина О. В.,
студентка 4 курса филологического факультета МГПИ им. М Е. Евсевьева,
г. Саранск, Республика Мордовия

ДИАЛЕКТИЗМЫ СИБИРИ В ПРОСТРАНСТВЕ ТЕКСТА В. Г. РАСПУТИНА

В произведениях художественной литературы писатели используют различные способы создания атмосферы народной жизни, отражения культурных традиций и специфики быта (например, разноуровневые языковые средства – фонетические, морфематические, словообразовательные, синтаксические). Наряду с этими языковыми средствами важное место принадлежит диалектной лексике. Исследование диалектных единиц в произведениях русских писателей помогает понять традиционный уклад жизни человека, особенности народного мировоззрения, скрытые смыслы человеческого существования и т. д. Одним из таких писателей является В. Г. Распутин. С детства сердце писателя принадлежало Сибири, ее природе и жителям. Она обогатила его язык, сформировала целостное представление о мире. В. Г. Распутин был хорошо знаком с особенностями разговорной речи сибиряков, поэтому способом создания местного колорита в его произведениях становится обращение к такому языковому средству, как диалектная лексика говоров Сибири. Воссоздание «народности» речи позволяет писателю добиться более реалистического изображения действительности.

Существуют разнообразные приемы подачи диалектной лексики в произведениях художественной литературы. Одни авторы выделяют их и дают им объяснение, как это делал К. Паустовский, другие используют диалектизмы на одном уровне с литературной лексикой, что прослеживается при прочтении романа М. А. Шолохова «Тихий Дон». В манере использования диалектной лексики В. Г. Распутин близок к М. А. Шолохову: диалектизмы органично вливаются в языковой строй произведения, не выделяясь и не создавая впечатления необычайного. Удивительно, что в произведениях В. Г. Распутина определить значение того или иного диалектизма возможно на основе контекста, в котором он употреблен. Например: *«Я к ней с лаской, а она отвернулась и пошла от меня в дальний угол. Вот какая честная корова! Нет, перезимую, даст Бог, и надо за* ***стайку*** *браться»* [1]. ***Стайка*** *- помещение для домашнего скота, хлев.* В Словаре сибирских говоров под редакцией А. И. Федорова дается аналогичное толкование данного диалектизма [4, с. 424].

Использование собственно лексических диалектизмов отмечается как в авторской речи, так и в речи героев-сибиряков. Знакомясь с содержанием рассказов, повестей, читатель отмечает языковую специфику произведения. Диалектная лексика, как яркая художественная особенность произведения, привлекает его внимание, погружает в атмосферу жизни сибирской деревни, способствует созданию правдивых образов, оказывая непосредственное воздействие на читателя.

Создание яркой картины жизни сибиряков невозможно без описания их быта. В языковой канве произведений В. Г. Распутина выделяются лексические диалектизмы, называющие специфические предметы и явления сибирского быта. Данные диалектизмы можно классифицировать по разным группам, основываясь при этом на определенном критерии отбора. Одну из таких групп составляют диалектизмы, называющие постройки, помещения, ограждения, а также строительные материалы. Например:

«Заночевал он в брошенном ***сеннике****, от тоски видел во сне скончавшуюся давно жену, которая не захотела с ним разговаривать и все отводила глаза»* [1].

Сенник – *сарай для хранения сена; сарай для хранения и просушки корма* [5, с. 285].

Изба у Савелия изнутри смотрелась просторней, чем показывала с улицы, но и была она нараспах - ни ***заборки****, ни печи»* [1].

Заборка *– деревянная перегородка, отделяющая одну половину избы от другой* [3, т. I, с. 552].

«Я пошла, перед коровой уж стыдно, что избавилась и глаз не кажу. Приходю, у ***прясла*** *стала»*[1].

Прясло *– звено изгороди, колено забора* [3, т. III, с. 533].

На другой день, когда поехали за ***листвяками****, Агафья расспросила подробно, с чем остался он, вступая в новую жизнь»* [1].

Листвяг, или листвяк *– карачай или нёгла, хвойное дерево Larix; оно роняет к зиме мягкую хвою* [3, т. II , с. 255].

В. Г. Распутин включает в произведения диалектизмы, обозначающие домашнюю утварь и орудия труда. В произведениях можно встретить следующие примеры:

«В амбаре было прохладно, стены завешены одежонкой, углы завалены всяким скарбом, от чугунов и ***кринок*** *до деревянной лопаты для хлебов… »* [1].

Кринка *– узкий высокий молочный горшок с раструбом* [3, т. II, с. 194].

«Привезли они избу, и та еще две недели непочатым возом лежала на ***волокушах****»*[1].

Волокуши *– длинные волочащиеся по земле оглобли для таски бревен* [3, т. I, с. 237].

«Умела она справлять любую мужскую работу – и сети вязала, и ***морды*** *для заездков плела, беря в Ангаре рыбу круглый год, и пахала»* [1].

Морда *– верша с прямоугольной рамой спереди, к которой прикреплены продольные прутья и плетение, образующее воронкообразный вход* [4, с. 291].

«…подбросила в ***кошевку*** *сена на день коню и выехала»* [2].

В словаре В. И. Даля диалектизм *кошевка* толкуется как корзина. Однако в словарной статье есть указание и на такую форму слова, как *кошева* в значении глубокие дорожные сани. Соотнося толкование диалектизма *кошева* с контекстом, можно предположить, что В. Г. Распутин употребляет слово *кошевка* в значении диалектизма кошева.

Определенный интерес вызывает и то обстоятельство, что В. Г. Распутин использует не только этнографические диалектизмы, но и диалектизмы, которые характерны для многих говоров. Так употребление слов *прясло, кринка* широко распространено в разговорной речи представителей южнорусских говоров, например, говоров донской группы.

Повсеместное распространение в романе получают лексические диалектизмы, характеризующие деятельность человека с разных сторон. Например: *«И утром вскочила она весело, жадно, в нетерпении побежала к Савелию, чтобы раньше леспромхоза снять его на свою работу, застала его прежде чая, который только* ***гоношил*** *он на железной печурке во дворе»* [1].

Гоношить *– припасать, собирать, копить, скопидомничать, наживать; делать или работать копотко, помаленьку, из остатков, обрезков* [3, т. I, с. 374].

Следует отметить, что в данном контексте собственно лексический диалектизм *гоношить* можно считать нераскрытым, неиспользованным в своем значении. Возможно, писателя устраивало не детально точное, а общее представление о действии, которое получил читатель.

«…и ставила в сенокосы ***зароды****… »* [1].

Зарод *– скирда, большая кладь сена не круглой, а долгой кладки* [3, т. I, с. 629].

*«****Разодрала*** *огород и загородила его, в первые годы накапывала картошки по пятьдесят – шестьдесят кулей»* [1].

Разодрать *– раскорчевать пни на месте срубленного леса и расчистить землю для ее распашки* [5, с. 111].

«Маленьким топориком с крашеным желтым топорищем он вел по доске такую ровную стружку, что не надо и рубанка. И, оставляя дело, не воткнул топорик в ***чурку****, а ласково положил поверх доски»* [1].

Чурка – *короткий обрубок бревна, жерди, круглого дерева* [3, т. IV, с. 515].

В произведениях В. Г. Распутина можно встретить и названия одежды, части одежды, обуви сибиряков. Писатель вводит эти реалии жизни в тексты произведений посредством использования соответствующих лексических диалектизмов. Например:

«Возле стен навалом тоже шурум-бурум из ***лопоти****, посуды, утвари, из того неисчислимого подручья… »* [1].

Лопоть – верхняя одежда, особенно простая, рабочая [3, m. II, с. 256].

«Ходила в темном, по летам не снимала с ног самошитые кожаные ***чирки****, по зимам* ***катанки****»* [1].

Катанки *– валенки* [3, т. II, с. 97].

Чирки *– черевички, башмаки, шаркуны* [3, т. IV, с. 606].

Диалектная лексика широко представлена и в описании природных явлений, ландшафта местности.

«Семь коров отвели, они на дальней ***елани*** *стоят, гумно там под коровник приспособили»* [1].

Елань *– моск., ряз., тамб. – обширная прогалина, луговая или полевая равнина; сиб. то же, возвышенная, голая и открытая равнина* [3, т. I, с. 518].

«Промаяло сутки, затем подула холодная ***низовка****, и дождь отступал уже злее, с белыми мухами»* [1].

Низовка *– то же, что и низова; ветер с низовья* [4, с. 384].

Помимо диалектизмов, обозначающих конкретные реалии жизни сибиряков, в произведениях можно выделить слова, характеризующие человека, его физическое состояние.

«Сначала пугалась, а потом привыкла к приступам ***"лихоманки"****, которая налетала на нее раза два в году и подсекала безжалостно, так что Агафья не в состоянии была подняться ни к корове, ни к печи»* [1].

В. Г. Распутин преднамеренно обращает внимание читателя на фонетический диалектизм «лихоманка». Сохраняя особенность в произношении, писатель указывает на специфику речи сибиряков, ее народность.

Продолжая традиции русских писателей в использовании широкого пласта диалектной лексики, В. Г. Распутин в своих произведениях создает атмосферу народной жизни Сибири с ее местным колоритом. При этом автор не лишает произведения литературности, напротив – его повести и рассказы становятся образцами деревенской прозы.

Литература

1. Распутин, В. Г. Изба [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.web-lit.net/writer/4629/book/53310/rasputin_valentin_grigorevich/izba (дата обращения 19.03.2018)

2. Распутин, В. Г. Живи и помни [Электронный ресурс] 2002. – Режим доступа: http://lib.ru/PROZA/RASPUTIN/rasputin_zhivi.txt (дата обращения 19.03.2018)

3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – 5-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз. – Медиа; Дрофа, 2008. Т. 1–4.

4. Фёдоров, А. И. Словарь русских говоров Сибири / Сост. Н. Т. Бухарева, А. И. Федоров; под ред. А. И. Федорова – Новосибирск: Наука, 2001. – 392 с. Т. 2.

5. Фёдоров, А. И. Словарь русских говоров Сибири / Сост. Т. А. Голикова, Е. В. Панкратова, А. И. Федоров; под ред. А. И. Федорова. – Новосибирск: Наука, 2005. – 508 с. Т. 4.

©Мосолова Г. П., Шейкина О. В. 2018

Мостафина Р.Д.,
ф.ф.к., БДУ доценты,
Өфө к., Башкортостан Республикаһы

ЗӘЙНӘБ БИИШЕВА ПОЭМАЛАРЫНЫҢ ИДЕЯ-ХУДОЖЕСТВО ҮҘЕНСӘЛЕКТӘРЕ

Зәйнәб Биишеваның ижады әҙәбиәтебеҙ гилемендә ярайһы оҙ киң ғәнә өйрәнелгән. Башҡорт әҙәбиәте тарихы буйынса төрлө йылдарҙа сыҡҡан ғилми хеҙмәттәрҙә, Башҡорт дәүләт университетының башҡорт әҙәбиәте һәм фольклоры кафедраһы уҡытыусылары тарафынан әҙерләнгән “Еғерменсе быуат башҡорт әҙәбиәте”, “XX-XXI быуат башҡорт әҙәбиәте” юғары уҡыу йорто студенттары өсөн дәреслектәрҙә яҙыусының ижади мираҫына айырым бүлектәр бағышлана, И.Вәлитов һәм Ә.Вахитовтарҙың “Зәйнәб Биишева. Тормошо һәм ижады”, С.А. Алибаева, А.А.Журавлева, А.Н.Журавлеваларҙың “Зайнаб Биишева.Жизнь и творчество” моноғрафияларында әҙибә ижадына тулы ғына баһа бирелә. Шулай ҙа был сығанактарҙа Зәйнәб Биишеваның поэмаларына ентекле анализдар бирелгән тип әйтеп булмай. Авторҙың поэмалары ғына түгел, ғөмүмән шиғриәте тейешле баһаһын алып бөтмәгән, ентекле тикшеренеүҙәр яһалмаған, тип әйтһәк тә хата булмаҫ. “зәйнәб Биишеваның әле томдарға инмәй ҡалған әҫәрҙәре - шиғырҙары, публицистик мәҡәләләре, очерктары ла аҙ түгел. Зәйнәб Биишева прозаһын яратып һәм төплө өйрәнгән ғалим Р.Байымов әҙибәнең шиғритәе тикшеренеүселәр иғтибарынан ситтә ҡалыуын билдәләй. “Йыйынтыҡҡа тупланғандары ла (шул иҫәптән әлеғә бик аҙ өйрәнелгән шиғриәте лә) поэтик яҡтан бай һәм күп яҡлы күренеш” – ти ул. [5; 381].

Был мәҡәләбеҙҙә Зәйнәб Биишеваның ике поэмаһына, “Йөҙөксө” һәм “Имән” әҫәрҙәренә, уларҙағы ғерой концепцияһына, идея-тематика, проблематикаһына ентеклерәк туҡталырға булдыҡ.

Әҙибәнең ике поэмаһы ла 1980 йылда яҙылған. Тәү ҡарашҡа автор ниндәйҙер ғлобаль проблемаларҙы ла аҡтармай кеүек. “Йөҙөксө” әҫәрен тематик йәһәттән тормош-көнкүреш поэмаһы тип тә ҡарарға мөмкин. Поэмалар кешелекте һәр ваҡыт борсоған рухи ҡиммәттәр, бөгөнгө һәм киләсәк бәйләнеше, йәшәү мәғәнәһе, алдау һәм хәйлә менән байыу һәм башҡа проблемаларҙы үҙәккә ҡуйыуы менән әһәмиәтле. Мәҫәлән, “Йөҙөксө” поэмаһының ниғеҙенә автор алдау һәм шул алдаҡтың нисәмә йылдар үткәс тә ысын йөҙө асылыуы кеүек фәлсәфәүи проблемаларҙы һала.

Төп ғерой йөҙөксө Хәйрулла. Баҡыр тәңкәләрҙән йөҙөк эшләп халыҡҡа алтындан эшләнгән тип алдап һата. Гашиҡ еғеттәр һөйгән йәрҙәренә алып бүләк итәләр. Йөҙөклө йәш кәләштәргә ҡарап, үҫмер ҡыҙҙар ҙа тиҙерәк буйға етеп, һөйгәненән бүләккә йөҙөк алып ҡыуанырға хыялланалар.

Әҫәрҙә Зәйнәб Биишева “Һөнәрсе менән өйрәнсек” хикәйәтендә башлаған традицияларҙы дауам итә. Ҡырын эш ҡырҡ йылдан һуң да беленә тиғән мәғәнә һалып, ысын оҫтаның ғәҙел эше һәм алдау юлы меннә байлыҡ, дан артынан ҡыуыу кеүек әхләҡи-этик төшөнсәләрҙе контраст ҡуя.

Хәйрулла, эйе, оҫта ҡуллы, оҫта ҡуллы ғына түгел, таҫма, йомшаҡ телле лә. Баҡыр йөҙөктәрен маҡтап-маҡтап һата. Үҙен тик кешеләр өсөн ғенә йәшәгән, улар өсөн бер ни ҙә йәлләмәгән изге йәнле киң күңелле алла бәндәһе тип һанай, үҙен шулай күрһәтергә тырыша. Хәйрулланың баҡыр алтынына сибәр ҡыҙ Гөлкәй ҙә ҡапҡан. Бармағына кейеү менән йөҙөк тутығып ҡарайған. Ялтырауыҡ булып күренгән йөҙөктән сулпылар эшләп ҡурсағына тағырға ғына ҡалған. Шулай ҙа ул йөҙөксөнөң күҙенә тура ҡарап алдағын асып һалыуҙан ҡурҡа, һаңғырау һәм һуҡыр булып ҡалыуҙы хуп күрә.

Хәйрулланы әүлиә, донъяла уға тиң кеше юҡ тип күккә күтәргән ярамһаҡтар ҙа юҡ түгел. Ергә тиклем бөгөлөп баш эйгән ике йөҙлө ялағайҙарҙы автор меҫкендәр, иманһыҙҙар тип атай.

Ант итәләр, шулай, иманһыҙҙар!
Иблис менән йәштәш, меҫкендәр.
Шундайҙар бит ғүмер-ғүмер баҡый
Саф алтындың юлын киҫкәндәр...

Гәҙеллекте яратҡандар һәм талантлылар бындай хәйруллалар һәм уның ярандары булғанда үрләй алмаҫ, уларҙың юлы ҡыйыла.

Поэманың идеяһы һуңғы, 5-се бүлектәге, юлдарға һалынған.

Көсөң барҙа көслән йыйған дандың
Баһалары була ғүмерһеҙ
Уҫаҡ ағасылай быҫҡып янып
Әйләнә ул көлгә күмерһеҙ...

“Имән” поэмаһында символизм көслө. Әҫәрҙең төп образы – имән ағасы. Тамыры ныҡ һәм моһәбәт имән менән автор халыҡ яҙмышы проблемаһын үҙәккә ҡуя. Әҫәрҙә урмандағы ябай ғәҙәти ағас түгел, ә ҡала уртаһында тамырҙары асфальтты ярып сығып үҫкән имән хаҡында һүҙ бара. Геройҙы уйға һалған күренеш - ҡала уртаһында йәшәүен дауам иткән имән ағасы. Геройҙы тәбиғәттән, ғәҙәти урман тупрағынан айырылып ҡала уртаһында үҫергә көс тапҡан ағас һоҡландыра ла, уйландыра ла, борсолдора ла. Имән ағасында, әлбиттә, халыҡ яҙмышы күҙ алдына баҫа. Тамырҙары асфальтты ярып килеп сығыуы - юлында, тарихында, яҙмышында осраған ауырлыҡтарҙы еңеп сығыуы, баҫырға тырышһалар ҙа, киләсәккә, йәшәүгә ынтылышының көслө булыуы. Һәм тағы ла геройҙы ҡыуандырғаны - ғорур һәм ел-дауылдарға бирешмәгән имәндең йәш сәтләүектәрен ергә һибеп өлгөрөүе. Орлоҡтарҙан йәш үҫентеләр ҡалҡып сығып имәндең тормошон дауам итеренә ышанысы, өмөтө ҙур геройҙың.

Йәшә, имән,
Быуат аша ҡарап,
Яҙ килдеме, япраҡ ярып ҡал.
Сәтләүектәреңә, түкмәй-сәсмәй,
Йәшәү серҙәреңде нышып һал.
Һин ҡеүәтле, һин көҙрәтле, тере!
Емеш бирә фәкәт тереләр.
Ҡасан дә бер асфальт ярып сығыр
Һин тыуҙырған изге бөрөләр.

Шулай итеп, Зәйнәб Биишева поэмаларында күтәрелгән проблемалар - кешелекте һәр ваҡыт борсоған әхлаҡи-этик һәм рухи ҡиммәттәрҙе һаҡлап ҡалыу мәсьәләләре. Улар бер ваҡытта ла иҫкермәй торған, һәр заман өсөн актуаль темалар.

Әҙәбиәт

1) Алибаева С.А., Журавлева А.А., Журавлева А.Н. Зайнаб Биишева. Жизнь и творчество. Уфа, Китап, 1993.

2) Баимов Р.Н. Истоки и устья. Заметки о башкирской литературе.- Уфа: Китап, 1993. -348 с.
3) Валитов И., Вахитов Ә. Зәйнәб Биишева. Тормошо һәм ижады. –Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1980. – 208 бит.
4) Биишева З.А. Монолог. –Өфө: башҡортостан китап нәшриәте, 1986. -112 бит.
5) Егерменсе быуат башҡорт әҙәбиәте. /Төҙөүсеһе Р.Н.Баимов. – Өфө: Өфө полиграфкомбинаты, 2003.- 575 бит.
6) XX-XXI быуат башҡорт әҙәбиәте. /Гәрәева Г.Н. һәм башҡалар; Яуаплы редакторы Р.Д.Мостафина. –Өфө: БашДУ нәшриәт үҙәге, 2017. – 648 бит.

© Мостафина Р.Д., 2018

Мостафина Р.Д.,
ф.ф.к., БДУ доценты,
Өфө ҡ., Башҡортостан Республикаһы

НАЗАР НӘЖМИ ИЖАДЫНДА ЯУГИР ГЕРОЙ КОНЦЕПЦИЯҺЫ

Фронтовик-шагир Назар Нәжми ижадында, әлбиттә, һуғыш темаһы- ул үҙәк темаларҙың береһе. Шиғриәтенең ниндәй жанрын ғына алып ҡарама- төрлө характерҙағы лирика жанрҙарымы, поэмалар булһынмы, шағир йөрәгенә һәм хәтеренә уйылып инеп ултырған.

Беҙ был мәҡәләбеҙҙә Назар Нәжми шиғриәтендә яугир герой образын күҙәтмәксебеҙ. Фронтовик-шағир булараҡ уның яугир геройы үҙ илен яратҡан, уның өсөн ғүмеренкорбан иткән патриот, азатлыҡ һаҡсыһы, шинель кейгән һалдат инде, тип әйтеүселәр ҙә табылыр. Эйе, был мотлаҡ шулай. Һуғыш ауырлыҡтарын үҙ елкәһендә татыған яугирҙың ижадында башҡа төрлө һалдат булыуы мөмкин дә түгел. Ләкин ошо азатлыҡ һаҡсыһы конҙепцияһын, яугир һалдат образын һәр шагир үҙенсә аса. Һәм Назар Нәжми ҙә лә ул төрлө яҡлап асыла. Һәм тагы ла һалдат образы менән бәйле хәрби-патриотик теманы, “Һуғыш” төшөнсәһен, һуғыш ысынбарлығын автор нисек сағылдыра, шуларҙы ла күҙ уңында тотмаҡсыбыҙ.

Назар Нәжмиҙең геройы - “бар донъяны фашизм коллоғонан алып ҡалған һалдат”.

Ләғнәт, тим мин ҡол иткәндәргә
Ләғнәт тим, ҡол булғандарға
Ҡол булманыҡ беҙ был юлы
Ә коллоктан бар донъяны
Алып ҡалдыҡ. Мин еңеүсе
Булып үттем Европаны.

(Йоҡлаған бала янында һүҙ, 1965-1966).

Һалдаттың алла булып, ерҙәге бар яуызлыҡты ауыҙлыҡлап алаһы килә.

Назар Нәжмиҙең һалдаты – окоптағы, фронттағы дуҫлыҡтың ни тиклем ҡәҙерле икәнен үҙ иңендә татыған һалдат та ул. Мәҫәлән, “Ҡуш нарат” шиғырында ул шулай ти: “Окобым эргәһендә үҫкән ҡуш наратҡа ҡарап һоҡланып торҙом, ти”. Уларҙың икеһенә лә һоҡланып ҡына түгел, уйланып та ҡарап торған ул. Матурлыҡ өсөн ҡәҙерләп, һөйөп үҫтергәнме уны кеше, нисә йыл йәшәгәндәр икән? тигән уйҙар борсой уны. Тугандар кеүек кенә серләшеп йәшәгәндәр улар. Ләкин бер көндө снаряд ярсығы тейеп ҡуш нараттың береһе ауа башлай. Эргәһендә торған икенсе наратҡа терәлеп аумай ҡала. Ике нарат күренеше аша автор окоптарҙа тыуған һалдат дуҫлығын символлаштыра.

Минең окобым янында
Ҡалды бер яңғыҙ нарат
Тора ул имгәнгән дуҫын
Ҡосоп, алыҫҡа ҡарап.
Эй! Һин дуҫлыҡ!

(“Ҡуш нарат”, 1944)

Шагир өсөн һалдат образы ир-егет заты менән генә бәйләнмәгән. Кескәй иңендә һуғыш ауырлыҡтарын күтәргәнҡатын-ҡыҙ һалдат та бар: Ул беҙ өйрәнгән медсестра ҡыҙ образы түгел, ул ҡулына төҫлө флаг тоткан, һалдаттарға юл күрһәтеп торған ҡыҙ.

Үҙе элек кем булғандыр,
Ә хәҙер һалдат кеше.
Арҡаһына мылтыҡ аҫҡан
Башында пилоткаһы.
Бөҙрә сәстәре өҫтөндә
Ҡара туҙандар ҡунған

(“Ҡанатлы ҡыҙ”, 1944).

Ҡулында елберләгән флаҡты шағир ҡанатҡа оҡшата. Бында ҡанатлы ҡыҙ аша һалдаттарҙың ҡыуанысы, еңеүгә өмөтө бирелгән. Улар Берлинға юл ала икәнлеге автор әйтмәһә лә, тел төбөнә һалынған.

Һуғышты яуҙарҙан улдарын көткән әсәләрһеҙ күҙ алдына килтереүе ҡыйын. Назар Нәжми шиғриәтендә әсә образына зур урын бирелгән. “Әсә йөрәге” шиғырында, “Әсә” поэмаһында һәм башҡа әҫәрҙәрендә күҙәтергә була уны. “Әсә йөрәге” шиғырында әсә фронттағы улына хат яҙа. Унда һалдаттың ҡустыһы үлеүе хаҡында хәбәр итә. Минең башыма ғына төштөмө икән һуғыштың ҡәһәре, ти ул. Ниңә үлем минең улдарыма ғына тейә икән, ти ул. Һуғышта өс улын юғалтҡан әсә зары, ғазаптары күҙ алдына баҫа. Ләкин әсәнең хаттарына яуапты фронтташ дуҫтары ғына яҙа. Һалдаттар әсә йөрәгән уйлап, йәшәүгә өмөтөн һүндермәҫ өсөн хаттар яҙып торалар. “Әсә” поэмаһында ла аштар бешереп, ашы һыуыһа, ҡабат-ҡабат йылытып улын көткән әсә образы күҙ алдына баҫа. Ҡараңғы төшкәс тә, улы ҡайтмағас, әсә ҡала урамына сыға. Ҡаланы немеңтәр баҫып алған. Алыҫта шартлау тауышы яңғырай, әсәнең улы немеңтәрҙе шартлатҡанда, үҙе лә һәләк була.

Шағир ижадында әсә образы һәр ваҡыт улдарына йәшәүгә көс биргән илаһи зат итеп һүрәтләнә. Әсәйҙән дә бөйөк кеше бармы икән был донъяла, ти ул.

Яуғир һалдат – тыуған яҡтарын һағынған, тыуған яҡтарын, һөйгәнен күрер өсөн тере ҡалыуын һәм бер ваҡытта ла ошо мәхшәрҙең, кеше йәндәрен ҡыйыуҙың ҡабатланмауын теләгән тыныслыҡ һалдаты.

Һалдат булып,
Һине генә уйлап,
Ниндәй ерҙәр үтеп йөрөмәнем!
Бар донъяны саҡ сыҡманым урап,
Һиңә оҡшаған ерҙе күрмәнем! – ти герой.

Һәм тағы ла ил саҡырһа, ҡабат шинелен кейеп, котелоғын биленә тағырға әҙер ул.

Кәрәк булһа, шинель кейеп,
Тағырмын һине билгә.
Бәлки тағын күп ерҙәрҙән
Үтербеҙ икәү бергә.

Назар Нәжми ижадында яуғир ғерой - ил тыныслығын һәр ваҡыт һаҡларға, киләсәк быуынды яҡларға әҙер һәм ошо миссия икеләтә төшкән шағир һәм һалдат булып күҙ алдына баҫа.

Әҙәбиәт

1. Аралбаев Ҡ. Әҙәбиәтебеҙҙең арҙаҡлы аҡһаҡалы. - «Йәшлек» ғәзите, 1993 й., 11 февраль.
2. Асанбаев Н.В. Тауҙар бейек. - «Ағиҙел», 2000, №11, 130-137-се биттәр.
3. Еғерменсе быуат башҡорт әҙәбиәте. /Төҙөүсеһе Р.Н.Баимов. – Өфө: Өфө полиграфкомбинаты, 2003.- 575 бит.
4. XX-XXI быуат башҡорт әҙәбиәте. /Гәрәева Г.Н. һәм башҡалар; Яуаплы редакторы Р.Д.Мостафина. –Өфө: БашДУ нәшриәт үҙәгә, 2017. – 648 бит.
5. Кәрим. М. Шағир юлда (Баш һүҙ). Н.Нәжми. Шиғырҙар һәм поэмалар. -Өфө. 1964.
6) Левшин И. Сосед по оғню. - «Литературная Россия» - 1982 ғ., 10 декабря.
7) Мусин Н.С. Моң. - Ихлас күңелдән һөйләшеү. –Өфө: Китап, 1990., 13-30-сы биттәр.
8) Әхмәтйәнов К.Ә. Н.Нәжми - шиғыр оҫтаһы. Монография. Өфө, 1974 й., 167 бит.
9) Хәбиров Ә.Х. Поэтик бейеклектәрҙе яулап. - «Башҡортостан уҡытыусыһы», 1982 й., №4, 37-40-сы биттәр.
10) Хөсәйенов Г.Б. Назар Нәжми. «Ағиҙел», 2002 , №11, 170-179-сы биттәр.

© Мостафина Р.Д., 2018

Муллагулова А.М.,
старший редактор отдела выпуска, литературы и фонотеки, ГУП ТРК «Башкортостан»
г.Уфа, Республика Башкортостан

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ БАШКИРСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ, ЛИТЕРАТУР НАРОДОВ НАРОДОВ РОССИИ И ЗАРУБЕЖЬЯ: ГЕНЕТИЧЕСКИЕ КОРНИ ЖАНРА РАССКАЗА И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ

Признанная ныне всей мировой литературной общественностью башкирская литература имеет необычайно сложную многовековую историю. Ее богатство определяется ни только большим

количеством высокохудожественных произведений и талантливых имен, но и жанровым составом. Одним из действенных жанров башкирской литературы является рассказ.

В наше время рассказ живо откликается и на социальные, и на нравственные проблемы современности, и на вечные темы мироздания, что обеспечивает жанру бытовую оперативность и безграничную философичность.

Именно понимание идейно-функциональных и художественных возможностей новеллистики движет желанием писателей более активно использовать в своем творчестве жанр рассказа. Современная башкирская литература имеет в своем активе огромное количество высокохудожественных рассказов и целую галерею талантов, создающих эти сокровища.

Однако нельзя сказать, что башкирский рассказ досконально изучен и все его особенности выявлены. Это и невозможно, ибо постоянно изменяющаяся социально-общественная жизнь ставит перед обществом все новые идеи и задачи, порождает новые проблемы. Это приводит к изменению взглядов, к переоценки ценностей, что отражается и в литературном процессе. Поэтому изучение литературы будет продолжаться непрерывно, что, несомненно, приведет к новым открытиям.

Литературоведческий интерес к жанру, возникший еще в начале 20 века, не только не ослабевает, а наоборот, все более возрастает.

Разные стороны и художественные особенности жанра рассказа нашли освещение в работах таких известных ученых-литературоведов, как А.Вахитов, К.Ахмедьянов, В.Ахмадеев, Г.Хусаинов, З.Нургалин, Х.Зиннатуллина, И.Валитов, Р.Баимов, Б.Бикбаев, М.Идельбаев, Г.Гареева, Ф.Кузьбеков, А.Аминев и другие. Обобщая их мысли и результаты их исследований, можно предложить следующее определение жанра: рассказ – это малая форма эпической прозы, отражающая отдельное событие, определенный момент человеческой жизни, отличающаяся завершенностью фабулы и краткостью изложения.

В отличие от крупных форм прозы (романов, повестей), в рассказе обычно изображается один завершенный эпизод из жизни героя. Если в романе сюжет двигают многочисленные сложные коллизии, раскрывающие многосторонние связи человека с миром, то в основе рассказов обычно лежит один центральный конфликт, одно противоречие. Когда для изображения требуются несколько событий, то они связаны с одной ситуацией, с одним героем. Поэтому в рассказе намного зримее, чем в повести и романе, проявляется направленность всех художественных составляющих к центральному эпизоду.

Во времена духовного обновления, когда все меняется, когда многие общественно-исторические и идейно-нравственные явления не получают еще достаточно законченного развития, когда автору трудно найти романную концепцию и романного героя, рассказ выхватывает из жизни эти текучие моменты и делает их центральным предметом изображения. Этим, видимо, определяется активизация новеллистического жанра в наше сложное время. Нельзя не согласиться с мнением Э.Шубина, который связывает расцвет рассказа с «периодами глубоких духовных сдвигов в общественном сознании, с периодами идейных метаний и мучительных поисков ответа на острейшие социальные вопросы»[1].

Литературный жанр – категория историческая. У него есть начало и безграничный период постоянного развития. Как показывают исследования, начало формирования жанра рассказа относится к средним векам, ко времени проникновения в край сокровищ восточной литературы. На процесс его становления оказывали влияние такие литературные жанры и формы, как «дастан», кисса», «латифа». «парса», «таварих», «хикаят» и др. Рассказ вобрал в себя в той или иной форме те или иные качества этих жанров восточной литературы. Особую близость башкирский рассказ имеет с жанром «хикаят» («хикаят» с арабского переводится как повествование). В словаре В.Радлова данный термин обозначен и как «повесть». Это дает повод предположению, что время становления башкирского рассказа (хикаята) относится к средним векам нашей эры. На это указывают и исследования жанра «шежере» (повествования родословных племен и родов), выводы которых подтверждают общность вышеуказанных жанров.

На последних этапах средневековья рассказ, как художественая форма (наряду с фольклорными традициями) приобретает многие черты письменной профессиональной литературы.

Время окончательного формирования башкирского рассказа относится, видимо, к более позднему периоду – к концу 19 века. Во второй половине 19 века на литературной арене появляются рассказы известных башкирских писателей М.Уметбаева, З.Хадия, Р.Фахретдинова, М.Гафури, А.Тагирова, Д.Юлтыя, И.Насыри и др.

Далее история развития жанра рассказа принимает непрерывный, необратимый процесс. Поэтапно эволюцию жанра можно рассмотреть в следующей последовательности:

первые послереволюционные годы. В этот период башкирский рассказ выполняет в основном социальный заказ – служит новой идеологии и становится рупором революционных преобразований, что приводит к излишней идеалогизации и политизации в ущерб художественности. В то же время рассказ носит в себе качество и фельетона, и новеллы, и газетной публицистики.

В 20-е годы появляются разновидности жанра, например, дидактические, героико-романтические, сатирические рассказы.

В 30-х годах расширяются тематические рамки рассказа, углубляется социальное содержание. Вышеназванные его подвиды дополняются социально-бытовыми, военно-патриотическими и другими рассказами.

В годы Великой Отечественной войны жанр обогащается новыми героями, характерами, героико-патриотическим пафосом. На первый план выдвигается военная тематика, усиливаются гражданские, интернациональные мотивы, что обусловливает, естественно, обновление жанровой структуры и стилевой природы рассказа.

Послевоенные годы (1950-60-е гг.) Жанр переживает новый этап развития. Он обогащается как в идейно-тематическом, так и в художественном отношениях. Усиливается психологический анализ. Возникают новые разновидности жанра: рассказ-воспоминания, рассказ-хикаят, рассказ-новелла и др.

В 70-80-е годы жанр, как и вся литература, характеризуется высокой гражданской направленностью. Художественные воплощения в жизнь политики партии, определяющие государственную идеологию времени, становится одной из основных функций и жанра рассказа. Возникают производственные рассказы, и вместе с ним появляются новые герои и образы.

С 90-х годов писатели все большее внимание начинают обращать на изображение внутреннего мира своих героев. В рассказах усиливается личностное психологическое начало, наблюдается тематическое многообразие. Демократические преобразования, деидеологизация культуры, отказ от насаждаемых принципов соцреализма, сковывающих творческую фантазию, не могли не повлиять на современный литературный процесс. Освобождение от цензуры и всяческих запретов дало возможность писателям более активно и многосторонне проявить свой талант.

Жанр рассказа не только расширил свои функциональные и тематические рамки, но и стал более лиричным, философичным.

Усилилась в нем и психоаналитическая направленность.

Таким образом, башкирский рассказ, пройдя довольно длительный эволюционный путь, предстает перед нами как достаточно развитый, многогранный жанр, отражающий все стороны народного бытия.

Литература

1. Шубин Э. Жанр рассказа в литературном процессе // Русская литература. -1965.-№3. –С.39.

©Муллагулова А.М., 2018

Мунасипова Г.М.,
соискатель БашГУ,
Кунафин Г.С.
доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент АН РБ,
г.Уфа, Республика Башкортсотан

ПРОИЗВЕДЕНИЕ « КАЛИЛА И ДИМНА» И ЕГО ТРАДИЦИИ В РУССКОЙ И БАШКИРКОЙ ЛИТЕРАТУРАХ

В Индии около III в. н. э. возник знаменитый сборник басен и притч Панчатантра. Этот сборник был построен по принципу обрамления в форме пяти прозаических повестей: «Разъединение друзей», «Приобретение друзей», «Война ворон и сов», «Утрата приобретенного» и «Безрассудные поступки». Содержание Панчатантры - обсуждение в повествовательной форме актуальных проблем, представляющихся правителю. Героями повести являются шакалы-министры Каратака и Даманак.

В середине VIII столетия появился арабский перевод, принадлежащий персидскому писателю Ибн аль-Мукаффа. Он был озаглавлен «Калила и Димна» по именам животных-рассказчиков и под этим именем приобрёл известность на всём Ближнем и Среднем Востоке. В 1080 году византийский прозаик Симеон Сиф перевел «Калилу и Димну» с арабского на греческий язык, дав ей название «Стефанит и Ихнилат». Греческий перевод послужил основой для множества переложений и переводов на славянские языки, и уже в XII в. книга «Увенчанный и Следопыт» пришла на Русь. А на тюркский язык «Калила и Димна» полностью впервые была переведена в XVI веке. Наиболее известна среди всех тюркских переводов и переложений книга «Хумаюн-наме». В XIX веке

произведение перевелась и на татарский язык. Учитывая вкусы мусульманского читателя и стремясь выразить собственные идеи, Ибн аль-Мукаффа многие места сборника основательно переработал. Арабский писатель добавил главу о расследовании преступления Димны, ибо дидактические цели сочинения и мусульманская благопристойность требовали, чтобы порок был наказан, а также небольшую главу об отшельнике и госте. Ибн аль-Мукаффае включил в текст несколько цитат из Корана, а также некоторые арабские пословицы.

«Калила и Димна» — сочинение дидактическое. Ибн аль-Мукаффа' в своем сборнике дает читателю нравственные и житейские наставления. Он учит людей, как следует жить, как общаться между собой.

Произведение «Калила и Димна» состоит из назидательных рассказов-притчей и басен, в которых животные говорят и действуют как люди. Произведение адресовано прежде всего высокопоставленным лицам — халифу и его приближенным, наместникам-эмирам и военачальникам. Автор стремится преподать им урок политической мудрости, морали. Произведение «Калила и Димна» способствовало развитию жанра басни в литературах народов Запада и Руси.

Басня – один из наиболее распространённых во всей мировой литературе жанров, имеющий древние и прочные корни в литературах западноевропейских народов, на Востоке, в Китае, Индии, арабских странах. Особенно большое значение в развитии мировой басни имели древнегреческие басни Эзопа. Наивысшего расцвета этот жанр достиг в творчестве великого французского баснописца Лафонтена. Он придал условно-аллегорической античной басенной традиции жизненный и национальный характер, наполнил басню тонким и острым юмором. Известный русский баснописец Крылов в своих произведениях обращался к сюжетам античной, индийской, арабской басни. Например, басня «Пустынник и Медведь» восходит к «Калиле и Димне». В баснях Крылова сатира направлена на критику представителей высшей власти. В них звучит голос демократических, угнетённых масс. Крылов превратил этот условно-дидактический жанр в социальную сатиру, придал басенным образам реальность и типичность. Писатель в своих баснях «Мор зверей», «Волк и Ягнёнок», «Листы и Корни», «Лев и Комар» критикует общественные отношения, основанных на «праве» сильного.

В начале XX века башкирские писатели обращаются к лиро-эпическому жанру басня(«масал»).Например, Мажит Гафури издает свою книгу «Әмсәл»- сборника басен. В книгу вошли двадцать произведений автора. В баснях башкирского писателя М.Гафури наблюдается традиции знаменитого восточного произведения «Калила и Димна» и творчества Крылова. Например, произведение «Кто съел овца?» создано на основе мотива басни Крылова «Волк и ягненок». В баснях М.Гафури « Игла и нитка», «Кошки и мышки», «Бык и волк» отражается реалистическая действительность того времени. Критикуется социальный строй, жадные и жестокие государственные и религиозные деятели.

В произведениях «Осел», «Дед и медведь», «Рыби и рак», высмеиваются людские пороки, как безнравственность, лень, глупость, хвастовство, невежество. М. Гафури в оценках явлений действительности, общественных отношений, морали руководствуется точкой зрения народа, его практическим опытом.

© Мунасипова Г.М., Кунафин Г.С., 2018

Мухаметьянова Э.Р.,
учитель татарского языка и литературы МБОУ СОШ с. Московo Дюртюлинского района,
Республика Башкортостан

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАЗАРА НАДЖМИ КАК ФАКТОР ВОСПИТАНИЯ ПАТРИОТИЗМА НА УРОКАХ РОДНОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Есть на земле места, которые особенно дороги и близки сердцу каждого человека. Родной край и люди, живущие в нем, неповторимый облик природы — всё это проходит через сознание и становится частью человеческой судьбы. Знать свой край, его историю и культуру — значит любить его, понять неразрывную связь истории своей «малой» родины с историей России. Любовь к Родине закладывается в человеке ещё в раннем детстве, поэтому в школе особенно важно воспитывать у учащихся чувство патриотизма, уважение к истории и культуре своего народа.

В последние годы все острее ощущается необходимость усиления патриотического воспитания подрастающего поколения. О любви к нашей стране, о любви к своему народу, о его культуре сказано и написано так много, что, кажется, и добавить нечего, но одними призывами и словами, как

показывает педагогический опыт, проблему не решить. Задача педагога — найти такие формы работы с учениками, которые бы позволили им самим соприкоснуться с историей и культурой малой и большой Родины. В познании Родины участвует, помимо сознания, еще и сердце. Оно-то и окрашивает «патриотизм» живыми красками непосредственного, личного опыта.

Что такое патриотизм? «Патриотизм — это любовь к Родине, к Отечеству, одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями» или «патриотизм — это качество личности, характеризующее высшую степень его духовного развития и самосознания, выражающуюся в ценностном отношении к самому Отечеству, его истории, культуре и готовности к самопожертвованию во имя интересов Отечества».

Из этих определений вытекает мысль о необходимости формировать у учащихся такие направления патриотического воспитания, как любовь к Родине, к «малой» Родине, интереса к истории России, родному слову, языку, литературе и культуре.

Дюртюлинский район, давший Башкортостану Шаехзаду Бабича, Бадруша Мукамая, сэсэна Фарраха Давлетшина, Назара Наджми, Зии Мансура, Хусни Карима и многих других, давно известен как один из самых духовно богатых и интересных регионов республики. Писатели и поэты разных эпох, разновеликие своими дарованиями, жили на дюртюлинской земле или были ею вдохновлены. Цель изучения литературы Дюртюлинского района - способствовать становлению личности ребенка, помочь глубже изучить жизнь и творчество поэтов и писателей родной земли, показать величие нашего народа, его душевную красоту, выявить общее и специфическое в развитии литературы Дюртюлинского района. Знакомство с литературой родного края ведется параллельно с изучаемым в основном курсе литературы художественным материалом, в рамках структуры общеобразовательной федеральной программы. Для успешной работы с материалом литературного краеведения от учителя требуется соблюдение ряда дидактических требований:

1. Учитель должен следить за тем, чтобы дополнительный материал не заслонял основной темы урока, не перегружал его, а способствовал активизации учебного процесса.

2. На занятиях должны иметь место примеры, свидетельствующие о красоте личности писателей, связанных с родным краем.

3. Отбираемый к урокам краеведческий материал должен соответствовать возрастным особенностям учащихся.

4. Нельзя весь объем материала сосредотачивать в одном классе. Знания школьников должны из года в год расширяться и углубляться.

Сразу же, как только беру ребят из начальной школы, начинаю их знакомить с нашей малой родиной. Я говорю о красоте и богатстве Дюртюлинского района, о том, что им выпало счастье быть земляками поэтов Шаехзады Бабича, Назара Наджми, артистов Фидана Гафарова, Ильсияр Газетдиновой, Радика Динахметова, композиторов Муфтадина Гилязева, Мудариса Мурзаханова, Ризвана Хакимова.

Цель использования краеведческого материала на уроках родного языка – это формирование знаний о родном крае, развитие творческих и исследовательских умений, воспитание любви и уважения к историческому и литературному наследию родного края и своего народа. Исходя из поставленной цели, можно выделить следующие задачи:

- воспитание патриотизма, любви к жизни, гуманное отношение ко всему окружающему.
- воспитание у учащихся чувства уважения к делам и трудам наших современников, гордость за успехи и достижения земляков.
- обогащение обучающихся новыми сведениями о родном селе, о малой родине, о культурном наследии своего народа, расширение кругозора, способствование формированию высоконравственной личности;
- развитие познавательного интереса к изучению родного края, воспитание положительного эмоционально-ценностного отношения к себе, жителям своего края.

Для реализации краеведческого компонента в преподавании родного языка и литературы использую следующие методы: - основной эвристический; - репродуктивный; -проблемный; - проектно-исследовательский; - объяснительно-иллюстративный. Краеведческий материал в школе и его интеграция с другими предметами – ключ к решению проблемы эффективности урока, на таком уроке легко соединяются три важных цели – это обучающая, развивающая и воспитательная цель. Краеведение помогает учителю осуществить комплексный подход: сочетание исторического, литературного, географического и биологического направлений, последовательное изучение различных материалов, которые находят практическое применение на уроках и во внеклассной работе.

На уроках литературы в 5-8 классах в уроки внеклассного чтения включаю изучение биографии и творчества мастера слова, башкирского и татарского поэта, публициста, драматурга, мемуариста, народного поэта Башкортостана Назара Наджми.

Примерное распределение уроков по классам:

5 класс. Обзор жизненного пути Н.Наджми. Тема родного края в его стихотворениях. «Край ты мой, родимый край». Возможные формы проведения этого урока: конкурс чтецов, литературная композиция.

6 класс. Жизненный и творческий путь Н. Наджми. Песни, написанные на его слова. Поэзия периода Великой Отечественной войны.

7 класс. Анализ стихотворения "Татар теле" Н.Наджми. Даю обзор стихотворений о родном языке.

8 класс.Н.Наджми – драматург.

Учащиеся знают Назара Наджми не только как драматурга, но и как лауреата Государственной премии РСФСР имени М. Горького, Республиканской премии имени Салавата Юлаева, премии Союза писателей Республики Татарстан имени Гаяза Исхаки.

Проведение этих уроков планирую на конец января - начало февраля.

Знакомя детей с жизненным путём земляка, читаю им отрывки из воспоминаний, в которых очевидцы, односельчане вспоминают веселые случаи из жизни Назара в деревне Миншты, в его малой Родине. Дети узнают, что в его родном селе есть 35 родников. Неслучайно одна из книг называется «Ак шишмә". Для самостоятельного чтения советую пятиклассникам прочитать книги стихов. На последующих уроках учащиеся делятся своими впечатлениями о прочитанном, готовят иллюстрации.

В феврале месяце в школе проводим декадники родных языков и литератур. Здесь особое место также занимает творчество писателей-земляков.

На уроках родного (татарского) языка в 5-7 классах практикую работу по "Сборнику упражнений" (составитель – автор) в качестве дополнительного материала. По данным текстам стихотворений Н. Наджми учащиеся выполняют различные задания по фонетике, орфографии и орфоэпии, пунктуации, лексике, морфологии и синтаксису. Таким образом, в своей работе я широко использую краеведческий материал, предоставляющий большие возможности для формирования орфографической зоркости, тренировки пунктуационных навыков, устранения речевых ошибок и обучения написанию сочинений, а также формированию патриотических чувств у школьников.

Для использования на минутах отдыха разработаны мною игры по стихотворениям Н.Наджми. Таковы разработки "Узнай стихотворение!", "Игровой дождь"("Уеннар яцгыры"). Игры "Счастливый случай", "Кто больше?"и др. очень нравятся ученикам. Проведение таких игр требует хорошее знание творчества писателя.

В игре "Уеннар яцгыры" участвуют две команды" "Тамчылар", "Ак чишмә". Капитаны команд приветствуют друг друга. Далее начинается актуализация знаний. Предлагается начало стихотворения, ученики должны продолжить:

Авыл көе, Димәк авылныкы!
Үз туфраклы, җирле, үз илле!
(***Ул табигый - җир астыннан бәреп***
Чыккан гади чишмә шикелле)".

"Кто больше?" – 1 команда называет стихи, посвящённые родному краю, 2 команда – родному языку. Игра "Счастливый случай" включает блиц-турнир, где капитаны команд за 30 сек. должны дать ответы как можно больше по жизни и творчеству поэта. Игра "Слушай музыку". Прослушивание песни "Сица тагын мин бер киләм әле". Сколько раз повторяется в песне, например, слово "йолдыз"? Музыкальная пауза – команды споют песни на слов Н. Наджми ("Юкка түгел..."). Продолжает игру "Слабое звено". Начинает ученик, продолжает другой, заканчивает капитан (Кто останавливается, тот выбывает из игры):

– Матурлыкныц чиге юктыр.
Аныц чиген тотмадым мин.
Кеше матур булсын өчен,
Матурлыкны җырладым мин – **(Шадра пәри...Шадра пәри...)**
– Бу дөньяда бөтен изгелекләр – **(Туган җирдән)**
– Һәр шагыйрьнец була **(үз төяге)**
– Юк, мин шагыйрь була алмас идем, **(Әгәр тусам башка җирләрдә)**
– Тубыкланып, амин тоткан кебек, **(Салкын суын эчәм куш учлап)**

– Хәзер инде башка заманнар,
Заманнарда башка базарлар,
Базарларда – башка малайлар,
(Малайлар да – башка Нажҗарлар)
– Тагын килер көзләр...Ә шуларныц
Минсез килер берсе һәрвакыт,
(Ә шуннан соң инде – һәрвакыт...)

Продолжается игра в форме “Звёздного часа”:

1. Нажҗар Нәҗми ничәнче елда туган?

1918	***1928***
1919	***1886***

2."Кыек утыртылган агач кыек үсә," - дип кем әйткән?

Ә.Атнабаев	Г.Тукай
Г.Ибраһимов	**Н.Нәҗми**

3. "Башкорт поэзиясенец пәйгамбәре," - дип кемне атыйлар?

Р.Хәйри	**Н.Нәҗми**
Г.Тукай	Ә.Атнабаев

4. "Тормыш кебек төрле дәресләрдән, Сынаулардан тора мәктәп. Дәвам итсен дәрес, Туган илгә, Туган телгә булган мәхәббәт." Кем сүзләре?

Ә.Атнабаев	**Н.Нәҗми**
М. Кәрим	Ш. Бабич

5."Юлымда кем очраса да, иминлек һәм бәхет теләдем”. Кем сүзләре?

М. Кәбиров	**Н.Нәҗми**
Ә.Атнабаев	М. Нәзиров

В конце игр подводятся итоги.

Из класса в класс расширяются и углубляются представления школьников о тематическом, жанровом, художественном многообразии литературного наследия Назара Наджми. Дополнением к урокам становятся экскурсии по местам, связанным с именем Н.Наджми. Это Дом творчества в селе Миништы, сквер в Дюртюлях.

Учащимся 8 класса могут быть предложены работы исследовательского характера по следующим направлениям: 1) «Родной край в творчестве писателя»; 2) «Дружба в жизни Н.Наджми»; 3) «Назар Наджми в Великой Отечественной войне»; 4) «Лауреаты премии Назара Наджми»;

Работа по краеведению ведется не только на уроках, но и на занятиях литературно-краеведческого кружка. Особое внимание мы уделяем знакомству с творчеством писателей-земляков, собираем и систематизируем материал об их жизни, ведем поисковую работу. В этом учебном году мы подготовили несколько выступлений перед учащимися школы по следующим темам: «Шушы яктан, шушы туфрактан ул» («Он из этих краев, из этой земли»), «Дуслык – дуслык, гомер биргән бүләк». На вечере, посвящённом 100-летию Н.Наджми пели песни на его слова, а также прослушали песни в исполнении артиста-земляка Фидана Гафарова. На районный конкурс отправили творческие работы учащихся, методические разработки учителей. А в конкурсе “Назаровские чтения” ученики - молодые поэты выступали со своими стихотворениями.

Считаю, что в процессе знакомства с литературой и культурой родного края учащиеся должны открыть для себя, сколь богата духовно именно та земля, на которой они живут, должны почувствовать сердечно, какая яркая и разнообразная культурная жизнь существовала во все времена в краю их отцов, дедов и прадедов. Только на этой основе можно вырастить у детей любовь к Родине.

Литература

1. Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 N 273-ФЗ.

2. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 декабря 2010 г. № 1897).

3. Скиргайло Т.О., Ахбарова Г.Х. Краеведение на уроках развития речи: Пособие для учителей и учащихся.- Казань: РИЦ «Школа», 2007. – 244с.

©Мухаметьянова Э.Р., 2018

Мухьянова Л. С.,
магистрант 1 года обучения ФБФиЖ
Султанбаева Х.В.,
доктор филологических наук, профессор БашГУ,
г. Уфа, Республика Башкортостан

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В БОТАНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Исследования в области терминологии относятся к числу наиболее важнейших проблем современной лингвистики. Анализ процессов, протекающих в терминологии ботаники башкирского языка еще не были объектом исследования отечественных лингвистов. Актуальность данной работы определяется теоретическим и практическим значением исследований в области терминологии, приобретающих в период бурного развития биологических технологий особую значимость; необходимостью исследовать совокупность терминов определенной профессиональной дисциплины (биологии) как отдельную лексико-семантическую систему с целью теоретического обоснования проблемы терминологизации общеупотребительного слова в пределах отдельно исследуемого подъязыка. Объектом исследования являются ботанические термины башкирского языка. Предметом исследования стали терминологизационные процессы, которые происходят в пределах исследуемого языка. Материалом для исследования явились терминологические единицы, полученные методом выбора из двуязычных переводных словарей, толковых словарей. Основным методом исследования являлся аналитико-описательный.

Способов словообразования, которыми располагают языки, ограниченное количество. Исследуемый нами башкирский язык по своему морфологическому строю является агглютинативным, в котором доминирующим типом словоизменения является агглютинация «приклеивание» различных формантов.

Термины, как и обычные слова, возникают на базе существующих слов и корней общелитературной и специальной лексики. Согласно мнению В. П. Даниленко «в терминообразовании активны и продуктивны те же способы наименования, с помощью которых пополняется лексический запас общелитературного языка: семантический, синтаксический (с его лексико — морфолого-синтаксическими разновидностями) и морфологический (аффиксальный и словосложение). Это свидетельствует о том, что терминологическое словообразование в языке науки основано на системе словообразования литературного языка. Однако, взяв за основу существующие в русском языке способы и модели словопроизводства, язык науки отрабатывает свою словообразовательную подсистему, подчинив ее основным требованиям и функциям терминологической лексики» [1, с. 136]. В зависимости от сложности и потребностей выраженных понятий, терминологические системы по-разному выбирают способы и средства терминообразования.

Проанализировав материалы из биологических, ботанических словарей мы пришли к выводу, что самыми распространенными способами терминообразования являются следующие: словосложение, аффиксация, корневые слова и заимствование.

Словосложение является основным типом словообразования в выбранном тематическом ряду. Слова образуются путем непосредственного соединения основ компонентов. Например: адокса күркһезгөл («күркһез» – некрасивый и «гөл» – цветок), «аир» иртамыр («ир»– мужчина и «тамыр» – корень), «аистник» каузыйемеш («каузы» – и «йемеш» – плод),«белена» тилебәрән («тиле» – дурной и «бәрән» –баран), «белозор» һазйондоз («һаз» – болото и «йондоз» – звезда), «большеголовник» дөйәбаш («дөйә» – верблюд и «баш» – голова), «василек» сукмарбаш («сукмар» – палица и «баш»– голова), «вязель» сысканборсак («сыскан» –мышь и «борсак» – горох), «горицвет» утсәскә («ут» – огонь и «сәскә» – цветок), «дербенник» илагут («илаг» – плакса и «ут» – огонь), «дудник» шымагурай («шыма» – гладкий и «гурай» –курай), «дурман» каразирә («кара» – черный и «зирә» – причина), «жабник» быумагөл («быума» – падучий и «гөл» – цветок), «чертополох» шайтантаяк («шайтан» – черт и «таяк» – палка), «чесночница» һаçыгүлән («һаçыг» – пахучий и «үлән» – трава), алтей ҡарагөл (ҡара черный и гөл цветок), большеголовник дөйәбаш (дөйә верблюд и баш голова), бутень ҡуянтубыҡ (ҡуян заяц и тубыҡ голень).

В сравнении с словосложением суффиксальный метод менее распространен. Приставок в башкирском языке не существует, а самыми распространенными считаются следующие суффиксы: «-лык», «-ныk», «-ле», «-ны», «-лау», «-нау», «-лар». «-нар», «-k\к», «-ak\-ык\-әк\-ек», «-ай\әй», «-н», «-

с», «-ш», «-т», «а». В рамках данного материала наиболее часто используемыми стали следующие суффиксы:

«-ak\-ык\-әк\-ек», например, «багульник» hазанak, «ясменник» hырмауык, «горец» kымызлык, «борец» мүктәк, «боярышник» энәлек, «володушка» туманak, «пастернак» бүтбүлдек, ергәүек (лабазник), иргылсыҡ (райграс), шылтырауыҡ (погремок), ялтырсыҡ (гирчовник) ;

«-кәк», данный субстантивный суффикс свидетельствует оглагольном происхождении терминов, например, «репейничек» йәбешкәк, «переступень» үрмайеләк, «будра» мәшкәк, сәнскәк (татарник);

«-kай\кәй», ласкательно-уменьшительный суффикс, в данном случае характеризует экспрессивную направленность этимологии башкирских фитонимов. Например, «баранец» көкөртләкәй,«звездчатка» йондозkай, «пахучка» еслекәй, «мордовник» терпекәй, ҡырлыҡай (гониолимон), ҡырлыҡ (торица), ҡытыршыҡай (скабиоза), майлыҡай (жирянка), hөтләкәй (млечник);

«-с», например, «гулявник» салгыс, «недотрога» тейзермәс;

«-ай\әй» тарбагай (скерда), баҙыҡай (дремлик), бойҙай (пщеница), ҡарагай (сосна).

В ботанической терминологии башкирского языка корневые слова составляют малочисленную группу, они выражают, как правило, родовые значения. Корневые слова синтаксически самостоятельны, грамматически закончены. Корневые слова-термины: андыҙ (девясил), арпа (ячмень), армыт (груша), арыш (рожь), бажат (мятлик), балан (калина), билсән (бодяг), екән (рогаз), ерек (ольха), етен (лен), имән (дуб), йүкә (липа), киндер (конопля), кишер (морковь), ҡаҡы (свербига), ҡуhа (ситник), миләш (рябина), селек (карагана), согыр (бадан), талдут (вербейник).

Нельзя не отметить случаи заимствования. Появление заимствованных терминов в башкирском языке обусловлено углублением процесса взаимодействия башкирского языка с русским, расширением культурных, научных и других связей. Заимствование происходит при помощи следующих способов: 1) <u>транскрипция</u> (фонетический способ) — это такое заимствование словарной единицы, при котором термины, сохраняют свою форму и значение языка-источника. В ботанической терминологии башкирского языка встречаются термины *аҡтояҡ* (белокопытник), *алой* (алоэ), *кәбеҫтә* (капуста), *картуф* (картофель), *изюм* (йөҙөм), *герань* (еран), *имбирь* (имбер), *йәсмин* (жасмин), *сәй* (чай), *зарфран* (шафран), *нәркәс* (нарцисс), *әфлисун* (апельсин), вдобавок, в некоторых говорах башкирского языка функционируют следующие названия *гурых* (горох), *угерсе* (огурец), *эсвикла* (свекла), *кәпестә* (капуста) и многие другие; 2) <u>транслитерация</u> — это способ заимствования, при котором заимствуются написание иностранного слова: буквы заимствуемого слова заменяются буквами родного языка. Среди подобных наименований в башкирской терминологии бытуют названия отдельных деревьев, кустарников, декоративных и лекарственных растений, цветов, трав и.т.д., например: *тополь, кипарис, магнолия, самшит, чинара, эвкалипт, акация, барбарис, азалия, орхидея олеандр, роза, сирень, алоэ, женьшень; астра, георгин, гиацинт, лютик, маргаритка, ромашка, тюльпан, анчар, лиана, папирус, сорго, соя, горчица, люцерна, клевер, ситник, тимофеевка, баклажан, редис, фасоль, петрушка, ревень, салат, сельдерей, укроп, шпинат, авран; 3)<u>калькирование</u>* (семантические заимствования)—представляет собой иностранные слова или термины, построенные по образцу структурно-семантических моделей иностранного языка с учетом оформления их словообразовательными средствами собственного языка. Калькирование – это особый перевод, при котором в заимствующем языке появляются новые слова. «Факт появления нового слова под влиянием существующего в другом языке слова есть один из признаков, позволяющих оценивать калькирование как особого рода заимствования» [2, с. 93]. Примерами для калек и полукалек являются примеры: *алтынүлән* (златотравка), *бармаҡтамыр* (пальчатокоренник), *аҒыулы лютак* «лютик ядовитый», *аҡ акация* «акация белая», *альп клевере* «клевер альпийский», *амарант аҒасы* «амарантовое дерево», *ат каштаны* «каштан конский», *баҡса йәсмине* «жасмин садовый», *балан япраҡлы hаран* «клен калинолистный», *баҫыу горчицаhы* «горчица полевая», *башаҡлы юшан* «вероника колосистая», *берйыллыҡ әрем* «полынь однолетняя», *бесәй тәпәйе* «кошачья лапа», *болон шалфейе* «шалфей луговой», *бот hөйәге* «бедренная кость», *бер йыллыҡ әрем* «полынь однолетняя», *сүкешбаш акулалар* «акулы молотоголовые», *капустная белянка* «кәбеҫтә күбәләге».

Самым нераспространенным способом при образовании ботанических терминов оказались термины словосочетания, такие как: hыу ҡарагайы (хвостник), эт дегәнәге (череда), бесәй тарыhы (ширица), hаҡгырау кесерткән (яснотка), бөрсә үләне (блошница), эҫер миләүшәhе (вечерница), hары билсән (осот), аҡ әнис (тмин), hаҙ ҡыягы (тростянка), аҡ шыршы (пихта).

Таким образом, наша основная задача состояла в определении действующих способов терминообразования ботаники башкирского языка, которые могут функционировать не только в системе общеупотребительной лексике, но и в системе научной терминологии. словосложение,

аффиксация, корневые слова и заимствования. Что касается частотности использования способов и средств терминообразования, наш анализ показывает, что в башкирской биотанической терминологии словосложение обладает самой высокой частотностью. Аффиксация занимает второе место. Менее популярными являются коренные слова и заимствование. А примеров, образованных семантическим способом и аббревиацией, мы не обнаружили.

Литература

1. Даниленко В.П. Русская терминология. — Москва: Наука, 1997. — 245 с.

2. Иванов В.В. Терминология и заимствования в современном китайском языке. — Москва: Наука, 1973. — 135 с.

3. Хайретдинов С.С. Русско-башкирско-латинский словарь ботаническихтерминов (Роды растений) - Уфа: Башкирская энциклопедия, 2002. - 60 с.

©Мухьянова Л.С., Султанбаева Х.В., 2018

Мырзаголова З.Ғ.,
ф.ф.к., БДУ доценты,
Өфө к., Башҡортостан Республикаһы

Н.МУСИНДЫҢ “ШУНДА ЯТА БАТЫРҘАР ҺӨЙӘГЕ” РОМАНЫНДА ПОРТРЕТТАР

Н.Мусиндың “Шунда ята батырҙар һөйәге” романында образдар һынландырыуҙа художестволы сара булараҡ,портреттар киң ҡулланыла.Портреттар геройҙарҙың психологияһын асып биреүгә йүнәлтелә,йәгни образдарҙың рухи торошо,мәҙәни кимәле,характеры тышҡы ҡиәфәтен һүрәтләү аша асыла.Ҡайһы берҙә портреттар тулы бирелә,һайһы берҙә еңелсә һыҙылган штрихтар рәүешендә генә сағылыш таба. Мәҫәлән, әҫәр башында Иҫәкәйҙең күңеленең тынысһыҙ булыуын уның тышҡы ҡиәфәтенән самаларга мөмкин

“...Ошо уйҙар һуңғы көндәрҙә Иҫәкәйгә лә тынғылыҡ бирмәй, хатта инә- сыга йөрөгәндә генә түгел, табын артында ултырганда ла ялбыр ҡаш аҫтындағы ҡапыс ҡабаҡлы күҙҙәрен йома биреп, яҫы, ҡаҡ маңлайын сырыштырып, бер арага уйға сума...” [1;5]

Алдар менән ҡаҙаҡ батырының көрәше ваҡытында Торсонбайҙың насар кеше икәнлегенә уның тышҡы ҡиәфәтеишара яһай:“...Алдарҙың күҙ алдында – ярһыуҙан бурыҫлаҡ бите күкһелләнгән, ауыҙының ике яҡ ситенән шыйыгы ҡойолган Торсонбайҙың йәмһеҙ йөҙө...” [41:54]

Алдарҙың яһаҡ йыйыусыларға ҡарата нәфрәте һәм Хажибәк тылмастың ике йөҙлө, ҡурҡаҡ булыуы тураһында автор түбәндәге һүҙҙәр менән әйтеп бирә: “...Хажибәк, ҡыҫыҡ күҙҙәрен бәзерәйтеп, берсә урыҫтарға, берсә Алдарға ҡараны, ярғаҡ битле тылмастың иһә сырайы көл төҫөнә инде...” [1;228]. Алдар батыр юлда үҙен нимә көткәнен белмәй, шуға күрә ул уйсан. Автор уның был рухи торошон тышҡы ҡиәфәтендә сағылдыра: “...Алдарбай үҙе төпкө урында аҫтына иләнгән быҙау тиреһе менән көпләнгән күпмә һалып ултыра. Таҡыр итеп кырҙырған башына таҡыя кейгән, сал төшкән һаҡал – мыйыгын да ипкә килтереп ҡырҡҡан. Ҙур яңаҡ һөйәктәре бит тиреһен төртә биреп тора, ялбыр яҫы ҡашы уйсан йәмерәйгән...” [41;287].

Н.Мусин романында беҙ геройҙарҙың портреттарын ғына түгел,ә уларҙың үҙенсәлекле костюмдарын,һын ҡиәфәттәрен дә күрергә мөмкин.Мәҫәлән әҫәрҙән шундай өҙөк бар:

“...Бына уның колағына ғәжәп саф моң килеп бәрелде. Яҙғы һауаны зыңлаткан моң, әйтерһең, зәңгәр күктән ҡойола... Алдар йырсыға игтибар менәнерәк ҡараны. Елән аҫтынан күренгән алһыу күлдәгенең итәге ергә тейә яҙган, түшелдереген аҡыҡтар, мәрйендәр биҙәгән, ҡойрого оҙон булып арҡаһына һалынган сәсмәүенең түбәһе ялтыр көмбәҙҙәр менән ҡапланган. Сибек кәүҙәһенә ҡарағанда, бөтөнләй бала кеүек кенә бит әле ул. Ҡайҙан сыға унан шул хәтлем моң?!..”[1;35]. Ошо рәүешле яҙыусы йәш ҡыҙҙың үҙенсәлекле һын-ҡиәфәтен күргәҙмәле итеп асып бирә.

Сюжет ағышында теге йәки был геройҙың алғы планға сығыуы, йә иһә тәүге осрашыуҙа уҡыусы игтибарын йүнәлтеү маҡсатында, гәҙәттә, уның портреты, холҡо- фигылы, үҙен тотошо ентекле һүрәтләүҙе талап итә. Күп осраҡта бындай һүрәтләмәләр, әҫәрҙәге бөтән персонаж тарафынан бирелеп, образдарҙың булмышын характерлауҙа мөһим роль уйнай. Н.Мусиндың "Шунда ята батыр һөйәге" романында Алдарбайға уның атаһы Иҫәкәй тархан күҙе менән ҡарай уҡыусы:

“...Артыҡ ҡапаҡламай эстән генә ярата ошо улын Иҫәкәй. Ана бит, көсө аңҡып торган кәүҙәһен ҡатынҡы тотоп, эйәрендә нисегерәк ултыра. Ҡамсат бурке күтәрелә төшөп артҡа шыуган, ҡара ҡаштары ҡарсыға ҡанатындай сөйөлгән, сөм-ҡара һыҙма мыйыгы йәш, сағыу йөҙөнә йәм өҫтәп тора. Уның йылғырлығы, сапсанлығы барлыҡ торош- һынышында, төҫ-ҡиәфәтендә бер ҡарауҙа күҙгә бәрелә...” [1;93].

Романдың төп ғеройы Алдарҙың портреты төрлө шарттарҙа, ғеройҙың йәш сағынан һуңғы көндәренә тиклем автор тарафынан йыш һүрәтләнә.

"...Көс аңҡып торған кәүҙәһен ҡатынҡы тотоп эйәрендә ныҡ ултыра. Ҡамсат бүрке күтәрелә төшөп артҡа шыуған, ҡара ҡаштары- ҡарсыға ҡанатындай сөйөлгән, сөм ҡара һыҙма мыйығы йәш, сағыу йөҙөнә йәм өҫтәп тора. Уның йылғырлығы, сапсанлығы барлыҡ торош-һынышында, төҫ-ҡиәфәтендә бер ҡарауҙа күҙгә бәрелә. Тик тороуҙы,бушҡа һәлпәнләүҙе яратмай Алдарбай, йә йылҡы көтөүҙәрен барлап ҡайта,йә һунарға тип сығып китә..." [1;6]. Йәки "...Еғерме беренсе йәше менән барған Алдарбай ҡустыһы иһә унан аша ҡарап тора, күҙҙәрендә осҡондар уйнай, һыҙма мыйығы ирҙәрсә матур сырайына олпатлыҡ өҫтәй...Алдарбай түшәмгә тейә яҙып, стенаға һөйәлде..." [1;9]. Йәнә бер миҫал: "... Бер ҡулына хәнйәр, икенсеһенә ҡылыс тотҡан, тимер түшлек кейгән Алдарбай, имәндәй ныҡ, көслө һәм ҡупшы кәүҙәһе менән өй түбәһен тишерҙәй булып, иҙән уртаһында баҫып тора, күҙҙәрен ҡуҙҙай баҙлатып, ҡарттарға алмаш-тилмәш ҡарай..." [1;66].

Ноғман Мусиндың "Шунда ята батыр һөйәғе" романында ыңғай ғеройҙарҙы, башҡорт батырҙарын, тархандарын, ҡатын – ҡыҙҙарының портретын һүрәтләгәндә йылы тонды, һоҡланыуҙы, улар менән ғорурланыуҙы тоябыҙ , ә кире геройҙарҙы, батша кешеләрен, воевода, яһаҡ йыйыусыларҙы һүрәтләгәндә уларҙы ҡабул итеп бөтмәү,эш ҡылыҡтарын хупламау һиҙелә. Романда ғерой портреттарының бөтәһе лә тиерлеге Алдар батыр күҙлегенән һүрәтләнә һәм баһалана.

Иҫәкәйҙең ҙур улы Тарпандың портретын һүрәтләгәндә, уның ауырыу булыуы тураһында әйтелмәһә лә, ишара бар кеүек:

"...Тарпан – торғаны бер тарамыш, сибек кәүҙәле, аслыҡтан йонсоған кешеләй, аҡһыл йөҙлө. Утыҙ һиғеҙ йәше тулһа ла, һаҡал- мыйығы юҡ. Күҙ ҡараштарында әллә ғелән моңһоулыҡ, әллә был донъянан, тормоштан ҡәнәғәтһеҙлек сағылған төҫлө..." [1;9].

Түбәндәге өҙөктә Гөлйөҙөм менән Иҫәкәйҙең портреттары аша башҡорт ҡыҙҙарына хас ғүзәл һыҙаттар һәм башҡорт еғеттәренә хас көс-ҡиәфәт һүрәтләнә:

"...Ун ете йәшлек Гөлйөҙөмдөң һомғол буйы, еләктәй тулышҡан матур йөҙө, һөрмә тартҡандай оҙон керпектәр уралтҡан, ниндәйҙер сер уйнатҡан күҙҙәре уның иҫен алды. Ул саҡта Иҫәкәй үҙе лә айыу тотоп менер ир ине. Сажин бейеклек кәүҙә, киң күкрәк, текә яурындар, имәнде төбө- тамыры менән йолҡорҙай көс. Ҡырлас танауы аҫтындағы ҡырма мыйыҡ менән сикә сәсе барып тоташҡан тоҡос һаҡал уға еғетлек ҡиәфәте ғенә өҫтәй..." [1;13].

Яһаҡ йыйыусыларҙың башлығы Микулай менән Миңкәбәк татар, воевода, портреттарынан уҡ күренеүенсә, уҫал, ике йөҙлө кешеләр:

"...Яһаҡ йыйыусылар көттөрмәй килеп етте. Башлыҡтары Микулай, бында ҡыш буйы ятырға уйлағандай, әленән үк төлкө туны кейеп алған. Уның һаҡал- мыйығы ауыҙын ҡаплаған, итләс ҙур танауы, имән ҡайырыһының һуты менән буяғандай, ҡараһыу – ҡыҙыл. Икенсе йыл инде уларға эйәреп йөрөгән Миңкәбәк татарҙы һис кенә лә күңеле хушһынмай Иҫәкәйҙең. Йоҡа танаулы, урты эскә батҡан, күҙҙәре ҡайҙа бәрелергә белмәгәндәй, уйнаҡлап тора..." {**Ошибка! Источник ссылки не найден.**;29}

"...Күп көттөрмәй, ҡайҙандыр бер ҡарауҙа иғтибарҙы тартырлыҡ әҙәм килеп сыҡты. Ул ҙур кәүҙәле, өҫтөндә – яғаһына, иҙеүҙәренә, түшенә алтын йүгертелгән ҡыҙыл сапан, түбәһенә алһыу ҡаурый ҡаталған ҡаҙан кеүек баш кейемен батыра кейгән, аяғында – сафъян итек, ҡиәфәте – ғорур ҙа, тәкәббер ҙә. Воевода тоҙҙай күҙҙәре менән үҙенә аптыраған һымағыраҡ ҡарап тороусыларҙы һөҙөп ҡарап сыҡты ла һөйләй башланы..." [1;72]

Петр батшаны Алдарҙың фекерләүе аша автор төрлөсә һүрәтләй. Берсә Алдар уны хөрмәт итә, берсә уның ебәргән кешеләренең ҡыланышына ҡарап, күңеле ҡайта: "...Бер аҙҙан сатыр ауыҙында өлкән кәүҙәле бер ир күренде. Түңәрәк йөҙлө, ҡыҫҡа, тумжығыраҡ танауы аҫтында мыйыҡ йораты күренә, етек бөҙрә сәсле. Ул оҙон ҡуңыслы ауыр күн итеген кирә баҫып туҡтаны, туптай түңәрәк күҙҙәрен Алдарға төбәне..."[1;80]."...Шул саҡ ҡаршы яҡ стеналағы ишек асылып китте лә унда Петр батша күренде. Кафтанын һалған, күкһел күлдәген тар салбарының тышына сығарып, билен быуған. Аяғында ситеккә оҡшаш еңел итек...Батша теге өҫтәл эргәһендәге бейек артлы ултырғысҡа ултырҙы ла, ҡашын дуғаландырып, туптай күҙҙәрен Алдарбайға төбәне..." [1;171].

Тарихи әҫәрҙә характерҙарҙың абстракт рәүештә, йәғни социаль – ижтимағи мөнәсәбәттәрҙән ситтә, милли һыҙаттарһыҙ бирелеүе мөмкин түгел. Характерҙар бирелешендә милләттәр яҙмышының тотош бер дәүере һүрәтләнеш таба, уларҙың фекерләүендә, телмәрендә халыҡтың билдәле бер социаль – тарихи үҫеш кимәле, уй – ҡараштары, үҙенсәлекле фекерләү алымдары сағыла. Мәҫәлән,Имән батырҙың ярлы кешеләр араһынан булыуын беҙ уның портретынан уҡ

һиҙәбеҙ. Әҫәрҙә Имән батырҙың портреты бер нисә урында бирелгән: Алдар батыр уның менән тәүге осрашҡан сағында, яуға сыҡҡанда, бер нисә йыл үткәс. Бөтәһендә лә Имән элеккесә батыр булып ҡала, өҫ – башы иҫке: "...Имән батырға оло төҫө инеп, кәүҙәгә ҡалынайыбыраҡ киткән, һалпыш мыйығына сал ҡунған, итләс киң маңлайында һырҙар ишәйгән. Биленә – ҡылыс, яурынына ҡурай ҡыны аҫҡан. Ә өҫ – башы әүәлгәсә әллә ни шәптән түгел: ҙур яғалы һоро сәкмәне лә, эстән кейгән бишмәте лә иҫкергән, бурһыҡ тиреһенән теккән йомро бүркенең ситтәре ҡырылған..." [1;176].

Шулай итеп,Н.Мусин тарихи дәүерҙең йәнле картинаһын тыуҙыра алған.Үҙенсәлекле портреттар,костюмдар беҙгә ғеройҙарҙың тере,ҡабатланмаҫ образын күҙ алдына килтерергә булышлыҡ итә.

Әҙәбиәт

1.Н.Мусин.Шунда ята батырҙар һөйәгә.-Өфө: Өфө: Китап,2001.- 492 бит.

©Мырҙағолова З.Ғ., 2018

Мәһәҙиева Р.Р.,
ф.ф.к., БДУ доценты,
Өфө ҡ., Башҡортостан Республикаһы

МИЛЛИ ТЕЛЕВИДЕНИЕЛА ТЕЛ МӘСЬӘЛӘЛӘРЕ

Киң мәғлүмәт сараларының төп тәғәйенләнеше - халыҡтың мәғлүмәткә булған ихтыяжын ҡәнәғәтләндереү. Мәғлүмәт технологияларының ҙур тиҙлек менән үҫешеүе, интернеттың тормош-көнкүрешебеҙгә көндән-көн ныығыраҡ үтеп инеүенә ҡарамаҫтан телевидение популяр һәм оператив мәғлүмәт сараларының береһе булып ҡала. Мәғлүмәт сығанағы булараҡ, ул Рәсәйҙә ғәнә түгел, бөтә донъяла алдынғы урын биләй. "Практика"маркетинг ағентлығы уҙғарған һорау алыуҙарға ярашлы, Рәсәй халҡының 45% даими рәүештә телевизор ҡарай, 84% яңылыҡтарҙы реғиональ каналдарҙан белә[5]. Ошо күренеш Башҡортостанға ла хас. Башҡортостан Республикаһының Матбуғат һәм киң мәғлүмәт саралары ағентлығы ойоштороған соңиолоғик тикшеренеү күрһәтеүенсә, респонденттарҙың 81,2% телевидениены үҙе өсөн иң төп мәғлүмәт сығанағы тип атай [2]. Яуап биреүселәрҙең 87,9% - көн һайын, 81,4% ял көндәрендә телевизор ҡарай. 46,0% башҡорт телендәге тапшырыуҙарға өҫтөнлөк бирә.

Үҙенең төп фунҡцияһынан –мәғлүмәт еткереүҙән тыш, башҡа бик күп, әйтәйек, мәҙәни-мәғрифәтселек, интеғратив, рекреатив функциялар башҡарыуы, тәрбиә, ойоштороу эштәре алып барыуы менән телевидение йәмғиәттә, кешеләр тормошонда ҙур урын алып тора. Шуға ла бөгөнгө телевидениеның теле ғалимдарҙы ғына түгел, йәмәғәтселекте лә ҡыҙыҡһындырған һәм борсоған мәсьәләләрҙең береһе.

Иң тәүҙә шундай асыҡлыҡ индереп китеү кәрәк: телевидениела тел мәғлүмәт еткереүҙең берҙән-бер сараһы түгел. Һәм төп сара ла түгел. Телевидениела мәғлүмәтте күҙҙәр менән, йәғни күреп ҡабул итеүгә иҫәп тотола. Тимәк, иң мөһиме - экранда күрһәтелгән һүрәт, видеорәт. Ә текст шул видеорәтте тулыландырырға тейеш. Шулай итеп, телевидение телеһүрәт менән һүҙҙең (йәки музыканың, тауыштың) берҙәмлегенән хасил була.

Ябай итеп әйткәндә, телевидениела беренсе планда–һүрәт, икенсе планда -текст. Бына ошо үҙенсәлек –һүрәт менән һүҙҙең үҙ-ара ярашып килеүе- телевидение телен ябай һөйләү теленә яҡынайта. Сөнки кадрҙа күрһәтеп булғанды һүҙ менән әйтеүҙең кәрәге юҡ. Телевидениеның ҡануны шундай. Мәҫәлән, кадрҙа бик матур, төҙөк йорт күрһәтелә икән, уны тасуирларға кәрәкмәй. Сөнки телевизор ҡараған кеше уны былай ҙа күрә. Тележурналистың маҡсаты – уның матурлығын һөйләү түгел, күрһәтә белеү. Шуға ла телевидениела телдең йөгө еңелерәк, мәҫәлән, ғәзиттә баҫылған яңылыҡ телеэфирға сыҡҡанда 75 % -а тиклем ҡыҫҡарырға мөмкин.

Шулай итеп, тележурналистҡа, ғәзит-журналдарҙа эшләгән коллеғаларынан айырмалы рәүештә, ҡыҫҡа һөйләмдәр менән ҙур мәғәнәне, ҙур йөкмәткене еткереү бурысы ҡуйыла. Йәғни хәбәрсенән фекер тығыҙлығы талап ителә. Ә был күпкә ҡатмарлыраҡ мәсьәлә. Юҡҡа ғына А.П. Чехов «Ҡыҫҡалыҡ –таланттың апаһы", - тимәгән. Тимәк, һәр һүҙ уйлап ҡулланылырға, һөйләмдә бер ғәнә артыҡ һүҙ ҙә булырға тейеш түгел.

Яңылыҡтар журналистикаһында бер термин бар, русса ул "Правило матушки" тип атала. Мәғәнәһе шунда: яңылыҡтар тапшырыуы өсөн әҙерләнгән сюжеттың тексы әсәйеңә һөйләгән кеүек ябай ғына һүҙҙәр, ҡыҫҡа һөйләмдәр менән яҙылырға тейеш. Мәҫәлән, яңы мәктәп асылыуы тураһында яҙма әҙерләнә икән, ти. «Әсәй, күрше ауылда яңы мәктәп асылды. Ул шундай ҙур һәм матур". Эфирҙа был яңылыҡ тап шундай һөйләмдәр менән башланырға тейеш.

Уны саҡ ҡына үҙгәртеп «Күрше ауылда һоҡлангыс мәгариф усагы ишектәрен асты” тип әйтә алабыҙмы? Юҡ. Сөнки йәнле һөйләшеүҙә, ябай аралашыуҙа берәү ҙә “мәгариф усагы” , «ишектәрен асты» тигән һүҙбәйләнештәрҙе ҡулланмай.

Телевидениены төрлө йәштәге, төрлө милләт кешеләре ҡарай. Уларҙың белем кимәле лә, ҡыҙыҡһыныуҙары ла төрлөсә. Тапшырыуҙар барыһына ла аңлайышлы булырға тейеш. Һәр һүҙ, һәр өн асыҡ һәм дөрөҫ итеп әйтелергә тейеш. Шуға ла тапшырыуҙарҙы алып барыусыларҙың дикҡияһына ҙур игтибар бирелә. Һөйләмдәрҙең ҡыҫҡа булганы яҡшы. Телмәрҙең композиҡион ҡоролошо ҡатмарлы булырға тейеш түгел.

Текст мөхәррир тарафынан төҙәтелеп, раҫланғандан һуң алып барыусылар бер нисә тапҡыр ҡыскырып уҡып карай. Был уларға ауыр әйтелешле һүҙҙәрҙе, һүҙбәйләнештәрҙе тотоп алып, синонимдар менән алмаштырырға, баҫым яһай торған һүҙҙәрҙе, пауза яһай торған урындарҙы билдәләп сығырға яҙам итә. Әммә бөтә һүҙҙәрҙе лә алмаштырыу мөмкин түгел. Мәҫәлән, 25 йыл телевидениела яңылыҡтар алып барган Флүрә Мурзина әйтеүенсә, текста **«хоҡуҡ һаҡлаусылар»** тигән һүҙбәйләнеш булһа, эфирҙа уны ҡапыл ҡына уҡыуы ҡыйын. Айырыуса алдынан **ә, ү** кеүек йомшаҡ өнлө һүҙҙәр килгәндә. ”**Тәрбиәләнеүселәре**” тигән һүҙ оҙон булыуы менән ауырлыҡ тыуҙыра. Үҙенән алдағы исемгә баҫым яһалганда бигерәк тә. Мәҫәлән, “С.Юлаев командаһы тәрбиәләнеүселәре“.”**Районының**“ тигән һүҙҙә ялғау йотолоп ҡалырға мөмкин.

Шуға ла алып барыусылар текстың эфирҙа нисек яңғырауына иғтибар итә һәм шул күҙлектән сығып төҙәтмәләр индерә.

”Хәбәрсе текста ”**уғата көслө**“ тип яҙһа, мин уны ”**бик көслө**“ тип үҙгәртәм, сөнки ”**уғата**“тигән һүҙ йәнле һөйләштә ҡулланылмай, телевизор ҡараусы уны аңлап өлгөрмәй ҡалыуы ихтимал“,- тип дауам итә Флүрә Ишбулды ҡыҙы.

Телде шымартыу, өндәр дөрөҫ яңғыраһын, һүҙҙәр һаҡау килеп сыҡмаһын өсөн алып барыусылар эфирга сығыр алдынан тиҙәйткестәр ярҙамында күнекмә яһап ала. Мәҫәлән, Флүрә Ишбулды ҡыҙы **ө, ү, ҙ** өндәре таҙа яңғыраһын өсөн шундай тиҙәйткесте ҡабатлап ала:

Үгеҙегебеҙ – үҙебеҙҙеке,
Мөгөҙө – үгеҙебеҙҙеке.
Үгеҙегеҙ үҙегеҙҙекеме?
Мөгөҙө үгеҙегеҙҙекеме?

С, ҡ хәрефтәренә лә махсус тиҙәйткестәр бар. Һәм тәжрибәле дикторҙар эфирга сығыр алдынан мотлаҡ уларҙы ҡабатлай.

Телмәр интонаҡияһы ла бик мөһим. Һөйләмдә ҡайһы һүҙгә баҫым яһау, ниндәй һүҙҙән һуң пауза тотоу – улар ҙа текстың эмоҡиональ йоғонтоһон көсәйтеүсе, мәғәнәһен асырға ярҙам итеүсе саралар. Тапшырыуҙы алып барыусы тарафынан был саралар дөрөҫ ҡулланылмаһа, текст аңлашылмай калырға, йәки кире мәғәнә бирергә лә мөмкин.

Телевидениела теге йәки был тел сараларын ҡулланыу тапшырыуҙың жанрына бәйле. Ижтимаги-сәйәси тапшырыуҙарҙа, репортажда күберәк публиҡистик стиль ҡулланыла. Әңгәмәгә ҡоролған тапшырыуҙар публиҡистик стилдә лә, йәнле һөйләү телендә лә алып барылыуы ихтимал. Күп кенә белгестәр хәҙер телевидениеның бер ниндәй нормаларға ла тап килмәгән үҙ теле бар, тип һанай. Был дөрөҫлөккә яҡын, сөнки жанр йәһәтенән, эфирга биреү ысулы, ҡулланылган технологик үҙенсәлектәр бөтә тапшырыуҙарҙы ла бер ҡалыпҡа һалырға мөмкинлек бирмәй. Телевидениела гәзит-журналдарҙағы корректор шикелле телдең таҙалығы өсөн яуап биргән вазифа ҡаралмаған. Ошога мәҡәләнең башында әйтелгән беренсе планда–һүрәт, икенсе планда -текст тигән принҙип та ҡушыла һәм телевидениела телгә бөтөнләй иғтибар бирелмәүгә килтерә. Алып барыусыларға кастинг үткәргәндә үҙҙәрен мөмкин тиклем иркен тоткан кешеләргә өҫтөнлөк бирелә, уларҙың телде белеү-белмәүе игтибарға алынмай. Ғөмүмән, телевидениела гәзит-журналдарҙағы кеүек телгә ҡарата талап юҡ, грамоталылыҡ,тел таҙалығы өсөн яуап биргән вазифа ла ҡаралмаган.Авторҙың тел өлкәһендәге белеме һәм тәжрибәһе ниндәй кимәлдә мөмкинлек бирә, тапшырыуҙар шул кимәлдәге камиллыҡ менән сыға тора.

Был йәһәттән Башҡортостан юлдаш телевидениеһын ыңғай яҡтан билдәләп үтергә була, сөнки унда башҡортса яңылыҡтар хеҙмәтендә фәҡәт текст дөрөҫлөгө өсөн яуап биргән мөхәррир вазифаһы булдырылған, яуаплы кеше тәғәйенләнгән.

Халыҡ йыш ҡына телевидение, радио телен үрнәк тип күрә, өлгө итеп ала. Бының шулай икәнен телгә алынган телеканалдың “Йырым булһын бүләгем”тигән тапшырыуы миҫалында ла күрергә була. Телевизор ҡараусыларҙың хаттарынан төҙөлгән тапшырыу Башҡортостан юлдаш телевидениеһында иң популяр тапшырыуҙарҙың береһе. Кешеләр эфир аша тугандарын, яҡындарын ҡотлап, йыр тапшырыуҙы һорай. Аҙнаһына икешәр сәғәттән ике тапҡыр сыҡҡан тапшырыуҙа иң

ҡолаҡҡа салынғаны – ҡотлау хаттарының бер-береһенә ике тамсы һыу кеүек оҡшашлығы. Улар бер үк эпитеттар, һүрәтләүҙәр, сағыштырыуҙарҙан тора. Бәлки, һаналып киткән сифаттар артыҡ күп булмаһа, ул тиклем ялҡытмаҫ та ине. Хат авторҙары, күрәһең, үҙҙәренең яҡындарына башҡорт телендә булған матур һүҙҙәрҙе ни тиклем күберәк теҙһәң, ҡотлау шул тиклем матурыраҡ була, тип иҫәпләй, ахыры. Һөҙөмтәлә, тапшырыуҙа Юбиляр тип аталған шартлы бер ғерой йәки ғероиня хасил була. Һәм бына ул ғероиня ниндәй? "Эшлекле, уңған, аҡыллы, маҡсатлы, тырыш, өлгөлө, иренә-һөйөклө ҡатын, балаларына – хәстәрлекле әсәй. Уның бешергән аштары теленде йоторлоҡ. Ейән-ейәнсәрҙәренә ойоҡ-бейәләйҙәр бәйләй. Балалары ҡайтыуына мунсаһын яғып, бәлештәрен бешереп көтөп тора".

Ни өсөн бер төрлө текст хат һайын ҡабатлана? Сөнки тапшырыуҙы ҡараусылар шулай яҙырға кәрәк тип уйлай. Улар бит бөтәһе лә юғары белемле филолоғ түгел. Ҡайһы берҙәре тапшырыуҙы әҙерләүселәр төҙәтер әле тип ышана. Ә мөхәррирҙәр төҙәтмәй. Ни өсөн? Кешеләр бит аҡса түләгән, үҙғәртергә ярамайҙыр, тип уйлай. Һөҙөмтәлә аҙна һайын иҡеҙәк хаттар уҡыла. Улар тапшырыуҙы ла биҙәмәй, телебеҙ ҙә төҫһөҙләнә.

Тапшырыуҙа телебеҙгә туранан-тура ҡағылышы булған тағы бер деталгә иғтибарҙы йүнәлтәйек. Хат аҙағында ғәҙәттә ҡотлаусыларҙың исемдәре һанала: балалар, кейәү-килендәр, ейән-ейәнсәрҙәр, бүлә-бүләсәләр...Ейән-ейәнсәрҙәр Азамат, Зөһрә булып, бүлә-бүләсәләр Салауат менән Әлфиә булһа ни әйтер инеҙ дә бит. Юҡ шул, улар Алина, Карина, Аделя, Сабина һ.б. Шул рәүешле тапшырыу һайын халҡыбыҙға ят булған исем-шәрифтәрҙе пропағандалау нимәгә кәрәк икән тиғән һорау тыуа.

Телевидение теленең аудиторияға йоғонтоһо, ысынлап та, көслө. Шуға ла унда телмәр мәҙәниәте юғары булырға тейеш.Тележурналистар, алып барыусылар телде белеү ғенә түгел, уны тойорға тейеш. Сөнки тел үҙенсәлектәрен яҡшы белгән журналист менән мөхәррир ғенә текстың өҫтөнлөгөн һәм етешһеҙлеген күрә.

Телмәр кимәле, һөйләү мәҙәниәте иң беренсе сиратта фекерләй белеүгә бәйле. Билдәле совет журналисы А.Аграновскийҙың «Һәйбәт яҙа алған кеше түгел, уйлай белгән кеше һәйбәт яҙа», тигән һүҙҙәре бөгөн дә бик актуаль яңғырай. Фекере булған кешенең һөйләмдәре лә мәғәнәле һәм төҙөк. Был айырыуса тура эфирҙа алып барылған һөйләшеүҙәрҙә асыҡ сағыла. Уйлай белмәгән журналист эфирға сыҡҡан һайын студия ҡунағына бер типтағы һорауҙар бирә, яуапты тыңлап бөтөр-бөтмәҫтән киләһе һорауҙарын яуҙырырға тотона. Сөнки уның маҡсаты алдан әҙерләнгән һорауҙарын биреп ҡалыу, ул шул сиктәрҙән сыға алмай. Фекерләү ҡеүәһе мөмкинлек бирмәй. Телмәр мәҙәниәте юғары булған кеше тапшырыу ғеройының яуабынан сығып киләһе һорауын биргә, әңгәмәсеһен тыңлай белһә, һөйләшеү тәбиғи килеп сығыр ине һәм өҙөк-йыртыҡ тойғо ҡалдырмаҫ ине. Юғиһә, ҡайһы берҙә студияла бик ҡыҙыҡлы ғеройҙы күрәһең, әммә алып барыусы уны аса алмай. Үрҙә әйтелгәнсә, стереотип һорауҙарға стереотип яуаптар алына.

Үрҙә телгә алынған проблемалар милли телевидениела айырыуса ҡырҡыу төҫ ала. Сөнки рус телендә фекерләп, башҡортса яҙған йәки һөйләгән журналистар ҙа бар. Был да талапсан телевизор ҡараусының иғтибарынан ситтә ҡалмай. Сөнки эфирҙа икенсе телдән һүҙмә-һүҙ тәржемә әйтелгән һөйләмдәр, һүҙбәйләнештәр, бер ниндәй тәржемәһеҙ рус телендә ысҡынып киткән һүҙҙәр йыш күҙәтелә, ҡайһы берҙә улар тупаҫ хаталарға килтерә. Был йәһәттән журналистарға, алып барыусыларға күберәк нәфис әҙәбиәт уҡырға, башҡорт теленең байлығына, һығылмалылығына иғтибар итергә, бер үк күренештәрҙе һүрәтләү өсөн мөмкин тиклем күберәк тел сараларын ҡулланырға кәңәш итергә була. Юғиһә эфирҙа көҙ тураһында һүҙ барһа, ул мотлаҡ алтын (ә ҡайҙа илаҡ, йонсоу, һары, йомарт, ҡояшлы), һуңғы ҡыңғырау байрамы булһа, ул тик моңһоу, йорт – күркәм, кеше – маҡсатлы һ.б. Ә был һүҙҙәрҙең һәр береһенә тотош синонимик рәт табырға һәм контекстҡа ҡарап ҡулланырға мөмкин.

Һуңғы йылдарҙа Башҡортостан юлдаш телевидениеһында башҡорт телен үҫтереүгә йүнәлтелгән тапшырыуҙар барлыҡҡа килеүе айырым иғтибарға лайыҡ. Бына бер нисә йыл инде «Башҡорт телен өйрәнәм" тапшырыуы сығып килә. 2013 йылда киң йәмәғәтселек менән берлектә телебеҙҙе пропағандалауға ҡоролған "Көндәлек" тапшырыуы журналистарҙың Ҡырымда уҙғарылған халыҡ-ара "Көмөш ҡаурый" конкурсында лауреат тип табылғайны. Бынан тыш "Интервью", "Киске телеүҙәк" тапшырыуҙарында йыш ҡына телгә бәйле көнүҙәк мәсьәләләр күтәрелә, уларҙы хәл итеү юлдары эҙләнә. Ошолар менән бергә башҡа тапшырыуҙарҙың теле лә иғтибарҙан ситтә ҡалырға тейеш түгел.

Әҙәбиәт

1. Алиева С.А. Роль родного языка в формировании этнической идентификации //Башҡорт һәм туған телдәрҙе өйрәнеүҙең хәҙерге проблемалары.III Бөтә Рәсәй (халыҡ-ара ҡатнашлыҡта) фәнни-методик конференция материалдары.- Өфө, 2018, 33-сө бит.

2. Данные социологического опроса “Средства массовой информации в РБ Центра исследований “Социомаркет” – Уфа, 2015.
3. Магадеева Р.Р. Созидательная роль телевидения в сохранении башкирского языка // Хәҙерге әҙәбиәт гилемендә һәм әҙәбиәттә, фольклористика һәм археографияла актуаль мәсьәләләр.Халыҡ-ара фәнни-гәмәли конференция материалдары. - Өфө, 2013, 242-се бит.
4. Магадеева Р.Р. Проблемы сохранения и развития родного языка в передачах Башкирского спутникового телевидения //Сохранение и развитие родных языков и литератур в условиях многонационального государства; проблемы и перспективы.Материалы международной научно-практической конференции.- Өфө, 2013, 265-се бит.
5. Отраслевой доклад Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям «Телевидение в России в 2016 году. Состояние, тенденции и перспективы развития». – М., 2017.
© Мәһәҙиева Р.Р.,2018

Назырова З.У.,
редактор газеты «Йәншишмә»,
г. Уфа, Республика Башкортостан

АССОЦИАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СФЕРЫ “ТЫУҒАН ИЛ” (“РОДИНА”) В ПОЭЗИИ МУСТАЯ КАРИМА

В башкирской литературе поэзия Мустая Карима является ярким примером при изучении концептуальной сферы “Тыуган ил” (“Родина”), потому что у поэта очень много стихотворных произведений, которые посвящены теме “Родины”. Анализ материала базируется на выделении художественного концепта в произведениях автора.

В основе нашего исследования лежит восприятие концепта “Тыуган ил” (“Родина”) как элемента культурного мира башкирского народа, который формирует критерий вычленения общности произведений единого концептуального содержания в художественной литературе отдельного этноса. Раскрываемое в нашем исследовании данная тема влияет на национальное мировоззрение через художественную картину мира башкирского поэта, путем изменения и трансформации семантики художественных образов, которые подтверждают связь концепта и опыта индивида.

Таким образом, мы рассматриваем ассоциативное пространство концептуальной сферы “Тыуган ил” (“Родина”) и ее смысловое переосмысление в художественных произведениях. Для нашей статьи важно выявление лексического потенциала концепта “Тыуган ил” (“Родина”) в поэзии Мустая Карима в аспекте башкирских национально-культурных особенностей.

Мустай Карим – участник Великой Отечественной войны 1941-1945г. Поэтому военная тематика отражается в его произведениях. Например, в стихотворении “Һалдат” (“Солдат”) (1946) передается смысл концептуальной сферы “Тыуган ил” (“Родина”), через долга и чести солдата перед Родиной, а в послевоенный период – через добросовестный труд лирического героя. Бывший солдат потом работает каменщиком, но даже в это время он не забывает о том, что отвечает за мир в своей стране. Здесь концепт “Тыуган ил” (“Родина”) выражен словом *“Ватан” (“Отчизна”):*

Үҙем әйтмәйем, ишеттем кешенән:
“*Ватан* риза, һалдат, һинец эшеңдән...”

Тема войны отражена так же в стихотворении “Ут сәсеп уҙҙы атака” (“Огнем прошлась атака”) (1948), где имеется образное перевоплощение концепта “Тыуган ил” (“Родина”): а именно – Родина – это синий цветок на поле. Паренек на коне в этом цветочке то ли увидел синие небеса родного Урала, то ли голубые глаза любимой:

Ҡараштары *күк сәскәгә* туҡталды,
Ҡылысына таянып, ул тын ҡалды.
Әллә күрҙе *Уралының күктәрен*,
Әллә күрҙе *һөйгәненең күҙҙәрен* [1, с. 140].

В этом стихотворении синий цветок предстает перед нами и перед лирическим героем как образ Родины. Это прекрасный пример метафоры. Концептуальная сфера “Тыуган ил” (“Родина”) выражена такими выражениями, как *“күк сәскә” (“синий цветок”), “Уралының күктәре” (“небеса Урала”), “һөйгәненең күҙҙәре” (“глаза любимой”).*

Увидев небеса Урала и глаза любимой в синем цветке на поле битвы, паренек как будто берет себе силы и дальше бросается вперед на врага, защищая Родину-мать. Таким образом, концепт “Тыуган ил” (“Родина”) здесь передает смысл защиты Родины. Автор стихотворения не зря видит в

нем себя и задается вопросом: “Ә ул егет миҗә оҡшаш түгелме?” // “А не я ли этот паренек?” Потому что Мустай Карим тоже был солдатом и защищал честь Родины.

Стихотворение “Беҙҙец колхоз ҡыҙҙары” (“Девчата из нашего колхоза”) (1948) так же имеет элементы концепта “Тыуған ил” (“Родина”) в первых четырех куплетах, где описывается красота родного края. Концептуальная сфера “Тыуган ил” (“Родина”) выражена словосочетанием “*Дим буйы” (“у реки Демы”):*

Күргәнегеҙ бармы, дуҫтар,
Йәмле *Дим буйын?*

Здесь поэт описывает всю красоту этого края, т.е. той местности, где течет река Дема:

Бында таҙда йүкәләрҙән
Татлы бал тама,
Елдән арып, томбойоҡтар
Йоҡога тала.

Тургай йырлай. Башаҡ шаулай
Баҫыуҙар һайын,
Талғын ел менән серләшә
Тауҙарҙа ҡайын.

Күкрәктәрендә, атылып, атылып,
Яна йондоҙҙар.
Йондоҙ ни ул? Бына беҙҙә,
Исмаһам, ҡыҙҙар [1, с. 141].

Эти описания раскрывают содержание концепта “Тыуған ил” (“Родина”) и перед глазами предстает образ родного края автора. Из отрывка стихотворения видно, что поэт от всей души старается донести читателям всю красоту своего края и даже хвастается тем, что у них на колхозе самые лучшие девчата. И на самом деле, если человек любит всем сердцем свою Родину, то в ней все кажется самым лучшим, самым прекрасным и он не перестает восхищаться им. Не зря автор говорит *“беҙҙең колхоз ҡыҙҙары” (“девчата из нашего колхоза”),* так как эти слова в какой-то мере передают смысл концепта “Тыуған ил” (“Родина”). Образ девчат из колхоза для поэта и для многих людей в том числе, является как прообразом Родины. Допустим, если эти люди родились и жили в период существования колхозов.

Стихотворение “Тау еле тураһында баллада” (“Баллада о горном ветре”) (1948) – еще один пример воспевания хвалы родным просторам и труд во благо Родины. Поэт восхищается красотой своего родного края вместе с друзьями и радуется:

Түбәндә *беҙ йәшәгән ер –*
Шунда төбәлгән ҡараш.
Күпме нур! Ергә могайын
Гашиҡ булгандыр ҡояш.

Здесь концепт “Тыуган ил” (“Родина”) выражен словами *“беҙ йәшәгән ер” (“место, где мы живем”).* Герои произведения забрались в высокую гору и смотря вниз, любуясь, наблюдают окрестности родного края. Свое восхищение автор передает, говоря, что наверное и солнце влюбился в такие места. Дальше есть так же восхищение своим трудом и радость его результатам :

Ана *беҙ сәскән бойҙайҙар –*
Сиге юҡ йәшел ялан.
Беҙ ултырткан баҡсаларҙы
Сәскәләр һырып алған.

Йылға буйлап теҙелеп киткән
Беҙ һалған яңы өйҙәр.
Гүйә, өйҙәр: “Ҡунаҡ булып
Беҙгә килегеҙ!” – тиҙәр [1, с. 144].

В этом отрывке концептуальная сфера “Тыуған ил” (“Родина”) наполняется по смыслу такими словами, как *“беҙ сәскән бойҙайҙар” (“пшеницы, которые мы посеяли”), “сиге юҡ йәшел ялан” (“бескрайнее зеленое поле”), “беҙ ултырткан баҡсалар” (“сады, которые мы посадили”), “беҙ һалған яңы өйҙәр” (“дома, которые мы построили”).* Для лирических героев этот вид местности

является отражением представления об их Родине. Эта цепочка представлений продолжается в дальнейших строках:

Каруан, каруан болот төҫлө,
Йөрөй *колхоздың малы,*
Унда яңғырай *ҡоштар йыры,*
Унда *кешеләр даны.*

Үйһыуҙар буйлап һуҙылып
Тап-таҡыр *юлдар* үткән,
Юл булмаһа, ерҙә кеше
Нисек йәшәр ине икән?! [1, с. 144].

Здесь концепт “Тыуған ил” (“Родина”) выражен словами *“колхоздың малы” (“скот колхоза”), “ҡоштар йыры” (“пение птиц”), “кешеләр даны” (“слава людей”), “үйһыуҙар” (“низменности”), “юлдар” (“дороги”),* которые тоже являются ассоциацией родного края для лирических героев.

Алтаулап баҫып торабыҙ,
Түбәндә *якты йыһан.*
Гүйә, *йыһан* бар байлығын
Беҙҙең *далаға* йыйған.

В отрывке концепт “Тыуған ил” (“Родина”) сравнивается со вселенной, он выражен словами *“якты йыһан” (“светлая вселенная”), “беҙҙең дала” (“наша степь”).* Сравнение Родины со вселенной указывает на то, что данное понятие имеет широкий смысл.

Как мы видим, в стихотворении “Тау еле тураһында баллада” (“Баллада о горном ветре”) достаточно примеров ассоциативного пространства концепта “Тыуған ил” (“Родина”).

Таким образом, ассоциативное пространство концептуальной сферы “Тыуған ил” (“Родина”) является важным лексико-семантическим полем в поэзии Мустая Карима, определяющий характерные черты образа Родины.

Литература

1. Каримов М. С. Сочинения. Т. 1. Уфа, Издательство “Китап” имени Зайнаб Биишевой, 2009. – 512 с.

© Назырова З.У., 2018

Нафиҡова Ф.Р.
Киров районының Халыҡтар дуҫлығы орденлы А.М. Горький исемендәге
3-сө гимназияһының башҡорт теле һәм әҙәбиәте уҡытыусыһы,
Өфө ҡ., Башҡортостан Республикаһы.

ХЕҘМӘТТӘ ҮТКӘН ҒҮМЕР

“Кеше хеҙмәте менән матур” - ти халыҡ мәҡәле. Дөрөҫтөр, сөнки халыҡ аҡылы мең алтын. Был мәҡәл нәҡ башҡорт халҡының арҙаҡлы ҡыҙы, Башҡортостан Республикаһының тәүге халыҡ яҙыусыһы, Салауат Юлаев премияһы лауреаты Зәйнәб Биишева хаҡындалыр. “Зәйнәб Биишева ижадының тәүге йылдарынан уҡ әҙәбиәттең бөтә тармаҡтарында ла ең һыҙғанып эшләне” – тип яҙа Башҡортостандың халыҡ шағиры Рауил Бикбаев. [2.7]

Зәйнәб Биишева башҡорт ҡатын - ҡыҙҙарынан беренсе булып шиғыр китаптарын донъяға сығарған, беренсе булып драма әҫәрҙәре яҙған, киң ҡоласлы, тәрән йөкмәткеле романдарҙан торған беренсе башҡорт трилоғияһын ижад иткән ҙур һүҙ оҫтаһы. [2.7]

Ижадының башланған йылдарында ул иң тәүҙә балалар яҙыусыһы булып танылған. Романтик рухлы хикәйә һәм хикәйәттәр, шиғырҙар һәм ғибрәтле әкиәттәр ижад иткән.Үҙенең бер сығышында ул былай ти:” Дәрес ваҡытында уҡытыусы инша яҙырға ҡуша, ә мин хикәйә яҙам да ҡуям”.

“Дуҫ булайыҡ”,”Көнһылыу”, “Гөлъямал”, “Сәйер кеше”, “Уйҙар, уйҙар…” һымаҡ –үткер, даусыл рухлы, заманы өсөн бик тә актуаль, мөһим повестар авторы ла ул Зәйнәб Биишева. ”Мөхәббәт һәм нәфрәт”, ”Нәҙер”, “Тылсымлы ҡурай “ кеүек драма әҫәрҙәре – жанр һәм стиль йәһәтенән, тәрән фәлсәфәүи йөкмәткеле һәм киң мәғәнәгә эйә булыуҙары менән беҙҙең башҡорт әҙәбиәтендә үҙенсәлекле бер күренеш. Был әҫәрҙәр халҡыбыҙҙың быуаттар буйына тупланған аҡыл һәм күңел хазинаһына, ҡатлам – ҡатлам шиғри тел, йыр – моңона ниғеҙләнеп, үҙҙәре лә халыҡсан яңғыраш алды» - тип яҙа арҙаҡлы шәхесебеҙ тураһында шағир Ҡәҙим Аралбай.

”Кәмһетелгәндәр”, “Оло Эйек буйында”,” Емеш “ошо романдарҙан торған “Яҡтыға “трилогияһы ысын мәғәнәһендә башҡорт халҡына юғалмаҫ, мәңгелек, ҙур бүләк ул. Был ҙур күләмле мираҫта башҡорт халҡының тормош-көнкүреше ғенә түгел, ә тарихи үткәне сағыла. Ошондай ҙа киң күләмле әҫәрҙе яҙырға күпме көс, йоҡоһоҙ төндәр үткәрергә, күпме уйланырға, аҡыл көсө түгергә, күпме сыҙамлылыҡ кәрәк икәнен Зәйнәб апай үҙе ғенә белгәндер.

Рауил Бикбаевтың һүҙҙәрен тағы ла иҫкә төшөрөп үтке килә:

”Зәйнәб Биишева һымаҡ ҡатын – ҡыҙ яҙыусы беҙҙәге башҡа ниндәй төрки халҡында бар? Ғөмүмән, беҙҙең тирәләге Шәреҡ донъяһында бармы? Үзбәктә йәки ҡаҙаҡта бармы? Әзербайжанда йәки татарҙа бармы? Зәйнәб Биишева беҙҙең Шәреҡ донъяһында беренсе трилогияны ижад иткән тәүге ҡатын – ҡыҙ яҙыусы ғына түгел, ул әле лә шундай берҙән-бер романистка булып ҡала”. [2.9]

Зәйнәб Биишеваның ижадына һоҡланмау мөмкин түгел. Кескәй йәштәге балалар уның әкиәттәрен уҡып ҡыуанһа, мәктәп уҡыусылары “Дуҫ булайыҡ”тағы Юлдаш менән Ҡыҙрастың дуҫлығына һоҡланалар, фәһем алалар. Йәштәр, өлкән йәштәге апай-ағайҙар, олатай-өләсәйҙәр “Яҡтыға “трилогияһын уҡып йә илай, йә һоҡланалар, уйланалар. Шиғыр яратыусыларға тәрән фәлсәфәле шиғырҙары бихисап, тормошсан драмалары ла етәрлек бөйөк яҙыусыбыҙҙың. Ә йырҙары һуң? Өләсәйем яратып йырлаған “Миләш”, “Алтын балдаҡ” йырҙары минең һаман да ҡолағымда сыңлай төҫлө. Был һаналғандарҙан тыш башҡа күпме публицистик әҫәрҙәре, тәржемә эштәре...

Башҡортостандың төпкөл ауылынан сығып, үҙ ғүмерендә бик күп ауырлыҡтарҙа сынығып үҫеп, тормош ҡаҙанының нәҡ уртаһында ҡайнап йәшәүсе, миллионлаған уҡыусының яратҡан, ҡәҙерле кешеһенә әйләнгән бөйөк шәхесебеҙҙең беҙҙе ҡалдырып китеүенә лә байтаҡ ваҡыт үтеп киткән.

“ Ялғанлыҡты, ике йөҙлөлөктө, алдашыуҙы күрә алманы Зәйнәб апай” – тип һөйләне беҙҙең 3-сө ғимназияға осрашыуға килгән әҙибәбеҙҙең һеңлеһе Ләлә Биишева. Мин уның һүҙҙәренә ихлас ышандым, сөнки үҙеңдең күңелең саф булмай тороп ошондай ҙа бөйөк әҫәрҙәрҙе ижад итеп булмайҙыр ул.

Уның тураһындағы яҙмаларҙы уҡып ултырған саҡта уның ошо һүҙҙәренә тап булдым:

« … Мин бөтә ғүмерем буйына үҙемде туған Совет хөкүмәте, бөйөк Коммунистар партияһы алдында икһеҙ-сикһеҙ бурыслы тойҙом. Бөтә булған көсөмдө, һәләтемде, йөрәк йылымды уға тик уға ғына һиберҙә тырыштым. Ил өсөн, халыҡ өсөн намыҫлы хеҙмәт минең иң ҙур бәхетем булды… »

Һәм ысынлап та, күренекле яҙыусы, Башҡортостандың ғорурлығы, һоҡланғыс кеше Зәйнәб Биишеваның бөтә тормошо, ижади эшмәкәрлеге Тыуған илгә, халыҡҡа арымай-талмай хеҙмәт итеүҙең юғары өлгөһө ул.

Бәләкәйҙән үк хеҙмәт һөйөп үҫкән, тынғыһыҙ йәнле, тура һүҙле, ҡурҡыу белмәҫ батыр йөрәкле, ҙур ихтияр көсөнә эйә булған яҙыусы Зәйнәб Биишева тик тырыш хеҙмәт, туған халҡына тоғро хеҙмәт итеүҙе бөтәһенән дә өҫтөн күрҙе, оло маҡсатына һәр саҡ тоғро булып ҡалды. Халҡы ла уны яратты, хөрмәт итте. Тырыш, ижади хеҙмәттәре өсөн ул өс мәртәбә “Почет билдәһе” ордены менән наградланды. Башҡортостан Республикаһының иң юғары бүләге – “Башҡортостандың халыҡ яҙыусыһы” тиҙән арҙаҡлы исем Зәйнәб Биишеваға иң беренсе булып бирелде. [2.32]

Һуңғы йылдарҙа уның исемен мәңгелләштереү маҡсатынан китап нәшрәтенә уның исемен биреүҙәре ҙур ихтирамға лайыҡ.

Оло әҙибәнең ысын булмышын күрһәтеү, уның образы аша йәштәрҙе тәрбиәләү маҡсатында эштәр киң йәйелдерелгән.

Миңә Зәйнәб Биишеваның 100 йыллыҡ юбилейы уңайынан республика етәкселеге тарафынан Нефтеселәр һарайында үткәрелгән хәтер кисәһендә булырға тура килгәйне. Экранда оло әҙибәбеҙҙе күрғәс күҙҙәрҙә нисектер ирекһеҙҙән йәштәр тығылды. Ул әйтерһең дә тере, һаман да беҙҙең арала. Хәтер кисәһенә йыйылған, уның ижадына ғашиҡ булған уҡыусыларына ҡарап ул экран аша былай тип өндәште: ” … Эшләрҙә, ижад итерҙә мин төп көстө, илһамды халҡымдан алам. Бына һеҙ ярҙам итәһеҙ миңә. Әйҙәгеҙ минең оло йөрәкле халҡым өсөн ус сабайыҡ”. Залда ултырған бар халыҡ был һүҙҙәрҙе аяҡ өҫтө тороп тыңланы һәм ил инәһенең аҡыллы һүҙҙәрен алҡышланы. Эйе, ул әйтерһең дә беҙҙең аранан китмәгән, бына ул бөйөк милләттең бөйөк ҡыҙы һаман да беҙҙең арала. Үҙе үлгәс тә, ошондай ҙур залда туп-тулы итеп йыйылған тамашасыға ҡарап, оло әҙибәбеҙҙең беҙҙең йөрәктәрҙә мәңгеҙгә ҡалыуы быға асыҡ миҫалдыр.

Кисәлә Зәйнәб Биишеваның улы Тельман Әминевҡа һүҙ бирелде уның башҡортса таҙа, матур итеп һөйләшеүенә һоҡланып ҡарап ултырҙым.

Зәйнәб Биишева минең күҙ алдыма ал-ял белмәй эшләүсе, халҡым, илем , телем тип янып йәшәүсе әҙибә булып күҙ алдына баҫа. Етмәһә ул тәүге хеҙмәт йылдарында уҡытысы ла, ғәзит-журналдар хеҙмәткәре лә булып эшләгән. Бына тигән әсәләре кеүек хеҙмәт яратыусан, исемдәре киң билдәле булған өс малай әсәһе лә ул. Уға һоҡланмау мөмкин түгел! Зәйнәб Биишеваны белмәү, уның

ижадын хөрмәт итмәү беҙгә, башҡорттарға, үҙ әсәбеҙҙе һанламау, туған телебеҙҙе белмәү, илебеҙҙе һатыу, еребеҙгә хыянат итеү менән бер!

Ил инәһе Зәйнәб өләсәйҙец ошо һүҙҙәре телгә килә:

Мин белмәйем: ҡәнәгәтме ерем ?

Ҡәнәғәтме халҡым, дуҫтарым ?

Ҡәнәгәт , Зәйнәб апай, Ерец дә, халҡыц да, дуҫтарыц да бик – бик ныҡ ҡәнәгәт! – тип яуап бирәбеҙ беҙ. Һеҙҙец туралагы иҫтәлек бер ҡасан да һүнмәҫ һәм үлмәҫ! Хеҙмәт төбө - хөрмәт тип әйтә гәзиз халҡым. Ә ил инәһе Зәйнәб Биишеваныц хеҙмәте иц бөйөктәрҙән – бөйөк хөрмәткә эйә.

Әҙәбиәт

1. Башҡорт әҙәбиәте тарихы: 6 томда: 5-се том (1956- 1965). //Томдыц редколлегияһы: Р.Бикбаев, С.Сафуанов, Ғ.Рамазанов; Яуаплы ред.: Р.Бикбаев. -Өфө: Китап, 1993. -598 бит.

2. “Зәйнәб Биишева. Ғүмере һәм ижады”. Төҙөүселәре Ҡ. Аралбаев, Тельман Әминов. Өфө , “Китап”, 1998 й. 239 бит.

© Нафикова Ф.Р.,2018

Нурлыбай Жандос,
магистрант 2 курса СФ БашГУ
Илишева Р.Х.,
к. ф.н., доцент,
г.Стерлитамак, Республика Башкортостан

КОНЬ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

Еще в древние античные времена обитателей степей Евразии называли «выносливые наездники», «пьющие кобылье молоко», «едящие конину», «сросшиеся с лошадьми» (кентавры), «живущие на повозках», «жылқы пішушілер», «убегающие и воюющие одновременно». Потомки этих племен и по сей день живут на территориии Евразии, но только в разных государствах и республиках. «Конной культурой» равной степени владели и сохранили ее элементы каждый из тюркских народов: алтайцы, тувинцы, казахи, киргизы, башкиры, буряты и т.д. В вопросах изучения культуры данных народов, особенно в части, связанной с коневодством, мы должны придерживаться системного подхода. По этому поводу М.П.Ґрязнов говорит: «...Мы должны изучать историю развития культуры кочевых племен... не изолированно от других, близких и далеких кочевых объединений, а обязательно в общей их связи с историей всего кочевого мира в целом» [1, 2]. Французский этнограф К.Ферре на протяжении десятилетий изучал конное хозяйство якутов, казахов, киргизов, хакас, тыва и других народов Средней Азии, и внедрил термин «Алтайская конная культура». Он пишет: «Якутская культура конного хозяйства граничит с культурой тюрков... а к ней самыми близкими являются лошади казахов и киргизов».

Живущие в Казахстане, китайские и монгольские казахи все еще сохраняют совершенно особые культурные отношения с лошадьми. Сегодня казахи пасут лошадей табунами, как когда-то прежде это делали и саки-скифы, гунны, турки, кыпчаки, также объезжают и даже способны найти потерявшуюся лошадь по ее следам.

С тех пор как Казахстан обрел независимость, разводят лошадей частные лица и фермеры. По самым осторожным меркам, численность лошадей в Казахстане на сегодняшний день достигает до 5 миллионов.

Есть много исследований, доказывающих присутствие роли лошадей в традициях и суевериях тюркского народа. Из них можно выделить археологическую и этнографическую работу С.П. Нестерова, в которой он сравнивал и изучал традиции тюрок и выделял в ней роль лошади. Один из авторов, которые глубоко изучали культуру лошади у народов Евразии, С.Е. Ажигали. Во времена до XX в., у казахов, живших на территории Сарыарка, была традиция привязывать любимую лошадь умершего человека к его могиле. А.Т. Толеубаев в своей научной работе писал о вероисповедании казахов до исламской веры, выделяя в ней роль лошади.

Роль евразийских кочевых племен в общем развитии мировой цивилизации очень велика. Турецкие ученые написали много работ о коневодстве, о роли лошади в жизни турецкого народа. Во всех работах турецкие исследователи пишут не только о конной культуре одного из турецких народов Анатолии, но и о конной культуре всех тюркских народов.

«Жүзден жүйрік, мыцнан тұлпар» - в казахской культуре лошадь – это особенно ценное и священное животное. Общетюркское слово «тулпар» очень древнее, которое Р.Ғ.Ахметжан

переводит как «военная лошадь из легенды», «тұл-пар», «тұл бар», «военная лошадь». Нам кажется, что «тулпар» - это не боевой конь из легенд, а очень редкая, мощная и очень выносливая порода лошадей, которая была у кочевых племен.

Информация о лошадях XVIII в. часто встречается в исторических стихах об Отечественной войне против джунгаров. Батыры и их скакуны описываются в исторических хрониках. Первый исследователь данной темы Р.С. Липец – образ батыра и коня в эпическом рассказе турецко-монгольских народов. Это не просто образ а точные историко-этнографические данные [2, 57.] .

Лошадь – главный образ в искусстве тюркских народов. Стук копыт передается в музыке и песнях, а в эпосах – это центральный персонаж. Дух наших народов неразрывно связан с духом лошади. В понимании тюркских народов слово «лошадь» символизирует выносливость, преданность, красоту и независимость. На казахском гербе изображена лошадь. В алтайском эпосе «Маадай-кара» говорится о мифическом коне, который родился «из духа вод». ОН становится главным помощником алып-батыра. В башкирсом эпосе «Урал батыр» и «Акбузат» - это крылатый конь Урал-батыра, его верный друг. Урал должен был доказать свое право быть всадником на чудесном скакуне. Когда наш герой уставал, верный конь выносил его из битвы. Когда же батыр набирался сил, Акбузат снова с вихрем мчался в бой. Он не горел в огне и не тонул в воде и ослеплял всех своей красотой. По преданию башкир, все лошади, которые сегодня живут на земле — это потомки Акбузата. Они помнят наказ верного коня Урал-батыра всегда и во все времена верой и правдой служить людям. В конце 50-х годов прошлого века пещера Шульген-таш, что находится в Республике Башкортостан, преподнесла ученым настоящую сенсацию. Из нее появляется первая версия о происхождении Урал-батыра.

Позже историк Вячеслав Котов с помощью современной техники исследовал изображения в знаменитой пещере, которые не были видны невооруженным взглядом. Он обратил внимание, что в центре внимания первобытных художников была лошадь. Исследователь увидел в этом троичность мироздания: верхняя лошадь на рисунке с трапецией на спине это крылатая лошадь – символ неба и солнца. В другой композиции видно, как герой со своим конем сражается с темными силами подземного мира.

Тюрки издавна разводили лошадей и создали «культуру лошади». В обществе степняков богатство всегда измерялось количеством лошадей, и власть осуществлялась посредством лошадей.

Литература

1. Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени // Л.: 1980. – 79 с.
2. Илишева Р.Х. Башҡорт мифологияһын өйрәнеү: Ф.Нәҙершина. Урал-Алтай: Через века в будущее: материалы VII Всероссийской тюркологической конференции (с международным участием), посвященный 95-летию видного ученого-тюрколога Э.Р.Тенишева. 2016. – С. №63-365.
3. Липец Р. С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. - М.: Вост. лит., 1979.- 234 с.

© Нурлыбай Жандос, Илишева Р.Х., 2018

Нуртдинова Ф.Р.
ӨДНТУ-ның «Сит телдәр» кафедраһы доценты,
Өфө ҡ., Башҡортостан Республикаһы

МИЛӘҮШӘ ҠАҺАРМАНОВАНЫҢ «БЕТЕРӘ ШАРШЫҺЫ» ПОВЕСЫНДА ҮҘЛӘШТЕРЕЛГӘН ҺҮҘҘӘР

Халыҡ «Уйҙыц күрке – тел, телдец күрке һүҙ» тип әйткән. Донъяны, реаль ысынбарлыҡты бары тик һүҙ аша гына танып белергә була. «Тел кимәленец ниндәй генә үҙгәреш законлыҡтарын һәм үҫеш процессын алып ҡараһаҡ та беҙ телдец нигеҙ ташы – һүҙ менән эш итәбеҙ. Һүҙ үҙ сиратында телмәр өндәренән төҙөлә»[2,92]. Телдец фонетик законлыҡтарына ярашлы рәүештә өндәр комплексы билдәле бер тәртиптә килә һәм яцы һүҙ яһай. Барлыҡҡа килгән һүҙҙә мәгәнәүи йөкмәтке ятырга тейеш. Һүҙҙец формаһы¸ фонетик ҡоролошо¨ менән уныц йөкмәткеһе ацлатҡан мәгәнәһе араһында диалектик берҙәмлек ята. Беҙ быны¸ был күренеште¨ үҙләштерелгән һүҙҙәрҙә лә күрәбеҙ. Мәҫәлән, 2017 йылда нәшер ителгән Миләүшә Ҡаһарманованыц «Бетерә шаршыһы» повесындағы «…Хәтирәнән «Ира» яһап алган карауатташ күршеһе өҫкө ҡаттан башын һәлендереп көлөп ята» һөйләмендә «карауат» һүҙе рус теленән башкорт теленә күптән килеп ингән «кровать» һүҙе фонетик закондарға бойһонған һәм үҙгәреш кисергән «ауылдаш, ватандаш» һүҙҙәре һымаҡ –*таш* ялғауын ҡабул иткән, һөҙөмтәлә яцы һүҙ барлыҡҡа килгән: карауат+таш.

Һүзъяһалыш буйынса был әҫәрҙә тағы ла миҫалдар табырға була: *фронт – франтауик балалары, детский дом – детдом, промышленные товары – промтауар кәрәк* [1]. Был һүҙәрҙә «обком, райком, военкомат, политинформаҙия» һүҙәрен өҫтәрҙә була. Ике һүҙҙе ҡыҫҡартыу юлы менән яҙалған һүҙҙәр туранан-тура шул уҡ рус телендәге тамыр һүҙҙәр аша бирелгән. Шулай уҡ был повеста ла миҫалдар бар.

-…ҡойма буйында ултырған УАЗ-икҡа эйәк ҡаҡты[1].

-…Уның хәлен күреп торған НКВД-шник директорға ҡул изәне, йәнәһе, кил, ал [1].

Үрҙәге һөйләмдәрҙәге «*УАЗ-икҡа, НКВД-шник*» һүҙҙәре һөйләмде йыйнаҡ иткәндәй, яҙыусының әйтер фекеренә ниндәйҙер кимәлдә теүәллек, конкретлыҡ өҫтәгәндәй.

«Бетерә шаршыһын» уҡығанда, үҙләштерелгән һүҙҙәрҙең ҡушма һүҙҙәр яһауҙа ҡатнашыуын да күҙәтәбеҙ: *ҡыҙылармеҙтарҙың береһе, политинформация, кино-маҙар, пистолет-мылтыҡтарҙы, прамтауар* [1].

Рус теленән ингән ҡайһы бер һүҙҙәр башҡорт теленең «фонетик законлыҡтарына ярашлы рәүештә» үҙгәрештәр кисергән. Был күренешкә повеста миҫалдар етәрлек: *Мәскәү больнисына, гәзитен ситкә һалып, сәпсим, урыҫса түгел, дастуйный ирҙәр, калушлы аяктарың, знакумын, симешкә, бахарунный, урыһса, кәрзингә тултырҙы, кәләскәлә ултырһала ла, Себер һөрөлөп, төрмәгә барып ингәндә, төрөмшиккә сығарып ебәрҙе, бәлшәүник.*

Повестағы ҡайһы бер үҙләштерелгән һүҙҙәрҙе төп башҡорт һүҙҙәренән айырып та булмай: *гәзит, һалдат, самауыр, сумаҙанымдағы, кирбесен, диләнке, себер, төрмәгә, бүрәнә, кәртешкәһен.*

Юғарылағы миҫалдарҙан күренеүенсә, ҡайһы бер һүҙҙәр синғармонизм законына бойһонған. «*Кәрзингә, гәзитен, Мәскәү, биҙрәһен*» һүҙҙәрендә ялғауҙарҙа нәҙек һуҙыңҡылар. Ялғауҙары тик ҡалын һуҙыңҡынан торғандарына миҫалдар: команданан, урыҫса, калушлы, балауниғы, дипломлы, коммунистан, карауатҡа, килоларҙы, терминдарҙың, складттан, баҙарында.

"Әҫәрҙең диалоғтарында саф рус телендә һүҙҙәр булыуы ярҙамсы ғеройҙарҙың башҡорт телен белмәүҙәренә, башҡортса һөйләшә алмауҙарына ишара, беҙҙеңсә.

- Бедная. Что с ней будет? - тип йәлләп кенә әйтеп ҡуйҙы шул ваҡыт мәрйәләрҙең олоһо.

- Стой! Иди! Стой! - тиғән бойороҡтар мейеһенә үтеп инеп, аңын томаланы.

Шулай уҡ тик рус телендә кешеләрҙең исемдәрен, фамилияларын уҡырға мөмкин: Сорокина, Зинаида, Зинка, Любовь Павловна, Даша, Миша, Борис Федорович Серебряков, Чернов, Алексей Петрович.

Һөнәрҙе белдергән һүҙҙәр аша ла был повесҡа үҙләштерелгән һүҙҙәр килеп ингән һәм әҫәрҙең телен байытыуға булышлыҡ иткән: *баш зоотехник, совет инженеры, иптәш подполковник, водитель, врач, поезд начальнигын, генерал, санитарка, төрмә начальнигы урынбаҫары, академик һ.б.*

Ҡайһы бер һөйләмдәрҙә автор үҙләштерелгән һүҙҙәрҙе эйә итеп файҙаланған. «*Кыҙылармеец көлә-көлә». «Санитарка аңламай». «Быны Чернов та һиҙә». «Ведьмамын, тимәксеһеңме ? «Прамтауар нимә була ул? »* [1]

Үҙләштерелгән һүҙҙәр повеста хәбәр функцияһын да үтәй. *«Ул - инженер». «Ирка, һин комсомолкамы, юкмы? » [1]*

Урын хәленә миҫалдар: *трактор кабинаһында, Белорет ҡалаһында, Сәрмән диттумында, складттан, камераға, детдом территорияһына һ.б.*

Төбәү килештә торған үҙләштерелгән һүҙҙәр эш-хәрәкәттең ҡайҙа йүнәлтелеүен конкретлаштыра: стенаға, коридорға, йөк машиналарына, стройға, вағондарға, проводниҡаларға, райкомға, районға һ.б.

Үҙләштерелгән һүҙҙәр һөйләмдәрҙә аныҡлаусы булып килгәндәр: депутат Мәлиха, брезент плащ, тракторҙар курсы, карауатташ күршеһе, дипломлы белгес һ.б.

Килеш ялғауҙарын ҡабул иткән үҙләштерелгән һүҙҙәр тултырыусы функцияһын үтәй һәм һөйләмгә йә конкретлыҡ өҫтәй, йә һөйләмде тулыландыра. Шуныһын да ихтибарға алайыҡ: билдәһеҙ төшөм килештә лә тора был үҙләштерелгән һүҙҙәр. Миҫалға түбәндәге һүҙбәйләнештәрҙе килтерергә була: *самауыр ҡуйырһың, картуф утарға, симешкә һатырға, ветеринар саҡыртты һ.б.*

Билдәле төшөм килештә тороусы һүҙҙәррә лә әҫәрҙә миҫалдар етерлек: *фамилияһын ишетеп, куфайкаларҙы алдым, вагонды һелкетте, терәтеп ҡуйған кирбесен, делянкаларҙы ҡарап, ошо декламацияны һөйҙәне, гәзитен ситкә һалып һ.б.*

Урын, ваҡыт хәлдәре булып килгән үҙләштерелгән һүҙҙәр әҫәрҙең ғеройҙарының ҡайҙа һәм ҡасан ниндәй эш башҡарыуҙарын конкрет белдереүҙә зур роль уйнай, хатта ҡайһы бер урындарында повеста һүрәтләнгән хәл-вакиғаларҙың тәьҫирен көсәйткәндәй.

Рәүеш хәлдәренә түбәндәге миҫалдарҙы килтерергә булла: *сталауай ашап, коридор буйлап, фамилияһын ишетеп, русса һөйләшә, юғары нотала, яңы методика менән һ.б.*

Хәлгә миҫалдарҙы тағы ла килтерергә мөмкин. Әммә беҙҙец маҡсатыбыҙ рус теле аша башҡрт теленә ингән үҙләштерелгән һүҙҙәрҙец төп башҡорт һүҙҙәре менән телдец фонетик, орфоэпик закондарына буһоноуын тикшереү һәм сит телдән ингән һүҙҙәрҙец башҡорт телен байытыуын күрһәтеү. Теге йәки был әҙәби әҫәрҙәрҙе өйрәнгәндә үҙләштерелгән һүҙҙәргә лә йәлеп итеү кәрәк, беҙҙецсә. Миләүшә Ҡаһарманованыц «Бетерә шаршыһы» повесындағы кулланылған үҙләштерелгән һүҙҙәргә ҡыҫҡаса анализ яһанығ. Языусыныц башҡа телдәрҙән башҡорт теленә үтеп ингән һүҙҙәрҙе урынлы һәм уцышлы файҙаланғанын күрҙек. «Ғөмүмән, башҡорт диалекттарында һәм йәнле һөйләү телмәрендә сит телдәрҙән үҙләштерелгән һүҙҙәр, әҙәби тел менән сағыштырғанда кицерәк таралған»[2, 3].

Әҙәбиәт

1. Ҡаһарманова, М.Ф. Бетерә шаршыһы. Повестар, хикейәләр. / М.Ф. Ҡаһарманова. - Өфө, 2017йыл. – 415б.
2. Сәйетбатталов, Ғ.Ғ. Башҡорт теле: Педагогия училищелары өсөн дәреслек. / Ғ.Ғ. Сәйетбатталов. – Өфө: Китап, 1997 йыл.
3. Хисамова, Д.Д. Обучение иностранному языку с опорой на родной. / Учитель Башкортостана, 2008, №5. С.59

©Нуртдинова Ф.Р., 2018

Преснухина Н. Б.,

доцент кафедры русского языка и методики преподавания русского языка
Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева
г. Саранск, Республика Мордовия

РАБОТА С ТЕКСТОМ НА ЗАНЯТИЯХ ПО КУЛЬТУРЕ РЕЧИ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ГРУППАХ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА

Общеизвестно, что профессия педагога представляет собой деятельность прежде всего коммуникативную, следовательно, выпускник педагогического вуза должен свободно владеть речью для того, чтобы уметь организовать общение. И во многом эта задача решается в процессе изучения курса «Культура речи», который ориентирован на формирование одной из важнейших профессиональных компетенций – коммуникативной. Эта дисциплина имеет четкую профессионально-практическую направленность, что отражается в содержании курса, целью которого является формирование и совершенствование коммуникативно-риторических умений. Программа интегративна по своему характеру, так как в неё включаются материалы нескольких речеведческих дисциплин, и в первую очередь риторики и культуры речи.

Однако следует заметить, что в учебные программы национального отделения не включен курс риторики в полном объеме. Поэтому формирование обозначенных программой коммуникативно-риторических умений у студентов национальных групп должно осуществляться на занятиях по культуре речи.

К числу важнейших коммуникативно-речевых умений, наряду с другими, относятся умение создавать высказывания разных стилей и жанров и умение анализировать собственную и чужую речь. В этой связи одним из эффективных видов работы на практических занятиях по культуре речи представляется анализ текста. Кроме того, надо заметить, что анализ текста не только вид упражнений, направленных на формирование коммуникативных умений, но и эффективный способ осуществления контроля за знаниями и развитием речевых умений, так как в процессе анализа студенты демонстрируют и знание теории, и умение оперировать терминологией. Всё это обусловливает использование анализа речевых высказываний, текста на каждом практическом занятии. В зависимости от рассматриваемой темы текст может быть проанализирован с разных позиций. Так, например, при изучении одной из первых тем курса «Речевое общение», в рамках которой рассматриваются такие понятия, как общение, виды общения, ситуация общения, речевое поведение, речевое событие, речевая ситуация и др., студенты получают задание проанализировать речевое событие и речевое поведение участников речевой ситуации, реализованной в тексте. Для анализа можно предложить, например, фрагмент повести Н. Г. Гарина - Михайловского «Ґимназисты».

Результатом аналитической деятельности студентов является созданный ими текст. А для того чтобы создать собственное речевое произведение, нужно иметь четкое представление о том, что включает в себя понятие «текст». Поэтому тема «Текст как речевое произведение» занимает определенное место в системе работы по культуре речи в национальной группе. На лекции актуализируются и пополняются знания студентов о тексте, его признаках, единицах, способах и средствах связи единиц в тексте, особенностях и структуре текста, текстовых категориях, рассматриваются функционально-смысловые, функционально-стилистические и жанровые разновидности текстов. На практическом занятии студенты получают задание проанализировать с этих позиций тот или иной текст. Например:

Определите стилистическую, функционально-смысловую, жанровую принадлежность текста. Сформулируйте коммуникативную задачу, тему, охарактеризуйте, насколько это возможно, автора и адресата, опишите характерные языковые средства.

Если я говорю на языках людей и ангелов, а любви не имею, я медь звенящая или кимвал бряцающий. Если я имею пророческий дар, я проник во все тайны и обладаю всей полнотой познания и веры, так что могу двигать горами, а любви не имею, я ничто. И если я раздам всё достояние моё и предам моё тело на сожжение, а любви не имею, то всё это напрасно. Любовь великодушна, милосердна, любовь не завистлива, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своей выгоды, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; она всё покрывает, всему верит, на всё надеется, всё переносит (послание Апостола Павла).

На занятиях, посвященных изучению коммуникативных качеств речи, анализируются тексты с точки зрения реализации в речи участников речевой ситуации правильности, чистоты, точности, богатства, логичности, выразительности и др.

Логическим завершением такой работы является разносторонний анализ текста с точки зрения: а) стилистической, жанровой, функционально-смысловой принадлежности; б) речевого события, реализованного в тексте; в) речевого поведения участников; г) реализации коммуникативных качеств речи. В качестве анализируемого материала можно предложить, например, фрагмент романа М. Агеева «Роман с кокаином»:

«Сперва выходил Айзенберг. Этот маленький честный труженик знал все. Он знал все, что нужно, он знал даже больше этого, даже свыше того, что от него требовалось. Но в то же время, как знания, которые от него требовались текущим уроком, выражались хоть и в безукоризненном, хоть и в точном, хоть и в безошибочном, – но все же не более, как в сухом перечне исторических событий, – так равно и те знания, которые от него вовсе не требовались и коими он желал блеснуть, выражались лишь в забегании вперед в хронологическую даль еще не пройденных уроков:

Потом быстро, как всегда выходил Штейн, скривив всю комнату своей косой фигурой. Снова тот же вопрос, что и Айзенбергу, и Штейн начинал мастерски барабанить. Это был уже не Айзенберг с его глотаниями слюны и корявыми "мте", которыми тот начинал свои строки. В некотором смысле то, что давал штейн, было даже блестяще. Он трещал, как многосильный мотор, обильные летели искры иностранных слов, немедля речи как хорошо подстроенные мосты, произносились латинские цитаты, и чеканный его выговор доносил до наших ушей все, позволяя приятно отдыхать, ничуть не заставляя вслушиваться или напрягаться и в то же время не давая выплеснуться в пустоту ни единой звуковой капле» [1, с. 89]

В ходе проверки анализа текста студенты получают дополнительное задание: оценить звучащие высказывания сокурсников с точки зрения

1) соответствия требованиям, предъявляемым к тексту – связности, цельности, последовательности и т. д.;

2) с точки зрения реализации коммуникативных качеств;

3) с точки зрения правильности речи – этому на занятиях всегда уделяется большое внимание. В национальной аудитории выявление, исправление и анализ речевых ошибок в устной речи особенно важно.

Задача формирования коммуникативных умений, и в первую очередь умения создавать речевые высказывания, у будущих учителей-филологов национального отделения очень сложная. И только систематическая, последовательная, целенаправленная работа позволит её решить. И немаловажное значение в этом процессе, с нашей точки зрения, принадлежит работе с текстом.

Литература

1. Агеев, М. Роман с кокаином / М. Агеев. − М.: Рипол – Классик, 2017. – 223 с.

©Преснухина Н.Б., 2018

Родионов В.Г.,
профессор Чувашского Государственного университета им. И.Н. Ульянова,
г. Чебоксары, Чувашская Республика

«ИСТОРИЯ ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА»: ИЗ ОПЫТА СОЗДАНИЯ КОЛЛЕКТИВНЫХ ТРУДОВ

Проблема статьи определена необходимостью накопления практического опыта создания историй национальных литератур Урало-Поволжья. Будучи одним из разработчиков концепции «Истории чувашской литературы XX века» из двух частей [7]; [8], автору данной работы есть чем поделиться и над чем поразмышлять, выражать надежды или же разочарования. На рубеже веков и тысячелетий шел усиленный поиск новых путей решения методологических проблем литературоведения. Преобладающая часть исследователей писала о смене традиционных парадигм науки о литературе [5]. Но это не умаляет значения жанра «Истории» и не позволяет отрицать сам факт его существования, о чем иногда рассуждают некоторые критики. Не останавливаясь на критике журнала «Новое литературное обозрение», отсылаем на другую статью В.В. Земскова, в которой дана, на наш взгляд, объективная оценка позиций ряда его авторов [6, с. 79 - 84].

Многие истории национальных литератур относятся к описательным, ибо в подобных работах изложение понимания литературного процесса соединяется с пересказом известных фактов, в той или иной степени связанных с писателями и их произведениями. В подобных работах мало конкретного анализа, они больше всего служат учебным целям, чем научным. Такие традиционные истории литературы находили и всегда будут находить своих читателей в различного уровня школах, а также в библиотеках для массового пользования. Они всегда востребованы, поэтому подобные учебники и учебные пособия имеют полное право на существование. Тем более, многие вышеперечисленные учебные издания по истории чувашской литературы, хорошо или плохо, но все же как то восполняли зияющий пробел в условиях полного отсутствия научной истории. Последние традиционно называются академическими, в них должны преобладать теория и научный анализ. Надежным критерием академизма является, как полагает большинство литературоведов, соответствие исследования требованиям научной объективности. К сожалению, многие подобные научные труды грешат описательностью и фактографией, которые в данной разновидности жанра выглядят как недостаток. Следует заметить, что в нашей монографии вы всячески пытались избежать этих изъянов, но следует признать, что теоретические положения разработчиков концепции коллективного труда реализовать на практике весьма непросто, даже очень сложно. Вопрос осложняется еще тем, что объективность научного исследования и фактологическая точность, как уместно замечает Ю.Я. Барабаш, вещи совершенно разные [2, с. 56]. В научных исследованиях стремление к достижению полной объективности всегда оборачивается в доброе намерение, в реальности никогда не осуществимое. Вывод ученого однозначен: «Да, историю литературы создать возможно и необходимо, если исходить из реально накопленного багажа знаний и достигнутого теоретического и методологического уровня, отдавая при этом себе ясный отчет в том, что в настоящее время речь идет об определенном этапе в достижении цели, который должен стать подготовкой к будущему новому этапу» [2, с. 60]. (Проблеме интерпретации в чувашском литературоведении мы посвятили отдельную статью[15].)

Концепция будущей «Истории чувашской литературы XX века» нами была разработана с опорой на труды Д.С. Лихачева[10] . Обзорные статьи в ней намеревались писать на основе теоретического осмысления с систематическими выходами на типологические и другие сравнения, контекстное видение и т. д. Литературные портреты должны были быть написаны в основном по хронологическому принципу, в которых тщательно анализировались бы отдельные произведения писателей, а также творчество писателя было бы вписано в контекст как чувашской (в диахронном и синхронном аспектах), так и других (региональных, общероссийских, зарубежных) литератур. К сожалению, авторам не удалось полностью реализовать вышеназванную задачу, вместо контекста в портретах наблюдаются совершенно случайные, ничем не обоснованные совпадения. Наши ученые, как нам представляется, совершенно не обладают «контекстным видением», поэтому сопоставления получаются как красивые «привески», подобно игрушкам на елке.

Целью теоретической истории является не только выявление инвариантного и вариантного, но и обнаружение в «ускоренных» литературах тех законов, которые четко прослеживаются в литературах «классического» типа, главным образом в западноевропейских (Античность, Средневековье, Возрождение, Просвещение). В силу ряда объективных причин средневековье народов Поволжья продолжалось вплоть до второй половины XIX в. Поэтому решать проблемы

Возрождения и Просвещения им приходилось в совершенно новых условиях, а это глубоко повлияло на своеобразие их культур и литератур [13, с. 229 - 253]. В регионе следует выделить три типа литературных систем, которые составляют следующие группы: тюрко-мусульманские без полного разрыва со средневековыми письменными традициями (татарская и башкирская литературы); тюркско-финно-угорские с прерванными и относительно старыми письменными традициями (коми, чувашская литературы) и финно-угорские с относительно новыми письменными традициями (удмуртская, марийская и мордовская литературы). При сопоставлении литературных систем региона или же творчества классиков исследователь всегда должен помнить о наличии вышеперечисленных типов.

Основной единицей «Истории» является «национальная литература в своей целостности и внутренней диалектике», а объектом внимания и характеристики должен стать прежде всего тот писатель, который вложил «заметный вклад в развитие родной литературы»[4, с. 8]. Лишь целостное изучение литературного процесса способствует раскрытию его внутренней диалектики, обусловленной «борьбой противоречивых тенденций». В другом месте Ю.Б. Виппер корректирует последнее положение, утверждая, что взаимодействие не всегда сводится к борьбе, зачастую оно обретает характер соревнования. Уже было отмечено, что в основу развития чувашской литературы была положена идея противоборства двух сил: центростремительных (заботящихся о традиционных гуманистических ценностях родного народа) творцов и центробежных (борющихся за отдельный класс, не признающих свой народ как единый и исторически сложившийся этнос) сочинителей. Художественно зрелые и талантливые произведения смогли сотворить исключительно писатели из первой группы [К. Иванов (Кашкыр), М. Сеспель, П.Хузангай, В. Митта и др.].

Следующей внутрикультурной (имеется ввиду культура художественная) проблемой является рассмотрение литературного процесса в кругу искусств. В свое время М.М. Бахтин особо подчеркивал важность изучения литературного процесса в тесной связи с «глубоким анализом культуры»[3, с. 330]. «Литература и все виды других искусств управляются воздействием социальной действительности, находятся в тесной связи между собой и составляют в целом одну из наиболее показательных сторон развития культуры, – отмечает Д.С. Лихачев важность культурного контекста в истории литературы. – Вот почему при построении истории литературы показания других искусств помогают отделить значительное от незначительного, характерное от нехарактерного, закономерное от случайного» [10, с. 29].

Сопоставительное изучение литературы с другими искусствами не должно сводиться лишь к поиску аналогии и сходств. Не менее важным аспектом является выявление их различий и своеобразия. Очевидно, в определенные периоды внутри одной культуры они выполняли компенсаторные функции по принципу дополнительности. В чувашской литературе имеются жанры (романсы, песни, драмы), в которых слово синтезировано с музыкой; общими для поэзии и изобразительного искусства являются национальная цветосимволика, язык образов, мировидение и т.д. Геометрическая зеркальность народной вышивки сопоставима с некоторыми особенностями поэтики художественной литературы (разного вида повторы, образный параллелизм в поэзии, цикличность и др.). К особому феномену следует отнести следующий уникальный факт: ряд писателей владел даром либо художника (К. Иванов, М. Сеспель), либо композитора и музыканта (Ф. Павлов, П. Осипов). При анализе литературных произведений этих писателей весьма желательно сопоставление их творений в различных видах искусств. Синтетизм искусств, их тяготение друг к другу в истории возникало не случайно и оно всегда имело определенные причины. В русской литературе его связывают с периодами «национального духовного подъема и с такими творческими методами, как романтизм и неоромантизм» [9, с. 131]. Три классика чувашской литературы – К. Иванов, Ф. Павлов и М. Сеспель – жили и творили в период национального возрождения чувашского народа, а в их произведениях – немало характерных сторон романтизма как литературного течения.

Возможности типологического сравнения далеко не исчерпаны, в нем прежде всего нуждаются литературоведы, изучающие литературы «ускоренного» развития без прохождения последовательных стадий «классических» литератур. Типологический метод позволяет изучить как внутри литературные и культурные явления, так и внелитературные факторы развития. Подлинная глубина анализа в подобных исследованиях достигается путем типологических поисков. Художественный образ всегда зиждется на сравнении, и потому всякий литературный анализ по-своему компаративен.

К основному внелитературному фактору развития следует отнести социально-политическую жизнь общества, которой в конечном итоге принадлежит решающая роль. Еще недостаточно изучены под теоретическим углом зрения разновидности, типы, формы и степени взаимодействия и

соотношения этих двух факторов (внутрилитературного и внелитературного) развития литературного процесса. По наблюдениям ряда современных исследователей, в литературном развитии наряду с плавной эволюцией существенную роль играют и качественные скачки, когда новая литературная система противопоставляет себя тенденциям, на смену которым она идет.

Литературный процесс следует осмысливать и с точки зрения философии истории, других наук. Утверждение о том, что подобный широкий аспект, свободно соприкасающийся с историей, философией, этнологией, социологией, историей общественной мысли и другими сферами науки, способствует нивелировке границ литературоведения, не оправдано. Такой «контекстный» метод способствует выявлению связи литературы с историческим движением этноса, этноландшафтом и т.д.[12, с. 10 - 11]. Именно философско-художественный уровень произведений дают наибольшие основания для их причисления к литературе более высшего порядка (региональной. российской, мировой). Основным предметом исследования в подобных случаях становятся не сами процессы исторического развития, но история общественного, главным образом – художественного, сознания.

Выявление динамики национального художественного сознания и его форм, изучение его связей с другими видами сознания (этническим, социальным и др.) должны занимать в Истории национальных литератур достойное место. Особое внимание уделяется такому уникальному явлению в художественном творчестве, как национальная идея, которая есть нечто большее, чем ментальность. «Реально же культурные основания, культурная конфигурация национальной идеи, – замечает К.К. Султанов, – всегда задача, а не данность, всегда проблема, а не аксиома»[16, с. 137]. И литература, как полагает известный литературовед, не воспроизводит и не транслирует национальную идею, а каждый раз как бы заново порождает как новость, как акт открытия произведения [16, с. 139 - 140]. В советское время, особенно до 70-х гг., не принято было говорить о национальной идее как о явлении художественном. Затем ее заметили и квалифицировали как «пробуждение и становление национального самосознания»[1, с. 75]. Лишь в последней четверти XX в. вернулись к народу из спецхранилищ ярко выражающие национальную идею произведения «забытых» писателей (братьев Турханов, Г. Комиссарова-Вандера, А. Милли, М. Юмана и др.).

«Социалистический реализм», который полностью исключал национальную идею и опирался, как известно, на идею-содержание классово-социального объединения всех народов и рас – есть категория идеологическая и философская. Данный метод, по выражению С.У. Алиевой, «диктовал насильственное псевдоразвитие художественной словесности», в которой не было «места ничему национально-индивидуальному»[1, с. 80].

Итак, вне контекста общественно-политической жизни народа и страны, без истории общественного сознания со всеми его разновидностями немыслимо серьезное изучение литературного процесса. Как точно подметил К.К. Султанов, история литературы в определенном смысле есть и «история кристаллизации национальной идеи»[16, с. 139]. В нашей «Истории» она прослежена от начала до конца XX в. При этом литературе с усиленным вниманием к проблемам нации, его целостности (подобная литература в нашей монографии не совсем удачно названа этноцентристской) противопоставлена литература с установками на мировой пролетариат, классовую борьбу (пролетароцентристская). Такое противостояние двух противоборствующих тенденций продолжалось вплоть до конца XX в.

Методика построения теоретической истории литературы требует рассмотрения больших эпох и более мелких периодов в их динамике, выявления закономерностей их смены. Историко-литературные эпохи, как правило, выдвигают свои жанры и стили, разрабатывают специфическую тематику и проблематику. На наш взгляд, выделение эпох и периодов в «Истории» получилось более или менее удачно. Здесь мы опирались на фундаментальные разработки отечественных ученых, в том числе на теорию «длинных волн» Н.Д. Кондратьева. Но эти экономические волны с литературно-художественными эпохами и периодами связаны не напрямую, а лишь опосредованно. Развитие капитализма способствовало, как известно, динамике общественного сознания, а последнее – развитию социально-этнического сознания. Последнее напрямую воздействовало на изменение типов художественного сознания.

Обобщая вопрос о концепции «Истории» и путях реализации ее основных положений, следует однозначно заявить, что настоящий труд из двух частей (всего более 70,0 п.л.) вполне состоялся как коллективный научный труд со всеми со своими достоинствами и недостатками.

В рецензии на нашу книгу «Чăваш литератури (1917 – 1930-мĕш çулсем» чувашский литературный критик А.П. Хузангай высказал мнение, что ради выживания чувашская литература должна «интернационализироваться», стать более «космополитичной», а литературоведам «необходимо использовать и опыт “нового историзма” М. Фуко и деконструкции Ж. Деррида»[17, с.

82]. Здесь же критик, соглашаясь с мнением Г. Тиханова (одного из авторов журнала «Новое литературное обозрение»), заявляет о необходимости перевести «изрядно истощенное национальное повествование» в тональность глобализма с его культурным многообразием. Хочется сразу возразить: глобализация не только не стирает, но «во многом акцентирует различия и подстегивает дух “культурного суверенитета”» [6, с. 90). Тезис о наличии резкой реакции в современном незападном мире на глобализм под видом «демократизации» в заокеанском понимании сегодня особо доказывать не приходится. Поэтому национальным литературам, в том числе и чувашской, для выживания необязательно следует «космополитизироваться» и «глобализироваться», а исследователям заниматься деконструированием и перенять опыт сторонников «новой истории».

По поводу декоструктивизма следует привести несколько исторических объяснений В.Б. Земского. Рассматривая историю возникновения и развития сравнительного литературоведения, В.Б. Земсков отмечает, что сложившаяся в 1950 – 1960-е гг. пост-структуралистская теория накрыла своей тенью всю область гуманитарного знания, в том числе и литературоведение. Для представителей этой «новой интеллектуальной истории» основной проблемой стало изучение поэтики историографического текста, способов его конструирования, иными словами, проблема литературоведа-деконструктивиста [6, с. 76 – 77].

Бесспорно, что любой текст составляется, исходя из актуальной эпистемы, идеологии, идентификационных убеждений автора (общества), то есть обязательно исходя из какого-либо «центризма». По мнению В.Б. Земскова, все Большие и малые Истории литератур советской эпохи строились на основе господствующего «единственно верного» учения, на идеях «взаимообогащения» и состыковались с историческими «преданиями», созданными историографией, разработанной ею периодизации восходящего прогресса. Все эти многотомные труды теперь невозможно «подправить». Что же касается очерков истории национальных советских литератур, то они, при всех издержках, цензурных лакунах, неполноте информации и некачественной интерпретации, остаются, в чём убеждён В.Б. Земсков, первыми точками отсчёта и занимают своё место в новых, современных попытках переосмысления своего прошлого, в стремлении вскрыть забытое, гонимое, запрещённое, воссоздать раньше спрямлявшиеся пути своего формирования в период до взаимодействия с русско-советской культурой [6, с. 80]. Но эти благие цели, как полагает В.Б. Земсков, легко могут привести исследователей либо к новому искажению истории, либо к этнокультурному провинциализму и обновлённой мифологии. Выход он видит в выработке нового гуманитарного мышления, которое «противостоит и нивелирующей глобализации, и культурной замкнутости и хочет понять мир в множественности составляющих его культур; оно отвергает порождённые европоцентристскими представлениями о линейном развитии, стадиальности и прогрессе, о “неразвитости” / “развитости” / “высокоразвитости”, “зависимости” / “независимости” культур» [6, с. 92].

По мнению ряда ученых, назрела проблема постулата ускоренности литератур [14, с. 73]. В теории ускоренного развития литератур заложена идея биологического возраста. Уподобляя смену творческих методов (мифологизм > классицизм > сентиментализм > романтизм > реализм) раннему детству, юношеству и зрелости человека, теоретики соцреализма делали парадоксальные выводы о возможности пропуска ряда последовательных этапов классических литератур Европы. Естественно, самыми зрелыми методами в те годы считались критический и социалистический реализмы. В результате распределения этносов и их культур по стадиальным этажам чуваши и их финно-угорские соседи, как в образовании их автономий, оказались на самом непрестижном этаже человеческого общежития. Наступает советская эпоха и происходит невиданное чудо: ранее «отсталые» народы и их «недозрелые» культуры оказываются на самой высокой ступени развития человечества. Такая предубежденность осталась, к сожалению, и в сознании большинства современных соотечественников.

В ходе критического пересмотра некоторых аспектов концепции «Истории» мы постепенно пришли к такому заключению: нет «зрелых» и «незрелых» народов и культур. Все культуры ориентированы прежде всего на духовные потребности своего этноса, они соответствуют своему историко-генетическому типу, видоизменяются с общественным и этническим сознанием. Традиционная установка восточных культур на их изначальные образцы и логику прецедента в мышлении способствовала формированию уникальных космогенных традиций, в корне отличающихся от европейской техногенной цивилизации, ведущей, как сегодня не вызывает никаких сомнений, к катастрофе планетарного масштаба. На таком фоне оценка весьма позднего и неравномерного распространения в Российской империи идей европейского Просвещения (идеи общечеловеческого прогресса) как отставание от прогрессивного развития человечества выглядит весьма неубедительной, быть может и сомнительной. Еще Н. Бердяев показал ложность учения о

прогрессе, критикуя линейное понимание времени, он утверждал, что учение о прогрессе находится во власти разорванного представления о времени. В таком обществе прошлое является пожирателем прошлого (подробнее см.: [14, с. 74 - 75]). История, в том числе и история литературы, это не столько прошлое, которое нельзя никоим образом изменить, сколько времяпространство, в котором непрерывно создается новое отношение к прошлым событиям, и создает их (новое восприятие и понимание) «меняющаяся современность и новые интерпретации». И этот процесс бесконечен [2, с. 54]. Перефразируя слова Ю.Я. Барабаш [2, с. 60], следует утверждать так: наша «История» является определенным этапом в достижении конкретной исследовательской цели, который со временем должен стать подготовкой к будущему новому этапу.

Литература

1. Алиева С.У. Национальная идея и эстетика социалистического реализма / С.У. Алиева // Нация. Личность. Литература. Вып. 1. - М.: Наследие, 1996. С. 67 – 81.
2. Барабаш Ю.Я. Историко-литературный дискурс: вызовы и апории (Размышления непостороннего) / Ю.Я. Барабаш // Вопросы изучения истории национальных литератур. Теория. Методология. Современные аспекты. - М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 44 – 63.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин М., 1979. - 424 с.
4. Виппер Ю.Б. Вступительные замечания / Ю.Б. Виппер // История всемирной литературы / В 9 томах. Т. 1. - М., 1983. С. 5 – 12.
5. Земсков В.. Жанр «истории» и ловушки исторического и историко-литературного знания на рубеже тысячелетий / В.Б. Земсков // Известия АН. Серия литературы и языка. – 2003.- Том 62.–№3. С. 3–11.
6. Земсков В.Б. История литературы как жанр. От истоков к истокам? / В.Б. Земсков // Вопросы изучения истории национальных литератур. Теория. Методология. Современные аспекты. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 64 – 95.
7. История чувашской литературы XX века. Часть1 (1900 – 1955 годы): коллективная монография. - Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. - 431 с.
8. История чувашской литературы XX века. Часть 2 (1956 – 2000 годы): коллективная монография. - Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. - 432 с.
9. Корецкая И.В. Литература в кругу искусств / И.В. Корецкая // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Кн. 1. - М., 2000. С. 131 – 190.
10. Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X – XVII веков. Эпохи и стили / Д.С. Лихачев. - Л., 1973. - 462 с.
11. Луков Вл.А. Концепция теоретической истории литературы Д.С. Лихачева / Вл.А. Луков // URL: http://www.zpujournal.ru/e-zpu/2008/5/likachev/#. (дата обращения: 01.02.2010).
12. Неупокоева И.Г. История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа / И.Г. Неупокоева. - М., 1976. - 360 с.
13. Родионов В.Г. Чувашский этнос: исследования по этнологии и мифопоэтике / В.Г. Родионов. - Чебоксары: ЧГИГН, 2017. - 324 с.
14. Родионов В.Г. Чувашское сравнительное литературоведение: теория и практика / В.Г. Родионов. - Чебоксары: ЧГИГН, 2017. - 92 с.
15. Родионов В. Г., Родионова Э.В. Проблема интерпретации в современном региональном литературоведении / В.Г. Родионов, Э.В. Родионова // «Восток – Запад»: литература и художественная культура: сборник материалов Международной научно-практической конференции (17 – 18 ноября 2017 г.). Казань: Отечество, 2017. С. 175 – 178.
16. Султанов, Казбек. Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы / Казбек Султанов. - М., 2001. - 196 с.
17. Хузангай А.П. Новая трактовка истории чувашского слова? / А.П. Хузангай // ЛИК.- Чебоксары.- 2006.- № 2. С. 70 – 82.
18. Юсуфов Р.Ф. История литературы в культурфилософском освещении / Р.Ф. Юсуфов. М.: Наука, 2005. - 435 с.

©Родионов В.Г., 2018

Салауатова Ф.Р.,
ф.ф.к., БДУ доценты,
Өфө к., Башҡортостан Республикаһы

ӘҘӘБИӘТСЕ ҒАЛИМ Ғ.С. ҠУНАФИН – КҮП ЯҠЛЫ ШӘХЕС

Был моноғрафияны ҡулыма алыу менән ҡапыл ғына уның авторы Ғиниәтулла Сафиулла улы Ҡунафиндың минең кандидатлыҡ диссертаңиямдың темаһын һайлаған ваҡытта, йылмайыңҡырап әйткән һүҙҙәре иҫкә төшөп китте. “Фән донъяһына аяҡ баҫҡандан бирле халҡымдың рухи усағы киләсәктә лә һүнмәһен, көсләрәк янһын өсөн үткән замандарҙың көлө араһынан ҡуҙ эҙләйем, уны табып, баҙлатып ебәрерғә, халҡыма яңынан ҡайтарып бирерғә тырышам. Был минең уның алдындағы мөҡәддәс бурысым, төп миссиям”, - тиғәйне ул һәм бер ни тиклем уйланып ултырғандан һуң, яғымлы итеп:”Һиңә лә шундай йүнәлештә эҙләнерлек тема тәҡдим итерғә уйлайым бит әле. Тик башта уҡ шуны киҫәтеп ҡуйырға уйлайым: әгәр эшеңде теләп башҡармайһың, уның кәрәклеғенә шикләнәһең икән, хеҙмәтеңдең һөҙөмтәһе лә шул самалы ғына буласаҡ. Аҙаҡтан инде һайлаған һөнәреңдең, башҡарған эшеңдең, аҙаҡ килеп, үҙеңдең дә был өлкәлә кәрәклеғеңә шикләнеп йөрөргә тура килеүе бар”, - тип өҫтәп тә ҡуйғайны.

Фән донъяһына килеүгә бәйле был һөйләшеүгә лә, уның (Ғ.С.) етәкселеғендә башҡорт әҙәбиәтендә парса жанрының формалашыуы һәм үҫеүе тарихы хаҡында диссертаңия яҡлауыма ла ун биш йылдан да күберәк ваҡыт үтеп киткән. Ошо ваҡыт эсендә уҡытыусымдың һүҙенән эше бер ҙә ғенә айырылмағанлығын һоҡланып күҙәтә-күҙәтә киләм. Бер ҙә арттырыу булмаҫ: Ғиниәтулла Сафиулла улы Ҡунафин – бөгөнгө көндә башҡорт халҡының күп быуатлыҡ рухи мираҫын өйрәнеү, уның үҙ һүҙҙәре менән әйткәндә, “үткән замандарҙың көлө араһынан ҡуҙ эҙләп табып, уны баҙлатып ебәреү” һәм халҡыбыҙға еткереү буйынса иң күп көс һалған, башҡорт әҙәбиәт ғилеменең иң алғы сафында барған арҙаҡлы ғалим, абруйлы вуз уҡытыусыһы.

Бына тағы ғалим-педагоғтың бай тәжрибәһе һөҙөмтәһе булған ҙур күләмле моноғрафияһы менән танышырға, университетта үҙемдең уҡытыу эшемдә файҙаланырға яҙҙы. Республикабыҙҙың “Ғилем” нәшриәтендә донъя күргән “ХХ быуат башы башҡорт әҙәбиәтенең идея-художество үҙенсәлектәре” тиғән был хеҙмәт - рухи байлығыбыҙҙы һәр яҡлап системалы итеп өйрәнеүсе уңышлы тәжрибәләрҙең береһе ул. Унда еғерме йылға ла тулмаған быуатҡа тиң үҫеш юлы үткән башҡорт әҙәбиәтенең империализм осорондағы идея-художество картинаһы әҙәбиәтебеҙ ғилеме тарихында тәүгеләрҙән булып бөтә тулылығында күҙ алдына баҫтырыла. Былай тип әйтеүҙең сәбәбе лә бар. БыҒаса ХХ буат башы башҡорт әҙәбиәтенә ҡағылышлы, уның теге йәки был проблемаларына бәйле өс-дүрт кандидатлыҡ диссертаңияһы ла яҡланған. Ғиниәтулла Сафиулла улы үҙе үк был осор башҡорт әҙәбиәте буйынса ике фән кандидаты әҙерләгән. Алты томлыҡ башҡорт әҙәбиәте тарихының II томында XIX быуат башҡорт әҙәбиәте менән бергә урын алды. Тәжрибәле ғалимдың был осорҙағы әҙәбиәтебеҙ хаҡындағы монографияһы өр-яңы ҡараш-фекерҙәр, күҙәтеүҙәр менән был эштәрҙе нығ байыта, XIX быуат башҡорт әҙәбиәтенең нинайәт сағыу, тулы панорамаһын күҙ алдына баҫтыра. Автор яңы фактик матералдарҙы ярайһы күп туплай һәм тәртипкә һала. Уларҙың фәнни әйләнешкә башлап индерелеүен һәм төплө анализланыуын иҫәпкә алһаҡ, хеҙмәттең ниндәй ҙур әһәмиәткә эйә булыуын төҫмөрләү ауыр түгел. Өҫтәүенә улар төрлө яҡлап комплекслы өйрәнелә, ентекләп эҙмә-эҙлекле баһалана. Был хәл хеҙмәттең фәнни-ғәмәли ҡиммәтен тағы ла арттыра төшә.

Проф. Ғ.С. Ҡунафин БДБ халыҡтарының Октябрғә тиклемге әҙәбиәте, мәҙәниәте формалашыуы һәм үҫеүе юлдарына арналған күп ғилми-теоретик әҙәбиәт, бай архив материалдары, ҡулъяҙма ҡомартҡылар, баҫылып сыҡҡан китаптар менән танышҡан, уларҙы системаға килтереп, үҙ хеҙмәтендә урынлы ҡулланылған. Улар ғалим-педагогҡа ХХ быуат башындағы башҡорт әҙәбиәтенең үҫеш-үҙгәреш кимәлен, үҙенсәлектәрен сағыштырма-тарихи һәм типологик планда объектив баһаларға мөмкинлек бирҙе. Тикшеренеүсенең империализм осорондағы башҡорт һүҙ сәнғәтенең торошон, үҙенсәлектәрен билдәләгән ижтимағи-сәйәси, социаль-иҡтисади шарттарҙы ентекле һәм эҙмә-эҙлекле яҡтыртыуы, тулайым бер тарихи проңесс, тарихи панорама рәүешендә күҙ алдына баҫтырыуы ҙур әҙәмиәткә эйә.

Хеҙмәттәге бер моментҡа иғтибарҙы айырыуса йүнәлтке килә. Тәжрибәле ғалим һәр рухи мәҙәниәт миллилеғендә ғенә мәҙәниәт булып ҡала, тиғән принңип менән эш итә. Шуға ла ул һәр рухи күренештең килеп сығышын, ерле тамырҙарын, милли һыҙат-үҙенсәлектәрен асыҡлауға ҙур иғтибар бүлә. Был йәһәттән, мәҫәлән, моноғрафиялағы башҡорт халыҡ ижады, ауыҙ-тел һәм яҙма әҙәбиәттәре бәйләнештәрен, синтезлашыуҙарын, айырым әҙиптәрҙең ижадтарын өйрәнгән бүлектәр иғтибарға лайыҡ. Уларҙағы бик күп моменттарҙы башҡа халыҡтарҙың рухи-мәҙәни күренештәре менән бутау мөмкин түгел.

Ғ.С. Ҡунафин XX быуат башындағы башҡорт халҡының рухи мәҙәниәте торошон, уның төрҙәрен, жанрҙар системаһын, ижади йүнәлештәрен, йәшәү һәм үҫеү үҙенсәлектәрен тикшергәндә, уларға башҡа әҙәбиәттәрҙең йогонтоһон, үҙ-ара бәйләнешен асыҡлауға ла игтибар итә. Ошонда галим методологик йәһәттән үҙен тулыһынса аҡлаған йәнә бер принципҡа таяна. Һәр рухи мәҙәниәт ни тиклем генә милли ерлектә тамырланмаһын, шул тупраҡтан һут алып үҫмәһен, ошо ерлек менән генә сикләнеп йөкмәтке һәм форма йәһәтенән байый алмай. Бында мәҙәни-әҙәби бәйләнештәрҙең, үҙ-ара йоғонто яһашыуҙарҙың әһәмиәте баһалап бөткөһөҙ. Китапта был осорҙа башҡорт әҙәбиәтенең көнсығыш һәм көнбайыш әҙәбиәттәре, айырыуса рус әҙәбиәте менән бәйләнештәре әүҙемләшеүе, уларҙан идеялар, сюжеттар, жанр формалары, художестволы сара-алымдар үҙләштереүе һәм ижади эшкәртеүе проңесының көсәйеүе бик күп миҫалдар, ентекле анализ-күҙәтеүҙәр нигеҙендә асыҡ күрһәтеп бирелә.

Ғөмүмән, Башҡортостан Фәндәр академияһының мөхбир ағзаһы, профессор Ғиниәтулла Сафиулла улы Ҡунафин тарафынан XX быуат башы башҡорт әҙәбиәтенең идея-художество үҙенсәлектәре хаҡында бай йөкмәткеле фундаменталь хеҙмәт яҙылған. Ул үҙенең композициҙон төҙөклөгө, фрагментарлыҡтан ситләшеүе, системалылығы, фекер аныҡлығы менән айырылып тора. Уның әҙәбиәт һәм мәҙәниәт белгестәре, тарихсылар, филологтар, социологтар, политологтар, юғары һәм махсус урта укыу йорттары, мәктәп уҡытыусылары һәм юғары класс укыусылары, студенттар, аспиранттар һәм докторанттар, гөмүмән, башҡорт халҡының рухи мираҫы менән ҡыҙыҡһынысы бөтә кешеләр өсөн кәрәкле мөһим сығанаҡ булыуында шик юҡ.

©Салауатова Ф.Р., 2018

Саньяров Ф.Б.,
к. ф.н., доцент Института развития образования Республики Башкортостан,
г. Уфа

РАУИЛ БИКБАЕВ: ХУДОЖЕСТВОЛЫ ФЕКЕРЛӘҮ ҮҘЕНСӘЛЕГЕ

Башҡортостандың халыҡ шагиры, әҙәбиәтсе - галим, Салауат Юлаев исемендәге дәүләт премияһы лауреаты Рауил Бикбаев хәҙерге башҡорт әҙәбиәтен үҫтереүгә гәйәт ҙур өлөш индергән әҙип. Башҡорт һүҙ сәнгәтенең ынйыһы булырҙай шигырҙары, заман, уның быуаттар, меңйыллыҡтар киҫешендәге ҡараштар, рухи ҡиммәттәр бәрелешен, тәбиғәттең кеше ҡулынан күргән ыҙа - һыҙланыуҙарын сағылдырған поэмалары, тәрән фәлсәфәле публициҙистикаһы, юлъҙмалары, башҡорт халҡының ғына түгел, тотош Рәсәй халыҡтарының рухи хазинаһына әүерелде. Башҡорт теленең лексик – семантик һәм экспрессив мөмкинлектәрен тәрән үҙләштереү, туған телебеҙҙең һүҙ байлығына камил эйә булыу, шул ваҡытта туған телебеҙҙең һүҙлек байлығын үҫтереүгә үҙе лә ҙур йогонто яһауы – уны башҡорт теленең элитар лингвистик шәхесе тип атарға тулы нигеҙ бирә. Бындай кимәлгә һәр ҡәләм эйәһе күтәрелә алмай. Шуға күренекле һүҙ оҫтаһының ижадын лингвокультурология һәм әҙәбиәт ғилеме йүнәлешендә өйрәнеү хәҙерге филология фәнендәге актуаль мәсьәләләрҙең берәһе, ошо маҡсаттан сығып, мәҡәлә сиктәрендә беҙ Рауил Бикбаевтың художестовлы фекерләү үҙенсәлегенә туҡталырға булдыҡ.

Билдәле булыуынса, фекерләү (мышление) объектив ысынбарлыҡты танып белеү проңесының, кеше психофизиологияһының иң ҡатмарлы, күп яҡлы өлкәләренең берәһе. Л.А. Венгер, В.С. Мухина фекеренсә: «Фекерләү – яңы кимәлдәге белем туплау маҡсатында ысынбарлыҡтағы предмет һәм күренештәрҙең үҙ – ара мөнәсәбәтен һәм бәйләнешен сағылдырыу ул» [1, с.169]. Ғалимдар күрһәтеүенсә, фекерләүҙең бер нисә төрө бар: теоретик һәм практик; продуктив (ижади); продуктив булмаған (ижадһыҙ); интуитив (эмоциональ); логик (рациональ); аутистик һәм реалистик; күргәҙмәле - эшмәкәрлекле (наглядно - действенное); күргәҙмәле - образлы (наглядно - образное) һәм телмәрле - логик (словесно – логическое). Әлбиттә, кеше өсөн, уның ысынбарлыҡты танып белеү проңесында фекерләүҙең бар төрө лә әһәмиәтле. Беҙ, ғәҙәттә, ике фекерләү алымына иғтибар итәбеҙ: логик һәм художестволы. Әммә уның менән генә сикләнеү етмәй, сөнки, мәҫәлән, художестволы фекерләүҙең үҙенең дә бер нисә төрө бар, уларҙы йыйнап, ижади фкерләү тип атау кабул ителгән. Ижади фекерләүҙең кайһы бер үҙенсәлектәре:

1) теге йәки был мәсәьәләне хәл иткәндә ижади фекерләүсе быға тиклем үткән, өйрәнелгән юлдан бармай, яңы, таныш булмаган ысулдар мәнән хәл итә;

2) ижади фекерләүсе яңынан яңы юлдар, ысулдар эҙләй, өйрәнелгән менән ҡәнәғәтләнмәй;

3) яңыларҙың да иң – иңен эҙләй, уларҙы камиллаштыра;

4) ижади шәхес эффектлы ысулдарҙы таба, ярҙамсы сараларға таяна. Тимәк, “Ижади кеше – гәҙәттә, ординар булмаган, башҡаларға оҡшап тормаган шәхес. Ижади шәхес үҙенең һәм

башҡаларҙың фекерләүен тәңкит күҙләнән баһалай” [2, с.274]. Атаҡлы рус яҙыусыһы Леонид Леонов былай тиҙән: «...Әҙәбиәт – фекерләү ул, тимәк, яҙыусы – фекерләү тиҙән һүҙ, ә фекер – йөрәктән сыҡҡаны, аҡыл һәм гражданлыҡ намыҫы ул» [3, 12б.]. Беҙҙеңсә, яҙыусының, һүҙ оҫтаһының художестволы фекерләү үҙенсәлеҙен өйрәнеү әҙиптең ижадын аңлауҙа, уны баһалауҙа ҙур роль уйнай. Мәҫәлән, профессор В.И. Хрулев «Художественное мышление Леонида Леонова» (Уфа: Ғилем, 2005. – 536 с.) моноҙрафияһында атаҡлы яҙыусының художестволы фекреләү үҙенсәлеҙендә түбәндәге күренештәрҙе билдәләй: беренсенән, әҙип рус классикаһын һәм ХХ быуат әҙәбиәтен; Достоевский, Чехов реализмы һәм 10 – 20 йылдарҙағы художестволы эҙләнеүҙәрҙе тоташтырып тороусы звено булды. Икенсенән, Л. Леонов ХХ быуаттағы оло тарихи ваҡиғаларҙың шаһиты ине. ... «Барсуки», «Вор», «Скутаревский», «Русский лес» һ.б. романдар яҙыусының рухи биоҙрафияһы менән бәйле. Өсөнсөнән, Л.Леоновты тормош философияһы, кешенең тарихи үҫеш лоҙикаһы, һәр быуындың дөйөм кешелек ҡиммәттәрен үҫтереүгә индергән ролен асыҡлау ҡыҙыҡһындырҙы. Художестволы образды символ, иероглиф, тамға кимәленә еткерҙе, хикәйәләүҙе күп ҡатламлы итте [4, с.4].

Башҡорт әҙәбиәтсеһе профессор Зәйтүнә Шәрипова былай тип билдәләй: «Яҙыусының ижади фантазияһы тарафынан яратылған шартлы донъя образы реаль тормош тәжрибәһе нигеҙендә формалашырға тейеш,тик шул саҡта ғына әҙәби әҫәрҙә һынландырылған ваҡиғалар йомғағы, геройҙар драмаһы уҡыусы күңелендә ниндәйҙер хис – тойғо, тәрән кисерештәр уята ала»[5,132б.]. Ысынлап та, художестволы әҙәбиәт – ул объектив донъяның кеше аңындағы художестволы сағылышы, тип әйтәбеҙ икән, ул сағылыш субъектив, баһалау - һүрәтләү , йәғни коннотаҫия әҙиптең донъя образын, донъя һүрәтен шәхси ассоҫиаҫиялауы менән бәйле. Был, һис шикһеҙ, яҙыусының ысынбарлыҡты үҙенсә аңлауы, ҡабул итеүе, баһалауы, тормош тәжрибәһе, менталитеты менән бәйле. Һүҙ оҫтаһы икән, ул үҙ тәжрибәһе менән генә эш итмәй, туған халҡының менталитеты, һүҙ байлығы, донъяны сәнғәти һүрәтләү кимәле менән дә бәйле. Халыҡ шағиры Рауил *Бикбаев шиғриәте объектив ысынбарлыҡты шәхси ҡабул итеү, баһалау,* художестволы сағылдырыу һәләте һәм башҡорт халҡының һүҙ сәнғәте оҫталығы, менталь тәжрибәһенең үҙ – ара үрелеүе, синтез күренеше ул.

Рауил Бикбаевтың художестволы фекерләүе нигеҙендә икһеҙ – сикһеҙ далалар киңлеге, яланғас түбәләстәр матурлығы, аҡ ҡылғандар тулҡыны, зәңгәр күк, әскелтем әрем еҫе яталыр. Шағир ошо мөхит аша донъяны ҡабул итә, таный, художестволы фекерләүе дала образы ярҙамында формалаша. Автор хәтирәләрендә былай тип яҙа: «Даламды һағынғанда мин барыһынан да биҙерәк шул киңлектәрҙе һағынам. Ысынлап та, даламһыҙ тыным ҡыҫыла, даламһыҙ күҙем тала. Елдәр ҙә бит бында тау- таш араһынан, ағас араһынан йәшенеп - боҫоп өрмәй, иҫһә, бер юлы бар даланы тултырып, ҡоласын киреп иҫә, дауыл - бурандары килһә, бар даланы айҡап - иңләп килә». Академик Ғайса Хөсәйенов бик дөрөҫ билдәләне: «Дала улының шиғриәтенә баштан уҡ ана шундай дала киңлектәре, сикһеҙ офоҡтары эркелеп - тулҡынып килеп инә, күңел ҡылдарын сиртә. Асылда Рауил Бикбаевтың шиғри теле *«далам- далам» һүҙе, икһеҙ – сикһеҙ дала образы менән асылды».* [6, 24 б.] Шағирҙың тәүге китабы «Дала офоҡтары» (1964) тип аталыуы юҡтан түгел.

...Моңон тыңлап таңғы даланың,
Яңғыҙ ҡаҙҙың ҡаңғылдағанын...
Ҡайтып төштөм. Танып, ҡалтыранып,
Япраҡтарын ҡоя сағаным.
Ауылым түбәһендә йәш ай балҡый
Ҡыҙҙар ҡашы кеүек һығылып.
Ҡалайым һуң нисек, һай, тыйылып,
Күҙ йәштәрем төштө ҡйолоп.

Күренеүенсә, шағирҙың ысынбарлыҡты танып белеүе, коґнитив проңесы тыуған төйәккә, уның матурлығына, тәбиғәтенә туранан – тура бәйле. Рауиил Бикбаев та «моңон тыңлай таңғы даланың», тыуған ауыл ниндәй күркәм ассоҫиаҫиялар тыуҙыра күңелендә: «ауылым түбәһендә йәш ай балҡый ҡыҙҙар ҡашы кеүек һығылып» . Авторҙың художестволы фекерләүендә тыуған яҡ, дала образы мөһим роль уйнай. Шағирҙың донъяны танып белеүе символик образ кимәлендәге “юл” төшөнсәһе аша ла реалләшә. Р. Бикбаевтың күп кенә шиғырҙары юлдарҙа тыуған тәъҫораттарға нигеҙләнә:

Мин ҡайҙарҙа ғына йөрөһәм дә,
Онота аламам колхоз аттарын.
Йәшлеґем бит минең юлға сыҡты
Ошо аттарыма атланып.

Мәҫәлән, Р. Бикбаевтың «Вокзал» (1962) поэмаһы юлда ижад ителә башлай. Автор хәтерләүенсә, «Буш ваҡыттарҙа вокзал тирәләрен урап ҡайта, вокзал янында тимер юл аша һалынған

баҫма – күпергә менеп, составтар үткәнен ҡарап тора торғайныҡ. Вокзал минең күңелемә үҫмер сактан кереп ҡалған». «Өфө – Ырымбур юлдары» шиғыры ысынбарлыҡты ҡабул итеү, художестволы фекерләү күрһәткесе булып тора ала:

Өфө – Ырымбур юлдары,
Эй, йәшлегем йылдары,
Шул юлдарҙы үткән һайын
Бер ашҡынып, бер моңайып
Сыңлай күңелем ҡылдары,
Сыңлай күңелем ҡылдары.

Юлдар Р. Бикбаев шиғриәтендә тормош тәжрибәһе, менталь сығанаҡ функцияһын үтәй: *...Юлдар үтеп, / күпме һүтә – һүтә / Тәгәрләтеп тормош йомғағын, // Бөтөр һымаҡ ине был донъяның / Асыштары, серле йомағы //.* Әммә ысынбарлыҡ, беҙҙе уратып алған реаль донъя юлдар кеүек сикһеҙ, серҙәр йомғағының да тағатылып бөтәһе юҡ, шулар һымаҡ донъяны танып белеүҙең дә сиге юҡ.

Халыҡ шағиры Рауил Бикбаевтың художестволы фекерләүендә халҡыбыҙҙың менталь үҙенсәлектәре асыҡ сағыла. Мәкәлә сиктәрендә беҙ Урал, Башҡортостан һәм ҡурай образдарына (линҡокультуроғияла "конңепт") мөрәжәғәт итеү менән сикләнәбеҙ. Шағир ижадында ғражданлыҡ поэзияһы ифрат көслө, был һүҙ оҫтаһының илһөйәрлек сифаттарының юғарылығы менән билдәләнә. Поэмалары һәм бик күп шиғырҙары шул мотивтар менән һуғарылған, шағир донъяға, иленә һәм халҡына һөйөп баға. Был башҡорт халҡының аҫыл ирҙәренә борондан хас булған күркәм йола. Мәкәл - әйтемдәребеҙ, халыҡ йырҙарыбыҙ шуны раҫлай.

Ватан тиҙгән бер һүҙ тулышып йөрөп,
Йәшен кеүек керҙе аңыма.
Шул һүҙ быуаттарҙы яҡтыртҡанда

Ғәзиз ерҙә тыуҙым яңынан, - тип яҙҙы шағир. Күренеүенсә, изге төшөнсәләр лирик ғеройҙың аңында тулышып йөрөй, донъяға ҡарашын, художестволы фекерләүен тулы сағылдыра. Халҡыбыҙҙың художестволы фекерләүендә Уралтау - үҙәк образ, уны һүрәтләүҙә башҡорт халҡы туған теленең стилистик мөмкинлектәрен оҫта файҙаланған. Р. Бикбаев та традицияларыбыҙға тоғро ҡала: *...Һиңә бакһам, күңелем күтәренке, / Киләсәгем шат та, тыныс та; // Сөнки беләм: Иңдәреңдә илдең / Урал тигән һынмаҫ ҡылыс бар //* («Уралыма»). Шағирҙың художестволы фекерләүендә символик образдар йыш ҡулланыла, шуларҙың киң таралғаны – ҡурай. Ысынбарлыҡты художестволы үҙләштереүҙә, фекерләү процесында образлы ассоциациялар автор һәм тәбиғәт, предметтар мөнәсәбәтен сағылдырыуҙа бындай традицион образдарҙың әһәмиәте ҙур. Изге ҡурайыбыҙ, донъяны үтә һиҙгер күҙәтә белеү һөҙөмтәһендә,` ана ниндәй поэтик дөйөмләштереүҙәр тыуҙыра, тел сараларын ижади файҙалана: *"Ҡурай тауышынан дала менән / һиҫкәнделәр бергә кейектәр//"; "Тыным бөтөп, ҡурай моңон эсәм / туратымдың ялын ҡосаҡлап // ", "Ҡыҙылып ҡына сыға ҡурай моңо / һыҙылып ҡына атҡан таңымда // ".*

Башҡортостандың халыҡ шағиры Рауил Бикбаевтың ижадын өйрәнеү башҡорт филологияһы өсөн актуаль, сөнки, беренсенән, шағир ижады әләгәсә монографик планда Ғайса Хөсәйенов хеҙмәттәрендә, әҙәбиәт ғилеме күҙлегенән өйрәнелде. Икенсенән, шағирҙың бай ижады, заман һыҙланыуҙарын сағылдырған поэмалары, публицистикаһы, эпистоляр хеҙмәте линґвокультуролоґик аспектта бөтөнләй тикшерелмәгән. Шуға күрә, һүҙ оҫтаһын хәҙерге башҡорт теленең элитар линґвтистик шәхесе булараҡ өйрәнеү өлгөргән проблемаларҙың береһе.

Әҙәбиәт

1. Веґнер Л.А., Мухина В.С. Психолоґия: Учеб. пособие для учащихся пед. уч – щ по спец. № 2002 "Дошк. воспитание". – М., Просвещение, 1988, - 336 с.
2. Немов Р.С. Психолоґия: Словарь – справочник: в 2 -х ч. – М.: Изд – во ВЛАДОС – ПРЕСС, 2003. – Ч.1. – 304 с.
3. Ленов Леонид.В кн.: Хрулев В.И. Художественное мышление Леонида Леонова. – Уфа: Ґилем, 2005. – 12 с.
4. Хрулев В.И. Художественное мышление Леонида Леонова. – Уфа: Ґилем, 2005. – 536 с.
5. Шәрипова З. Я. Әҙәбиәт ғилеме һәм заман. – Өфө: Китап, 2001. – 320 б.
6. Хөсәйенов Ґ.Б. Рауил Бикбаев. Тормошо һәм ижады: моноґрафия. – Өфө: Китап, 2008. – 256 б.

©Санъяров Ф.Б., 2018

Саньярова Р.Р.,
к.ф.н., доцент БашГУ,
г. Уфа, Республика Башкортостан

МЕСТО ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ РОДНОМУ ЯЗЫКУ

В последнее время в лингводидактике особую важность и значимость приобретает интегрированное изучение языка и национальной культуры, постижение башкирского языка как материальной и духовной ценности народа, как составной части жизни общества, т. е. соотношение языка, культуры жизни и общества в целом.

В этой связи усиливается культуроносная и личностно-формирующая направленность в обучении башкирскому языку, которая реализуется в лингвокультурологическом подходе к обучению родному языку. При таком подходе язык и культура рассматриваются в тесной взаимосвязи (изучение языка в культуре и культуры в языке), а человек - носитель языка, будучи членом общества, в котором язык функционирует, является, с одной стороны, выразителем (творцом) культуры, а с другой -пользователем, влияющим на развитие этой культуры.

В качестве конкретной цели обучения башкирскому языку можно назвать формирование языковой, коммуникативной, лингвистической, культуроведческой, лингвокультурологической компетенции учащихся.

Особое место в системе обучения родному языку занимает лингвокультурологическая компетенция - система знаний о культуре, воплощенной в национальном языке, личностные качества, приобретаемые в процессе освоения системы культурных ценностей, выраженных в языке и регулирующих коммуникативное поведение носителей этого языка (В. В. Воробьев, С. А. Кошарная, В. А. Маслова и др.).

Язык играет важнейшую роль не только в формировании сознания растущего человека, но, что самое главное, на наш взгляд, в его вживании в культуру.

Следовательно, лингвокультурологическая компетенция предполагает не только практическое овладение языком и основами лингвистики (формирование языковой, коммуникативной, лингвистической компетенции), но и осознание языка как феномена культуры, культурно-исторической среды, национальной специфики языковой картины мира, национально-культурного компонента значения языковых единиц. Отсюда основные лингвокультурологические задачи дисциплины «Башкирский язык» в школе можно определить следующим образом:

• обеспечить свободное владение родным языком в разных ситуациях общения;

• обеспечить формирование познавательной, нравственной культуры учащихся;

• обеспечить активное участие в общественной жизни страны, успешную организацию своей собственной личной жизни;

• воспитание культуры общения, культуры поведения учащихся.

Для решения лингвокультурологических задач и достижения поставленной цели формирования языковой личности школьника в процессе обучения родному языку на основе культуры предполагается формировать:

• лингвокультурологические знания как обобщенный опыт, отраженный в сознании в языковой форме (в форме отдельных слов, словосочетаний, фразеологизмов, пословиц, поговорок, художественных и краеведческих текстов). К лингвокультурологическим знаниям относятся: знания истории страны (края, города, села, улицы), знание традиций, обычаев народа (края), знания особенностей разговорной речи жителей (города, села, области), бытовой жизни людей;

• лингвокультурологические умения как способность обучающегося использовать полученные им теоретические знания и соответствующие навыки, например: умение анализировать лингвокультурологиче-скую информацию, заключенную в языковых знаках; умение творчески использовать лингвокультурологические знания;

• личностные качества учащихся: умение воспринимать факты и явления культуры; быть не только созерцателем, но и хранителем культурного наследия своего народа для будущих поколений.

Следуя цели формирования лингвокультурологической компетенции языковой личности учащихся, необходимо систематически включать в структуру урока материал о русском языке как средстве выражения культуры народа (о самобытности, своеобразии, красоте, эстетической ценности башкирского языка и башкирского слова), лексические, лексикографические, этимологические данные, в том числе и краеведческого характера.

Урок, построенный на использовании краеведческих текстов, состоит из следующих этапов:

• целеполагание: ученики обсуждают тексты и задания с учителем, получают дополнительные инструкции по выбору и выполнению задания;

• планирование: школьники вникают в содержание и идею текста; размышляют над способом выполнения заданий; вместе с учителем вырабатывают план действий;

• исследование текста: пятиклассники отвечают на вопросы учителя или самостоятельно работают над содержанием текста, определяют его структуру, тему, идею и т. д.;

• дискуссия: учащиеся обсуждают, анализируют, добавляют, корректируют наблюдения по тексту;

• итоговая творческая работа: учащиеся обобщают материал в устной или письменной форме (выразительное чтение, пересказ, сочинение-миниатюра).

Для реализации лингвокультурологического подхода в процессе преподавания башкирского языка можно использовать следующие виды учебной деятельности на уроке: индивидуальная (например, сбор сведений о распространенных фамилиях жителей города), групповая (напр., «лингвистическая экскурсия» по городу), коллективная (например, дискуссия на тему «Нужны ли городу "старые" названия улиц?»), самостоятельная работа (например, лингвистический анализ текста краеведческого содержания).

Формы и методы могут быть следующими, например:

1. Проведение вводных уроков в каждом классе (в начале года).

2. Включение местного материала в урок лексики, фонетики, словообразования, грамматики (особенно материала по культуре речи, языку писателей).

3. Организация факультативов.

4. Изучение особенностей быта народа в том или ином селе, экскурсия в местный музей в городе как основа для творческих работ учащихся (по развитию речи).

5. Организация исследовательской работы учащихся как индивидуальной, так и групповой по изучению микротопонимов города (например, составление «паспорта» названий улиц Уфы; самостоятельное наблюдение над словообразованием микротопонимов; анализ и обработка собранного материала).

6. Сбор материала и выпуск стенгазет, устных и рукописных журналов.

Таким образом, реализация лингвокультурологического принципа обучения, который можно рассматривать как частнометодический принцип обучения башкирскому языку, не должна сводиться к хаотичному лингвистическому знакомству с культурой народа, родного края. Только систематическое и многоаспектное использование лексических, лексикографических, этимологических данных краеведческого и культурологического содержания на уроках башкирского языка является одним из эффективных средств приобщения школьников к национальной культуре через изучение родного языка, а также воспитание осознанного отношения и интереса к башкирскому языку и формирование лингвокультурологической компетенции.

Литература

1. Саньярова Р.Р. Лингвокультурологические принципы обучения башкирскому языку//Организация современного урока: методические разработки по башкирскому языку и литературе: Материалы учебно-методического сборника, посвященного 100-летию образования БАССР. – Республика Башкортостан, г. Уфа, 27 декабря 2017 года / Отв. ред. Г.Р. Абдуллина. – Уфа: БашГУ, 2017. – 148 с. С.20-25.

2. Янмурзина Р.Р. Башкирская языковая картина мира в трилогии Зайнаб Биишевой "К свету". - Уфа, 2015. - 142 с.

3. Янмурзина Р.Р. Когнитивная лингвистика и лингвокультурология: черты и различия// Вестник Башкирского университета. - 2014. Т. 19. - № 1. - С. 132-135.

4. Янмурзина (Саньярова) Р.Р. Разноуровневое представление языковой картины мира // Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения известного башкирского языковеда К. Г. Ишбаева «Филологическая наука: история, современность, перспективы». Уфа: БашГУ, 2017. – С. 105-110.

5. Янмурзина Р.Р. Концептуальная картина мира как базовый когнитивный элемент ментальности //Сборник научных трудов "Актуальные вопросы университетской науки". Выпуск III. - Уфа, 2016. 613 с. - С. 428-435.

© Саньярова Р.Р., 2018.

Сарбашева А.М.,
доктор филологических наук ИГИ КБНЦ РАН
г. Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДЕПОРТАЦИИ В БАЛКАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Трагические события 1944–1957-х гг. в истории балкарского народа болью отзываются в сердцах людей, и в первую очередь тех, кто оказался в пучине столь бесчеловечного произвола и стал жертвой исторической ошибки, которая впоследствии для многих народов обернулась национальной катастрофой. Оказавшись «на краю жизни», многим этносам, в том числе балкарцам, карачаевцам, чеченцам, ингушам, калмыкам и другим представителям депортированных народов, суждено было многое выстрадать и вместе с тем мужественно выстоять, дабы сохранить свои корни, свою историю, свою культуру и себя как народ в целом.

Прошло более шестидесяти лет, как балкарский народ «над большой жестокостью воспрянул», однако все еще не зажили душевные раны от «оскорбительных подозрений, несправедливых обвинений, тяжелейших моральных и физических унижений» (Б. Ельцин). Обострившийся интерес к белым пятнам истории обусловлен, прежде всего, острой необходимостью социально-философского осмысления переломных этапов в истории народа с позиций демократических преобразований в современном обществе.

Вырывается наружу «громкий крик» воспоминаний периода геноцида в произведениях лучших национальных поэтов и писателей, Депортация нашла отражение в эпических и лирических произведениях балкарских, карачаевских авторов А. Теппеева (роман «Мост Сыйрат»), Э. Гуртуева (повести «Ах, ворон, птица скверная», «Плач одинокой совы»), З. Толгурова (романы «Голубой типчак», «Белое платье»), Х. Шаваева (повести «Повесть, найденная в сундуке», «Последний день недели», «Неволя»), К. Кулиева («Охотникам, заблудившимся в ущелье»), Т. Зумакуловой (поэмы «Чужбина», «Тоска человека по родине и родины – по человеку»), М. Ольмезова (поэма «Черная пашня»), А. Созаева (стихотворение «Песня выселения»), О. Хубиева («Прекрасен мир»), Х. Байрамуковой («Когда поэтом я стала», «Казахстан») и др., чье детство и юность совпали с этими тяжелыми годами.. Каждый из них «… в силу своего таланта и творческой индивидуальности явил миру собственную художественную интерпретацию драматического отрезка народной истории» [2, с.84].

Драматические события в жизни ингушского народа, также пережившего все ужасы депортации, запечатлены в романе Ахмеда Бокова «Узкие ворота» (1994). «Высшая форма человеческой трагедии, связанная с потерей родины и угрозой насильственной смерти родного народа нашла осмысление в романе «Узкие ворота», обогатив наш исторический опыт и наполнив понятие «трагедия» новым содержанием»,– пишет литературовед Х.М. Мартазанова [5, с.121]. «Философия принятия жизни со всей ее трагичностью» в условиях сталинского тоталитарного режима нашла глубокое отражение и в поэтическом творчестве Д. Яндиева («Горсть земли»), А. Хажагульгова («Жестокая среда»), Р. Дидиговой («Баллада о выселении»), М. Льяновой («Башня») [9, с. 194].

Осмысление народной трагедии также явилось одним из приоритетных проблем в творчестве балкарских драматургов. В освещении данной темы в драматическом жанре выступили А. Теппеев и И. Маммеев. Сам факт непосредственного участия в историческом процессе выживания народа в столь экстремальных условиях, с одной стороны, с другой – нелегкая стезя художника слова «обязали» национальных авторов обратиться к трагическим страницам этнической истории, что позволило ощутить глубину драматизма и трагизма изображаемой эпохи. Вместе с тем, несмотря на общности судеб, каждый драматург индивидуален и творчески неповторим в воссоздании исторических реалий.

Необходимо подчеркнуть, что тема депортации приобрела актуальность не только на определенном этапе литературной и культурной жизни. Вопреки строгим запретам советской цензуры она являлась лейтмотивом творчества классиков национальной литературы. В числе таковых был и Кязим Мечиев, которому в преклонном возрасте суждено было самому непосредственно испытать судьбу изгнанника. «Кязим Мечиев – один из тех карачаево-балкарских поэтов, который в тяжелый период депортации народа проявил гражданское мужество и высоким творческим вдохновением смог преодолеть препоны исторического нигилизма и, вопреки требованиям официальной идеологии, воспеть величие народа, способного сохранить стойкость духа в нечеловеческих условиях изгнания и фактического геноцида», – отмечает Б. Берберов [2, с. 96].

Трагические обстоятельства в судьбе народа и обусловили обращение поэта к теме выселения, которая нашла свое воплощение в стихах «Таукел этейик биз бюгюн» (Будем надеяться мы сегодня), «Осуят» (Завещание), «Жарлы халкъым» (Бедный мой народ). Все они были пропитаны призывами к терпению и единению, трепетной верой в народ, в его нравственные и духовные силы. Именно эти лирические произведения послужили для драматурга А. Теппеева ценным материалом, с помощью которого ему удалось создать реалистичный образ поэта-гуманиста, до конца дней своих беззаветно служившего родному народу Мудрым Словом. Убедительным подтверждением сказанного является неоспоримый факт, что «на протяжении восьмидесяти шести лет Кязим жил одной жизнью с народом, и неизменно голос его звучал гордо и вдохновенно, пробуждая в сердцах людей ненависть ко всякого рода угнетению, укрепляя мечту и стремление к лучшей жизни» [7, с 56].

В трагедии «Тяжкий путь» (1990) через художественное осмысление жизни народного поэта А. Теппеев восходит до уровня раскрытия судеб многих народов, подвергнутых столь тяжким испытаниям. Драматург акцентирует свое внимание, в первую очередь, на внутренних противоречиях, внутренних страстях героя, который находится в состоянии конфликта не только с Системой, с ее представителями: он борется, прежде всего, с самим собой, испытывая глубокие страдания. Духовно напряжены мысли Кязима: «Ай, Кязим! Отарой, оставшейся без пастуха, назвал ты однажды свой народ. О том печалился, что тревога его безгласна, а боль глуха. Теперь вон каких надежных пастухов (имеются в виду коменданты. – *А.С.*) приставили к твоему народу. А ты, бедняга Кязим, все недоволен» [8, с. 9].

Автор, изображая «борьбу страстей в душе главного героя, сопровождает ее борьбой ярко выраженных мыслей» [3, с. 157], сосредоточенных в острых диалогах, монологах, что характерно для жанра трагедии.

Человек и обстоятельства жизни, человек и время – эти проблемы получают в пьесе «Тяжкий путь» глубокое философское осмысление, поднимаются до подлинно трагедийного звучания. Терпение и скорбь, вера в торжество справедливости («Когда попираются святые правила человечности, то несправедливости и насилию нет конца. Но пройдет время – и придет судья», – пророчит Кязим), внутренний протест и глубокий трагизм, с одной стороны, большой оптимизм – с другой, – эти чувства ярко выражают внутреннее состояние Мечиева.

Трагизм времени, глубина конфликта постигаются благодаря тому, что магистральная сюжетная линия базируется на личности главного героя. Тем самым драматургу удается проследить психологические процессы, которые находят выражение в острых диалогах и внутренних монологах.

Кязим не может смириться с трагической судьбой народа, с долей изгнанника, с болью невысказанной правды, с горечью пережитого. В диалоге его с фронтовиком Мухтаром раскрывается глубина трагичности Человека в условиях беззакония. На вопросы вернувшегося с фронта солдата: «Что же мы такое натворили? Какую вину нельзя отмыть даже кровью, пролитой на войне? Как мы стали врагами своей земли, врагами дома своего родного? За какую тяжкую провинность расплачиваются у нас и старики, и дети малые?» Кязим-хажи отвечает вопросом: «Джигит! Мы были народом и жили на своей земле. Как и у всякого народа, были и свои добродетели, и свои прегрешенья, и свои герои, и свои пройдохи: было у нас и мудрое, и дурное. Как и у всякого народа. Но еще ни один народ не становился врагом той земли, на которой веками жили его предки. Ты повидал мир, может быть, ты слышал где-нибудь о таком народе**?..»** [8, с. 8]. Кязим бессилен, ибо он не «пророк», а напротив – «несчастный и нищий человек». «Нищий не тот, кто собирает подаяния, а тот, кто лишен родины, кто изгнан», – говорит мудрец [8, с.8].

Хронотоп дороги в балкарской литературе, равно как и в других национальных литературах (вспомним поэму «Дороги» К. Отарова, романы «И дольше века длится день» Ч. Айтматова, «Вокзал» И. Капиева и т.д.), играет важную роль. «Путь – это познание себя, окружающего мира, открытие его, рефлексия прошедшей жизни, переоценка ее, тревога за будущее человека и человечества, мысль о спасении его от апокалипсиса. Это метафора жизненного пути, и ориентиры на нем (дорожные знаки) – Молитва, Знание, Вера, совершенствующаяся душа», – пишет исследователь ногайской литературы Н. Суюнова [6, с. 106]. Образ «дороги-пути» проходит также через пьесу «Тяжкий путь». Скитаясь по среднеазиатским пыльным дорогам, герой трагедии Кязим-хажи погибает, не дожив до торжества справедливости («Я шел всю жизнь, но не дошел до истины», – говорит он перед смертью). Тяжкий путь поэта обрывается, но прожитая жизнь его, одержимого большой идеей гуманизма, волей к созиданию, включается в движущуюся жизнь природы, приобщается к ее бесконечному развитию.

Драматургу удается убедить читателя в том, что народ выстоял и сохранился, ибо его не покидали вера и мудрость. Столь сложная тема не только для одной этнической группы, но и для

всего человечества, раскрыта А. Теппеевым посредством широкой системы образов: здесь и обезумевшая от горя Мисирхан, потерявшая в суматохе переселения маленького сына; сирота Ахмат, у которого от голода умерли мать и братишка; казах Шандабай и киргизка Айна, приютившие больную женщину Забитхан с ее внуками-сиротами; одинокий старец Кязим, который добрым словом старается облегчить горькую участь своих соотечественников и т.д.

Действующие лица трагедии: поэт Кашу, фронтовик Мухтар, девушка Мадина, карачаевский певец Жантуган – находятся в непримиримом конфликте с враждебными им людьми (в частности, с комендантом без имени, а значит, – без чести и совести) и обстоятельствами, сложившимися в силу ложного представления о «врагах» народа в лице целых наций, в том числе и балкарцев.

Депортация как трагическая историческая реальность нашла отражение также в драме И. Маммеева «На чужбине» (2003), в основе которой – социально-психологический конфликт. Судьбы героев данного произведения, как и у действующих лиц пьесы «Тяжкий путь», сходны: лишенные исторической Родины Кемилат, Азнор, Мажит (при этом не лишенные исторической памяти) не теряли надежды (да и не имели они на то права) на торжество справедливости. Оказавшись в замкнутом пространстве «временного небытия», каждый из них, руководствуясь чувством собственного и национального достоинства в целом, укреплял веру этноса в реабилитацию. В воспоминаниях героев драмы воссоздается трагическая картина выселения народа в Среднюю Азию. В речи действующих лиц чувствуются глубина трагизма, бессилие перед жестокостью, безысходность. Сама безжалостная действительность определяет характер действий и поступков персонажей драмы. Так, в образе Мажита персонифицируется народная сила. Бывший фронтовик – человек динамичный, с обостренным чувством справедливости, смело демонстрирует непримиримость к сложившимся обстоятельствам и вступает в конфликт с представителями власти. Например, полный негодования, он избивает Бригадира. Вместе с тем образ Мажита остается лишь намеченным: драматургу не удается полно осветить внутреннее состояние героя, передать через его мысли трагизм времени.

Изображая жизнь переселенцев на чужбине, драматург поднимает проблему этнической толерантности, выраженной на политическом и психологическом уровнях. Возникшие между автохтонным населением (киргизами в данном случае) и вынужденными переселенцами противоречия решаются на протяжении всего сюжетного времени. Неадекватное отношение коренных жителей к представителям балкарского этноса обусловлено объективными факторами. Например, стереотипное восприятие учительницы Гюльсары всех чужеземцев как потенциальных врагов народа есть следствие мощного идеологического пресса. На вопрос учителя Адалат о том, почему девушка пристрастно относится к балкарским детям, героиня отвечает: «Я – советский человек, я – патриот» (Подстр. перев. здесь и далее. – *А.С.*) [4, с. 25]. Героиня в своем заявлении выражает интолерантность, что в данном случае обусловлено политическими взглядами субъекта. Важно отметить, что драматургу удается художественно осветить процесс осознания представителями местного населения неправомерности негуманного обращения с депортированными. В контексте исторических реалий в сознании персонажей драмы зарождается чувство терпимости, а позже – уважительного отношения к балкарцам, к их этнокультурным традициям.

Герои драмы И. Маммеева – люди естественно противоречивы. Таковыми представлены Бригадир, Комендант, учительница Гюльсары. Наиболее глубоко раскрыт образ Коменданта; в системе образов пьесы он занимает центральное место и представлен многопланово. Автора, в первую очередь, интересует судьба индивида, его психология в сложившихся обстоятельствах.

Следует отметить, что действующие лица драмы, независимо от политических и классовых воззрений, не лишены умения анализировать свои действия и поступки. В этом плане показательна фигура Коменданта, человека противоречивого, бескомпромиссного. На первый взгляд, он – человек жестокий, напрочь лишенный гуманных качеств, духовно порабощенный Системой. Вначале, являясь хозяином вверенной ему территории, комендант бесчинствует над спецпереселенцами. Позже героя драмы начинают одолевать сомнения относительно своих поступков. «Да я сам себя не пойму. Наверное, жизнь разделила на две половинки. Поэтому во мне сидят два человека, которые спорят, борются друг с другом», – признается он в собственной противоречивости [4, с. 42]. Драматургу удается «задеть тонкие струны» его сердца. Глубоко в душе Комендант осознает трагическую безысходность как следствие слепой верности сталинской системе. «Зачем мне все это надо было? Ребенок прочитал стихотворение, женщина наводит справки о своем муже. И что плохого (преступного) в этом? Ничего не понимаю», – вопрошает он себя [4, с. 23]. Сознание Коменданта трансформируется в позитивном русле. В герое пьесы «просыпается» здоровое нравственное начало,

что явственно выражено в его речи. На вопрос Мажита о том, осознавал ли Комендант свою жестокость, последний отвечает: «Тогда об этом мы не думали. Я верил всему… Раз сослали людей сюда, значит они виновны, они – враги… Но когда и фронтовиков стали называть врагами, тогда лишь стал задумываться…» [4, с. 43]. Впоследствии, движимый чувством справедливости, он пытается помочь Мажиту избежать наказания.

Образ Коменданта раскрывается с глубоким проникновением в его психологию. Изображая противоречивый характер своего персонажа, драматург показывает, что эволюция сознания человека проходит ряд этапов: каждая стадия обусловлена, в первую очередь, объективными условиями.

В конце драмы Комендант, признавшись в совершенных им суровых деяниях по отношению к депортированному населению, горько осознает свою «драматическую вину» (В. Волькенштейн). Автор не лишает героя драмы возможности морально реабилитироваться. В откровениях последнего звучат сожаление о неоправданных поступках, острая потребность в прощении. Однако покаяние Коменданта, признание своих «фатальных ошибок» (В. Волькенштейн) не дают ему душевного покоя, не умаляют степень его виновности. В психологии героя И. Маммеева заметно определяется волевое начало. В конце драмы стремление Коменданта направляется на достижение внутренней цели – приобрести внутреннюю свободу, ибо, словами Мустая Карима, «…человек, не став изнутри свободным, вообще не может быть свободным…» [10, с. 26]. Герой драмы пытается что-либо понять, принять какое-то решение. Тем не менее, это ему не удается, напротив, его одолевает внутренний страх за содеянное им зло: «В тот день я был жесток... Молодость, безумная молодость. Я не разрешил похоронить умершую в вагоне женщину. Не уважил горе другой женщины, которая потеряла своего ребенка. Какая глупость! Я ничего не понимал. Кроме всего, я стал бояться самого себя» [4, с. 43]. В конце пьесы Комендант, оказавшись в лабиринте безысходности, теряет рассудок.

Анализ драматургических произведений балкарских авторов А. Теппеева и И. Маммеева показывает, что поднятые ими социально философские проблемы Добра и Зла, Свободы и Независимости, толерантности весьма актуальны и в современных условиях, когда межэтнические разногласия зачастую приобретают драматический характер. И в решении вопросов государственной значимости немаловажную роль играет многонациональная литература, «значение которой определяется не только ее познавательными, эстетическими и социальными функциями, но и духовной интеграцией людей…» [1, с. 3].

Литература

1. Ахмедова Р.А. Духовная интеграция народов Дагестана в современной литературе. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2002. 208 с.
2. Берберов Б.А. Тема народной трагедии и возрождения в карачаево-балкарской поэзии. Нальчик: Издательство КБИГИ, 2011. 216 с.
3. Волькенштейн В. Драматургия. М.; Л.: Искусство, 1937. 271 с.
4. Маммеев И. Киши жеринде (На чужбине): Пьесы. Нальчик: Эльбрус, 2003. 196 с.
5. Мартазанова Х.М. Трагедия личности и народа (По роману Ахмеда Бокова «Узкие ворота») // Материалы Международной научной конференции «Единая Калмыкия в Единой России: через века в будущее», посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства. Элиста. 13–18 сентября 2009 г. Ч. 2. С. 118–121.
6. Суюнова Н.Х. Образ дороги в фольклоре и литературе ногайцев // Литература народов Северного Кавказа: художественное пространство, диалог культур. Материалы всероссийской научной конференции. Карачаевск, 2008. С. 203–206.
7. Теппеев А.М. Кязим Мечиев // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: «Эльбрус», 1981. С. 56–86.
8. Теппеев А. Тяжкий путь: Трагедия // Эльбрус. 1990. № 1. С. 5–28.
9. Хадзиева А.А. Философия принятия жизни со всей ее трагичностью (Тема исторической памяти в ингушской поэзии) // Материалы Международной научной конференции «Единая Калмыкия в Единой России: через века в будущее», посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства. Элиста. 13–18 сентября 2009 г. Ч. 2. С. 194–197.
10. Цит. по: Кильмухаметов Т.А. Поэтика башкирской драматургии. Уфа: «Китап», 1995. 336 с.

© Сарбашева А.М., 2018

Гөлзат Сәйҙәгәле,
БДУ-ның СФ 2 курс магистранты,
Илишева Р.Х.,
ф.ф.к, доцент,
Стәрлетамаҡ ҡ, Башҡортостан Республикаһы

XX Б. БАШЫ БАШҠОРТ, ҠАҘАҠ ӘҘӘБИӘТЕНДӘ МИЛЛӘТ, ХАЛЫҠ БӘХЕТЕ ТЕМАЛАРЫ

1905-1907 йылдарҙағы ижтимағи хәрәкәттәр тәьсирендә Рәсәйҙең «инородңы»тип йөрөтөлгән милләттәренең милли үҙаңы уяна, улар ер, ирек өсөн көрәшкә күтәрелеү кәрәклеген аңлай.

XX быуат башында ирек, азатлыҡ мәсьәләһе бөтә Рәсәйҙә иң ҡырҡыу мәсьәләләрҙең береһе булыуы билдәле. Ә башҡорт, ҡаҙаҡ халыҡтары өсөн был быуаттар буйынса ҡатмарлана килеп, быуат башында булыу-булмау, йәшәү-йәшәмәү мәсьәләһенә әйләнгән.

Еғерменсе быуат башында башҡорт шағирҙары Ғ.Кейеков, С.Яҡшығолов юғалтылған ерҙәрҙе халыҡ ҡулына ҡайтарыу мәсьәләләрен күтәреп сығалар. Ф.Туйкин («Ағиҙел», «Урал тауына» шиғырҙары»); Ғ.Иҫәнбирҙин («Мин вә мөхитем», «Тыуған ил» шиғырҙары), тыуған ер_матурлығын данлай, авторҙар кеше бәхетен, яҙмышын тыуған тыуған төйәк, тыуған ил менән бәйләп һүрәтләйҙәр.

Ҡаҙаҡ әҙәбиәтендә милләт яҙмышы, азатлыҡ мәсьәләләрен С. Турайғыров (1893—1920), С. Дүнәнтаев (1894—1933), М. Сералин (1872—1929), С. Күбеев (1879—1956) һ.б. күтәреп сыға. Улар мәғрифәтсе булараҡ ижад итә: бөтә ҡвилизаҫиялы милләттәр иҡтисадта һәм мәҙәниәттә алға киткәндә, дала халыҡтары ла артта ҡалмаһын тип борсола, ошо хаҡта яҙа. Миржаҡып Дулатовтың (1885-1935 ғг.) "Уян, ҡаҙаҡ!" (1909 й.) тиҙән китабында урын алған шиғырҙарҙа ҡаҙаҡ милләтенә яҙмышын үҙгәртеү өсөн хәл иткес мәл еткәнлеген күрһәткән. М. Дулатов милләттәштәрен яңы тормошҡа саҡыра, бәхетле булыу өсөн алға барыу кәрәклеген ҡат-ҡат әйтеп үтә. Миржаҡып көрәш юлын берҙән-бер дөрөҫ юл тип һанай, халыҡты йәлләүҙән аһ-зар түгә. Уның идеялары күпмелер мәшһүр башҡорт шағиры Ш.Бабичтыҡы менән ауаздаш. Ш.Бабич 1914 йылда яҙылған «Халҡым өсөн» шиғырында дан өсөн дә, алтын-байлыҡ өсөн дә йырламай, саф йөрәкле, дәртле һәм көләс, әммә ярлы-меҫкенлеккә дусар ителеп, ҡыҙғаныс хәлдә булған кешеләрҙе - туған халҡы бәхетен ҡурсалап көрәшә.

Башҡорт шиғриәтендә иһә ер мәсьәләһе бөтә ҡырҡыулығында асыла. Был теманың Ш.Бабич ижадында тупраҡ төшөнсәһендә кәүҙәләнеүе үҙ эсенә тәрән, күп ҡырлы мәғәнә туплаған. Шағирҙың ерҙе ҡурсалау зарурлығы, тыуған ерҙә хөрмәтле мөнәсәбәт тураһындағы уйҙары «Тупраҡ» исемле шиғырҙа асыҡ сағылыш тапҡан:

Тупраҡ беҙҙең анабыҙ,
Беҙ тупраҡҡа балабыҙ.
Тупраҡ, тупраҡ, тупраҡ!
Күкрәктәге сәнабыҙ.

Башҡортостан ерҙәрен күрәләтә баҫып алыуға борсолоу Ш.Бабичтың «Беренсе садә», «Список номер 9» шиғырҙарында ла төп урын биләй:

Китһә ерҙәр, бел шуны: мәсет китер, мәктәп китер.
Йәмле башҡорт ерҙәрен сирмеш, урыҫ ҡаплап китер…
Ерҙән айырылһаң, һине һәр кем иҙеп, тапап китер.

Шулай итеп, Ш.Бабич шиғриәтендә халыҡ бәхете тыуған ерҙә ҡарата мөнәсәбәттә сағылыш таба, ер өсөн барған көрәш - азатлыҡ өсөн көрәш, тиҙән фекер үткәрелә. Был XX б. башҡорт шиғриәтенең бер һыҙаты.

Башҡортостандың тәүге халыҡ шағиры М.Ғафури ижады халыҡтың ауыр хәлен, ынтылыштарын сағылдыра. Былар биҙерәк тә «Себер тимер юлы йәки милләттең хәле», «Хөрриәт дәүерендә», «Мин ҡайҙа», «Үҙем һәм халҡым» шиғырҙарында асыҡ күренә. М.Ғафури кеше бәхетенең тыуған ер менән бәйле икәнлегенә ышана. «Бәхет эҙләү» шиғырында автор: «Бәхет эҙләйем мин ерҙән, шуға бында, ерҙә торам!», тип әйтһә, «Ғөлдәр баҡсаһында» тыуған ер матурлығын хеҙмәт менән бәйләй:

Кемдәр эшләй, кемдәр ерҙәр ҡаҙый,
Кемдәр беҙгә һыуҙар һибәләр,
Кемдәр сәскә кеүек саф күңелле, -
Шулар беҙгә дуҫтар! – тинеләр.

М.Ғафури менән бер үк осорҙа ижад иткән ҡаҙаҡ шағиры, ҡәләмдәше Әхмәт Байторсон шиғриәтендә идеялар оҡшашлығы күҙәтәбеҙ. Әхмәт Байторсон (1873-1937 й.) XX б. ҡаҙаҡ әҙәбиәтен,

М.Ғафури кеүек, ҡыйыу идеяларға байытҡан шағир. Ул заманында Өфөлө «Ғәлиә» мәҙрәсәһендә белем ала. Был шағир әҙәбиәткә азатлыҡҡа саҡырыу һәм милли сикләнгәнлекте бөтөрөү фекерҙәре менән килеп инә. 1911 йылда Ырымбур ҡалаһында Әхмәт Байторсондоң «Серекәй» исемле китабы донъя күрә. Был китапта илдә ауыр тормош, колониаль иҙеү арҡаһында ябай халыҡтың хоҡуҡтары яҡланмауы, наҙан килеш үҫештән артта ҡалыуы кеүек мәсьәләләр күтәрелә. Автор халыҡты уҡырға, белем алырға саҡыра, башҡа милләттәр менән бер ҡатар йәшәргә тырышырға кәрәк, тип яҙа:

Беҙ сүллектә, ҡаҙҙар кеүек, һыу эҙләнек,
Тирә-яҡта ҡамыш яна, беҙ күрмәнек.
Ҡотолоуҙар уттан мөмкин микән…

Был юлдарҙа Әхмәт Байторсон, М.Ғафури кеүек, өмөтһөҙ уйҙарға ла төшөп киткеләй. М.Ғафури ҙа билдәле шиғырында:

Юҡтырһың да, алла! Әгәр булһаң,
Сабыр итмәҫ инең был эшкә… тип яҙғайны.

Әхмәт Байторсон үҙенең бер шиғырында:

Әй, ҡаҙаҡтар!
Ер урланған,
Мал урланған, көнөң төндәй…
Уян, ҡаҙаҡ!

тип халҡына оран һала. Күренеүенсә, ике туғандаш халыҡтың был осорҙа яҙылған әҫәрҙәре идея, формалар йәһәтенән бер-береһенә ауаздаш, оҡшаш яҡтары бик күп кенә, айырмалы яҡтары иһә әҙәбиәттең тарихи ерлеғенән килә.

Әҙәбиәт

1. Илишева Р.Х., Билалова З. Башҡорт шиғриәтендә таң һәм төн образдары// Актуальные проблемы тюркской филологии: Сборник материалов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, посвященной Году Российского кино в РФ и РБ. - Стерлитамак, 2016. С. 160-162.

2. Утяев А.Ф. Тема судьбы народа в современной башкирской поэзии // Региональная история: методология, источники, историография: Сборник научных трудов Третьих международных Усмановских чтений. – Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашҒУ, 2016. – С.291-293.

© Ғөлзат Сәйҙеғәле, Илишева Р.Х., 2018

Сибәгәтов Ф.Ш.
ф. ф. к., БДУ доценты,
Өфө ҡ., Башҡортостан Республикаһы

НАЗАР НӘЖМИ ИЖАДЫНДА ПОЭМА ЖАНРЫ

Башҡортостандың халыҡ шағиры Назар Нәжми үҙенең лирик шиғырҙары, поэмалары, драмалары һәм публицистик сығыштары менән халҡыбыҙҙың һүҙ сәнғәтен биҙәне.

Назар Нәжми әҙәбиәткә 1930-сы йылдар аҙағында килә. Уның тәүге шиғырҙары 1937 йылда республикабыҙҙың пионер һәм комсомол гәзиттәрендә баҫыла, шиғыр һәм хикәйәләре “Беренсе йыр” альманахында (1938) урын ала. “Ауыл эскиздары” исемле тәүге ҙур шиғырҙар ҡиклы “Октябрь” журналында (1940) донъя күрә. 1950 йылда Назар Нәжмиҙың “Тамсылар” исемле тәүге китабы баҫылып сыға. Артабанғы йылдарҙа баҫылып сыҡҡан “Тулҡындар”, “Көтөлмәгән ямғыр”, “Көҙгө һуҡмаҡтар” һ.б. китаптары әҙәбиәткә талантлы әҙип килеүен күрһәтә. Әҫәрҙәрендә ер һәм шәхес, тыуған ил, туған тел мәсьәләләре кеүек әһәмиәтле темалар күтәрелә.

Назар Нәжми поэма жанрында сағыштырмаса ҙур уңыштарға өлгәшә – 15 поэма һәм 2 баллада авторы.

“Әсә” (1948) поэмаһының беренсе бүлегендә Яңы йыл төнөндә улын көтөп ала алмаған әсә һүрәтләнә. Ул өҫтәлдәге бешкән ашты ла ашамай улын көтә, бер йыл элек булған байрамды хәтеренә төшөрә. Әҫәр ил азатлығы өсөн ғүмерен улдарын-ҡыҙҙарын юғалтған әсәләрҙе кәүҙәләндерә һәм әсәләргә гимн рәүешле яңғырай:

О һин, әсә! Минең һулыштарым,
Йөрәгемдең һәр бер тибеше –
Мәрхәмәтле һинең йөрәгеңдең
Тик бер кескәй ғенә өлөшө.

“Һәйкәл тураһында баллада” (1950) әсәре күләме буйынса зур түгел, вәкиғәлар һуғышҡа тиклем халыҡ үҙенең батыр улдарының береһенә ҡуйған һәйкәл образы менән бәйләнә. Шағир фекеренсә, дошмандарға ҡарата булған нәфрәт кешеләрҙә ғәнә түгел, хатта һәйкәлдәрҙә лә сағыла.

“Ҡайындар” балладаһының (1959) сюжеты өсөн “дуҫ малай Ҡәйүмдең тетрәндерғес яҙмышы алынған. Берҙән-бер бала булып, иркә ғәнә үҫкән Ҡәйүмдең үлеме тураһында ҡара ҡағыҙ килгәс, атай кеше бар үсен өй артында ғөрләп үҫеп ултырған ҡайындарҙан ала. Әҫәр аҙағында шул ҡайындарҙың ҡабаттан үрсеүе тормоштоң дауам итеүе тураһында һөйләй. Шулай итеп, ғаиләләрҙә ҡайғы килеүендә бөтә ғәйеп – һуғыш фажиғәһендә.

“Капҡалар” (1960) поэмаһының сюжет-композиҙион ҡоролошто беҙ бер ни кимәлдә Мостай Кәримдең “Европа-Азия” исемле шиғырҙар ҙиклына оҡшатабыҙ. Был ике әҫәрҙә лә вәкиғәлар эҙмә-эҙлекле үҫешә. Поэманың ғеройы – “баллы кәрәҙ кеүек шаҙра” ауыл малайы.

Назар Нәжмиҙың зур булмаған әҫәрҙәре араһынан “Шыршы” балладаһын да (1960) атап китергә була.

“Йыр тураһында баллада” (1962) әҫәре Бөйөк Ватан һуғышында батырҙарса һәләк булған дуҫы һәм ҡәләмдәше Мәлих Харисовҡа бағышланған. Уға эпиграф итеп М.Харистың шиғыр юлдары алынған.

“Йоҡлаған бала янында һүҙ” (1965–1966) әҫәрендә, ғүйә, тере атаһы менән ғәпләшә лирик ғерой. Һуғышта һәләк булған атаһы өсөн вәҡыт туҡтап ҡалған, ул йәп-йәш. Үҙе һуғыш утын кисеп ҡайтҡан уланы уға бөтә яңылыҡтарҙы, үҙгәрештәрҙе һөйләп бирә. Ағаһы Ғиләжетдиндең һуғышта үлеүен дә, ауылынан киткән йөҙ ҙә алтмыш биш һалдаттың кире ҡайтмауын да һөйләй атаһына ул. Һуғышты ҡәһәрләп ләғнәт итә лә, күҙҙән юғала атай кеше. Ләкин “Ләғнәт” һүҙе ер өҫтөндә яңғырап ҡала.

Автор сәңгелдәктә йоҡлап ятҡан баланы һәм Ер шарын тиң итеп ҡуя. Бәләкәй балаға тынлыҡ һәм тыныслыҡ нисек кәрәк булһа, Ер шарына ла һуғышһыҙ тыныс тормош шулай уҡ кәрәк. Был инде ата-инәйҙәрҙә мөрәжәғәт булып яңғырай: ебәрмәгеҙ асып яңы һуғышты! Поэма яуҙа баштарын һалған йөҙ ҙә алтмыш биш ауылдашына үҙенсәлекле хәтирә-бағышлау булып яңғырай.

Һуғыш темаһы, ошо уҡ борсолоулы уйланыуҙар “Күлдәк” (1970) поэмаһында ла сағылыш таба. Поэмала халыҡ йолаларының береһе булған күлдәк туйы тураһында һүҙ бара. Малай кешеғә биш йәш тулғас, ул атаһының бәләкәй сәҡтағы, һәҡлап тотолған күлдәгән кейеп, атаһы менән икәү атта елеп үтәргә тейеш. Был поэма ғеройы булған малайҙың исеме Ансаф. Бөгөнгө көн күлдәк туйы, байрам көн, әммә уның янында атаһы юҡ. Ул һуғышта. Тап ошо көндә, шатланып, ҡунаҡтар өсөн һый әҙерләп йөрөгән малайҙың өләсәһе Әсмәғә пачтальон “ҡара ҡағыҙ” килтерә. Ансафтың атаһы һуғышта һәләк булған. Ошондай вәҡытта ла Әсмә әбей һығылып төшмәй, байрам йәмен ебәрмәй. Ул береһенә лә үҙ хәлен һиҙҙермәй, ә ҡара ҡағыҙҙы утҡа ырғыта. Был әсәнең рухи көсөнә, ихтыярына, сабырлығына һәм түҙемлегенә хайран ҡалырлыҡ.

“Дуҫ тураһында ун бер йыр” (1970) поэмаһын Назар Нәжми бүлек-йыр тип исемләй. ул ун бер йырҙан тора. Был әҫәрҙә Ғилуан исемле етем малайҙың еғет ҡорона инеүе, тәүге мөхәббәте, өйләнеүе, һуғышҡа алынып, кулһыҙ кайтыуы, һуғышта һөйгәне Марияһын да юғалтыуы поэмала ентекле һүрәтләнә. Еғет үҙенә тиң йәр табып, тормош юлын артабан дауам итергә көс таба. Ғилуан һылыу Мәликәгә өйләнеп, тормошон дауам итә.

Назар Нәжмиҙең “Ике Зөләйха” поэмаһы ла һуғыш темаһы менән бәйле. Ул реаль шәхестәрҙең әсенешле яҙмышын һүрәтләүгә ҡоролған. Һуғышты Литва ерендә ҡаршылаған Мөҙәрис тәүге мәлдә үҡ дошман пуляһынан ике күҙһеҙ ҡала. Был вәҡытта уның алыҫ Сөн буйҙарында ҡалған Зөләйхаһынан балаһы тыуа.

Поэманың икенсе бүлегендә йәш медсестра тере мәйеткә әйләнгән Ибраһим исемле еғетте тыуған яҡтарына, Әрмет ауылына алып ҡайтыуы һүрәтләнә. Өсөнсө бүлектә сая һәм һылыу Зөләйханың ҡаты яралы Ибраһимды үҙ яртыһы итеп һайлауы һүрәтләнә. Бында автор ҡыҙҙың яу ҡырындағы батырлығын түгел, ә тормоштағы батырлығын данлай. Поэманың артабанғы бүлектәрендә Зөләйха һәм Мөҙәрис яҙмышы яңынан ҡалҡып сыға. Ҡайҙа барырға тип ғазапланған Мөҙәрисен Зөләйхаһы йүгереп килеп ҡосағына ала. Дөйөм алғанда, “Ике Зөләйха” поэмаһы ике Зөләйхаға ғына түгел, шул һуғыштың бөтә ауырлыҡтарын үҙ иңдәрендә күтәргән бөтә ҡатын-ҡыҙҙарға дан булып яңғырай [1].

“Тере ҡан” поэмаһында ла дүрт ғерой хәрәкәт итә. Шуларҙың береһе – Ғөлзифа. Ул һуғыштың тәүге сәғәттәрендә үҡ бер көнө лә тулмаған күкрәк балаһын юғалта. Әҫәр барышында беҙ Зифаның ирен эҙләп фронтҡа килеүен һәм доктор булып хеҙмәт итеүен күрәбеҙ. Был һуғыш фәжиғәһенең яу ҡырында ғына түгел, ябай халыҡ араһында ла үлем, ҡайғы килтереүен күрһәтә. Үҙенең ҡайһы бер

поэтик алымдары менән ул алдарақ яҙылған “Йыр тураһында баллада” әҫәрен хәтерләтеп ҡуя [1, б.135].

“Шағир һәм Шаһ” (1969–1970) әҫәрен автор “көнсығыш поэмаһы” тип тә атай. Поэма үҙәгендә шағир һәм шаһ образы тора. Шаһйыһан – власть эйәһе, хөкүмәт башлығы. Доньяларҙы һелкетер шаһтар шаһы, уҫалдарҙан уҫал, батырҙан-батыр, ҡатыларҙан-ҡаты хаким зат. Шағир иһә донъяны ысын-ысындан тотор, дан килтерер оло ҡөҙрәткә эйә, уның аҡыл көсө, ижад һәләте бар. Шаһйыһандың вәзире шағирҙың ошо һәләтен, һүҙ көсөн, аҡсаға һатып алып, уны Шаһйыһандың исеменән һөйләтеп, шаһына дан, аҡыл эйәһе исеме килтерҙән. Ә шағир аҡса ҡолона әүерелгән.

Бер саҡ шағир был хаҡһыҙлыҡҡа, үҙ һәләтен һатып хакимдарға дан килтереүенә ҡаршы дау күтәрә. Дау күтәреп хакимлыҡ золомоноң ҡорбаны була. Шул саҡ инде Шаһйыһандың үҙ аҡылының таҡырлығы асыҡлана, иле алдында фаш була.

“Назар Нәжми, үҙе яҙғанса “эзоп телен ҡулланып, тағы ла бер поэма ижад итә. Был әҫәр – “Иблес” поэмаһы (1973–1978). Поэма дини, мосолман мифологияһына ниғеҙләнгән. “Иблис – Ҡөрьәндә телгә алынған фәрештәләрҙең береһе. Унда был исем күп тапҡырҙар ҡабатлана (2: 34–36), (5: 30–44), (26: 94), (34: 20) h.б.” [2, б. 54].

Назар Нәжми суфый шағирҙар традицияларын дауам итеп, Иблистең ситтә түгел, ә кешеләр араһында булыуын һәм уларҙың күңеле, рухы менән һәр ваҡыт тартҡылашыуын һүрәтләй.

Поэма ғеройы имам Әхмәт Зөйә буйындағы ауылдарҙың береһендә йәшәй. Ғаиләһе лә ишле – ҡатыны Бибикамал, дүрт улы, ҡыҙы. Революция ваҡиғаларынан һуң ғаиләһе менән ул тыуған яғын ташлап сығып китә. Юлда биш балаһын да юғалталар, һуңғыһы – ҡыҙҙары үлгәндә, донъяға тағы бер сабыйҙары тыуа.

Был сәғәттә йәшәү менән үлем
Тоташалар төҫлө шыбаға.
Береһе китә, икенсеһе килә,
ҮС иткәндәй килә донъяға.

Бына ошо ваҡытта, зур тетрәнеүҙәр кисерғәндә Әхмәт Иблис менән осраша. Улар араһында тәүҙә бәхәс тыуа, Әхмәт Иблисте ҡыуып ҡарай.

Аллаға ни әйтерендә беләм –
Һин бит Иблис, уҫал һәм көслө,
Күктәр ерҙә ҡыуылғаның өсөн
Аллаға бит мәңге һин үсле.
Хоҙайға ни әйтереңде беләм,
Булмағанда әҙәр һин, зәхмәт,
Ер ғонаһһыҙ, беҙ ғонаһһыҙ булып
Йәшәр инек.

Назар Нәжми поэмала Иблистең монологына ла зур йөкмәтке һала:

Әхмәт мин. Кеше, көсһөҙлөгөн
Аҡлар өсөн, мине тыуҙырҙы…
…Ә мин һиндә тыуған! Һиндә!
Ҡайҙа барма, һинең артыңдан
Ҡалмайым мин. Кем һуң үҙ рухына
Ҡаса алған борон-борондан?

Икенсе бүлектә Әхмәт ҡартая, улы Мәхмүт еҙет булып үҫкән. Ошонда, улының туған телендә йырлағаны өсөн улар араһында бәхәс сыға. Ярһыған атаһы Мәхмүтте үлтерә.

Поэма дини-мифолоғик сюжетҡа ниғеҙләнһә лә, унда тыуған ер, туған тел, уларҙың кеше өсөн әһәмиәте кеүек актуаль мәсьәләләр күтәрелә. Автор фекеренсә, йәмғиәттә Иблис кеүек, кешеләрҙе туры юлдан аҙҙырыусы, туған телдән аҙҙырыусы көстәр һаман да бар.

“Урал” (1976) поэмаһы тағы ла көслөрәк милли рух менән һуғарылған әҫәр. “Унда Ишмөхәммәт улы Ишбулла ҡурайсы һәм йырсы йөҙөндә атаҡлы ҡурайсыбыҙ, Башҡортостандың халыҡ артисы, Рәсәй Федерацияһының атҡаҙанған артисы Ишмулла Дилмөхәмәтовтың образы һынландырыла. Поэмала иң тетрәткес ваҡиға: ҡурайсының сит илдә эмиґрант башҡорт менән осрашыуы, шундағы әрнеүле бәхәс, уларҙың икеһен дә берҙәй әсир иткән башҡорт моңо – классик “Урал” халыҡ йыры” [3, б. 50].

Токио ҡалаһында булған саҡта артист эмиґрант башҡорт менән осраша. “Береһе сая баш, береһе ҡара баш” ике башҡорт араһындағы һөйләшеү артабан бәхәскә күсә. Ҡурайсы сит илдә йәшәп, донъя көткән башҡорттоң ысын башҡортлоғона ышанмай. Уға ошондай һорау менән мөрәжәғәт итә: “Ҡайҙан? Әйт һин, ҡайһы һыуҙыҡы һуң?” Эмиґрант башҡорт, ҡурайсыны аптыратып, саф башҡорт

телендә һыуын, ауылын ғына атап бирмәй, һәр йәйләүенең һәм тауының исемен әйтә. Ә үҙенең күҙәрендә һағыш һәм ғазап ҡатыш әрнеү. Бына ошонан һуң улар араһында ысын бәхәс башлана:

Ә һуң ағай, тыуған ер-һыу ғына

Башҡорт һуң башҡорт итәме?

Сит илдә йәшәгән башҡорт үҙенең башҡортлоғон юғалмаһын өсөн бейәләр тотоуын да һөйләп бирә. Улар араһындағы бәхәс аҙағында Ишбулла тағы ла ҡатыраҡ һәм зурыраҡ шарт ҡуя:

Әгәр ҙә һин ысын башҡорт икән,

Йырлап күрһәт миңә "Урал"ды.

Поэманың иң тетрәндерғес, кульминаҙион урыны ошолор, моғайын. Ишбулла тәүҙә үҙенең шартының үтәленә һис тә ышанмай, ләкин уны аптыратып, эмигрант башҡорт йыр башлай.

Инде үҙенең был шарты ла үтәлгәс, Ишбулла ят башҡортто ысын башҡорт тип ҡабул итер тип өмөтләнә уҡыусы. Әммә поэмала ваҡиғалар үҫеше икенсе төрлө боролоп китә. Ҡурайсы:

Башҡорт ҡына шулай йырлай ала…

Ә шулай ҙа

Һин бит ысын башҡорт түгелһең…,

– тиҙән һығымта яһап ҡуя.

Ысынлап та, әлеге заманда үҙенең моңон, ер-һыу атамаларын белеү ғына түгел, хатта үҙ телендә лә аралаша алмаған башҡорттар күп. Шулай булғас уларҙы сит илдә йәшәп тә телен һәм моңон онотмаған, бейәләр тоткан, хатта халыҡ йыры "Урал"ды башҡара белгән башҡорт менән нисек сағыштыраһың? Йә булмаһа, ата-бабаһы ерендә йәшәп тә, йүнле донъя көтмәгән, хатта булғанын да туҙҙарған, бөтәһен дә хәмергә алмаштырған милләттәштәребеҙгә нисек итеп "Эйе, һеҙ ысын башҡорттар!" – тип әйтә алаһың.

Назар Нәжми драматургия һәм публиҡистика өлкәһендә лә әүҙем эшләй. Уның әҙәби тәнҡит буйынсағы сығыштары ла киң билдәле.

Әҙәбиәт

1. Хәбиров Ә. Күкрәк һөтө аҡты ҡан булып // Ағиҙел. –1997. – №2.
2. Сибәғәтов Ф. Ислам. Дин, әҙип, әҙәбиәт. – Өфө, 2005.
3. Еғерменсе быуат башҡорт әҙәбиәте. Юғары уҡыу йорттары өсөн дәреслек. – Өфө: БДУ, 2003.

© Сибәғәтов Ф.Ш., 2018

Солтаҡаева Р.А.,

ф. ф. к., З. Биишева исемендәге Башҡортостан «Китап» нәшриәте хеҙмәткәре, Өфө ҡ., Башҡортостан Республикаһы

З.БИИШЕВА – ТЕЛ ОҘТАҺЫ

Башҡорт әҙәбиәтенең, әҙәби теленең күренекле вәкиле Зәйнәб Биишева – һоҡландырғыс художестволы һүҙ оҫталарының берене. Яҙыусының халыҡтың сал тарихын яҡтыртҡан һәм шул уҡ ваҡытта заман рухына яуап биреүсе, үҙ халҡына, Ватанына дан йырлаусы әҫәрҙәре уҡыусы йөрәгенә юл табалар.

З. Биишеваның ижад офоғон ете төҫлө сәскәгә тиңләргә була. Ошо үҫемлекте тик әкиәттәрҙә ғына осратһаҡ та, әҙәбиәт һәм тел ғилеме өлкәһендә был – Зәйнәб Биишева ижады. Ул прозаик та, поэтесса ла, драматург та, журналист та, публиҡист та, оҫта тәржемәсе лә… Ә ошо йүнәлештәргә инғән әҫәрҙәрҙе тикшерә башлаһаң, уның ни тиклем һәләтле, үҙенсәлекле әҙибә булыуына хайран ҡалаһың. З. Биишева күркәм фекерләү ҡеүәтен, телдең стилистик байлығын, мөмкинлеген, тәрәнлеген бер кәлимә һүҙ менән ғына аңлатуы ла, асып биреүе лә мөмкин түгел.

Зәйнәб Биишева әҙәбиәткә ХХ быуаттың утыҙынсы йылдарында иң сағыу яҙыусыларҙың беренсеһе булып инә. Уның бер-бер артлы әҫәрҙәре донъя күрә башлай. Иң беренсе булып 40-сы йылдарҙа баҫтырылып сыҡҡан "Көнһылыу" повесы танылыу яулаһа, балалар өсөн ҡыҙыҡлы, мауыҡтырғыс итеп яҙылған "Партизан малай", "Шыршыла", "Тере хәрефтәр", "Бәхет ҡыҙы тураһында әкиәт" шиғыр һәм пьесалары әле булһа ла яратып уҡылалар.

Тормоштоң ҡатмарлы мәсьәләләрен, йәмғиәт менән кеше мөнәсәбәтен, кешенең ябай булмаған күп яҡлы эшмәкәрлеген художестволы һынландырыу З.Биишеваның драма әҫәрҙәренең иң сағыу күренеше ул. Әҙибәнең "Нәҙер", "Гөлбәҙәр", "Тылсымлы ҡурай", "Зөлхизә" пьесалары буйынса ҡуйылған спектаклдәр тамашасыларҙы битараф ҡалдырмаған, автор ғеройҙарының характерҙарын уларҙың ҡылыҡтары, репликалары аша асып күрһәтеүе был йылдарҙа яңылыҡ булып торған, сюжеттарҙың динамик рәүештә барғанлығы тамашасыларҙа ҡыҙыҡһыныу хисе уятҡан.

Әҙибәнең төрлө йылдарҙа ижад ителгән бихисап шигырҙарының ҡайһыһын ғына алып уҡыһаң да тәрән фәлсәфәүи уй-фекер, кисерештәр, тормоштоң бөгөнгөһөн һәм киләсәген ҡайғыртыу, тыуған телгә, илгә дан йырлау, уның менән горурланыу ярылып ята. Авторҙың геройы – халыҡ. З. Биишева шиғырҙарының теле тураһында философия фәндәре докторы, профессор Октябрь Вәлитов түбәндәге фекер әйтә: «Зәйнәб Биишева шиғриәтенә ваҡыт шаңдауы ныҡ һеңеп ҡалған. Шигри әҫәрҙәре – ниндәйҙер шартлылыҡ символдары түгел, уларҙа – заман әрнеүе, әҙәм балаһының кисерештәре, наҙы һәм нәфрәте, йыһанға ынтылышы һәм ҡәҙимге ҡайғы-хәсрәте. Бында ла әҙибә үҙенә тогро: уның шиғри әҫәрҙәрендә изгелеккә ынтылған йөрәктең таштан да ҡатыраҡ һәм көслөрәк икәнлеге данлана, сөнки ауыртыныуҙы, күтәрә алмаҫ ауырлыҡты тын-тауышһыҙ үткәрә алыу, шул уҡ ваҡытта изге һәм һиҙгер кеше булып ҡалыу бары ысын кешеләргә генә хас» [1, с.17]

Башҡорт әҙәбиәтенең “кәштәләре” Зәйнәб Биишеваның тәржемә өлкәһендә эшмәкәрлеге арҡаһында тиҫтәләгән рус әҙиптәренең әҫәрҙәре менән дә байыны. И. Тургенев, Н. Гоголь, С. Аксаков, А.Чехов, М. Горький, А. Толстой һ.б. яҙыусыларҙың әҫәрҙәре башҡорт телендә донъя күрҙе.

Әҙибәнең проза өлкәһендәге эшмәкәрлеге башҡорт әҙәбиәтендә айырым урын алып тора. Уның повесть, хикәйә, романдары бер уҡыусыны ла битараф ҡалдырмай. Уларҙа халыҡ яҙмышы, уларҙың үткәне ярылып ята. Әҫәрҙәренең теле бөтәһенә лә аңлайышлы, ниндәй быуын кешеһе уҡыһа ла, уларҙың күңелдәренә үтеп кереп иң нескә ҡылдарын тибрәндереү һәләтенә эйә. Уҡыусы менән әҫәр араһында ваҡыт арауыгы югала, ул геройҙар яҙмыштары өсөн ҡайғыра, шатлана, гөмүмән улар менән бергә йәшәй башлай.

Сәрүәр Сурина үҙенең З. Биишева иҫтәлегенә арналған бер мәҡәләһендә «Икмәк тәмен белмәгән һәйбәт икмәк бешереүсе булмаҫ, тел тәмен белмәгән һәйбәт яҙыусы булмаҫ» – тип яҙа [2, с.32]. Ошо «тәм»де әҫәрҙә ниндәй осраҡта, нимәләр аша сағылдырыу һәм ни рәүешле ҡулланыу һәләте З.Биишеваны лингвистик шәхес булараҡ һүрәтләй. «Лингвистик шәхес хаҡында һүҙ йөрөткәндә беҙ беренсе планда яҙыусының тел һәм стиль үҙенсәлектәрен күҙ уңында тотабыҙ. Яҙыусының ижады ниндәй кимәлдә һүҙ сәнғәте кимәленә күтәрелгән, яҙыусы ни дәрәжәлә һүҙҙең эстетик функцияһын сағылдыра алған, художестволы образ тыуҙырыу процесында һүҙҙең дөрөҫ һәм теүәл ҡулланылышына ирешкән, әҫәрҙең композиционон төҙөлөшөндә авторҙың үҙенең образы нисек кәүҙәләнгән һ.б. Был йәһәттән Зәйнәб Биишеваның ижадында халҡыбыҙҙың тарихы һәм мәҙәниәте, донъяға карашы, психологияһы, йәғни менталитеты юғары художестволы кимәлдә һүрәтләнгән» [3, с.24].

Зәйнәб Абдулла ҡыҙы Биишева башҡорт әҙәби телен һәм әҙәбиәтен үҙенең әҫәрҙәре менән байытты, донъя әҙәбиәте баҫҡысында тағы ла бер кимәлгә күтәрҙе. Уның әҫәрҙәренең тел-стиль үҙенсәлектәре, фәлсәфәүи фекерләү ҡеүәһенең ни тиклем көслө бирелеүе телселәрҙе таң ҡалдыра, ә уҡыусылар уларҙың ябай, халыҡсан теленә һоҡланып уҡыйҙар, ата-бабаларыбыҙҙың теленең байлығына, күп яҡлылығы һәм күп мәғәнәлелегенә хайран ҡалалар. Был һанап үтелгән һыҙаттар - бөтәһе лә Зәйнәб Биишеваны лингвистик шәхес, тел оҫтаһы тип юғары баһаларға мөмкинлек бирә.

Ниндәй генә яҙыусы булмаһын, уның таланты, һүҙгә оҫталығы синтаксик берәмектәрҙе урынлы, ҡулайлы ҡулланыуында асыҡ сағыла. З.Биишева әҫәрҙәрендә художество сара булараҡ һөйләмдең бөтә коммуникатив төрҙәрен күрергә мөмкин. Ҡушма һөйләм дә, ябай һөйләм дә әҙибә әҫәрҙәрендә киң ҡулланылыш тапҡан.

Ябай һөйләм синтаксисы тураһында һүҙ йөрөткәндә, З.Биишева әҫәрҙәрендә иң киң ҡулланылғандарынан тиң киҫәкле һөйләмдәр һәм бер составлы һөйләмдәр тора.

Тиң киҫәкле һөйләмдәрҙе, әҙибә, нимәләрҙе булһа ла теҙеп-һанап киткәндә, йә булмаһа нимәнелер тасуирлап, һүрәтләп, аңлатҡанда ҡуллана төшә. Авторҙың бындай типтағы һөйләмдәрендә тиң киҫәктәре мәғәнәүи яҡтан тигеҙ булалар һәм бер үк һөйләм киҫәге менән бәйләнештә торалар.

Бер составлы һөйләмдәрҙе иһә, З.Биишева нимәнелер һүрәтләгәндә, тасуирлаганда ҡуллана. Гәҙәттә, бындай типтағы һөйләмдәр күренештәрҙе, билдәләрҙе, эш-хәрәкәтте һәм уларҙың ысынбарлыҡҡа мөнәсәбәтен күрһәтеп, сағыштырмаса тамамланған уйҙы белдерәләр.

З.Биишева әҫәрҙәренең тәрән философик, уй-фекергә бай йөкмәткеле, матур әҙәби теле менән халыҡтың үткәне, гөрөф-гәҙәт, йолалар һәм илдәге социаль-тарихи ваҡиғаларҙы сағылдырып беҙгә изге аманат итеп ҡалдырған әҙибә генә түгел, башҡорт әҙәби телен яңы үҙенсәлекле һүҙбәйләнештәр, киң мәғәнәле һөйләмдәр менән байытҡырыусы ла.

Тиң киҫәкле һөйләмдәр әҙибә ижадында нимәнелер һанап киткәндә, уға характеристика биргәндә, тасуирлаганда ҡулланылалар. Тиң киҫәкле һөйләмдәр төркөмөнән иң йыш осраганы булып тиң аныҡлаусылар менән килгән һөйләмдәр тора:

“Бибеш бындай рәхәт, күңелле, шатлыҡлы, татлы талсығыуҙы ла, оло ҡыуанысты ла ғүмерендә тәү тапҡыр кисерә ине.” (“Кәмһетелгәндәр”)

“Уға тағы нимә кәрәк: якты, матур, йылы, иркен квартира әҙер.” (“Дуҫ булайыҡ”)

“Кояштың һары, сағыу, шаян нурҙары Мораттың дачаһына алтын уҡтар булып һуҙылды.” (“Кояш нимә тине?”)

“Был, Әнисә кеүек үк, ҡыҫҡа күлдәкле, оҙон ботло, сиңерткә кеүек ҡыҙ Ҡыҙырас менән дә бик дуҫ ине.” (“Дуҫ булайыҡ”)

Составында тиң эйәләр булған һөйләмдәр ҙә З.Биишева әҫәрҙәрендә осраҡлы күренеш түгел:

“Тауҙар, ҡырҙар, урмандар - бөтәһе лә томан эсендә серле бер донъяны хасил итте” (“Оло Эйек буйында”)

“Ул үҙенең ҡыҙғылт буръяҡ һыуын ике-өс саҡрымға йәйеп, туғайҙар, ҡырсындар, сабынлыҡтар аша мөһабәт кирелеп ята.” (“Кирәй Мәрғән”)

“Ә йөрәктәрҙә мең төрлө уй, шатлыҡ, моңһоулыҡ, хыял вулканы ургыла” (“Дуҫ булайыҡ”)

“Иллә-мәгәр бысаҡ-һасаҡ, таба-тоба, ураҡ-мураҡ, салғы-малғының барыһын да ҡойоп өйгән кеүек эшләй ине.” (“Кәмһетелгәндәр”)

“Артистарҙы Баймаҡ, Стәрлетамаҡ, Сибай, Мәләүеҙ театрҙары үҙҙәренә һорайҙар” (“Дуҫ булайыҡ”)

“Бибисара абыстай был ваҡыт эсендә Емешкә уғрылыҡ, тоғролоҡ, ғонаһ, сауап, тамуҡ, ожмах тураһында мең төрлө әкиәт һөйләргә өлгөрҙө.” (“Кәмһетелгәндәр”)

Әҙибә әҫәрҙәрендә тиң хәбәрҙәр:

“Кәзә мәзин менән Бибисара абыстай шулай береһенән береһе уҙҙырырға тырышып һуҡрандылар, тиргәштеләр, ҡарғаштылар ҙа яңы өйгә сығып киттеләр” (“Кәмһетелгәндәр”)

“Йомғаҡ, ишек төбөндә әйләнде-тулғанды, күбәләктәрҙе ҡыуаланы, барып яңы һауылған һөттө эсеп килде, ләкин барыбер үҙенә урын таба алманы.” (“Дуҫ булайыҡ”)

Тиң тултырыусылар һөйләмдең алдында ла, аҙағында ла килә ала:

“Осрашҡанда ла атаһы Ғарифҡа, Ҡыҙыраҫҡа, Мәрйәмгә һөйләргә һүҙ таба алманы.” (“Дуҫ булайыҡ”)

“Әсәһе уға Өфөнән, редакциянан, Ғәли ағай аша ебәрелгән хат тураһында һөйләне.” (“Дуҫ булайыҡ”)

“Иштуған, Әхәт кеүек тыңғыһыҙ малайҙарҙың күңеленә ул ғәҙеллеккә, батырлыҡҡа, яҡшылыҡҡа өндәгән мәңгелек йыр булып ишетелде.” (“Кәмһетелгәндәр”)

“Юлбаҫарҙарҙың атаманы Үсбайҙың матурлығы, батырлығы тураһында ла мең төрлө легендалар таралған.” (“Оло Эйек буйында”)

Тиң хәлдәр менән килгән һөйләмдәр: *“Ул, башҡа ҡыҙҙар кеүек, формала түгел, бәлки кофе төҫлө бейек үксәле туфли, сәскәле крепдишин күлдәк кейеп, һары сәстәрен маңлай тәңгәлендә тәгәрмәс кеүек итеп күпертеп, төҙәнеп-биҙәнеп айырата һылыу булып килгәйне.”* (“Дуҫ булайыҡ”)

“Унда, һыу алғыстан арыраҡ, һыуҙан саҡ ҡына башын күрһәтеп, ҡайҙандыр ағып килеп туҡтаған ҙур ағас тамыры кеүек сығып, үрмәксе кеүек тармаҡтарын тырпайтып, ҡара дүңгәк булып ята ине.” (“Кәмһетелгәндәр”)

“Ошо бер ҡатлы шаяртыуы менән ул да был кескәй, етем ҡыҙҙы әҙ генә булһа ла йыуатырға, көлдөрөргә, күңелен асырға теләй ине шикелле.” (“Емеш”)

“Селәүсен еңелде, сирҡандырғыс ҡыҙыл тәне бүртенеп, иҫһеҙләнеп, һүҙылып ятты.” (“Кояш нимә тине?”)

Шулай итеп, З.Биишева ижадының синтаксик үҙенсәлектәре тураһында һүҙ алып барғанда, һис шикһеҙ ябай һөйләм синтаксисына айырым урын бирергә кәрәк. Был төр һөйләмдәр әҙибә әҫәрҙәрендә төрлө формала осрай, ләкин бөтә ябай һөйләмдәрҙән иң йыш осраҡаны булып бер составлы һөйләмдәр һәм тиң киҫәкле һөйләмдәр тора. Бындай киң ҡулланылыш З.Биишеваның тел оҫтаһы булыуын, уның нимәнелер тасуирлағанда бөтә тулылығында, реалләштереп, ысынбарлыҡ менән бәйләп бирә алыуынан да ғибәрәт.

Әҙәбиәт

1. Вәлитов О. Башҡортостандың бөйөк ҡыҙы. – // Ағиҙел. – 2008. – №1 – 17-се бит.
2. Сурина С. Иланы ихласлыҡ. – // Ағиҙел. – 2008. – №1 – 32-се бит.
3. Зәйнуллин М.В. Зәйнәб Биишева әҫәрҙәренең ҡайһы бер стилистик үҙенсәлектәре. – // Ағиҙел. – 2008. – №1 – 24-се бит.

© Солтаҡаева Р.А., 2018

Султанбаева Х.В.,
доктор филологических наук,профессор БашГУ,
г. Уфа, Республика Башкортостан

К ВОПРОСУ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗАИМСТВОВАНИЯ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

В башкирской лингвистике заимствование в качестве языкового явления недостаточно изучено [3, 431]

. Анализ определения данного термина показал, что под ним понимают не только процесс, но и результат усвоения нового иноязычного элемента. Процесс словарного заимствования состоит в постепенном нахождении перенесенной единице системного места в лексических микроуровнях. Данное языковое явление определяется как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Стремительное проникновение иноязычных слов объясняется, во-первых, тесными международными отношениями; во-вторых, изменениями в обществе; в-третьих, усилением моды на иностранные слова. В своем подавляющем большинстве заимствованные слова употребляются по необходимости: или они вошли в язык с новыми предметами и понятиями, для которых не было в языке-реципиенте соответствующих названий, или употребляются для обозначения различных оттенков значения.

Широко распространенному традиционному пониманию заимствования как перехода, перенесения, проникновения элементов одного языка в другой противостоит его объяснение как создание собственными средствами языка своих элементов посредством творческой имитации, приблизительного копирования или структурного моделирования по аналогии с иноязычными образцами.

Следствием языкового контакта является не только заимствование материальных элементов одной лексической системой под влиянием другой. Наблюдается также более тонкий и глубокий вид влияния, представляющего собой семантическое воздействие, когда с «материальной внешне формальной точки зрения выступают исконные праязыковые элементы языка, подвергшегося влиянию, но употребляются они согласно семантическим, функциональным особенностям воздействующего языка» [4, 128 - 129].

Лингвистическая значимость калек заключается в обогащении ими словарного запаса языка без внедрения иноязычной оболочки, а также в сближении образов мышления двух народов и их восприятия языковой картины мира. «Источник калек – речевая практика билингвов (переводчиков, журналистов, челноков, мигрантов, туристов и др.). Кальки появляются как результат буквального перевода (поморфемного, пословного, часто с сокращением особенностей чужого управления и т.д.) иноязычной речи. Кальки проникают в языки незаметно, в качестве едва ощутимой речевой небрежности или смелости, и распространяются быстро» [1,101].

Необходимо изучение типологии заимствованных слов, в связи с чем современная лексикология различает их по степени освоенности, по признаку давности, по способу заимствования связей иноязычных слов, по принципу полноты освоения.

В башкирской лексикологии иноязычные слова рассматриваются по признаку давности. Определены их основные виды по степени освоенности в системе башкирского языка: заимствованные слова, иностранные слова, кальки, жаргонизмы, варваризмы.

Лингвисты различают следующие виды кальки:

словообразовательные кальки (головоломка-башваткыс, рукопись-кулъязма);

семантические кальки (*баҫым* — ударение, *өн* — звук, *хәбәр*— сказуемое, *алмаш* — местоимение, *дәрәжә* — степень);

полукальки *(тимер-бетон* (<железобетон), *радиоалғыс* (<радиоприемник), *ҡыҙыл армеец* (<красноармеец), *политсәғәт* (<политчас), *ярымшар* (<полуша-рие), *авиамәктәп*«авиашкола);

ложные кальки (плавник-йөҙгөс, спинной мозг-арҡа мейеhе).

В башкирской лингвистике факт заимствования исконно русских слов установлен ещё до исторического присоединения башкир к Русскому государству. Языковедами определена их значительная роль в лексике башкирского языка. Вопрос о русских заимствованиях несколько шире решен в башкирском языкознании в отличие от проблемы западноевропейских заимствований [2, 477]. Отмечены исследования в этой области таких известных ученых, как Н.К.Дмитриев, Ж.Г.Киекбаев, Р.Н.Терегулова, Э.Ф.Ишбердин, Т.М.Гарипов, М.Х.Ахтямов, К.З.Закирьянов и др. Признана необходимость создания, разработки и наличия терминологических словарей. Выявлены критерии, основные периоды заимствования лексических единиц. Отсутствие монографических работ по исследованию этого процесса в башкирском языкознании указывает на необходимость

детального изучения результатов заимствования за последние десятилетия, поскольку учёные-лингвисты рассматривали эту проблему только в историческом плане, изучая причины и сферы проникновения русизмов в башкирский язык. Выявлено, что в башкирском языкознании западноевропейские заимствования детально не изучались вплоть до XX века. Лингвисты особо подчеркивают тот факт, что проникновение западноевропейских лексических единиц в современный башкирский язык происходит в основном через посредство русского языка, который во всех подобных случаях был и есть для башкирского ведущим, путеводным языком. Труды Г.Б.Ибрагимова, Э.Ф.Ишбердина, Г.Г.Кагарманова, К.З.Закирьянова, содержащие рассмотрение западноевропейских заимствований в башкирском и татарском языках, дают толчок к более углубленному, детальному изучению этого явления. На наш взгляд, необходимы новые комплексные монографические исследования контактов башкирского языка с другими языками.

Ученых должны волновать проблема сохранения и развития языков и дальнейшие перспективы их эволюции, поскольку существует угроза национальной культуре и традициям. Решением данной проблемы может стать выработка лингвистических основ языковой политики, адекватной как современным условиям стремительной глобализации всех сфер общественной жизни, так и условиям сохранения самобытности родного языка как важной составляющей национальной культуры.

Таким образом, фиксация и изучение новых слов, их значений, а также выражений играет большую роль, как в практическом, так и в теоретическом отношении. Исследование состава, структуры, значений и функций новых слов перекликается с конкретными вопросами лексикологии, грамматики, стилистики. Активное пополнение лексического состава языка дает возможность проследить за его развитием языка в современном обществе.

Литература

1. Мечковская Н.Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. М. Флинта. Наука. 2001, с.101.
2. Султанбаева Х.В. Персидская лексика в «Письме батырши императрице Елизавете Петровне» //Материалы Международной научно-практической конференции *«*«Духовная культура и гуманитарные науки в Башкортостане и России: история и современность»*» (*к 70-летию дфн, профессора, члена-корреспондента Академии наук РБ, заслуженного деятеля науки РБ, Почетного работника Министерства образования и науки РФ Г. С. Кунафина*).* - Уфа, РИЦ БашГУ, 28 ноября 2016 года. С.477-478.
3. Солтанбаева Х.В., Аллабердина А.А. Башҡорт телендә калькалар. //Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) “Состояние и перспективы сравнительно-исторических исследований в тюркологии и алтаистике”,посвященной 85-летию доктора филологических наук, профессора, Заслуженного учителя БАССР, Почетного работника высшего профессионального образования РФ Мухтара Хуснулхаковича Ахтямова и 80-летию доктора филологических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Республики Башкортостан Эрнста Файзрахмановича Ишбердина.23-24 декабря 2014 г. С. 431-435.
4. Ткаченко Л.П. Паронимическая аттракция как речевой прием // речевые приемы и ошибки. Типология, деривация, функционирование: сб.науч.тр. – М. Институт языкознания. 1989, с128 – 129.

© Султанбаева Х.В., 2018

Суфиянова С.И.,
БДУ-ның башҡорт әҙәбиәте, фольклоры һәм мәҙәниәте кафедраһының 2 курс магистранты,
Гәрәева Г.Н.,
филология фәндәре докторы, БДУ профессоры,
Өфө ҡ., Башҡортостан Республикаһы

НАЗАР НӘЖМИ ШИҒРИӘТЕНДӘ БӨЙӨК ВАТАН ҺУҒЫШЫ МОТИВТАРЫ

Башкортостандыц халык шағиры Назар Нәжми – Бөйөк Ватан һуғышы яландарында сыныгып, киләсәктә ил һәм халыҡ шундай дәһшәттәргә юлыҡмаһын өсөн фиҙакәр хеҙмәт итергә әҙер ысын көрәшсегә әүерелеп ҡайтҡан яугирҙар быуынныц талантлы бер вәкиле; үҙенсәлекле лирикаһы, драмалары һәм сагыу публицистикаһы менән башҡорт әҙәбиәтен биҙәгән әҙиптәрҙец берене.

Бөйөк Ватан һугышыш башлангас, Назар Нәжми институттыц өсөнсө курсынан фронтҡа китә. Уныц «Окопта уйҙар», «Үткән көндәр гүзәллеген уйлап» кеүек шигырҙары – еүеш блиндаждарҙа ҡыҫҡа ял минутында йәшәү һәм үлем хаҡындағы уйланыуҙарҙан, «Күҙҙәрецә багып туя алманым», «Иҫән ҡайтһам», «Тышта һалҡын, землянкала еүеш» ишеләре тыуган ягына, әсәһе һәм һөйгәне янына

«йыллы яҙҙай» ҡайтырға ярһыуынан яралған булһа, «Танкист», «Фронтта төн», «Роза сәскәһе» шиғырҙары фронт көндәлеғенең айырым күренештәрен һүрәтләне. «Ҡуш нарат» кеүек әҫәрҙәрҙә ҡот осҡос шарттарҙа ла йәшәүҙән төңөлмәү, алдағы көнгә өмөт ауаздары яңғыраны.

1947-1949 йылдарҙа уның «Теләк», «Һау бул, Веймар...», «Йөрәгемә яҡын бары ла» шиғырҙарын берләштергән «Ҡайтыу» ҡиклы, «Котелок», «Миндә аҡ сәс бөртөктәрен күреп...», «Тамсылар» кеүек шиғырҙары, «Әсә» поэмаһы донъя күрә. Шағир, хеҙмәт һәм тыныслыҡ темаһына күсеүенә ҡарамаҫтан, һаман да һуғыш хәл-күренештәренә таяна, «Окоптарҙа дарыу еҫе һулаған...» шиғырында һәм «Әсә» поэмаһында әйтелгәнсә, донъяға асығыраҡ күҙ менән ҡарап, шиғриәтенең дә офоғон киңәйтә бара. Шағир «Һау бул, Веймар...» шиғырында һуғышты фашист образында ҡәһәрләһә, Гете, Шиллер йөҙөндә ижадсы образын үҙенең лирик «мин»е аша һынландырҙы. Донъяға конкрет поэтик планда ҡарау «Йөрәгемә яҡын бары ла» әҫәрендә һалдат-шағирҙың тыуған ергә аяҡ баҫыуҙан башҡа бәхет эҙләмәүе төҫөндә хәл ителде.

Һуғыш ваҡытында Н.Нәжми Берлин тирәһендәге конҡлагерҙарҙан совет кешеләрен әсирлектән сығарыша, ҡатын-ҡыҙҙарҙы илгә оҙатыу эшендә ҡатнаша. Унда ишетелгән яҙмыштар фажиғәһе, ҡайғы ла, имен-һау ҡотолоуға шатлыҡ та тулы тотҡон күҙҙәре шағир күңеленә мәңгелеккә уйылғандыр. Һәр хәлдә һуғыштан ҡайтҡас яҙылған «Ҡайтыу» тиҙән баш аҫтында донъя күргән шиғырҙар шәлкемендә, иң популяр йырҙарҙың береһенә әйләнгән «Котелок» шиғырында, «Әсә» поэмаһында һуғыштың мәрхәмәтһеҙ, дәһшәтле геүләүе ишетелгәндәй.

Һуғыштың башынан аҙағынаса йәшәү һәм үлем араһында йөрөгән һалдатҡа тыныслыҡ, бер ниндәй һуғышһыҙ тормош уғата ҡәҙерле. Йылдар үткәс тә шағир ошо вәхшәттең ер йөҙөндә йә бында, йә тегендә тоҡаныуына борсола.

- Батша – һуғыш! – тиҙән атай,
Фашизм – ул һуғыш, тинек.
Батша юҡ ул. Фашизмды
Дөмөктөргән кеүек инек,
Ләки һаман һуғыш бара...
Һаман әллә ниндәй кеше,
Вәхшиләнә бара төҫлө, -

тип яҙа ул, алтмышынсы йылдарҙа «Йоҡлаған бала янында» тигән поэмаһында уйланып. Ер шарының һәр тарафтарындағы ҡан ҡойошҡа, ҡыйралышҡа шағир вайымһыҙ ҡала алмай, сөнки һуғыш кисерештәре, һуғыш күренештәре һаман да уның күңелендә һаҡлана:

Күрҙем йөҙәр ауылдарҙың
Көлгә әйләнеп осҡан сағын,
Шунда тере ҡалғандарҙың,
Әсәләрҙең, балаларҙың
Тамуҡ уты үткән сағын.

Хатта һуғыш уты ялмамаған, мылтыҡ шартламаған ерҙәргә лә, ҡала-ауылдарға ла уның ғәрәсәте үлемесле яралар, ҡайғы-хәсрәт килтерә, шуға ла яуғир был хаҡта яҙыуҙы, киләсәк быуындарға еткереүҙе үҙенең «сираттағы, ағымдағы» ғына түгел, ә мөҡәддәс кешелек бурысы тип һанай:

Беҙ яҙырға тейеш уны:
Мин яҙмаһам, һин яҙмаһаң.
(«Һин янмаһаң, мин янмаһам?»)
Кем яҙыр һуң? Кем яныр һуң?

Ысынлап та, үҙенең был яҙғандарына Н.Нәжми аҙаҡҡаса тоғро ҡала. «Көмөш туй», «Һуғыштан да яман нәмә юҡтыр», «Байраҡ менән һөйләшеү» кеүек айырым шиғырҙарынан тыш, уның төрлө йылдарҙа яҙылған киң күләмле поэтик әҫәрҙәре - поэмалары ла һуғыш хәтирәләренән туғылған. Тотош ижади ғүмере дауамында ил эсендәге һәр йортҡа, һәр ғаиләгә һуғыш килтергән ҡот осҡос бәлә-ҡазаларҙы тасуирлауҙың шағир төрлө формаларын тапты, идея-эстетик тәьҫирле итеп һуғыш фажиғәләрен яҡтыртты, гуманист-шағир тотош Ер йөҙөндә һуғыш уты тоҡанмаһын өсөн яныҫ-ярһыҫ ижад итте, тыныс тормош ҡәҙерен раҫланы, һуғышҡа ҡаршы нәфрәт утын һәр кескәй шиғырынан алып эпик ҡоласлы поэмаларында дөрләтте.

Әҙәбиәт

1. Башҡорт әҙәбиәте тарихы. 5 том. – Өфө:Китап, 1993. – [600 б].
2. Башҡорт әҙәбиәте тарихы. 6 том. – Өфө: Китап, 1996. – [712 б].
3. Еғерменсе быуат башҡорт әҙәбиәте. – Өфө: Китап, 2003. – [576 б].
4. Гәрәева Г.Н. Хәҙерге башҡорт прозаһы: Моноғрафия. – Өфө: Китап, 2009. – [222 б].

5. Гэрэева Г.Н. Башҡорт прозаиктары. Монография. – БДУ РБҮ, 2012. – [494 б].
© Суфиянова С.И., Гэрэева Г.Н., 2018

Схаляхо Д.С.
ведущий научный сотрудник, отдела литературы АРИГИ
г. Майкоп, Республика Адыгея

Я С НАДЕЖДОЙ ОТПРАВИЛСЯ В ПУТЬ…
(К проблеме творческой индивидуальности Шхамбия Куева)

С конца XX века начала складываться новая социокультурная ситуация, в условиях которой определился современный период развития отечественной литературы. В новых социокультурных условиях адыгейская литература начала нового столетия «представляет собой то состояние, когда она, еще не освободившись полностью от грузов, сдерживавших ее развитие, приготовилась к стремительному полету, интенсивно накапливая для этого необходимую духовную и творческую энергию. Социально-философской основой для нового витка национальной литературы стали идеи перестройки и гласности, революционные процессы 90-х годов» [4, с. 388]. Тенденция эта обнаружила свою созидательную энергию в творческих исканиях Шхамбия Исмагиловича Куева.

Первые литературные опыты Ш. Куева относятся еще к школьным годам. А годы учебы в Адыгейском педагогическом институте (1980-1983) усилили тягу начинающего поэта к художественному творчеству. Здесь он принимает активное участие в работе студенческого литературного кружка «Родник», печатается в газете «Социалистическая Адыгея», сотрудничает с литературно-художественным журналом «Дружба». В эти годы появляются в печати стихотворения, которые принесли будущему писателю первые успехи и радости, явились своеобразной путевкой в его поэтическое будущее. Сила юношеских стихов заключалась в том, что они были созданы на основе отзывчивого, трепетно живого восприятия мира.

Учеба в Литературном институте им. М. Горького в Москве определила дальнейшую творческую судьбу Ш. Куева. Здесь он обогатил свои литературные познания и приобрел новое, более совершенное поэтическое видение мира. Одновременно с учебой в литинституте росла и его поэтическая активность. Сблизившись со столичными поэтами и войдя в их творческую среду, Ш. Куев всерьез занялся литературной деятельностью. Отдельные стихи Ш. Куева публиковались как в областных изданиях, так и в столичных журналах «Студенческий меридиан» и «Литературная учеба». Еще тогда ростки будущих зрелых плодов просматривал в студенческих стихотворениях молодого поэта профессор Ал. Михайлов. «Стихотворение Шихамбия Куева в подстрочном переводе, – писал он, – мне кажется, сохраняет тот ненавязчивый, мягкий императив, который вообще характерен для восточной поэзии. Я поставил его в начало подборки, так как стихотворение это выражает, возможно, не всегда и не каждому ясное вначале, но подспудно вынашиваемое личное желание «сотворить свою судьбу из песни, из легенд, из радости людской». Оно трансформируется по-своему у каждого пишущего, но в сути своей едино – утвердить себя в слове, сотворить свою судьбу через слово» [3, с. 69].

Уже в первом сборнике «Лунный свет» (1987) Ш. Куев обнаружил вполне определившийся поэтический голос, свой мир дум и пристрастий. Одна из ведущих тем этого сборника – любовь к Родине. А Родина поэта начинается с аула Егерухай, откуда ему открылась вселенная. Именно этот небольшой аул обогатил его всеми своими красотами, глубоким содержанием, народностью и патриотичностью, дал тот душевный настрой, который сопровождает его поэтическую жизнь.

Проникновенное чувство любви к родному очагу сочетается у автора с гордостью за трудовые доблести аульчан. Тему мирного созидательного труда жителей аула Ш. Куев выразил в стихотворении «Как ты могуч, труженик!». Это своеобразный поэтический сказ о том, как человек находит себя лишь на ниве труда, что величие и слава человека является творением его собственных натруженных рук. Примечательно, что поэт показывает созидательную работу труженика в глубокой связи с миром его личных чувств и переживаний. Таковы задушевные лирические стихотворения «Луна, спустившись с неба…», «Подари радостную весть, мой свет…», «Любовь» и другие. Эти стихи привлекают чистотой прозрачной любви. Радость встречи, тоска разлуки, порыв, грусть, отчаяние – разнообразны переживания влюбленных. У поэта немало точно найденных выражений и поэтических картин, передающих искренность этих чувств.

Народность и современность – характерное качество произведений Ш. Куева. Но современность видится и понимается им как логическое продолжение прошлого, напоминая мысль Сократа о том, что познание есть воспоминание того, что мы когда-то знали. Поэтому процесс

освоения мира шел у поэта преимущественно через воспоминания. Впечатления детства легли в основу таких стихотворений, как «Отец, вспоминая золотое время…», «Испуг новорожденного», «Приснился сон» и других. В них с ранним возрастом связывают поэта тысячи кровных нитей. Это деревянные лошадки-хворостинки, сидя на которых со своими сверстниками перебегали дорогу, оставляя пыль столбом; усталые, натруженные руки матери; сказки, легенды стариков, которые он слушал длинными вечерами. Поэт любуется и окрестными курганами, с которыми он с детства знаком, не упускает и возможности, чтобы наговориться с любимым существом – лошадью, с которой, кажется, сроднился с младенчества. В этих стихах передана поэзия чистого детского мировосприятия, в них поэт как бы прощается с любимым сызмальства миром.

Поэтические начала, заложенные в «Лунном свете» получили дальнейшее развитие во втором «Судьба-водопад» (1990) и третьем «Тропа надежды» (1994) сборниках. Как и в ранних произведениях, жизнь родного аула в них остается важным источником творчества поэта. Он много внимания уделяет передаче мельчайших примет живого облика родного аула – и любимой с детства речке, бурно пробирающейся в зарослях ольшаника, и деревенскому колодцу, одаривающему прохожих холодной водой, и бескрайним полям и лугам – словом всему, что живет в душе каждого аульчанина как дорогое и неповторимое.

Вместе с тем, хотя тема малой родины остается главным в творчестве Ш. Куева, он не повторяет себя из книги в книгу. Поэзия его в движении. Если в юношеских стихах поэта звучал звонкий голос, славящий радость и прелесть земного бытия, то теперь предметом поэтического изображения становится лирическое размышление автора о социальных переменах в жизни аульчан. Он очень внимателен ко всем изменениям, происходящим в отчем доме. Его привлекают факты и события, незначительные для постороннего глаза, но полные глубокого смысла для человека, хорошо знающего аул и заинтересованного его судьбой: адыги, исконные конники, пересели на машины; появились новые, добротно построенные дома; на место плетни воздвигнуты железные изгороди; асфальтированные прямые дороги сменили пыльные улицы. Во всех этих явлениях поэт видит приметы новой жизни, новых отношений. Вместе с тем в строках поэта звучат и тревожные ноты:

Когда мы свой двор заливали бетоном,
Трава волновалась, срываясь уйти…
Окинул работу я взглядом смущенным
И понял, другого не будет пути…[1, с. 100].

Творчество Ш. Куева показало, что он умеет не только рисовать колоритные картины жизни и быта родного аула, но и исторически широко осмысливать, улавливать напряженный пульс века. В частности, традиционная тема войны и мира занимает значительное место в его творчестве, и она имеет самые разнообразные жанрово-стилевые решения. Это и пламенные публицистические стихи, осуждающие войну с ее античеловеческой сущностью, и стихотворения-размышления о войне и мире, о проблемах современного бытия. Поэта не может не волновать тот факт, что на планете возникают «горячие точки», создающие угрозу спокойной и созидательной жизни народов. Стихотворения «Дети покидают жизнь», «Если поднятый камень бросить вперед», «Дети мира» – отклики поэта на эти события.

Гражданское и поэтическое становление Ш. Куева совпало с перестроечным периодом в социально-экономической и общественной жизни России. И это время принесло много непонятного, породило немало сложных и драматических процессов в духовных исканиях молодого поколения. Ощущение напряженности и противоречивости окружающей реальности звучит в строках поэта:

Я дитя еще не пришедшего времени.
Мое время – отлично от сущего [1, с. 102].

Лирику и философу Ш. Куеву свойственно тяготение к нравственно-философским обобщениям. Для большинства стихотворений поэта характерно стремление к прямой постановке нравственных проблем, открытый гуманистический пафос, преобладание стихов-раздумий над событийно-сюжетными. Но ему чужды прямолинейные и скоропалительные выводы о времени и о событиях. Одна из характерных особенностей его поэзии заключается в том, что в движении лирического сюжета ставится множество вопросов, то есть поэт идет по тропе надежды, тропе, где встает вопросов больше, чем ответов. В них отражается пытливость ума и чувства поэта, охватывающего многообразные явления жизни, природы, человеческого духа.

В 2002-ом году поэзия Ш. Куева пополнилась новым сборником стихов «Звезда кочующего неба». Это первая книга писателя на русском языке. В нее вошли переводы стихов из ранее выпущенных сборников, а также произведения поэта последних лет. Критика отметила собрание избранных стихов «своей необычностью, разностью материала, неопределенностью проблематики»

[1, с. 5]. Если в раннем творчестве мы могли проследить привязанность молодого Ш. Куева к определенным темам, схожесть его произведений «на стихи некоторых из старших поэтов», то новое издание продемонстрировало, что «молодой поэт стоически порывался уйти от творческой опеки полюбившихся ему стихотворцев. Сегодня… традиция есть в его произведениях, но она не мешает ощущению значительности дистанции от старших» [1, с. 5]. Ш. Куев здесь заявил о себе как самобытный художник, который хорошо знает и широко опирается на достижения адыгейской поэзии и вместе с тем, ищет новые пути развития индивидуальной художественной мысли.

В новом сборнике героика жизни бурного перестроечного времени получила иное звучание. У поэта нет уже какой-то обособленной темы, его поэзия о многом и разном, она является своеобразной летописью тревожного времени. Как многогранна жизнь, так же бесконечны и размышления автора над смыслом бытия, о человеке и его мире. Поэтому в сочинениях Ш. Куева соседствуют любовь и печаль, радость и сомнения:

Смеющийся не верит в слезы,
А плачущий – осудит смех.
Но ты – прими и смех, и слезы,
Познай и праведность, и грех [1, с. 89].

Поэт понимает, что современный человек стал всесильным, и судьба мира во многом стала зависимой от его воли и разума. И он стремится понять сложную структуру взаимоотношений человека и окружающей действительности и видит, как самонадеянность человека часто оборачивается бедой. Одно из таких деяний рук человеческих – кубанское рукотворное море, нанесшее большую рану и земле и человеческим душам. Об этом стихотворение «Мертвое море». Вода здесь – символ тяжелых раздумий, горя, несчастья. Человек разрушил русло шумной, сильной, стремительной горной реки и произвольно определил ей контуры новых берегов. Тем самым он нарушил природное предназначение воды, лишил движения и сделал ее стоячей, мертвой. Природа не прощает такие вещи, ее силы многократно умножаются в ответ на такое вмешательство. Мощь водной стихии поэт сравнивает с щупальцами чудовищ, с алчностью взбесившейся акулы. Вода просачивалась «Как пальцы жадные за россыпью сокровищ. Гасило море угли очагов» [1, с. 17].

Велика боль поэта. Он с горечью констатирует как «Ушли на дно старинные аулы». И «До сих пор звучит в сердцах людей Плач о земле, погибшей в пене моря» [1, с. 18]. Сколько бы времени еще ни прошло, эта боль не пройдет, горе, причиненное мертвым морем, будет жить в каждом из нас, потому что аулы не воскреснут. Достоинство стихотворения состоит в том, что оно пронизано не только горечью, но и стремлением пробудить человеческий разум. Понятно, что в жизни встречается немало черных полос. Но лирический герой убежден в том, что нельзя допустить крушения прекрасного и чтоб невежество победило в мире. Должен восторжествовать человеческий разум, который может спасти и природу, и мир в целом.

Поэт призывает к мужеству и народ, не раз переживший трагедию. Для этого нужно иметь терпение, тогда он научится выдерживать удары времени:

Крепись адыг. В истории твоей
Немало было траура и горя [1, с. 18].

Публицистичность – характерная особенность лирических раздумий Куева. Хотя в стихах поэта почти не встретишь прямых лирико-публицистических выступлений, они публицистичны по существу, по своему пафосу. Заботу о сегодняшнем дне, о нравственных критериях современного общества поэт высказывает в стихотворении «Мне хочется став утреннею дымкой…», «Нищая», «Потерявший последний взгляд». Поэт в недоумении: «Как можно жизнь любить и хлеб свой есть, А нищего прогнать без подаянья?» [1, с. 19]. Лирический герой Куева завидует тому, кто добрым словом и вином может обогреть в своей кунацкой уставшего ночного путника, и счастье другого его не огорчает, а вызывает добрую зависть. Но не все люди такие и он задается вопросом: «Почему стало меньше жалости, меньше сострадания к немощным людям? Скудеем добротой? Душой нищаем?» Чтобы ответить на эти вопросы поэт обращается за помощью к непреходящим ценностям, выработанным адыгами за долгие и трудные века их жизни. «Не обойди любой бедняцкий дом»,[1, с.114] – говорил дед поэта подросшим внукам. Это слова деда, но их корни уходят вглубь народной мудрости, потому что это наставление передается народом из поколения в поколение. «Любой адыг сведущ в таких науках, Мой дед – один из них», [1, с.115] – пишет поэт. И в лирическом герое Куева живет эта вековая традиция адыгского народа. Он «Готов молить Аллаха неустанно О помощи и нищим и больным», ему хочется, став утреннею дымкой, «В родной аул пробраться невидимкой, Все горести оттуда увести» [1, с.116]. Таково гуманистическое, жизнелюбивое, утверждающее начало в

основе философии куевской лирики. Поэт убежден в том, что добро поставит заслон всему злому, жестокому, бездуховному.

Лучшие художественные достоинства Ш. Куева нашли отражение в однотомнике стихов и поэм «Избранное», которое принесло ему в 2009 году высокое звание «Лауреата Государственной премии Республики Адыгея» в области литературы. Главное достоинство этого издания – острая и пытливая мысль поэта, целевая направленность его размышлений. Автор стремится к непрерывному движению, благодаря чему непрекращающиеся поэтические поиски ощущаются почти в каждом из стихотворений художника. И очень редко Куев поддается соблазну воспользоваться близлежащей идеей или ощущением, которую читатель может найти и без помощи поэта.

Ш. Куев осознает скоротечность человеческой жизни. Отсюда и возникают волнующие его мысли: «Вдруг не хватит сил, и не смогу согреть я чью-то душу». Однако человеческая жизнь у поэта измеряется не прожитыми годами, а тем, что он успел сделать. Ш. Куев советует: «Оглянись, чтоб высокой травой не пророс твой извилистый путь… Чтобы горестных мыслей вина не мешала биенью в груди» [2, с. 21]. Сам поэт пытается проложить по земле свою тропу мыслью. Искреннее желание художника состоит в том, чтобы слово им сотворенное сохранило время. «Как счастлив тот, чье слово не умрет», – восклицает он. Для этого перо поэта должно служить будущему. Уверенность в этом делает слова его убедительными:«Я – дитя Не пришедшего времени…Я – певец Новых песен грядущего» [2, с.121] .

Понятно, что в эпоху больших перемен значительно возрастает потребность в художественном осмыслении, анализе новых реалий. Поэзия Ш. Куева, полная земных страстей, достойно отвечает на вызов времени.

Литература

1. Куев Ш.И. Звезда кочующего неба. – Майкоп, 2001. – 212с.
2. Куев Ш.И. Избранное. – Майкоп, 2008. – 272с.
3. Михайлов Ал. Ростки. // Литературная учеба, 1987, №1. – С. 69.
4. Шаззо К.Г. Творческие искания адыгейских писателей поколения 1980-2000-х годов. //История адыгейской литературы в 3-х томах. Т. 3. – Майкоп, 2006. – С. 385-480.

© Схаляхо Д.С., 2018

Сәмерханова Г.Х.,
ф.ф.к., БДУ-ның Сибай институты (филиалы) доценты,
Сибай к., Башҡортостан Республикаһы

БАШҠОРТ МӘҪӘЛДӘРЕНДӘ ТАРИХИ ВАҠИҒАЛАРҘЫҢ САҒЫЛЫШЫ

Башҡорт мәҫәлдәре араһында халҡыбыҙҙың шөгөлөн, тормош тәжрибәһен, рухи байлыҡтарын, тәбиғәт үҙенсәлектәрен, гөмүмән, милли мөхитен сағылдырған милли ерлекле һәм ижади үҙләштерелгән сюжеттарҙы айырып ҡарарға була [5]. Милли ерлекле сюжеттар башҡорт ерлегендә тыуып, халҡыбыҙҙың ысынбарлығы менән тығыҙ бәйләнештә үҫешә. Халыҡ ижады нигеҙендә үҫеп сыҡҡан бындай мәҫәлдәрҙә милли ерлекте билдәләргә мөмкинлек биргән бер нисә сифаттарҙың береһе – халыҡтың тормошонда булған тарихи ваҡиғаларҙың сағылышы. Бындай мәҫәл сюжеттарында башҡорт халҡының тарихи үткәне менән бәйле ваҡиғалар телгә алына.

Был типтағы әҫәрҙәргә миҫалдарҙы башҡорт әҙәбиәтендә үҙен мәҫәл традицияһын тәүге ныҡлытыусыһы итеп таныҡҡан мәғрифәтсе-шағир М. Өмөтбаев ижадында осратырға мөмкин. XIX быуаттың беренсе яртыһында ижад иткән Ә. Ҡаргалы, Һ. Сәлихов һәм Ш. Зәки кеүек шағирҙарҙың ижадында уҡ мәҫәл жанрының айырым элементтары осраһа ла, М. Өмөтбаевтың “Ҡайыш илә йүкә” исемле әҫәрендә генә сағыу аллегория тыуҙырыла, үҙенән алда ижад иткән шағирҙарҙың кешеләр менән хайуандар донъяһын параллель ҡуйыуы, байҙарҙы йыландар, үҙҙәрен аҡыллы тип һанап, тома наҙан көйө башҡаларҙы уҡытып маташҡан муллаларҙы ишәктәр менән сағыштырыу иң югары нөктәгә еткерелә, мәҫәл жанрының камил өлгөһө ижад ителә. Шағир “Ҡайыш илә йүкә” әҫәрендә туған халҡының хәйерсе хәленә төшөүенен төп сәбәптәрен аллегория ярҙамында, эзоп теле аша аса. Әҫәрҙә ниндәйҙер абстракт төшөнсәләр, сит илдәрҙә барған хәл-ваҡиғаларҙы түгел, ә туранан-тура башҡорт халҡынын ул ваҡыттағы реаль тормошон, ижтимаги мөхитен тасуирлай.

Беренсе рус революцияһының еңелеүенән һуңғы атмосферала ла мәҫәл жанрының йәшерен эзоп теле, уның мөмкинлектәре шағирҙарға уҡыусы менән аралашыу өсөн мөһим сара була. Башҡортостанда тарала башлаған мәғрифәтселек идеялары М. Ғафури, Ш. Бабич кеүек шағирҙарҙың ижадында айырым сағылыш таба. М. Гафури яңылыҡты, гилемде ҡабул итергә теләмәгән “юҡ теләкте теләүселәр, файҙалы эште зарарлы тип белеүселәр, Ҡояш бөтһөн тигән Ярганаттан, гөмүмгә

ҡара-ҡаршы килеүселәрҙе” күреп әсенһә (“Ярғанат менән Ҡарлуғас”, 1913), тиҫкәре ишәк менән сағыштырһа (“Ишәк”, 1910), Ш. Бабич “Бер тәмсил”ендә халҡыбыҙҙың наҙан булыуын, донъяуи фәндәр буйынса белем алырға уҡыу йорттарының аҙ булыуын образлы һүрәтләй.

М. Гафури беренселәрҙән булып мәҫәл жанрын Рәсәй империяһының һәм башҡа илдәрҙең колониаль сәйәсәтен фашлауға йүнәлтә. Шағирҙың ошо йылдарҙағы мәҫәлдәрендә социаль иҙеү, ғәҙелһеҙлек фашлана, залимдар һәм мазлумдар, йәғни көслөләр һәм көсһеҙҙәр проблемаһы ҡуйыла. Шағирҙың “Әнә менән Еп”, “Һарыҡты кем ашаған?”, “Үгеҙ менән Бүре” мәҫәлдәрендә лә башҡорт йәмғиәтендәге социаль тигеҙһеҙлек ҡырҡыу сағылыш таба, сәйәси төҫ ала. Ш. Бабичтың “Тәмсил киҫәге” (1917), “Утрау” (1917-1918), “Тәмсилдең сиселеүе” (1917-1918) исемле тәмсилдәрендә башҡорт йәмғиәтенә революционер идеяларҙың үтеп инеүе, халыҡтың революцияға ҡарашы, унын аша яҡты киләсәккә өмөтө сағыла.

Башҡорт халҡының шанлы тарихына бәйле ваҡиғалар аҙаҡтан да шағирҙарҙың ижадтарында йыш сағылыш таба. Мәҫәлән, С. Иманғоловтың “Фермалағы бәхәс” исемле мәҫәлендә ҡарт Алаша ата-бабаларыньщ тарихи үткәненә – ата-бабаларының Парижғаса барып етеүенә – мөрәжәғәт итә.

Тарихи ваҡиғаларҙың сағылышын Ф. Гүмәровтың “Хөсөтлө көсөк” исемле мәҫәлендә лә осратырға мөмкин. Үткәндәрҙе хурлап, лайыҡ булмағанды ҙурлап бар донъяға дан ҡаҙанған көсөк ил яҙмышына бәйле тарихи ваҡиғаларҙы “иҫкә төшөрә”: ГУЛАГ, “ҡанлы йәкшәмбе”, Себергә һөргөнгә ебәреүҙәр тураһында телгә ала.

Шулай итеп, милли ерлекле башҡорт мәҫәлдәренең нигеҙендә халҡыбыҙҙың тарихы, әҙәбиәте, мәҙәниәте, тормошо менән бәйле ваҡиғалар һәм күренештәр ята. Башҡорт мәҫәлдәрендә тарихи ваҡиғаларҙың сағылышы был сюжеттарҙы тап башҡорт ерлегенә, башҡорт мөхитенә “бәйләй”, уларҙың милли колоритын билдәләй.

Әҙәбиәт

1. Самирханова Г.Х. Способы освоения заимствованных сюжетов в башкирских баснях // Вестник Башкирскоґо университета. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. Т. 15. № 3-1. – С. 1037-1038.
2. Самирханова Г.Х. Особенности образной системы башкирских басен // Вестник Башкирскоґо университета. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. Т. 16. № 3-1. – С. 1043-1044.
3. Самирханова Г.Х. Теория, ґенезис и идейно-эстетические источники басен в башкирской литературе // Вестник Башкирскоґо университета. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. Т. 17. № 3 (I). – С. 1518-1519.
4. Самирханова Г.Х. Особенности сюжетного состава башкирских басен // Творческая личность в историко-культурном пространстве. – Новосибирск, Наука, 2013. – С. 349-352.
5. Сәмерханова Г.Х. (Samirkhanova G.Kh.) Башҡорт мәҫәлдәренең поэтикаһы. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – 138 с.
6. Samirkhanova G.Kh. SATIRICAL AND HUMOROUS IN THE WORKS OF RASHIT NAZAR // Урало-алтайские исследования. – М., 2017. № 2 (25). – С. 53-57.
7. Samirkhanova G.Kh., Bayguzhina G.Sh. SATIRE AND HUMOUR IN THE WORKS OF RASHIT NAZAR // Проблемы востоковедения. – Уфа, 2016. № 1 (71). – С. 63-69.

© Сәмерханова Г.Х., 2018

Таһирова Р.Н.,
БДУ – ның башҡорт филологияһы һәм журналистика факультетының
III курс башҡорт – рус бүлеге студенты,
Ҡунафин Ғ.С.,
филология фәндәре докторы, профессор, БФА – ның мөхбир ағзаһы,
Өфө ҡ., Башҡортостан Республикаһы

РАУИЛ БИКБАЕВ ЛИРИКАҺЫНЫҢ ОБРАЗ ҮҘЕНСӘЛЕКТӘРЕ

Шиғриәттә образлылыҡ тыуҙырыу аша шағир донъяны танып-белеүгә өлгәшә. Ләкин шиғыр йәки поэма — «үҙ эсендәге әйбер» ғенә түгел. Уның тышҡы бөтөнлөгө лә образлылыҡ тыуҙырыусы мөһим шарттарҙың берәһе һанала. Уҡыусының яңы замандарҙың художествола фекерләүен тыныс ҡалдыра икән, бындай әҫәрҙе юғары шиғриәтле тип һанауы ҡыйын. Уҡыусыларҙың яңынан-яңы быуынын яулау — поэзияның үлемһеҙлек билдәһе. Бер мәҡәләһен Ә. Харисовтың «Әҫәрҙең уҡылыу бәхете» тип атауында ҙур мәғәнә бар ине. Образлылыҡ – әҫәрҙең рухын, уның ҡан ағышын билдәләүсе төшөнсә [5, 124].

Шиғриәт — ул шағирҙың «иле». Ә был тылсымлы илгә һуҡмаҡтар төрлөсә һалына. Берәүҙәр тау-ташлы, боролмалы юлдар, икенселәр иһә йыр-моңдар аша килеп инә. Сөнки шиғриәт менән моң

донъяһы тығыз бәйләнгән, шығырҙың иң тәүге сифаты ла моң ул. Ә поэзияның нигеҙендә хис, моң, образлы фекер ята.

Рауил Бикбаевтың шиғриәте лә тотошлай образлы һүҡмаҡтарҙан һалынған ижад. Шағир ижадында образ саралары бик үҙенсәлекле, уның ижадының йөкмәткеһе һәм художество торошо ла шағирҙың бай һәм күп яҡлы лирикаһының йөкмәткеһенән килә.

Академик Ғайса Хөсәйенов яҙыуынса, Рауил Бикбаев башҡорт шиғриәтенең төп мисәүҙәренә инеп ижад иткән шағирҙарҙың береһе [4, 14].

Тәүге йыйынтыҡтың «Дала офоҡтары» тип аталыуы юҡҡа ғына түгел. Сөнки шағир: «Тыуған далаларымдағы киңлекте, һәр һыртҡа күтәрелгәс, бар тарафтарға саҡырып торған ҡабатланмаҫ офоҡтарҙы миңә башҡаса бер ҡайҙа ла күрергә тура килмәне. Бында ҡарашың бер ғенә ҡаршылыҡҡа ла барын төртөлмәй, сәхрә-яландарҙы кинәнеп байҡай. Даламды һағынғанда мин барыһынан да биғерәк шул киңлектәрҙе һағынам. Ысынлап та, далаһыҙ тыным ҡыҫыла, далаһыҙ күҙем тала. Елдәр ҙә бит бында тау-таш яры ғынан, ағас араһынан йәшенеп-боҫоноп өрмәй, иҫһә, бер юлы бар даланы тултырып, ҡоласын киреп иҫә, дауыл-бурандары килһә, бар даланы айҡап-иңләп килә», тип яҙғайны[1, 26]. Китаптағы шығырҙарҙа иң матур хистәр аша тыуған яҡ, уның тәбиғәте, тормош хаҡында уйланыуҙар, күңел кисерештәре, әсә һәм замандаш образдары төп урынды алып тора. «Балтырған», «Сал сәс», «Йәшәртелгән дала», «Уралыма» шығырҙарының лирик ғеройы заман ағышында барыусы ғына түгел, ә күп үҙенсәлектәрҙе алдан тойоп, активхәрәкәт итеүсе шәхес тә.

Р.Бикбаев үҙенең тәүге йыйынтығында уҡ нескә күңелле лирик, заман мәсьәләләрен эпик ҡоласлы итеп һүрәтләй алыуы менән танылды. Шуға ла «Вокзал» поэмаһын да заман ағышын, ваҡыт арауығын, ваҡиғалар сылбырын күңел донъяһының тәрән хистәре аша бирә. Шағир тап дөйөмләштерелгән вокзал образы аша йәмғиәтебеҙҙең, кешеләрҙең бар һулышын, үткәнен һәм бөгөнгөһөн күрһәтә алды. Шул рәүешле был образ поэмала тәрән һәм киң символик мәғәнә алып китә.

«Ҡош юлы» (1967 й.) йыйынтығында Р.Бикбаевтың шиғри таланты ныҡына, фекер даирәһе фәлсәфәгә табан киңәйә барҙы. Әҫәрҙәрендәге лирик ғерой тарих төпкөлдәренә бағып, күп һорауҙарға яуап эҙләй, хыялдары менән изгелек донъяһын иңләй, символик төҫмөр алған ҡош юлы образы буйлап тормош юлдарын барлай. Шағир өсөн бөтөһенән дә элек донъяны яралтҡан мөхәббәт һәр тарафтан яңыра, һүҙ-образдар аша байыға бара. Тыуған ергә булған һөйөүе лә, ҡарашы ла «Мин баш эйәм ҡайғыларҙан түгел, үҙ еремде өҙөлөп һөйгәнгә» тип ҡанатлана ғына.

Р.Бикбаевтың «Автобиография» (1969) шиғри йыйынтығының идея-тематикаһы үҙәгән:

— *Тыуған йылың ҡайһы?*

— *Халҡым тыуған йыл.*

— *Ҡыуған юлың ҡайһы?*

— *Халҡым ҡыуған юл, —*

тиғән юлдар билдәләй [2, 201]. Шағир үҙ халҡының бер тамсыһы булһа ла, уның үткәне, бөгөнгөһө һәм киләсәге менән айырылғыһыҙ берлектә икәнлеген иҫбатлай. Шуға ла китапҡа исем биргән юлдар авторҙың шәхсиәтенә ғенә ҡайтарылып ҡалмай, ә халыҡ, ер яҙмышы менән үлсәнә. Тик Р.Бикбаев үҙенсәлекле лирик «мин»енән ҡыйыу дөйөмләштереүҙәргә, фекер ептәрен илаһи хистәр аша бирергә өлгәшә.

Шағирҙың лирик ғеройы тарих төпкөлдәрен иңләй-иңләй ете ырыуының уғы булып оса ла, етеғән йондоҙҙай буш күктәргә ауыша. Ә тарихта барлыҡ ваҡиғалар ғорурланырлыҡ ҡына түгел, үкенерлектәре лә бихисап. Шуға ла «Үҙән буйында үлгән ҡоҙғон» шиғырында Батырша, Юлай, Салауат йәшәгән осорҙоң трагик ваҡиғаларын ҡоҙғон образы менән бәйләй. «Уҡ», «Арнау», «Ҡурай» әҫәрҙәрендә лә тарихилыҡ принциптары тулыһынса урын алған.

Р.Бикбаевтың тормошона бәйле балалыҡ һәм йәшлек йылдары «Тамғалар», «Һаумыһығыҙ», «Аҙашҡан балалыҡ», «Апайҙарым», «Пуля», «Аҡ-Булаҡ» шығырҙары нескә лиризм, һағыш һәм моңһоулыҡ менән һуғарылған. Ошо йүнәлештәге «Йүрүҙән ярында» тиғән әҫәрендә тәбиғәт күренеше ғенә түгел, ә «кая ташҡа бәке янып, ҡәләм ослап» ҡараштарын киләсәккә төбәй. Тормоштоң ҡатмарлы, ҡаршылыҡлы, хатта кешелекһеҙ яҡтары күберәк күңел көйөгө булып асыуҙарҙы кабарта, «Һиҙиәт бабай»ҙа бындай бәйләнештең бик ауыр яҡтары һүрәтләнә. Ә «Алма»ла традиҙион мифолоғик образ кешеләр араһындағы мөнәсәбәттәрҙе асыуға бик оҫта ҡулланыла.

Фәлсәфәүи лирика «Йорт ҡаҙҙары», «Ҡот», «Мөхәббәтһеҙ», «Йәшлек», «Йондоҙ» әҫәрҙәренең нигеҙе булып тора.

«Лирика» (1971) китабында Р.Бикбаев шиғри фекере киңлектәрҙе иңләй бара, күңел юшҡындарын заман еле һәм дауылы менән юя бара. Юҡҡа ғынамы ни «булһаң икән дауыл ҡанатлы!»

тип ярһыған лирик геройҙың психологик кисерештәрен «Тугыҙынсы май», «Томан», «Бала сәк илендә» әсәрҙәрендә күрергә мөмкин.

Авторҙың «Болғар шиғырҙарынан» шиғырҙар ҡиклы ҡараштарҙы эпик киңлеккә ғенә әйҙәмәй, ә уртаҡ яҙмышлы — Еребеҙ образын һәр яҡлап асыҡлай ғына.

«Ғүмер уртаһы» (1976), «Һөйөнсө» (1979), «Ерем балҡышы» (1982), «Бураҙналар» (1984), «Яҙмышым» (1988) йыйынтыҡтарын да шағир һүҙе һәлмәкләнә, ҡараш-уйҙар тәрәнәйә, ил, ер яҙмышы йөрәктәрҙән сыҡҡан, хис-тойғоларҙан туҡылған әсәрҙәрҙән тора. Автор ир уртаһына еткәс, хафалар менән алға баға һәм үҙенең тормош маҡсатын:

Ир уртаһы илдең тотҡаһы тип,
Ҡарай бөгөн беҙгә ил күҙе, —
тип яҡшы аңлай.

Шулай уҡ шағирҙың «Мөсәл ярым ғүмер», «Әҙләйем», «Күк әрем» поэмалары лиро-эпик жанрҙың сиктәрен тематик яҡтан да, стиль үҙенсәлектәре менән дә байытты. «Күк әрем» поэмаһында лирик ғеройҙың тыуған яҡтарға ҡайтыуы, ундағы хәтирәләрҙең өр-яңынан күҙ алдынан үтеүенә бер образ — әрем сәбәпсе була. Шағир образды бик оҫта уйната, фекер төйөнөн шуға бәйләп, иҫ киткес бай ваҡиғаларҙы бәйән итә[4, 28].

Лирик ғерой оҙаҡ йылдар тыуған яҡтарныда булмаған, ә ҡайтыу менән:

Ҡайһы ишегеңде ҡағайым һуң
Тыуған өйһөҙ тыуған ауылым! –
тип аҙап ҡала[3,154].

«Бураҙна» һәм «Әҙләйем» поэмалары ла тыуған ер, тыуған тупраҡ темаһына арналған. «Әҙләйем»дә фәлсәфәүи аспектта юғалған кешеләр, юғалған быуынды эҙләүселәр менән шағир үҙенең бала һәм үҫмер саҡтарын эҙләй, хәтирәләрҙе яңырта.

«Мөсәл ярым ғүмер» әсәре жанры буйынса тарихи-романтик поэма. Башҡортостан тарихы иҫәпһеҙ-һанһыҙ күтәрелештәр, ихтилалдар менән билдәләнгән. Тап шундай ваҡиғаларҙа ҡатнашыусы ун һиғеҙ йәшлек шағир — лирик образ. Йәш шағирҙың донъяға ҡарашы, йәшәү рәүеше поэманы формалаштыра. Р.Бикбаев шиғриәтендә тарихи тематика һәм арҙаҡлы шәхес образдары айырым урынды алып тора. Салауат батырға арналған «Ер һәм диңгеҙ» балладаһы, «Мәмерйә», «Һаумы, Салауат!», «Ҡурай һәм ҡауырһын», «Салауаттың саңғы эҙҙәре», «... Күңелебеҙҙә уҫаллыҡ юҡ!» һ.б. бик күп әсәрҙәрендә милли ғеройыбыҙҙың тере образын тыуҙыра.

Автор тарих һуҡмаҡтарынан ғына хәрәкәт итмәй, ә ул осорҙоң тулайым картиналарын һүрәтләй. Шулай уҡ шағирҙың яҡташы Б.Бикбай, Д.Юлтый, С.Кулибай, Н.Нәжми, Ә.Вахитов, Р.Ғарипов, М.Кәрим, Ғ.Хөсәйенов арнауҙарында автор шәхестәрҙең ҡабатланғыһыҙ һыҙаттарын, шәхес образдарын алға ҡуя.

Р.Бикбаев ижадында «Йыр» балладаһы, «Тамғалы уҡ» ғибрәтле хикәйәте, «Ностальғия», «Система», «Һыуһаным — һыуҙар биреҙеҙ», «Баҙар балтаһы» поэмалары айырым урынды алып тора. Сөнки шағирҙың фекерләү ҡеүәһе, фәлсәфәүи уйланыуҙар даирәһе, замандың иң актуаль мәсьәләләре, халыҡ яҙмышы бар асылында ошо әсәрҙәреңдә сағылыш тапты. Шағир үткер поэтик фекер аша халҡының үткәнен барлай, бөгөнгөһөн күҙаллай, киләсәген һәр йәһәттән төҫмөрләй.

«Халҡыма хат» әсәрендә шағир әҙәәбиәтебеҙҙә традицияға әйләнгән Аҡмулла, Салауат, Бабич, М.Кәрим ижадтарында ҡабатланған мөрәжәғәт-оран формаһын ҡулланды, «Һыуһаным — һыуҙар биреҙеҙ» (1991) йыйынтығында Р.Бикбаевтың иң сағыу, иң матур шиғри ғәүһәрҙәре тупланған, китапҡа исем биргән поэма хаҡында әҙәби тәнҡиттә бик күп ыңғай һүҙ булды. Поэмала лирик ғерой Ағиҙел буйлап сәйәхәткә сыға һәм ысын мәғәнәһендә барлыҡ күрғәндәрен тәрән хис-тойғолар аша һүрәтләй. Сәйәхәт һоҡланыуға ҡоролмаған, ә күрғәндәренән йән әрней, күңел болоҡһой ғеройҙың. Йәмғиәтебеҙҙәге бик күп мәсьәләләр поэмаға ниғеҙ булып тора. «Һыуһаным — һыуҙар биреҙеҙ» поэмаһы «Халҡыма хат» хитапнамәһенә тематик яҡтан бермә-бер яҡын. Ике әсәрҙә лә башҡорт халҡының яҙмышы ла, уның иң актуаль проблемалары ла шағир йөрәгән телеп үтә. Әсәрҙәрҙә социаль ҡараштар өҫтөнлөк итә.

Р.Бикбаевтың 2002 йылда «Ағиҙел» журналында «Йөҙ ҙә бер хәҙис» тип аталған дүрт юллыҡтары донъя күрҙе. Башҡортостандың халыҡ шағиры Рауил Бикбаевтың хәҙистәрҙе башҡорт телендә шиғри юлдарға һалыуы халҡыбыҙ өсөн ҡыуаныслы яңылыҡ булды.

Хәҙистәре Көнсығыш поэзияһына бик яҡын, уларҙа тос фекер, йыйнаҡ образдар тулып ята.

Дөйөмләштереп шуны әйтергә кәрәк, башҡорт поэзияһында Р.Бикбаев лирикаһы социаль йүнәлешле, барлыҡ әсәрҙәре халыҡсан булыуы менән айырылып тора. Биҙерәк тә, фекер тәрәнлеҙен хасил иткән фәлсәфәүи лирикаһы — ижадының бер биҙәгә.

Әҙәбиәт

1. Бикбаев Р.Т. Шагир һүҙе - шагир намыҫы. - Өфө, 1997. – 214 бит.
2. Рауил Бикбаев. Һайланма әҫәрҙәр. I том: шигырҙар, поэмалар. – Өфө: Китап, 2008. – 527 бит.
3. Рауил Бикбаев. Һайланма әҫәрҙәр. II том: шигырҙар, хәҙистәр һәм тәржемәләр. – Өфө: Китап, 2008. – 560 бит.
4. Хөсәйенов Ғ.Б. Рауил Бикбаев. Тормошо һәм ижады. – Өфө: Китап, 2008. – 249 бит.
5. Әхмәтйәнов К.Ә. Поэтик образлылыҡ. – Өфө: Китап, 1964. – 191 бит.

© Таһирова Р.Н., Ҡунафин Ғ.С.,2018

Тимощук А.С.,
доктор философских наук,профессор кафедры
гуманитарных и социально-экономических дисциплин ВЮИ ФСИН РФ,
г.Владимир, Владимирская область

МЫ-ОНТОЛОГИЯ РОССИИ

Многим известна книга Паршина «Почему Россия не Америка?», в которой высказаны некоторые здравые компаративистские соображения в области геополитики и экономики. Полагаю, что нужно учесть географические особенности и переформулировать заголовок «Почему Россия не Канада?», где население составляет 30 млн. человек и они сосредоточены на юге, что по широте соответствует Краснодарскому краю. В Канаде незамерзающие порты, а её экономика работает на экспорт сырья, зерна и энергоресурсов. Россия – уникальная страна, с самым большим северным населением. Сильное государство – это необходимость её выживания в неблагоприятных географических условиях. Поэтому поставленная тема конференции – сохранении России как государства и общества представляет неизменную актуальность на любом этапе развития нашей страны.

На каждом историческом этапе устанавливается своя динамика центростремительных и центробежных векторов в бытии многонациональной России. Сайт фонда «Русский мир» накопил много материалов, посвящённых центробежным политическим силам. Последняя статья анализирует референдум в Каталонии: «На начало XX века в мире насчитывалось 54 страны, в это число не вошли явные колонии и доминионы, а также страны находящиеся под протекторатом других держав. В 2017 г. таких стран было уже 197.

Политологи полагают, что в ближайшие 20 лет может появиться ещё как минимум 40 государств. Эти показатели могут превзойти даже Средневековье, когда по самым скромным подсчетам существовало около 180 государственных образований и бесчисленное множество территорий, никому не подчинявшихся и никем неуправляемых. И это в условиях, когда до открытия Христофором Колумбом Нового Света должны были пройти ещё столетия, а Африка оставалась малоизученным и непознанным континентом» [1].

Называются старые и новые линии разлома: страна басков, Северная Ирландия, Южный Тироль, Фламандия и Валлония, Бавария, Трансильвания, Корсика, Техас, Калифорния, Квебек. Насколько неизбежно самоопределение этих территорий? Для нас особенно интересна судьба России. Польша, Финляндия, Прибалтика, Закавказье, Украина, Средняя Азия – кто следующий? Будут ли ещё пассионарные этносы? Так, в Татарстане в 2017 г. были проведены спецоперации по раскрытию сепаратистских организаций – «Татарского общественного центра», «Хизб ут-Тахрир»

Психологи много пишут про самореализацию, личностный рост. В феноменологии А.-Т. Тименецки онтопоэзис или индивидуальный жизненный креативный генезис позиционируется как квинтэссенция мира [4, с. 98].

Как быть с пролиферирующей инаковостью, которая в условиях экономического профицита позволяет политическим элитам клонироваться снова и снова? Ғде предел дробления политических образований, реализующих свои личные амбиции и не останавливающихся не перед какими соображениями целесообразности, устойчивости и здравого смысла? Политические новоделы не смущают проблемы рынка сбыта, энергетического рынка, падение демографических показателей.

Развитие цивилизации, выделение наций, формирование национальных элит тоже можно рассмотреть как процесс самоиндивидуации коллективных субъектов. Это тот же процесс самоиндивидуации, где субъектом выступают политические лидеры, а объектом – масса населения. В этом контексте отделение наций – это управляемый политэкономический процесс капитализации и самореализации региональных элит. Собственно сами этносы редко проявляют волю к выходу из

состава более крупного государственного образования. Эта тема формируется и форсируется местными политическими элитами и поддерживается государствами конкурентами.

Рост национального самосознания уже имел место в эпоху первых буржуазных революций в Нидерландах и Великобритании в XVI в. Новый мировой порядок, где национальное государство стало центральным институтом, замешан на капитализации политических элит.

Практически везде в мире выход из состава метрополии сопровождался противостоянием центра и периферии и разным масштабом жертв. Где-то они исчислялись миллионами, как в Индии. Часто центробежные силы продолжают своё действие и имеет место дробление вновь образованных государств к неудовольствию зачинщиков первичного раскола. Агенты национального самоопределения наивно полагают, что дальше процесс самоиндивидуации закончится. Однако эта вольница имеет тенденцию к клонированию. Так из состава Индии вышли Пакистан, а от последнего отделился Бангладеш. Приднестровье рассматривает себя обособленно от Молдавии. Южная Осетия и Абхазия не хотят быть в составе Грузии, а Крым, Донбасс и Луганская область формируют свою идентичность, отличную от украинской.

У самоопределения существует много аспектов – экономические, юридические, политические, массмедийные, культурные, лингвистические. Феноменологически, бытие современного социокультурного хаосмоса определяется двумя трендами – ценностно-смысловой пролиферацией и индивидуацией. Пролиферация – это процесс генерации новых идей, идентичностей, структур и порядков, в том числе политических, а индивидуация – бесконечное углубление в личный жизненный мир, самосозидание и самореализация как непохожего, уникального Другого.

Другость в политике – одна из причин дивергенции российского истеблишмента и местных прибалтийских, грузинских, украинских элит. Собственно, предложение многополярности от В.В. Путина тоже является разновидностью онто-политической инаковости, понимаемой как гарант равновесия разнородных систем. Инаковости от англо-саксонской модели доминиона, до сих пор определяющего актуальную политику и экономику от Канады до Новой Зеландии.

Вопрос, как быть с пролиферирующей инаковостью, которая в условиях экономического профицита позволяет политическим элитам клонироваться снова и снова? Где предел дробления политических образований, реализующих свои личные амбиции и не останавливающихся не перед какими соображениями целесообразности, устойчивости и здравого смысла? Политические новоделы не смущают проблемы рынка сбыта, энергетического рынка, падение демографических показателей.

Развитие цивилизации, выделение наций, формирование национальных элит тоже можно рассмотреть как процесс самоиндивидуации коллективных субъектов. Это тот же процесс самоиндивидуации, где субъектом выступают политические лидеры, а объектом – масса населения. В этом контексте отделение наций – это управляемый политэкономический процесс капитализации и самореализации региональных элит. Собственно сами этносы редко проявляют волю к выходу из состава более крупного государственного образования. Эта тема формируется и форсируется местными политическими элитами и поддерживается государствами конкурентами.

Практически везде в мире выход из состава метрополии сопровождался противостоянием центра и периферии и разным масштабом жертв. Где-то они исчислялись миллионами, как в Индии. Часто центробежные силы продолжают своё действие и имеет место дробление вновь образованных государств к неудовольствию зачинщиков первичного раскола. Агенты национального самоопределения наивно полагают, что дальше процесс самоиндивидуации закончится. Однако эта вольница имеет тенденцию к клонированию. Так из состава Индии вышли Пакистан, а от последнего отделился Бангладеш. Приднестровье рассматривает себя обособленно от Молдавии. Южная Осетия и Абхазия не хотят быть в составе Грузии, а Крым, Донбасс и Луганская область формируют свою идентичность, отличную от украинской.

У самоопределения существует много аспектов – экономические, юридические, политические, массмедийные, культурные, лингвистические. Это колоссальная тема для исследования. Здесь я хотел бы зафиксировать пока оперативные положения.

Националистические страсти приводят к деградации. Национальное чувство – одно из самых азартных. Чтобы нам не потерять голову, нужна очень чёткая национальная политика.

Многовековая деятельность России по собиранию евразийских земель не должна уйти в небытие. Сколько этносов и государств исчезло на просторах Евразии! Без единства нельзя выстоять. По одиночке нас сомнут другие пассионарные народы.

Перед фактом глобализации необходимо единение России. Этому препятствуют «нации»: русские не хотят потерять русскость, а национальные образования не хотят потерять политические

характеристики. Однако необходимо защитить нашу сверх-нацию от экспансии глобализма. Отдельные народы жили веками. Если эта целостность будет разрушена, не устоять никому.

Слабость гражданского общества в России составляет силу нации и государства. России нужно вырабатывать много социальных скреп, генерировать мы-онтологию [3]. Ответственное отношение к государству может только быть имперским. Новое понимание империи – это общее дело. Нация, сжатая в кулак. Империя – это не дело верхушки коррупционеров. Она может быть только народной.

Политики в США возвращаются к идее империи. Для себя. Для других они предлагают распад и децентрализацию, что означает ослабление мощи государства. В Югославии простые люди с ностальгией вспоминают, как им было хорошо в империи. Была работа, уверенность в завтрашнем дне, они были востребованы в социалистическом блоке. Сегодня они раздроблены и ослаблены.

Разумная национальная политика заключается в том, чтобы ясно сформулировать для всех граждан, кто мы есть и почему мы живём вместе. Все граждане России имеют одну национальность – они россияне. Другие республики в составе федерации должны признать себя для общего блага этносами, не нациями. Это взаимный компромисс. Русские отказываются от своей имперской роли, а другие этносы отказываются от своих национальных устремлений в пользу российской государственности [2].

«Россия» остаётся этнонимом лишь в историческом смысле, а в геополитическом преодолевает эти ограничения, вбирая в себя все народы в составе федерации. Это реальная программа, которую воплощали политики Сталина до Ельцина. Последний так и обращался к гражданам, «Уважаемые россияне». И.В. Сталин писал «русский», по происхождению «грузин». Это социально-гражданская трактовка нации.

Нужно думать о приезжих. Противоестественно киргизов называть русскими, но естественно при получении гражданства считать россиянами. Таким образом, иммигранты сохраняют свою этничность и приобретают надэтническую идентичность «россиянин». Завтра может начаться радиоактивный распад России. Поэтому действовать нужно сегодня.

Возникает вопрос, как быть с языком, у нас нет российского языка. Да, из практических соображений целесообразно сохранить русский язык как государственный. В этом случае он превосходит свою этническую сущность. Русский уже становится международным: трансфер, имплементация, истэблишмент. Переводные журналы уже приходится читать со словарём.

Программа единой идентичности уже реализовывалась в Советском союзе, где была выстроена «советская» идентичность. Строительство промышленных предприятий, организация систематического управления кадрами, – всё это важнейшее системообразующие достижения тех лет. При этом многие национальные кадры готовились в Центральной части России, Поволжье и на Урале. Взаимоуважение этносов цементировало единство нации.Вместе с тем, вспоминая 100 лет революции и гражданской войны, нельзя не отметить, что XX век был наиболее трагичным и переломным для России, потерявшей по разным оценкам 50-100 миллионов граждан и недополучившей в результате колоссальный трудовой ресурс.

Трансформация системы политической власти в Советском государстве – от Ленина к Горбачеву и дальше в современной России – от Ельцина к Путину ставит на повестку дня актуальные стратегические задачи: 1) сбережение народонаселения самой крупной страны в северном полушарии, 2) обеспечение воспроизводства политической элиты, 3) развитие системы эффективной народной политической власти, 4) удержание территории и союзного блока государств, 5) сохранение боеспособной армии, 6) защита отечественной науки и образования, 7) обеспечение социальных условий и механизмов воспроизводства научно-технической элиты в России.

Россия обладает уникальной ролью в мировом социогенезе. Всечеловечность, всемирная отзывчивость, высокая форма взаимодействия с окружающим миром – качества россиян, а их системообразующая глобальная роль заключается в сохранении баланса справедливости в мире.

В России стоимость воспроизводства жизни дороже на несколько единиц, чем в США и Европе, поэтому необходимо вырабатывать стратегию восходящего развития России, построенной на смешанной планово-рыночной экономике, возрождение моногородов и наукоградов.

Для сохранения своей самобытной архитектоники России необходима программа сбережения народа, сохранение социофонда, справедливое распределение экономических благ и возможностей. Национальная программа демографического развития включает много мер, направленных на создание женщинам условий, чтобы они рожали детей.

Литература

1. Климов Д. Центробежный мир // http://www.russkiymir.ru/publications/231530/

2. Кутырев В.А. К экологии бытия: идеи и условия сохранения человеческой идентичности // Философия хозяйства. 2006. № 5 (47). С. 143-156.

3. Субетто А.И. Образовательное общество и реализация стратегии развития образования в XXI веке. Часть 2

// Астраханский вестник экологического образования. 2012. № 4. С. 7-43.

4. Тимощук Е.А. Фабулизация как феноменологический порядок функционирования социальной памяти и образования // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Общественные науки. 2016. № 1. С. 96-101.

© Тимощук А.С., 2018

Третьякова Т.М.,
Камчатский край, г. Петропавловск-Камчатский

ОБРАЗ ПАДЧЕРИЦЫ В СКАЗКАХ ДЛЯ ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

Сказки – самый популярный жанр, предназначенный для детского чтения. Несмотря на значительное количество авторских сказок признанных мастеров слова, народные сказки все также любимы детьми. Если в советское время источником знаний о фольклоре разных народов служили книги, издаваемые многомиллионными тиражами, то в наше время популярным становится и такой способ передачи фольклора как Интернет. В глобальной сети запущено множество проектов, в которых представлены сказки народов мира. Маленькие читатели могут познакомиться с австрийскими, бразильскими, литовскими, немецкими, океанскими, чешскими сказками. Значительное место отведено в русскоязычном Интернете и сказкам тюркских народов. Так народные знания, заложенные в сказках, становятся доступны массовому маленькому читателю, представителю других национальностей.

«Образ социально обездоленного героя, униженного, претерпевающего незаслуженные гонения, «бедного сиротки» – один из самых любимых образов волшебной и бытовой сказки» [8, с. 57]. Это по праву относится к мировому фольклору. Б.Б. Горяева в качестве материала для анализа выбрала калмыцкие сказки о падчерице. «В результате проведенного <…> анализа мы можем сделать следующие выводы: в формальном отношении сюжет «Мачеха и падчерица» (АТ 480) в калмыцкой сказочной традиции, так же как и в славянской, тяготеет к двучастной структуре, в основе которой лежит принцип зеркального повтора – противопоставления двух типов героинь, их действий и поступков» [1, с. 112]. Типологические сходства в немецких и русских сказках о падчерице исследовала А.Б. Григорьева. О характере русской падчерицы она пишет следующее: «Характер русской падчерицы настолько кроткий, что она не спорит и не сопротивляется, когда родной отец оставляет ее в студеном зимнем лесу. И так же кротко она ведет себя, когда главный герой сказки – Морозко – испытывает ее характер, все усиливая и усиливая мороз. Ответы девушки добры и приветливы, несмотря на жгучий мороз <…>. За это Морозко жалеет ее и щедро одаривает <…>. Богатство в награду – характерный прием народных сказок» [2, с. 168]. Т.В. Краюшкина изучает сказки о падчерице с позиции православной традиции. «Падчерица – самый трогательный образ русской волшебной сказки, воплотивший идеал добродетельной дочери и девушки. <…> Она обладает множеством добродетелей, основная из которых – смирение, потому что через него открываются другие» [5, с. 31].

О падчерице из русских народных сказок пишет и А.А. Сундукова. Ананлизируя сказки «Морозко» и «Василиса Прекрасная», автор заостряет внимание на чертах характера героини: «Падчерица наделяется такими положительными качествами, как домовитость, трудолюбие, выносливость, терпение, кротость, смирение, сострадание, она всегда готова услужить и помочь» [10, с. 196]. К изучению образов социально-обездоленных героев – невинногонимых жен, пасынков и падчериц – в волшебных сказках ингушей обращается Л.Х Танкиева. О чертах характера, которыми наделяет падчерицу ингушский народ, исследовательница упоминает вскользь, не уточняя их: «Падчерица, как и младший сын, существо обездоленное. Поэтому она и идеализируется народом. Ей помогают всевозможные чудесные силы, она наделяется всеми положительными чертами, которые выдвигает в жизни народ» [11, с. 63]. Г.Р. Хусаинова посвятила свою работу восточнославянским и тюркским сказкам о мачехе и падчерице. Автор обращает внимание «на сюжетный тип АТ 485, который <…> характерен для сказочной традиции тюркских народов. Так, мы имеем башкирский, татарский, узбекский, туркменский варианты названного сюжета. Сравнительное изучение показало, что сюжетная канва башкирской и татарской сказки во многом совпадают: падчерица идет за клубком пряжи, встречает пастухов и помогает им, за что получает в башкирской сказке гуся, овцу,

корову и лошадь, а в татарской – лошадь, крову и козу; попадает в дом к старухе, которая велит затопить баню и искупать ее, искать в голове, танцевать. Убедившись в порядочности девушки, старуха в обеих сказках возвращает ей клубок, награждает сундуком и отправляет домой» [12, с. 102].

Исследователи сказок активно обращались прежде к анализу образа падчерицы, но материалом для их исследования сказки о падчерице, предназначенные для детского чтения, прежде не выступали. У тюркских народов тоже есть сказки о невинно гонимых героях, в том числе и о падчерицах. В этой статье мы обратимся к образу падчерицы в сказках четырех тюркских народов – татар, башкир, гагаузов и якутов. Сказки взяты из глобальной сети Интернет.

Народная сказка описывает любовь и заботу родителей о родной дочери, например, сводящейся к защите ее от похищения: «под тюлем прячут родители единственную дочь, чтобы уберечь ее от беды» [4, с. 38]. Совсем иное отношение демонстрирует народная сказка к приемным дочерям. Обратимся к анализу сказок о падчерице. Какими же они представлены в сказках, предназначенных для детского чтения? Башкирская сказка изображает минимальное количество членов семьи падчерицы – мачеху, мачехину дочь и саму падчерицу. Об отце девочки в сказке вообще не упоминается. Мачеха нагружает девочку непосильной женской работой: «Мачеха заставляла Гульбику работать день и ночь: прясть нитки, теребить шерсть, стирать белье. Сколько бы Гульбика ни работала, она не могла угодить мачехе» [6]. Конфликт провоцирует сама мачеха – ей не нравятся нитки, который спряла Гульбика, и она выбрасывает клубок. Девочка по собственной воле отправляется на поиски выброшенного клубка. Мачеха не заставляет ее делать это. В дороге девочка проявляет вежливость к встречным людям, со всем уважением обращаясь к ним за помощью: «Укатился мой кругленький клубочек, не видали ли вы его?» [6]. Стоит обратить внимание на то, что падчерица не обвиняет перед встречными людьми в этой беде мачеху. Все встречные ею персонажи показывают ей, в какую сторону укатился ее клубочек. Затем девочка встречает поочередно пастухов, которые пасут коров и коней, они тоже указывают ей направление. Только самой себе девочке смеет жаловаться на горькую участь, которая ждет ее, если она не найдет пропажу: «Кругленький мой клубочек, куда же ты делся? Скоро ли я найду тебя? Если не найду, как же я вернусь домой? Мачеха моя будет ругать и бить меня» [6].

Так падчерица приходит к маленькой избушке, в которой старушка прядет шерсть. Гульбика заходит в избушку и вежливо здоровается с хозяйкой. Только ей единственной из всех встречных она раскрывает причину своих страхов: «У меня, бабушка, укатился кругленький клубочек. Пошла я его искать и вот забрела сюда. Если я не найду клубка, то мачеха не впустит меня в дом <…>» [6]. И старушка успокаивает ее и предлагает девочке остаться на несколько дней у нее. И вновь от постороннего человека падчерица слышит ласковой обращение – доченька (прежде так к ней обращался пастух, пасший коров).

На следующий день старуха предлагает поставить девочке тесто на блины. Та спрашивает, как ей это сделать, и получает ответ: «Как затеешь, так и ладно. Налей воды, всыпь муки и взболтай <…>» [6]. Но девочка проявляет непослушание хозяйке дома. Она подходит к поставленному заданию со всем умением: «Девушка истолкла пшено мелко-мелко, затеяла, тесто очень хорошо» [6]. Затем с таким же усердием она печет блины, чем угождает старушке.

Вторая задача – истопить баню, отвести туда старушку и помыть ее. Старушка говорит девочке, что в баню ее надо вести так: «Держи за руку да толкай в шею» [6]. Но девушка с усердием топит баню, осторожно отводит туда старушку. «Гульбика попарила ее не ручкой веника, а его душистыми листьями, хорошенько вымыла ее и отвела в избу» [6]. После старушка просит Гульбику напоить ее чаем. И вновь падчерица угождает хозяйке избушки. За это получает награду: «Ладно, доченька, иди, только прежде поднимись на чердак. Там есть один зеленый сундучок. Ты возьми его себе и не открывай, пока не войдешь к себе в дом,— сказала старуха» [6]. Только собачка радуется приходу падчерицы, предвещая ей богатство. В сундучке оказывается золото и серебро. Неожиданно свалившееся богатство вызывает зависть у мачехи, и та отправляет за клубком свою дочь. Но мачехина дочка не проявляет усердия и получает другую награду – сундучок, полный ядовитых змей, от укусов которых мачеха и ее дочь гибнут. Сказка заканчивается так: «Мачеха и дочь ее умерли от змеиного яда, а Гульбика с собачонкой остались живы и навсегда забыли о мачехе» [6]. Забвение – достойная награда злой мачехе за обиды падчерице, так считает башкирский народ.

Татарская сказка «Падчерица» показывает другой состав семьи, в которой живет падчерица. Мы видим семью из одного взрослого человека и трех детей: «Жил в давние-предавние времена человек. Были у него дочь, сын и падчерица» [7]. О матери девочки в сказке не говорится. Судя по тексту сказки, все члены семьи причиняли падчерице зло: «Падчерицу в доме не любили, обижали и заставляли много работать, а потом решили отвести её в лес на съедение волкам» [7]. Брат обманом

увозит ее в лес. «Поедем со мной в лес. Ты будешь ягоды собирать, а я — дрова рубить. Захватила падчерица ведро, положила в ведро клубок ниток и поехала с названым братом в лес» [7]. Брат вновь обманывает падчерицу. Он привязывает к дереву колотушку, которая под порывами ветра стучит о дерево, а падчерица думает, что это брат дрова рубит. Сам же брат уже давно уехал домой. Падчерица доверчива. Но когда она видит, что брат бросил ее в лесу, она начинает плакать и идет куда глаза глядят. В этой сказке, как и в башкирской, появляется клубок. Взятый девочкой из дома, он укатывается, а она отправляется на его поиски. По дороге падчерица встречает пастухов, у которых она вежливо спрашивает о клубке. В ответ она получает предложение поработать у них день. В результате хорошей работы пастухи награждают падчерицу конем, коровой, овцой и козой. С этим богатством девочка ночью попадает к дому убыр-ведьмы.

Девочка заходит в избушку и проявляет уважение к хозяйке дома, здороваясь с нею, затем спрашивает о своей пропаже. Но убыр предлагает падчерице отдохнуть у нее несколько дней и помочь ей. Девочка сначала проявляет самостоятельность – поутру топит баню, хотя убыр не просила ее об этом. В ответ на приглашение помыться убыр просит девочку о помощи: «Только я без твоей помощи до бани не дойду. Ты возьми меня за руку, подтолкни сзади коленкой, тогда я сдвинусь с места <…>» [7]. Но падчерица перечит ей: в татарской сказке воспитанная девочка демонстрирует, что уважение к пожилому человеку стоит выше подчинения ему: «Нет, бабушка, так нельзя. Ты уже старенькая, разве можно тебя толкать? Лучше я тебя на руках отнесу <…>» [7]. Затем девочка моет старуху в бане, вновь проявляя почтение к возрасту, после чего убыр просит расчесать ей волосы. Так перед девочкой возникает первое искушение богатством. «Стала девушка расчёсывать волосы убыр мелким гребнем, да так и ахнула — у старухи в волосах полно жемчугу да самоцветов, золота да серебра! Девушка ничего старухе не сказала, а волосы ей расчесала и в косы заплела» [7]. Видимо, значимым для традиционного татарского менталитета является и умение промолчать, сдержать свои эмоции. И девочка вновь проходит проверку убыр, когда та просит поплясать ее. Девочка пляшет, но ее карманы пусты, и убыр видит это.

После танца старуха задает девочке новую задачу, которая и в этот раз связана с искушением богатством – нужно проверить, подошло ли тесто в квашне: «Пошла девушка, заглянула в квашню, а в квашне полно жемчугу да камней самоцветных, золота да серебра» [7]. После этого убыр вновь просит падчерицу сплясать. Но и в этот раз карманы девочки оказываются пусты. Лишь после этого старуха решает наградить девочку и отпустить домой. В награду она получает то, на что не посягнула в чужом доме – богатство. Убыр дает девочке сундучок с наказом открыть его только когда придет домой. «<…> открыла сундучок, и все увидели, что там полным-полно золота, серебра, жемчугу и всяких драгоценных камней» [7]. Брат и сестра (приемный отец не упоминается в этот раз) завидуют счастью сводной сестры, и вторая девочка отправляется за богатством. Но ее ждет смерть от укусов змей, которые оказывается в сундучке, подаренном ей старухой убыр. Показательно, что сказка заканчивается сообщением о смерти второй девочки, а о брате и отце, как и о самой падчерице больше не говорится.

Третья сказка о падчерице сложена гагаузами. Сказка рисует непростую ситуацию в семье, в которой обвиняет мужа: «Муж с женой не ладили, он ее обманывал, дома почти не задерживался. А занимался он платным извозом: товары, грузы торговцев из села в село перевозил. Жена с дочерью дома сами по себе жили. Дочь по вечерам на посиделки ходила, мать ее в доме одна оставалась» [9]. Однажды мать рассказывает дочери, что ждет ее в скором будущем – она превратится в корову. Далее следует запрет дочери есть мясо коровы, задача похоронить косточки и ухаживать за ними. Дочь не верит матери: «Дочь своей матери не поверила, но однажды ночью, вернувшись с посиделок, в дверь постучалась, мать позвала, однако ей в ответ корова замычала» [9]. Дочь рассказывает о произошедшем отцу, но тот не верит, утверждая, что мать сбежала с другим, а вместо себя оставила корову. Скоро отец приводит в дом другую жену. Жизнь сиротки становится невыносимой: «<…> мачеха ее совсем возненавидела, самую тяжелую работу делать заставляла, свою же дочку только в тенечке держала, самыми лучшими блюдами кормила, на работу и вовсе не снаряжала» [9]. Вдобавок, мачеха еще и клеветала на падчерицу, обвиняя в непослушании. Мачеха со своей дочерью уходит в церковь, а падчерице задает непосильную работу. Падчерица из гагаузской сказки часто горько плачет, жалуется на свою тяжелую участь. Это отличает ее от образов рассмотренных выше безропотных героинь. «Девушка уселась перебирать ту пшеницу, да так у нее слезы и полились. Стала она причитать:

- Где моя родная мамочка, была бы она со мной, меня в воскресный день работать не заставила бы! Как я этот мешок пшеницы очищу?!» [9]. Мать и с того света помогает своей дочери. Прилетает стая птиц и перебирает всю пшеницу, а дочери голос из дерева говорит покопать в земле под

деревом. Так падчерица находит красивое платье, надевает его и в нем отправляется в церковь. В церкви никто не может оторвать от нее глаз, так прекрасна падчерица. На девушку обращает внимание сын падишаха. Во второй раз девушка так же попадает в церковь. При этом и в первый, и во второй раз падчерица утверждает, что видела эту красавицу, забравшись на дымоход, а затем на крышу дома. Мачеха, снедаемая ненавистью, приказывает мужу разобрать поочередно дымоход и крышу. В третий раз падчерица теряет туфельку, с которой сын падишаха отправляется на поиски понравившейся ему девушки.

Так он попадает в дом падчерицы, но ее прячут от его глаз. Петух помогает сиротке, сообщая сыну падишаха, что в доме есть еще одна девушка. Сын падишаха вновь встречается с сироткой. «Мачеха бросилась на петуха с жердью, сын падишаха назад вернулся, в сени вошел, корыто перевернул и там красавицу нашел. Даже примерять туфлю ей не стал: он сразу девушку узнал. Тогда он сказал ей, что любит ее и хочет, чтобы она стала его женой. Мачеха от злости чуть не лопнула. Но что тут поделаешь: сын падишаха велел ей подготовить падчерицу в дорогу, завтра они поедут во дворец, где обвенчаются» [9].

На следующий день мачеха и ее дочь хитростью лишают падчерицу глаз и сталкивают ее с повозки. А женой сына падишаха становится родная дочь мачехи. Но падчерица встречает милосердного старика, который дает ей приют. После ряда событий падчерица и сын падишаха воссоединяются, а мачеху и ее дочь ждет страшная смерть – казнь через разрывание конями. После свадьбы «старый падишах отдал сыну свое царство-государство, жена его стала править вместе с ним, людям много добра сделала, народ ее долго-долго помнил, а внукам своим о ней предания и легенды рассказывал» [9]. Именно так имеющая доброе сердце падчерица, много страдавшая в жизни, являет собой идеал царицы в традиционном представлении гагаузов.

Якутская сказка о падчерице носит название «Карах-симирики». В ней представлен другой тип отца – заботящегося о своей дочери. Лишившийся жены, он приводит в дом вдову с ее родной дочерью. Якутская сказка утверждает, что дочь при живом отце всегда имеет защитника. Но вслед за матерью умирает и отец девочки. И тогда сиротку ждут тяжелые испытания. «Осталась его жена с родной дочкой и с падчерицей. Родная дочка целый день наряжается да любуется собой, а делать ничего не хочет. Падчерица и приберет, и обед приготовит, и хворосту натаскает, и одежду сошьет, да еще и песни петь успевала. А мачеха все недовольна. Целый день бранит и бьет девочку» [3]. Совсем иной тип характера мы видим у якутской падчерицы, в сравнении с постоянно печалящейся гагаузской сироткой: «Злятся мачеха с дочкой, самую тяжелую работу для девочки придумывают, а она все делает весело, легко, быстро» [3]. Мачеха и ее дочь хотят уничтожить падчерицу. Но она должна умереть сама. Поэтому мачеха дает ей сложную задачу:

«– Сходи в тайгу, тальника для корзины мне набери, да смотри очисть хорошенько, чтоб веток не было.

– Ведь уже день на исходе, как же я в тайге ночевать буду? – спросила девочка» [3]. Так якутская падчерица пытается защищать себя. Но мачеха все равно отправляет ее в тайгу. Девочка набирает тальник. Видит старый домишко, в котором она хочет переночевать. Девочка заходит в дом «Нашла девочка глиняную печку-камелек, возле печки дрова сложены. На печке котелок стоит, а в котелке – камыяк. Все приготовлено! «Хороший хозяин здесь живет, – подумала девочка, – аккуратный и запасливый»» [3]. Так якутская героиня демонстрирует еще одну положительную черту своего характера – она умеет видеть достоинства других, даже незнакомых людей. Далее девочка показывает свои женские навыки – она растапливает печь и готовит кашу. В доме появляется мышка, существо, которое просит позаботиться и о ней. Падчерица демонстрирует наличие и этого достоинства. «– Дай мне тоже каши! Я еще ничего не ела.

– Вот хорошо, что ты пришла! – обрадовалась Юлесит-Кыыс. – Вдвоем веселее» [3]. После того, как девочка накормила мышку, та оценивает ее высокие моральные качества и вызывается помочь в предстоящем испытании: «Славно поели, – говорит, – спасибо, ты добрая. За это я тебе помогу» [3].

Вскоре появляется хозяин дома – медведь. Именно при нем падчерица показывает еще одно свое достоинство – смелость. Она не боится, что медведь съест ее, чем очень его удивляет. Медведь предлагает девочке сыграть в карах-симирики, то есть в прятки. Девочка соглашается и прячется в дальний угол, а вместо нее с колокольчиком по дому бегает мышка. Так падчерица остается в живых. В награду падчерица получает от медведя подарок: «Ну и быстрая же ты! – удивляется медведь. – Я еще такую не видал. За это награжу тебя. Иди в свое селение, выбери там хорошее место и брось на снег свой платочек» [3]. Не меняется характер девочки после того, как у нее появляется богатая одежда и хорошие корзины: «Только вышла за дверь, смотрит, а на ней шубка новая, красивая и

камусы белые, бисером расшитые. Положила Юлесит-Кыыс тальник на снег, чтоб одежду свою получше рассмотреть, а вместо тальника на снегу корзины готовые лежат, да такие хорошие, каких еще не видела. Подхватила она их и побежала домой веселая, дорогой песни поет» [3]. Она благодарна тому, что есть, не требует большего. Но главный подарок медведя – богатый дом с хорошим скотом, это сразу делает сироту лучшей невестой в селении. Мачеха и падчерица «от злости и удивления они и говорить не могут. Потом опомнились, стали расспрашивать девочку, откуда у нее это богатство» [3]. По следам падчериц отправляется мачехина дочь. Но ленивую жадину ждет страшное наказание: медведь превращает ее в кукушку, а мачеху – в кошку. Сказка заканчивается проекцией о будущем: «А Юлесит-Кыыс хорошо живет, сама все делает и другим помогает.

Так что, если встретите такую работящую, хорошую девочку – знайте, что это Юлесит-Кыыс, а если и не она, то ее дети, а если не дети, то внуки» [3].

Сказки о падчерице четырех тюркских народов показали как схожие, так и различные черты в характерах падчериц, воплотивших идеалы женщин своих народов. Для татар и башкир главное в падчерицах – уважение к другим людям, забота о старших, усердие в работе; татарам важно наличие в образе падчерицы еще и абсолютной честности и отсутствие зависти к чужому богатству. Гагаузская падчерица – образец беззащитной, слабой духом девушки, которая однако при помощи внешних сил оказывается способна преодолеть тяжелые жизненные испытания. Якутская падчерица являет другие черты характера – стойкость духа, оптимизм, способность видеть хорошее и помогать нуждающемуся, благодарность, умение довольствоваться малым. Так сказки, предназначенные для детей, исподволь формируют в девочках те черты, которые были особы ценны башкирам, татарам, гагаузам, якутам. Благодаря глобальной сети Интернет народные представления об идеальном женском образе всех перечисленных тюркских народов, зафиксированные в сказках для детей, становятся широко доступны представителям всех национальностей.

Литература

1. Горяева Б.Б. Сюжет «мачеха и падчерица» (AT* 480) в калмыцкой сказочной традиции. – Научная мысль Кавказа. – 2011. – № 1–2 (65). – С. 110–112.
2. Григорьева А.Б. Типологическая перекличка немецкой и русской сказок: сюжет о падчерице // Зыряновские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции / ред. Менщиков В.В. – Курган: Курганский государственный университет, 2014. – С. 167-169.
3. Карах-симирики (Якутская сказка) – http://hobbitaniya.ru/yakut/yakut13.php (Дата обращения 17.03.2018).
4. Краюшкина Т.В. Происхождение и развитие мотивов слепоты, немоты и глухоты в русских народных волшебных сказках (на материале фольклора Сибири и Дальнего Востока) // «Сказка: научный подход к детскому жанру»: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Тагил, 24–25 апреля 2008г. В 2 ч. Ч. II / отв. ред. А.Н. Садриева; Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия. – Нижний Тагил, 2008. – С. 36–41.
5. Краюшкина Т.В. Семейные отношения в свете православной традиции (на материале русских народных волшебных сказок) // Религиоведение: научно-теоретический журнал. – Благовещенск: АмГУ. – 2003. – №1. – С. 26–33.
6. Падчерица (Башкирская сказка) – http://skazbook.ru/padcheritsa (Дата обращения 16.03.2018).
7. Падчерица (Татарская сказка) – http://www.skazayka.ru/padcheritsa-tatarskaya-skazka/ (Дата обращения 16.03.2018).
8. Сгибнева Н.Ф. Обездоленные и нищие герои в сказках // «Сказка: научный подход к детскому жанру»: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Тагил, 24–25 апреля 2008г. В 2 ч. Ч. II / отв. ред. А.Н. Садриева; Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия. – Нижний Тагил, 2008. – С. 57–62.
9. Сиротка (Гагаузская сказка) – https://profilib.net/chtenie/31655/narodnye-skazki-gagauzskie-narodnye-skazki-11.php#t1 (Дата обращения 16.03.2018).
10. Сундукова А.А. Образ падчерицы как народный идеал в сказках о мачехе и падчерице. – Успехи современного естествознания. – 2011. – № 8. – С. 196–197.
11. Танкиева Л.Х. Исторические корни образов социально-обездоленных героев в волшебных сказках ингушей. – Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. – 2016. – № 2. – С. 61–64.

12. Хусаинова Г.Р. Восточнославянские и тюркские сюжеты о мачехе и падчерице. – Традиционная культура. – 2006. – № 2. – С. 99–103.

© Третьякова Т.М., 2018

Узденова Ф.Т.,
старший научный сотрудник ФГБНУ Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН
г. Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика

ОТ АРХЕТИПА К ОБРАЗУ (К ЭВОЛЮЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ КАРАЧАЕВЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ).

Архетип в своем эволюционном движении реализуется (на каждом этапе) в коллективном сознании в приемлемых формах, но сохраняя в виде рудиментов предыдущие. Последовательность переходов архетипа из наиболее архаичных форм мировосприятия к современным выявляет его семантику и социальную функцию. Так, А. Лосев и А. Тахо-Годи, рассматривая переходы персонифицированных стихий из более древних форм к поздним, отмечают, что первичная тератоморфичность, сменяемая зоо- и миксантропичностью, а затем приходящая к завершающей стадии антропоморфизма, сохраняет в этой последней форме компоненты предыдущих эволюционных модификаций: «…классический Апполон Волкоубийца сам некогда был просто-напросто волком-оборотнем, пожирателем детей. Глубинная мудрость земли воплощалась в змее... а тайное всеведенье ночи – в сове с ее горящими холодным светом глазами. И когда мы уже не помнили обо всех этих древних зооморфных фетишах, а мудрость стала воплощаться в прекрасной богине Афине, ни сова, ни змея не были забыты. Они остались непременными атрибутами Афины Паллады, которая именовалась «совоокой» и изображалась со змеей, выползающей из-под щита, и с совой, сидящей на плече» [7, с. 31]. Однако этническая среда, близкая в своих социальных параметрах к эпической, среда, сохраняющая эпос в своем культурном обороте, являет нам образцы древнейших архетипов в их живых формах и механизмы их деструкции в ходе изменений социума.

Наиболее ярким образцом архетипа – как с точки зрения законченности и определенности его функций, так и с позиции «читаемости» его метаморфоз, – является свойственный всем мифологическим и эпическим системам человечества архетип, который можно условно назвать «первоженщиной», «женщиной-лидером», «женщиной-первоматерью», «высшей женщиной». (Небезынтересно, что, обращаясь к семантике креста, средневековые философы четвертым элементом (наряду с тремя известными – символизирующими три стихии: вода, воздух, пламя) «полагали» женщину или женское начало [9] (архетип: Анима – бессознательная женская сторона личности мужчины; символы: Женщина, Дева Мария, Мона Лиза. В буддистской философии *лотос* – символ чистоты, красоты, свежести, силы духа (архетип Матери); красный лотос – эмблема современной Индии, олицетворение чистоты, целомудрия. «Мифопоэтическая традиция Древней Индии представляла землю как гигантский лотос, распустившийся на поверхности вод, а рай – как огромное озеро, поросшее прекрасными розовыми лотосами, где обитают праведные, чистые души»[5]).

При этом чем более архаичной является ее эпическая или мифологическая система, тем четче проявлены черты доминации данного образа. («Мифология не только историческая память, но и выражение сложившихся в древности идейно-эстетических воззрений» [2, с. 62]).

В карачаево-балкарском эпосе и фольклоре роль высшей женщины выполняет Сатанай. Образ Сатанай, матери нартов, в части своих составляющих стал эталоном женщины в силу своего количественного и качественного превосходства в сравнении с нормой, абсолютной универсальностью и цивилизационной пассионарностью: «Она была красивейшей из красивых, умнейшей из умных, мастерицей на все руки» [6, с. 347] («Как Сатанай победила войско Темир-Капу»), «многому научила людей. Она дала им зёрна и научила их высекать огонь... научила женщин гадать на фасоли, а мужчин – на бараньей лопатке (и то и другое широко бытует в народе – коммент. – *Ф.У.)*» [Там же. С. 598] («Как нарты и Сатанай переселились на небо»).

Впрочем, к образу Сатанай обращаются, в основном, как к эталону внешней красоты, и именно это качество получает наиболее частые и развёрнутые характеристики в эпических текстах: «Днем как солнце, ночью как луна сияла… Брови ее были словно чернь на серебре, глаза сияли, густые волосы искрились на солнце, тело было стройное…», «…красота её камни и горы озаряла…» [Там же. С. 307] («Прекрасная Сатанай»).

Адресации к образу Сатанай в позднем фольклоре и авторской поэзии карачаевцев и балкарцев системны и имеют вид устойчивых «общих мест» – этнических знаков. И в тех случаях, когда нет

прямого упоминания Сатанай, речь идёт об использовании стабильных конструктов данного образа, пусть даже диспергированного по общему объему женских образов национального фольклора.

Такие «отчлененные» черты образа зафиксированы в текстах о самой Сатанай, однако позднее могут увязываться с другими героинями, развивая конкретное качество первоженщины в фольклорный мотив, зачастую имеющий сюжетообразующее значение. Их отличительная черта – полное доминирование в общем описании героини, переходящее в ходе поэтической практики в стабильный нарицательный дескриптив. Например, этноэмблема *акбилек* (с карач.-балк. букв. *акъ* «белая», *билек* «рука» (категория внешности): в Нартиаде мотив лучезарной красоты (или светозарной руки) связан у карачаево-балкарцев с образом жены Сосурука Акбилек, адыгов – с Адиюх, абхазцев – Гундой Прекрасной; ср. *акъ сюек* – (с карач.-балк. букв. «белая кость») в живом языке означает благородное происхождение, однако генетически восходит к архетипической черте тюрко-монгольского эпического ареала – «светоносность», прозрачность кожи и плоти, позволяющая увидеть кость. Позже в творчестве певцов-импровизаторов категория внешней привлекательности оформилась модифицированными образами: А*йджаяк* (пер. *букв.* «луноликая», героиня поэмы К. Кочкарова), *Акътамакъ* (букв. «белогорлая», *редко* «куница», героиня лирической песни И. Семенова).

«Авторами поэм и баллад, – отмечает Т. Биттирова, выработан устойчивый класс сравнений-клише – «акъ марал» (белая лань), «алтын тауукъ» (пава), «кёз гинжи» (зрачок глаза), «жарыкъ жулдуз» (яркая звезда) и т.д.» [3, с. 48]. Эта тенденция сохраняется и в поэзии современников («Аймелек» («небесный ангел») у А. Акбаева, в творчестве кабардинских авторов: «Мазэгъуэ» («лунная, луноликая») у Б. Утижева). (Ряд исследователей рассматривают эти и другие фольклорные единицы с позиции интертекстуальности [1]). Характерные черты и свойства, присущие персонажам, возможно, претерпевают некоторые изменения, но эти изменения либо не столь радикальны, либо не повлияли на «релевантность» знака (эмблемы) и сохраняют его первичную семантику – в данном случае «белокожесть», «светозарность» человеческой плоти объекта.

Систематизация качеств и характерных черт Сатанай свидетельствует – мы имеем дело с эволюционным изменением образа первоженщины, в исходных своих формах обладавшего всеми типологическими признаками данного архетипа.

Обратимся к характеристикам и отличительным свойствам Сатанай, которые в процессе эволюционирования и длительного (устойчивого) обращения оформились в знаки.

Всезнание – постоянное качество Сатанай. Знаковой «характеристикой» ее является «обур» («провидица»), «билгич» («ведунья»), акцент делается и на ее мудрости:

Къатынлыкъга Ёрюзмекге бергенди (къуртха – уточ. – *Ф.У.*),
Ёрюзмек да андан акъыл билгенди.
Ол Сатанай болгъанды нартла анасы…[6, с. 73].

(Ведунья) отдала (Сатанай) в жены Ёрюзмеку,
Ёрюзмек у нее мудрости научился.
Эта Сатанай стала матерью нартов...

В одном из произведений, записанном с голоса Д. Малкондуева, по отношению к Сатанай употреблено определение «куртха» [Там же. С. 314] («Ёрюзмек и Краснобородый рыжий Фук»).

В современном карачаево-балкарском языке это слово практически синонимично термину «билгич» (ведунья), однако этимология указывает, что первоначально его семантика была несколько иной. У Махмуда Кашгарского это слово встречается в значении «старуха» [4, с. 469], но и этот смысл производится от общетюркского «къурт» – «волк». Прямой перевод – «имеющая волчью шкуру», «одетая в волчью шкуру». С учетом того факта, что волк – священное животное древних тюрок и ношение его атрибутики было исключительной прерогативой мужчин-воинов, иногда – мужчин-шаманов, мы можем предположить, что исключения если и делались, то только для женщин-воинов, женщин-шаманок. (Вспомним, что волчья шуба – стабильный элемент одежды Ёрюзмека («Его волчья шуба внакидку, хей! / Его усы подобраны мерлушке, хей!») [6, с. 314] («Ёрюзмек и Краснобородый рыжий Фук»); реликт почитания предками карачаево-балкарцев волка отслеживается и в эпизоде, связанном с противостоянием Ёрюзмека и Фука («На небе крепость Фука охраняли девять волков и десять рысей… Он снес головы девяти рысям… А волков он не тронул, и волки его не тронули» [Там же. С. 324] («Ёрюзмек и ведуньи»); согласно вариантам сказаний о рождении Ёрюзмека, он вскормлен молоком волчицы). И если боевые качества одеяния в эпосе и не упоминаются, то панический страх нечистой силы подчеркивается неоднократно. Итак, «Сатанай-куртха» – это, получается, либо воительница, либо колдунья.

Еще одна постоянная черта Сатанай – *сакральность* (стремление скрыть внешность от людей и высших сущностей):

Къуртха къатын Сатанайны алгъанды,
Тутуп келип, гумусуна салгъанды.
Жашыртынлай, къуртха аны ёсдюргенди [Там же. С. 73].

…Ведунья забрала Сатанай,
Привела [домой] и в чулане поселила.
Втайне от всех ведунья ее вырастила («Прекрасная Сатанай»).

Сатанай является обладательницей не только актуальной информации, но и знаний о будущем, что проявлено сразу в нескольких сюжетных эпизодах, в которых героиня предрекает предстоящие события. Это может быть краткая констатация типа «они задумали убить тебя», вполне объяснимая развитой логикой Сатанай, а может быть развернутая картина и детализированная последовательность ближайшего будущего:

…Фук, къуш уясындан къарап, Ёрюзмекни кёргенлей,
Ёлюм сермешиуню юсюнден билир.
Ол заманда аны гетмен тишлери от чагъарла,
Аууз тылпыуундан жилтинле агъарла.
Ачыуланып, кёз къаплары кёберле,
Ёрюзмек бла Фукну арасында эрча сермешиу башланыр.
Къалада къуш къанатла чачылырла…[Там же. С. 77].

…Фук, посмотрев из своего орлиного гнеза и увидев Ёрюзмека,
Догадается о предстоящей смертельной схватке.
И тогда его зубы-кетмени начнут высекать огонь,
От его дыхания искры посыплются.
От ярости его веки вздуются,
Между Ёрюзмеком и Фуком богатырская схватка начнётся.
[И] рассыплются орлиные крылья, из которых сделана крепость [Фука]…

Картину, нарисованную Сатанай, можно было бы посчитать простым предположением, не обязательным в сюжете эпизода, однако это не совсем так. *Пророческий дар* героини в данном месте обусловливает ход развития коллизии, так как указание Сатанай на момент убийства Фука случайным не является:

…Саут бла сермешиуде Фук амалларын тауусса,
Тиши бла къабыу болур аны амалы…
Ол кезиуде нарт къылычы тамагъына батар,
Ызы бла башын, чалып, жерге атар [Там же. С. 77].

…Когда в битве с оружием силы Фука иссякнут,
Ему останется только одно – загрызть Ёрюзмека зубами.
В это время нартский меч в его горло вонзится,
Затем снесёт (Ёрюзмек Фуку – уточ. – *Ф.У.*) голову
и на землю ее сбросит…

Во всех остальных версиях сказания Ёрюзмек также убивает Фука в специально оговоренный момент их схватки – тогда, когда враг нартов смотрит вниз, на землю. Очевидно, что Фук в равном бою не мог быть побежден Ёрюзмеком, последний прибегает либо к хитрости, либо пользуется предсказанием Сатанай, заранее знавшей, что в какой-то момент битвы Фук попытается загрызть богатыря. По всей видимости, мы имеем дело с утерянным зооморфом Фука, быть может, даже, что главный антагонист нартов – оборотень. Тогда всё становится на свои места – в одном из вариантов Ёрюзмек не может убить Фука и вынужден ждать его превращения в зверя, в другом – герой убивает врага с помощью трюка, причем, судя по тому что меч Ёрюзмека зазубрился о зуб Фука [Там же. С.

328] («Ёрюзмек и Рыжий Фук»), последний снял шлем, или произвел еще какое-то действие, помогшее уничтожить его.

В любом случае, сюжет этого сказания в одном из своих вариантов прямо указывает на пророческий дар Сатанай. Это и еще несколько ее умений говорят о том, что в ранних своих ипостасях «мать нартов», скорее всего, была реализована в облике *колдуньи-шаманки*, обладавшей целым набором разнонаправленных познаний и умений [8, с. 136]. Так, излишне указывать, что Сатанай была *знахаркой и собирательницей трав*, ее навыки весьма пригодились при уничтожении целого войска эмегенов [6, с. 348] («Как Сатанай победила войско Темир-Капу»).

Ко всему прочему, Сатанай была *оборотнем*, правда не совсем обычным. Если все тюркские оборотни превращаются в волков, то Сатанай – в чернобурую лисицу, или лису-кицуне («ки-цунэ» по-японски означает «дитя от приходящей по ночам»); лисица-оборотень («девятихвостые лисицы») – достаточно редкий вариант оборотничества, характерный для Юго-Восточной Азии, а на территории Европы известный, кроме рассматриваемого сюжета, и в фольклоре Молдавии. Еще одна особенность Сатанай в этом качестве – она не классический оборотень, так как последний становится зверем вне зависимости от собственного желания, у Сатанай же этот процесс вполне контролируем, и она, скорее, так называемый анимаг:

Ёрюзмекни обур къатыны Сатанай…
Ол, къара тюлкю болуп…
Къаланы аллына келгенди, дейди.
Эмеген: «Юст-юст!» – деп, анга эгерлерин юсгюртдю, дейди.
Тюлкю къачханда, эгерле къуудула, дейди.
Алай, жеталмай, артха къайтдыла, дейди.
Ёрюзмек а, тохтамай къууа кетди, дейди.
Тюлкю, чаба барып, думп болуп кетди, дейди.
Сатанай, кесини адам сыфатын алды, дейди… [Там же. С. 108].
Жена Ёрюзмека, обур (колдунья – поясн. – *Ф.У.*) Сатанай…
Обернувшись черной лисицей…
К крепости пришла, говорят.
Эмеген, ее увидев, своих охотничьих собак спустил, говорят.
Лисица побежала – псы за ней, говорят,
Но не смогли догнать и вернулись обратно, говорят.
А Ёрюзмек продолжал ее преследовать, говорят.
Вдруг убегающая лисица исчезла, говорят.
Сатанай, приняв человеческий облик, говорят…

Сатанай также обладает даром *исцеления*:
Къуртха Сатанай Сосурукъну къатына мычымайын жетгенди.
Аны жаралы тобукъларын тили бла жалагъанды,
Ууалгъан тобукъ сюеклерин бирге жамагъанды... [Там же. С. 139].

Куртха Сатанай не мешкая (быстро) к Сосруку прибежала.
Его раны (раненые колени) зализала [языком],
Раздробленные кости колен срастила…

В совокупности все приписываемые Сатанай черты складываются во вполне узнаваемую картину – женская сущность, изначально божественного происхождения, актуализированная в мифологии разных народов с тем или иным преимущественным качеством: Афина-Паллада древних греков, кельтская Морригу, Эрешкигаль Междуречья, Василиса Премудрая восточных славян и др. Это один из древнейших архетипов женщины-богини, перешедший из мифологических представлений в эпические, и трансформировавшийся в матриархальный архетип женщины-лидера.

Таким образом, можно утверждать, что Сатанай является носительницей целого комплекса качеств, актуализированных в пограничной зоне магического и мифологического сознания. В эпических произведениях «Нартиады» данный архетип выступает в своих деривационных формах, реализованных частно-ситуативно, и мы можем наблюдать, как и каким образом этот устойчивый архетип деструктурируется и подвергается расщеплению, превращаясь пусть в устойчивый, но текстуально обусловленный образ.

Литература

1. Ахматова М.А., Кетенчиев М.Б. Интертекстуальность как облиґаторный признак карачаево-балкарскоґо нартскоґо эпоса // Ввестник челябинскоґо ґосударственноґо университета. 2013. № 2 (293). с. 68–70.

2. Базиева Г.Д. Этнические традиции и современные инновации в художественных текстах. Нальчик: Изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 167 с.

3. Биттирова Т.Ш. Балкарская литература конца XIX – начала XX века // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: Республиканский полиґрафкомбинат им. Революции 1905 ґ., 2010. С. 36–48.

4. Древнетюркский словарь / В.М. Наделяев [и др.]. Л.: Наука, 1969. 676 с.

5. Лотос – священный цветок [Электронный ресурс]. URL: http: // www.florets.ru/tainy-rastenii/lotos-svyashennoe-rastenie.html (дата обращения: 29.10.2015).

6. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев / сост. Р.А.-К. Ортабаева, Т.М. Хаджиева, А.З. Холаев; отв. ред. А.И. Алиева; пер. Т.М. Хаджиевой, Р.А.-К. Ортабаевой. М: Наука; Восточная литература, 1994. 656 с.

7. Тахо-Годи А.А., Лосев А.Ф. Греческая культура в мифах, символах и терминах. СПб.: Алетейя, 1999. 717 с.

8. Узденова Ф.Т. Художественное пространство карачаево-балкарской поэзии: этнокультурный контекст. Нальчик: Принт Центр, 2016. 212 с.

9. Юнґ К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов / пер. с анґл. В.В. Наукманова. Киев: Гос. библиотека Украины для юношества, 1996. 384 с.

© Ф.Т. Узденова, 2018

Усманова Н.Х.,
БДУ – ның Башҡорт филологияһы һәм журналистика факультетының
III курс башҡорт/тәржемә бүлеге студенты
Ҡунафин Ғ.С.,
филология фәндәре докторы, профессор, БФА-ның мөхбир ағзаһы,
Өфө ҡ., Башҡортостан Республикаһы

ФАҠИҺА ТУҒЫҘБАЕВА ШИҒЫРҘАРЫНДА АССОҢИАТИВ ҺҮРӘТЛӘҮ САРАЛАРЫНЫҢ ҠУЛЛАНЫЛЫШЫ
(ҡайһыбер күҙәтеүҙәр)

“Һүрәтләү саралары тип телдең, бигерәк тә шиғри телмәрҙең, әҙәби әҫәрҙәрҙең йөкмәткеһен образлы итеп асыусы алымдарын атайҙар.Боронғо ґректар һүрәтләү сараларын троптар тип атаған. Троп (ґрекса tropos) – әйләнеш, күсеш мәґәнәһендә.” [3,129]

Был мәҡәлә Башҡортостандың халыҡ шағиры Фаҡиһа Туғыҙбаеваның шиґриәтендә һүрәтләү сараларының бер төрөн тәшкил итеүсе ассоҫиатив һүрәтләү сараларының ҡулланылыш үҙенсәлектәренә ҡыҫҡаса байҡау яһау күҙ уңында тота.Тормош күренештәренең образлы һәм аныҡ кәүҙәләнеше ґенә уҡыусыла эстетик зауыҡ уята. Ассоҫиатив һүрәтләү саралары әҫәрҙең идея йөкмәткеһен асыуға хеҙмәт итә. Һәр һүҙ, һәр һүҙбәйләнеш әҫәрҙең айырылғыһыҙ өлөшө булып тора.

Башҡортостандың халыҡ шағиры Факиһа Туғыҙбаева — үҙенең лирик, фәлсәфәүи шиғырҙары, шулай уҡ поэмалары менән шиґриәт һөйөүселәрҙең мөхәббәтен күптән яулаған талантлы әҙип. Ассоҫиатив һүрәтләү саралары, поэтиканың мөһим катеґорияһы булараҡ, шиґриәттә бик йыш ҡулланыла. Сөнки поэзияла һәр бер һүҙ, һәр биҙәк асығыраҡ сағыла. Күренекле әҙибә Фаҡиһа Туғыҙбаеваның шиғырҙарында ла был төр һүрәтләү саралары киң ҡулланылған.

“Сағыштырыу –һүрәтләү сараларының сағыштырмаса ябайырағы һәм иң киң ҡулланылғаны. Ул ассоҫиатив һүрәтләү сараларының барыһының тәбиґәтенә үтеп ингән универсаль категорияның береһе” [3,131] Исеме үк күрһәтеп тора, сағыштырыуҙың ниґеҙендә бер күренеште йәки әйберҙе уның менән ниндәйҙер уртаҡ сифаттары булған икенсе нәмәгә сағыштырып ҡарау, күҙаллау принсибы ята.:

Сүл бүреһе кеүек олотмаҡ,
Сүл бүреһе кеүек олор ерҙә
Телдәремде ґенә тешләйем.
Күңелемдә эйәрле ат ята,
Ҡул быґаулы ләкин,
Нишләйем? („Бөлґән илґә бөкрө бей тыуыр...“)

Был шиғыр юлдарында сағыштырыу алымы ҡулланылғанын „кеүек“ тиғән оҡшатыу һүҙе күрһәтеп тора.

Күҙ асып күҙ йомған бер арала
Ҡыйғыр бөркөт булып осто ваҡыт,
Ел еткермәҫ өркәк болан булып
Үтеп кенә китте Йәшлек, балҡып.
(“Нисек йәшәрғә һуң уны күрмәй...”)

Был юлдарҙа авторҙың “булып” тиғән һүҙҙе ҡулланып ваҡытты ҡыйғыр бөркөт, йәшлеғен өркәк болан менән сағыштыра. Тағы ла шуға оҡшаш миҫал:

Үлән булып бағам һиңә,
Бәләкәс аҡһыл болот!
Тамырҙарым янып бара,
Тупраҡ көлгә ҡалып бара.
(Ямғыр теләү)

Бында автор „үлән булып” һүҙбәйләнешен ҡулланып үҙен үләнгә тиңләй.

Ғрамматик ярҙамсы һүҙҙәре булмаған йәки уларын юғалтҡан сағыштырыуҙар ҙа була. Уларҙы Ким Әхмәтйәнов атама сағыштырыуҙар тип атаған. [4,11] Миҫал:

Юлыма тоҙ һипмә, дуҫым,
Файҙаһы юҡ был эштең.
Донъя – боҙлауыҡ мәмерйә,
Шул уй менән килештем

Был форманы сағыштырыуҙың метафораға күсеү күпере тип атарға мөмкин. Ә күпер бумаһа, ул метафораға әйләндерелә.

Метафора “(ғрекса – metaphora) сығышы менән бик боронғо... һүрәтләү сараһы булараҡ метафораның хасиәте – ғәҙәти һүҙҙәрғә йәки һүҙбәйләнештәргә сағыштырмалы кинәйәлек мәғәнәһе биреү, уларға нур, моң бөркөү“, – тип яҙа Ғайса Хөсәйенов [3,143]. Миҫалдар:

Нимә эшләтәйем йән яраһын?
Ҡыҫып түҙһәм дә мин тешемде,
Онотолорға ул ирек бирмәй,
Сарыф ҡына итәм көсөмдө.

“Нимә эшләтәйем йән яраһын...” тип аталған шиғырҙың бер куплетында. “яра” тиғән төп төшөнсәне икенсе күренешкә күсереү “йән яраһы” тиғән сағыу метафора барлыҡҡа килеүгә сәбәпсе булған. Икенсе миҫал:

Урамдарға һыймай,
Алмағастар
Беҙҙең туйыбыҙҙы уҙғара.
Аҡ тәңкәләр һибә өҫтөбөҙгә,
Аҡ тәңкәләр һибә эҙебеҙгә –
Бындай бәхет һыймай уйҙарға.
(“Урамдарға һыймай, алмағастар...”)

“Аҡ тәңкәләр” – метафора. Автор был строфала ап-аҡ алмағас сәскәләрен аҡ тәңкәләргә тиңләй. Был шиғырға ниндәйҙер бер серлерек өҫтәй.

Төнгө дала ҡосағында юлсы,
Яңғыҙ юлсы яҡҡан усағын.
Әкрен-әкрен ғенә ҡаға елдәр
Дала иңдәренән юл саңын...
(«Юлсы»)

“Дала ҡосағы”, “дала иңдәре” – метафоралар. Ғөмүмән, кеше ағзалары исемдәрен тирә-йүнгә, тәбиғәткә күсереп, оҡшаш исем биреү күренеше бик йыш осрай әҙәби әҫәрҙәрҙә. Троптың бер төрө булараҡ метафоралар эмоционаллек дәрәжәһен көсәйтеп тә, авторҙың хистәрен, әйтергә теләгән фекерҙәрен тәрәнәйтеп тә киләләр, образдарҙы асыуҙа ла ҙур роль уйнайҙар.

Эпитет. “Ғрек һүҙе – epitheton – беҙҙеңсә, ҡушымта мәғәнәһенә тура килә. Ул исем һүҙҙәргә аныҡлаусы һүҙ рәүешендә ҡушылып йөрөй. Икенсе төрлө әйткәндә, үҙендә аныҡлаусы сифат һүҙ төшөнсәһен тота...

Аныҡлаусы һүҙҙең күсмә, кинәйәле мәғәнә алғанын әҙәбиәт ғилемендә эпитет тип исемләйҙәр”. [3,137]

Эпитет художествольлыҡ функцияһына эйә. Сағыштырыуҙар был функцияны күбеһенсә ярҙамсы һүҙҙәр аша башҡарһа, эпитет аныҡлаусы һүҙгә күсмә мәғәнә һалыуы менән үтәй. Мәҫәлән:

Бөтөн батшам, ахыры, уйҙырма,
Тәмле һүҙҙәре лә туйҙыра.
(Яратһа ла мине башҡалар...)

Икенсе миҫал:

Һарайың – боҙ.
Боҙҙан һин үҙең дә,
Баҙлау-балҡыуҙарың – ялт та йолт.
Һалҡын тәкәбберлек ҡаршыһында
Минең ихаслығым – алйотлоҡ.
("Һарайың – боҙ...")

Һалҡын аныҡлаусы поэтик һүҙе эпитет вазифаһын алған.

Сың-сың ғына сыңлай сыуаҡ көн,
Был сыбар көн – сыбар өмөтөм,
Был сағыу көн һәм мин – бер бөтөн! ("Көҙгө урман")

Бында сыуаҡ, сыбар, сағыу – эпитеттар. Көҙгө тәбиғәт күренешен, уның бөтә матурлығы менән күҙ алдына баҫтырыу өсөн шундай эпитеттар кулланған автор был осраҡта.

"Ғипербола – хәл-ваҡиғаны йә ғеройҙы саманан тыш күпертеп, шаштырып һүрәтләү сараһы". [3,165] Миҫал:

Ҡаңныларҙың биләмәһе бикһеҙ,
Урман ғына, һыуы икһеҙ-сикһеҙ;
Ат һуғара ҡаңны Сәрмәсәндә,
Уның иҙеҙәгә Ҡармасанда,
Күк Иҙелдә, көндәй Аҡ Иҙелдә,
Ҡарурманды ҡырҡҡан Ҡара Иҙелдә.

Икһеҙ-сикһеҙ – ғипербола – ҙур, күп, осо-ҡырыйы күренмәй тиҙән мәғәнәгә тап килә. Был алымды кулланыу уҡығанда ғәжәпһендереү уятыуға ла сәбәпсе була алған.

Йәнләндереү. Тәбиғәт күренештәрен һүрәтләгәндә шағирҙар уны кешеләргә хас сифаттар менән йәнле итеп һынландырырға ынтылалар. "Поэтик йәнләндереү (олицетворение) сараһы йәнһеҙ нәмәләргә, ғүйә, йән өрә, - тип аңлатма бирә был төр ассоциатив һүрәтләү сараһына Ғайса Хөсәйенов - ... метафорик һүрәтләү сараларының бер төрө ул асылда. Уларға йәнле күренештәрҙең сифаттарын йәнһеҙ күренештәргә күсереп биреү хас"[3, 151]. Быға миҫал итеп түбәндәге шиғыр юлдарын килтерергә була:

Баш осонда йондоҙ тәңкәләре,
Йыһан тынған, беҙгә таң ҡалып.
Никах уҡый һил төн ай телендә,
Ишетәлер уны Сәрмәсән дә,
Ишетәлер уны Таналыҡ.
(«Баш осонда йондоҙ тәңкәләре»)

Йыһандың тынып, таң ҡалыуы, төндөң никах уҡыуы, Сәрмәсән, Таналыҡ тың ишетә алыу һәләте – былар бөтәһе лә йәнләндереү күренештәре. Тәбиғәт есемдәрен шулай кешеләштереп тасуирлау шиғырҙы йәнлерәк һәм йәмлерәк, эмоциональ тәәсирлерәк итеүгә булышлыҡ иткән. Икенсе миҫал Фаҡиһа Туғыҙбаеваның "Һүҙҙәр" тиҙән шиғырынан:

Берекмәйсә бер-беренә, һүҙҙәр
Уйнай-көлә, бейей, күҙ ҡыҫалар,
Тотам инде, тиһәм, иң матурын,
Осоп китә күккә – бик "уҫалдар"
Һүҙҙәр шарҡылдашып тарта еңдән,
Берене – уңдан, берене – һул яғымдан.
Уйнағыҙ һуң, әйҙә!
Илһам килмәй,
Шаянҡайҙар, һеҙгә мин ҡағылмам.

Был шиғырҙа йәнләндереү алымы бик йыш ҡулланылған, һүҙҙәрҙе "уйнап-көлөү", "бейеү", "күҙ ҡыҫыу", "шарҡылдашыу", "тартыу" кеүек бары тик кешеләргә генә хас сифаттар менән һынландырыу шиғырға ҙур үҙенсәлек өҫтәй һәм уны йәмләй."

Шулай итеп, Фәкиһа Туғыҙбаева шиғриәте ассоциатив һүрәтләү сараларына бик бай. Һәр әҫәрендә сағыштырыу, метафора, йәнләндереү, эпитет кеүек һүрәтләү сараларына тап булырға мөмкин. Һүрәтләү саралары – әҫәрҙе иҫтә ҡалырлыҡ иткән, әҫәрҙе образлы күҙаллауға ярҙам иткән алымдар.. Ғөмүмән, һүҙ сәнғәте өсөн күсмә мәғәнәле һүҙҙәрҙең әһәмиәте айырыуса ҙур. Улар эмоциональ-экспрессив яҡтан көслө яңғырайҙар, төрлө стилистик биҙәктәрҙә бай булалар, әҫәрҙең формаһы һәм йөкмәткеһе менән туранан-тура бәйләнештә тороп, әҫәр йөкмәткеһен тәрән асырға ярҙам итәләр.

Ассоциатив һүрәтләү саралары – Фәкиһа Туғыҙбаева шиғриәтенә көс, эске энерғия биреүсе ижад сығанағы. Автор тыуҙырған образдар, әҙәби донъя хаҡында һүҙ йөрөткәндә, тел сараларының әһәмиәте асыҡ күренә: һәр һүҙҙең мәғәнәһен балҡытып ебәреү, урынлы һәм тапҡыр ҡулланыу һүрәтләнеүсе предметтарҙы йәнле итеп күҙ алдына терәҙерҙә булышлыҡ итә, был уҡыусыла эстетик зауыҡ тәрбиәләй, әҙәби телде үҫтереүҙә ҙур роль уйнай.

Әҙәбиәт

1. Аҡбулатова Ф. Аҡ ҡағыҙҙа – ваҡыт тамғалары//Башҡортостан, 2015. – 17- се ғинуар
2. Туғыҙбаева Ф. Минең ҡошом – Һомай. – Өфө: Китап, 2000. – 272 бит
3. Хөсәйенов Ғ.Х. Әҙәбиәт теорияһы. – Өфө: Китап, 2010. – 384 бит
4. Әхмәтйәнов К. Ә. Әҙәбиәт теорияһы. – Өфө: Китап, 2004. – 388 бит

© Усманова Н.Х., Ҡунафин Ғ.С., 2018

Фәхретдинова Ф.З.,
БДУ-ның Стәрлетамаҡ филиалы БРЯ 51 төркөмө студенты,
Абуталипова Р.Ә.,
БДУ-ның Стәрлетамаҡ филиалы башҡорт филологияһы кафедраһы профессоры,
Стәрлетамаҡ ҡ., Башҡортостан Республикаһы

3. БИИШЕВАНЫҢ “ДУҪ БУЛАЙЫҠ” ПОВЕСЫНДА 'КИЛ' ХӘРӘКӘТ ҠЫЛЫМЫНЫҢ ҠУЛЛАНЫЛЫШЫ

Башҡорт телендәге хәрәкәт ҡылымдары үҙ аллы лексик-семантик төркөмсә булараҡ тәүге тапҡыр Ж.Ғ. Кейекбаев тарафынан айырыла. Ғалим уларҙы 'хәрәкәт йүнәлеше ҡылымдары' булараҡ ҡарай һәм был ҡылымдар “тиғеҙлектәге йәки тәңгәллектәге (ғоризонталь һәм вертикаль) һыҙыҡта кешеләрҙең йәки предметтарҙың һөйләүсе күҙлегенән ҡайһы яҡҡа табан хәрәкәт итеүен белдерә” тип күрһәтә [3, 142-се б.]. Ж.Ғ. Кейекбаев тиғеҙлектәге һыҙыҡ буйынса хәрәкәт ҡылымдарын телмәр субъектына йәки хәрәкәт объектына мөнәсәбәтле төркөмләй: 1) һөйләүсеғә яҡынлашыуҙы белдереүсе хәрәкәт ҡылымдары: ҡайтып килә (ине), сығып килә (ине), килеп туҡта, килеп сыҡты, килеп инде, килеп баҫты һ.б.; 2) һөйләүсенән алыҫлашыуҙы белдереүсе ҡылымдар: ҡайтып бара (ине), сығып бара (ине), барып туҡтаны, сығып китте, барып инде, барып баҫты һ.б. Беҙ хәрәкәт ҡылымдарын локативлыҡ функциональ-семантик категорияһының доминант компоненты булараҡ ҡарайбыҙ [1, 1295-се б.].

Был тикшеренеү эшендә тиғеҙлектәге һыҙыҡ буйынса хәрәкәт итеү төркөмөндәге иң йыш ҡулланылған кил- ҡылымының телмәрҙәге ҡулланылышы Башҡортостандың халыҡ яҙыусыһы, Салауат Юлаев исемендәге дәүләт премияһы лауреаты Зәйнәб Биишеваның “Дуҫ булайыҡ” повесы [3] материалында анализлана.

Башҡорт теленең академик һүҙлегендә *кил-* хәрәкәт ҡылымының утыҙ бер мәғәнәһе теркәлгән [2, 451-454-се б.]. Был ҡылым телмәрҙә тулы мәғәнәле үҙ аллы лексема булараҡ та, башҡа һүҙҙәрҙә эйәреп килеп, аспектуаль, темпораль, модаль һ.б. мәғәнәләрҙе белдереү сараһы ла, функциональ ярҙамсы ҡылым булараҡ та ҡулланыла.

Зәйнәб Биишеваның “Дуҫ булайыҡ” повесында *кил-* ҡылымы төрлө грамматик формаларҙа һәм төрлө функцияла 331 тапҡыр осрай.

Ҡулланылыу йышлығы күҙлегенән анализлағанда, повеста *кил-* ҡылымы күберәк һүҙлектә билдәләнгән тәүге алты мәғәнәһендә тулы мәғәнәле үҙ аллы лексема булараҡ файҙаланыла һәм хәрәкәт субъектының хәбәр субъектына йәки объектына табан йүнәлгән эш-хәл, хәрәкәтен белдерә. Мәҫәлән, тиғеҙлектәге һыҙыҡ буйынса телмәр субъектына йәки хәрәкәт объектына табан йүнәлгән һәм тамамланған, билдәләнгән ориентирға еткән эш-хәл, хәрәкәт: *Был ваҡытта дәрес әҙерләп бөтөп сыҡҡан Борис менән Талип та улар янына килде. Уларҙан һуң оҙаҡ та тормай, ҡатынын эйәртеп, Хәсән бабай ҙа килде. Газетаға "Класс намыҫын һаҡлау өсөн" тигән темаға баш мәҡәлә яҙып ултырған Юлай һикереп торҙо ла, ҡашын төйөп, яй ғына атлап, улар янына килде. Ул (Юлдаш) беҙгә икенсе ҡаланан килде.– Ниҙә ваҡытһыҙ килдегеҙ?! Мостовой өҫтөндә эркелеп ятҡан ямғыр*

һыуҙарын кисеп, урам аша сығып барған Ғариф, ҡыуана-көлә, йүгереп кире килде. – Онотманыҡ! Әҙерләнеп килдек! – тип шаулашты балалар. Бына шул сәкта, ни, мин киләм дә һине уйнарға алып сығам да китәм, ти.

Үҙ аллы лексема булараҡ ҡулланылып, *кил-* ҡылымы теґе йәки был хәл-ваҡиґа, миҙґел, тороштоң ваҡыт эсендә тыуыуын, барлыҡҡа килеүен, дауам итеүен белдерә ала. Мәҫәлән: *Бына ниндәй заман килде. Көҙҙөң иң күңелле, шаулы көнө – беренсе сентябрь килде. Был мажараның ауырлығы ошо үҙебеҙҙең власть булғанға тиклем һуҙылып килде. Юлдаш йоконан уянып һикереп торғанда, Ирәндек артынан, кисә ай ҡалҡҡан урындан, утлы шар булып ҡояш күтәрелеп килә ине. Хәҙер ауылда эштең иң ҡыҙыу сағы килеп етте.*

Төбәү килештәґе исемґә эйәреп, *кил-* ҡылымы билдәле бер фекерґә туҡталыуҙы йәки билдәле бер тойґо, фекерҙең яралыуын белдерә. Мәҫәлән: *Йыйылышта балалар бер тауыштан: «Якшы уҡырға, класс алдынғылығы өсөн берҙәм көрәшергә», – тигән ҡарарға килделәр. Ҡыҙырас менән Әсмәбикә апай, ул ҡапҡанан сығып киткәс кенә, иҫтәренә килделәр. Юлдаштың быға бик асыуы килде. Һөйләүселәр бөтәһе лә, Гөлкәй дөрөҫ уйламай, пионер, кәрәк булһа, балта, көрәк, әнә, ҡайсы ла тота белергә, «өйҙә ата-әсәгә ҡулдан килгәнсә ярҙам итергә тейеш тигән фекергә килделәр. Етмәһә, атаһы: – Бындай һаташыу ҡайҙан килде һинең башыңа, – тип ныҡыша бит әле. Юлайҙың был малайҙы хәҙер ошонда уҡ ҡосаҡлап һөйгөһө килде. Ҡыҙырас менән Әсмәбикә апай, ул ҡапҡанан сығып киткәс кенә, иҫтәренә килделәр. Бигерәк тә, ауылда үҙен шәп малай итеп танытып та, бында улай уҡ булып сыҡмағас, хәҙер ниндәйҙер бер ґәжәп шәп эш эшләп, Юлдашҡа үҙенең унан кәм түгеллеґен бик-бик раҫлағыһы килә ине уның. Был һорау Ҡыҙырастың башына ҡаҙыҡ менән һуҡҡан кеүек бәрелде лә уны ҡапыл иҫенә килтерҙе.*

Рәүеш (хәл) кылымдың *-п* формаһына ҡушылып, эш-хәрәкәттең телмәр субъектына йәки башҡа бер ориентирға табан йүнәлешен күрһәтә. Мәҫәлән: *Бынан һуң Кинйәбай ағаһы менән Гөлйөзөм еңґәһе лә ҡайтып килде. Ирәндек артынан түңәрәк, ҡыҙыл күл кеүек булып, бик ҙур ай ҡалҡып килә. Юлдаш йоконан уянып һикереп торғанда, Ирәндек артынан, кисә ай ҡалҡҡан урындан, утлы шар булып ҡояш күтәрелеп килә ине. Ғилмандың ошолай ҡыҙыҡһынып эйәреп килеүе ґенә лә Ҡыҙырастың үҙ-үҙен һөйөүсәнлеґен кинәндерҙе.* Был төркөмґә ҡараґан *алып кил-* һәм *килеп ал-* ҡалыбындағы һүҙбәйләнештәрҙең мәґәнәһе ҡылымдарҙың ҡулланыу тәртибе менән бәйле. Ике үҙ аллы лексеманан торґан һүҙбәйләнештәрҙең тәүґеһендә хәрәкәт субъекты теґе йәки был предметты башта ала, шунан һуң телмәр субъектына йәки хәрәкәт объектына табан йүнәлә. Бындай конструкция повеста 11 тапҡыр осрай. Мәҫәлән: – *Уны (ижауҙы) ла мин Ибраһим олатайыңдарҙың өй ҡыйығында аунап ятҡан еренән алып килдем, – тип мактана биреп ҡуйҙы. Мәктәптә уҡыуҙар бөткәс тә, атаһы Юлдашты ауылға, өләсәләренә, алып килде. Юлдаш менән Ҡыҙырас тәү башлап ошонда Юлдашты атаһы алып килеп ҡалдырып киткәндең иртәґеһенә осрашты. Ул (Ҡыҙрас) уны алып килергә онотҡан.* Икенсе осраҡта хәрәкәт субъекты башта телмәр субъектына йәки хәрәкәт объектына табан йүнәлә, шул урында нимәнелер алаэ Мәҫәлән: *Их, атайым мине тиҙерәк килеп алып ҡайтһын да, унда тиҙерәк күсһәк ине. – Ошо арала. Бый ыл. Атайым мине килеп алып ҡайта ла, күсәбеҙ, – тине.* (Был типтағы һүҙбәйләнеш 2 тапҡыр ҡулланыла). Хәҙерґе функциональ ґрамматикала бындай мәґәнәүи бәйләнеш бер-бер артлы башҡарылыу таксисы катеґорияһының бер компоненты булараҡ өйрәнелә.

Әҫәрҙә бик йыш *кил-* хәрәкәт ҡылымы функциональ ярҙамсы ҡылым функцияһын үтәй. Ул аналитик конструкцияларҙың ярҙамсы компонентында килеп, төп мәґәнәне белдереүсе рәүеш (хәл) ҡылымға аспектуаль, темпораль, модаль һ.б. мәґәнә биҙәктәре өҫтәй, йәґни ҡылымдың лексик-ґрамматик (форма яһаусы) катеґорияларын барлыҡҡа килтереүҙә ҡатнаша:

1) функциональ ярҙамсы ҡылым функцияһын үтәп, *барғы, ҡайтҡы* формаһындағы төп мәґәнәне белдереүсе ҡылымдарҙан һуң ҡулланыла һәм телмәр субъектының берәй эш-хәлде башҡарырға булған ихлас теләґен белдерә. Повеста был формалар йыш ҡулланыла. Мәҫәлән, *-ґыһы кил-* формаһы 17, *-ґеһе кил-* – 6, *-ҡыһы кил-* – 5, *-ґөһө кил* – 3 тапҡыр файҙаланыла: – *Нисегерәк! – тип әйткеһе, Юлдашты үсеклән, бейеп-һикереп көлґөһө килде уның. Үҙҙәренең ошо арала унда күсеп барасаҡтарын әйтеп, Ҡыҙырасты ла ҡыуандырғыһы килде. Ленин бабайға оҙаҡ-оҙаҡ, бер өҙлөкһөҙ ҡарап торґом килде. Юлайҙың был малайҙы хәҙер ошонда уҡ ҡосаҡлап һөйгөһө килде. Ә Ҡыҙырас, Юлдаштың алтын яҙыулы аттестатын ҡулына алғас, ниндәйҙер тантаналы һүҙҙәр әйткеһе йәки һандуғас булып һайраП ебәргеһе килде. Был яуаптан Ҡыҙырастың ҡыскырып көлөп ебәргеһе йәки Ғарифҡа бик ныҡ итеп һуҡҡыһы килде. «Ҡуй, һылыу, рәхмәт әйтмә. Бында мин һине яҡларға теләүҙән бигерәк, Ҡыҙыраска асыуымдан килеп тығылдым бит», – тип әйткеһе килде.*

2) *-рға, -ргә* аффикслы уртаҡ ҡылымдан (инфинитивтан) һуң *тура кил-* һүҙбәйләнешендә *кил-* ҡылымы ярҙамсы компонент булып килә. Был конструкция эш-хәл, хәрәкәттең мәжбүри рәүештә

башҡарылырға тейешлеген йәки телмәр актына тиклем мәжбүри рәүештә башҡарылған булыуын белдерә. Мәҫәлән: *Быларҙы бөткәс, уға өләсәһе аш бешергәнсе, ишек алдына йәшел үлән өҫтөнә балаҫ түшәп, ашъяулыҡ йәйеп, аш урыны әҙерләргә тура килде. Миңә бырауларсы булып та күп кенә йылдар эшләргә тура килде. Юлдашҡа яңғыҙы ғына ҡайтып китергә тура килде. Ләкин Нефтселәр клубы янынан үткәндә, уға, туктаңҡырап, кинонан эркелеп сыҡҡан кешеләрҙе үткәреп ебәрергә тура килде. Юлдашҡа ла ҡалырға тура килде. Башта мине сразы теге батыр менән көрәштермәнеләр әле, уға хәтле миңә күп кенә көрәшселәр менән алышырға тура килде.* Был типтағы өс компонентлы конструкция повеста 17 тапҡыр осрай *(-рға тура кил-* – 8, *ргә тура кил-* – 9).

Хәрәкәт субъектыныҡ тәгәйенләнгән ориентирга, хәрәкәт субъектына йәки объектына килеп етеүен белдереү маҡсатында *кил-* ҡылымы рәүеш (хәл) ҡылым формаһында килеп, төп хәрәкәтте белдереүсе ҡылым алдынан ҡулланыла. Мәҫәлән: *Иң һуңғы ҡунаҡ булып Зөләйхә әбейҙең ошо һуғышта һәләк булған улынан ҡалған ейәне – колхоздың шоферы Хәмит ағай килеп инде. Әле лә бына, Юлдаштар килеп етеүгә, бында бик күп колхозсылар тейәлгән йөк машинаһы килеп туҡтаны. Өҙаҡламай бында Зөләйхә әбей менән Гөлйөҙөм еңгә лә килеп етте.*

Беҙҙец тикшеренеү һөҙөмтәһе күрһәтеүенсә, Зәйнәб Биишеваныҡ “Дуҫ булайыҡ” повесындә *кил-* тамыры төрлө грамматик формаларҙа һәм төрлө функцияла 331 тапҡыр осрай. Әҫәрҙә ул тулы мәғәнәле үҙ аллы лексема булараҡ та, башҡа һүҙҙәргә эйәреп килеп, аспектуаллек, темпораллек, модаллек һ.б. мәғәнәләрҙе белдереү сараһы ла, функциональ ярҙамсы ҡылым булараҡ та ҡулланыла.

Әҙәбиәт

1. *Абуталипова, Р.А. Лексический способ репрезентации локативных значений в башкирском языке / Р.А. Абуталипова // Вестник Башкирского государственного университета. – Уфа: БГУ, 2015. Т. 20.– № 4. – С. 1295-1298.*
2. Башҡорт теленец академик һүҙлеге: 10 томда. Т. IV (Й – К хәрефтәре) / Ф.Ғ. Хисамитдинова ред. – Өфө: Китап, 2012. – 944 бит.
3. Биишева, З.А. Әҫәрҙәр: дүрт томда. Т. 2. Роман, повестар, хикәйәләр / З.А. Биишева. – Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1981. – 544 б.
4. *Кейекбаев, Ж.Ғ. Хәҙерге башҡорт теле / Ж.Ғ. Кейекбаев. – Өфө, 2001. – 147 б.*

©Фәхретдинова Ф.З., Абуталипова Р.Ә., 2018

Ханинова Р.М.,
старший научный сотрудник ФГБУН “Калмыцкий научный центр РАН”,
г. Элиста, Республика Калмыкия

“БАЙРИН ДУД” (“ПЕСНИ РАДОСТИ”) МИХАИЛА ХОНИНОВА КАК ПЕРВАЯ КНИГА ПОЭТА

Калмыцкий поэт Михаил Ванькаевич Хонинов (1919 – 1981), вступив на литературный путь в 1935 году стихотворением «Адуч» («Табунщик»), до войны был автором трех десятков стихотворений и пьесы в стихах, опубликованных в республиканской прессе [2, 3]. После возвращения из сибирской ссылки в 1957 году печатал свои произведения в газете «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда»), в альманахе «Теегин герл» («Свет в степи»).

Первая книга поэта с характерным названием «Байрин дуд», что означало «Песни радости», была сдана в набор 3 декабря 1957 года, подписана в печать 2 февраля 1960 года, вышла в Калмыцком книжном издательстве. Это были песни в буквальном и переносном смысле. Много стихотворений в жанре песни вошло в этот сборник: «Байрин дуд» («Песни радости»), «Хөөчин дун» («Чабанская песня»), «Ээҗин туск дун» («Песня о матери»), «Аав-ээҗдән бахтий» («Возрадуемся отцу и матери»), «Диилврин дун» («Песня победы»), «Колхозникүдин дун» («Колхозная песня»), «Өөрдин дуд» («Ойратские песни»), «Цергә марш» («Военный марш»).

Это было время «оттепели» (1956 – 1968 гг.), с которой связаны были надежды и вера людей в демократию, гласность, свободу личности и творчества.

Сорок стихотворений, небольшая поэма «Арслц» («Арсланг) и сказка в стихах «Зара, Арат, Чон һурвн» («Ёж, Лис и Волк») составили содержание книги на 109 страницах. Наряду с новыми произведениями автор включил в сборник часть опубликованных стихотворений 1930-х годов. Это «Дум Кремлүр нисв» («Дума полетела в Кремль»), «Цергә марш» («Военный марш»), «Ахдан» («Старшему брату»), «Ахнран дура́!» («Подражай старшим братьям»; прежнее название «Чи тедниг дура́» – «Подражай им»), «Ахиннь ардас мордлав» («Вслед за старшим братом призван в армию»); в основе «Орн-нутган харс!» («Защищай родину») и «Ахта-дүүтәһән…» («С братьями») – переработанные стихи.

Да, собственно говоря, сам текст стихотворения «Байрин дуд» – это трансформированное стихотворение 1937 года «Өвгн теегт» («Старик в степи»), ранее посвященное сталинской конституции. Возможно, обращение к конституции страны подчеркнуло момент исторической справедливости в отношении политической реабилитации калмыков, а исключение теперь из текста двух упоминаний Сталина указывало на связь культа личности и тоталитаризма, жертвами которого стали многие народы СССР. Разумеется, что имя вождя-тирана вообще исчезло из произведений в первой книге поэта, как из книг и других калмыцких писателей, например, Х. Сян-Белгина, Б. Дорджиева, Д. Кугультинова, С. Каляева, К. Эрендженова.

К сожалению, для Михаила Хонинова не характерна атрибуция собственных текстов. Немногие из них имеют дату, редки указания мест написания. Поэтому наш хронологический подход базируется на публикациях в средствах массовой информации, хотя это не всегда надежный источник, учитывая временную дистанцию между написанием текста и печатной версией.

Так, в газетных публикациях 1930-х годов указывалась дата создания стихотворений Хонинова. В его первой книге подобных примеров немного. «Байрин дуд» – Элст, 1937 җил; «Ахиннь ардас мордлав» – 1939 җил, ноябрь; «Ахнран дурá!» – Ст. Бырка, 1939 җил; «Хальмг ачта артисткд» («Заслуженной калмыцкой артистке», прежнее название «Улан») – 1941 җил, май; «Менд йовад, менд ирүв» («Благополучно ушел, благополучно вернулся») – Элст, 1945 җил; «Буур җил һарв, ботхн җил орв» («Год верблюда ушел, год верблюжонка пришел») – 1957 җил, Элст; «Хортна дарңх Лиж» («Воин Лиджи») – Элст, 1957 җил. Произведения 1930-х годов помечены местом создания: город Элиста, где работал до войны артист Калмыцкого драматического театра, а также станция Бырка Иркутской области на Забайкалье, где служил в Рабоче-крестьянской Красной армии.

Редактором сборника стал известный поэт Хасыр Сян-Белгин, репрессированный в 1930-х годах и позднее реабилитированный. Возможно, именно им предложена определенная последовательность расположения произведений в книге: ее структура отразила характерную для большинства тех советских изданий политико-идеологическую направленность, ее доминанту. Вначале шли стихи о В.И. Ленине, Октябрьской революции: «Ленинә партин нилч» («Под влиянием Ленина, партии»), «Байрл хальмгм, Ленинд» («Радостные калмыки Ленину»), «Октябрин туг» («Октябрьское знамя»).

Последующие стихи отразили общую радость возвращения калмыцкого народа на родную землю после тринадцатилетней разлуки. Например, «Харадам минь нис» («Лети, моя ласточка»), «Байрин дуд» («Песни радости»), «Төрскм-төвкнүһин булг» («Родник мира»), «Мини депутат» («Мой депутат»), «Шин уульнцд» («На новой улице»), «Хальмгин теегәс» («Из калмыцкой степи»), «Цаһан нуурин көвәд» («На берегу Цаган-Нура»), «Аав-ээждән бахтий» («Возрадуемся отцу и матери»), «Хальмг һазр зөөртә» («Богатая калмыцкая земля»).

Треть сборника составили стихи военной тематики: «Цергә марш» («Военный марш»), «Хортна дарцх Лиж» («Воин Лиджи»), «Орел-Курск дуһуд» («На Орловско-Курской дуге»), «Ахдан» («Старшему брату»), «Менд йовад, менд ирүв» («Благополучно ушел, благополучно вернулся»), «Ахиннь ардас мордлав» («Вслед за старшим братом призван в армию»), «Ахнран дурá!» («Подражай братьям!»).

Отечественной истории посвящены цикл «Өөрдин дуд» («Ойратские песни») из четырех стихотворений, а также стихотворение «Ах-дү бәрлдлһн» («Битва братьев»).

Герои нескольких произведений – артистка и певица Улан Лиджиева («Хальмг ачта артисткд» – «Заслуженной калмыцкой артистке»), простой чабан («Хөөчин зөрг» – «Отвага чабана»), поэт Х. Сян-Белгин («Дуучд» – «Певцу»), молодая калмычка, которой А. С. Пушкин посвятил знаменитое послание «Калмычке» («Хальмг гергнд» – «Калмычке»).

Детям адресованы стихи «Ээҗин нилч» («Напутствие бабушки»), «Ахуч эгч дү хойр» («Рачительные сестры»), авторская сказка «Зара, Арат, Чон һурвн» («Ёж, Лис и Волк»).

Заключительная часть сборника представлена сатирическим циклом «Иим улс бас бәәнә» («Такие люди тоже бывают») из шести стихотворений: «Кеehә күүкн» («Модница»), «Әркнч залу» («Пьяница»), «Көзрч күн» («Картежник»), «Залхун хаалһ» («Путь лентяя»), «Хальмг дүрт» («На вид калмык»), «Хулха – аштнь бәргднә» («Вор всегда будет найден»).

Несмотря на трагические страницы истории (депортация калмыцкого народа в годы сталинских репрессий в 1943–1956 годах), по утверждению поэта, Советский Союз остается по-прежнему оплотом мира и дружбы народов. Стихотворение «Төрскм-төвкнүһин булг» («Родник мира») передает его отношение к общей родине, которая на шестой части Земли процветает и благоденствует: «Манурсн көк аһар, / Модна савһр бүчр, / Мелмләсн уста тецгс, / Ке цецгәсин өцгс, / Өлгәд кевтсн күүкдшң / Өкәр, жөөлн, серглң, / Орчлңгин зуррадгч әңгднь, / Олна байрин өрчднь /

Төрскн сәәхн дүцгәнә, Төвкнүһин җирһлнь дуулгдна» [5, с. 18]. Великая Москва для поэта равносильна красавице-богине Арагни, видной всем людям: «Ар үзгт / Арагни Сәәхлә – / Алдр Москва – / уняртҗ үзгднә» [5, с. 18]. В то же время столица советского государства подобна матери, дарующей счастье повсюду всем, кого любит, поэтому она прославлена в благопожеланиях ей. «Иньгән олҗ / ил үзҗ, / Итклднь делкә / аштнь багтна, / Москва делгүдән – / ээҗ болҗ / Мөцк үүлдврнь / йөрәлд мактгдна» [5, с. 20]. Воздав должное учению Ленина, Коммунистической партии, поэт передает чаяния тех, кто призывает недругов запомнить, что советским людям-победителям не нужна война, не дело противостоять друг другу, надо всегда жить в мире и дружбе. «Делкән дәәсн – / дән керго, / Дөрлдә кей – / төвкнүн бәәлһәр, / Негән әәлһсн – / төр эвго, / Насни туршарт / йовий үүрлһәр!» [5, с. 21]. Автор верит, что слова его призыва обретут крылья, вслед за советским спутником распространятся по всему свету, родные звезды светятся, мирная жизнь родины возрождается. «Дуудврин үгмүд / җиртәшц ниснә, / Дахуль дахлдад / делкәһәр зөрнә, / Эцкр одн оһтрһуһар асна, / Эвин җирһл / төрскндм төрнә» [5, с. 21].

Характерная для калмыцкого традиционного стихосложения анафора в этом стихотворении выстроена неравномерно: первые десять строк имеют разные виды анафоры: три строки одинаково начинаются с согласного звука **м,** четвертая – с согласного звука **к,** остальные шесть строк поделены на парные анафоры (**Ө**лгәд / **Ө**кәр; **О**рчлцгин / **О**лна; **Т**өрскм / **Т**өвкнүһин»). В калмыцкой версификации анафора определяется как аллитерацией, так и ассонансом. Здесь наблюдаем звуковую анафору. Следующие строки также имеют разные виды анафоры: полная анафора – из шести строк, далее следуют парные анафоры. В середине текста анафора нарушена: «**Т**өвкнүһин / **Н**омин / **Т**аш/ **М**аш». К концу текста вновь использована полная анафора на согласный звук **т**: «Тигәдчн / Таалмҗта / Тигәдчн / Төгәлц). Кроме того, здесь и лексическая анафора с повтором слова «Тигәдчн» («Поэтому»), а также синтаксическая («Тигәдчн, улсм / Тецгсин заһснщц / Таалмҗта җирһлд / ниицҗ бульглна. / Тигәдчн, Төрскм – / теегин ноһаншц / Төгәлц җилдән / цецгәлҗ шавшна…»). Конец текста вновь структурирован парной анафорой на гласные (**үү, ө**) и согласные звуки (**т, д, н, д**). Автор не придерживался определенной рифмовки в тексте: парная (аһар/бүчр; тецгс/өцгс; күүкдшц/серглц; әцгднь/өрчднь; дүцгәнә/дуулгдна), перекрестная (**заһснщ**/*бульглна*/**ноһаншц**/*шавшна…*), иногда рифмовка нарушена.

М. Хонинов ввел в свой текст безэквивалентную лексику, использовав такие слова, как «мавзолей», «аэропорт», «депутат», «партия», «Коммунистическая партия». Исторический деятель В.И. Ленин в стихотворении представлен под двумя обозначениями – Ильич, Ленин.

Свет Москвы поэт сравнил со светом Млечного пути, введя калмыцкое название галактики «Алтн һасн» («Золотой Кол»), московские улицы – с орнаментом-вышивкой на калмыцком женском платье.

За первыми десятью сплошными строками этого стихотворения следует «лесенка» до конца текста. Ряд стихотворений сборника структурированы также «лесенкой» («Байрл хальмгм, Ленинд», «Нег ухан ончтаһар орна», «Октябрин туг», «Харадам минь нис», «Мини депутат», «Хальмг дүрт», «Хулха – аштнь бәргднә»). Данный прием заимствован из русской стиховой культуры, ориентирован на традицию В. Маяковского.

Несколько произведений не разделены строфикой («Ахуч эгч дү хойр», «Хортна дарнх Лиҗ», «Ахиннь ардас мордлав»). Остальные стихотворения выстроены традиционными катренами (четверостишиями).

Из всех песен в сборнике лишь «Цергә марш» («Военный марш») имеет припев, обозначенный в тексте русским словом (калм. давтвр – припев). «Цәклсн революцин һалд / Цаһан хаалһ тәвгдлә, / Арвн нәәмдгч җилд / Алдр церг бүрдлә» [5, с. 59]. Здесь речь шла о том, что в огне революции была открыта белая дорога, что в 1918 году была создана Красная Армия. Определение «белая дорога» – метафорическое обозначение нового, счастливого пути для народа. У калмыков понятие «цаһан» («белое») связано с лучшим, счастливым, благополучным.

Одно из стихотворений выделяется годом и местом создания – Элиста, 1945 год, что в принципе невозможно, поскольку автор находился тогда в сибирской ссылке, в Красноярском крае, с осени 1944 года. Но само содержание произведения («Благополучно ушел, благополучно вернулся») диссонирует с историческим фактом. Уходил Хонинов тогда в Красную Армию осенью 1939 года, а домой не вернулся – вынужден был разделить вместе с народом ссылку. Нам представляется, что такая атрибуция обусловлена авторской интенцией – собственной причастностью к долгожданной победе, которую бесстрашно и мужественно приближали воины-калмыки. Но праздник 9 мая они встречали уже в чужих краях спецпоселенцами.

Другие стихотворения поэта на военную тематику, в том числе довоенные, должны были также подтвердить непреложное его убеждение, что народ не может быть предателем. Одно из таких произведений посвящено воину-инвалиду Великой Отечественной войны Лиджи Темирову, с которым автор познакомился по возвращении на родину. Темиров показан в сравнении с богатырем из калмыцкого героического эпоса «Джангар» – Алым Львом Хонгором, которому не страшны ни раны, ни смерть, чье сердце сродни железу: «Арслцгин Арг – Улан Хоцһршц / Әәх, үкхиг меддго бәәҗ, / Зүркнь төмр – мет көшцг / Зеткртә сумдин шавд батрҗ» [5, с. 61]. Здесь поэт обыграл фамилию своего героя: Темиров – Железнов; «төмр» по-калмыцки означает «железо». Стихотворение автор завершил проникновенными словами, отдав дань мужеству защитников родины. В частности: «…Төмрә Лиҗ һанцхн бишч, / Төрскнчн чамаг өрчдән шаха…» [5, с. 61], то есть обращение к герою, что он не один, родина заботится о нем (буквально прижала к своей груди). Это стихотворение имеет анафору в ее разновидностях (в основном парную, одну сплошную), перекрестную рифмовку (**Хоңһршң** / *бәәҗ,* / **көшң** / *батрҗ*), парную (лугшв – шагшв; ирв – байрлв). В соответствии со временем красные богатыри идут вперед по дороге к коммунизму для достижения счастья: «Улан баатрмуд коммунизмин хаалһар / Уралан, кишг – зөөриг зө…» [5, с. 62], отсюда политическая лексика: улан баатрмуд – красные богатыри, то есть красноармейцы, коммунизмин хаалһар – коммунистической дорогой. Стихотворение объединяет фольклорную традицию и новации советской литературы.

Обратимся к стихотворению «Менд йовад, менд ирүв» (1945) с автобиографическим компонентом. Оно состоит из тринадцати катренов с перекрестной рифмовкой. Например, в первом катрене рифмуются первая и третья строка, вторая и четвертая: **насндан**, *мордлав*, **усндан**, *гекләв*. Рифма преимущественно женская.

Сплошная анафора есть в 1-3 катренах, 5-13 катренах, представляя одинаковые начальные согласные и гласные звуки, слоги, а также одинаковые синтаксические конструкции.

Парная анафора, нарушая это единообразие, представлена лишь в 4 катрене: «Җил, сар, өдрнь / Җисәд давад өцгрнә, / Дөчн негдгч җил деернь / Дәәһәр босад ирнә» [5, с. 73]. Первая и вторая строки начинаются одинаково со слога «Җи», а третья и четвертая строки начинаются с согласного звука **д.**

Стихотворение построено во временной ретроспективе. Вначале лирический субъект вспоминал, как в двадцать лет был призван в армию, как поклонился, уходя, родным местам: «Өсклц хөрн насндан / Өргмҗтә цергт мордлав, / Өсәд, боссн һазр-усндан / Өлцг болһнднь гекләв» [5, с. 73]. Фольклорная традиция прощания с родиной прослеживается как в лексике (устойчивое сочетание «һазр-усн», то есть буквально «земля-вода»), так и в обычае – поклонение родным местам (земле и воде); родина поэта – поселок Цаган-Нур (Белое озеро) близ одноименного гидронима. Это и культ Белого старца, хозяина земли и воды, у калмыков. Поэт сравнил своего молодого героя с орлом, обозревающим свои владения с высоты, обещавшим возвратиться в Элисту после воинской службы. Поэтому он с песней садится в машину. «Элә шовуншц эргәд / Элстүрн ирхән бооцлав, / Элвг сәәхн дууһан өргәд / Эрлзсн машинднь суулав» [5, с. 61]. Таким образом, мотив родины также в традициях калмыцкого фольклора связан с землей и небом, флорой и фауной родины, с ее символом – свободолюбивым орлом.

Третий катрен переносит на берега озера Байкал. «Буурл Байкалас цааран / Бууһан үүрч цергллəв, / Бумб болсн Советин оран / Бийəсн дота эцкрлләв» [5, с. 73]. Служба в седом Забайкалье с оружием в руках – с 1939 по 1941 год – выражение любви к советской стране, которая для калмыка равносильна стране Бумбе, чаемой мечте народа из героического эпоса «Джангар». В контексте автор ориентирует читателя на образы эпических богатырей, знакомых ему с детства, Джангара, Алого Хонгора, Санала, Савра и других.

Шли годы, месяцы, дни, пока не встал войной 1941 год. И тогда вновь перемена мест – уже на смоленской земле герой стихотворения показан в боях против фашистских захватчиков. «Һазрин холд ирләв, / Һалзу фашистнрла цоклдлав. / Һанцхн төрскнь төлə зөрләв, / Һазр болһнар кедләв» [5, с. 74]. Как известно, младший лейтенант Михаил Хонинов встретил войну под городом Ельня в июле сорок первого года, воевал на Смоленщине, партизанил в Беларуси, где навеки прославил свое имя. Отсюда новые географические координаты на военной карте героя: Могилев, Днепр, Беларусь: «Могилев, Днеприн өөрнь / Миллерин дəəчнрлə халдлав, / Мини партизан нерднь / Мөцкин Белоруссд үлдв…» [5, с. 74].

Приближение долгожданной победы обозначено разгромом гитлеровских войск: «Нуһрснь тасрҗ Гитлерин цергнь / Нерəн алдҗ хурв» [5, с. 61]. Поэт ввел историческое имя немецкого политического деятеля – Гитлер. И, наконец, знамя победы взвилось над рейхстагом в Берлине: «Балм улан тугнь / Берлин деернь делсв, / Болдас бат Советин цергнь / Байрин диилврт байсв» [5, с.

74]. Здесь вновь защитники родины даны в сравнении: они крепче стали. И уже историческое уточнение: не Красная, а Советская Армия празднует победу. Такая деталь указывает, что стихотворение написано не раньше 1946 года, так как именно тогда 25 февраля Рабоче-крестьянская Красная армия была переименована в Советскую Армию.

Завершает стихотворение мотив возвращения на родину: «Уул, усиг һатлад / Ут хаалһд орлав, / Угта төрскән темцәд / Удл уга ирлəв» [5, с. 75]. Преодолев горы и воды, после долгой дороги, защищавший свою родину герой вернулся. Характерно, что автор не уточнил, куда тот вернулся, почему и зачем. Возможно, это стихотворение и было написано в Сибири, в ссылке. Поэтому тогда писать о таких реальных фактах было нельзя, публиковать тоже. Это и обусловило принцип умолчания в тексте. Но дата и место создания произведения должны были намекнуть на репрессии в отношении калмыцкого народа, лишенного автономной республики и столицы, переименованной в город Степной вместо прежнего калмыцкого названия – Элиста («Песчаный»). Так, указанием на прежнее название родного города и на конкретную дату победного года автор выразил свое отношение к политическим репрессиям. Закон РФ о реабилитации репрессированных народов был принят 26 апреля 1991 года, но до этой даты поэт не дожил.

Стихотворение «Диилврин дун» («Песня победы»), не датированное в книге, это сокращенный вариант предыдущего произведения, проанализированного нами, с небольшими изменениями лексического плана. Название его призвано манифестировать общность победы всего советского народа над врагом. Здесь также автор подчеркнул храбрость калмыцкого воина: «Хальмг үрн зөргтə» [5, с. 42].

Закономерным поэтому для поэта был показ преемственности поколений калмыцкого народа в защите своего обретенного отечества. Так цикл «Ойратские песни» напоминает читателям об истории калмыков, которые в 1609 году добровольно вошли в состав Российского государства после того, как покинули в результате междоусобиц Северо-Западный Китай. Цикл, включивший четыре текста, структурирован в жанре песни. Каждый текст включает по три катрена. Первый текст назван «Өнр Бумб олдв» («Нашлась страна Бумба»), второй текст – «Орс əмтн туурит» («Славься, русский народ»), третий текст – «Амрсн өөрднь байсна» («Радуются благополучные ойраты»), четвертый текст – «Песню-гимн воспоем». Все четыре песни не имеют припева.

Четыре текста по ассоциации вызывают в памяти читателей четыре ойратских рода: торгуты, дербеты, хошуты и хойты. Все они, по мысли автора, обрели долгожданную страну хана Джангара, Бумбу, где не делят ничего на «твое» и «мое», где в мире и дружбе живут люди, где счастливы и довольны все, где готовы защитить родину, отдав ей жизнь до конца.

Приведя вначале известную пословицу о том, что гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдется, поэт уточнил – сойдутся лучшие люди: «Уул эс негдвчн / Улсин сəнь негднял» [5, с. 48]. Несмотря на то, что дорога далека, она сведет вместе друзей: «Хаалһ ууҗм болвчн / Ханьцх иньгүднь өөртхнəл» [5, с. 48]. Позади годы страданий, впереди нашлась страна Бумба.

Поэтому во втором стихотворении звучит по традиции йорял-благопожелание русскому народу, принявшему в свою многодетную семью народов ойратские племена. Теперь вместе с русским народом ойраты дружно идут золотой дорогой: «Амр-иньгүд үүрлия, / Алтн хаалһар йовия» [5, с. 48]. Понятие «алтн хаалһ» означает в прямом смысле «золотая дорога», как и в случае с белой дорогой такая метафора призвана актуализировать историческое значение события семнадцатого столетия, союз калмыков с русским народом. Признавая его старшинство, автор призвал русских научить калмыков уму-разуму, вести за собой новых братьев, назвав их «залата хальмгуд», точнее «улан залата хальмгуд», то есть краснокисточные калмыки. «Тулгч насан наслита, / Тоомср, ухаһан заа҆ита. / Залата хальмган көтлита, / Зах хувцан өмсита» [5, с. 49].

Это определение обусловлено ношением красной кисточки на калмыцкой шапке, которая символизирует цвет солнца. Это солярный код в языческих верованиях народа. Калмыцкое пожелание носить одежду с воротом означает признание приоритета его носителя. Это подтверждает калмыцкая поговорка: «Күн ахта, девл захта», то есть «у человека – старший, у шубы – воротник» [5, с. 243].

В третьем тексте описание обетованной страны Бумбы подтверждает приход калмыков на Волгу. Топонимический маркер горы Богдо на границе с Астраханским краем актуализирует калмыцкую легенду, согласно которой ойраты принесли с собою эту священную гору на новую родину. «Бумбин орнь дүцгəнə, / Богд уулнь суняна» [5, с. 49].

Четвертый текст цикла завершает авторский гимн России. Поэт выражает уверенность в том, что эти светлые, чистые слова разнесутся по всей стране: «Өрүн цевр үгнь / Өрəсə төгəлҗ ниснə» [5, с. 50].

Первая книга калмыцкого поэта, таким образом, соединившая и ранние, и новые стихи, отразила художественную картину мира в его творчестве, общее и национальное, автобиографическое и народное, историческое и современное.

Рассмотренные нами избранные стихотворения из сборника Михаила Хонинова «Байрин дуд» («Песни радости»), с одной стороны, выражали радость калмыков от долгожданной встречи со степной родиной после сибирской ссылки, а с другой – восстанавливали исторические факты и события семнадцатого века, в том числе службу в армии и защиту общей отчизны воинами-калмыками в прошлом столетии.

Литература

1. Басаев, Д. Э. Калмыцкие предания и легенды о горе Богдо / Д. Э. Басаев // Проблемы современного калмыковедения (сборник научных трудов). – Элиста: АПП «Джангар», 2001. – С. 17-25.
2. Калмыцко-русский словарь. 26 000 слов. Под ред. Б. Д. Муниева. – М.: Русский язык, 1977. – 768 с.
3. Ханинова, Р. М. Анафора в ранней лирике Михаила Хонинова 1936 года / Р.М. Ханинова // Сибирский филологический журнал. – 2017. – № 4. – С. 142-148.
4. Ханинова, Р. М. Лирика Михаила Хонинова 1937-1938 годов / Р.М. Ханинова // Центр и периферия. – 2017. – № 4. – С. 105-110.
5. Хоньна М. Байрин дуд: Шүлгүд болн поэмс. – Элст: Хальмг дегтр haphaч, 1960. – 109 х.

©Ханинова Р. М., 2018

Хасанов Р.Ф.,
доктор филологических наук, профессор кафедры филологии Бирского филиала БашГУ,
г. Бирск, Республика Башкортостан

ЖАНРОВО-СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА С.ФАЗЛЫЕВА «ЧЕРНЫЙ ЭТАП»

В романе «Черный этап» [6] нашли отражение события периода коллективизации, сталинских репрессий, военных и послевоенных лет, которые перевернули жизнь миллионов людей. Если попытаться определить основную тему произведения, то это изображение судьбы той части крестьянства, которая не захотела вступить в колхоз, продолжала вести единоличное хозяйство. Тем самым она вступила в противостояние с новой властью, с политикой, проводимой партией большевиков в 30-е годы прошлого века в деревне. Эти крепкие хозяйственники, своим упорным трудом вставшие на ноги в годы НЭПа, были объявлены врагами народа, подкулачниками и подлежали суровому наказанию. Волна репрессий по отношению к таким единоличникам-середнякам прокатилась по всей России. Изгнанные из родных мест, обреченные на вымирание на чужбине, они стали изгоями общества. Об этом написано немало книг, достаточно вспомнить «Поднятую целину» М.Шолохова, в которой с большой эмоциональной силой описаны сцены раскулачивания.

О том, как это происходило в башкирском крае повествует роман С.Фазлыева. Можно сказать, что это одно из первых и значительных произведений в башкирской литературе, в котором обстоятельно, художественно и выразительно, психологически убедительно показана трагедия человека из народа в эти годы, раскрыта бесчеловечность и жестокость, антинародная суть такой политики. Роман привлекает широтой охвата действительности, событийностью, насыщенностью сюжетного действия, и вместе с тем сосредоточенностью на судьбе отдельной личности, психологической глубиной и разработанностью характеров. Суровый реализм, стремление к объективности, изображение общего и частного, социального и бытового, большого и малого, синтез трагического и лирического, тематическое многообразие – всё это образует сложную художественную структуру романа.

Примечательно то, что С. Фазлыев пишет о своих предках, дедах и прадедах, представителях старшего поколения их семейного рода, оказавшихся в центре этих событий, ставших их непосредственными участниками, отчасти жертвами. Отсюда личная заинтересованность автора в судьбах своих героев, особый эмоциональный тон в повествовании, правда характеров и обстоятельств.

Проблемно-тематическое содержание романа позволяет рассматривать его в ряду произведений так называемой «возвращенной литературы», связанной с именами А. Солженицына, Ю. Домбровского, В. Шаламова, А. Рыбакова, Вас. Аксенова и др., писавших о репрессиях 30-х, о жертвах тоталитаризма. В башкирской литературе это романы А. Хакимова «Нет спасения от бури»,

«Ураган», Р. Уметбаева «От росы гнется ковыль», «Синий туман Иряндека», Г. Хисамова «Кровавая земля».

Тема деревни в романе является центральной. И в этом отношении С.Фазлыев традиционен в хорошем понимании этого слова. Он продолжает линию отечественной классики, идущей еще с XIX века и получившей новое звучание в XX веке. Это целое направление в литературе советского периода, названное в последующем «деревенской прозой», объединившее большие таланты. Она выступила в защиту деревни, писала об ее бедах и проблемах, через образы «мужиков и баб» показала ее духовно-нравственную мощь, раскрыла животворные истоки, питающие человека. Вспомним Ф. Абрамова (тетралогия «Пряслины»), Б. Можаева («Мужики и бабы»), В. Белова («Кануны»), В. Распутина («Последний срок», «Прощание с Матерой»), В. Астафьева («Последний поклон»), рассказы, повести, романы В. Шукшина, В. Липатова, Е. Носова, В. Личутина, И. Акулова и др.

С.Фазлыев также утверждает мысль, что «все мы родом из деревни», что она источник и хранительница духовной составляющей человека, исторической памяти народа, воплощение национального характера. Деревня на Руси испокон веков – это страна парадоксов, страдалица и кормилица, мир первозданной красоты и в то же время материальной нищеты, бытовой неустроенности, объект различного рода непродуманных экспериментов и волюнтаристских решений – эта мысль проходит лейтмотивом через книгу.

Размышления автора и героев о многострадальной деревне актуальны и созвучны современности. Конкретно показывая изломанные судьбы, жизнь своих героев, он считает, что непродуманные нововведения в деревне, поспешные решения, массовая коллективизация нанесли ей огромный материальный и духовный ущерб, подрубили основы крестьянского труда, привели к утрате его смысла. Уже с первых страниц романа рисуются картины раскулачивания, растасканного добра (по сути мародерства), разоренных хозяйств Аглетдина, Усмана и других, созданных ими своими руками, кропотливым трудом и потом. На протяжении всего сюжета автор не оставляет эту тему, то и дело противопоставляя деревню и город, представляя последнее как что-то вторичное, искусственное образование, живущее во многом за счет деревни.

Многозначительны в идейном содержании романа финальные страницы, где мы видим вернувшихся с каторги некоторых «спецпереселенцев» и застающих на малой родине неприглядные картины упадка, беспорядков, бесхозяйственности, бесперспективности, нежелания у людей работать. Здесь автор вновь прибегает прием к приему антитезы. Он недвусмысленно дает понять, что эти каторжане в жестоких условиях Сибири не пропали, на чужбине, почти на пустыре не только выжили, но и создали крепкие хозяйства, построили дома, целые деревни, стали стахановцами, каждодневно перевыполняя нормы, показывая примеры образцового труда.

Жанр своего произведения автор определяет как роман-хроника. Чаще всего под ним понимают последовательный рассказ о жизни того или иного лица. Например, «Семейная хроника» С.Т. Аксакова, а в западноевропейской литературе «Ругон-Маккары» Э. Золя, «Будденброки» Т. Манна, «Сага о Форсайтах» Дж. Голсуорси. Вместе с тем такое понимание романа-хроники несколько сужает и не в полной мере раскрывает его жанровое содержание. Не в меньшей степени в нем содержится изображение событий эпохального масштаба, исторического характера, на фоне и в водовороте которых происходит становление, формирование героя (героев), даются основные вехи его биографии. С этой точки зрения «Черный этап» можно характеризовать как хронику событий и хронику семейной жизни (Аглетдина, Усмана и др.), то есть как «роман-событие» и «роман-судьба».

Хронологические рамки романа вбирают события, произошедшие с конца 20-х и до середины 50-х годов прошлого века и ставших судьбоносными в жизни страны. Это сворачивание НЭПа, коллективизация и индустриализация, репрессии конца 30-х годов, Великая Отечественная война и послевоенное десятилетие. Отражение, отголоски этих и других социально-экономических явлений российской действительности в Башкирии, в Сибири образует художественное пространство произведения. Его хронотоп расширен благодаря приему ретроспекции. В воспоминаниях героев встают и картины начала века, Первой мировой войны, революций, гражданской войны. Определение «хроника» в данном случае призвано указать на некоторые особенности романной структуры, подчеркнуть установку на объективность фактов, подготовить читателя к соответствующему восприятию содержания.

Однако не обилие событий, фактов и их внешняя канва определяют идейно-художественную структуру «Черного этапа» как большой эпической формы, а сосредоточенность художнического взгляда на характерах, духовно-нравственных коллизиях, на изображении внутренней борьбы человека с самим собой, с обстоятельствами, его тщетной попытки противостоять ударам судьбы,

социальным катаклизмам. Основным отправным моментом повествования в романе является человек, который становится носителем и выразителем исторических перемен, судьба которого осмысливается с разных точек зрения – социально-бытовой, нравственно-психологической, философской.

Романное содержание, романная ситуация могут возникнуть и там, где нет масштабности, панорамности, но есть изображение содержательной и разносторонней личности в ее связях с обществом. Романная ситуация предполагает изображение духовно значимых героев с их непростыми и драматичными судьбами, органично вписанными в породившую их социальную среду. Исследователи жанра, начиная с Гегеля, это «самостоянье» героя, его конфликтное состояние с окружающим миром считают основным структурообразующим признаком романа. Эту ситуацию Гегель определял так: «проза жизни находится в разладе с поэзией сердца» [1, с.474].

Исходя из этого, можно констатировать, что «Черный этап» тяготеет к так называемому «центростремительному» роману. Концентрированность сюжетного действия вокруг личности, повышенный интерес к его судьбе, воссоздание его духовно-нравственного облика на конкретно-историческом фоне, показ взаимообусловленности человека и среды, причинно-следственных связей между ними – всё это является сверхзадачей автора. Он не склонен к широкому изображению общественно-политических обстоятельств. Тем не менее ощущение исторической реальности, духа времени не покидает читателя. Так или иначе в диалогах и монологах героев, в авторском повествовании, через художественные детали, образную символику, точное указание места действия, дат и т.п. создается образ изображаемой эпохи, художественного пространства, в котором живут и действуют персонажи и которое играет определяющую роль в их судьбе.

В отличие от хроники авторское повествование как таковое в романе С. Фазлыева занимает незначительное место. В нем широко использовано так называемое «субъективное повествование» (несобственно-авторская речь). Переломные события в жизни страны автор дает через восприятие того или иного персонажа, видит явления действительности его глазами, оценивает с его точки зрения. Еще Н.А. Добролюбов говорил, «чтобы эпоха, из которой взят роман, представлена была совершенно верно, чтобы угадан был самый дух событий, надобно, чтобы автор судил своих героев не по понятиям своего века, а по их времени, чтобы он смотрел их глазами, жил их жизнью» [2, с.115].

Большое место в идейном содержании романа отведено образу муллы Аглетдина. Он свидетель событий Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций, гражданской войны, преобразований в 20-е годы и последующих лет. Не случайно роман открывается главой «Аглетдин», в которой герой видит страшный сон. В степи будто его преследуют голодные волки, черные птицы, убегая от которых он оказывается на краю пропасти. Этот сон – своеобразный эпиграф ко всему произведению, предзнамение грядущих грозных событий не только в жизни Аглетдина, но и многих других персонажей, ставших жертвами тоталитарного режима. Как увидим в дальнейшем чтении романа, сон превращается в явь, условно-символические образы животных и птиц обретают реальные облики людей, являющихся символами эпохи с ее беспощадностью, жестокостью к так называемым «врагам народа». Это представители власти различного уровня – комсомольские, партийные работники, председатели сельсоветов, колхозов, работники НКВД, охранники, конвоиры…

Субъективное повествование наиболее активно использовано при создании образа муллы. Автор вплотную «приближается» к своему герою, буквально сливается с ним, видит и оценивает окружающий мир его глазами, принимает его манеру говорения и мышления. Слова и выражения, встречающиеся во внутренней речи героя, типа «ай-хай, каким замечательным человеком был его отец!», «О, сколько народу вымерло в те голодные годы!», «кафыр» (неверный), «слава аллаху», «дай бог, все уладится», «кажется, не так и плоха Советская власть» и другие способствуют созданию образа простого человека, много повидавшего на своем веку, сострадательного, жалостливого и милосердного. Несмотря на жестокость, бесчеловечность и несправедливость по отношению к нему со стороны односельчан и представителей новой власти, он до конца жизни остается человеком добрым и отзывчивым, не озлобленным, истинным мусульманином. По складу характера он во многом напоминает толстовского Платона Каратаева с его проповедью непротивленчества.

И в дальнейшем сюжетном действии романа прием «субъективного повествования» занимает главное место, образуя одну из стилевых черт романа. В связи с этим можно говорить о многоголосии, так как на страницах книги действует довольно большое количество лиц. Как и в случае с Аглетдиным, автор часто «предоставляет» им слово, воспроизводит их внутреннюю речь. Это становится эффективным способом создания запоминающегося образа, психологической

характеристики персонажа. В этом отношении примечательны образы Усмана, его жены, старика Прокудина, подростков Магаза, Гульшат и многих других.

Те же излюбленные авторские приемы и средства использованы при обрисовке другого центрального персонажа – Усмана (несобственно-авторская речь, прямая авторская характеристика, внутренние монологи, диалоги). И в этом случае голоса автора и героя тесно соприкасаются, что способствует объективности и полноте описываемых явлений и лиц, достижению непосредственности изображения, углублению психологизма. Та же участь, что и Аглетдина, постигла Усмана – изгнание из родной деревни, разграбление, уничтожение нажитого, созданного упорным трудом хозяйства, каторга.

Так с образами этих и других героев в роман входит, ставшая традиционной в отечественной литературе, тема сталинских репрессий, тема судьбы человека в условиях тоталитарной системы. В описании условий каторжной жизни «спецпереселенцев» автор достигает художественной выразительности и убедительности, психологической глубины. До мельчайших подробностей переданы невыносимые обстоятельства быта, труда каторжан. Поражают знания писателя особенностей, премудростей рубки и сплава леса, строительства бараков, землянок, других сооружений, корчевки, трелёвки (транспортировки срубленного леса), вспашки земли, сева, уборки урожая и много другого, чем занимались переселенцы.

Не подлежит сомнению критический пафос романа. В устах персонажей звучат слова осуждения грабительской политики новой власти по отношению к зажиточному крестьянину, деятельности начальников разного уровня. Созданы карикатурные, сатирические образы лиц, проводящих раскулачивание, осуществляющих конвоирование, охрану «врагов народа». Это секретарь комсомольской ячейки Хайрулла, председатели колхоза Самигулла и сельского совета Миннулла, милиционеры… Это та антинародная, темная сила, стая хищников из страшного сна Аглетдина.

Символична сцена собрания переселенцев, куда неожиданно является человек в длинном черном плаще. Это зловещая фигура наводит ужас на собравшихся. Автор не называет ни его имени, ни должности – это символ карающей власти, знак времени. Во всех его телодвижениях, мимике, словах ярко бросается презрение к каторжанам, упоение своей властью над ними. Ливень, темень, сопровождающие эту сцену, способствуют созданию гнетущей, напряженной и тревожной атмосферы.

Надо отметить, что в образной символике романа черный цвет встречается часто. Это и черные тучи, чернеющий лес, человек в черном, черные бараки переселенцев. Название романа - «Черный этап»- имеет обобщенно-символическое и конкретное значение. Это и темная полоса в жизни людей, и многотрудная дорога «врагов народа» в Сибирь, на каторгу, это и населенный пункт посреди тайги, где они жили. Такая цветовая символика призвана подчеркнуть, усилить трагический пафос романа.

Как сказано выше, С. Фазлыев пишет о своих дорогих, близких людях. Значит, он может предъявить и личные счеты представителям противоположного лагеря. Однако автор не впадает в критиканство, в риторику и публицистику. Критическое начало органично вплетено в художественную систему романа, выражено через создание типических характеров, социально-бытовых обстоятельств, изображение трагической судьбы героев. Такая их участь сама является обвинительным фактом, здесь судьба становится своего рода документом эпохи. Это почти тот же биографизм, но более проникновенный, откровенный.

Ведущей стилевой чертой романа, доминантой стиля является описательность, изобразительность. Кажется, что автор ничего не оставляет без внимания, что попадает в поле его зрения: внешность персонажа, его внутренний мир, интерьер, убранство дома, жилища, детали быта, работа на поле, в лесу в разные времена года, рубка, сплав леса, запрягание лошади, паромная переправа, природоописания, сцены раскулачивания, различные собрания, сходы, другие коллективные сцены и многое другое. Автор не столько выражает, сколько изображает, создает зрительные картины, обладающие силой воздействия своей непосредственностью, «эффектом» присутствия, правдивостью и точностью.

Вот характерный пример. Мы видим Аглетдина и его напарника в тайге на рубке леса. Обросшие, вспотевшие, весь в инее, исцарапанные ветками и обессиленные, они пытаются свалить вековую сосну ручной пилой, утаптывают снег вокруг ствола, топором делают надрез со стороны падения дерева, далее тянут пилу, которая то и дело застревает в стволе, при этом оба пыхтят и кряхтят, делают передышки, во время которых прямо валятся на снег; после падения сосны начинается рубка сучьев, их сбор, сжигание…Параллельно автор обращается к внутреннему миру героев, к их мыслям о беспощадности судьбы, о надеждах на возвращение в родные края. Все это

описано с поразительной дотошностью, подробно до мельчайших деталей, которые воссоздают особенности быта и бытия людей того времени и картину изображаемой эпохи в целом.

Следует отметить, что подобная описательность не является авторской самоцелью, она органично вплетена в содержательную структуру произведения и обретает выразительную силу, формирует и выражает мысль о несгибаемости человека ни при каких условиях, о его физической и моральной силе, непреклонности перед ударами судьбы. Как рисует писатель, Аглетдин, Усман, их жены и дети, друзья до конца остались людьми со светлым взглядом на жизнь, с надеждой смотрящими в будущее, верящими в справедливость, в бога, воплощением доброты, милосердия, честности, товарищества, верности и терпения.

С.Фазлыев умеет писать интересно и занимательно. В романе немало эпизодов, даже глав, которые способны увлечь самого взыскательного читателя. Скажем, глава «Весна 1947 года», в которой повествуется о Магазе, сыне Аглетдина, о его злоключениях и приключениях на пути домой в Башкирию, и обратно в Сибирь к матери. Без документов, голодный и полуголый он пускается в опасное путешествие, длившееся больше месяца. В какие только ситуации не попадает герой: несколько раз оказывается на грани жизни и смерти, на вокзалах его ловят милиционеры, как беспризорника, а привокзальная шпана раздевает почти догола. Побои, погони, издевательства – все приходится испытать подростку на этом пути. Автор пишет, что в этом хрупком теле сильный дух, крепкий характер, что и позволило ему добраться до цели. «Мир не без добрых людей» – этот мотив звучит в рассказе о Магазе и в других частях романа. Мальчику в его многотрудном пути помогают и старуха-цыганка, и старик-казах, и начальник вокзальной милиции и другие.

Автор стремится к гармонии плана выражения и плана изображения, содержания и формы как важнейшего условия художественности. Здесь уместно привести следующие слова-замечания Виктора Астафьева, сказанные им по поводу рассказа начинающего, но подающего надежды прозаика. «У рассказа есть один существенный недостаток – он почти весь построен на пересказе, он идет от устного повествования, и потому в нем мало что изображено. Пересказ, да еще в исполнении автора,- это всегда обеднение.

Традиционный русский рассказ силен именно *изображением,* показом, богатством слова и образа… [3, с.54]. У С. Фазлыева авторское повествование сведено до минимума. Даже в тех случаях, когда оно присутствует, голос автора часто «перетекает» в голос персонажа, срастается с ним, обретая все оттенки и краски его речи. При этом на первый план выступает настроение рассказчика, близкого автору по своему мироощущению, что позволяет писателю выразить свои мысли опосредованно.

В свое время исследователь Б.Г. Реизов ввел термин «синтетический роман», имея в виду сочетание в нем трех компонентов – описания, повествования и диалога. [5, с.457]. Такое единство названных элементов наблюдается и в нашем случае. Наряду с описанием и повествованием диалоги в «Черном этапе» являются важнейшим композиционным средством, которые органично дополняют «субъективное повествование», внутренние монологи героев, подчеркивают их национальные черты, характеризуют образ жизни, мысли, нравы, показывают манеру говорить и в конечном итоге способствуют созданию неповторимого характера. Возьмем старика-сибиряка Прокудина, образ которого в основном строится через его речь, беседы с окружающими. Перед читателем постепенно встает фигура хитроватого, излишне болтливого, но простодушного бессребреника из народа, бедного и обездоленного, но духовно свободного человека. Это тот же шолоховский дед Щукарь со своей немудреной жизненной философией, вызывающий у автора и читателя симпатии и смех одновременно.

Несомненно, автору удалось выполнить свою художественную задачу. На суд читателя и критика представлено эпическое полотно, претендующее на солидность, серьезное внимание. Роман написан талантливой рукой, человеком, хорошо знающим язык родного народа, стремящимся использовать его изобразительно-выразительные возможности, активно обращающимся к сокровищам устно-поэтического творчества. Уместно употребленные крылатые выражения, пословицы и поговорки, диалектизмы, профессионализмы обогащают, разнообразят речь автора и персонажей, вносят живую струю в язык произведения. Всё это говорит в пользу того, что писатель справился с художественной миссией. Однако при этом, на наш взгляд, ему не удалось избежать определенных потерь. Сразу бросается в глаза некоторая растянутость произведения, заметны длинноты, подробности, чрезмерная описательность. Автору не всегда удается представить явление, лицо, факт, событие в обобщенном, более типизированном виде, что и составляет основу, суть художественного творчества. Возможно, здесь ему помешало то, что он пишет о реальных, близких ему людях, и он стремится сказать о них больше, подробнее, вместить в сюжетно-композиционную

структуру произведения большой материал. Некоторые места романа – это своего рода художественные биографии или очерки отдельных лиц, написанные в одном ключе, по стереотипу. Например, главы «Аглетдин», «Усман», «Мустафа», «Гульшат», «Кулсум», «Фатиха».

Еще К.С. Аксаков сказал, что «Метель» Л.Толстого «превосходный рассказ», но при этом заметил, что в нем «подробностей много; однообразие их несколько утомляет» [4, с.583]. Нечто подобное мы видим и у С. Фазлыева. Повторы, многословие, описания на целые страницы, излишняя детализация порой мешают созданию целостной картины, сосредоточиться на главном, «разрыхляют» композицию произведения. Отсутствие центрального героя, вокруг которого, как правило, стягиваются все сюжетные линии и через образ которого выражается авторская мысль, также несколько «рассеивает» внимание читателя, разбивает произведение на отдельные равновеликие части, главы. Система образов романа организована так, что каждый из них равнозначен по отношению к главной теме, идее и проблематике.

Литература

1. Гегель. Поэзия // Эстетика.- М., 1971.- Т.3.
2. Добролюбов, Н.А. Собр. соч.: в 9 т. М., 1961.- Т.1.
3. Литературная учеба.- 2014.- № 2.
4. Письма К.С. и И.С. Аксаковых к И.С.Тургеневу // Русское обозрение.-1894.- № 2.
5. Реизов, Б.Г. Творчество В.Скотта. М., 1965.
6. Фазлыев, С. Черный этап // Агидель.- 2014.- №№ .- 1-5.

© Хасанов Р.Ф., 2018

Хисамова Г.Г.
доктор филологических наук, профессор БашГУ,
г.Уфа, Республика Башкортостан

О НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ СВОЕОБРАЗИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В последние годы усиливается интерес ученых к анализу художественного текста как национально-культурного феномена. Изучение русского языка и литературы в поликультурной среде характеризуется вниманием к проблеме отражения в языке национально-культурной семантики: «Если говорить о национально-культурной самобытности художественного текста, то следует отметить, что она базируется на национально-культурной семантике языковых единиц разных уровней, а также за счет коннотативной и фоновой информации, закодированной в тексте». [2, с.21]

Задача лингвокультурологического анализа текста – показать, как в тексте отражается лингвокультурная ситуация, каково его общее культурное содержание и ценностные ориентиры. Культурный смысл текста проявляется в его тематике, в композиции (сюжет, фабула, персонажи) и в заглавии, поэтому на лексико-фразеологическом уровне выявляются единицы с национально-культурной семантикой (безэквивалентная лексика, фоновая и коннотативная лексика; фразеологизмы; афоризмы, крылатые выражения; прецедентные тексты; изобразительно-выразительные средства) и сопоставляются с фактами родного языка и культуры, кроме того, выделяется общее и национально-специфическое в языковых единицах. [1, с.59-60]

При изучении русскими и иностранными учащимися текстов художественной прозы, в которых отражаются культура и быт тюркского народа, его обычаи и традиции, этические нормы, особенности образного мышления, особая роль отводится тюркизмам-регионализмам [3].

Русские писатели, в творчестве которых нашли отражение башкирские мотивы, умело использовали региональную лексику башкирского происхождения.

Так, С.Т. Аксаков включает в текст тюркизмы при описании природы Башкирии, для создания реалистической картины быта башкир и других народов, издавна населяющих этот край: *«Обильною жатвой награждается ленивый и невежественный труд пахаря, кое-как и кое-где всковырявшего жалкою сохою или неуклюжим* сабаном, *твою плодоносную почву! ... Уже поспел живительный* кумыс, *закис в кобыльих* турсуках. *и все, кто может пить, от грудного младенца до дряхлого старика, пьют допьяна целительный, благодатный, богатырский напиток. После этого исчезают недуги голодной зимы и даже старости...»; «Прекрасен ты, чудесный край, свежи, зелены и могучи стоят твои раздольные леса, и рои диких пчёл шумно населяют рукотворные* борти *твои, занося их душистым липовым мёдом…»* («Семейная хроника»).

У П.П. Бажова безэквивалентная региональная лексика вводится в текст сказов, где используются мотивы и образы башкирского фольклора: «*Здравствуй, Айлып! ...Не возьмёшь ли меня замуж? - А какой, - спрашивает, - за тебя калым, платить*?»; «*... Дорогу примечать стал: где лесину*

затешет, где на камне свою тамгу выбьет, где ещё какой знак поставит» («Золотой волос»). Региональная лексика в уральских сказах помогла Бажову более полно охарактеризовать рассказчика - старого бывалого горщика (от его имени ведётся повествование), передать своеобразие горнозаводской речи, в которой было немало заимствований из башкирского языка: *«Кому в это вникать не доводилось, тому - что бор, что парма, что* урман, *что тайга - всё лес, а на деле разница есть...* Урман *от тайги большую отличку имеет. По* урману *не то что пешему, а и конному пробираться просто, там всегда прогалы есть... Ну а тайга - лес слошняком. Через такой не скоро продерёшься» («Дорогой земли виток»).*

Национально окрашенная (безэквивалентная региональная, а также фоновая) лексика органично вписывается в современную русскоязычную прозу и поэзию Башкортостана, широко и разнообразно представлена в переводах с башкирского языка на русский.

Многочисленны термины родства, которые используются в речевом этикете башкир, например: *атай, эткэй* (отец), *картатай, олатай, зурэтэй, бабай* (дедушка) *эсей, инэй, эней, эни, энкэй* (мать), *картэсэй, зурнэй, инэкэй* (бабушка), *абый, абзый* (дядя), *апа, тутей* (сестра), *кызым* (дочь), *улым.* (сын), *кейэу* (зять), *килен* (невестка), *енгэ* (жена брата, дяди), *бей анна* (свекровь), *бей ата* (свёкор), *кэйнеш* (младший брат жены), *балдыз* (младшая сестра жены) и т.п.

Национальная лексика участвует в образовании метафор и сравнений: «*Месяц изогнутым медным* кумганом/*Цедит прохладу небес по плечам...*» (А. Филиппов); *«Издали лагерь геологов напоминал небольшое стойбище кочевников. На синем фоне гор белели палатки, похожие на* юрты, *покрытые кошмой. Неподалёку от палаток, как на* яйлау, *паслись кони*» (А. Бикчентаев); *«Между ними, будто девушки в объятиях джигитов, ... замерли в белых с чёрными узорами платьях берёзы, осины, чьи зелёные зиляны начали уже выцветать*» (Н. Мусин).

Для создания в русском тексте специфической образности используется и фоновая лексика, связанная с жизненным укладом башкирского народа (кочевой образ жизни, скотоводство, бортничество): «*Мой Закир ... долго жил там. Больше родного аула любил он, мой жеребёночек, этот город...»* (З. Биишева); *«Сижу в одиночестве и обливаюсь слезами, точно верблюдица, разлучённая с верблюжонком!»* (Х. Давлетшина); *«Солнце поднялось на длину аркана»* (Н. Мусин); *«Недаром со всей округи самые бойкие джигиты возле нашего аула, как осы вокруг колоды с мёдом, вьются*» (М. Карим); «*Луна - как улей - на небе встаёт,/А звёзды - в установленном порядке / Со всей вселенной собирая мёд, / Снуя, жужжа, в тот улей носят взятки»* (М. Карим).

Национальный колорит художественного произведения создаётся также при помощи специальной этикетной лексики (*ассалям агалейкум, хуш, рахим. итегез)* и междометий *(ай-хай, гы, абау),* традиционных формул корана (*иншалла, бисмилла, астагфирулла*), передачей на русском языке башкирских пословиц и поговорок: «*Едва башкир становится турэ, сразу вешает лапти в переднем углу», «Кумыс хорош пенистый, а совет - уместный», «Мужчина родится в юрте, а сражается в поле»;* типичных оборотов речи, приветствий, пожеланий: *«Слава аллаху, пусть пошлёт он тебе сыновей для продолжения рода! - привычным приветствием ответил Хаким» (Я. Хамматов); «Асылбика встретила невестку со всеми полагающимися почестями: - Лёгкой ногой войди в дом!» (Г. Ибрагимов); терминов восточного летоисчисления (год дракона, год зайца и т.п.).*

Отражение национальной специфики (быта, обычаев, самосознания, мировоззрения) путем использования в русской литературе и в русскоязычных художественных текстах разнообразных пластов лексики (историзмов, архаизмов, экзотизмов и др.) создает ту неповторимую картину, которая позволяет учащимся наслаждаться художественным произведением, понимать его.

Литература

1. Саяхова Л.Г. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. - 152 с.

2. Хайруллина Р.Х. Лингвокультурологический анализ художественного текста. - Уфа: Диалог, 2016. - 117с.

3. Хисамова Г.Г., Махмутова А.С., Ишмуратова Л.Н. Художественный текст в обучении русскому языку статья // Успехи современной науки и образования. Т.3, № 4. 2017. – С. 172-176

© Хисамова Г.Г., 2018

Хисамова Д.Д.,
к.ф.н., доцент БашГУ,
г.Уфа, Республика Башкортостан

ОСНОВНЫЕ ТРУДНОСТИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ПРОИЗНОШЕНИЮ В НАЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Обучение фонетике английского языка, формирование и совершенствование коммуникативной компетенции учащихся национальных школ (башкирских) в Республике Башкортостан на фонетико-фонологическом уровне в условиях отсутствия языковой среды вызывает некоторые трудности, связанные с отсутствием национально-ориентированных средств обучения, которыми могли бы успешно пользоваться преподаватели в условиях отсутствия языковой среды. Также обучение является сложным процессом, требующим учёта психологических особенностей восприятия национальной аудиторией иностранного языка. Обучению фонетике, формированию коммуникативной компетенции обучающихся на фонетико-фонологическом уровне не уделяется должного внимания, что порождает в речи комплекс устойчивых отклонений, называемых акцентом. Это прежде всего связано с межъязыковой интерференцией. Наблюдение за устной и письменной речью учащихся, сбор «отрицательного языкового материала» и эксперимент на основе создания специальных программ исследования и подтверждения явления «иностранного акцента» с возможностью применения инструментальных и статистических методов являются основными методами изучения интерференции. Отрицательным языковым материалом Л.В. Щерба называл реальные ошибки, нарушения языковых норм, постоянным исправлениям которых он придавал «большое значение для усвоения правильной нормальной речи» [11, 2002: 70]. Интерпретация акцентных ошибок, выявление причин их возникновения и путей предупреждения и преодоления осуществляется в ходе сопоставительно-типологического изучения систем языков, находящихся в контакте (в речи иноязычного учащегося), в ходе которого и прогнозируется интерференция. Сравнение реального акцента и прогнозируемой интерференции дает возможность для выявления степени функциональной силы расхождения языковых систем и разграничения межъязыковой интерференции (возникшей вследствие различий в родном и изучаемом языков учащегося) и внутриязыковой интерференции (которая отражает системные связи изучаемого языка и их взаимовлияния в речи). Наблюдение за речью иностранных учащихся на разных этапах обучения часто дает следующие результаты: ошибки, вызванные межъязыковой интерференцией (влиянием родного языка) преодолеваются намного быстрее, чем трудности, порождаемые системой изучаемого языка. Эти ошибки интернациональны и свойственны учащимся с различными родственными языками. Соответственно при построении системы упражнений в учебниках потенциальные явления внутриязыковой интерференции должны входить в учебный языковой материал на всех этапах обучения, тогда как удельный вес фактов межъязыковой интерференции, по-видимому, выше на начальном этапе обучения.

Уже с самого начала изучения иностранного языка обнаруживаются трудности, связанные с отсутствием некоторых звуков изучаемого языка в родном языке человека, приступившего к изучению другого языка. При совпадении одних звуков в изучаемом и родном языке другие звуки разительно отличаются. опираться на него надо на всех этапах изучения иностранного языка, так как учащиеся понимают материал на иностранном языке через осмысление на родном языке. Поэтому всякая попытка определить степень влияния первичной языковой системы (родного языка), вторичной и т. д. систем (языков-посредников) на изучаемый новый должна приветствоваться

Е.Н. Соловова отмечает положительные и отрицательные стороны принципа учета родного языка в преподавании иностранного языка. Родной язык может положительно влиять на процесс обучения при наличии в нем аналогичных языковых и речевых навыков, такое явление называется переносом. Однако Колкер Я.М. считает, что о переносе умений можно говорить лишь для общения в простейших бытовых ситуациях, т.к. многие умения могут стать затруднительными, если они отражают различия в культурах двух народов [4, 2001: 14]. Обратное явление – интерференция возникает при таких языковых явлениях, которые либо не имеют аналогов в родном языке учащихся, либо используются по-разному. Для решения подобной ситуации учителю важно владеть родным языком своих учеников, чтобы иметь возможность предвидеть ошибки и предупреждать их. Учитель-иностранец, носитель языка, не может понять трудности, с которыми сталкиваются ученики, следовательно, не может и сделать объяснение более эффективным для данного коллектива. Также принцип учета родного языка малоэффективен в интернациональных классах. В связи с этим распространяется опыт написания международных учебников отечественными методистами [7, 2005:

30-31]. Рогова Г.В. и Верещагина И.Н. выделяют 5 правил из принципа учета родного языка: 1) Показ общности в родном и английском языках; 2) формирование общих учебных умений; 3) использование сходства и различий в произношении; 4) использование сходства и различий в графике; 5) использование переноса и интерференции в обучении лексике и грамматике [5, 1988: 61].

Проблемы, связанные с обучением фонетике английского языка, достаточно подробно исследовали в своих работах многие ученые (Л. В. Щерба, В. А. Артемов, А. А. Леонтьев, С. Ф, Шатилов, Р. П. Мильруд, Е. И. Пассов, Н. И. Панасенко, А. Н. Хомицкая, О. Г. Чингаева, А. М. Антипова). В современном башкирском языке пристального внимания заслуживают труды Дж.Г. Киекбаева, ученого, широко известного в мировой тюркологии. Профессор Дж.Г. Киекбаев издал труды по всем разделам башкирского языка. В его работах исследуются вопросы фонетики и фонологии, лексикологии и семасиологии, морфологии и синтаксиса, лексикографии, орфоэпии, диалектологии, стилистики, исторической грамматики и вопросы, касающиеся грамматического строя других тюркских языков. И тем не менее, в его научной деятельности преобладали труды по фонетике и фонологии. Это естественно, так как фонетический строй башкирского языка не был исследован в научном аспекте. В 1958 году Дж.Г. Киекбаева издает книгу «Башҡорт теленец фонетикаһы (тасуири һәм сағыштырма-тарихи тикшеренеү тәжрибәһе)». В работе звуки башкирского языка сравниваются со звуками других тюркских языков. Ученый в данном исследовании первым в башкирском языкознании изучает речевой аппарат и функции его органов, дает подробную характеристику звукам со стороны физики и физиологии. Впервые в тюркском языкознании он раскрыл природу фонемы

Х.Х. Салимов и Д.А. Салимова издали учебное пособие, рассматривающее русский и татарский язык в типологическом плане. Это обусловлено трудностями в изучении фонетики русского языка для учащихся-татар и затруднениями в усвоении фонетики татарского языка русскоговорящими студентами. Авторы призывают использовать родной язык учащихся в сравнительно-наглядных пособиях в национальной аудитории [6, 2007: 5].

С точки зрения лингвистической типологии башкирский язык с английским изучали М.А. Хасанов. Он провел сопоставительный анализ двух языков на уровне фонетики, морфологии и синтаксиса в объеме программы средней школы. При обозначении башкирских фонем автор использует международную фонетическую транскрипцию для тюркских языков на латинской основе, составленной Н.А. Баскаковым.

М.А. Хасанов выделяет 48 фонем в современном литературном английском языке, обозначаемые следующими знаками: iː, i, e, æ, aː, ə, ʌ, o, oː, uː, u, əː, ei, ai, ɔi, ou, au, iə, eə, uə, aie, auə, juə, oe, b, p, k, g, l, m, n, ŋ, j, f, v, w, θ, ð, s, z, d, t, tʃ, dʒ, ʃ, ʒ, h, r.

В современном башкирском языке 54 фонемы: i, e (графическое е), e (графическое э), a (әе), o, ʌ, y, a, a°, o°, y° (графическое о), u, uː, o, ai, ai (aei), oi, yi, ui, oi, ei, ii, au, auː, yu, ɔi, eu, ou; b, p, t, d, g, G, q, f, v, s, z, ð, θ, j, l, m, n, ŋ, x, h, r, w (w), c (tʃ), dʒ.[10]

В английском и башкирском языках количество гласных фонем почти совпадает. Также совпадают истинно английские гласные и гласные звуки башкирского языка в заимствованных из русского языка словах. По огубленности автор выделяет следующие положения:

1) В обоих языках огубленные гласные в основном заднего ряда, кроме башкирских гласных переднего ряда.

2) Количество огубленных в башкирском языке – 5, в английском – 4.

3) По сравнению с английскими огубленными башкирские гласные являются более огубленными, так как при их произнесении губы принимают активное участие, проявляющееся в сильном выпячивании их вперед. Отсюда усвоение произношения английских огубленных гласных представляет для башкирских учащихся некоторые трудности.

Хотя английские и башкирские гласные совпадают по месту образования, они различаются по характеру артикуляции и качеству звучания; при произнесении английских гласных переднего ряда артикуляционные органы находятся в более напряженном состоянии. Это различие не является преградой для учащихся – башкир. При умелом объяснении и достаточном количестве упражнений эти звуки легко усваиваются учащимися.

Литература

1. Анохина С.З., Латыпова Э.М. К проблеме исследования концепта «свет» в русской и английской лингвокультурах (когнитивный подход) /С.З. Анохина, Э.М. Латыпова // Язык и право как идентификационные коды культуры: материалы международной научной конференции, 2017. – С. 101-107

2. Kazantseva E.A., Valiahmetova E.K. and others Survey-based study of motivation and attitude to learning a second language at Ufa State Universaty of Economics and Service // Global Media Journal, 2016, T.2016. – C. 1-9.

3. Кейекбаев, Ж.Г. Башҡорт теленең фонетикаһы: Тасуири һәм сағыштырма-тарихи тикшеренеү тәжрибәһе / Дж.Г. Кейекбаев. – Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1958. – 212 бит

4. Колкер, Я.М. и др. Практическая методика обучения иностранному языку: Учеб. пособие/ Я.М. Колкер, Е.С. Устинова, Т.М. Еналиева. – М.: Издательский ҫентр «Академия», 2001. – 264 с.

5. Рогова, Г.В., Верещагина ,И.Н. Методика обучения английскому языку на начальном этапе в средней школе / Г.В. Рогова, И.Н. Верещагина. – М.: Просвещение, 1988. – 224 с.

6. Салимов, Х.Х., Салимова, Д.А. Сопоставительная фонетика татарского и русского языков / Х.Х. Салимов, Д.А. Салимова. – Елабуга, 2007. – 80 с.

7. Соловова, Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекҫий: пособие для студентов пед. вузов и учителей/ Е.Н. Соловова. – 3-е изд. – М.: Просвещение, 2005. – 239 с.

8. Усманов, Р.Ш. Ассоҫиативно-образные и аксиологические характеристики конҫепта ″размер″ (на материале английского, русского, башкирского и туреҫкого языков) /Р.Ш. Усманов// Вестник Башкирского ун-та. -2009. -№ 1. -С. 152-156.

9. Фатхуллина Ф.Р Вхождение новых слов в лексику башкирского языка на материале заимствований из индоевропейских языков // Вестник башкирского университета, Т.13, №3, 2008. – С 586-588.

10.Хасанов, М.А. Сопоставительный анализ английского и башкирского языков. Comparative analysis of the English and Bashkort languages / М.А Хасанов. – Уфа: «Аэрокосмос и ноосфера», 2005. – 80 с.

11. Щерба, Л.В. Преподавание языков в школе: Общие вопросы методики: учеб. пособие для студ. филол. фак. / Л.В. Щерба. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2002. – 160 с.

12. Шарипова, В.А. О конҫептуализаҫии и объективаҫии конҫептов в языке – неотъемлемых проҫессах речевой деятельности HOMO LOQUENS (с использованием материалов компаративного исследования глаголов говорения русского и английского языков / В.А. Шарипова // Вестник Кемеровского государственного университета, №4-1, 2015 . – С. 186-190

© Хисамова Д.Д., 2018

Хөснөтдинова Р.Я.,
ф.ф.к., БДУ доценты,
Өфө к., Башҡортостан Республикаһы

ЗӘЙНӘБ БИИШЕВАНЫҢ "КӘМҺЕТЕЛГӘНДӘР" РОМАНЫНДА ПЕРСОНАЖДАРҘЫҢ ЭСКЕ ТЕЛМӘРЕН БИРЕҮ САРАҺЫ БУЛАРАҠ БЕР СОСТАВЛЫ ҺӨЙЛӘМДӘР

Эске телмәр – психология, психолингвистика, әҙәбиәт гилеме һәм тел гилеменең өйрәнеү предметы. Психологияла эске телмәр тел һәм фекерләү менән тығыҙ бәйле булган психик эшмәкәрлектең бер төрө тип ҡарала. Психолингвистик аспектта тикшергәндә эске телмәр телмәр эшмәкәрлегенең үҙенсәлекле бер формаһы тип өйрәнелә. Әҙәбиәт гилемендә эске телмәр персонаждарҙың рухи донъяһын һүрәтләү формаһы, персонаждарҙың образын тыуҙырыу сараһы тип характерлана. Анализлау предметы булып эске монолог алына. Эске монолог персонаждарҙың эске донъяһын асырга ярҙам итә, композиҫион сара булараҡ та ҡулланыла.

Лингвистик аспектта тикшергәндә иҫә эске телмәр һөйләүсенең үҙенә төбәлгән телмәрҙең бер формаһы тип алына. Телселәрҙең игтибар үҙәгендә телмәр формалары системаһында эске телмәрҙең лингвистик статусын һәм урынын билдәләү, уның төрҙәрен асыҡлау, эске телмәрҙең ниндәй тел саралары ярҙамында бирелеүе кеүек мәсьәләләр тора. Әлбиттә, әҙәби әҫәрҙәрҙә персонаждарҙың эске телмәре шартлы характерҙа, яҙыусының ижади фантазияһы характерында була, сөнки ысынбарлыҡта кешенең үҙ алдына уйланыуҙарын, уй-фекерҙәрен, эске хис-тойголарын ишетеп, күреп, күҙәтеп булмай, былар кешенең баш мейеһендә барган проҫесс [2].

Эске телмәрҙең үҙенә генә хас төҙөлөш һәм мәгәнә үҙенсәлектәре бар. Төҙөлөшө ягынан эске телмәргә ҡыҫҡалыҡ хас. Тышҡы телмәргә ҡараганда был осраҡта ул өҙөк-өҙөк, ҡыҫҡа-ҡыҫҡа була, ҡабатлауҙар йыш ҡулланыла. Һөйләм киҫәктәренең күбеһе төшөп ҡалырга мөмкин, әммә хәбәр күп осраҡта һаҡлана, был иҫә эске телмәрҙең предикатив үҙенсәлеген билдәләй. Шунлыҡтан эске телмәрҙә, ғөмүмән персонаждарҙың телмәрендә, диалогтарҙа бер составлы һөйләмдәр йыш осрай.

Эске телмәрҙең мөһим мәғәнә үҙенсәлеге шунда: унда уйланыу, хәтерләү элементтары ярылып ята. Персонаж уйҙарының осона сығырға, уларҙы анализларға, ниндәйҙер һығымталар яһарға тырыша. Йөкмәткеһен уй-фекерҙәр, уйланыуҙар, хәтерләүҙәр, иҫкә төшөрөүҙәр, төрлө тәьҫораттар, шулай уҡ уй-кисерештәрҙә анализ яһау менән бәйле образ йәки төшөнсә, хәл-ваҡиғалар тәшкил иткән һөйләмдәр араһында бер составлы һөйләмдәр айырым урын биләй.

Уй-кисерештәр ниндәйҙер тышҡы предметтар, күренештәр тәьҫире йәки образдарҙың ниндәйҙер сәбәптәр арҡаһында иҫкә төшөүе һөҙөмтәһендә тыуа икән, атама һөйләмдәр барлыҡҡа килә. Эске телмәр ниндәй ҙә булһа хәл-ваҡиға, эш-хәрәкәткә бәйле булһа, билдәле эйәле, билдәһеҙ эйәле, дөйөм эйәле, эйәһеҙ йәки инфинитив һөйләмдәр ҡулланыла [4]. Персонаждарҙың эске телмәрендә бер составлы һөйләмдәрҙең ҡулланылыш үҙенсәлектәрен был мәҡәләлә Зәйнәб Биишеваның "Кәмһетелгәндәр" романы миҫалында ҡараясаҡбыҙ (Кәмһетелгәндәр. Роман. – Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1990. – 432 бит). Зәйнәб Биишеваның матур әҙәбиәттә тел берәмектәренең образ тыуҙырыуҙағы функцияһын оҫта ҡулланыуын уның төрлө жанрға ҡоролған бөтә әҫәрҙәрендә юғары кимәлдә реалләштереүен күрәбеҙ, ти М.В.Зәйнуллин [1]. "Кәмһетелгәндәр" романы персонаждарының эске телмәрендә бер составлы һөйләмдәр ҙә әҙибә тарафынан бик оҫта һәм урынлы ҡулланыла. Мәҫәлән**, билдәле эйәле һөйләмдәр:** *Ә ҡыҙҙары был хаҡта бөтөнләй икенсе уйҙа ине:* ***"Үлһәм үлермен, әммә ләкин Ғатыбалға бармам. Яратмайым, күрәлмәйем шул һөйкөмһөҙҙө!*** *Маҡтансыҡты!"* (174-се бит).

Айһылыуҙың һуңғы һүҙенә ни тип яуап ҡайтарырға белмәй аптырап ҡалған Иштуған еңел һулап ҡуйҙы: ***"Яйлабыраҡ уйлағас, кәңәшкәс, бер юлын табырмын бәлки. Ғәр хәлдә уны ятҡа бирмәм... Бик булмаһа, уны ла, үҙемде лә үлтерермен****..."* (180-се бит).

Ул (Ғатыбал), мискә янында үҙенә ғорур күрә алмау менән ҡарап торған Никита яғына зәһәрле ҡараш ташлап: "Шайтан алғыры... ***Әгәр һинең терелекте, бындалыҡты белгән булһам****... Кисә...* ***Ҡайтҡас та эт кеүек атып үлтергән булыр инем****. Ә бөгөн... һағыраҡ булмаһаң, бынауы ҡоторонған халыҡ үҙеңде эт итер..." – тип уйлап алды* (240-сы бит).

"Ниңә өмәне көтөргә? ***Үҙем генә йыуып алайым... Йыуып бөтә алырмынмы икән?..*** *Бөтмәй ни, ул тиклем керләнгән өй түгел дә баһа.* ***Ысынлап та, бынау бер яғын, ҙур яғын, ғына йыуып ташлайым, исмаһам****..." Бибеш шулай уйланып тора бирҙе лә яңғыҙ үҙе эшкә тотоноп та китте* (79-сы бит).

Күңелдә ҡыҙ урлауҙың мауыҡтырғыс романтикаһы ла һүрелә башлағайны инде. Иштуған дуҫы Әхәттең күҙ ҡарашында: ***"Йә, ҡыҙ баланы алып ҡасыуын ҡастыҡ та, хәҙер уның менән нимә эшләйбеҙ инде? Ҡайҙа ҡуябыҙ? Үҙебеҙ генә булһаҡ, ҡайҙа ла юғалмаҫ инек!..****" тигән шелтәне барған һайын йышыраҡ уҡый* (368-се бит).

Ә инде ауылдан алыҫлашҡан, ҡыуысылар килеп тотоу ихтималы аҙайған һайын уның күңелен икенсерәк уйҙар борсой башланы. «Орскиҙы мин аҙ беләм. ***Ҡайҙа барырбыҙ? Нисек урынлашырбыҙ?..*** *Айһылыу ауырлыҡҡа сыҙармы?* (368-се бит).

Эске телмәрҙә билдәле эйәле һөйләмдәр йыш урын ала, сөнки уйланыуҙар күп осраҡта беренсе зат исеменән бара [3].

Уйында икенсе кешеҙә өндәшкәндә билдәле эйәле һөйләмдең баш киҫәҙе ҡылымдың икенсе зат формаһынан килә. Мәҫәлән: *Сәгүрә еңгә унан күҙен алмай уйын дауам итә: "Донъяла, Байгилде, һин эшләмәгән ниндәй генә эш ҡалды икән һуң?!* ***Көтөү ҙә көттөң. Итек тә тектең. Мейес тә сығарҙың. Ҡыуғын ҡыуып, Эйек, Ғаҡмар, Яйыҡ буйлап күпме ер үттең?*** *Ҡарамыш байҙан башлап Ташлының Тимаш баярына хәтле икәүләп бөтә байҙың күпме ураҒын урҙыҡ"* (4-се бит).

Кешеләр таралғас, Никита ла дуҫының башы осонда, фуражкаһын һалып, оҙаҡ ҡына баҫып торҙо. "Их, дружок, браток! ***Ваҡытһыҙ һәләк булдың. Кәмһетелгәндәргә көн тыуғас ҡына китеп барҙың.*** *Беҙ һине ономабыҙ, Байгилде. Ғинең өсөн үсте аяуһыҙ ҡайтара белербеҙ беҙ... Иштуғаның үҙеңә оҡшаған. Кеше булыр. Ҡыҙҙарыңды ла онотмабыҙ... Урамда ҡалдырмабыҙ...* ***Тыныс йоҡла, дружок!..****"* (396-сы бит).

Кешеләрҙең аңында тыуған уйҙарҙа башҡаларға теләктәр теләү, үҙенең ниҙер эшләргә теләгән, хыялдарын белдереү, ғөмүмән, хис-тойғоларҙы сағылдырыу мәғәнәләренә эйә булған бер составлы һөйләмдәрҙән **эйәһеҙ һөйләмдәр** йыш осрай:

Башын ҡаҙыҡҡа терәп, аптырап тирә-яҡҡа ҡараны. Күҙҙәренән бер өҙлөкһөҙ ҡайнар йәш түгелде. ***"Ҡасырға, тормаҫҡа ине бында... Бер минут та, бер секунд та тормаҫҡа ине..****. Эй-й, ҡайҙа ҡаса, кемдән ярҙам көтә алам һуң мин?!" тип ҡабатланы йөрәге* (81-се бит).

Емеш тә үҙенең генә түгел, бәлки ауылдағы күпселек ҡыҙҙарҙың ирешә алмаҫлыҡ хыялдарының береһе булған был итеккә һоҡланыуын йәшерә алмай текләп ҡалды. ***"Их, уны бер генә тапҡыр, һис юғы бер генә тапҡыр кейеп ҡараһаң ине!..****"* (222-се бит).

*"**Их, тиҙерәк ҡайтып етергә, балаларҙы күрә һалырға ине**. Ни хәлдә генә йәшәйҙәр икән улар?.."* (267-се бит).

*Емеш йылға өҫтөнән күҙен ала алмай бик оҙаҡ текә яр башында торҙо. ... "**Эй-й... Ағын йылға булһаң ине лә тауҙар, далалар, туғайҙар буйлап шаулап-гөрләп аҡһаң да аҡһаң ине...** Ҡайҙа барып сығыр инең икән? Ҡайҙан башлана, ҡайҙа барып ҡоя икән был йылға? Урал тауынан башлана ла үҙенән дә оло, көслө йылғаларға ҡушыла-ҡушыла диңгеҙгә барып ҡоя ти ине, шикелле атайым... Ҡайҙа икән һуң ул Урал тауы?.. **Күрһәң ине шуны барып"*** (336-сы бит).

Эйәһеҙ һөйләмдәрҙең башҡа төрҙәре лә романда йыш осрай. Мәҫәлән: *"**Эй алла, үҙ йөрәгеңдә лә тотош белеп, төшөнөп бөтөп булмай бит. Шулай булғас, кеше йөрәгенә ҡалай баш булмаҡ кәрәк?.. Йә, ошо минутта Хамматтың уйында ни барын ҡалай белмәк кәрәк?"*** (86-сы бит).

*"**Бына инде... һуғышта үҙеңде «берүк» һаҡлап буламы икән?** Бигерәк ҡыҙыҡ кешеләр был өлкәндәр..." – тип ғәжәпһенеп уйлай-уйлай яҙҙы Иштуған* (153-сө бит).

*"**Нисек кенә булһа ла малай кешегә лә, ир кешегә лә еңелерәк шул...** – тип уйлай Емеш. – Теләһә, ат егә лә урманға китә, йәки, атайым шикелле, һуғышҡа китә лә бара..."* (159-сы бит).

Инфинитив һөйләмдәр кәрәклекте, мөмкинлек йәки мөмкин түгеллекте, теләкте, ниәтте, өгөт-нәсихәт, кәңәш биреүҙе, бойороуҙы, ниндәйҙер бер эш-хәрәкәтте үтәүгә һәләтлелекте, ҡыйыуһыҙ фараз итеүҙе, икеләнеүҙе h.б. модаллек мәгәнәләрен белдерә.

Инфинитив һөйләмдәр эмоционаллек һәм экспрессивлыҡ билдәләре булыу менән айырылып тора, улар геройҙың хис-тойғолары, кисерештәре тураһында һөйләүҙең, ниндәйҙер ҡарарға килеүҙәрен белдереүҙең иң ҡулай формаһы: *"**Барырға, күргә, әгәр йорт-ере, мал-тыуары минекенән кәм булһа, бында күсереп апҡайтырға кәрәк**. ..." – тип уйланы ул* (Сәрбиямал) (38-се бит).

*"**Инде ни эшләргә? Был ҡайғыға, был хурлыҡҡа нисек сыҙарға?.. ... Нимә эшләргә миңә хәҙер?! Үлергә!..** Эй үлем, ал мине, үҙ ҡуйыныңа!.. Минең бүтән йәшәр хәлем ҡалманы!..» Сәлимә, һыуынып барған мейеҡа һөйәлеп, тапма тотҡандағы кеүек ҡалтырай-ҡалтырай, шундай шомло уйҙарға батып торҙо. «**Үлергә!.. Үлергә!..**" – тип ҡабатланы күңеле* (309-сы бит).

Куп осраҡта персонаж уйҙарының осона сығып, берәй ҡарарға килеп, һығымта яһап ҡуйғанда **инфинитив һөйләмдәр** ҡулланыла. Мәҫәлән: *Тимербайҙың ҡайтыуына бигерәк тә Собхан старшинаның эсе боша. "Мин, был ғүмерлеккә китте тип, тыныслап йөрөһәм, алты йылда ҡайтты ла килде. ... **Юҡ, уны ҡайҙа булһа ла оҙатырға кәрәк"**, – тип уйлай ул һәм Шымбай ҡартҡа Тимербайҙы күҙҙән ысҡындырмаҫҡа ҡуша* (194-се бит).

*Тәҙрә ҡаршы уларға күҙ һалғылап, итек тегеүен дауам иткән Тимербай: "Был егеттәр берәй баш-баштаҡлыҡ эшләп ҡуймаһындар. **Яҡшылап һөйләшергә, етди аңлатырға кәрәк булыр"**, – тигән фекергә килде* (204-се бит).

"*Никита килеп еткәнсе, нисек тә шулай албырғатып тороп булһа... – тип, артыҡ борсолмай ғына уйланды ул (Байгилде). – **Үлгәндә лә был ҡоҙғондарҙың бер-икеһенең мейеһен сәсрәтеп үлергә кәрәк**..."* (276-сы бит).

*"**Ҡайҙа барып морон төртөргә? Яңы, ирекле тормошто нимәнән, ҡайҙан, нисек башлап китергә?..**" Был һорауға уларҙың береһенең дә башында яуап юҡ ине* (368-се бит).

*Иштуғандың башына: "**Айһылыуҙы ҡотҡарырға. Ҡатыбалға бирмәҫкә"** тигән теләктән башҡа бер уй ҙа килмәне* (368-се бит).

*Ул (Иштуған) хатта ваҡыт-ваҡыт, атты ташлап, йәйәү йүгереп китерҙәй була. "**Ҡайҙа ҡуйырға, нимә эшләтергә был аттарҙы? Әллә һатып ебәрергәме**? Юҡ, юҡ, Айһылыуға харам ашатыр хәлем юҡ!.."* (368-се бит).

Бер составлы һөйләмдәрҙең бер нисә төрө бергә килергә лә мөмкин:

*Тимербай өндәшмәй уйын дауам итә: «Йә, батша төшөрөлгәнгә бер йыл тулып килә. Ә беҙҙең волость башҡарма комитетында һаман байҙар хөкөм һөрә. Совет маскаһы кейгән байҙар... Бер уйлаһаң, ундайҙар бит икеләтә хәтәрерәк... Ундайҙарға ҡаршы көрәшеүе тағы ла ауырыраҡ... **Юҡ, былай ярамай. Беҙгә хәҙер волость комитетына ҡайтанан һайлау үткәреү, унда ярлы, батрак, һалдат вәкилдәрен ултыртыу өсөн ныҡлап көрәшкә тотонорға кәрәк... Йәки, бына ундағы, рудниктағы кеүек, эшсе, һалдат, крәҫтиән депутаттарының Советын төҙөргә лә, волость комитетына төкөрөп, үҙебеҙҙен власть менән эш итә башларға кәрәк... Туҡта, Никитаға барып был хаҡта кәңәш итеп ҡайтайым әле... Беҙгә хәҙер, көстәрҙе бер ергә туплап, берҙәм эш итмәй ярамай...**"* (250-се бит).

*"**Ни эшләргә?.. Ҡайҙа ҡасырға?! Их, әгәр ошо балалар булмаһа, бында бер көн тормай, башым һуҡҡан яҡҡа сығып китер инем... Их балалар... балалар, аяҡ-ҡулды бәйләнегеҙ бит**..."*

*Байгилде ағай тамам тыны быуылып ҡапҡаға ташланды. "****Урамға сығырға, исмаһам, тын алыр өсөн генә булһа ла, урамға сығырға кәрәк!.. Юҡһа хәҙер быуылып үләм!..****"* (120-се бит).

*Иштуған, йоҡоһонан ҡапыл айнып, тышҡа ташланды. "****Туҡта, теге һалдатты осратып, "восстание", "революция" нимә ул тип һорарға кәрәк. Һорайым. Барам да һорайым.*** *Тик Тимербай ағайым ғына уның янында булмаһын ине..."* (238-се бит).

"Бәлки, Никита үҙе лә терелеп ҡайтҡандыр. ***Күрергә кәрәк. Сергей Хитровтарҙың был яуыз ниәттәрен уға һөйләргә кәрәк.*** *Юғиһә улар, ысынлап та, халыҡты советҡа ҡаршы аяҡландырып ҡуйыуҙары бар..." Байгилде ағай төн буйы яуған өйөрмә буран күмгән оло юл буйлап, Ивановканың арғы осона, тирмәнгә табан йүнәлде. "****Артабан нисек йәшәү, нимә эшләү хаҡында ла кәңәшләшермен****", тип уйланы ул (Байгилде)* (23-сө бит).

Өммөгөлсөм был һуңғы өс төндө керпек ҡаҡмай үткәрҙе. Ул, берҙән, Байрасы өсөн хәүефләнһә, икенсенән, Хаммат менән үҙ араһындағы мөнәсәбәттең бынан ары нисек булыу мәсьәләһе лә йөҙәтә ине. "Хаммат Сәлимәнең буш өйөнә ҡайтып төшөрмө? ... Әгәр бында ҡайтһа, ***уны нисек ҡаршыларға. Ҡалай итеп, артыҡ ҡыуанғанды, һағынғанды күрһәтмәҫкә? Үҙ-үҙемде онотоп, уның күкрәгенә ташланып, илап ебәрмәһәм ярар ине... Эй алла, ҡайҙан миңә ундай ҡатылыҡты алырға?****"* (402-се бит).

*"****Нисек өйгә ҡайтырға хәҙер! Ни тип яуап бирергә?!*** *Исмаһам, атайым да өйҙә юҡ бит әле... Ағайым да... ... Йә, ярар, ни булһа булыр,* ***ҡайтайым****, тип уйланы ахыр Емеш.* ***Өшөп-туңып үлергәме ни былай?..****"* (338-се бит).

Күренеүенсә, үрҙәге һөйләмдәрҙә эске телмәр инфинитив, эйәһеҙ, билдәле эйәле һөйләмдәр теҙмәһе менән бирелгән.

Эске телмәрҙә күҙәтеүҙәр, хәтерләүҙәр, уй-кисерештәр **дөйөм эйәле һөйләмдәр** аша тасуирланғанда телмәр авторы үҙенә ситтән ҡарап баһа бирә, әңгәмәлә ҡатнашыусы һөйләүсе хәленә ҡуйыла, йәғни эш-хәрәкәттең эмоциональ ҡатнашыусыһы булып сығыш яһай. Дөйөм эйәле һөйләмдәрҙә һөйләүсе үҙен башҡа заттарға ҡапма-ҡаршы ҡуймай, киреһенсә, улар менән берләшә, йәғни эш-хәрәкәт бөтә заттар өсөн дә типик күренеш булып ҡабул ителә, шул арҡала был конструкциялар үҙҙәренең айырым затҡа ғына мөнәсәбәтле булыуын юғалта һәм дөйөм мәғәнәле булып китә. Миҫал:

Иштуғандың ниндәй сыбыҡ алып ингәнен күрмәгән Сәлимә лә хәҙер: "Шулай уҡ, ысынлап уҡ тиңдәштәрен туҡматырға йөрөймө ни был? – тип аптыраны. – Кит, Иштуған да былай булғас, ***кемгә ышанаһың да, кемгә таянаһың****?!"* (156-сы бит).

"Өшондай саҡта тегеләр өйҙә булһа, мин нисек итер инем? – тип уйланы ул (Бибеш). – Йә, тиҙерәк, улар ҡайтҡансы, был ауырыу уҙып китһен, йәки мин тиҙерәк үлеп кенә ҡуйһам ине. Был тиклем аҙаплы ауырыуҙан үлеү еңелерәк булыр... ***Үләһең, тынаһың... Ҡотолаһың...*** *Бер ерең дә ауыртмай... Бер ни ҙә кәрәкмәй...* (285-се бит).

Уй-кисерештәр ниндәйҙер тышҡы предметтар, күренештәр тәьҫире йәки образдарҙың ниндәйҙер сәбәптәр арҡаһында иҫкә төшөүе һөҙөмтәһендә тыуа икән**, атама һөйләмдәр** барлыҡҡа килә [5]. Романда иһә персонаждарҙың эске телмәрендә бындай һөйләмдәр һирәк осрай. Миҫалдар: *"Нимә эшләргә? Ҡалай итергә?..* ***Их, Айһылыу... Айһылыу! Бер яҡтан шундай шатлыҡ... Революция!.. Ирек!.. Икенсе яҡтан ошондай оло ҡайғы!****.. Ниңә ҡайғы менән ҡыуаныс һәр саҡ шулай бер-бер артлы йөрөй икән?!"* (242-се бит).

Билдәһеҙ эйәле һөйләмдәр ҙә романда эске телмәрҙә һирәк осрай: *Был уйҙарға әлеге-баяғы ат урлау мәсьәләһе лә килеп ҡушылып киткеләне. "****Ауылда беҙҙе хәҙер ат ҡарағы тип йөрөтәләр инде****"... ... Бындай уйҙарҙан һуң, Иштуғандың тәнен ат тәненең эҫеһе эйәр аша үтеп яндыра башлаған кеүек тойола* (368-се бит).

Йомғаҡлап әйткәндә, эске телмәрҙе кешенең туҡтауһыҙ үҙ-үҙе менән аралашыу процесы тиергә мөмкин. Ябай итеп әйткәндә, ул кешенең аңындағы төрлө позицияларҙың үҙ-ара диалогҡа инеүе. Төҙөлөшө яғынан был төргә ҡыҫҡалыҡ, һүҙҙәрҙең ҡабатланыуы хас. Һөйләм киҫәктәренең күбеһе төшөп ҡалырға мөмкин, әммә әйтелергә теләгән уйҙы еңел генә аңлап була. Шунлыҡтан эске телмәрҙә бер составлы һөйләмдәр йыш осрай ҙа инде.

Бер составлы һөйләмдәр Зәйнәб Биишеваның "Кәмһетелгәндәр" романында персонаждарҙың эске телмәрен биреүҙә мөһим роль уйнай. Романда эске телмәрҙә йыш ҡулланылғандары – билдәле эйәле, эйәһеҙ һәм инфинитив һөйләмдәр, сөнки был төр һөйләмдәр башлыса кешенең төрлө физик, психофизиологик хәлен, хисен, тойғоһон, торошон, теләген, ниәтен, кисерештәрен, тормошҡа, процесҡа, күренештәргә, көн итеүгә бәйле төрлө мөнәсәбәтте белдерә, эш-хәрәкәт булыуының мөһимлеген, әһәмиәтен, кәрәклеген, тейешлеген, ҡыйыуһыҙ фараз итеүҙе, икеләнеүҙе, йәғни һәр төрлө модаллек мөнәсәбәтен аңлата.

Әҙәбиәт

1. Зәйнуллин М.В. Башҡорт әҙәби теле һәм Зәйнәб Бейешева ижады // Башкирское, тюркское и сопоставительное языкознание: Избранные статьи. – Уфа, АН РБ, Гилем, 2012, с. 392-394.

2. Набиуллин Р.Р. Внутренняя речь как средство раскрытия психологии героя (на материале повести Л.Н.Толстого "Смерть Ивана Ильича"). Искусство и образование. – М., 2008, №8. – С. 127-132.

3. Сулейманова З.Ш. Эске телмәрҙең структур-семантик үҙенсәлектәре // ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ: Материалы Международной научно-практической конференҫии, посвященной 80-летию со дня рождения известного башкирского языковеда К.Г.Ишбаева, Республика Башкортостан, г. Уфа, 27 ноября 2017 года / Под общей редакҫией Г.Р. Абдуллиной. – Уфа: БашГУ, 2017, с. 184-186.

4.Хуснетдинова Р.Я. Эске телмәрҙә бер составлы һөйләмдәрҙең структураһы һәм семантикаһы // Материалы Международной научно-практической конференҫии "Духовная культура и гуманитарные науки в Башкортостане и России: история и современность", посвященной к 25-летию Академии наук Республики Башкортостан и 70-летию доктора филологических наук, профессора, члена-корреспондента Академии наук Республики Башкортостан, заслуженного работника образования Республики Башкортостан, заслуженного деятеля науки Республики Башкортостан, Почетного работника Министерства образования и науки Российской Федераҫии Гиниятуллы Сафиулловича Кунафина. (24 ноября 2016 года). – Уфа: РИЦ БашГУ, 2016, с. 536-538.

5. Хуснетдинова Р.Я. Семантическая сущность именных предложений в башкирском языке // Вестник Башкирского университета. 2017. Т. 22. №1. С. 180-183.

© Хөснөтдинова Р.Я., 2018

Хөснуллина Р.Д.,
“1-се гимназия” муниципаль дөйөм белем биреү автономиялы учреждениеһы,
Нефтекама ҡ., Башҡортостан Республикаһы

3. БИИШЕВАНЫҢ “КӘМҺЕТЕЛГӘНДӘР” РОМАНЫНДА ҮГӘЙ ИНӘ - ҮГӘЙ ҠЫҘ АРХЕТИПИК ИШЕ

Культурология, психология, соҫиология, этнология, философия һәм әҙәбиәт гилеме сиктәрендә яңы йүнәлеш тыуа – улар архетиптар теорияһы. Һүрәтләүҙең яңы объекттары танып белеүҙең архетип кеүек структураларында сагыла. Уның маҡсаты әҙәбиәттә менталитетты һүрәтләү. Архетип этник нигеҙе һәм милли менталитеты булган аңдың, хәтерҙең идеаль, соҫиаль билдәләр берәмеге. Милли – культур һәм универсаль архетиптар донъя картинаһында лайыҡлы рәүештә үҙен халыҡтың быуаттар һуҙымында тупланган тәжрибәһе һәм тел саралары аша бөтә донъяны һүрәтләү юлы менән бойомга ашырыла, уның мәҙәни аңында тулыһынса формалашыуы һәм барлыҡҡа килеүе өсөн мөһим тәүшарт.

Фольклорҙа, атап әйткәндә, башҡорт халыҡ әкиәттәрендә үгәй инә - үгәй ҡыҙ архетипик иштәрен сагылдырыу аша беҙ үгәй ҡыҙҙарҙың күбеһенә хас булган һыҙаттарҙан дөйөм башҡорт халҡының менталитетын күрәбеҙ. Атап кителгән архетипик иштәр «Өс килен», «Яуыз ҡарт», «Үгәй ҡыҙ Гөлбикә» һ.б. әкиәттәрҙә һәм легендаларҙа дөйөм кешелеккә хас проблемаларын яҡтыртыу менән бер рәттән тик башҡорт халҡына гына хас милли һыҙаттарын туплауы һәм уны асып биреүе менән дә характерлана. Был төшөнсә үҙендә бик күп ыңғай сифаттар һаҡлай. Үгәй ҡыҙға тогролоҡ, баҫалҡылыҡ, оло йөрәклелек, итәгәтлелек, эшсәнлек кеүек ыңғай һыҙаттар хас булһа, үгәй инә уҫаллыҡ, яһиллыҡ, күрә алмаусанлыҡ, үҙеңде генә уйлау кеүек кире сифаттар аша характерлана. Шулай булыуға ҡарамаҫтан, үгәй инә үҙенең бөтмәҫ насарлыҡтары менән үгәй ҡыҙҙың ысын ҡатын-ҡыҙ булып формалашыуында ыңғай роль уйнай, тигән һығымтага киленә.

Башҡорт әкиәт фольклорында үгәй инә - үгәй ҡыҙ архетипик иштәрен өйрәнеү барышында сюжет-мотивтарҙың башҡа халыҡтарҙың да әкиәттәренә оҡшашлығы асыҡланды. Унда геройҙарҙың йәшәргә ынтылыу, үҙ-үҙеңде башҡалар алдында кәм-хур итмәү һ.б. проблемаларҙы үтәргә тырышыуы өҫтөнлөк ала. Был тенденҫияның асылы Ер шарында бар халыҡтарҙың да тарихи үҫеш стадияһының үҙенсәлектәре, соҫиаль, этнопсихологик, этик һәм эстетик факторҙары менән аңлатыла. Был яҡтан ҡараганда, үгәй инәүүгәй ҡыҙ архетипик иштәренең универсаль архетиптарга ингәнлеген иҫбат итергә була.

Яҙма әҙәбиәттәге үгәй инә - үгәй ҡыҙ архетипик иштәре боронго дәүерҙәге кешеләрҙең аң кимәленән айырыла һәм ыңғай планда үҫешә. Бында үгәй инә асылда дөйөм кешелекте тыуҙырган шул уҡ ҡатын-ҡыҙ. Шуға күрә төпкөл аң кимәлендә ул барыбер әсә. Баланы тыуҙырган да әсә, йәшәргә көс-һут биргән дә әсә. Ошо мәҫгелек төшөнсәләр Гәли Ибраһимовтың «Умырзая», «Ай

битен йыуганда» романдарында, Мостай Кәримдең «Ярлыҡау», «Беҙҙең өйҙәң йәме», «Оҙон-оҙаҡ бала саҡ» повестарында үгәй инә образында башҡорт ҡатын-ҡыҙҙарының иң гүзәл һыҙаттары кәүҙәләндерелгән. Октябрь революцияһы еңеүенән һуң һәр кешегә лә, шул иҫәптән, ҡатын-ҡыҙҙарға ла, уҡыу, белем алыу һәм ирҙәр менән бер рәттән эшләү, илде аяҡҡа баҫтырыу хоҡуғы алыу мөмкинселегенә эйә булып, физаҡәр белгес дәрәжәһенә күтәрелгән ҡатын-ҡыҙ – шәхес образы Тайфур Сәгитовтың «Һабантуй»ында асыла. Үгәй инә Ғөлсөм Шәйәхмәтовна шул уҡ ваҡытта донъя тотҡаһы булырҙай әсә лә. Ил инәһе дәрәжәһенә күтәрелерҙәй үгәй әсәне Таңсулпан Ғарипованың «Бөйрәкәй»ендәге Шәһәрбаныу йөҙөндә осратабыҙ.

Ғөмүмән, хәҙерге башҡорт әҙәбиәтендә үгәй инә - үгәй ҡыҙ архетипик иштәре ике планда яҡтыртыла. Беренсеһе, үгәй инә бер нимәһе менән дә баланың үҙ туған әсәһенән ҡалышмай. Ҡайһылыр урында ысын әсәһе кеүек ҡыҙ баланы тәрбиәләй. Мәҫәлән, Ғәли Ибраһимовтың «Умырзая» романында Катерина, сыуаш ҡатыны булыуына ҡарамаҫтан, башҡорт ҡыҙы Алһыуҙы тик башҡорт халҡы йолаларында, башҡорт телен белгән шәхес итеп тәрбиәләргә өлгәшә. Икенсе милләттән булған Мария Тереза ла Бережнойҙар гаиләһендә үҙен бик иркен хис итә (М.Кәрим «Ярлыҡау»). Үҙ әсәләре ташлап киткән Ғүзәл менән Элжебетаны тәрбиәләп үҫтергән ҡатын-ҡыҙҙар ҙа изгеләр рәтендә булып, башҡорт ҡатындарының иң гүзәл сифаттарын үҙендә туплаған. Әҙәбиәттең тормош дәреслеге икәнлеген иҫәпкә алғанда, үгәй инәләрҙең ыңғай образдары киләсәк быуындарыбыҙҙы тәрбиәләр көскә эйә.

Икенсе йүнәлештә З.Биишеваның «Яҡтыға» трилогияһынан кире образ булараҡ һүрәтләнгән Сәрбиямалды миҫал итеп күрһәтелде. Был персонаждың тәрбиә ысулдары тулыһынса әкиәттәрҙәге үгәй инәләр менән тура килә. Ул, үҙе лә аңламайынса, Емеште оло тормош юлына әҙерләгән. Әйтергә кәрәк, психологияла ентекле өйрәнелгән үгәйлек проблемаһын З.Биишеваның Сәрбиямалы менән Емеше араһындағы мөнәсәбәттәр иҫбатлай.

Дөйөм алғанда, әҙәбиәттә үгәй инә - үгәй ҡыҙ архетипик иштәре донъяны артабан яҡшыртыу, шәхес итеп үҫтереү, иң изге характерҙар формалаштырыу нисбәтендә һүрәтләнә. Ҡатын-ҡыҙ, әсә милләт, дин төшөнсәһе менән тап килмәй. Ниндәй генә милләт вәкиле булһа ла, күпселек героинялар ысын әсә булып ҡала. Донъяны улар биҙәй.

Баланың күңеленә ыңғай орлоҡтар сәсеү – ул башҡорт йолаларында ғына түгел, ә башҡа милләттәрҙә лә борон-борондан килгән. Бәпес донъяға ла килеп өлгөрмәгән, ә инде әсә уға ыңғай психологик атмосфера төҙөү, бәпес менән һөйләшеү, уны яратыуынды, көтөүеңде белдереү кеүек төрлө саралар күрә башлай. Психология фәне лә, сабыйға әкиәттәр уҡыу, бишек йырҙарын йырлау кәрәкле һәм файҙалы тип ҡабул итә. Борондан уҡ әсәй-өләсәйҙәр бәпестәрендә бишек йырына, әкиәткә, миф һәм легендаларға ҡарата һөйөү тәрбиәләгән. Шуға ла бала аҡыллы, кешелекле, атай-әсәй һүҙенә тоғро, башҡаларға ҡарата изгелекле, намыҫлы, илен һөйәр булып үҫкән.

Югарыла урын алған яҙылмаған әхлаҡи ҡанундар республикабыҙҙың арҙаҡлы шәхесе, халыҡ яҙыусыһы, Ил инәһе Зәйнәб Биишеваға ла ҡағыла. Сөнки уның «Яҡтыға» трилогияһы автобиографик икәнлеген беләбеҙ һәм ундағы Емеш образының прототибы Зәйнәб Биишева үҙе. «Шуныһы фәһемле: Емештең тормош юлы күп йәһәттән яҙыусының үҙ биографияһын хәтерләтә. Өс йәш ярым саҡтан уҡ әсәһеҙ ҡалған Зәйнәб тә, Емеш шикелле, етемлектең, кәмһетелеүҙең бөтә әсеһен татып үҫә; Емеш шикелле үк, Зәйнәб тә бары тик революцион хәрәкәт арҡаһында ҡәһәрле тормоштан ҡотолоп, кешелек хоҡуҡтары ала»[3, 553-сө бит].

Донъя кимәлендә билдәле рәссам Леонардо да Винчи, рус шагиры М.Ломоносов та Зәйнәб Биишева кеүек сабый саҡтарынан етемлектә, үгәй инә ҡулында үҫкән. Югарыла телгә алған шигырҙарында М. Ломоносовтың шул бала саҡ хәтирәләре сағыла ла инде. З.Биишева трилогияһының «Кәмһетелгәндәр» тип аталған беренсе китабында Емештең атаһы Байгилде ағайҙың оло гаиләһе әсәйһеҙ ҡала. Ишле гаиләгә мотлаҡ рәүештә икенсе әсәй кәрәк. Ундай әсәй табыла, әммә башҡа романдарҙағы кеүек ул изгелекле түгел, ә әкиәттәрҙәге үгәй инә образдарының тере күсермәһе – яуыз ҡанлы булып сыға. Балаларҙы Сәрбиямал ысын мәғәнәһендә эксплуатаңиялай. Хужалыҡ буйынса бала иңе күтәрмәҫлек физик эштәр башҡарыу өҫтөнә ҡыҙҙар аслы-туҡлы гүмер һөрә. Кейем тураһында әйтеп тораһы ла түгел. Халыҡ яҙыусыһының тормош юлын һәм ижадын өйрәнеүсе С.Әлибаева иҫәпләүенсә «Мачеха делает все, чтобы изжить их со свету»[1, 45-се бит]. Кеше һынлы кешене теге донъяға оҙатыу кеүек хыялдар менән йәшәгән Сәрбиямал, ысынлап та, бик тә әшәке була. Уның шундай кимәлдә ҡанһыҙ булыуының сәбәптәрен психологтар һүҙе менән аңлатһаҡ түбәндәгесә була: «Мачеха – это женщина не нашедшая правильного пути»[5, 95-се бит]. Трилогия сюжеты буйынса Сәрбиямал ысынлап та үтә ҡырыҫ, донъяға һыймай. Байгилденең йомшаҡлыгынан файҙаланып, А.С.Пушкин әкиәтендәге «хочу быть столбовою дворянкой» тигән әбей кеүек ҡылана. Сәрбиямал иренә һәр саҡ ҡаты булмай, әлбиттә, балаларҙы кыйырһытыуын уға белдермәҫкә тырыша.

Бынан беҙ уның хәйләкәр ҙә икәнлеген аңғарабыҙ. Белеүебеҙсә, уҫалдарҙың, яуыздарҙың ҡоралы инде – хәйләкәрлек. Әкиәттәрҙә яуыз үгәй инә темаһын өйрәнеүселәр түбәндәгесә аңлата: «Но иногда союзниҡа (жена) становится соперниҡей – бунт униженного при патриархате женского начала – и хитростью добивается в споре с мужем» »[5, 55-се бит]. Сәрбиямал да шулай итә бит, гаиләлә баш булыу – уның төп мәҡсаттарының береһе. Тик ауыр аслыҡ заманында үҙең баш, үҙең түш булыуы ла аныҡ түгел. Кеше психологияһының ул төрөн дә галимдар өйрәнгән һәм ошондай ҺЫгымтага килгән: «Власть, право принимать решение не так – то просто. Отсюда потребность в хитрости и даже некотором коварстве и расчетливости. Отриҡая агрессию в себе, мы теряем связь с людьми: оказываемся «за стеклом». Агрессия, ярость – основная эмоҡия, объединяющая всех без исключения и бояться ее – значит бояться Силы вообще»[2, с. 95-се бит]. Дөрөҫ һүҙгә яуап юҡ. Тирә-яҡтағыларын ашап алып баргандар, ысынлап та, рухи яҡтан көсһеҙ. Сабый ҡыҙ балаһынан үгәй инә күпкә ҡайтыш, сөнки Емеш тәбигәт матурлығын, кешенең эске донъяһын күрә белә. Ололар һөйләгән әкиәттәр, батырҙар уны оло тормошҡа әҙерләй, рухи яҡтан үҫтерә. Сәрбиямалдың яуызлығын автор Ҡарасәс образы аша күрһәтә алган: «Ләкин Ҡарасәс әбей һаман уга ҡырын күҙ ҙә һалмай, унан ҡайҙалыр ситкә, алыҫҡа, Сәрбиямал күрмәгән һәм бер ҡасан да күрмәйәсәк гәжәп серле, мауыҡтырғыс, билдәһеҙ гүзәллеккә теклəп, иҫ киткес мөһабәт, мауыҡтырғыс булып, ниндәйҙер эске нур менән яҡтырып ултыра бирҙе»»[2, 150-се бит]. Емеште үҫтереүсе сифатында Сәрбиямалдың көнө-төнө физик эшкә егеүҙәрен З.Биишева йылдар үткәс: «Үгәй әсәйем мине, үҙе лә һиҙмәҫтән, эш һөйөргә өйрәткән», - тип баһалай. Эйе, иң беренсе халыҡ яҙыусыһы булыр Ил инәһен үгәйлек тормошо тәрбиәләй. «Характер Емеш закаляется от переживаний и тяжелых утрат и жизненных невзгод» [1, с. 46-сы бит]. Йәберләнеүҙәр, кәмһетелеүҙәр аша үткән тормош юлы Емештең үҙе лә белмәгән эске көсөн тоҡандырырга мәжбүр итә.

Шулай итеп, әҙәби әҫәр – донъяны танып-белеү сараһы, сөнки яҙыусының, дөйөм аң, зиһен кимәленән йәки шәхси булмышынан сығып, донъяға ҡарашы, тормоштағы хәл-ваҡигаларға мөнәсәбәте, тормош ҡуласаһындағы ябай кешеләрҙең шаҡтай ҡатмарлы, хатта ҡапма-ҡаршылыҡлы психик үҙенсәлектәренә баһаһы һәр әҫәрҙә сағылыш таба. Әгәр фольклор әҫәрҙәрендә үгәй инә – үгәй ҡыҙ архетиптарының ҡатын-ҡыҙҙар араһындағы бер-береһен күрә алмаусанлыҡ планында асылһа, бөгөнгө әҙәбиәттә гуманизм принҡиптарына таянып ижад ителә. Ошо ҡапма-ҡаршылыҡтың сәбәптәре яҙыусыларҙың донъяға ҡарашы, әҙәбиәткә тормош дәреслеге, киләсәк быуынды тәрбиәләү зарурлығы күҙлегенән ҡараузалыр. Ысынлап та, архетиптар кеше аңының, фекерләүенең, танып белеүенең сағылыу ысулы.

Әҙәбиәт

1. Алибаева С.А., Журавлева А.А., Журавлева А.Н. Зайнаб Биишева. Жизнь и творчество. – Уфа: Китап, 1993. – 165 с.
2. Биишева З. Оло Эйек буйында. – Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1977. – 319 бит.
3. Биишева З. Емеш. – Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1977. – 560 бит.
4. Бычковская Е. Женские архетипы манипуры: проза. URL: http: // Ру: Kafedra/ mail. Ru > 119 – issue(дата обращения: 14.12. 2015).
5. Трошина Е. Архетипы матери и супружеские отношения. – М.: Современник, 2005. – 117 с.

©Хөснуллина Р.Д., 2018

Хужахметов А.О.,
к.ф.н., доцент БашГУ,
г.Уфа, Республика Башкортостан

ТЕМА ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ БАШКИРСКОЙ ПРОЗЕ

Плоды культуры, посвященные постсоветской эпохе, появляются в современном информаҡионном поле все чаще и чаще. События военного конфликта в Чечне, которые оставили огромный след в истории государства и российского общества, конечно же, получили разнообразное отражение в культуре России. Снятым кинофильмам (среди них такие, как «Война» А. Балабанова, «Чистилище» А. Невзорова, «Блокпост» А. Рогожкина, «Кавказский пленник» С. Бодрова, «Александра» А. Сокурова и др.) и написанным произведениям (среди них такие, как «Муравей в стеклянной банке. Чеченские дневники 1994—2004 гг.», «Дневник Жеребҡовой Полины» П. Жеребҡовой, «Разговор с варваром» П. Хлебникова, «Чеченские рассказы» А. Карасёва и др.) нет числа. Как отмечает А. Филиппов: «О кавказском конфликте за минувшие десять лет написано много.

Что-то с хроникерской точностью, другое – с журналистским пылом, третье – в раздумчивой интонации публицистики». Среди них своим своеобразием передачи смысла войны, грани между жизнью и смертью, добром и злом, гуманизмом и зверством выделяется повесть Марата Муллакаева «Нэнэй» – в башкирской литературе одно из немногих качественных художественных продуктов на тематику войны.

В произведении через образ женщины из глухой башкирской деревни, оказавшейся по воле судьбы в самом центре чеченского конфликта, показывается психологическая ломка целого поколения. Сюжет произведения концентрирован вокруг одного образа – Хаят-апай. Хаят означает с арабского языка – жизнь. Приносящая и поддерживающая жизнь вокруг себя – таковым формируется в течение всего сюжета образ главной героини. Если вокруг отнимается жизнь человека, то и ей становится больно, будто это у нее вынимают из тела душу. Она – мусульманка, пришедшая к вере через тернии судьбы. Вера в Аллаха дает ту крепость характера, на основе которого создается аура святости образа и помогает Хаят-апай дойти до конца выбранного пути – подвижничества – пути спасения внука. По утверждению самой героини – лишь одной из её миссий в этой жизни. Хронотоп «дороги» жизни – путем воспоминаний кадрами всплывающей перед читателем по дороге к внуку.

Лейтмотивом повести становятся строки в начале: «И открылись ворота, и появились перед изумленными воинами Чингис-хана женщины, несущие своих мужей и сыновей». Они звучат аккордами в устах раненого Тагира – в конце произведения. Примечателен комментарий Хаят-апай: «Но они [Чингис-хан, Александр Македонский, Наполеон – прим. автора], как ты говоришь, свое величие приобрели огнем и мечом. Но разве, угнетая других, отбирая их земли, города, можно возвеличиться?.. мне кажется, женщины, вынесшие на плечах своих мужчин-воинов, совершили больший подвиг».

«Дом является местом, где связываются разные пласты нашей жизни, разные способы нашего восприятия и познания себя и мира». Не случайно повествование автор начинает с приезда в дом Хаят-апай капитана из военкомата – Хамита и Золотаревой Лидией Степановной из комитета солдатских матерей, которые привезли плохую весть о судьбе её внука – солдата, попавшего в плен к чеченским боевикам.

Композицию произведения, по-нашему мнению, необходимо рассматривать поэтапно – начиная с деревенских будней пожилой женщины и заканчивая неоднозначным завершением повествования. Жанр повести, а в данном случае повести каноничной, предполагает изложения большого художественного материала в сжатом виде. Поэтому автор исходя из того, что повествование будет расширено в исторической (через ретроспекцию – воспоминания действующих в произведении образов) и географической (Башкортостан, Ингушетия, Чечня) плоскости, выбрал очерково-репортажный вариант структуры, то убыстряя, то сокращая изложение – создавая тем самым композицию произведения. К примеру, мы не прослеживаем досконально путь Хаят-апай в поезде до Кавказа и сразу оказываемся в новом витке сюжета – с Назрани. Или мы видим лишь очнувшегося после забытья раненого Гелисхана – а не каждодневное ухаживание за ним героини. Также читабельности произведения способствуют неожиданные (эффект неожиданности) эпизоды приключенческого характера, боевых стычек. Опасность войны, страх перед войной ощущается визуально и звучит в диалогах.

Каждый этап – это следующий «мир», полнее раскрывающий образ Хаят-апай – через её настоящее или прошлое – ретроспективно показывая кадры прошлого, касающиеся не только жизни главной героини, но и истории страны. По мнению автора, история страны соткана из множества линий судеб разных людей, в той или иной степени участвующих в созидании и защите – своей родной семьи, родного очага, ближних и родных, родного поселения, государства. Война, особенно между гражданами одной страны, как показана в повести – от антихриста, шайтана – разрушительница. В этой экстремальной обстановке раскрывается образ главной героини: от когда-то «безрассудной молодухи» до «праведной Хаят».

Таким образом, произведение Марата Муллакаева «Нэнэй» является одним из первых в ряду рефлексий, осмысления и чувствования темы войны в новейшей истории нашей страны сквозь призму личностного подвига женщины-матери. Данное произведение являет собой торжество и победу гуманизма над бессмысленным истреблением людей в войнах. Образы в повести в экстраординарных ситуациях качественно преобразуются, меняют свои устойчивые на первый взор амплуа и совершают казавшиеся не ожидаемыми от них действия. Трансформация образов влияет на развитие сюжета, «происходит процесс неоднородного сосуществования, из которого и выводится мозаика целостной картины мира» произведения.

Литература

1. Баимов Р.Н. Великие лики и литературные памятники Востока. – Уфа: Гилем, 2005. – 496 с.
2. Быковская Т.В. Поэтика дома: образы внутреннего пространства человека //Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 4; URL: www.science-education.ru/110-9819 (дата обращения: 11.03.2015).
3. Мишукова А.С. Гендерные роли женщины в традиционной кочевой культуре // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2012. № 3. С. 204-208.
4. Муллакаев М.Н. Нэнэй: повесть /М.Н. Муллакаев. – Уфа: Сармат, 2012. – 200 с.
5. Хужахметов А.О. Композиционный репертуар в романе К. Зиганшина «Золото Алдана» //Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 1; URL: www.science-education.ru/107-8274 (дата обращения: 11.03.2015).

© Хужахметов А.О., 2018

Хужахметов А.О.,
к.ф.н., доцент БашГУ,
г. Уфа, Республика Башкортостан

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ПОЭЗИИ РИФА АХМАДИЕВА

Есть в современной башкирской литературе поэты, творчество которых состоят из четких по композиции и по смыслу циклов стихотворений. Для них поэзия – это неразделимая часть судьбы, полной борьбы и различных перипетий, в которой тесно переплетаются личностное «Я», семья, родные и близкие, друзья, карьера. Миры, соединяющие прошлое (детство, отрочество) и настоящее (юность, зрелые годы), созданные людьми интеллигентными, владеющими широкими гуманитарными знаниями, и в то же время по-своему интерпретирующими происходящие вокруг события и явления, достойны внимания современного эрудированного читателя.

Сборник Рифа Ахмадиева «Мгновение памяти» («Хәтер мәле») на башкирском языке, вышедший в 2015 году, стала исповедью поэта, открывшей двери в неизведанные доселе его глубины художественного мира. Автор удачно строит композицию издания, не упуская из виду идейно-тематического или жанрового своеобразия стихотворений.

По содержанию «Мгновение памяти» поделено на восемь разделов, во главе каждой из которых – стихотворный эпиграф. Такое деление облегчает восприятие целостной сферической системы поэтической мысли.

В первом разделе создается мифологический мир поэта, этакой «Сильмариллион», в котором реальность легко переплетается с фантастическим. Этот мир, лежащий между Европой и Азией, объединяющий две части света, становится колыбелью, взрастившей лирического героя. Обращают внимание такие стихи, как «Златоуст», «Сим», «Буздяк – Туймазы», «Башкортостан – песня полная любви» и др. Села, города, реки, леса – все они гармонично располагаются вокруг планеты «Таганай». Таганай, у которого «с южной стороны вершины греет солнце, с северной веет холодом» – защитник и хранитель мироздания. Гиперболизация образа «горы» доведена до того, что Таганай – не просто часть Уралтау, а его «брат», «пуп Земли», равный Луне и всему Космосу.

Второй раздел открывается стихотворением «Жеребенок» («Колонсаҡ») – рождением в созданном мире самого поэта, повествуется о его детстве. На первый взгляд, можно предположить, что второе стихотворение «Пастух» («Көтөүсе») продолжает тематику первого, и идет речь именно о пастухе, однако здесь налицо – игра слов. «Көтөүсе» – не только пастух, но и человек ждущий. Ждущий маму, солнце, победу Вьетнама над Америкой, дни, когда можно было наесться досыта конфетами. Поэт на минуту возвращается к первоначальному значению слова – пастух, имея в виду пасущего гусят, однако даже гусята «превращаются» в гусей, несущих героя из беспечного детства навстречу суровой взрослой жизни.

Для поэта важна память, память начиная с большого события и заканчивая каждой мелочной деталью, ведь лишь память останавливает время и возвращает к тем светлым моментам жизни, когда происходили те или иные приятные для сердца явления: тепло материнской любви, вкус пряника, хлеба или масла, образ одинокой березы, на стволе которой были написаны детские имена, нарисованное на белом листе, синее небо и др. Именно память является цементом, крепко держащим те незыблемые ценности, которые делают из человека полноценную личность, формируют собственное «Я».

В третьем разделе жизнь поэта стремительно мчится дальше. Центр художественного пространства перемещается в Уфу. Вводится образ «окна», через которое лирический герой бросает смелый взор во вновь открывшиеся перед ним горизонты. Примечательно, что он не оторван ни от деревни, ни от природы, особенно привязан к временам года. Будь то зима, весна, лето или осень – все они вхожи в мир поэта, через них он выражает свои эмоции, делится впечатлениями и думами с потенциальным читателем. Времена года в стихах «очеловечиваются»: у них свои нравы, действия, влияют они и на самого лирического героя. К примеру, «Месяц февраль» («Февраль айы») – месяц рождения поэта, символичен тем что, хотя очень капризен и со сложным характером, не морозит и не губит, а закаляет, дает новые и новые силы для дальнейших жизненных подвигов и свершений.

В четвертом разделе поэт – гражданин мира. Он – связующее звено между земным раем и малой Родиной («Европа»), чувствующий раны, оставленные далекими сороковыми роковыми и порицающий войны сегодняшние («Плакучие ивы» / «Илаҡ талдар», «Июнь и май» / «Июнь һәм май», «Целый день…» / «Көн буйына...», «Опять война»). Он – дитя века, воочию убедившийся в опасности, исходящей от атома («Предупреждение» / «Иҫкәртеү», «Думы текли переплетая ночь со днем…» / «Төндө көнгә ялгап аҡты уйҙар...»). Лирический герой живет страхами, исходящими от перипетий изменчивой современности: засилья технократии, загазованности, всевластья Интернета, различных пандемий («Апокалипсис»). В нем уже проявляется не беспечный выходец из деревни, с головой окунувшийся в природу, а вполне сознательный горожанин, находящийся в авангарде прогресса. Патриот («Олимпийский огонь» / «Олимп уты», «Дождь Курултая» / «Ҡоролтай ямгыры») с тревогой и болью наблюдает за происходящими в ближнем зарубежье событиями («Майданы» / «Майҙандар», «Народ идет на майданы…» / «Кеше килә майҙандарга...», «Новый настрой, новый Майдан...» / «Яцы кәйеф, яцы Майҙан...»). В конце раздела гражданин мира подводит итоги не столько 2014 года – года невзгод, сколько всей эпохи, результаты которой оказались такими неоднозначными («Правда 2014 года» / «2014 йыл хәҡиҡәте»).

В пятом разделе, открывающемся эпиграфом-антитезой «На первый взгляд, жизнь лишь явление без какой-либо философии – реальное, обыденное…» («Бер ҡараһаҡ, тормош Һис бер фәлсәфәһеҙ Күренеш кенә – фани, гәҙәти»), поэт преобразуется в мыслителя. Он пожалуй доказывает обратное – что жизнь полна философии. Даже в таком обыденном явлении, как плач сына-малютки по причине прорезывания зуба, поэт видит нечто эстетитеческое – мелодию Вселенной («Парад планет» / «Планеталар парады»). Философия жизни проводит параллели между материализмом («Ждали материалистами…» / «Материалист булып көтөп яттыҡ...») и последствиями дикого капитализма («Базарная философия» / «Баҙар фәлсәфәһе», «Не падает снег…» / «Ҡарҙар яумай...» и др.), подводит диалектику современности («Диалектика»), когда у человека, на его Родине, отнимают последнее пристанище, землю («Родина тоже одна» / «Тыуган ил дә берәү...»), когда нет единения в обществе («Нет моей деревни... кладбище...»/ «Ауылым юҡ... зыяраты...»). И против такой философии ропщет душа поэта, терзается думами о смысле жизни, правильности выбранного им пути, с сарказмом отвергает мысль о предопределенности судьбы («Жизнь» / «Гүмер»).

«Окнами» в шестой раздел стали строки одноименного стихотворения, посвященного супруге. Автор просит супругу не обращать внимания на сетования друзей, не беспокоиться из-за такой «мелочи жизни», ведь семья, состоящая из четырех человек – это и есть четыре окна, гордо смотрящие в мир. Это стихотворение, конечно же, было написано поэтом в моменты собственного отчаяния и показывает в нем личность, поистине выдержанную и благородную – защитника и хранителя семьи в моменты безвременья.

Вообще блок состоит из очень хороших, качественных стихотворений-посвящений: старшей сестре, М. Акмулле, Р. Бикбаеву, К. Ахметьянову, землякам поэта – Салавату Юлаеву, Р. Гарипову, М. Ахметову (М. Хай). Автор – благодарный зритель в строках о композиторе С. Низаметдинове, актрисе И. Гизетдиновой, певице Г. Уразовой. Особое украшение цикла – стихотворение «Ляйсан», посвященное художественной гимнастке, уроженке Альшеевского района республики Ляйсан Утяшевой:

...Камиллыҡтыц яцы заман аллаһы һин,
Башҡортостан ҡыҙы Ләйсән,
Башҡорт ҡыҙы Ләйсән...
...Совершенства богиня ты эпохи
Дочь Башкортостана Ляйсан,
Ляйсан – народа башкирского ты дочь... [пер. автора]

Какой лирический поэт может обойтись без любовной парадигмы? Конечно же, седьмой раздел – о ней: о первых чувствах и неразделенной любви, о сиюминутном влечении и глубоких сердечных

муках. В цикле не прослеживается какой-либо последовательности, что полностью окупается красочностью выбранных образов, искренности написанных строк. Насыщенность стихотворения «Из божественной сути ты, любовь моя» («Һин шундай илаһи заттан...») восточными мотивами, преобразование лирического героя в «Хафиза» жанрово трансформирует и произведение наподобие газели. Оригинально смысловое поле «Ненаписанных писем, или вечной любви» («Яҙылмаған хаттар, йәки мәцгелек һөйөү») – эпистолярное пространство, ждущее своего заполнения текстами страсти целую вечность, как и само когда-то возникшее и до сих пор не угасающее чувство.

Завершающий, восьмой раздел – цикл профессионально переведенных на башкирский язык автором сборника классиков русской лирики. Читатель может насладиться великолепными переводами таких произведений, как: «Твое лицо мне так знакомо…» А. Блока, «Отговорила роща золотая», «Над окошком месяц…», «Береза» С. Есенина, «Вы полюбите меня…» Е. Евтушенко, «Я о тебе, кто мне всего дороже…» Р. Гамзатова, «Я сегодня так грустно настроен…» Н. Некрасова.

«Мгновение памяти» Р.Б. Ахмадиева – сборник с циклами стихотворений, как жемчужины, нанизанные на продуманную, изящную идейно-тематическую нить – базу, которая находит своего читателя среди современников.

© Хужахметов А.О., 2018

Шаймердинова Н.Г.,
д.ф.н., профессор кафедры тюркологии, ЕНУ имени Л.Н. Гумилева,
Калдыбаев М.,
докторант кафедры тюркологии, ЕНУ имени Л.Н. Гумилева,
Абдрасимова А.,
докторант кафедры тюркологии, ЕНУ имени Л.Н. Гумилева,
г. Астана, Республика Казахстан

БАШКИРЫ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: ИСТОРИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

Историко-культурная и языковая ситуация на севере Казахстана существенно отличается от ситуации в Южном Казахстане. В данной статье речь пойдет о башкирах, которые наряду с другими тюркскими народами такими, как татары, чуваши, киргизы и др., проживают в северном и центральном регионах Казахстана. Исторически башкиры издревле проживали в южной части Уральских гор, были составной частью кимако-кыпчакского государства в домонгольский период, о чем свидетельствуют арабские, китайские источники, а также русские летописи, освещающие исторические, политические, культурные аспекты деятельности Дешт-и-Кыпчакского государства в Центральной Азии. Освещая этнический состав кимакского государства, С.М. Ахинжанов пишет: "Наряду с довольно древними племенами, входившими еще в состав кимакского союза племен (йемек) или существовавших самостоятельно, таких, как (баджна-печенеги, башкиры, уз-гузы, манкуроглы) встречаются и новые этнические именования " [2, с.267].

Родственные изначально, башкиры и казахи и в дальнейшем историческом развитии имели сходные этапы. Предки обоих народов входили в население Золотой Орды и образовавшихся после нее государствах. Значительное влияние на формирование обоих этносов оказала Ногайская орда [4, с. 486-487].

В Казахстане башкиры вместе с татарами оказались волей решений царского правительства еще с конца XVIII в., когда началась массовая колонизация казахских земель, Степного края, повлекшие за собой развитие торговых отношений и экономическое, культурное развитие городов региона: Петропавловска, Омска, Уральска, Кустаная, Актюбинска, открытие медресе, школ, культурных центров [10, с. 150]. Казахская земля привлекала башкир благожелательным отношением коренного населения, близостью языка, единой верой, сходством национальных и социокультурных проблем.

Известно, что башкиры проникали на территорию Казахстана и ранее, и процесс этот порой протекал достаточно интенсивно. Так, в результате восстаний башкир, произошедших в 1730-е – 1740-е гг., а также восстаний в середине 1750-х гг., десятки тысяч башкир были вынуждены бежать в Казахскую степь на территорию Младшего жуза [5, с. 47]. В «Журнале генерал-майора Тевкелева по киргис-касацкой коммиссии 1757 года», в записи от 31 мая 1757 г. говорится о полученном от оренбургского губернатора И.И. Неплюева сообщении, в котором, помимо прочего, есть и распоряжение о «недопущении ни киргис-кайсак, ни башкирцов чрез Яик, кроме идущих ис Киргис-

кайсацкой орды назад с повинною башкирцов» [3 с. 337]. Большая часть бежавших башкир постепенно вернулась на родину, однако возвращение растянулось на десятилетия.

Такого рода процессы приводили и к смене этнической идентичности. Так, в Младшем жузе есть род Естек, представители которого ведут начало своего рода от башкир. Известно, что термин «естек» или «иштяк» — это экзоэтноним башкир. Исследователям известны и обратные случаи, которых немало, когда башкирские роды ведут родословную от казахов, в силу каких-то причин оказавшихся на земле башкиров [5, с. 46].

Тесное соседство казахов и башкир, вкупе с культурной и языковой общностью обусловило процесс своеобразной диффузии. К примеру, по результатам переписи 1897 г. на территории Акмолинской, Семипалатинской, Сыр-Дарьинской, Тургайской и Уральской областей, примерно соответствовавших современной территории Казахстана, проживали 2650 башкир. Из них 1609 (60,7%) относились к Тургайской области и еще 713 (26,9%) – к Уральской области. Одновременно с этим можно зафиксировать совместное проживание казахов и башкир в пограничных регионах. Например, в Оренбургской губернии проживали 271438 башкир и тептярей и 4971 казахов. В Самарской губернии на 104926 башкир и тептярей приходилось 7843 казаха [8, с.8]. Таким образом, проникновение населения по окраинам этнических ареалов было обоюдным.

На протяжении XX в. количество башкир на территории Казахстана показывает стабильный рост, который достиг пика на рубеже 1980-х – 1990-х гг. [1, с. 370] Как показывает проведенное исследование по проекту, многие башкиры переехали в Казахстан за годы советской власти в годы войны с фашизмом, освоения целины, а также по личным мотивам (создание семьи, личные связи и т.д.). Перепись населения 1989 г. показывает 40949 человек. Данные следующей переписи (1999 г.) позволяют зафиксировать почти двукратную убыль [7, с. 6]. В качестве причин этого следует назвать резко ухудшившиеся условия жизни, вызванные экономическим кризисом 1990-х гг., появившаяся после распада СССР государственная граница, отделявшая башкир от исторической родины. С того времени, по данным Комитета по статистике Министерства национальной экономики РК, количество башкир каждый год незначительно, но стабильно уменьшается, на начало 2017 г. оно составляло 16843 человек [9].

Год	1939	1959	1970	1979	1989	1999	2010
Количество	3450	8742	21442	32499	40949	23225	17263
Год	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Количество	17193	17073	17009	16984	16906	16881	16843

Динамика изменения численности башкир на территории Республики Казахстан

В Республике Казахстан насчитывается более 20 татарских и татаро-башкирских национально-культурных организаций. Самая крупная из них ассоциация "Идел", которая объединяет 18 национально-культурных центров в 15 областях РК и является одним из соучредителей Ассамблеи народа Казахстана, председателем которой является Президент РК Н.Назарбаев [6, с. 6].

За годы суверенитета в Казахстане произошли коренные изменения во всех сферах политико-экономической и социокультурной деятельности казахского народа, некоренных и тюркских народов (в т.ч. башкирского), проживающих на территории республики. Изменилась психология людей, произошли трансформации в этнокультуре, сложились тенденции в знании родного языка и государственного казахского и межкультурного русского языков.

Верифицированные знания по этнической идентификации, вопросам образования, знанию своей культуры и языка, этнокультуры казахского народа его языка, отношения к коренному этносу Казахстана и другая важная информация представлены в процессе обработки проведенного анкетирования. В результате обработки ответов 2155 респондентов (лишь части анкетирования) выявилось, что всего татар и башкир вместе оказалось 724 человек, из них татар 632 человек, башкир 92 человек. Для определения конкретных данных мы останавливаемся на наиболее ключевых вопросах анкеты, связанных с этнической идентификацией исследуемого этноса. К таким ключевым понятиям относятся: возраст, пол, гражданство, этническая идентификация по паспорту, по личному самоопределению, браки, смешанные браки первого и второго поколения и этническое определение

детей, религиозная или культовая принадлежность, местожительство и коренные жители Республики Казахстан, язык обучения (образования), владение родным языком и знание других языков.

Возраст. Общее количество информантов по возрастным параметрам было разделено нами на 4 группы, границы которых, разумеется, условны, жестко не детерминированы.

I Детский и юношеский: от 11 до 17 лет (4 человека);

II Зрелый: от 18 до 37 лет (48 человек);

III Информанты, эпохи суверенного Казахстана: от 38 до 50 лет (21 человек);

IV Пожилой: от 51 до 75 лет (19 человек).

Пол: из 92-х опрошенных человек женского пола - 45, мужского – 47 человек.

Гражданство: из 92-х информантов все 92 человека граждане Республики Казахстан.

Этническая принадлежность: 92 человек башкир.

По паспорту: 90 человек по паспорту башкиры, 1 человек записан как татарин, у которого отец – башкир, но мать – татарка, соответственно информант записан по матери. У одного человека нет паспортных данных.

Этническое самоопределение: 90 человек определяют себя как башкиры, из которых у 88-и человек отцы башкиры, у 2-х отцы – татары, но матери – башкирки. Один человек определяет себя как русский, хотя оба родителя информанта башкиры. У одного человека нет данных по данному пункту.

Таким образом, в этническом самоопределении доминирующим маркером независимо от этноса у башкиров безусловно является отцовская линия, ребенок в семье идентифицирует себя с этносом отца и только в двух случаях мы видим самоидентификацию по матери. Отсюда можно констатировать, что в настоящее время в Казахстане на формирования сознания, культуры, языка у башкир оказывают больше влияние отцов. Национальность отца для башкир является авторитетным и главным, как и у казахского народа. Самоидентификацию одного информанта как русского можно объяснить разными причинами - владение русским языком и незнание родного языка, межличностными отношениями (друзья, коллеги), знание русской культуры и другие причины.

В семейных отношениях у башкиров наблюдается разная картина. Башкиры предпочитают создавать семейные узы с представителями как своего этноса, так и с представителями других национальностей (казахи, русские, татары, узбеки). Наблюдаются большое количество смешанных браков, которые представляют интересные факты семейных отношений с точки зрения взаимодействия культур и этносов в Республике Казахстан.

Смешанные браки: один из родителей либо отец, либо мать не относятся к башкирскому этносу. Смешанные браки характеризуются с учетом возрастных особенностей, представляющихся собой первое поколение - родителей и второе поколение - детей (внуков).

В первом поколении родителей наблюдается следующая картина.

Отец: у 90 человек отцы - башкиры, у 2-х отцы - татары, а матери башкирки, но по паспорту оба записаны как башкиры и по самоопределению считают себя башкирами.

Мать: у 43-х матери – башкирки, у 21-го человека матери – казашки, у 16-и человек матери – русские, у 8-х матери – татарки, у 3-х матери – узбечки и у одного информанта нет данных.

Стоит отметить, что в первом поколении башкиры предпочитали брать в жены башкирок, тем самым сохраняя этническую культуру, традиции и ментальность. Среди опрошенных информантов почти ровно половина семей старшего поколения не смешанные браки.

А в башкирских смешанных семьях Казахстана мужчины предпочитали брать в жены казашек, охотно женятся на русских и могут выбрать жену из других тюркских/нетюркских этносов республики. Как отмечено выше, дети в таких семьях по этнической идентификации выбирают отцовскую линию.

Второе поколение детей и внуков.

Во втором поколении, когда один из супругов не башкирской национальности картина выявилась совсем другая, нежели в старшем поколении. А именно выявилось следующее:

казахов - 38 человек,

башкир - 10 человек,

русских - 8 человек,

узбеков - 2 человек,

татаров - 6 человек

и у 28-и человек нет данных по этому пункту.

Интересный факт, что во втором поколении смешанных браков в намного больше, чем в старшем поколении. Если ровно половина опрошенных в старшем поколении были женаты на

башкирок, то во втором поколении таких браков всего выявилось 10. То есть если в старшем поколении мужчины предпочитали жениться на представительниц своей национальности, то во втором поколении наибольшая группа смешанных браков оказались с казашками.

Этническое определение детей: как мы уже отметили выше в башкирских семьях доминирует отцовская линия, к какой же национальности принадлежат дети из смешанных семей показал следующие результаты.

У 28-и человек дети – башкиры.

У 15-и человек дети – казахи и у всех 15-и семей один родитель казах.

У 4-х дети – русские, у 3-х из этих семей один родитель русский, у одной семьи оба родителя башкиры.

У 4-х дети – татары и у всех 4-х семей один родитель татар.

У 2-х дети – узбеки и в обеих семьях один родитель узбек.

У 8-х дети – балкарцы, у 6-х из этих семей один из родителей казах, а второй башкир, у 2-х семей оба родителя башкиры, так почему же дети являются балкарцами, остается не понятным.

У 31-го человека нет данных по данному пункту.

Половина, а именно 42 человека ответили, что национальность должна определяться по линии отца. Двое ответили, что башкиры, один человек считает по желанию родителей, один ответил: если по отцу, то башкир, один ответил: по-разному. У 42-х человек нет данных по этому вопросу.

На наш взгляд, тюркоэтнический характер смешанных башкирских семей совпадает с эпохой суверенного Казахстана, с расширением и укреплением культуры казахского народа, с ориентацией на собственные тюрские истоки, культуру.

Религиозная или культовая принадлежность: из 92 информантов башкиров 76 человек ответили, что придерживаются мусульманской веры, 2 принадлежат к христианам, 2 определили свою культовую принадлежность религиозной и 12 человек не ответили на этот вопрос.

Местожительство и коренные жители Республики Казахстан: из 92 опрошенных информантов башкир 28 человек из Актюбинской области (Западный Казахстан), 27 человек из Акмолинской области (Северный Казахстан), 15 человек из Карагандинской области (Центральный Казахстан), 4 человека из Костанайской области (Северный Казахстан), 4 человека из Северно-Казахстанкой области (Северный Казахстан), 3 человек из Джамбульской области (Южный Казахстан), 1 человек из Павлодарской области (Северный Казахстан) и у 10-х человек нет данных.

Из 92-х человек 68 башкир являются коренными жителями Республики Казахстан. 21 человек некоренные жители Казахстана. У 3-х человек нет данных по этому пункту.

Также среди информантов были расспрошены являются ли коренными жителями их семьи, даты и их причины переезда в РК. Даты переселения татаров в РК очень разные, у многих в РК когда-то переехали еще бабушки и дедушки или даже прадедушки и прабабушки.

Причины переселения в РК самые разные, 2 человека причиной переселения назвали освоение целины, 4 по семейным обстоятельствам и 4 - замужество, 3 - Буздяк, 16 человек приехали по работе, 1 по своему желанию и 2-ое не знают причин переселения. Основное количество переехавших в РК из Башкирии и Татарстана.

На вопрос собираются ли они остаться в Казахстане или уехать, из 92-х информантов Башкиров 40 человек ответили, что остаются; 24 человека ответили, что собираются уехать; у 28-и человек нет данных на этот вопрос. Причины желания отъезда из Казахстана также самые разные, многие хотят уехать в поисках работы, для получения образования, улучшения условий жизни и за перспективами, многие же хотят на Родину, а некоторые называют личные причины, как замужетсво и семейные обстоятельства.

Также из 92-х информантов 14 человек переезжали внутри РК, 48 человек не переезжали и у 30-и человек нет данных по данному пункту. Причины переезда внутри Казахстана это в основном работа, семейные обстоятельства, учеба, поступление в ВУЗ, а также переезд из села.

У некоторых опрашиваемых информантов есть члены семьи или родственники, уехавшие из Казахстана. Есть уехавшие в Россию и Украину, в Германию, Грузию и в Канаду.

Владение родным языком и знание других языков: из 92-х информантов 86 человек считают своим родным языком башкирский язык, 2 человека указали казахский язык, 1 человек - русский язык, 2 человека назвали своим родным языком татарский язык и у 1 человека нет данных.

О владении другими языками 59 человек ответили, что знают казахский язык, 89 человек знают русский язык, 9 человек знают татарский, также 2 человека знают узбекский язык.

Вопрос на каком языке Вы обычно говорите, также показал, что основное количество смешивают языки. 24 информанта говорят обычно на башкирском, 26 человек говорят на русском, 6

человек на казахском. 14 человек ответили, что обычно говорят на русском и казахском, 11 человек сказали, что говорят на башкирском и русском; 2 человек сказали, что обычно говорят и на казахском, и на башкирском, и на русском, 1 человек ответил, что обычно говорит на башкирском и казахском.

По вышеуказанным данным также можно заметить, что большинство смешивают язык. 77 информанта признались, что при разговоре на родном языке они смешивают казахский и русский язык.

Кроме того, были заданы вопросы о знаниях в литературе на родном, то есть на башкирском языке. Например, знают ли они образцы устного творчества, как сказки, легенды, мифы, исторические поэмы татарской литературы. 34 человека ответили что нет незнают, двое ответилиии, что читали, но не помнят. 38 человек ответили, что знаю, но только некоторые информанты смогли назвать несколько произведений башкирской литературы. 6 человек ответили, что знают «Сказки о Хоросаи и Коросаи», «Сказку об Асыкелу». Двое вспомнили также «Сказку об Абкеле». Двое знакомы с творчеством Салавата Юлаева. 5 просто ответили, что знают различные народные башкирские легенды. Один человек знает эпос «Урас батыр» и один знает поэму «Саксук». У 18-ти человек нет данных по этому вопросу.

Также 48 информантов отметили, что знание родного языка очень важно. 29 ответили, просто важно, 6 сказали не важно и 6 человек ответили совсем не важно. У 3-х человек нет данных.

Вместе с этим, опрашиваемым информантам были заданы вопросы о распростронении телепередач на их родном языке в Республике Казахстан. 12 человек ответили да, 52 - нет, 25 затрудняются ответить и у 3-х нет данных. А на вопрос есть ли радиовещание на их родном языке двое ответили да, 55 - нет, 32 затрудняются ответить и у 3-х нет данных.

На вопрос пользуетесь ли Вы интернетом на родном языке 29 человек ответили да, 52 - нет, 7 затрудняются ответить и у 4-х нет данных. Основное количество отрицательного ответа, скорее связано с большим количеством информации в интернет ресурсах на русском языке. На вопрос есть ли интернет форумы, блоги, чаты на Вашем родном языке, 36 человек ответили да, 29 - нет, 24 затрудняются ответить и у 3-х нет данных. А на вопрос пишите ли Вы смс на родном языке 39 человек ответили да, 43 - нет, 7 затрудняются ответить и у 3-х нет данных, что подтверждает, что скорее башкиры пользуются родным языком только при переписке с представителями своей нации.

Таким образом, результаты одной лишь части социокультурного анализа показали интересные факты, которые требуют дальнейшего глубокого осмысления и научной интерпретации фактов по самоидентификации башкирской диаспоры, выбору языка, культурным архетипам, степени образования и другим вопросам, входящих в анкету и не представленных в этой статье.

Литература

1. Асылгужин Р. Р., Аюпов Т. М., Рыскильдин А. Х., Шигабдинов Р. Н. Башкирская диаспора в республиках Средней Азии и Казахстане.// История башкирского народа: в 7 т./ гл. ред. М. М. Кульшарипов; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. — Уфа: Гилем, 2012. — Т. VII. — С. 370. — 424 с.
2. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. - Алматы: Гылым, 1995. – 296 с.
3. История Казахстана в русских источниках в XVI-XX вв. Том 3. Журналы и служебные записки дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731-1759 гг.). Алматы, Дайк Пресс, 2005, 484 с.
4. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М, «Наука», 1974. - 581 с.
5. Мирхайдарова М.Р. История этнокультурных контактов башкир и казахов в XVIII - I половине XIX вв.: Монография/ М.Р.Мирхайдарова. — Уфа, РИЦ БашГУ, 2011.— 140 с.
6. Мурзагужинов М. Татары в Казахстане// Наш мир. - № 02-06. - 2007.
7. Национальный состав населения Республики Казахстан. Т. 1. Итоги переписи населения 1999 в Республике Казахстан. Статистический сборник / под. ред. А. Смаилова. Алматы, 2000. – 203 с.
8. Тройницкий Н.А. Распределение населения по главнейшим сословиям, вероисповеданиям, родному языку и по некоторым занятиям: краткие общие сведения по Империи. - Санкт-Петербург, паровая типо-лит. Н. Л. Ныркина, 1905. - 43 с.
9. Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам. Комитет по статистике МНЭ РК. Электронный источник:

http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/publicationsPage?_afrLoop=4191456315718605#%40%3F_afrLoop%3D4191456315718605%26_adf.ctrl-state%3D11pk7xmsoh_17 Дата обращения: 24.02.2018

10. Шаймердинова Н.Ғ. Татарская диаспора Казахстана: социокультурные аспекты: Материалы международной научно-практической конференции "Литература и худ.культура тюркских народов в контексте Восток-Запад" - Казань,КФУ, 2015. - С.590-601.

11. Шаймердинова Н.Ғ., Тажибаева С.Ж. Тюркские языки Казахстана: современное состояние // «Язык и ғлобализация»: Сборник статей XVI международной научно-теоретической конференция. - Алматы, КазНУ, 2013. - С. 58 - 61.

© Шаймердинова Н.Ғ., Калдыбаев М., Абдрасимова А., 2018

Әлибаев З.А.,
ф.ф.к., БДПУ доценты,
Өфө к., Башҡортостан Республикаһы

БАШҠОРТ ШИҒРИӘТЕНЕҢ МОҢО

Башҡортостандың халыҡ шағиры, С. Юлаев һәм Рәсәйҙең М. Ғорький исемендәге премия лауреаты, Бөйөк Ватан һуғышы ветераны Назар Нәжмиҙең ижади мираҫы бай, күп төрлө һәм үҙенсәлекле. Шағир 1950 йылда "Тамсылар" тиҙгән бәләкәй ғенә шиғри йыйынтығынан башлап, үҙе тере саҡта донъя күргән "Аҡ шишмә" тиҙгән һуңғы китаптарының арауығында өс тиҫтәнән артыҡ. Автор һүҙ сәнғәтенең күп төрҙәрендә эшләп, поэзия һәм драматургияла милли әҙәбиәттең юғары баҫҡыстарына күтәрелде. Н. Нәжми ижады хаҡында К. Әхмәтйәновтың "Н. Нәжми һүҙ оҫтаһы", Ә. Хәбировтың "Билдәлелек һәм өлгөргәнлеккә юл" моноғрафиялары, шулай уҡ Ғ. Хөсәйенов, М. Кәрим, М. Максимов, В. Баранов, М. Кәрим, И. Певшиндың бай йөкмәткеле әҙәби-тәнҡит мәҡәләләре бар. Шағирҙың 100 йыллығын ҡаршыларға әҙерләнгәндә уның ижади мираҫын яңы күҙлектән баһалау зарур. Шуға ла был яҙмала Н. Нәжмиҙең бер-нисә поэмаһына туҡталып, ижадының бер яғын булһа ла күҙаллау, ине маҡсат. Уның "Ҡапҡалар", "Шағир һәм шах", "Күлдәк", "Иблес", "Ағым", "Бер туғандар", "Ғүмерлек йыр", "Урал" поэмалары киң билдәле.

Назар Нәжмиҙең "Иблес" лиро-эпик поэмаһы ижадының аҫыл өлгөләрен тәшкил итә. Әҫәрҙе автор өс йыл ижад итә. Киң эпик ҡоласлы поэма композиҙион яҡтан уйланылған, үҙенсәлекле динамик ваҡиғаларҙы үҙ эсенә ала. Барлыҡ сюжет һыҙыҡтары ла бер төйөнгә килеп төйнәлә.

Башҡорт һүҙ сәнғәтендә был образ яңы түгел, Назар Нәжмигә тиклем дә байтаҡ шағирҙар мөрәжәғәт иткәйнеләр. Ләкин Шәйехзада Бабичтың "Ғазазил" поэмаһы менән уртаҡлыҡтары байтаҡ. XX быуат башында ижад ителгән поэманың ниҙеҙендә мифик сюжеттар өҫтөнлөк итә. Шағир романтик стилдә ваҡиғаларҙы бәйнә-бәйнә генә һөйләп сыҡмай, лирик геройҙың тәрән кисерештәрен хис-тойғолар аша тулайым һүрәтләй. Назар Нәжми поэмаһының инешендә эпик киңлек күҙ алдына баҫа, "Ғазазил" да ғаләм, күк йыһандары кәүҙәләндерә. Ике автор ҙа уҡыусының аңын тәрәнерәк һәм киңерәк даирәгә әйҙәй.

Ожмахта йәшәгән Ғазазил тәңре алдында баш эймәгәс, ерҙә шайтандарға баш итеп ебәрелә. Ш. Бабич поэмаһы шулай башлана. Ә Назар Нәжми бөтөнләй ҡапма-ҡаршы тарафтан башлай. Хажға барыусылар ҡорбан сала торған Минә тауында Әхмәт менән Иблес бәхәсе уҡыусының уйҙарын ялмап ала. Ике поэмала ла ваҡыт арауығы сикләнмәгән, хронотоп ярайһы киңлеккә йәйелдерелеп, эпик фекерләүгә еткерелә.

Иртәгәләр бөгөн тыуа икән,
Шул иртәгәм бармы бөгөндә? –

тип лирик герой инештә үк был һорауҙы ҡабатлай. Ваҡыт менән бәхәс күп ижадсыларҙың әҫәрҙәрендә осрай. Ә Назар Нәжми шиғриәтендә ул үлсәм берәмеге түгел, сиктәрен күпкә киңәйтә. Эске азатлыҡ, тойғолар юғарылығы ваҡыттарҙан ашып китә.

Мин дә шулай ғүмер буйына,
Яна-яна, төҙөп ҡуйҙым кеүек
Шиғырҙарҙан торған бер бина.
Ул бинамды һаман төҙөйөм мин
Иртәгә һәм бөгөн өсөн дә, –

тип ҡараштарын нығытып ҡуя әҫәрҙең инешендә.

Тәү ҡарашҡа поэманың лирик ғеройы ваҡиғаларҙы күҙәтеүсе һымаҡ ҡына. Сюжет һыҙыҡтары ла төрлө ғеоғрафик яҫылыҡта морон төртә: Сәүд Ғәрәбстанында һәм Башҡортостандың Зөйә буйҙары. Уларҙы бәйләүсе образ – Әхмәт. Ваҡиғалар ике ваҡыт арауығын берләштерә: эпик ҡоласлы хәҙерге заман менән хәтирәләр ебен үреп алып бара автор. Ябай иҫләүҙәр түгел, ә драматик

вақиғалар айырым шәхес яҙмышын ғына түгел, ә йәмғиәт күренеше буларақ та сағылыш таба. XX быуат башында илдә түңкәрелеш булғас, ауыл муллаһы Әхмәт ҙур ғаиләһе менән тыуған ерен ташлап китергә мәжбүр. Ауыр һәм ҡатмарлы сәфәр ғаиләһенең күптәрен ҡорбан итә.

Улар етәү ине – ете йөрәк
Ә һигеҙенсеһе – ҡарында.
Юл буйында дүрт гүр – ҡәбер ҡалды.

Бишенсе ҡәбер – ҡыҙ бала үлгәндә Бибикамалды тулғаҡ тота башлай. "Ниңә тыуа икән был бала?!" – тиеп яҡты донъяға ҡаршы алалар сабыйҙы. Тап ошо мәл Иблес пәйҙә була. Рухани Әхмәт үҙ күҙҙәренә үҙе ышанмай. Кеше менән Иблес осрашыу мотивы Ш. Бабичта ла ентекле һүрәтләнә. "Ғазазил" поэмаһында Иблес бар халыҡты алдап, дөрөҫ юлдан яҙҙыра.

Н. Нәжми поэмаға дини мотивты ҡулланып кына ҡалмай, уйҙар сылбырын тағатып, фекер киңлеғенә һәм тәрәнлеғенә өлгәшә. Иблес һүҙҙәренә ғәнә иғтибар итәйек:

Әкиәт мин. Кеше, көсһөҙлөгөн
Аҡлар өсөн мине тыуҙырҙы.

Әхмәт менән Иблес диалогы ябай бәхәс түгел, ә характер һыҙаттарын асыусы ысул да. Автор уларҙы эволюция ла сағылдыра. Төп ғерой ғәмәлдәрен яҡларға тырышһа ла, хәҡиҡәт алдында баҙап ҡала. Ҡыҙыҡ, үҙен ғүмер буйы хаҡ, аллаһ юлында тип уйлаған Әхмәткә Иблес күҙен аса. Уларҙың диалогы динамикала бирелгән.

Түгел... Ә мин һиндә тыуған! Һиндә
Ҡайҙа барма һинең артыңдан
Ҡалмайым мин. Кем һуң үҙ рухынан
Ҡаса алған борон-борондан? (Иблес)

Һин гонаһлы иткән урындан
Һинән ҡастым. (Әхмәт).

Юҡ! Һин үҙ-үҙеңде
Ҡыуҙың бары тыуған ереңдән.
Һин – беренсе ҡурҡаҡ. Сыға алмай
Ҡабығыңдан – йоҡа тиреңдән... (Иблес)

Поэмала кеше трагедияһы вақиғалар, заман менән мансылып бирелгән.

Азатлыҡ һәм ҡорбан. Был ике ярҙың ҡайһы яғында тирбәлә кеше. Мәңгелек көрәштең осо-ҡырыйы бармы? Әлбиттә, автор был мәсьәләгә тәрәнерәк баға, рухи ҡиммәттәрҙең даирәһен дә байҡай. "Иблес" поэмаһының ҡиммәте лә шунда. Н. Нәжми ислам дине ҡанундарын яҡшы белеп, тойоп поэтик һүҙ сәнғәтенә үрә. Шуға ла әҫәр еңел уҡыла, уйландыра. Вақиғалар тулайым картина булып күҙ алдына баҫа ла, сәхнә әҫәрендәй кешеғә тәьҫир итә. Авторҙың "Яҙғы йыр", "Хуш, Хәйрүш!", "Сақырылмаған ҡунаҡ", "Ғармунсы дуҫ", "Күршеләргә ҡунаҡ килгән" кеүек драма әҫәрҙәре вақытында башҡорт сәхнәһенең күрке булыуы – был жанр нескәлектәрен яҡшы белеүе хаҡында һөйләй.

"Иблес" поэмаһы композиция яҡтан теүәл һәм йыйнаҡ. Ике ҙур бүлек айырым бүлексәләрҙән тора. Тәүге бүлектә күберәк тарихҡа экскурс яһап, вақиғаларҙы күңел аша терегеҙһәк, икенсе ҙур бүлек 15 бүлексәнән тора. Шағир унда проблеманы икенсе яҫылыҡҡа күсерә. Сәфәрҙә тыуған сабый Мәхмүт буй еткерә. Уның булмышына туған моң килеп һарыла. Әсәһе Бибикамалдың һағышлы моңо:

Әсә йырлай... Мәхмүт йөрәгенә
Ағыла йыр әллә ҡайҙарҙан.
Алыҫтарҙан сыңлап килә төҫлө
Ата-баба тыуған ярҙарҙан.

Мәхмүт оҫта тимерсе булып танылыуына Әхмәт ғорурлана, тик:

Тик улының йырын тыңлап, Әхмәт,
Тертләп ҡуйҙы: "Был ни ғәләмәт?!"

Тап ошо юҫыҡтағы бәхәс үҫкәндән-үҫә, трагедияға барып етә. Әхмәттең:

Ул бит беҙҙең йорт теле генә,
Бар һөйләшеп ҡара, аралаш...
Бында һиңә бер тел – бөйөк тел бар, –

тиғән һүҙҙәренең ниғеҙе ҡатлаулы һәм ҡатмарлы. Ә Мәхмүттең: "Тел үҙе лә иман", – тиеп өндәшә икән, нисек дөрөҫ әйтелгәнлеғенә инанаһың! Бөгөн дә бит тыуған телебеҙгә һәр яҡлап хафалар янағанда халыҡ шағирының поэтик һүҙҙәре бик актуаль яңғырай. Әсәһе Бибикамалдың:

Ер менән йыр – бер үк ҡарындан
Ә, етмәһә, йырҙы шағир яҙған.

Мәхмүт төштәренә керҙән, ә ғүмерҙә бер тапҡыр күрмәҙән ата-бабалар төйәгә тарта. Ә атаһының:

Һин бит үҙ-үҙеңде
Ожмахыңдан ҡыуған ғазазил!..

Ҡайҙан хасил һиндә бындай уйҙар?, - тип ярһып, һуңғы нөктәне ҡуя.

Әхмәт улы Мәхмүтте Иблес тиеп, сәнсеп үлтерә.

Ялтырап китте бысаҡ... Ауҙы Мәхмүт...
Һүнде хыял – һүнде ҡайтыр юл.
Һуңғы һулыш ҡына әйтә алды:
"Миндә түгел... Иблес... Һиндә ул... "

Поэмалағы ваҡиғалар тағы ла икенсе яҫылыҡҡа күсә. Шағир полифоник сюжет менән оҫта эш итә.

Яуызлыҡтың ғәме – яҡшылыҡты
Ҡол итергә бары мәңгегә.

Тик бынан ҡотолоу юлдары һәм саралары бармы? Юҡ, тип кенә нөктә ҡуйһа, шағир шағир булмаҫ ине. Таба ул, барлыҡ сылбырҙарҙы емереп, күккә күтәреп сөйә. Нур булып күктән төшкән ҡыҙ телгә килә:

Мин – Мөхәббәт! Ошо ерҙең күрке,
Ошо ереҙең көсө, йән – һыны.

Илаһи образ тыуған еребеҙгә бәрәкәт һәм тыныслыҡ, һөйөү һәм мәңгелекте илтә. Халыҡ яҙыусыһы Ә. Хәкимов прозаһында ла бындай образ колоритлы урынды алғайны.

Н. Нәжмиҙең "Иблес" поэмаһында эпик киңлек ҙур урынды биләй. Ғеройҙар Башҡортстанда, Кавказда, Ғәрәп илдәрендә хәрәкәт итә. Күп төрлө сюжет һыҙыҡтары бер идеяны тулыландыра, тәрәнәйтә бара. Ғуниб тауҙарында Шамилды әсир итеп итеп, Калуғаға оҙатылыу картинаһы ла идеяны көсәйтә.

Кешенең рухи азатлығын Иблес кенә еңә аламай. Ул азатлыҡ эскән һыу, һулаған һауа, тыуған ер йылыһы һәм моң менән кешеҙә һеңә. Кешене шәхес кимәленә күтәрә, иңдәренә яуаплылыҡ та һала. Поэманың ниҙеҙендә ошондай фекерҙәр төрлө яҫылыҡтан сығып, бик үҙенсәлекле итеп ҡорола.

1976 йылда ижад ителгән "Урал" поэмаһы темаһы менән тәүгеһенә яҡын. Тыуған ер, Ватан төшөнсәләре беҙҙең халыҡта изгеләрҙән изге һанала. Әҫәрҙең сюжет һыҙығы ла ошо хәҡиҡәтте матур алымдар, хәтерҙә ҡалырҙай поэтик образдар аша оса. Лирик ғерой ҡурайсы, өзләүсе Ишмөхәмәт улы Ишбулла менән осраша. Маҡтарға һаран лирик ғерой һоҡланыуын йәшерә алмай:

Уйнай икән-тимәк, үҙәк өҙгөс,
Йырлай икән – дала киңлеге.
Бейей икән – ут сәсрәтеп тора –
Башҡорт шундай тигән шикелле.
Берсә уйнап, йырлап, берсә бейеп,
Ишмөхәмәт улы Ишбулла.

Тымыҡ океан ярында отелдә Ишбулла янына ят кеше килә. Шағир яратып ҡулланған диалоғтар аша икәүҙең әңгәмәһен бирә. Ул – ҡыҙыҡлы, мауыҡтырғыс һәм бәхәсле. Автор төрлө яҡ ҡараштарын түкмәй-сәсмәй һүрәтләй.

Башҡортлоҡ – ул милләт кенә түгел,
Ҡурай кеүек ябай, ҡатмарлы.
Ерҙә әле рух бар – халыҡ рухы
Ҡабул итмәй ул рух юҡ-барҙы.
Халыҡ рухы – халыҡ ҡанынан ул,
Ул бөйөк һәм изге төшөнсә, –

ти Ишбулла. Ят ҡунаҡ та башҡорт булып сыға. Улай ғына түгел, ә Ишбулланың яҡташы, бөйөк Ватан һуғышында әсир төшөп, сит илдә ҡалған кеше. Ят кешеҙә ғерой "Урал" йырын йырлап, һуғышта ятып ҡалған атаһын хәтерләп, күҙе йәшләнә. Моң әсир иткән ике кешенең ике төрлө яҙмышы. Берәүһе ошо моң менән Ер шарын урап бәхет тапһа, икенсеһе уны ишетер өсөн зар-интизар килеп йәшәй. Ике яҙмыштың ҡапма-ҡаршылыҡлы һыҙаттары поэманың ниҙеҙен тәшкил итә. Ишбулланың прототибы – мәшһүр ҡурайсы Ишмулла Дилмөхәмәтов.

Н. Нәжми шиғриәте моңло һәм бай. Уның поэмаларында ла көйҙә, йырҙа ҙур урын бирелә. "Ғүмерлек йыр" поэмаһының геройы ла тарихи шәхес – Советтар Союзы Геройы Зоя

Космодемьянская. Лирик ғерой батырҙың тыуған ере Петрищевоға килә. Замандашының тулы образы, үткәндәге вақиғалар – барыһы ла күҙ алдына баҫа. Авторҙың:

Ә ниңәлер һөрән һалыуҙар бар
Тиң булам тип көнгә-заманға, –

тигән юлдар бөгөн дә актуаль яңғырай. Авторҙың:

Ләкин ерҙә яқты яқты эҙеңқалһын,
"Кеше ул!" – тип әйтә алырлық.
Еңел түгел кеше булыуҙары
Кеше булыу ҙа ҙур батырлық, –

юлдары уйҙарға һала. Зояның әсәһенә, батырлыққа дан йырлай алмай оҙақ ғазап сиғә лирик ғерой, ләкин ғүмерлек йыр барыбер тыуа. Ғазаптарҙы еңеп, ерғә һәм моңға дан йырлап.

Назар Нәжмиҙең "Ағым" поэмаһы композиционон яқтан традиционон жанр талаптарына яуап бирә. Ләкин сюжет ептәре бер-нисә яҫылыҡта: тәүгәһе – лирик герой хәрәкәтенә бәйле; икенсәһе – ағымдай урғылған хис-тойғоларҙың үҫеше. Әҫәрҙә бик күп хикәйәләр поэтик образ кимәленә күтәрелә. Ул һүҙҙәр менән уйнамай, ә эпик фекер киңлеге динамикаға ниғеҙләнә, ғаләмдәрҙе урап сыға. Иҙел башынан, Уралдан, Заһир Исмәғилев менән Зөлфәр Хисмәтуллиндан башланған сәфәр сыға Йомағол. Ябай ғына сәйәхәт түгел, ә ғүмерлек, файҙалы һәм бик кәрәк. Поэмала тәбиғәт йәнле Ноғман Мусин, Шәйехзада Бабич, шәриф Биккол шәхестәре лә телгә алына.

Лирик геройҙың:
Ә мин иһә бөгөн шиғриәттең
Ҡотобонда, гүйә, торамын,
Уй-хистәрем, йәшем-тәнем менән
Шул тарафтар булып уҙамын, –

тик кенә ҡалмай, ә төп ғерой Йомағолдоң тормошон, характер һыҙатын тулайым асып бирә. Поэманың сюжеты шулай: һал ағыҙыусы йәш еғет Йомағол Иҙел башынан өйлөк бүрәнәнән һал һаллап, түбәнгә аға.

Ағып килгән сақта тын ғына,
Яр ситендә бер ҡыҙ йырлай ине
(йырлай-йырлай ул кер сайҡай ине),
Тауышында сихри моң ғына.

Бер күреүҙән ғашиҡ булған Йомағол менән Шәмсиҡәмәр мәңгеғә ҡауыша. Уларҙың яҡмышын ил яҙмышы менән үлсәргә мөмкин. Ярты быуат йәшәп, алтын туйҙарын үткәргән .... Ике ул һәм өс ҡыҙға ғүмер бирғәндәр. Йомағол бөйөк Ватан һуғышы юлдарын үтеп, тере ҡайтҡан яуғир. Днепрҙы кискәндә лә һал һаллап, күпме ватандаштарын ҡотҡара. Үткән ғүмер юлын хәтирәләргә һалып, алтын туй мәжлесендә иҫләп, барлыҡ туғандар ҙа Йомағол ғаиләһенә рәхмәт уҡыйҙар. Милләт-ара татыулыҡ, башҡа кешеләргә хөрмәт менән бағыу – ул ғаиләнең йәшәү рәүеше булған. Лирик ғерой Йомағол кеүек төҙөүселәргә дан йырлай һәм үҙе хаҡында:

Бөтәбеҙ ҙә төҙөүсе беҙ... Мин дә,
Һеҙгә яҡташ ауыл малайы.
Ғүмер буйы төҙөйөм һәм һалам
Кешеләргә күңел һарайы.

Автор милли характерҙы дөрөҫ тасуирлай:

Күҙ алдына һин килтереп ҡара
Болон һәм йәйләүһеҙ башҡортто.

"Ағым" поэмаһында фәлсәфәүи ниғеҙҙәге хәрәкәт бар тарафты биләп, кеше уйҙарының да үҫешен күҙ алдына баҫтыра. Шағир һәр ҡатламдағы ағымды күҙаллап, йыйнаҡ һәм бай фекерле әҫәр ижад иткән.

Н. Нәжмиҙең "Бер туғандар" поэмаһы ла 1983 йылда яҙылған. Был йылдарҙы ижади тормошонда иң илһамлы һәм бай осор, тип билдәләргә мөмкин. Автор эпиграфта уҡ бер туған ағайҙары Ғәҙелкарам менән Ғиләжетдинде иҫкә алып китә. Поэманың ниғеҙендә автобиография ята, тиһәң дә хата булмаҫ. Йыйнаҡ, бар яҡтан уйланылған лирик поэма. "Беҙ өс туған – беҙ өс таған инек", – тиғән юлдар әҫәрҙең лейтмотивына әйләнә. Атайҙары йәшләй үлеп киткәс, ағайҙар иңдәренә барлыҡ яуаплылыҡты ала, әсәләре лә бөгөлөп төшмәй.

Булғанбыҙ беҙ әсәй өсөн Иман,
Өмөт, Һөйөү тигән өс таған.

XX быуат афәте был өс еғетте лә аямай, улар ил һағына баҫа. Ҡанлы һәм данлы һуғыш юлында ҡорбан ҙур була. Ржев янында Ғиләж һәләк була, Курск дуғаһы пулеметчик Карамды ҡулһыҙ итә. “Батырлыҡ өсөн” миҙалына лайыҡ була оло ағаһы.

Һуғышта ла һеҙгә ҡарағанда
Бәхетлерәк булдым, ағайҙар, –

тип өндәшә икән лирик ғерой, әсәһенең күҙ йәштәре фажиғәләрҙән аралағандыр. Ләкин ул барыһы өсөн дә яуаплылыҡты үҙ өҫтөнә ала:

Һеҙҙең ғүмер оҙайырмы-юҡмы,
Күскәс минең шиғри юлдарға.

Шуға ла йәш ыраһа ла: “шиғыр йортон мин дә бурайым да” – тип ҡул ҡаушырып ултырмай.

Н. Нәжмиҙең “Бер туғандар” поэмаһы лирик ғеройҙың драматик кисерештәрен, хис-тойғоларының көслө амплитудаһын сағылдырып, заман хаҡында фекер тыуҙыра.

Шағирҙың “Дуҫ тураһында ун бер йыр” поэмаһы 1960 йылдар аҙағында ижад ителгән. Композиҙион йәһәттән структураһы исеменә үк сығарылып, һәр йырҙың үҙ атамаһы ла бар. Поэманың инеше “Шишмәләр” тиеп аталып, төп ғерой – шишмә телен белгән Ғилуан менән таныштыра. Артабан һәр бүлек Ғилуандың тормошоноң иң үҙенсәлекле мәлдәрен сағылдыра. Ғилуан тәүҙә мари ҡыҙы Сәликәгә өйләнергә йөрөгәндә һуғыш сығып, ул яуға китә. Һуғыш уны ҡулһыҙ һәм һөйгән йәрһеҙ ҡалдыра. Йәш еғет Мәликәгә өйләнеп, ғөрләтеп донъя көтәләр, ун балаға ғүмер бирәләр. 9 улға һәм 1 ҡыҙға ғүмер биргән Ғилуандың ҡулы берәү ғенәме? Лирик ғерой һоҡланып, мөхәббәткә дан йырлай. “Йырҙарымдың әле һуңы юҡ…” тиғән өлөш эпиграф кеүек бирелгән. Ул йырынан матур ғаиләгә һәйкәл ҡоя.

Башҡортостандың халыҡ шағиры Назар Нәжмиҙең ижадында төрлө жанрҙар бихисап. Шиғриәттең юғарылығын белдергән поэмаға шағир әҙерлекле, ныҡлы уйланып, тормош тәжрибәһе туплағас тотона. Шуға ла лиро-эпик төр уның ижадында өр-яңынан асыла, балҡый. Улай ғына түгел, ә башҡорт шиғриәтенең көслө бер тулҡыны, ҡабатланмаҫ моңо булып яңғырай Назар Нәжми шиғриәте.

©Әлибаев З.А., 2018

Әхмәтйәнова Н. Ә.,
ф.ф.к., БДУ доценты,
Ишмуллина Л. Р.,
БДУ-ның 1 курс магистранты,
Өфө ҡ., Башҡортостан Республикаһы

БӨЙӨҠ ВАТАН ҺУҒЫШЫ ОСОРОНДА ХАТ ЖАНРЫНЫҢ ЯҢЫ ҺЫҘАТТАРЫ

Һуғыш йылдарында хат жанрының шәхси характерҙан публиҙистик һыҙаттарға эйә була барыуын 112-се Башҡорт кавалерия дивизияһының «Ҡыҙыл атлылар» ғәзитен төплө анализлау аша күрә алабыҙ. Кавалеристар баҫмаһы биттәрендә хат формаһында баҫылып сыҡҡан материалдар берәүгә ғенә түгел, ә миллионлаған кеше өсөн мөһим булған күренештәрҙе һүрәтләгән.Хаттар дошманға нәфрәт, яу яланында Тыуған илен илбаҫарҙарҙан азат иткәндә һәләк булғандар өсөн үс алыу тойғолары менән һуғарылған.

112-се башҡорт кавалерия дивизияһының «Ҡыҙыл атлылар» ғәзитендә был эпистоляр жанр бик йыш ҡулланыла. Сөнки Башҡортостан Хөкүмәтенең дә, боеңтарҙың да, тыл хеҙмәтсәндәренең дә яҡташтарына мөрәжәғәте хаттар аша еткерелгән [7,243]. Һалдаттарҙың Тыуған илдәрендәге, фронттағы туғандарына, ғаиләһенә яҙған хаттары; дошман ҡулында калған совет хеҙмәтсәндәренең партизандар аша Совет яуғирҙәренә еткергән наказдары ғәзиттең һәр бер һанында тиерлек донъя күргән.Материалдарҙың шәхси формала бирелеүе яуғирҙәргә бик көслө тәьҫир яһаған.

Тәү сиратта хөкүмәттән килгән хаттарҙы ҡарап үтәйек. Уларҙың барыһы ла дошмандарға ҡаршы ағитаҙияға ҡоролған. Мәҫәлән, 1942-се йылдың 7 июнендә ғәзит биттәрендә сыҡҡан «Республика беҙҙе бөйөк подвиғтарға саҡыра» исемле хат менән һалдаттарға ВКП(б)ның Башҡортостан Өлкә Комитеты, БАССР Верховный Советының Президиумы, БАССР Халыҡ Комиссарҙары Советы мөрәжәғәт итә. Унда улар былай тип өндәшәләр: «...Ҡәҙерле дуҫтар, башҡорт ғәскәри соединениеһенең боеңтары! Һәр ваҡыт һәм бөтөн эштә Ҡыҙыл Армия воины званиеһенә достоин булығыҙ, - немең юлбаҫарҙарын тын алырға ла ирек бирмәй ҡыуығыҙ, ҡаршылыҡ күрһәтеүселәрҙе, которған эттәрҙе үлтергән кеүек үлтереғеҙ, тыуған ерҙең фашистар тарафынан ваҡытлы рәүештә баҫып алынған райондарын азат итеғеҙ...» («Ҡыҙыл атлылар». № 36). Хөкүмәт тарафынан баҫтырылған хаттар боеңтар араһында бик тиҙ таралған. Был турала гәзиттең киләһе

һандары иҫбатлай. 10 июнь донъя күргән «Халыҡ ышанысын аҡлау өсөн» мәҡәләһендә властең сәләм хаттары бөтөн частәрҙә һәм подразделениеләрҙә өйрәнелеүе һәм боецтарҙа, командирҙарҙа, политработниктарҙа ҙур рух күтәренкелеге уятыуы яҙылып үтә. «Был хатты уҡығас һәр кем тыуған илдең, халҡыбыҙҙың йылы хәстәрлегән, тылда беҙҙең хаҡта бер ғенә минутҡа ла онотмауҙарын, киреһенсә беҙгә, фронтҡа нәмә кәрәк, барыһын да биреп тороуҙарын, беҙҙең семьяларыбыҙ, балаларыбыҙ ышаныслы ҡулдарҙа икәнен, – тағы ла ныығыраҡ һиҙҙе» («Ҡыҙыл атлылар», № 37,). Шулай уҡ 39-сы баҫмалағы «Яуап хаты» исемле материалда совет һалдаттары Башҡортостан хөкүмәтенең мөрәжәғәтенә ҡыуаныслы яуап хаты яҙалар: «Иптәш Сталиндың 1 май приказы беҙҙе яңы еңеүҙәргә рухландыра. Беҙ Башҡортостан халҡының наказын үтәрбеҙ, немең-фашистарҙы тар-мар итеп, тыуған ил ышанысын аҡларбыҙ(«Ҡыҙыл атлылар». № 39, 14 июнь).

Һалдаттарҙың тыуғандарына ебәргән хаттарына туҡталһаҡ, боеңтар өйҙәгеләренә һуғыш мәлдәре, үҙҙәренең уныштары һәм дошмандарҙы нисек итеп тар-мар итеүҙәре тураһында яҙғандар. Бына, мәҫәлән, 34-се һанда илде һаҡлаусыларҙың «Ҡыҙыл Башҡортостан» ғазетаһы аша ауылдаштарына яҙған хаттарынан ҡайһы бер өҙөктәр бирелә: «Беҙҙең боеңтар халҡыбыҙ яһап биргән ҡеүәтле ҡорал –орудиенең барлыҡ материаль частәрен яҡшы үҙләштереү белән ғенә ҡалманылар, бәлки мәрҙән итеп, дошмандың көлөн күккә осорорлоҡ уҫал атырға ла өйрәнделәр. Беҙҙең расчет боевой бурысты тиҙ һәм аныҡ үтәй, ныҡлы ойошҡанлыҡ белән эшләй» («Ҡыҙыл атлылар». № 34, 2 июнь).1942 –се йылдың 7 июнендә сыҡҡан һанда ла ҡыҙылармееңтар һәм шул ваҡытта колхоздың члендары Харрас Мөрсәлимов, Абдулла Сәйфуллин, Ниғмәтьян Суфиянов һәм Солтанғәли Мөдәрисов үҙ колхоздарына хат ебәреүҙәре тураһында әйтелә. Хаттарҙа улар пулеметты отлично белеүҙәрен һәм дошманды ҡыйратырға әҙер тороуҙарын яҙып үткәндәр.

Тыл хаттарына килгәндә инде боеңтар менән ауылдаштарҙың аралашыуы тап ғәзит ярҙамында барған тип әйтергә мөмкин. Был осраҡта баҫма кәңәшсе, ҡеүәтләүсе, ике ярҙа барған ваҡиғалар менән таныштырыусы ролен үтәп килән. Быны «Ҡыҙыл атлылар»ҙың 1942-се йылғы бер нисә һаны иҫтбатлай. 12 июнь сыҡҡан ғазетала «Тылдан хат» исемле мәҡәләлә Горький крайы Шарьнийский районы колхозниктарынан һәм колхозниңаларынан боеңтарға килгән хаттан өҙөк бирелгән. Бында тылдағыларҙың Сталиндың беренсе май приказына ең һыҙғанып тотоноуҙары тураһында һүҙ бара. «Колхозниктар, биғерәк тә колхозниңалар баҫыуҙа ғүзәл эш өлгөләре күрһәтәләр. Фронтҡа китеүсе ирҙәрҙе алыштырыусы ҡатын-ҡыҙҙар һөрөүҙә, сәсеүҙә эш нормаларын 203-250 проңентҡа еткереп үтәйҙәр...Уларҙан колхозниңа Анна Соловьева, фронтовик ирен алыштырыусы бриғадир Заплетина, бриғадир ҡыҙ Зайңева иптәштәрҙе, Шатрова иптәштең ҡатын-ҡыҙҙарҙан торған трактор бриғадаһын, трактористка Косарева, Онкина, Самосудова, Шевелева иптәштәрҙе күрһәтеп була...» («Ҡыҙыл атлылар». № 38). Киләһе юлда колхозсылар һалдаттарға фашистар менән көрәштә еңеп ҡайтыу маҡсатың ҡуялар: «Иптәштәр, немең оккупанттарын һис йәлләмәйенсә ҡыйратығыҙ, һеҙҙең артығыҙҙа ныҡлы тыл торғанлығын хәтереғеҙҙән сығармағыҙ, беҙ һеҙгә һәр ваҡыт барлыҡ көсөбеҙ белән ярҙам итербеҙ...». 34–се һанда инде киреһенсә боеңтар тылдағыларға үҙ өмөттәрен бағлап яҙалар: «Беҙҙең туған колхоздарыбыҙҙа эшләүсе ата-әсәләребеҙ, туған-ҡәрендәштәребеҙ, барлыҡ ауылдаштарыбыҙ, һеҙ ҙә колхоз баҫыуҙарында ваҡыт белән һис иҫәпләшмәй ең һыҙғанып эшләп, һөйөклө ватаныбыҙҙы яуыз дошмандан тамам таҙартыу юлында киләсәктә лә тырышырһығыҙ тип ышанабыҙ» («Ҡыҙыл атлылар». № 34, 2 июнь).

Хаттарҙа тылдағылар һалдаттарға бер ҙә насар хәбәр еткереррә тырышмағандар. Ниндәй ғенә хәл тураһында һөйләһәләр ҙә, ғел яҡшы яҡҡа тартыр булғандар [3,120]. Ҡыйынлыҡтар, арыу-талыуҙар, аслыҡ тураһында һөйләмдәр бик һирәк осрар булған. Хаттары ғел позитив нотала тамамланған. 78-се һандағы «Төрлөһөнән» мәҡәләһендә ҡыҙылармеең И.Әхметов лейтенант Шакирйәнов иптәш 72 йәшлек бабайҙан хат алыуы тураһында яҙа. Олатай мәктәп уҡыусыһынан былай яҙҙырған: «Орден алыуың менән ҡотлайым. Мин боевой улым менән ғорурланам. Ағайыңдан бер йылдан бирле хәбәр юҡ. Бәлки ул үлгәндер. Уның өсөн дә дошмандан үс ал. Еңеү менән ҡайтыуыңды көтәм» («Ҡыҙыл атлылар». № 78, 23 сентябрь).

«Ҡыҙыл атлылар» ғәзитенең 80-се һандағы «Баймаҡтан хат» мәҡәләһендә йәнә яҡшы хәбәрҙәр тупланған бер өҙөктө ҡарап үтәйек: «Ҡәҙерле атайым! Һиңә һәм һинең менән хеҙмәт итеүсе бөтә боеңтарға беҙҙән күп сәләм ебәреп боевой эшеғеҙҙә уңыш теләп ҡалабыҙ! Беҙҙең хәлгә килгәндә беҙ яҡшы йәшәйбеҙ. Быйыл иген, бесән уңды. Бесән сабыу планын тулыһынса үтәнек, хәҙер бик ҡыҙыу урожай йыйыу эше бара. Беҙҙә бөтә эш ҡуйылған сроктарҙа намыҫ менән үтәлеп тора. Хәҙерге ваҡытта фронт өсөн йылы кейем йыябыҙ. Фронтовик иптәштәрҙең семьяларына хөкүмәт һәр ваҡыт ярҙам итеп тора. Беҙҙең өсөн һис борсолмағыҙ, тик һеҙҙең яуыз дошманды тар-мар итеп ҡайтыуығыҙҙы көтәбеҙ» («Ҡыҙыл атлылар». № 80, 2 октябрь).

Ҡыҙылармееңтар ғазетаһында тылдан хаттарға бағышланған айырым рубрика ла булдырылған. 81 –се һанда ошондай рубрика аҫтында «Әсәнең ялҡынлы теләгe» һәм «Үлтер немеңте, тыуған!» тиҙән ике мәҡәлә баҫылып сыҡҡан. Беренсеһендә военком Ә. ҡыҙылармеең Фазулла Зәйнуллиндең һуғышта батырҙарса көрәшеп үлеүе тураһында уның әсәһенә яҙған хатына яуап хаты бирелгән. «Минең улым Фазулланың үлеүе тураһында һеҙҙең хатығыҙҙы алдым, улымдың үлеме тураһында ишетеү миңә ҙур ҡайғы булһа ла, һеҙҙең миңә хат яҙып минең ҡайғымды уртаҡлашыуығыҙ миңә күп еңеллек бирҙе. Минең улым Фазулланың үлеүе минең дә, барлыҡ колхозниктарҙың да күңелендә ҡоторған эт, Гитлерға ҡарата ҡарата асыу һәм нәфрәт тыуҙырҙы. Беҙ бөтә мөмкинлекте файҙаланып үҙебеҙҙең тыуған Ҡыҙыл Армиябыҙға – һеҙгә дошманды ҡыйратыу өсөн ярҙам итәбеҙ һәм итәсәкбеҙ...» («Ҡыҙыл атлылар». № 81, 4 октябрь). «Үлтер немеңте, тыуған!» исемле материалда сержант Фаттахов тыуғаны Гәлимхандан былай тиҙән хат ала: «Ҡәҙерле туғаным Шакирьян! Мин яраланып ғоспитальдә ятҡандан һуң хәҙер отпускла өйҙә ятам. Мин көнбайыш фронтта булдым. Фриңтәрҙе үлтереүҙәге уңыштарым өсөн миңә фронтта лейтенант званиеһе бирҙеләр. Быға мин бик шатмын...Бына ярам төҙәлеп һауыҡһам мин тағы ла тиҙерәк фронтҡа ебәреүҙәрен һораясаҡмын. Семья тураһында ҡайғырма – урындағы ойошмалар яҡшы ярҙам итәләр. Һиңә таҙалыҡ һәм уңыштар дошманды еңеп ҡайтҡас осрашыуҙы теләйем» («Ҡыҙыл атлылар». № 80, 2 октябрь).

Ҡайһы бер үҙ аллы материалдарҙың йөкмәткеһендә лә хаттарҙан өҙөктәр осрай тип әйтергә кәрәк. Илья Эренбурғтың «Ворошиловградта» исемле мәҡәләһендә ҡыҙылармеең Александр Пономарев ҡәрендәшенән бик аяныс хат алыуы тураһында яҙылған. «Ҡәҙерле тыуғаным Шура, хәйерле көн! Мин хәҙер Горький ҡалаһындамын. Ә бында бына нисек килеп сыҡтым. Немеңтәр ҡаланы алғас та квартираларға таралдылар. Беҙгә бер ҙур немең инде. Ул фотокарточкаларҙы күрҙе лә, һорай: «Был кем?». Әсәй әйтә «Был минең улым». «Ә нәҙер ҡайҙа ул?». «Фронтта». Ул был карточканы алды ла, һорай: «Ҡайҙа хеҙмәт итә? Ул партизанщик. Переводчик бир». Ул сығып йөгөрҙө лә шунда уҡ кире килде. Переводчик уға барын да уҡып бирҙе һәм һинең атайым менән төшкән карточканды үҙенә алып китте, унан йөгөрөп килде лә: «Эй, матка, киттек» ти. Әсәй «Ҡайҙа?» тип һораны. «Ҡайҙа икәнен беләбеҙ, партизан улың өсөн йәнең менән түлә» («Ҡыҙыл атлылар». № 75, 12 сентябрь). Киләһе мәҡәлә «Сәләм һиңә, Галина» тип атала. Ул ҡыҙылармеең Хәлил Мансуровтыҡы. Эсендә «Билдәһеҙ боеңҡа» тип аталған хат бирелгән. Һалдаттарға ялҡынлы сәләмен еткереп комсомолка Галина Мустафина яҙа. Боеңтар менән таныш булмаһа ла, еңеүҙәренә һис шикһеҙ ышана икәнен еткерә. «...Һеҙ белеғеҙ, үҙеғеҙҙең ғероик көрәшеғеҙҙә һеҙ яңғыҙ түгелһеғеҙ. Һеҙҙең артта күп миллионлы совет халҡы, һөйөклө туған илебеҙ һәм һөйөклө Сталиныбыҙ тора, һеҙгә дошманды еңергә ярҙам итеүсе тыл боеңтары һәр ваҡыт һеҙҙең турала уйлайҙар. Үлтереғеҙ дошман немеңте! Аталар һәм әсәләр, тыуғандар һәм дуҫтарҙың күҙ йәштәре һәм ҡандары өсөн үс алығыҙ», – ти Галина («Ҡыҙыл атлылар». № 74, 10 сентябрь). Ә бына 37-се номерҙың «Фашистар ҡоллоғонда» материалында фронт линияһы аша сыҡҡан бер кеше боеңтарға немеңтәр тарафынан оккупировать ителгән райондарҙың колхозниктарынан хат алып килеүе һүрәтләнә [5,98]. «Гитлерсылар, - тип яҙғандар колхозниктар, - беҙҙе кеше ишетеп, кеше күрмәгән ғазаплауҙарға һәм хурлыҡтарға дусар итәләр. Фашистар бай, төҙөк һым ныҡлы илебеҙҙе туҙҙырҙылар. Улар беҙҙең аттарҙы, һыйырҙы, ҡошҡорттарҙы тартып алдылар...Беҙҙе мыҫҡыл итеүҙең сиге юҡ. Немеңтәр беҙҙе, колхозниктарҙы өсәрдүртәр кешене бер һабанға еғәләр, ҡорал белән ҡурҡытып ер һөрҙөрәләр. Эшкә һуңға ҡалған йәки норманы үтәмәгән өсөн аталар, аҙалар...Ҡәҙерле иптәштәр, боеңтар һәм командирҙар! Беҙҙең бөтөн ышанысыбыҙ һеҙҙә. Беҙҙе был ғазаптан һәм ҡыйынлыҡтан ҡоткарығыҙ. Беҙҙең күҙ йәштәребеҙ һәм ҡаныбыҙ өсөн палачтарҙан үс алығыҙ. Беҙ һеҙҙе түҙемһеҙлек белән көтәбеҙ» («Ҡыҙыл атлылар». № 37, 10 июнь).Һуғыш йылдарында хәрби ғазета бер- берең менән аралашыу ғына түгел, ә яңылыҡтар менән танышыу, күңел асыу, дәрес туплау, тәжрибә менән уртаҡлашыу, хатта тыуғандарҙы табыу сығанағы ла булған [6,203]. Мөғәллим Латыпов ағаһын эҙләп яҙған хатын баҫтырып сығарыу һорауы менән «Ҡыҙыл атлылар» редакцияһына мөрәжәғәт итә. Баҫманың 39-сы һанында уның «Ағайыма хат» тип аталған мәҡәләһен баҫтыралар. Автор унда былай тип яҙа: «Ағайым Исмәғил Кәбиров, ошо көнгә тиклем мин һинең адресыңды белмәйем. Был хатты алыуың белән хат яҙ. Үҙем иҫән-һаумын, мин батареяла взвод командиры ярҙамсыһы булып хеҙмәт итәм. Эштәр яҡшы бара...үҙеғеҙҙең томош, эш тураһында яҙ, мин көтәм» («Ҡыҙыл атлылар». № 39, 14 июнь). Был күренеш, ысынлап та, «Ҡыҙыл атлылар»ҙың һәм хат жанрының әһәмиәте ҙур булғанлығын иҫбатлай. Боеңтар ғәзиткә ышанғандар, өмөтләнгәндәр, редакциянан ярҙам һораған дар [4,144]. Гөмүмән әйткәндә, уның мөмкинселектәрен дөрөҫ баһалағандар.

Шулай итеп, хат жанры һуғыш йылдарында ҙур мәғәнәгә эйә булған. Һалдаттар «Ҡыҙыл атлылар» ғәзитендә сыҡҡан һәр хатты шәхсән уға атап яҙалар һәм уға шәхсән мөрәжәғәт итәләр, унан ярҙам һорайҙар, тип ҡабул иткән. Был күренеш көрәш яланында яуғирҙарға яҡшы яҡтан йоғонто

яһаған [2,447]. Улар ҡыҙылармееңтарҙа сәм уятҡан, үс-нәфрәттәрен арттырған, рух ныҡлығын көсәйткән һәм, әлбиттә, еңеүҙе яҡынайтҡан.

Әҙәбиәт

1. «Ҡыҙыл атлылар» - Башҡорт кавалерия дивизияһының ғазетаһы, июнь-октябрь, 1942 йыл.
2. Ахметьянова Н.А. Роль ғазеты «Красные конники» в воспитании личности воина в годы войны // Роль личности в историко-культурном пространстве (к 260-летию наңионального героя башкирского народа, поэта-импровизатора Салавата Юлаева). - Уфа, 2014. -С. 442-448.
3. Ишмуллина Л.Р., Ахметьянова Н.А. Тема лошадей в ғазете «Красные конники» // Теоретические и практические проблемы развития современной и гуманитарной науки: Материалы III Международной очно-заочной научно-практической конференңии студентов, маҒистрантов, аспирантов и молодых ученых. 2017. С. 119-123.
4. Ишмуллина Л.Р., Әхмәтйәнова Н.Ә. Башҡорт кавалерия дивизияһының «Ҡыҙыл атлылар» ғазетаһының һалдаттар тормошондағы роле // Актуальные проблемы современной татарской филологии. -Уфа, 2016. С. 143-147.
5. Әхмәтйәнова Н.Ә., Ишмуллина Л.Р. Башҡорт кавалерия дивизияһының «Ҡыҙыл атлылар» ғәзитендә аш –һыу һәм ашнаҡсылар темаһы // Медиапространство Российской Федераңии: ғлобальный и наңиональный аспекты.-Уфа, 2017.- С. 97-99.
6. Әхмәтйәнова Н.Ә. Кирәй Мәрғән очерктарында Башҡорт кавалерия дивизияһы һалдаттары тормошоноң сағылышы // Ватандаш, 2017. -№3. – 198-204 б.
7. Әхмәтйәнова Н.Ә., Әбуталипов А.И. Башҡорт кавалерия дивизияһының данлы тарихында “Ҡыҙыл атлылар” ғәзитенең роле // Актуальные проблемы филолоҒических наук: история и современность: Сборник материалов республиканской межвузовской научно-практической конференңии. –Уфа,2012. - С. 243-250.

© Әхмәтйәнова Н. Ә., Ишмуллина Л. Р., 2018.

Әхмәтйәнова Н.Ә.
ф.ф.к., БДУ доценты,
Өфө ҡ., Башҡортостан Республикаһы

З. БИИШЕВАНЫҢ “УЙҘАР, УЙҘАР…” ПОВЕСЫНДА РУХИ-ӘХЛАҠИ ҺӘМ ХЕҘМӘТ ТӘРБИӘҺЕ ИДЕЯҺЫН АСЫУ

Мәктәптәрҙә балаларға рухи-әхлаҡи тәрбиә биреү–көнүҙәк мәсьәләләрҙең берене булып һанала [3;48]. Уны башҡорт теле һәм әҙәбиәте дәрестәрендә, заманалар һынауын үткән классик әҫәрҙәрҙең идея-эстетик конңепңияһын өйрәнгәндә тормошҡа ашырылыуы бәхәсеҙ.

Йәш быуында донъяға дөрөҫ ҡараш, хеҙмәткә һөйөү тәрбиәләү йәһәтенән З.Биишеваның “Уйҙар, уйҙар...” повесы X класс балалары өсөн үҙе бер тормош мәктәбе. Был әҫәрҙе өйрәнгәндә әҙибәнең ижад юлы менән таныштырыу, уҡыусыларҙың әҫәргә ҡарата фекерен, образдарға мөнәсәбәтен асыҡлау, повестың идея йөкмәткеһен аңларға ирешеү, логик фекерләү һәләтен үҫтереү маҡсаты ҡуйыла.

Әҫәргә анализ яһар алдынан уның ҡайһы осорҙа ижад ителеүенә туҡталырға кәрәк. Повесть 1961 йылда баҫыла һәм алтмышынсы йылдар әҙәбиәтендәге «скептик» йәштәр тураһындағы ҡайһы бер әҫәрҙәрҙе хәтерләтә. З.Биишеваның Суфия-Софочка образы Ә.Бикчәнтәевтың «Ожмах вәғәҙә итмәйем» романындағы Хәйҙәр- Хайдарчиғы менән дә ауаздаш. Ике әҫәрҙә лә тормошҡа һауалыраҡ ҡараған Софочка һәм Хайдарчиктың ҡараштары үҙгәреү һәм характеры формалашыу юлы күрһәтелә [2; 359].

Повестың йөкмәткеһе ниғеҙендә хеҙмәттең илһам, шатлыҡ сығанағы икәнлеге идеяһы ята. Әҫәрҙе анализлау аша балалар Тыуған ил өсөн файҙалы кеше булып формалашыуҙа хеҙмәттең төп тәрбиәүи ролгә эйә булыуына инанырға тейеш. Образдарға характеристика биреү өҫтөндә эшләғәндә төп иғтибарҙы уларҙың хеҙмәткә мөнәсәбәтен ғенә түгел, ә кешелек сифаттарын асыуға йүнәлтеү мөһим. З.Биишеваның төп ғеройын Суфия тип түгел, ә Софочка тип йөрөтәләр. Яҙыусы уны ошолай һүрәтләй:«Моданың иң һуңғы нөктәһенә етеп кейенгән, нескә билле, зифа буйлы иркә бер ҡыҙ. Аяҡта бер сирек оҙонлоҡ беҙ дағалы, тауыҡ суҡышы кеүек осло башлы ҡара лаклы туфли, өҫтә тәнгә һылашып торған шаҡмаҡлы тар күлдәк, ҡулда терһәккә еткән тар ҡуңыслы ҡара бирсәткә, күҙҙә биттең яртыһын ҡаплап алған ҡалай ҡара күҙлек. Ә ирендәге буяуҙар, ҡулдағы сумка, сәғәт, йөҙөктәр һуң?!» [1;372]. Ошондай «тәтәй» ҡыҙҙың Салауат

ҡалаһындағы төҙөлөшкә барып, штукатур булып китеүен, әлбиттә, күҙ алдына килтереүе ҡыйын. Әммә Софочка уйланыуҙың кәрәклеген, кешегә бер дауа икәнлеген тора бара аңлай.

Хеҙмәт һөйөүсәнлек, мещанлыҡ проблемалары ҡуйылышы һәм уларҙы ниндәй образдарға бәйләп һүрәтләнеше тураһында ҡыҫҡаса әңгәмә ойоштороро мөмкин. Әйтергә кәрәк, З.Биишеваның «Уйҙар, уйҙар…» повесында рухи көрәште кәүҙәләндереүсе образдар дөрөҫ билдәләнгән, тейешле позициға ҡуйылған. Әҫәрҙең идея конҙепцияһына ярашлы ғеройҙар ике ҡапма-ҡаршы лагерға бүленгән. Бер яҡта донъяның артына тибеп йәшәрҙә яратыусылар –Сара Сабировна, Зилә, Кәбир, икенсе яҡта - Ҡылыубикә әбей, Хәҙисә апай, Зәлифә. Уҡытыусы Кәримә апай ашар икмәгән хеҙмәттә тапҡа ла, күпселек осраҡта Сара Сабировналарға ҡыҙыға, ундайҙарға ярарға һәм яраҡлашырға тырыша. Тәрбиә дилбегәһе алмаш-тилмәш йә теге, йә был яҡтағыларҙың ҡулына күсә бара. Ҡиммәтле кейемдәрҙә төрөнөп алған иркә Софочка бер кем менән дә иҫәпләшмәй, эштең ни икәнен дә белмәй үҫеп килгән тәккәбер ҡыҙ әсәһе, Зилә әхирәтенең ҡараштарын уртаҡлаша. Атаһы эшселәр ғаиләһендә тәрбиәләнеп үҫһә лә ҡыҙын тәрбиәләүҙе Сара Сабировна яйына ҡуя, Суфия-Софочканың яҡшы кеше булырына ышана.Ҡылыубикә әбей улы донъяһындағы бар эштәрҙе үҙе башҡара: ашарға бешерә, мағазиндарҙан аҙыҡ-түлек ташый, бүлмәләрҙе йыйыштыра һ.б. Ейәнсәрен ҡул араһына индереп, ярҙамлашырға өйрәтергә ҡыйыулыҡ итмәй. Сабыр, түҙемле Ҡылыубикә әбей «тормош йәме - хеҙмәттә» [4;287] икәнлеген Суфияның ҡартатаһы, атаһы, эшсән туғандары хаҡында һөйләп, йоғонто яһарға тырыша. Әлбиттә, Софочка тыңлаһа ла, һабаҡ сығарырға ашыҡмай, еңел, рәхәт тормошҡа ынтыла.Софочка бик бәләкәйҙән «ололарҙың бер төрлө һөйләп, икенсе төрлө эшләп» йөрөүҙәрен күрә. Ни өсөн шулай икәнен аңларға тырышып та булдыра алмағас, ошондай тормош юлына баҫа. Сөнки муллыҡ яратҡан Сара Сабировнаның һүҙе һәм тормошо бер. Ә уҡытыусы Кәримә апай бөтә эште формаль юлға һалған. Быны Суфия күрә һәм аҡрынлап ошоға яраҡлаша башлай, Софочкаға әйләнә. «Йәшем үҫкән һайын үҙемә маяҡ итеп әсәйемдең тормошон һайлай барҙым. Уның тирә- яҡтан айырылған тыныс, моңһоҙ тормошо миңә бәхеттең иң юғары нөктәһе булып күренә башланы» [1; 391].

Мәктәпте тамамлағас, Софочканың тиҫтерҙәре комсомол төҙөлөшөнә юллана, ә ул әхирәте Зилә менән Өфөлә ҡала. Үҙе кеүек елғыуар Кәбирҙе осратҡас, Софочканың тормошо үҙгәрә башлай. Был еғеткә лә мул тормош кәрәк: өйләнешер алдынан ғына Софочканы байырақ ғаиләлә үҫкән әхирәте Зиләгә алыштыра. Ошо хәлдән һуң, үҙ- үҙенә һәм бүлмәһенә бикләнеп, бик күп ваҡыт үткәргәндән һуң, ҡыҙ төҙөлөшкә киткән әхирәте Зәлифә, күрше Хәҙисә апай, өләсәһе Ҡылыубикә әбейҙең һүҙҙәрен дә «ишетә» башлай. Тормоштоң «уйынсыҡ» та, күңел асыу урыны ла түгел икәненә инана ахыр. Суфияның күңеле тора-бара саф йөрәкле ысын кешеләр, тоғро дуҫтар янына ынтыла башлай. Суфия үҙен яңы һынауҙар, яңы кисерештәр иркенә тапшырырға батырсылыҡ итә һәм класташтары артынан Салауат ҡалаһына сығып китә. «Бер ыҙаһыҙ, мәшәкәтһеҙ үҫеп, теләгәнсә йоҡлап, тәмле–татлы ашап, наҙланып ҡына йәшәп өйрәнгән» йәш кешегә был ҡарарға килеү ҙә, тормошҡа ашырыу ҙа еңелдән булмай. Салауатта Суфия намыҫлы, принципиаль эшселәрҙең ышаныслы кешеләр булыуына төшөнә, улар араһында үҙ урынын таба. Төҙөлөштә Суфия рухи яҡтан ныҡ үҫешә, штукатур һөнәрен үҙләштерә, юғары уҡыу йортона инерҙә әҙерләнә. «Уйҙар, уйҙар…» повесының аҙағында Суфия киләсәк тураһында уйлау кәрәклеген төшөнгән, хеҙмәткә ылыҡҡан кеше итеп һүрәтләнә.

Дәрестә тормоштан, үҙҙәренең ғаиләһенән өлгө килтереү аша уҡыусыларҙа ата-әсәһенең, олатай-өләсәйҙәренең хеҙмәте менән ғорурланыу тойғоһо тәрбиәләргә ынтылыу мотлаҡ [5;259]. Бындай әңгәмәләр ғаилә, мәктәп менән хеҙмәт коллективының, хеҙмәттең тәрбиәүи роле ҙур икәнлегенә ышандыра. Артабан анализлағанда әҫәрҙең үҙенсәлекле композициһының да яҙыусының идея конҙепцияһын асыуға йүнәлтелгән икәненә баҫым яһарға кәрәк. Повесть Суфияның көндәлеге формаһында яҙылған. Был композиҙион сара ҡыҙҙың уй-хистәрен, кисерештәрен тәрәнерәк аңларға мөмкинлек бирә.Уҡыусылар әҫәр ғеройы Суфия менән берҙә уның тормошона анализ яһай, бик әүҙем рәүештә үҙҙәре менән тиҫтер ҡыҙҙың ни өсөн яңылыш юлға төшөп китеүенең сәбәптәрен эҙләйҙәр. Повесть композициһын Суфияның уйланыуҙарының ағышына ҡуйыуы ғеройҙың донъяны ҡабул итеүендәге үҙгәреште эҙмә-эҙлекле күҙәтеп барырға ярҙам итә.

Шулай итеп, X класта З.Биишеваның «Уйҙар, уйҙар…» повесын өйрәнеү ниғеҙендә уҡыусылар әҫәр ижад ителгән йылдарҙағы рухи ҡиммәттәрҙең бөгөн дә әһәмиәтле икәнен анализ, әңгәмә, тормоштан алынған миҫалдар ярҙамында иҫбат итәләр. Әҙибәнең «Уйҙар, уйҙар…» повесында беҙ уның замандашының әхлаҡ юғарылығын, камил шәхес булыу өсөн көрәшен, кешеләрҙең рухи өлкәләге ҡаршылыҡтарын тотоп ала алыуын күрәбеҙ.

Әҙәбиәт

1. Биишева З. Әҫәрҙәр.Дүрт томда.Т.2.- Өфө,1981.- 186 бит.
2. Әхмәтйәнова Н.Ә. З.Биишеваның “Уйҙар, уйҙар…” повесын өйрәнгәндә шәхес формалашыу идеяһын асыу // II Биишевские чтения. Филологические науки: современность и перспективы Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной Году учителя в Российской Федерации и 70-летию Стерлитамакской государственной педагогической академии им. Зайнаб Биишевой, Республика Башкортостан, в 2 частях. - Стерлитамак, 2010.- С. 358-361.
3. Әхмәтйәнова Н.Ә. Ю.Мәҡсүтов ижадында милли рух сағылышы // Актуальные проблемы современной филологии и журналистики в условиях глобализации Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием.-Уфа, 2013. С. 41-48.
4. Әхмәтйәнова Н.Ә. Башҡортостан Юлдаш каналында балалар өсөн тапшырыуҙарҙың рухлы шәхес тәрбиәләүҙәге әһәмиәте // Профессор Джалиль Гиниятович Киекбаев - основоположник теории Урало-Алтайского языкового сообщества и аспекты ее развития в современной отечественной лингвистике Материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, посвященной 105-летию доктора филологических наук, профессора, известного тюрколога-алтаиста, выдающегося ученого-языковеда и видного башкирского писателя Дж. Г. Киекбаева.-Уфа, 2016. С. 286-289.
5. Әхмәтйәнова Н.Ә. Матбуғатта милли рух һәм әхлаҡ концепцияһы сағылышы // Медиапространство Российской Федерации: глобальный и национальный аспекты Материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, посвященной 100-летию башкирской национальной печати.- Уфа,2017. С. 258-265.

©Әхмәтйәнова Н.Ә., 2018

Әхмәтйәнова Ф.Т.,
Өфө ҡалаһы 94-се лицейының башҡорт теле һәм әҙәбиәте уҡыусыһы,
Башҡортостан Республикаһы

З. БИИШЕВАНЫҢ „ЯҠТЫҒА” ТРИЛОҒИЯҺЫНДА ҠАТЫН-ҠЫҘ ОБРАЗДАРЫ.”

Зәйнәб Биишева ижадында „Яҡтыға” трилогияһы мөһим урын алып тора. Был әҫәрҙе уның ғүмер китабы тип атарға ла мөмкин. Трилогия – яҙыусының оҙаҡ йылдар ижад йомғағы, ваҡыт, ғүмер, яҙмыш (бигрәк тә ҡатын-ҡыҙ яҙмышы) тураһындағы уйланыуҙары. Беҙ өйрәнгән ҡатын-ҡыҙ образдарының (ҡайһы берҙәренең) протатиптары уны шәхес итеп тәрбиәләгән ябай башҡорт ҡатындары. Ул тыуҙырған образдар – әҙибәнең үҙе кеүек һоҡланғыс та, сағыу ҙа, ғүзәл дә, нескә күнелле лә шул уҡ ваҡытта көслө лә

“Яҡтыға” трилогияһындағы ҡатын-ҡыҙ образдары араһынан иң сағыуҙарын һайлап, шартлы рәүештә өс төркөмгә бүлеп ҡарарға мөмкин. Беренсе төркөмдә - оло быуын ҡатын-ҡыҙҙары, икенсе төркөмдә - урта быуын(һынылышлы Октябрь революцияһы осоро) вәкилдәре, өсөнсө төркөм – милли рухта тәрбиәләнгән йәш быуын ҡыҙҙары (башлыса Емеш образ аша күҙаллана).

Әммә беҙ ул ҡатын-ҡыҙҙарҙы әҙәби образ итеп кенә ҡарау менән сикләнергә тейеш түгел. Кешеҙә ғүмер биреүсе әсә хаҡында уйланыу, уларҙың бөгөнгө көн менән бәйләнешен, йәмғиәттәге ролен баһалау, уларҙың милләт тоҡаһы булараҡ әһәмитен билдәләү кеүек мөһим мәсьәләләрҙе күҙ уңында тоторға тейешбеҙ. Шул күҙлектән ҡарағанда, был мәсьәләләр бөгөнгө көндә бик актуаль булып тора.

Зәйнәп Абдулла ҡыҙы – башҡорт ҡатын-ҡыҙҙҙары араһынан беренсе булып шиғыр китаптарын донъяға сығарған, беренсе булып драма әҫәре яҙған. Башҡортостандың халыҡ шағиры Р.Бикбаев: „Ә һуң өс роман авторы булған, монументаль трилогия ижад иткән З.Биишева һымаҡ ҡатын-ҡыҙ яҙыусы башҡа ниндәй төрки халҡында бар?” – тип хаҡлы рәүештә ғорурлана.[4, с.15]. Яҙмышы нисек һынаһа ла – һынмаған, иңенә ниндәй генә ауырлыҡтар төшһә лә – бөгөлөп төшмәгән Зәйнәп Биишева. Киреһенсә, ныығыраҡ сыныҡҡан һәм заман елдәренә бирешмәгән. Башҡорт халҡы өсөн - алтын хазина, ҡатын-ҡыҙҙарыбыҙ өсөн - өлгө, эталон булыр зат ул! Әҙибә ижад иткән ҡатын-ҡыҙ образдары ла үҙе кеүек үк ысын мәғәнәһендә башҡорт халҡының милләт тоҡаһы булыр заттар.

Бөтә замандарҙа ла иғтибар үҙәгендә булған ҡатын-ҡыҙ проблемаһы ярайһы уҡ киң өйрәнелгән. Был өлкәлә байтаҡ мәсьәләләр ҙә хәл ителгән. Шулай ҙа, ҡатын-ҡыҙ темаһы бөгөнгө көндә лә актуаллеген юғалтмай. Төрлө маҡсаттарҙан сығып, өйрәлеүен дауам итә. Гүзәл заттарҙың бөйөклөгө, матурлығы, зирәклеге халыҡ ижадында ла, художестволы әҫәрҙәрҙә лә данлана.

Ҡатын-ҡыҙың тәбиғи билдәләнеше – нәҫелде арттырыу, бала тәрбиә-ләү, ғаилә усағын һүндермәү. Ә тормошта ҡатын-ҡыҙ иңдәренә ниндәй ғенә мәшәҡәттәр төшмәй ҙә, ниндәй ғенә бурыстар ҡуйылмай? Зәйнәп Биишева тыуҙырған ҡатын-ҡыҙ образдары нимәһе менән үҙенсәлекле икән?

Был образдарҙы өйрәнғәндә ыңғай һәм кире персонаждарға бүлеп ҡарау кәрәкмәйҙер. Һәр берәһе үҙенсәлекле, бер-берәһен ҡабатламаған ғүзәл заттар нәҡ тормоштағы кеүек, төрлөсә булып китәләр: әле ғенә ыңғай булып килгән ғероиня кире яҡҡа үҙгәреп китә (мәҫәлән - Сәлимә), кире һыҙаттарын ыңғайҙары күмеп китә (Емештең йәштәше Заһира), һ.б. И.Вәлитов, Ә.Вәхитов билдәләүенсә: „Романда һәр ғеройҙың үҙ маҡсаты, үҙенә күрә асыҡ идеалы бар. Шуның өсөн дә улар көслө.”[5, с.151].

Оло быуын ҡатын-ҡыҙы.

Һүҙебеҙҙе Сыуаҡай әбейҙән башлайыҡ. Исеменән күренеүенсә әбейе-беҙ сыуаҡ көн кеүек. „Яҡты, көләс йөҙлө, йомшаҡ , яғымлы һүҙле, изгелексән. яҡшы күңелле.[1.6] Ауылдың беренсе имтомсыһы.Халыҡтың ауыҙ-тел ижадын,ғөрөф-ғәҙәт, йолаларҙы яҡлап йәшәй. Ул тормошонан риза һәм кешеләрҙе ул хоҙайға, бат-шаларға баш эйеп йәшәргә өндәй. Шуҡ ваҡытта Сыуаҡай әбей балаларҙың (биғрәк тә Емештәрҙең) ышанысын да, ихтирамын да яулаған оло инәй.

Ҡарасәс әбей – мәрхәмәтле, ғәҙел, ярҙамсыл, кешелекле образ. Өҫтәүенә сәсән телле, күңеленде – халыҡ хазинаһын һаҡлаған хөрмәткә лайыҡ әсә. Ул биғерәк тә батырлыҡ тураһында леґенда, йырҙарҙы йыш телгә ала. Улы Тимербайҙы ҡулға алғас, килене Баҙыянда ла үҙендәге кеүек һынмаҫ ихтыяр тәрбиәләргә тырыша. „Йәшем сыҡҡансы – йәнем сыҡһын” – ти ул. [1,с.137]. Үҙендә халыҡ аҡылын йыйған, бай тормош тәжрибәһе туплаған был образ бик ориґиналь. Тимербайының ғүмерен һаҡлап ҡалыр өсөн уны үҙ күкрәге менән ҡаплай.[2,с.48] Ошондай үлеме менән Ҡарасәс әбей леґендаларға тиң. Ҡарасәс әбей йөҙөндә башҡорт ҡатын-ҡыҙының матурлығы ла, саялығы ла, сәсәнлеґе лә, шул уҡ ваҡытта ҡаһарманлығы ла күренә.

Зәйнәп Биишева „ҡырҡыу, талапсан, ләкин ғәжәп ғәҙел холоҡло, ир йөрәкле ҡатын....” - тип һүрәтләгән тағы бер образ – Таиба әбей. Ире япон һуғышында үлеп ҡалһа ла, донъяһын ирле ҡатындарҙан кәм көтмәй. Өс улын да „бер төр аҡтан кейендереп аҡсарлаҡтар кеүек итеп йөрөттө”. Емеш оло ҡоҙағыйын „Таиба әбей үҙе лә былай изгелексән, киң күңелле ҡарсыҡ булһа ла, ҡороҡ, ҡатыраҡ һөйләшеүсән” – тип билдәләй. Ғөмүмән, әҫәрҙә әйтелгәнсә „ ...бөтә ғүмерен ауыр эш, йәшәү өсөн тыңғыһыҙ көрәш менән үткәргән каты тәбиғәтле, ҡорос ихтыярлы Таиба әбей илауҙы белмәй торған, йәки, белеп тә онотҡан ғорур кешеләрҙең берәһе ине. Илап кем бәхеткә ирешкән?!”[2, с.154]

Әҫәрҙәге Ғөлғәйшә һәм Ғәйшә образдары ла үҙенсәлекле. Тәүгеһенең томошо бөтөнләй үҙгәртелмәй алынған Бибиғәйшә исемле ҡатындың протатибы. Был образ аша халҡыбыҙҙың ауыр яҙмышы менән бер рәттән ҡатын-ҡыҙҙарҙың күбәһе дуҫар булған „ярлылыҡта үткән тереклектең” сағыу бер миҫалын бирә.

Ғәйшә әбей – хоҡуҡһыҙ, туҡмалып, йүнле һүҙ ишетмәй, ситкә тибе-леп йәшәүсе ҡатын-ҡыҙҙарҙың яҙмышын күрһәтә. Бында Шымбай ҡарт һы-маҡ ҡатын-ҡыҙҙарға түбәнһетеп ҡараған, уларға ҡарата ҡанһыҙ булған әҙәм-дәрәжә нәфрәт уята. Ғәйшә әбәй – түҙемлелеґе менән иҫтә ҡала.

Күреүебеҙсә оло быуын ҡатын-ҡыҙ образдары бер-берәһенә бөтөнләй оҡшамағандар, бер-берәһен ҡабатламайҙар. Әммә ошо кешеләр йәш быуын өсөн тәрбиә сығанағы булып торалар. Балаларҙы халыҡ ижады өлгөһөндә йәшәйеш серҙәренә төшөндөрөп, тормоштарына йүнәлеш бирәләр. Журавлеваларҙың билдәләүенсә „уның оло быуын ҡатын-ҡыҙ – әбейҙәр образдары бик уңышлы килеп сыға.”[6, с.32]

Ирекһеҙҙән, ошо әҫәрҙәге „ил инәләрен” бөгөнгө әбейҙәр менән сағыштырып ҡарайым. Айырма – ер менән күк араһы. Күптәре, биғрәк тә ҡала ерендә йәшәғәндәре, пенсям аҙ, беҙ бер кемгә лә кәрәкмәй, заман ауыр,... – тип зарланып тик йөрөй. Араларында хәмер менән дуҫлашҡандары ла байтаҡ. Ә бит Сыуаҡай, Таиба әбейҙәр заманы еңелдән булмаған – аслығын да, яланғаслығын да күргән улар. Тормоштары фәкир булһа ла күңелдәре бай булған уларҙың. Бәлки рухи аҙыҡтары аслыҡтан ҡотҡарғандыр ҙа., йәшәргә көс биргәндер... Юлымда изге күңелле, сәсән телле берәй әбей күрһәм З.Биишева әҫәренә инеп китҡәндәй булам.

Урта быуын ҡатын-ҡыҙ образдарын ҡарағанда Өммөгөлсөм, Сәлимә, Шәмсиә, Баҙыян образдарына тукталыу урынлы булыр тип уйлайым. Хамматына һәр саҡ тоғро ҡалған, баҫалҡы оло йөрәкле Өммөкәйҙе (Өммөгөлсөмдө) яҙыусы ғәжәп сабыр холоҡло, итәғәтле итеп кәүҙәләндерә. Ул тормош ығы-зығыһына бирешмәй, донъя ваҡлыҡтарынан өҫтөн булып, ҙур өмөт менән йәшәй. „...ҙур йөрәкле, һөйә белеүсе һәм мөхәббәткә һәр саҡ тоғро” ҡатын бына нимә ти: „...Минең оноторға ла, көтмәҫкә лә хәлемдән килмәй...Ул йәшәгән өсөн ғенә был донъя ҡәҙерле бит миңә...! Ысын мәғәнәһендә хөрмәткә лайыҡлы, эшсән, аҡыллы ҡатын, балалар тип ут йотоусы әсә.

Уның көндәше Сәлимә - бөтөнләй икенсе кеше. „Динғә, йолаға һыймаҫ эш эшләгән”, үҙ мөхәббәте өсөн көрәшкә күтәрелгән ҡатын. Кеше һүҙенән ҡурҡмай, никахлы ирен ташлап, уның ағаһы менән ҡауышып йәшәп алып киткән Сәлимә яҙмышы бик тә ғибрәтле. Яратышып ҡауышҡан Хаммат менән Сәлимәнең бәхете оҙаҡҡа бармай. Кеше ҡотҡоно арҡаһында саф хистәр тойғоно көнсөллөк менән алышына.Был бәхеткә түгел, ә фажиғәгә килтерә „Оло” мөхәббәткә бысаҡ күтәрелә...Сәлимәкәй үҙе лә һәләк була. Автор тормошта йыш осрай торған көнсөллөк күренешен бәләкәй ғенә ғәҙәти күренештән алып, ауырыу хәленә еткерелгәненә тиклем ниғеҙле, тормошсан итеп һүрәтләгән. Уйланыр, һығымталар яһар өсөн бик тәрән яҙмышлы ул Сәлимә образы.

Бына Шәмсиә образы Өммөгөлсөм, Сәлимәкәйҙән бик ныҡ айрылып тора. Ул аҙ һүҙле, йыуаш, баҫалҡы, Ғәйшә әбейҙе хәтерләтәнеп ҡуя.Ләкин ул да хистәрҙән, кешелек сифаттарынан мәхрүм түгел. Сәлимәнең һүҙҙәре быға дәлил: „Өнһөҙ-һүҙһеҙ булғас та, Шәмсиәнең йөрәгә юҡ тип беләһеңме ни?...” Уның тәүге ҡыйыу аҙымы – Айһылыу менән Иштуғанға ҡасырға ярҙам итә. Артабан, Шәмсиә үҙ ғүмерен өнһөҙ-тынһыҙ ғына, хеҙмәтсе булып ҡына үткәреҙә теләмәй. Ошо тормошона баш күтәрергә маташыуы – сәскәләй ғүмеренең өҙөлөүенә сәбәпсе була ла инде.

„Килен ҡәйнә тупрағынан ярала”- ти халыҡ мәҡәле. Әле ғенә Шәмсиәне ҡәйнәһе Ғәйшә әбейгә оҡшатып ҡуйғайныҡ.Ҡарасәс әбей менән Баҙыян еңгәгә ҡаратала әйтеп булыр ине. Улар икеһе лә тормошто нисек бар шулай ҡабул итәләр. Баҙыяндың ошо характеры илдә барған вакиғаларҙы еңел ҡабул итергә, яңылыҡтарҙы тиҙ үҙләштерергә ярҙам итә.Уның активист-ка булып китеүе, халыҡ менән идара итеүе тәбиғи күренә. Был образ аша Зәйнәп Биишева мосолман ҡатын-ҡыҙҙары арһында моронлап килгән хәрәкәтте бирә. Уларҙың ғаиләләге, йәмғиәттәге статусының „күтәрелеүен” билдәләй.

Бибеш образы аша З.Биишева донъяла әсә булыу бәхетенән дә ҙур бәхеттең, мөғжизәнең булмауын бик оҫта бирә. Ғаиләлә бала тыуыу ҡатын кешене ғенә түгел, ир-атты ла үҙгәртеүсе фактор итеп бирелә. Ысынлап та, сабый менән бергә был ғаиләгә ҡыуаныс, бәхет килә. Ғаилә татыулана. Был ғаилә ысынлап та татыулығы менән әйырыла. Ир менән ҡатын бер-береһен кәмһетмәйҙәр, матур йәшәйҙәр. Шундай ғаиләләр тураһында „Ныҡлы ғаилә – ил терәге” ти халыҡ мәҡәле.

Трилоғияла ғероинялар төрлө социаль ҡатлам вәкилдәре. Мәҫәлән, Айһылыу етеш ғаиләлә үҫкән „Әлморон сәскәһе кеүек алһыу йөҙлө, ҡолон-саҡ шикелле шаян, теремек ҡылыҡлы ҡыҙ.”[1,с.173] Бер уйлап ҡараһаң, тормошҡа зарланыр урыны юҡ. Уға иғтибар ҙа, наҙ ҙа етерлек, атаһы уҡырға-яҙырға ла өйрәтә. Айһылыу яңылыҡҡа ынтылыусан, тәүәкәл, халыҡ бәхете өсөн көрәшкә күтәрелә. Ир-еғеттәр менән бер рәттән һуғыш уты уртаһында йөрөй. Был совет осоро ғына тыуҙырған образ түгел. Ғөмүмән, башҡорт ҡатын-ҡыҙы борон-борондан ирҙәр менән бергә яу сапҡан. Кәрәк икән ғәскәр менән дә идара иткән. Башҡорттар менән татар-монғолдар араһында 14 йыл барған һуғышта Сураман батыр һәләк булғас, көрәшкә ҡатыны етәкселек иткән. Һуғышсылар араһында ҡатын-ҡыҙҙар ҙа булған. Ошо ҡурҡыу белмәҫ ҡатын-ҡыҙҙар рухы Айһылыу күңелендә лә, булмышында ла сағылыш тапҡандыр тип уйларға ҡала.

Тышҡы портреты телмәре, үҙенсәлекле холоҡ-фиғеле менән башҡаларҙан айырылып торған ҡатын – Сәрбиямал. „ ... кейем-һалымы ла, үҙе лә ялт итеп күҙгә бәрелеп тора... ҡатындарға хас ҡыйыу матурлыҡ бөркөлә.” [1,с.118] Ҡатын-ҡыҙҙы серле лә, наҙлы ла, яғымлы ла, күркәм дә итеүсе мөхәббәт тиғән оло һәм изге хис бар. Уға ла был хис яҡшы таныш. Мөхәбәте Әхмәтша өсөн төрлө аҙымдарға ла барырға әҙер.Сәрбиямалдың уңғанлығы, еғәрлелеге, оҫта әңгәмәсе булыуы күптәрҙе һоҡландыра. Уның тырышлығы бөгөгө баҙар иҡтисады шарттарында күптәргә өлгө була алыр ине. Нисек кенә булмаһын Сәрбиямал яңы тормоштоң яйына төшә алмай. Әҫәр аҙағында ул үлеп ҡала. Ҡомһоҙланып йыйған бар байлығы был донъяла ҡала...

Был быуын ҡатын-ҡыҙҙарының артыҡ активлашып китеүе заманаһы өсөн ыңғай күренеш һаналды. Ғаиләлә „тиғеҙ хоҡуҡтар” булдырылды. Ҡатындар хатта ирҙәрен „уҙып китте”, үҙ өҫтәренә, ир-ат бурыстарын да алып, янып-көйөп донъя көттөләр. Ирҙәр еңелгә тиҙ өйрәнде. Ҡатындары күләгәһендә ятыусылар күбәйҙе. Ғаиләһен түгел, үҙен ғенә лә яҡлай алмаған „ебектәргә” әйләнделәр. Баҙыян, Бибеш, Сәлимәләр кеүек булырға тырышҡан ҡыҙҙар күбәйҙе. Ҡатындарҙың йәмғиәттәге урындары күтәрелде, ә ғаилә әсә булыу, бала бағыу яйлап артҡа күсә торҙо. Шул рәүешле милли, рухи ҡиммәттәребеҙ хатта юғалыу сиғенә етте.

Күреүеғеҙсә, ҡатын-ҡыҙ образдарын ыңғай һәм кире образдарға бүлмәнем, уның кәрәге лә юҡтыр тип уйлайым. Сөнки бер кем дә тик ыңғай ғына характерлы, йәки, киреһенсә тик насар сифаттарға ғына эйә булмай. Башҡорт ҡатын-ҡыҙы ауырлыҡтар алдында баш эймәй торған, ныҡлы ихтыярлы, кәрәк икән яу сапҡан. Әммә үҙенең ғүзәл зат вәкиле икәнен һис ваҡыт онотмаған шул уҡ саҡта наҙлы ҡатын, мәрхәмәтле әсә лә була белгән. Әҫәрҙе уҡып һәр кем үҙенә һығымталар яһап, тейешле һабаҡ алырға тейеш. Өлгөлө әсә, ҡатын булырғамы? Йә булмаһа, сәйәсмәнме?.. Һәр кемдең

үҙ их-тыярында. Ҡулдарынан бары ла килә икән, бик һәйбәт. Минең әйтер теләгем: донъяға ҡатын-ҡыҙ булып яралғанбыҙ икән, ошо исемде ғорур йөрөтәйек, уға тап төшөрмәйек.

Милли рухта тәрбиәләнгән яңы быуын ҡатын ҡыҙы.

„Зәйнәп Биишева трилоғияла ҡатын-ҡыҙҙарҙың үҙенсәлекле һәм күп төрлө образдарын тыуҙырҙы. Уларҙың һәр берене ҡабатланмаҫ характер һы-ҙаттары менән хәтерҙә ҡала”, - тип билдәләнеләр И.Вәлитов менән Ә.Вәхитов [5,с.140]. Бер кемде лә битараф ҡалдырмаған, күңелдәрҙе тетрәткәне, әлбиттә, Емеш. Әҫәрҙә бик бәләкәй ҡыҙ булып килеп инә ғероинябыҙ. Кескәй бала күңеле – уңдырышлы тупраҡ кеүек: ни сәсһәң – шуны ураһың. Емештең күңеленә изге күңелле Сыуаҡай әбей әкиәттәре лә, Ҡарасәс әбейҙең мажаралы хикәйәттәре, әйтемдәре лә, өлгөргән орлоҡтар булып төшә тора.Шулай уҡ баласаҡ уйындары, дуҫтары, уларҙың үҙ-ара йоғонтоһо ла иғтибарға лайыҡ. Балалар донъяһы яҡты һәм саф.Хикәйәттәр, әкиәттәр баланың аңына инеп, уларҙың фекерләү кеүәһен үҫтерә, яҡшыны – ямандан, аҡты – ҡаранан айыр-рырға өйрәтә.

Шуға ла кесе йәштән ололарса фекер йөрөткән Емешкә аптырарға урын юҡ кеүек. Үгәй әсә йәберләүҙәре лә, кәмһетеүҙәре лә уның күңелен ташҡа әйләндерә алмай. Әсә һөтө менән бирелгән кешеләргә булған һөйөү тойғоһон һүндерә алмай. Емеш туған теленең матурлығын, көсөн бик иртә тойоп ала. Тапҡыр һүҙ әйтеү, үткер, әсе таҡмаҡтар сығарыу уға ҡыйын булмай. Таҡмаҡтары уның бик аяуһыҙ була. Шуға ла Зәһира,Ғөлйыһандар унан ҡурҡалар. Ә Шәүрә, Сәмиға, Сабиралар уның был зирәклеген яраталар. Өҫтәүенә, Емеш милли уйын ҡоралы ҡубыҙҙа оҫта уйнай.

„Оло Эйек буйында” китабында автор Емеште Таиба әбейҙәрҙә „урынлаштыра”. Ул ысын ғаиләлә йәшәй башлай. Был уның артабанғы тормошона йүнәлеш алырға ярҙам итә. „Закир һандығы” ла Емештең рухи үҫешендә яңы этап булып тора. Йотлоҡ йылдарҙа күптәр аслыҡтан һәләк булғанда – китаптар – дауа ла, ризыҡ та була. Трилоғияла Емеш образы эҙмә-эҙлекле үҫтерелә. Физик үҙгәрештәр менән бер рәттән. эске, рухи үҫеше лә күренә. Быға йүнәлеш биреүселәрҙең берене булып ағаһы Иштуған тора. Һеңлене тураһында уйлау, уны уҡытыу сараларын күреүҙе үҙ бурысы тип һанай. Уның тырышлығы менән Емеш Ташлылағы балалар йортона уҡырға китә. Артабан трилоғия биоғрафик характер ала.

Ғөлемешкә ҡанат ҡуйған, уның тормошондағы мөһим бер ваҡиғаны билдәләп үтеү урынлы булыр. Был – Байрастың Емешкә һөйөүен белдереүе. Ике йәш йөрәктең күңелендә саф һөйөү хистәренең яралыуын автор ҙур оҫталыҡ менән һүрәтләй. Ғашиҡтарҙың кисерештерен уҡыусы күңеленә үтеп инерлек һүҙҙәр аша сағылдырыу Зәйнәп Биишеваның тағы бер күркәм ҡаҙанышы булып тора. Яңылыҡҡа ынтылыш, белемгә һыуһау ғероиняны ҙурыраҡ юлдарға әйҙәй. Ырымбур. Каруанһарай – Емеште таң ҡалдыра. Улар ҡыҙға яңы маҡсаттарға ирешерҙә көс бирә.

Әҫәрҙә автобиографик һыҙаттар барлығын беләбеҙ. Шулар араһында иң сағыу бер миҫалға туҡталайыҡ.,, Ғазетаның ҡатын-ҡыҙ тормошо хаҡында хәбәрҙәрен айырата ҡыҙыҡһынып, әле булһа ла ҡараңғылыҡта иңрәшкән үҙенең тиңдәштәре өсөн һыҙланып уҡый ине Емеш. Бөгөн дә йөрәкте емтеп-семтеп ала торған бер-нисә хәбәр бар ине: „ ... Бөрйәндә ун биш йәшлек Ғәйшәне атаһы бер ат, бер һыйыр, бер кәҙә бәрәсенә икенсе бисәлеккә һатты...” [3, с.169] Ҡыҙҙы тулҡынландырғаны – ҡыҙҙарҙы һатмаҫҡа мөмкин булыуы... Һәм ҡыҙ бала ошо тәьҫирҙән әҫәрләнеп беренсе шиғырын яҙа. З. Биишеваның тәүге шиғыры була был.

Трилоғияла Емеш үҙе әсә булырға өлгөрмәй ҡала. Әҫәр тамамланып өлгөрә. Минең уйлауымса, әгәр әҫәрҙең дауамы яҙылһа ул һис шикһеҙ – мәрхәмәтле әсә, һөйөклө ҡатын, өлгөлө хужабикә, абруйлы хеҙмәткәр булыр ине нәҡ Зәйнәп Биишева кеүек.

Ғөмүмән, әҫәр героиняһы булараҡ та, реаль шәхес булараҡ та – ҡатын-ҡыҙ яҙмышын, көнкүрешен яҡшыртыу өсөн көрәшеүсе ул – Зәйнәп Биишева. Шуға ла, Емеш йөҙөндә З.Биишеваны күреү тәбиғиҙер ҙә. Бар булмышы ла, күңеле лә, ижады ла милли рух менән һуғарылған. Башҡорт ҡатын-ҡыҙында була торған бар күркәм һыҙаттарҙы үҙендә туплап, уларҙы үҫтерә алған, кәрәк ваҡытта бик урынлы ҡулланған. Улар әҙибәгә тормошонда ла, ижади үрҙәрен артылғанда ла, үҙ-үҙе булып ҡалырға, ғөмүмән, шәхес булып формалашырға ярҙам иткәндер.

З.Биишева әҫәрҙәрендә әхлаҡ-тәртибе, холоҡ-ҡылыҡтары менән заманға яраҡлы, лайыҡлы кешеләрҙе яҡлап сыға. Кеше үҙ юлын, үҙенең яратҡан хеҙмәтен, тормошта үҙенең бәхетен табарға тейеш. Был трилоғияла ла үҙ быуыны ҡатын-ҡыҙында булған типик үҙгәреш-тәрҙе ҙур оҫталыҡ менән бирҙән әҙибә. Ул ғеройҙарын бик ныҡ яратһа ла уларҙы идиаллаштырмаған, тормошсан итеүгә өлгәшкән.

Зәйнәп Биишева, ғүзәл заттарҙың хоҡуҡтарын яҡлаусыларҙың берене булды. Быны беҙ ул ижад иткән әҫәрҙәрҙә лә („Яҡтыға” трилоғияһы ла быға асыҡ миҫал) күрәбеҙ. Публицистик яҙмаларында ла осратабыҙ. Әҙибә тыуҙырған ҡатын-ҡыҙ образдары аша күтәргән мәсьәләләр үҙ заманаһы өсөн генә

түгел, бөгөнгө көн, хатта киләсәк өсөн дә актуаллеген югалтмаҫ. Сөнки, ҡатын-ҡыҙ – мөхәббәт, гаилә, әсә. Шул өсәү – бөтәбеҙҙе йәшәткән йәншишмә ул.

Зәйнәп Биишевага – ил бәхетен ҡатын-ҡыҙ яҙмышы менән тығыҙ бәйләнештә аңлау хас. Йәмгиәттең ныҡлығын, көсөн унда йәшәгән гаиләләрҙең тотороҡло, ныҡлы, татыу булыуына ҡарап билдәләү бөгөнгө көндә лә киң таралған. Ә инде ғаиләлә ҡатын-ҡыҙға ҡарата түбәнһетеү кеүек насар һыҙаттар һаман һаҡлана икән, тимәк, гаиләләр ҙә, йәмгиәт тә түбән кимәлдә. Минең уйлауымса, ҡатын-ҡыҙҙың бахаһын күтәреүҙә иң тәүҙә ир-егеттәр бурыслы.

Бөгөнгө көн менән бик тә бәйле ҡатын-ҡыҙ түлһеҙлеге мәсьәләһен дә күтәргән З.Биишева. Был проблема, күреүебеҙсә, элек-электән килгән. Сәрбиямал, Сәлимә образдарын алып ҡарайык: икеһе лә һылыу ҡатындар, егәрлеләр. Бәлки уларҙың трагедиялары ла балалары булмауҙан килеп сыҡҡандыр. Балаһы булған әсәнең рухи ҡиммәттәре лә, йәшәү маҡсаттары ла башҡасарак. Миҫал итеп Өммөгөлсөмдө алайыҡ: Хамматы ташлап сыгып киткәс ул балалары менән йыуанып, тормошонан йәм табып йәшәй.

Мәңгелек тема булган – мөхәббәткә лә етерлек урын биргән автор.Көслөк менән кейәүгә биреүҙе лә, „ҡыҙ урлау” күренештәрен дә, шул замандарҙан һуң килгән „ирекле мөхәббәтте” осратабыҙ әҫәрҙә. Йәмгиәттәге был үҙгәреште З.Биишева тарафынан хупланганы күренеп тора. Ысынлап та ошо „ирек”тән һуң бик күп бер-береһен яратып ҡауышҡан мөхәббәтле гаиләләр тыуҙы. Тик тора-бара „ирекле мөхәббәт” төшөнсәһе тәү маҡсаттарын үҙгәртеп бөгөнгө көндө йыш күренешкә әйләнгән – енси аҙғынлыҡты, мәгәнәһеҙ йәшәү рәүешен аңлата кеүек. Мөхәббәт менән аҙғыҡлыҡты бутарга һис ярамай. Әҙәп, күркәм гәҙәттәребеҙ, рухи ҡиммәттәребеҙ кимәле түбәнәйә барыуының сәбәптәре итеп, әләге лә баяғы тәрбиә етешмәүҙән. Күп әсәйҙәрҙең бөгөн донъя артынан „ҡыуып” аҡса эшләү, карьера яһау теләге үҙ балаларын тәрбиәләр ваҡытты урлай. Әкиәттәр һөйләү, бишек йырҙарын көйләүҙе буш шөгөл тип һанай. Балалар ата-әсә наҙынан мәхрүм булып, китек күңелле булып үҫә.

Халҡыбыҙҙың милләт булараҡ һаҡлап ҡалған халыҡ ижады һис бер ваҡыт игтибарҙан ситтә ҡалмаһын ине. Ошо оло һәм изге мираҫты беҙҙең көндәргә тиклем килеп етеүендә әсәй-өләсәйҙәрҙең өлөшөн онотмайыҡ. Уларҙың ошо хеҙмәттәре генә лә үҙе ҙур ҡаһарманлыҡ. З.Биишева трилогияһында Ҡарасәс, Таиба, Сыуаҡай әбей – шуларҙың эшен дауам итеүселәр булып һынлана. Беҙҙең быуын да шул тәжрибә алымдарын үҙләштерһен ине.

Ә уларҙан һуң килеүсе быуын (Баҙыян, Сәлимә, Айһылыу, Бибеш) – үҙҙәренең йәмғиәт ҡоролошонда ла әүҙем ҡатнашырга һәләтлеген, йогонтоло көс икәнен күрһәттеләр. Бөгөнгө көндә, бигрәк тә, ҡатын-ҡыҙҙар өсөн дәүләт органдарында урындар күберәк булырга тейеш. Был – ил-көн именлеген һаҡлау өсөн дә файҙалы булыр ине. Эскеселек, наркомания, ҡан ҡойгос һуғыштарҙан килгән хәсрәттең иң ҙурыһы власть тотҡан ир-атҡа түгел, баланы тыуҙырған, тәрбиәләгән әсә кешегә төшә. Балаһын яҡлай алмай бит улар. Сөнки үҙҙәре лә шул власть алдында яҡлауһыҙ, хатта хоҡуҡһыҙ. Йәш егеттәрҙең табуттарҙа ҡайтыуына һаман да ил әсәләре, милләт әсәләре юл ҡуйһа, сабырлыҡ күрһәтһә артабан да улар ҡабатланмаҫ тип кем әйтә ала? Ә быны булдырмау ил әсәләре булыр – зирәк аҡыллы, көслө рухлы, гүзәл башҡорт ҡатын-ҡыҙының ҡулынан килмәҫ инеме ни?!

Ҡатын-ҡыҙ бәхетле булһын өсөн, бер уйлаһаң, күп тә кәрәкмәй: ысын һөйөү, гаилә һәм бала. Быларҙы ҡатын-ҡыҙға бер ни алыштыра алмай. Уларҙың хаҡына торорлоҡ ҡиммәтең берәй заман булыуы ла икеле. Шуны оноторга ярамай: тормошта бөтә нәмә лә үтә - сәйәсәт тә, дан-шөһрәт тә, миҙгелдәр ҙә, мода ла...Тик улар ваҡыт оҙайлығы менән генә айырылалар. Ҙур ышаныс менән әйтер инем – донъяла ҡатын-ҡыҙ, әсә роле генә үтмәй. Тәбиғи билдәләнешен юғалмай. Тышҡы киәфәте, донъяһы үҙгәрһә лә, эске кисерештәре һаҡлана килә.Ҡатын-ҡыҙ темаһы, тимәк, дауам итә, ул – мәңгелек!

Минең фекерем буйынса – Зәйнәп Биишева әҫәрҙәрендәге ҡатын-ҡыҙ образдары артабан да төрлө яҡлап өйрәнелер, үҙенә тейеш бахаһын алыр. Күптәр Таиба , Ҡарасәс әбей кеүек „халыҡ тәрбиәселәренең” тәрбиә алымдарын өйрәнер, махсус методикалар сыгарыр.Тәрбиә тураһында һүҙ ҡуҙғатыу юҡтан түгел. Зәйнәп апайҙың бар ижады, беренсе сиратта, „халыҡ тәрбиәселәре”нең югары хеҙмәтенең емеше. Әҙибәнең шундай югары бейеклектәргә күтәреүенең серҙәрен мин улар биргән тәрбиәгә, рухи ҡиммәттәргә бәйләп аңлатыр инем. Бөгөнгө көндә, йәштәргә өлгө булырлыҡ, уларҙы яҡшылыҡҡа, матур йәшәргә әйҙәүсе, ҡатын-ҡыҙ бахаһын, гаиләләге, йәмгиәттәге статусын күтәргән ҡатын-ҡыҙ образдарын һүрәтләүсе әҫәрҙәр кәрәк.

Үҙебеҙҙең башҡорт ҡатын-ҡыҙҙары тураһында фекер йөрөткәндә тәүҙәрәк миндә ҡапма-ҡаршылыҡлы фекерҙәр тыуа ине. Ошо тема өҫтөндә эшләгәндән һуң күҙ алдымда батыр йөрәкле, ҡаһарман, тәрән хисле (шул уҡ ваҡытта хистәренә хужа була белгән), уңған, зирәк, ил тотҡаһы

булған ысын ҡатын-ҡыҙ образы килеп баҫты. Мин башҡорт ҡатын-ҡыҙын донъя ҡатын-ҡыҙҙарына эталон итеп ҡуяр инем.

Әҙәбиәт

Художестволы әҙәбиәт.

1. Биишева З. Кәмһетелгәндәр. Роман.- Өфө:Башҡортостан китап нәшриәте, 1990. – 432 бит.
2. Биишева З. Оло Эйек буйында. Роман. – Өфө: Башҡортотан китап нәшриәте, 1990. – 288 бит.
3. Биишева З. Емеш. Роман. – Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1990. – 496 бит.

Ғилми әҙәбиәт / башҡорт телендә /

4. Бикбаев Р. Талант һәм ҡаһарманлыҡ // Бикбаев Р. Шағир һүҙе – Шағир намыҫы: ижади портреттар, рецензиялар, сығыштар, интервью мәҡәләләр. – Өфө: „Китап”, 1997. – 512 бит.
5. Вәлитов И., Вәхитов Ә. Зәйнәп Биишева ижады. Өфө: Башҡортостан Китап нәшриәте, 1980. – 208 бит.

Ғилми әҙәбиәт / рус телендә

6. Алибаева С. А., Журавлева А.А., Журавлева А.И. Зайнаб Биишева. Жизнь и творчество. –Уфа.: Китап,1993. –288 с.

Мәҡәләләр

7. Илембәтова И. Тормоштоң йәне лә, йәме лә // Башҡорт әҙәбиәтендә ҡатын-ҡыҙ образын һүрәтләүгә ҡарата ҡайһы бер фекерҙәр.// Ағиҙел, №3, 2003. –117-120-се биттәр.

©Әхмәтйәнова Ф.Т., 2018

Юнысова Ф.Б.,
ф.ф.к. ТТӘИ ӨФҒУ,
Өфө ҡ., Башҡортостан Республикаһы

Р. ШӘКҮР ОЧЕРКЫНДА ЗӘЙНӘБ БИИШЕВА

Башҡорт һүҙ сәнғәтенең тарихы бай һәм ҡыҙыҡлы. Әҙәбиәттә үҙенең иң сағыу әҫәрҙәрен ҡалдырған талантлы яҙыусыларыбыҙ, шағирҙарыбыҙ менән ғорурлана алабыҙ. Күренекле яҙыусы, шағирә, драматург Зәйнәб Биишева күп яҡлы таланты менән милләттең рухи үҫешенә ҙур өлөш индерҙе республикала ғына түгел, сит илдәрҙә лә киң танылған әҙиптәрҙең берене. Был оло шәхес хаҡында әҙәбиәт ғилемендә лә, публицистикала ла күп һүҙ әйтелде. Әлеге көндә лә Зәйнәб Биишеваның шәхси тормошо, ижади эшмәкәрлегенә арналған очерктар иғтибарҙы йәлеп итә.

Билдәле яҙыусы һәм ғалим Рәшит Шәкүрҙең «Зәйнәб Биишева» очеркы энциклопедик планда яҙылған. Хронологик рәүештә әҙибәнең биографияһы бәйән ителә, уның хәтирәләре лә миҫалға килтерелә. Әҙибәнең шиғри юлдар менән башланған “Яҡтыға” исемле трағияһынан өҙөк килтерә. “Кәмһетелгәндәр”, “Оло Эйек буйында”, “Емеш” тиҙән романдарын берләштереүсе был киң ҡоласлы трилоғияһын республикала ла ғына түгел донъя кимәлендә популярлыҡ ҡазанғанын билдәләп: “Трилоғия башҡорт милли прзаһын үҫтереүгә индерҙе ҡиммәтле ижад емеше, ижад ҡазанышы булды” ти ул[1, 258-се бит].

З. Биишева киң диапозонлы яҙыусы. Проза жанрының бөтә төрҙәрендә лә күп һәм уңышлы ижад итә. Ижадының тәүге осоронда ул хикәйәләр, нәҫерҙәр, әкиәттәр, очерктар һәм даими рәүештә матбуғатта көнүҙәк темаларға публицистик мәҡәләләр менән сығыш яһай. Илленсе йылдар уртаһында донъя күрҙе “Дуҫ булайыҡ” повесы менән яҙыусы үҙен башҡорт балалар әҙәбиәтенең күренекле оҫтаһы итеп танытһа, алтмышынсы йылдар башында мөһим әхлаҡ проблемаларына мөрәжәғәт итеп, бер-бер артлы “Сәйер кеше”, “Уйҙар, уйҙар…”,”Ҡайҙа һин, Ғөлниса?” исемле хикәйә һәм повестар, “Һөнәрсе менән Өйрәнсек”, “Мөхәббәт һәм нәфрәт” исемле хикәйәттәр менән шул осор башҡорт прозаһы үҫешенә ғәйәт ҙур йоғонто яһай.

“Зәйнәб Биишева – ысын мәғәнәһендә халыҡ яҙыусыһы. Уның ҙур һәм күп яҡлы ижады үҙе ғенә лә илебеҙҙә башҡорт милли һүҙ сәнғәтенең күркәм бер кәүҙәләнеше тип иҫәпләнерҙә хаҡлы. Сөнки ул үҙе лә – быуаттар буйы азатлыҡ өсөн йән аямай көрәшеп, 1917 – 1919 йылдарҙа милли автономиялы булған һәм бөтә һәләттәрен, таланттарын үҫтереүгә киң мөмкинлектәр алған башҡорт халҡының тоғро күңелле, яҡты фекерле бер ҡыҙы. Шуның өсөн дә уның барлыҡ ижады халҡыбыҙҙың рухи бөйөклөгөн раҫлауға йүнәлдерелгән”[1, 260-сы бит].

Артабан автор әҙибәнең биографияһына туҡталып, хәтирәләре аша уның кесе йәштән ата-әсәһенән мәхрүм ҡалып, күп михнәттәр аша ауырлыҡтарға бирешмәй белемгә ынтылыуын, мәктәп,

унан һуң Башҡорт халыҡ йорто Каруанһарайҙа яңы асылған Башҡорт педагогия техникумында уҡыған осорона туҡтала: “Техникум, төплө белем, һәйбәт тәрбиә биреү менән бергә, ижади атмосфера, юғары маҡсаттарға инанғалыҡ тойғоһо менән айырылып тора. Өҫтәүенә ул ваҡытта уҡ бер быуатҡа яҡын тарихы булған данлы Каруанһарай бинаһында уҡыу үҙе ғәнә лә ни тора. Йәнә килеп, шанлы 1917 йылда башҡорт халҡының иң тәүге ҡоролтайҙары ла нәҡ ошо тарихи бинала үткән, ошонда, өсөнсө ҡоролтайҙа башҡорт дәүләтселеге – Башҡорт автономияһы иғлан ителгән” …ти әҙибә.

Башҡорт педагогия техникумын тамамлап, З. Биишева Баймаҡ районы Билал, Темәс ауылдарында уҡытыусы, артабан Мәсетле, Салауат районы газеттарында әҙәби хеҙмәткәр, 1939 йылда Өфөгә ҡайтып ун ике йыл “Ҡыҙыл Башҡортостан” республика ғазетаһында, Башҡортостан радио комитетының әҙәби редакция мөхәррире, Башҡортостан китап нәшриәтенең әҙәбиәте бүлеге мөдире вазифаларын башҡара.

Р. Шәкүр әҙибә менән күп тапҡырҙар осраша, аралаша, интервьюлар ала. 1971 йылда Мәскәүҙә аспирантурала уҡыған ваҡытында Рәсәйҙең баш ҡалаһында яҡташтар ҡоро рәйесе булараҡ, ул саҡтағы СССР-ҙың Үҙәк дәүләт тарих китапханаһында Зәйнәб Биишеваның ижадына арналған уҡыусылар конференцияһын ойоштороуҙа һәм үткәреүҙә ҡатнаша. 1983 йылда иһә яҙыусыға 75 йәш тулған көндәрҙә «Башҡортостан пионеры” (хәҙерге “Йәншишмә”) газеты мәхәрриәтенең үтенесе буйынса Зәйнәб Биишеванан интервью ала. Өҙөк килтерәбеҙ: “Бала сағым бик ауыр шарттарҙа үтте. Ләкин мин ауырлыҡһыҙ тормошто, иркәләнеп, осоноп йәшәүҙе белмәгәс, асылда сикһеҙ ауыр шарттарҙа үткән бала сағым, ғөмүмән, тормош юлым хаҡында зарланырға яратмайым. Минең өсөн йәшәү – ул эшләү, көс еткеһеҙ ауырлыҡтарҙы йырып сығыу, өҙлөкһөҙ көрәшеү, яныу-көйөү ҡыуыныу, яҡтыға, яҡшыға ынтылыу. Шунан башҡа тормошто мин белмәйем... Илебеҙ, халҡыбыҙ күргән ауырлыҡтарҙы мин күрҙем, мин дә күтәрештем... Балалар өсөн мин хикәйәләр, әкиәттәр ҙә, повестар ҙа яҙҙым. Рус классикаһынан һәм хәҙерге заман яҙыусыларынан иң яҡшы өлгөләрҙе тәржемә итеп тә сығарҙым. Үҙемдең әҫәрҙәремде һайлағанда ла мин юғарыла әйтелгән тәрбиә принциптарынан сығып эш иттем. Шуға ла ул китаптарҙа таҫма телләнеү ҙә, ялған пафос та юҡ. Сөнки тормош уйынсыҡ та, тәтәй уйнатыу ҙа түгел...” [1, 265-се бит].

Шулай итеп, Р. Шәкүр очеркын энциклопедик планда яҙһа ла, билдәле яҙыусының, шағирәнең ижади эшмәкәрлеген юғары художествольлыҡҡа еткереп тулыһынса асҡан. Халҡыбыҙҙың ғорурлығына әйләнгән арҙаҡлы шәхесебеҙ Зәйнәб Биишева киләсәктә лә яҙыусыларыбыҙ яҙмаларында, ғалимдарыбыҙ хеҙмәттәрендә артабан да яҡтыртылыр әле. Башҡорт әҙәбиәтендә үҙенең тауышы үҙ стиле, әйтер һүҙе булған, халыҡ рухын тойоп, ил тарихы менән бергә йәшәгән талантлы яҙыусыбыҙ, исеме башҡорт әҙәбиәтендә алтын хәрефтәр менән яҙылып, ижады быуаттан быуатҡа күсеп үҙенә һәйкәл ҡуйҙы.

Әҙәбиәт

1. Шәкүров Р.З. Арҙаҡлы башҡорттар. Ғилми-биоғрафик очерктар. – Өфө: Башҡ. кит. нәшр., 1998. – 304 б.

©Юнысова Ф.Б., 2018.

Юсупова Н.М.,
доцент кафедры татарской литературы Института Филологии и межкультурной коммуникации имени Льва Толстого Казанского (Приволжского) федерального университета,
Юсупов А.Ф.,
Доцент кафедры татарского языкознания Института Филологии и межкультурной коммуникации имени Льва Толстого Казанского (Приволжского) федерального университета,
г.Казань, Республика Татарстан

НОВЫЕ СТИЛЕВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ М. ДЖАЛИЛЯ: НЕОМИФОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ И ОБРАЗЫ

Художественная литература неразрывно связана с мифологией, фольклором [8, с. 5]. Миф традиционно понимается как древнее народное сказание о богах и легендарных героях, о происхождении мира и жизни на земле. Однако в XX веке понимание мифологии значительно расширилось: в широком смысле она стала пониматься как особая форма общественного сознания, бытующая в жизни народов на протяжении всей их истории. В этой связи необходимо различать архаическую мифологию и неомифологию или вторичную мифологию. Мифы, сформировавшиеся в рамках общественного сознания относятся к сфере вторичной мифологии – неомифологии [5, с. 6-7].

Литература советской эпохи отличается ярко выраженной мифологичностью и со временем все более «превращается в официальный резервуар государственных мифов» [3, с. 743]. Такая тенденция ярко проявляется и в татарской словесности. Национальную литературу 1920-1950-х годов целесообразно оценить как период «крушения идеалов» начала XX века. Новая идеологическая, художественная ориентация стала импульсом для формирования иных тенденций в национальной поэзии этого периода [9, с. 44]. Начало социально-политических реформ, изменивших культурные ориентации общества в 1920-30-е гг. XX века, сопровождается подсознательным приближением словесности к идеологической мифологии, мифопоэтическим универсалиям и архетипам. Модель мира, сформировавшаяся в художественной словесности данного периода, существенно отличается от духовно-эстетических исканий и художественных исканий предшествующих эпох. В процессе созидания тоталитарного синтеза искусств эстетическая функция утрачивает свое привилегированное положение в литературе. Ю. Борев утверждает, что для XX столетия в целом «свойственно стремление к морально-политическому единению, к подчинению слову гениального вождя» [2, с. 456].

Схожая тенденция наблюдается и в татарской литературе. Начиная с 20-х годов XX века, в татарской культуре плюрализм художественных поисков постепенно сменяется тенденцией к художественно-эстетической унификации, обусловленной утверждением марксистского литературоведения. Стремление авторов к изображению героев, в своей судьбе отражающих ход социалистического строительства и победу класса пролетариев, людей, вобравших в себя качества, которые могли бы служить примером для подражания, оборачивается поиском новых художественных приемов и универсалий, мифологических структур для выделения идеологического содержания. Наиболее продуктивным в данном ракурсе представляется творчество М. Джалиля.

Мифологические концепции советской эпохи накладывают свой отпечаток уже на раннюю поэзию М. Джалиля: в его творчестве 1920-30-х гг. доминируют неомифологические мотивы и архетипы советской культуры. Для татарской поэзии данного периода характерна стабильность и устойчивость мотивов. Д.Ф. Загидуллина определяет наличие трех идеологических мотивов в творчестве М. Джалиля: вера в светлое будущее, жертвенность, борьба за свободу «социализма», которые сопровождаются мифологическими образами Родины, Красного знамени и т.д. [4, с. 70]. В стихах «Счастье», «Красный город», «Красный праздник», «Перед смертью» интерпретация идеологических атрибутов увязывается с преданностью советской идеологии, доминирует мотив борьбы за светлое будущее. Поэт интенсивно переосмысливает традиционные приемы создания «идеологического мифа» и применяет их для оценки социальных явлений новой эпохи, в его стихах ярко прослеживается связь с историческими, общественно-политическими реалиями [10, с. 266]. В таких произведениях, как «Сын пахаря», «Лед тронулся», «Старая сибирская песня», «Наша деревня» в художественной картине мира представляется временная оппозиция прошлое / настоящее, превалирует принцип сопоставления прошлого и настоящего. Дореволюционная жизнь рисуется как нечто темное, схоластически застывшее, даже кроваво враждебное и противопоставляется положительно изображаемому социалистическому образу жизни. При этом прослеживаются мотивы жертвенности и светлого будущего, появляется лирический герой, утверждающий социалистический взгляд на мир.

Произведения 1930-х годов характеризуются изобилием таких идеологических мотивов, как ненависть, борьба за светлое будущее. Среди действующих персонажей советского мифа главную роль играют архетипы героя, врага и «мудрого отца». В стихах «В.И.Ленин», «Шестнадцатый удар», «Родился Ленин» наблюдается сакрализация вождя, Ленин принимает черты «мудрого отца», в процессе мифологизации участвуют символические образы света, солнца или огня. Образ врага представляется как «внутренний враг - вредитель» или «объективный противник, который определяется как объективная опасность для государства независимо от его субъективных намерений, планов и действий» [3, с. 750]. Самая динамичная фигура советского мифа – герой – в творчестве М. Джалиля выступает в разных проявлениях: герой социалистического труда, герой-воин, герой-жертва и политический деятель. В таких стихах, как «Песня комсомольской бригады», «Года, года…», «Шестнадцатый удар» и т.д. образ героя получает интерпретацию борца за свободу угнетенных классов, патриота, т.е. намечается и реализуется тенденция к социологизации образа.

Во фронтовой лирике в художественной картине мира на первый план выходит бинарная оппозиция жизнь/смерть в разных модификациях: смерть/бессмертие, трагическое/героическое, свое/чужое, советский солдат/образ фашиста. В стихах «Клятва артиллериста», «Прощай, любимая», «Письмо фронтовое», «Чулпан» центральными мотивами становятся преданность своему народу, защита Родины, вера в непобедимость советской страны, гуманизм, патриотизм и бессмертие.

Например, в произведении «Чулпан» душевные переживания лирического героя переплетаются с мотивами патриотизма и непобедимости. Через многогранный романтический символ, получивший широкое социальное и философское истолкование в фольклоре и классической поэзии как Звезда Чулпан, раскрывается внутренняя драма лирического героя, кроме того, образ-символ становится художественным приемом утверждения мотива непобедимости. В стихотворениях «Из госпиталя», «Весна в Европе» появляется новый мотив – мотив сожженной, разоренной родины. Схожую тенденцию наблюдает Б.Минцель в симоновской балладе «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины» [6, с. 961].

В «Моабитских тетрадях» обнаруживаются такие мотивы, как преданность народу и Родине, вера в победу, тоска по Родине и свобода [4, с. 72]. Образ-архетип героя-воина трансформируется в новом ракурсе, как преданный служитель Родине, герой-поэт. В стихах рассматриваемого периода такие качества, как преданность народу и нации, граничащая с жертвенностью, душевность и гуманизм детерминировали многозначность героя нового типа. При этом личность поэта и его борьба против фашизма, творчество рассматриваются как дифференцированное целое.

Философско-эстетической основой «Моабитских тетрадей» являются не только размышления о Родине, но и о жизни и смерти, о предназначении человека, о свободе и чести [1, с. 172]. В стихах «Не верь», «Волки», «Другу», «Прости меня, Родина» человеческую свободу Джалиль связывает со стойкостью, честью и утверждает мысль о преданности народу самого и своих друзей. При этом – в отличие от довоенной лирики – в лирике поэта ясно различима мысль о предопределенности судьбы. Религиозные мотивы звучат в «Моабитских тетрадях» как составная часть культурной традиции. Обнаруживается мифологизация материнского начала, оживает цепь символов родина – природа – «малая родина» – мать в стихах «Поэт», «Любимой», «Дороги», «Молодая мать», «Ненависть» и т.д. Система классических образов, перекочевавших из произведений многовековой художественной литературы, приводит поэта к осмыслению философской сущности бытия («О подвиге»).

В «Моабитских тетрадях» обнаруживается еще один мотив – мотив трагизма. Бросается в глаза двуплановость трагического: с одной стороны, это трагедия поэта, заранее знавшего о своей гибели под фашистской гильотиной, с другой – трагедия немецкого народа, ставшего жертвой фашизма. Эти мотивы ярко проявляются в стихах «В стране Алман», «Палачу», «Волки», «Последняя песня», «Раб», «Перед судом» и др.

Таким образом, изучение разнообразия мотивов, диахронических трансформаций мифологических образов-архетипов, философско-эстетических воззрений поэта позволяют сделать вывод о синтезе различных принципов художественности в поэзии М. Джалиля, что было связано, в первую очередь, с общественными переменами в стране.

Литература

1. Бикмухаметов Р. М.Джалиль: Личность. Творчество. Жизнь. / Р.Бикмухаметов. – М.: Изд-во «Художественная литература», 1989. – 286 с.

2. Борев Ю. Особенности литературы в XX веке / Ю.Борев // Теория литературы. Литературный процесс. – М., 2001. – Т. 4. - 456 с.

3. Гюнтер Х. Архетипы советской культуры / Х.Гюнтер // Соцреалистический канон: Сб. статей под общей ред. Х.Гюнтера и Е.Добренко. – СПб: Академический проект, 2000. – С. 743-785.

4. Загидуллина Д. Мифологические образы в творчестве М.Джалиля / Д.Загидуллина // Муса Джалиль: творчество и подвиг. Взгляд из XXI века. – Казань: Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова-Ленина, 2006. – С. 69-73.

5. Ибрагимов М. Миф в татарской литературе XX века: проблемы поэтики / М.Ибрагимов. – Казань: Gumanitarya, 2003. – 64 с.

6. Минцель Б. Советская лирика сталинской эпохи: мотивы, жанры, направления / Б.Минцель // Соцреалистический канон: Сб. статей под общей ред. Х.Гюнтера и Е.Добренко. – СПб: Академический проект, 2000. – С. 953-969.

7. Муса Җәлил. Әсәрләр / М. Җәлил. – Казан: Мәгариф, 2004. – 271 б.

8. Урманче Ф. Борынгы миф һәм бүгенге шигырь / Урманче Ф. – Казан: “Школа” нәшр., 2002. – 260 б.

9. Юсупова Н.М. Идеологические образы как образ-символ в татарской поэзии 1920-1930-х годов / Н.М. Юсупова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 5 (71): в 3-х ч. Ч. 2. – С. 44 – 46.

10. Юсупова Н.М. М.Җәлил иҗаты / Н.М.Юсупова // Татар әдәбияты тарихы: сигез томда. Т. 5 (1917 – 1956 нчы елларда әдәбият). – Казан: Татар.кит.нәшр., 2017. – Б. 264 – 286.

© Юсупова Н.М., Юсупов А.Ф., 2018

Янбаев И.К.,
ф. ф. к., БДУ доценты,
Өфө к., Башҡортостан Республикаһы

ХАЛЫҠ ИЖАДЫНДА СӘНҒӘТТЕҢ ИЖТИМАҒИ-ЭСТЕТИК ӘҺӘМИӘТЕ МӘСЬӘЛӘЛӘРЕНЕҢ САҒЫЛЫШЫ

Сәнғәттең ижтимағи-эстетик әһәмиәте хаҡында ғалимдар тарафынан байтаҡ хеҙмәттәр яҙылған. Күп тармаҡлы сәнғәттең тәрбиәүи һәм эстетик функцияһы, йәмғиәттәге урыны менән бәйле, йәғни: теге йәки был осорға хас булған социаль-сәйәси ҡаршылыҡтарҙы сағылдырыу; төрлө тормош күренештәрен дөйөмләштереү; кешеләрҙә тәбиғәт һәм йәмғиәт ҡанундарын аңлау, донъяны танып-белеү һәләттәрен үҫтереү; улар тарафынан белем һәм ғәмәли тәжрибә туплау күренештәрен художестволы формала сағылдырыу кеүек мәсьәләләрҙе милли ерлектә лә асыҡ күрһәтеп бирергә мөмкин.

Сәнғәтте, шул иҫәптән уның иң боронғо төрө һаналған һүҙ сәнғәтен дә, ижадсылар тыуҙыра. Художестволы әҫәрҙең дә төрлө осорҙарҙағы ижтимағи һәм тәрбиәүи әһәмиәтенә ҡағылышлы ҡыҙыҡлы фактик мәғлүмәттәрҙе биҙерәк тә күренекле әҙиптәрҙең автобиоғрафик яҙмаларынан, хәтирә һәм иҫтәлектәрҙән, көндәлектәрҙән, интервьюларҙан табырға була. Башҡорт яҙыусыларының да әҫәрҙәре миҫалында һүҙ сәнғәтенең тәрбиәүи-эмоциональ йоғонтоһо хаҡында әллә күпме күҙәтеүҙәр яһарға булыр ине [6]. Был юлы һүҙ сәнғәтенең боронғо ҡатламы булған халыҡ ижады әҫәрҙәре нигеҙендә әлеге мәсьәләләргә ҡағылмаҡсыбыҙ.

Һүҙҙе, моғайын, халҡыбыҙҙың боронғо ҡомартҡыларының береһе *“Ҡорҡот ата”* мифологик хикәйәтенән башлау отошлораҡ булыр. Был ғерой менән бәйле боронғо сюжет әзербайжан, төркмән, башҡорттарҙа киң таралған, ҡаҙаҡтар һәм ҡарағалпаҡтарҙың легендаларында ла осрай. Башҡорттарҙың ҡырғыҙ ырыуы баш бабаһы, бағымсылыҡ ҡөҙрәте эйәһе Ҡорҡот ата “кеше күңелендәге моңдо көйгә һалыр өсөн бер ҡыллы уйын ҡоралы яһау хаҡында хыялланған” [3, 43]. Ен-пәрейҙәр думбыраны нимәнән яһау мөмкин икәнлеген оло сер итеп тотҡандар, имеш. “Әгәр ул уйын ҡоралы яһалып, донъяға моң тарала башлаһа, быларға көн бөтә икән”. Йәғни, әҫәр йөкмәткеһенән сығып фекер йөрөткәндә, сәнғәт тамыры булған моң – торғаны менән илаһи сихри көскә эйә булыр бер мөғжизә, ярала ҡалһа, ҡара көстәр өсөн үлем килтерәсәк икән. Әммә Ҡорҡот Ата, теґеләрҙең үҙ-ара һөйләшкәнен йәшеренеп тыңлап торған да, серҙе белгәс, думбыраны эшләп тә ҡуйған. Был ҡоралында ул “шул хәтле моңло уйнар булған, хатта бөтә йән эйәһе, бар тәбиғәт уны тып-тын ҡалып тыңлар икән. Унан ен-пәрейҙәр ҡасҡан, әжәл уға ҡағылырға үҙе ҡурҡҡан” [3, 43]. “Ҡорҡот Ата китабы”ның айырым сюжеттарында әйтелгәнсә, “...ағас ҡумыҙын йәки думбыраһын сиртеп, ул көйләп, һамаҡлап, “Уғыҙнамә” йырҙарын башҡарыр булған”; табын ырыуҙары легендаларында һөйләнелгәнсә, “Иртыш тулҡындары тауышына оҡшатып, тәьсирләнеп, ул көй сығарған. Ул көйҙө табындар әле лә йырлайҙар”, ти [2, 265]. Ҡасандыр үҙендә Тәңре сифатын йөрөтөүсе, бер ҡасан да үлмәҫ йән булған Ҡорҡот Ата, халыҡ ислам динен ҡабул иткәндән һуң, әүлиәгә әйләнеп, әжәлле булып киткән. Ҡорҡот әүлиә, үҙе күргән төш арҡылы әжәлдең эҙәрлекләүен белеп, төрлө ерҙәрҙә ҡасып йөрөгән, Һырдаръя уртаһында йөҙ йыл ғүмер һөргән, думбыраһын уйнап, “үлемде алдап ҡыуыр булған”. Шулай ҙа бер заман йоҡлап китеп, абайламай ҡалған: яман йылан быны саҡҡан да үлтергән.

Был сюжетҡа бик тә тәрән мәғәнә һалынған, беҙҙеңсә. Кеше күңелендә яралған моң, рух ҡөҙрәте – мәңгелек, уны бер ваҡытта ла юғалтырға ярамай. Мөғжизәле моң сығанағы думбыранан бер аҙға ғына айырылған Ҡорҡот Ата һәләкәткә осраған кеүек, шул рух ныҡлығын, үҙ булмышыңды юғалтыу тигән һүҙ, уның халыҡ өсөн оло фажиғәгә әүерелеүе ихтимал, тип иҫкәртә һымаҡ беҙҙе был ҡомартҡы.

Мөрәжәғәт ителгән тема сиктәрендә айырым тормош-көнкүреш әкиәттәре лә бик ҡыҙыҡлы. Шөһрәтле ҡурайҙың кеше яҙмыштарын моңға һалып һөйләр, күңел ҡатламдарын аҡтарып, илатып та көлдөрөр, кәрәк саҡта илгә дәһшәтле оран ташлар вазифаһы хаҡында күп әйтелгән. *“Алтын йомортҡа”* әкиәтендә, әйтәйек, был ҡоралдың кешеләр күңеленә йоғор тылсымы хаҡында буйтым һөйләнелә. Яйыҡбай ҡулындағы “ҡурай тауышы ниндәйҙер афәт, ниндәйҙер фажиғәле ваҡиға булырын алдан иҫкәрткән хәбәр булып яңғыраған. Шунан һуң ҡурайҙан кемделер саҡырған, кемделер өмөтләнеп көткән борсоулы моң түгелгән” [4, 177]. Ғәҙәттә, табын өсөн хас булмаған “Сыңрау торна” көйөнөң шулай мәжлестә яңғырап китеүе барыһын да һиҫкәндереп ебәргән. Шул рәүешле, егет башҡарыуындағы “Ҡара юрға”, “Ирәндек”, “Томбойоҡло тәрән күл” көйҙәренең дә, шарттарға ҡарап, урынлы уйналырға тейешлеге, һәр береһенең ижтимағи-эстетик функцияһының

үҙенә башҡа булыуы аңлашыла. Халыҡ та теге йәки был моңдоҡ һәм көйҙөң ниндәй мәғәнә йөрөтөүен ғәнә түгел, үҙенсәлекле мәғлүмәт еткереү мөмкинлеген дә элек-электән яҡшы тойған, уның "телен" белер булған. Был осраҡта ла ҡурайсы "хәйләһе" – уның тарафынан уйланып, тәғәйен башҡарылған көй көтөлгән һөҙөмтәне бирә: Уралбайҙың улдары Иҙелбай менән Яйыҡбайҙы юҡ итергә яҙҡынған, изгелекле Күҙәпҡолдо үлтереп, кәүҙәһен күлгә батырған яуыз Баҙарғолдоң енәйәте фаш ителеүе лә, асылда, "Томбойоҡло тәрән күл" көйө уйналғас мөмкин була.

Ҡурай моңон юлдаш ҡылһаң, ул һине бик күп бәлә-ҡазаларҙан ҡурсалар, башыңа килгән яман уйҙы ҡыскырып әйтергә форсат бирмәҫ, "эсеңә һыймаҫ" серҙе фаш итеүҙән аралар, үлемесле ауырыуҙан дауа булыр – бына шундай аҡыл да өйрәтә ул беҙгә әкиәттәрҙең ҡайһылары. "*Ҡурай тарихы*"нда бер кешенең Искәндәр исемле батшаның маңлайында мөгөҙ булыуы хаҡындағы серҙе белеп тә, уны башҡаларға сисергә ирек бирмәгән ҡурайҙың һәм "матур көй"ҙәрҙең башҡорттар араһында таралып китеүе хаҡында һөйләнелә. Ә бына шул уҡ сюжетҡа яҡын *"Ҡурай"* әкиәтендә инде, киреһенсә, был уйын коралының сер һандығы булмайынса, "батшаның мөгөҙө бар"лығын донъяға йыр аша еткереүе әйтелә. Тимәк, был осраҡта ҡурай – халыҡҡа мөһим хәбәр еткереүсе телсәр ҡорал. Әҫәрҙең аҙағында "беҙ ҡапсыҡта ятмаҫ" тибындағы һығымта ла сығарылып ҡуйыла:

Күкрәгеңдә оҙаҡ тотһаң, сер сир була,
Ауыҙыңдан бер ысҡынһа, бар мир тула.

"Ҡурай әкиәте" буйынса ла шундай уҡ һығымтала сығарып була. Хандың серен һаҡлап йөрөгән еғет, тыуған ерҙәренә ҡайтып етеү менән "башынан үткәндәрҙе халыҡҡа һөйләп сыҡҡан, һуңынан уны көй итеп ҡурайҙа уйнап ишеттергән. Быны ишеткәс, йәйләү кешеләренең батырлығы артҡан, яуыз ханға асыуҙары кабарған. Шунан улар берҙәм булып күтәрелгәндәр ҙә хан һарайына яу булып барғандар... халыҡ был яуызды ни тура килһә, шуның менән туҡмап үлтергән, ти" [1, 163]. Ҡурай был юлы ғәҙеллек даулаусы, халыҡты яуызлыҡҡа ҡаршы күтәреүсе, берҙәм сафҡа ойоштороусы көс сығанағы булараҡ тасуирлана.

"Ҡурайсы" әҫәрендә лә кеше теле күтәрә лә, башҡаларға еткерә лә алмаҫ хәбәрҙе ҡурай моңо аша әйтеү мөмкинлеге тасуир ителә, таш бәғерҙәрҙе лә йомшартыр, ҡайғылының ҡайғыһын баҫыр әмәл икәнлеге раҫлана. Бер байҙың Гәрәй исемле улы яңғыҙы һунарға китеп, һәләкәткә осрай. Бай ялсыларын, үҙенә ҡайғылы хәбәр менән килгән осраҡта, йыртҡыс бүреләргә ырғытасағын киҫәтеп әйтә. Урман-ҡырҙарҙы ҡыҙырып эҙләй торғас, Гәрәйҙең ҡанға мансылып, теткеләнеп бөткән өҫ кейемдәре табыла, еғеттең фажиғәле үлгәне аңлашыла. Оло хәсрәткә батҡан хеҙмәтселәргә бер үткенсе ҡарт ярҙамға килә. Ҡапҡа төбөндә көтөп торған бай менән күрешкәс әлеге ҡарт ҡурайын тартып ебәргән. "Ҡурайҙың тауышы шундай моңло, һағышлы, ти, баҡсалағы һандуғастар ҙа, хайран ҡалып, һайрауҙарынан туҡтап тыңлап торғандар, ти. Бай ҙа, ялсылар ҙа бер ҡурайсыға, бер ҡурайға ҡарап торғандар ҙа илағандар ҙа ебәргәндәр, ти. Ҡурай моңонан бай улының һәләк булыуын аңлаған. <...> Бына шулай ҡурайсы ҡурайының моңо менән кешеләрҙе үлемдән алып ҡалған, ҡайғылының ҡайғыһын баҫҡан, ти" [1, 136].

"Ҡурай моңо" әкиәтендә иһә был мөғжизәле ҡоралдың рухиәт һаҡсыһы ғына түгел, ә сырхауҙарҙы аяҡҡа баҫтырып, әжәлдән ҡотҡарыр сихри көскә эйә булыуы хаҡында бәйән ителә. Әжәле етеп, уландары менән хушлашҡанында "бик данлыҡлы бер ҡурайсы" былай ти: "Ҡурайым менән кайғылының күңелен астым, моңһоҙҙо моңландырҙым, дәртһеҙҙе дәртләндерҙем, бәхетленең бәхетен бүлештем", - ти. Үҙенән мираҫҡа оло улына йорто менән Саптар бейәһе, ә кинйәһенә еҙ ҡурайы ҡала. АҒаһы менән еңгәһе йортон ташлап сығып киткән Кинйә еҙ ҡурайы ярҙамында, думбыраһын сиртеп ен-пәрейҙәрҙән имен ҡалған Ҡорҡот әүлиә ише, шайтандар өйөрөнән ҡотолоп ҡына ҡалмай, ә бер хандың яңғыҙ ғына ауырыу ҡыҙын һауыҡтырыуға өлгәшә. Еғет был ҡыҙҙы кәләше итә, ярты ханлыҡ, фирүзә ҡашлы йөҙөк тә уның ҡулына күсә, "өҫтөнә аҫыл-аҫыл кейемдәр" кейеп ала. Ҡалала "...йыр йырлап, ҡурай уйнап, күңел асыу тыйыла" тиғән ҡаты "закун"ға ла сик ҡуйыла.

Тормош-көнкүреш тематикалы *"Рәссам менән батша ҡыҙы"* әкиәтендә инде бер еғет һөнәрле булыуы арҡаһында ғүзәл баҡсала тотҡонлоҡта ултырған матур ҡыҙҙы ҡотҡарыуға өлгәшә, уныһы батша ҡыҙы булып сыға. Әммә карап капитаны еғетте диңгеҙгә ташлай, батшаға үҙен ҡыҙҙы ҡотҡарыусы итеп таныта. Еғет имен-аман ҡотолоп, туй буласаҡ өйҙә биҙәү өсөн яллана, үҙенең һәм батша ҡыҙының башынан үткәндәрҙе төшөргән рәсемдәре менән "һөйләп" бирә. Капитан язалана, еғет ҡыҙға өйләнә. *"Кәримдең башынан үткәндәр"* әкиәте йөкмәткеһе менән үрҙәгеһенә бик яҡын [1, 229-236].

"Иблиәмин" исемле башҡорт әкиәтендә моң шишмәһе скрипканың кешеләрҙе ғәнә түгел, әҙәми булмаған заттарҙы ла әжәлдән ҡотҡарып, матур тормошҡа ҡайтарыр ҡөҙрәтенә мәҙхиә йырланған эпизод бар. Әҫәрҙә Габдрахман сауҙаґәр улының тыуған йортонан өс ҡат сәйәхәткә сығып китеүе

һәм, “еғет кешеғә етмеш төрлө һөнәр кәрәк” тип, скрипкала уйнарға, бильярд һуғырға һәм уҡыу-яҙыуға өйрәнеп ҡайтыу ваҡиғаларына ялғанып китмәле мажаралы сюжет һөйләнелә. Тамам бөлгөнлөккә төшкән ҡарт сауҙағәр һөнәрле Иблиәминде меҢ тәҢкәғә хеҙмәтселеккә каруан башлығына һатып ебәрә, уныһы еғетте алдап, ул тапҡан алтындарҙы бүлешмәҫ өсөн, бер ҡойо төбөндә ҡалдырып китә. Бер ишекте асып инһә, унда бер ғифрит йоҡлап ята, ти, янында скрипка ла элеүле тора икән. “Иблиәмин скрипканы ала ла бик моҢло көйҙәр уйнарға тотона... Шул саҡ ғифриткә лә йән ҡунып, “ах!” тип тороп ултыра”. Ярты сәғәттән йән бирәм, тип ятҡан ғифрит, шулай итеп, үлемдән ҡотола, еғетте теғе каруанға илтеп ташлай [1, 128]. *“Шакир”* әкиәте лә үрҙәге сюжетты ҡабатлай, тиерлек. Сатраш, музыкант, төрлө уйынға өйрәнгән был еғет тә дөйә каруаны менән йөрөүсе байға һатыла, алданып соҡорҙа ҡалдырыла, унан бер кеше тарафынан ҡотолоп сыға. Бер ҡарсыҡтың йортонда туҡталып, сөйҙә элеүле торған скрипканы алып һыҙҙырып ебәрә. “Шул хәтлем моҢландырып уйнай. Әбей йоҡоһонан илап килеп уяна” [1, 123].

Әлеге күҙәтеүҙәр менән бәйле *“Йыр-моҢ сере”* әкиәтен дә иғтибарһыҙ ҡалдырып булмай. Унда бик һөнәрмән, үҙе йырсы ла, оҫта бейеүсе лә лә булған еғет мажараһы бәйән ителә. Ҡыл ҡумыҙы ла бар икән уныҢ, уйнап та, йырлап та барса халыҡты таҢ ҡалдырыр булған. Халыҡты аҙҙырыуҙа ғәйепләп, бей уны зинданға яптыра. Еғет ҡулға эләккән нәмәләрҙән скрипка әтмәләп ала, моҢло итеп уйнап ебәрә, ҡайғыһын баҫа, дәрт ала. БейҙеҢ ҡаты ауырып түшәккә йығылған Мәликә исемле ҡыҙы ошо моҢдан сихәт таба, һауыға башлай. ЕғеттеҢ матурлығына лә, һөнәренә лә ғашиҡ була ҡыҙ, тамам аяҡҡа баҫып китә. “Ана шулай итеп, йыр менән скрипка моҢо еғетте тотконлоҡтан ҡотҡарған, йыр-моҢ үлем түшәгендә ятҡан кешене аяҡҡа баҫтырған. Йыр-моҢдоҢ бына шундай тылсымлы сере бар уныҢ!”

ӨлөшлөнөҢ моҢо бар,
МоҢо барҙыҢ көнө бар;
Көнө барҙыҢ өнө бар,
Өнө барҙыҢ йүне бар:
МоҢһоҙҙо йыр моҢайта,
МоҢлоно ул ҙурайта;
Йыр-моҢ шифа барына,
Йыр-моҢ тиҢдер дарыуға.
Шулдыр уныҢ тылсымы,
Сере шунда, ысыны.

[1, 167].

Халыҡтан да тапҡырыраҡ һәм теүәлерәк, унан да аҡыллыраҡ әйтеп буламы һуҢ?

Әҙәбиәт

1. Башҡорт халыҡ ижады. 11-се том. Новеллистик әкиәттәр.-Өфө: Китап, 2008.- 568 бит.
2. Хөсәйенов Г.Б. Башҡорт халҡыныҢ рухи донъяһы.-Өфө: Китап, 2003.-480 бит. (баш., рус тел.)
3. Әҙәбиәт-хрестоматия. 9-сы синыф өсөн / Авт.-төҙөүсе: Г.Б.Хөсәйенов.-Өфө: Китап, 2006.- 220 бит.
4.Әкиәттәр: 3-4 синыфтарҙа кластан тыш уҡыу өсөн /Төҙ. Т.Х.Аслаев, С.В.Атнағолова.-Өфө: Башҡортостан “Китап” нәшриәте, 1996.-Һүрәттәре менән 320 бит.
5. Әхмәтйәнов К.Ә. Әҙәбиәт теорияһы. – Үҙгәрешле 3-сө баҫма. – Өфө: Китап, 2003. 392 бит.
6. Янбаев И.К. Хәҙерге художестволы әҙәбиәттеҢ ижтимағи-эстетик әһәмиәтенә ҡарата// Актуальные проблемы башкирской, тюркской и уғро-финской филолоғии и культуры: материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференҢии, посвященной 95-летию Народноғо поэта Башкортостана, Героя СоҢиалистическоғо труда, лауреата Государственной премии СССР Мустая Карима и 80-летию литературноғо объединения «Шонкар» («Кречет») Башкирскоғо ғосударственноғо университета / Отв. ред. Г.С.Кунафин. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014 – 572 с. (С.553–556).

©Янбаев И.К., 2018

СОДЕРЖАНИЕ / ЙӨКМӘТКЕҺЕ

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО РЕКТОРА БАШГУ
ПРОФЕССОРА Н.Д. МОРОЗКИНА 5
Абдрасимова (Дихинбаева) А. Е. Шаймерденова Н.Г. ПИСЬМЕННОЕ НАСЛЕДИЕ ДЕШТ-И-КЫПЧАКА 6
Абрамов В.К. МОРДОВСКО-РУССКИЙ БИЛИНГВИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ КУЗЬМЫ АБРАМОВА (исторический аспект) 8
Акилова М.Ф., ЛЕКСИЧЕСКИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА И ЯЗЫКА ОРХОНО-ЕНИСЕЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ, СВЯЗАННЫЕ С ЖИВОТНЫМ МИРОМ 10
Алдырханова-Каримова А.Р. ОБРАЗЦЫ МАГИЧЕСКОГО ФОЛЬКЛОРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ З. БИИШЕВОЙ 13
Алиева С.А. ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ СМИ 17
Аралбаев Ҡ.А. ҠАҺАРМАНЛЫҠ ҺӘМ МАТУРЛЫҠ ЙЫРСЫҺЫ
(З.Биишева ижадына бер ҡараш) 18
Арпентьева М.Р. БАШКИРСКИЕ ВЕНГРЫ И ПРОБЛЕМЫ НАЦИОГЕНЕЗА БАШКИР 20
Ахметова Г. А. БАШКИРСКИЙ СЮЖЕТ В ТВОРЧЕСТВЕ Л. Н. ТОЛСТОГО 27
Ахметова М.А. К МИЛОСЕРДИЮ И СОСТРАДАНИЮ ВЗЫВАЕТ КЛАССИК ТАТАРО-БАШКИРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ТЕМА ГОЛОДА 1921 г. В ПРОЗЕ М. ГАФУРИ) 29
Базиева Г.Д. ЭТНИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА В ТВОРЧЕСТВЕ К. Ш. КУЛИЕВА 33
Байгужин И.Г., Ҡунафин Г.С. Ш.БАБИЧ ИЖАДЫНДА ДИНИ ТЕМАТИКА ҮҘЕНСӘЛЕКТӘРЕ 36
Баямбаев К.С., Киндикова Н.М. ДОСТОИНСТВА МОНОГРАФИИ «СОКРОВЕННОЕ СКАЗАНИЕ МОНГОЛОВ: ЕЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОКИ» Ж. ШЕКЕНА 39
Бәхтийәрова Ә.Н. ЗӘЙНӘБ БИИШЕВА ӘҪӘРҘӘРЕНДӘ ҠУЛЛАНЫЛГАН ГӘРӘП АЛЫНМАЛАРЫНЫҢ ЛЕКСИК-СЕМАНТИК ҮҘЕНСӘЛЕКТӘРЕ 41
Биккужина З. М. «БАШҠОРТ ҠАНЫ – МИЛЛИ ЙӘНЕМ» (Н.НӘЖМИҘЕЦ ХӘҮЕФЛЕ ЙЫЛДАРҘА ЯҘЫЛГАН ШИГЫРҘАРЫ) 43
Вәлиева Ф.Ф., Гәрәева Г.Н. ХӘЙҘӘР ТАПАҠОВТЫҢ ПОВЕСТАРЫНДА ЗАМАН ПРОБЛЕМАЛАРЫ ҺӘМ ЗАМАНДАШТАР ОБРАЗЫ 45
Габдрахманова Ф.Х. РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА *ТУЙ* (СВАДЬБА) В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ТУФАНА МИННУЛЛИНА 49
Гаджимурадова Т.Э., АЛИРЗА САИДОВ: ПОЭЗИЯ ЛЮБВИ 51
Гамидова С.Х., Исалабдулаев М.А. РОЛЕВАЯ ИГРА КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА 55
Гареева Г.Н., ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСТВА НАЗАРА НАДЖМИ 58
Гасанова У. У., ДВУЯЗЫЧИЕ КАК СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ В ДАГЕСТАНЕ 60
Гимашева Г.М., Султанбаева Х.В. ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ БАШКИРСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ 63
Гиндуллина Р.А., Салаватова Ф.Р. ПОСЛОВИЦЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ 65
Гәрәева Г.Н. ЗӘЙНӘБ БИИШЕВАНЫҢ “ЯҠТЫГА!” ТРИЛОГИЯҺЫНДА ТАРИХИ ЫСЫНБАРЛЫҠ ҺӘМ ХАЛЫҠ ЯҘМЫШЫ САҒЫЛЫШЫ 66
Гарипов А.С. БАШҠОРТ ТЕЛЕНДӘГЕ ДӨЙӨМ ТӨРКИ АШ-ҺЫУ АТАМАЛАРЫНЫҢ
ТАРИХЫ 70
Гиләжетдинова Г.Р., Гәрәева Г.Н. ЗӘЙНӘБ БИИШЕВАНЫҢ «УЙҘАР, УЙҘАР» ПОВЕСЫНДА ЭСКЕ МОНОЛОГ МӨМКИНЛЕКТӘРЕ 71
Гимашева Ф.Д., Дәүләтшина М.С. БАШҠОРТ ТЕЛЕН ӨЙРӘТЕҮ ПРОЦЕСЫНДА ДИСКУССИЯ МЕТОДЫН ҠУЛЛАНЫУ (БАШҠОРТ ТЕЛЕ ДӘРЕСЛЕГЕНӘ ТИКШЕРЕЛГӘН ПРОБЛЕМА КҮҘЛЕГЕНӘН АНАЛИЗ) 73
Гимашева Ә.Р., БАШҠОРТ ТЕЛЕН УҠЫТЫУ ПРОЦЕСЫНДА ДӘРЕС МАТЕРИАЛЫНЫҢ ТӘРБИӘҮИ ӘҺӘМИӘТЕ 76
Гүмәров З.И., Мостафина Р.Д. ЗӘЙНӘБ БИИШЕВА ШИГРИӘТЕНЕЦ ПОЭТИК ҮҘЕНСӘЛЕКТӘРЕ 79
Гәлимова Ю.Ә., Абуталипова Р.Ә. ЗӘЙНӘБ БИИШЕВАНЫҢ «СӘЙЕР КЕШЕ» ПОВЕСЫНДА ЭШ-ХӘРӘКӘТТЕЦ ОҘАЙЛЫЛЫҒЫН БЕЛДЕРЕҮСЕ САРАЛАР 80

Дәүләтшина М.Ф. НАЗАР НӘЖМИ ШИГРИӘТЕ – БАШҠОРТ ШИГРИӘТЕНЕҢ КӨСЛӨ БЕР ТУЛҠЫНЫ, ҠАБАТЛАНМАҪ МОҢО 82
Даудова Б.А. К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ФОЛЬКЛОРА НА УРОКАХ ДАРГИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 87
Даутова Р.А., Кунафин Г.С. ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ПОЭМЕ Р. БИКБАЕВА «КАРАВАН-САРАЙ» 89
Дедина М.С. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ЛИРИКИ АЛЕКСАНДРА ЕРЕДЕЕВА 91
Жачемук З.Р. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СВОЕОБРАЗИЯ АДЫГЕЙСКОЙ ПРОЗЫ 60-90-Х ГОДОВ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА П. САФЕРА) 96
Идрисов Р.Р. НАЗАР НӘЖМИ ҺӘМ ӘМИРХАН ЕНИКИ ХЕҘМӘТТӘШЛЕГЕ 101
Иҙелбаев М. Х. БАШҠОРТ АУЫҘ-ТЕЛ ҺҮҘ ОҪТАЛАРЫ ҠАНУНДАРЫ ҺӘМ МӘХМҮТ СӘСӘН 102
Иҙелбаев М. Х. ЗӘЙНӘБ БИИШЕВА – БАЛАЛАРГА 105
Исмәгилева Н.С. ФӘНИҘӘ ИСХАҠОВА ИЖАДЫНДА ФАНТАСТИКА ЖАНРЫ 106
Ишмуратова Л.Н. ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА: ПРЕДМЕТЫ ПЕРВОЙ НЕОБХОДИМОСТИ ЧЕЛОВЕКА В ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ РУССКОГО И БАШКИРСКОГО ЯЗЫКОВ 108
Кажигалиева Г.А. ВОПРОСЫ ВУЗОВСКОГО ПОЛИЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ 110
Каипова Л. Г., Саньярова Р. Р. АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ТРУД» В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ 115
Каксин А.Д. КАТЕГОРИЯ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ И ЕЕ РОЛЬ В РЕЧИ И ТЕКСТЕ: К ПРОБЛЕМАТИКЕ ДИСКУРСИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 117
Каштанова П.В. СПЕЦИФИКА ИЗУЧЕНИЯ ВИДО-ВРЕМЕННЫХ ФОРМ РУССКОГО ГЛАГОЛА В ПОЛИЛИНГВАЛЬНОЙ АУДИТОРИИ 121
Каюмова Г.Р., Бухарова Г.Х. О ЯВЛЕНИЯХ ОМОНИМИИ И ПОЛИСЕМИИ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ 123
Киндикова Н.М. РАСШИФРОВКА АЛТАЙСКИХ ИМЕН И ФАМИЛИЙ ВО ВРЕМЕНИ 125
Кузнецова Т.Л. КОМИ ПРОЗА КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ.: ПЕРИОД ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПОИСКОВ 130
Кульсарина И. Г. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА БАШКИРСКОГО КРАЯ В ТВОРЧЕСТВЕ А. ГЕНАТУЛИНА 134
Курбанова З. Г. К ВОПРОСУ ВОСПИТАНИЯ НРАВСТВЕННОСТИ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА СРЕДСТВАМИ ФОЛЬКЛОРА 136
Кусегенова Ф.А. ПРОБЛЕМА НРАВСТВЕННОГО ВЫБОРА В ПОВЕСТИ Б. КУЛУНЧАКОВОЙ «КАЗБЕК» 139
Күзбәков Ф.Т. З.БИИШЕВА ӘҪӘРҘӘРЕНДӘ – ХАЛҠЫ ЯҘМЫШЫ 141
Ҡаһарманова Л.Ф., Янбаев И.К. ЗӘЙНӘБ БИИШЕВАНЫҢ “ДУҪ БУЛАЙЫҠ” ПОВЕСЫНДА БАШҠОРТ ГӨРӨФ-ГӘҘӘТТӘРЕ САҒЫЛЫШЫ 144
Ҡаскынова Г.Н., ИЛ ИНӘҺЕ ЗӘЙНӘБ БИИШЕВАНЫҢ ВАСЫЯТЫ 146
Ҡужагильдина Л., Гәрәева Г.Н. ЗӘЙНӘБ БИИШЕВА ИЖАДЫНЫҢ ЖАНР-СТИЛЬ ҮҘЕНСӘЛЕКТӘРЕ 148
Ҡунафин Г.С. БАШҠОРТ ӘҘӘБИӘТЕНДӘ ТӘНҠИТЛЕ РЕАЛИЗМ МЕТОДЫ ФОРМАШЫУЫНЫҢ СОЦИАЛЬ-СӘЙӘСИ ЕРЛЕГЕ ИДЕЯ-ЭСТЕТИК СЫГАНАҠТАРЫ 150
Ҡунафин Г.С. ТИМЕР ЙОСОПОВ ШИГРИӘТЕНДӘ ГРАЖДАНЛЫҠ МОТИВТАРЫНЫҢ ХУДОЖЕСТВОЛЫ САҒЫЛЫШЫ ҮҘЕНСӘЛЕКТӘРЕ 153
Лысикова Н. П. РОЛЬ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В ГАРМОНИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ НАРОДАМИ 157
Мәүлетҡолов Р., Илишева Р.Х., ЗӘЙНӘБ БИИШЕВАНЫҢ “ҠАЙҘА ҺИН, ГӨЛНИСА?” ХИКӘЙӘҺЕНДӘ ПОРТРЕТ 160
Магдиева П.М., ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПЕСЕН ОТХОДНИКОВ В ЛАКСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ 161
Магомедов Д.М., МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В МНОГОЯЗЫЧНОМ ДАГЕСТАНЕ 163
Магомедов М.И. ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ДАГЕСТАНСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ 166
Маликов М.Ф. ВОПРОСЫ ОТРАЖЕНИЯ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ БАШКОРТОСТАНА И РОССИИ В ТРУДАХ УЧЕНОГО-ЛИТЕРАТУРОВЕДА Г.С. КУНАФИНА (некоторые наблюдения) 172

Махмутова А.С. ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ЛЕКСИКА В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ БАШКИРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ 175
Мосолова Г. П., Шейкина О. В. ДИАЛЕКТИЗМЫ СИБИРИ В ПРОСТРАНСТВЕ ТЕКСТА В. Г. РАСПУТИНА 177
Мостафина Р.Д. З.БИИШЕВА ПОЭМАЛАРЫНЫҢ ИДЕЯ-ХУДОЖЕСТВО ҮҘЕНСӘЛЕКТӘРЕ 179
Мостафина Р.Д. НАЗАР НӘЖМИ ИЖАДЫНДА ЯУГИР ГЕРОЙ КОНЦЕПЦИЯҺЫ 181
Муллагулова А.М. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ БАШКИРСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ, ЛИТЕРАТУР НАРОДОВ РОССИИ И ЗАРУБЕЖЬЯ: ГЕНЕТИЧЕСКИЕ КОРНИ ЖАНРА РАССКАЗА И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ 182
Мунасипова Г.М., Кунафин Г.С. ПРОИЗВЕДЕНИЕ « КАЛИЛА И ДИМНА» И ЕГО ТРАДИЦИИ В РУССКОЙ И БАШКИРКОЙ ЛИТЕРАТУРАХ 184
Мухаметьянова Э.Р. НАЗАРА НАДЖМИ КАК ФАКТОР ВОСПИТАНИЯ ПАТРИОТИЗМА НА УРОКАХ РОДНОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ 185
Мухьянова Л.С., Султанбаева Х.В. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В БОТАНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА 189
Мырҙаголова З.Г. Н.МУСИНДЫҢ “ШУНДА ЯТА БАТЫРҘАР ҺӨЙӘГЕ” РОМАНЫНДА ПОРТРЕТТАР 191
Мәһәҙиева Р.Р. МИЛЛИ ТЕЛЕВИДЕНИЕЛА ТЕЛ МӘСЬӘЛӘЛӘРЕ 193
Назырова З.У. АССОЦИАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СФЕРЫ “ТЫУГАН ИЛ” (“РОДИНА”) В ПОЭЗИИ МУСТАЯ КАРИМА 196
Нафиҡова Ф.Р. ХЕҘМӘТТӘ ҮТКӘН ҒҮМЕР 198
Нурлыбай Жандос, Илишева Р.Х. КОНЬ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ 200
Нуртдинова Ф.Р. МИЛӘҮШӘ ҠАҺАРМАНОВАНЫҢ «БЕТЕРӘ ШАРШЫҺЫ» ПОВЕСЫНДА ҮҘЛӘШТЕРЕЛГӘН ҺҮҘҘӘР 201
Преснухина Н. Б. РАБОТА С ТЕКСТОМ НА ЗАНЯТИЯХ ПО КУЛЬТУРЕ РЕЧИ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ГРУППАХ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА 203
Родионов В.Г. «ИСТОРИЯ ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА»: ИЗ ОПЫТА СОЗДАНИЯ КОЛЛЕКТИВНЫХ ТРУДОВ 205
Салауатова Ф.Р. ӘҘӘБИӘТСЕ ГАЛИМ Г.С. ҠУНАФИН – КҮП ЯҠЛЫ ШӘХЕС 210
Саньяров Ф.Б. РАУИЛ БИКБАЕВ: ХУДОЖЕСТВОЛЫ ФЕКЕРЛӘҮ ҮҘЕНСӘЛЕГЕ 211
Саньярова Р. Р. МЕСТО ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ РОДНОМУ ЯЗЫКУ 214
Сарбашева А.М. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДЕПОРТАЦИИ В БАЛКАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 216
Гөлзат Сәйҙегәле, Илишева Р.Х. XX Б. БАШЫ БАШҠОРТ, ҠАҘАҠ ӘҘӘБИӘТЕНДӘ МИЛЛӘТ, ХАЛЫҠ БӘХЕТЕ ТЕМАЛАРЫ 220
Сибәгәтов Ф.Ш. НАЗАР НӘЖМИ ИЖАДЫНДА ПОЭМА ЖАНРЫ 221
Солтаҡаева Р.А. З.БИИШЕВА – ТЕЛ ОҘТАҺЫ 224
Султанбаева Х.В. К ВОПРОСУ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗАИМСТВОВАНИЯ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ 227
Суфиянова С.И., Гәрәева Г.Н. НАЗАР НӘЖМИ ШИГРИӘТЕНДӘ БӨЙӨК ВАТАН ҺУГЫШЫ МОТИВТАРЫ 228
Схаляхо Д.С. Я С НАДЕЖДОЙ ОТПРАВИЛСЯ В ПУТЬ…(К проблеме творческой индивидуальности Шхамбия Куева) 230
Сәмерханова Г.Х. БАШҠОРТ МӘҘӘЛДӘРЕНДӘ ТАРИХИ ВАҠИГАЛАРҘЫҢ САҒЫЛЫШЫ 233
Таһирова Р.Н., Ҡунафин Г.С. РАУИЛ БИКБАЕВ ЛИРИКАҺЫНЫҢ ОБРАЗ ҮҘЕНСӘЛЕКТӘРЕ 234
Тимощук А.С. МЫ-ОНТОЛОГИЯ РОССИИ 237
Третьякова Т.М. ОБРАЗ ПАДЧЕРИЦЫ В СКАЗКАХ ДЛЯ ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ 240
Узденова Ф.Т., ОТ АРХЕТИПА К ОБРАЗУ (К ЭВОЛЮЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ КАРАЧАЕВЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ) 245
Усманова Н.Х., Ҡунафин Г.С. ФАҠИҺА ТУГЫҘБАЕВА ШИГЫРҘАРЫНДА АССОЦИАТИВ ҺҮРӘТЛӘҮ САРАЛАРЫНЫҢ ҠУЛЛАНЫЛЫШЫ (ҠАЙҺЫ БЕР КҮҘӘТЕҮҘӘР) 249
Фәхретдинова Ф.З., Абуталипова Р.Ә. З. БИИШЕВАНЫҢ “ДУҘ БУЛАЙЫҠ” ПОВЕСЫНДА 'КИЛ' ХӘРӘКӘТ ҠЫЛЫМЫНЫҢ ҠУЛЛАНЫЛЫШЫ 252
Ханинова Р.М. “БАЙРИН ДУД” (“ПЕСНИ РАДОСТИ”) МИХАИЛА ХОНИНОВА КАК ПЕРВАЯ КНИГА ПОЭТА 254

Хасанов Р.Ф. ЖАНРОВО-СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА С.ФАЗЛЫЕВА «ЧЕРНЫЙ ЭТАП» 259
Хисамова Г.Г. О НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ СВОЕОБРАЗИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА 264
Хисамова Д.Д. ОСНОВНЫЕ ТРУДНОСТИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ПРОИЗНОШЕНИЮ В НАЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ 266
Хөснөтдинова Р.Я. ЗӘЙНӘБ БИИШЕВАНЫҢ "КӘМҺЕТЕЛГӘНДӘР" РОМАНЫНДА ПЕРСОНАЖДАРҘЫҢ ЭСКЕ ТЕЛМӘРЕН БИРЕҮ САРАҺЫ БУЛАРАҠ БЕР СОСТАВЛЫ ҺӨЙЛӘМДӘР 268
Хөснуллина Р.Д. З. БИИШЕВАНЫҢ "КӘМҺЕТЕЛГӘНДӘР" РОМАНЫНДА ҮГӘЙ ИНӘ - ҮГӘЙ ҠЫҘ АРХЕТИПИК ИШЕ 272
Хужахметов А.О. ТЕМА ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ БАШКИРСКОЙ ПРОЗЕ 274
Хужахметов А.О. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ПОЭЗИИ РИФА АХМАДИЕВА 276
Шаймердинова Н.Г., Калдыбаев М., Абдрасимова А. БАШКИРЫ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: ИСТОРИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ 278
Әлибаев З.А. БАШҠОРТ ШИГРИӘТЕНЕҢ МОҢО 283
Әхмәтйәнова Н. Ә. Ишмуллина Л. Р. БӨЙӨК ВАТАН ҺУГЫШЫ ОСОРОНДА ХАТ ЖАНРЫНЫҢ ЯҢЫ ҺЫҘАТТАРЫ 287
Әхмәтйәнова Н.Ә. З. БИИШЕВАНЫҢ "УЙҘАР, УЙҘАР..." ПОВЕСЫНДА РУХИ-ӘХЛАҠИ ҺӘМ ХЕҘМӘТ ТӘРБИӘҺЕ ИДЕЯҺЫН АСЫУ 290
Әхмәтйәнова Ф.Т. З. БИИШЕВАНЫҢ „ЯҠТЫГА" ТРИЛОГИЯҺЫНДА ҠАТЫН-ҠЫҘ ОБРАЗДАРЫ 292
Юнысова Ф.Б. Р. ШӘКҮР ОЧЕРКЫНДА ЗӘЙНӘБ БИИШЕВА 297
Юсупова Н.М., Юсупов А.Ф. НОВЫЕ СТИЛЕВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ М. ДЖАЛИЛЯ: НЕОМИФОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ И ОБРАЗЫ 298
Янбаев И.К. ХАЛЫҠ ИЖАДЫНДА СӘНГӘТТЕҢ ИЖТИМАГИ-ЭСТЕТИК ӘҺӘМИӘТЕ МӘСЬӘЛӘЛӘРЕНЕҢ САГЫЛЫШЫ 301